

Золотой святыни свет. Воспоминания о Марфо-Мариинской обители Е.В. Неволина

С чувством глубокого благоговения, любви и преданности 100-летию Пресветлого Ангела-Хранителя России Цесаревича Алексея мой скромный труд посвящаю.

Господи благослови,

Святая преподобномученица Великая Княгиня Елисавета, святая Марфо-Мариинская Милосердия Обитель – благословите

Небольшая книга, приуроченная к пятой годовщине создания Марфо-Мариинской Обители, вышла в 1914 году – маленьким тиражом и – без подписи автора¹. Но она предназначалась – всему русскому народу. С глубоким душевным волнением и благоговением касаюсь ее страниц, склоняюсь перед святыней памяти Великой Княгини Елисаветы. Книга посвящена главному делу жизни Елисаветы Феодоровны – Обители, которая и сегодня зовет служить Милосердию каждого из нас – каждого живущего на земле. Голос души Великой Княгини не умолкнет во все оставшиеся человечеству дни – до конца времен. Весь текст проникнут молитвенным духом святой Настоятельницы. Откроем первую страницу книги – услышим негромкий голос Матушки Великой.

«Когда Вы возьмете эту книжку в руки, дорогой читатель, хочется из глубины души Вас просить помолиться о нас, по примеру первых христиан, которые жили и трудились для Бога и ближнего и находили во всякое время укрепление во взаимной молитве. Апостолы писали: Молитесь друг за друга (Иак.5:16). Итак, еще раз протягивая к Вам наши руки, просим духовной милости, по примеру бедняков, которым мы посвятили свою жизнь:... молитесь о нас!

Но чтобы знать, кто Вас об этом просит и почему, расскажем, как возникла Марфо-Мариинская Обитель Милосердия и к какой цели она стремится.

Название «Марфо-Мариинская» тесно связано с именами Марфы и Марии, небесных покровительниц сестер-тружениц юной Обители, а слово «Обитель» побуждает открыть свое сердце для принятия Милосердного Христа...

Мы выбрали этих святых сестер, как покровительниц нашей Обители, желая приобрести их дивные добродетели и отдать нашу жизнь Богу и ближнему, достигнуть веры и любви – в служении, молитвы – в смирении...»

Великая Княгиня Елисавета не оставила нам Своих дневников. Тем более бесценна для нас каждая строка, написанная Ее рукой. Мне кажется, можно читать маленькие выдержки из Ее книги – словно строки духовного дневника. Как были бы мы счастливы, если бы живая Елисавета Феодоровна предстала перед нами – и напутствовала нас Своим словом. Но Она – и сегодня рядом, участвует в нашей жизни, и эти краткие строки – искреннее слово, сказанное мне и тебе – из глубины Ее сердца.

«Что известная доля подвига есть в правильной духовной жизни, это верно, но он часто увенчивается даже и на этой земле внутренним миром и радостью. В начале тяжело лежит крест самоотвержения на наших плечах, но Господь сказал ученикам Своим: Если кто хочет идти за Мной, отвергнись себя, возьми крест свой и следуй за Мной (Мф.16:24). С кротостью мы должны его взять и тогда, о чудо, – иго Мое благо и бремя Мое легко (Мф.11:30), и крест, под тяжестью которого мы думали изнемочь, мало-помалу скользит с наших плеч, становится в блеске перед нами, мы его охватываем обеими руками, и он нас медленно поднимает на небо. Те, которые это испытали, любят свой крест, – неся его, бывают радостны...

Отчего так часто Спаситель говорил о радости, когда наша жизнь полна скорбей? Думается, именно от этого: Радость Моя в вас пребудет, и радость ваша будет совершенна. Сия есть заповедь Моя, да любите друг друга, как Я возлюбил вас. Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих. Вы – друзья Мои, если исполняете то, что Я заповедую вам (Ин.15:11–14). Плод же духа: любовь, радость, мир,

долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание... (Гал.5:22)».

Мы привыкли читать знакомые цитаты из Евангелия – вскользь, почти не прилагая сердца – но для Елисаветы Феодоровны каждая из приведенных фраз была целым откровением – Любви Спасителя к созданию Своему. Помолчим и мы над мыслями Священного Писания, которые отметила для нас Матушка Елисавета.

Мы нередко чувствуем себя одинокими, забывая, что Господь не создал нас для формальных с Ним отношений, и внешне исполненное правило не является нашим общением со Христом. Великая Княгиня Елисавета жила, постоянно ощущая присутствие Господа. Ее молитвенное общение с Ним было Ее жизнью. Она знала на самом деле, что Он... не далеко от каждого из нас ибо мы Им живем и движемся и существуем... (Деян.17:27–28). Она молилась Господу – всем сердцем, старалась познать Его волю и исполнять ее – во всех Своих малых и больших делах. Каждая заповедь Христа была для Нее – священной. Душа, истинно любящая Бога, – всегда стремится к Нему своими мыслями и желаниями: ибо, где сокровище ваше, там будет и сердце ваше (Мф.6:21). Приведенными строками Евангелия Матушка Елисавета хочет напомнить нам о главной тайне жизни, которую мы нередко забываем. Никто не любит нас так, как любит Господь, и – Христос хочет в каждом из нас – видеть Своего личного друга и последователя. Какими же мы должны быть, чтобы оправдать это высочайшее доверие?

«...Всегда ищите добра и друг другу и всем. Всегда радуйтесь, непрестанно молитесь, за все благодарите: ибо такова о вас воля Божия во Христе Иисусе (1Фес.5:15–18), и думается, что нужно основывать все духовное благотворение на благодарности Господу за то, что Он позволяет нам Ему служить – в лице ближних...

Господь иначе, чем мы, взирает на людские грехи, оттого высокие подвижники и даже святые, которые кажутся нам безгрешными, оплакивали свои грехи. Чем ближе к Солнцу (Богу), тем яснее пятна, оттого грехи относительны; и никто не смеет сказать: «тот разбойник хуже меня», говоря и даже думая

так, мы глубоко грешим. Гордость – оружие дьявола, а смирение Богу принадлежит: Бог гордым противится, а смиренным дает благодать... (Иак.4:6).

Хочется рассказать то, что недавно видели: сырой подвал, в темном углу сидит больная старушка в тоске и унынии. Дверь отворяется, и входит к ней служительница Божия. Видя сострадание на лице посетительницы, старушка изливает ей свою грустную жизнь... Даже о телесной немощи она забыла в радости своей духовной.

А сколько сокрушенного внутреннего покаяния и смирения мы находим у тех нищих, которые живут в разврате, в пьянстве, в скорбях, когда искра Божия их коснется! Слова, слышанные при посещении трущоб и вырвавшиеся из наболевшей души: «мы не люди, как же вы к нам приходите», доказывают, сколько надо было выстрадать, чтобы дойти до такого сознания.

А вот еще случай: стоит женщина, отпечаток порока и безволия на всем ее несчастном существе; она в рубище; невольно видно, что нет на ней креста Господня, а где же крест? Когда окружающие стали просить у сестры образков и крестиков, то она, рыдая, сказала: «я недостойна надеть крестик»... Какое сокрушение! Да, верим, что в эту минуту к ней близок был Христос, а с Ним – прощение и спасенье.

Господь видит душу. Наш долг служить и сеять, не ожидая немедленного плода или награды. Сеющий в плоть свою от плоти пожнет тление; а сеющий в дух от духа пожнет жизнь вечную. Делая добро, да не унываем: ибо в свое время пожнем, если не ослабеем. Итак, доколе есть время, будем делать добро всем, а наипаче своим по вере (Гал.6:8–10).

Как же не понять, что если при помощи Господа нам удастся заронить в падшую душу искру Божию хотя бы на мгновение и тем возбудить чувство сокрушения, дав подышать благоуханием Неба, то это будет уже духовный плод, а таких плодов может быть даже много, ибо жива душа у самого падшего человека, как показал благоразумный разбойник...

Мы должны подняться от скорбной земли – до Рая и радоваться с Ангелами об одной спасенной душе, об одной чаше холодной воды, поданной во Имя Господа.

Все нужно делать с молитвой, для Бога, а не для человеческой славы. Читая Святое Евангелие, мы окрыляемся; разве не утешительно будет слышать от Божественного Учителя: Так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне (Мф.25:40)?

Но опять и в этих мыслях надо смиряться и помнить: Так и вы, когда исполните все повеленное вам, говорите: мы рабы ничего не стоящие, потому что сделали, что должны были сделать (Лк.17:10)...

Вера, говорят, оскудела, а все-таки она еще жива. Но мы так часто живем для себя, что делаемся близорукими и проходим со своими горестями мимо чужих скорбей, не понимая, что делить свое горе – это его уменьшить, а делить свою радость – это ее увеличить.

Откроем наши души, чтобы Божественное солнце Милосердия их согрело».

Любимая Матушка Елисавета, мы как будто не нищие и не убогие, но на самом деле – всецело нищие Духом и немощные – сердцем: и оттого бессильные на всякое подлинно доброе дело. Мы бесконечно нуждаемся в Твоей Святой помощи. Помогите нам, Милостивая наша, приоткрыть свои души – навстречу Твоему Свету, чтобы не всуе иждивали мы свою жизнь. Чтобы не остались безответными перед Праведным Судией – в наш главный час.

Великим снисхождением Божиим было для нас, недостойных, знакомство с последней монахиней Марфо-Мариинской Обители Милосердия. Никогда мы с мамой не сумеем отблагодарить Господа за Его неизреченную к нам Милость. Матушка прожила у нас считанные месяцы – неполный год. Но мы остались под впечатлением, что рядом с нами долгие годы жил бесконечно родной человек. Монахиня Надежда – урожденная Зинаида Александровна Бреннер (23 апреля 1890 года – 1 сентября 1983 года), принадлежала к дворянскому роду. К сожалению, нам ничего неизвестно о ее родственниках. Мы были столь покорены высотой духа матушки, что ни разу не разговорились с ней о ее родословной.

Она ушла из жизни 93 лет. Ее воспоминания легли в основу этой книги.

Когда-то я спросила матушку Надежду, какую добродетель Елисавета Феодоровна почитала большей, и она ответила: «Милосердие. Причем, во всяком самомалейшем его проявлении. Разве трудно оказать участие человеку в скорби: сказать доброе слово – тому, кому больно; улыбнуться огорченному, заступиться за обиженного, умиротворить находящихся в ссоре; подать милостыню нуждающемуся... И все такие легкие дела – если делать их с молитвой и любовью, сближают нас с Небом и Самим Богом».

Сердце истинно Милующее – это сердце, познавшее Бога и сроднившееся с Ним до конца. Таким было сердце Великой Княгини Елисаветы. Вслед за Господом, Ей нетрудно было склоняться над физическими и духовными язвами людей. Поэтому с такой силой звучат и пронизывают нас Ее слова, которыми Она утешала Своих духовных детей из ссылки: Господи – ведь Ты – мой, истинно мой. Я Тебя слышу и слова Твои – сердечно исполнять буду. Скажите эти слова каждый день, и вам станет легко-легко на душе.

«Чем больше Любовь – тем больше страданий душе», – записал преподобный Силуан Афонский в своем дневнике. Сквозь непомерные скорби Великая Княгиня Елисавета – всей глубиной Своего существа, – восчувствовала Великую Любовь Бога – и ответила на нее – полной мерой. Как Господь отдал Себя – всем нам – до конца: до Креста и добровольного сверхмученичества, так Матушка отдала Себя Господу и всем тем, за кого Он отдал жизнь, – до конца, до собственной Голгофы. Ибо каждая святая мученическая кончина – это продолжение Голгофы Христа, – продолжение Его бездонной Любви, которая по сей день ищет людей, способных ею уязвиться и последовать – ей.

В нашей книге собраны рассказы о великих святых ушедшего века и одновременно о самых скромных людях. Всех их объединяет одно: они сознательно выбрали Божие Добро. Трудно, почти невозможно представить человека, который сознательно выбрал в жизни – ад. Существуют ли на земле те,

кто желают себе зла? Если кто-то думает, что хочет попасть в преисподнюю, он явно не понимает смысла произносимых слов. Они – лишь бравада бесов, насильственно и гипнотически действующая на человека. Разве кто-нибудь желает себе, чтобы ненавидящие его истязали его – вечно? Уверена, подобных нет – ни одного. Так остережемся делать зло – не дадим демонам прав – отправить нас в геенну. Если человек с удовольствием пьет яд греховной жизни и верит, что это безвредный напиток, – вера не защитит его от смерти. Если мы не верим в праведное воздаяние за гробом, не верим в существование геенны – наше неверие не спасет нас от гибели. Великая Княгиня Елисавета шла к людям, находящимся в самой трагической ситуации неверия в Бога: шла к тем, кто ворует, блудит, пьет, находится на последней стадии падения. И сегодня Она приходит в трущобы человеческих сердец, в темные подвалы душ... И блажен тот, кто перед лицом Ее Любви и Святости – наконец ощутит свою душу «вертепом разбойников» – испугается и устремится, Ее молитвами, к Свету Покаяния. Если для сердца Елисаветы Феодоровны было невыносимо представить, что душа убийцы Великого Князя Сергея обречена попасть в ад (потому что Господь сказал: Не убий!) – и Она, забывая Свое страшное горе, идет в тюремную камеру – умолять преступника о покаянии, – неужели есть на земле тот грешник, которого Ей сегодня не жалко?! Движимая Милосердием Христовым, Она молитвенно вкладывает в каждую душу мысли о необходимости безотлагательного – серьезного покаяния. Боже, даруй услышать все то, что Великая Княгиня Елисавета говорит сегодня, – каждому из нас.

Матушка Надежда сказала однажды слова, которые таинственно перекликаются с учением преподобного Серафима о цели Христианской жизни – как стяжании Духа Святого (будучи дворянского рода, матушка Надежда была человеком на редкость простым): «Если мы хотим спастись, мы должны постараться стать близкими и родными – святым, еще здесь – на земле».

Личность Великой Княгини Елисаветы навсегда стала для меня идеалом святости. «Она способна была не только плакать

с плачущими, но и радоваться с радующимися, что обыкновенно труднее первого... Она лучше многих инокинь соблюдала великий завет святого Нила Синайского блажен инок, который всякого человека почитает как бы богом после Бога. Найти хорошее в каждом человеке и «милость к падшим призывать» было всегдашним стремлением Ее сердца»². Душа Великой Княгини Елисаветы, достигшая столь высокого совершенства, по сей день приходит к нам, грешным, чтобы помочь людям, вслед за Ней – взойти в Небесную Обитель Милосердия.

С тех пор, как ушла на Небо матушка Надежда, я вглядываюсь в человеческие лица и ищу на них отсветы Божественной Любви. Ищу и, святыми молитвами Матушки Великой и батюшки Сергия, встречаю тех, которые сегодня подражают прежним священникам, следуют идеалу сестер Обители.

Эта книга произвольно стала книгой о Милосердии Божиим. Ибо Дух Обители, Дух Божественного Милосердия разлит в этой жизни повсеместно. И если бы не так – это было бы равносильно тому, что солнце – погасло. Господь изливает бездну щедрот на каждого из нас – во все дни. Матушка Надежда говорила: «Революция была репетицией конца света. И теперь – человечество достойно, по грехам своим, – последнего наказания Божия». Мы держимся в этой жизни – на самом краю, еще не погибли до конца – одним Милосердием Бога. Христос каждый день ждет нашего ответа на Свою Любовь. Сумеем ли мы подтвердить свое высочайшее призвание «детей Божиих» – своими делами? Ведь дети должны быть похожи – на Отца. Христос каждый день ждет нашего ответа на Свою Любовь, чтобы иметь возможность – помиловать нас.

Откроем наши души, чтобы Божественное солнце Милосердия их согрело.

Святая преподобномученица Великая Княгиня Елисавета, святой преподобноисповедник Сергий и вся святая Марфо-Мариинская Обитель, молитесь Бога о нас!

Воспоминания матушки Надежды³

Не всякому поколению суждено
встретить на своем пути такой
благословенный дар Неба, каким
явилась... Великая Княгиня Елисавета Феодоровна.
Архиепископ Анастасий

Какие мы счастливые! У нас, недостойных, – были святые
родители: Матушка и Батюшка...

Матушка Великая. В последний раз я Ее в обительском саду видела, после службы. Она меня пальчиком подозвала. Я подошла, как будто чувствовала, что в последний раз. Голос у Нее был, не знаю, как назвать, – очень тихий, чуть не шепотом Она говорила. Сколько в Ней нежности было внутренней к человеку! Взгляд один – неземной взгляд: «Зиночка, ты веришь мне – будешь, будешь, душенька, час придет, и будешь в Обители. И сама не заметишь – вот ты тут. Веришь мне?» Она знала, что я так к ним стремлюсь. «Верю», – говорю, – и плакать, и снова ожила на несколько дней. Дяди мои – охотники (Императорское общество охоты было), и все они говорили: «Какой человек необыкновенный!» Я еще девчонкой была, слушала во все уши, прямо не дыша, слушала, как они Ее хвалят. Как я Ее любила! Однажды решила написать Ей, как я Ее люблю, так и написала: «Я думаю, Вы настоящий человек», – заклеила, отослала.

В первый раз я в Обитель попала в 1909 году, еще собора не было – одна церковь Марфы и Марии, маленькая. Служили всенощную. Великая Княгиня в белом, сестры в белом, батюшка – в голубом облачении. Стояла, не помня себя, как будто вижу видение, домой бежала, обливаясь слезами. Впустили меня: «Ты где была?!» – «Не знаю, где была, на земле ли...» – и стала в Обитель бегать. А когда решила к ним проситься, батюшка мне: «Да, мы принимаем». Я к маме: «Я поступила в Обитель!» А мама была строгая, властная такая: «Что? Этого не будет!» Я опять к батюшке. Он говорит: «Нет, без родительского благословения не можем взять». Казанской Богоматери я тогда

молилась – подставляю стул к образу: «Что же Ты меня не слышишь, что ли?» – вот дура-то была! Мама срочно квартиру новую сняла – с Якиманки на Малую Бронную переехали, подальше от Обители. И семь лет я в Обитель бегала, денег на трамвай не брала. Как только речь о поступлении, мама: «Иди на все четыре стороны, ты мне не дочь!» И всегда меня Матушка подзовет, утешит. «Зиночка, будешь в Обители, ты не беспокойся!» – и всегда: «Зиночка...» Какая я Ей Зиночка – такое высокое лицо, не только настоятельница – Великая Княгиня. Что я Ей – чужая девчонка бегала (правда, каждый день бегала – на работу иду, зайду, хоть мне не по дороге, до «Отче наш» достояю... с работы – иду).

Какую наша Матушка жизнь вела! Подражала преподобным, тайно носила власяницу и вериги, спала на деревянной лавке. Однажды к Ней одна из новеньких сестер среди ночи вбежала (Матушку разрешалось в любое время звать в случае необходимости) и увидела, как Она отдыхает. Матушка ей только одно сказала: «Душенька, когдаходишь, надо стучать».

Сестры у нас были всех званий и состояний: и княжны, и из деревни, и всем вначале – общее послушание, хоть и княжна: полы мыть, посуду, картошку чистить – потом уж по уму-разуму определяли. Пост у Нее был – круглый год, и рыбу не ела. По великим праздникам, когда архиереи съезжались, положит Себе кусочек, так он на тарелке и останется. В двенадцать часов ночи, после дневных трудов, вставала на молитву, потом обходила Свою больницу. Кому-нибудь из больных плохо – оставалась рядом, ухаживала до утра, всю Себя каждому отдавала... Умирали все – только на Ее руках. И Псалтирь по усопшим ночи напролет читала одна. Как-то картошку перебирать, сестры заспорили, никому не хочется, – Матушка молча оделась и пошла Сама. Тогда уж за Ней все побежали.

Молитвенница Она была особенная – стояла на молитве, не шелохнувшись, как изваяние. Часто видели Ее во время службы в слезах. По Ее благословению, потом сделали подземный храм, посвященный Небесным Силам бесплотным, прямо под алтарем, и во время Литургии Она уходила туда, чтобы Ее никто не видел...

Да, какая-то сила в Ней необыкновенная. Какая-то светлость от Нее исходила. Чувствовалось, что человек другой земли, другого Мира, – Она дышала Иным Миром, жила неземным. И так всегда чувствовалось в Ее близости, что человек – не от мира сего. Милая, дорогая. Ты там царствуешь на Небе – вспомни нас!

Конечно, я этого счастья была недостойна, оно не по достоинству – по Любви Божией, и по Их Любви. Рядом побудешь, отойдешь – как будто с Неба слетишь, и опять на землю попал. Да, таких людей мир не признавал. Настолько мир развратился и обнаглел, что он уже не чувствовал таких людей. Совсем они иного Духа были. С ними поговоришь – и оживешь опять. Не пришлось с Ней пожить: я пришла, а Ее взяли.

Она говорила: «Зиночка, все равно ты наша сестра, только не в стенах наших. Мы сестер в другие города на послушание отпускаем – вот представь, что мы тебе послушание дали – послужить маме». Все время вне работы я там проводила, велели и за трапезу мне ходить, только ночевать – домой.

Больничный храм Марфы и Марии был устроен так, что двери открывались в палаты, лежащие больные слушали службу. В этом храме дверь направо – в покои Великой Княгини. Один день в неделю Матушка проводила в Кремле, разбирала почту. (В этот день Она шла через обительский сад на Полянку и стояла литургию в храме Григория Неокесарийского, там служба в шесть утра начиналась, кончалась рано. Так не было дня, чтобы Она пропустила Литургию.) На Ее имя писали множество прошений. В ответ на эти письма Матушка посылала сестер. В какие каморки, какие углы шли!

Как-то одна из сестер приходит в подвал: молодая мать, туберкулез в последней стадии, два ребенка в ногах, голодные... Маленький рубашонку натягивает на коленки. Глаза блестящие, лихорадочные, умирает, просит устроить детей. На Донской улице матушка приобрела еще одно здание – открыла больницу для чахоточных женщин, она относилась к Обители. Нина вернулась, рассказывает все. Матушка заволновалась, тут же позвала старшую сестру: «Немедленно – сегодня же –

устроить в больницу. Если нет мест, пусть поставят подставную койку!» Девочку взяли к себе в приют. Мальчика определили потом в детдом... Сколько их было, ситуаций, прошедших через Ее руки? Без счета. И в каждой Она участвовала будто это была единственная – близкая Ей судьба. Посещая Свою больницу для туберкулезных, Она могла услышать: «У моих детей не остается никого на свете – кроме Вас...», – и умирающая обнимала Матушку. Никогда Великая Княгиня не уклонялась от этих объятий. Чохотка тогда была смертельной... Так и Государыня возила старших девочек в туберкулезные больницы. И когда знакомые ужасались, Она отвечала: «Дети должны знать не только радости, но и печаль жизни».

Двадцать две девочки-сироты воспитывались в Обители, получали среднее образование. Сколько детей Она извлекла из притонов Хитрова рынка! Скольких удержала, готовых сорваться в бездну греха и порока!.. Одинокие старухи у нас жили, калеки, мальчика помню расслабленного. Обеды бесплатные. Толпы бедных кормили каждый день, сотни обедов выдавали на дом, одиночные и для семей. Аптека, больница, амбулатория, лекарства со скидкой, а бедным бесплатно. Лучшие профессора принимали и операции делали. В самых тяжелых случаях Елисавета Феодоровна ассистировала как хирургическая сестра. Больные называли Ее руки – чудотворными.

Памятный случай. Одна женщина готовила еду и нечаянно опрокинула на себя керосинку. Горела вся – как факел⁴. Медики признали ситуацию безнадежной. Великая Княгиня Своими руками делала ей ежедневные перевязки. Они длились часами, так как человек был сплошной раной. Какие нужны были слова утешения... как и притронуться к такой... Уже и гангрена началась. Только Матушка могла вдохнуть силу и веру там, где было одно отчаяние... Это невозможно, но все раны затянулись. Господь помиловал. Какие молитвы за нас нужны, чтобы миловать нас в наших безысходных ситуациях... Больную выписали в хорошем состоянии.

Работу безработным находили, курсы оплачивали. Например, мать семейства умеет шить, а машинки нет – покупали машинку. А на Рождество огромную елку устраивали,

и, кроме сластей, – одежда разная теплая, обувь, валенки для бедных детей. Все, что было возможно, сестры своими руками обслуживали и шили. Матушка Великая Сама для детей шила и вязала. У моей крестницы до сих пор одеяльце, Ею связанное, хранится. Мы девочку в Обители крестили, Матушка мимо проходила и накинула на младенца одеяльце Своей работы, розовое, пушистое. Шесть детей в нем вырастили.

Да, Рождество, сколько было детского счастья: двери распахивались, огромная зала, елка под потолок. Параскева Корина вспоминала, как ее в Москву из глуши привезли (она ведь наша воспитанница была). Незабываемые минуты: Великая Княгиня ласково взяла ее за руку – подвела к елке: «Какую игрушку ты хочешь с елочки?» Мне больше всех понравился один колокольчик, он был у самой вершины. Матушка вызвала сестер, принесли лестницу, одни ее держат, другая на самый верх поднялась – и достали мне этот колокольчик... Однажды Обитель посетил Государь Николай II. Воспитанницы Его окружили: «А у нас новая девочка – чувашка». Государь наклонился ко мне, обнял за плечи: «Ну что, скучаешь? Привыкаешь? Ну, прочти Мне что-нибудь по-чувашски...» И я прочла Ему «Отче наш». И потом все не спала, думала: «Неужели Цари такие бывают?..»

Обитель наша была под покровом Царственного дома Романовых. И Великая Княгиня – принцесса Гессенская, внучка королевы Виктории. Ее в честь прапрабабушки назвали Елисаветой. Крещена была в память Елизаветы Тюрингенской, королевы Венгерской, католической святой с даром чудотворений, которая всю жизнь в богатстве и бедности людям помогала. Муж запрещал ей заботиться о несчастных. Был жесток в обращении с ней. Однажды она шла в тюрьму навестить узников. Несла в корзинке хлеб. Сверху прикрыла мантилей. Навстречу муж: «Это у тебя – **что?!**» Отвечает «Розы...» Он сдернул прозрачный покров. А под ним – розы! Она похоронила мужа, скиталась, бедствовала, жила в нищете, но Божьему призванию – не изменила. Уже в преклонные лета организовала лепрозорий, и сама ухаживала за прокаженными.

И мама Матушки, Алиса, необыкновенная была. Раздала большую часть своего состояния на благотворительные нужды. В семье было много детей. Старшие все делали для себя сами, были обучены хозяйству и рукоделию. Но главное – **их учили сострадать**. Вместе с матерью они постоянно ездили в больницы, приюты, дома инвалидов... Приносили охапки цветов, делили на всех, букеты ставили у каждой кровати. Радовали тех, которых некому было порадовать, утешали больных своим детским лепетом. Елисавету все любили. С Ее появлением прекращались детские ссоры. Все начинали уступать и прощать друг другу. Каждому хотелось подле Нее стать лучше.

Когда Елисавете было одиннадцать лет, заигравшись, упал с балкона на каменные плиты Ее трехлетний брат, он был болен гемофилией и умер в мучениях от полученных ушибов. Она первая его окровавленного подняла, на руках внесла в дом. В этот день Она дала обет Богу – не выходить замуж, чтобы никогда не иметь детей, никогда так страшно не страдать. В четырнадцать лет Она похоронила мать, безвременно умершую в тридцать пять лет от дифтерита. Алисе, будущей Государыне нашей, было тогда только шесть лет. Старшие дети старались заменить младшим мать... Смотришь на Ее ранние фотографии – какая недетская глубина... Отрочество, юность – во всей этой нежности и хрупкости – какая ясность и зрелость Небесною силой дышит облик. Охватывает трепет перед этой Божией тайной. Ангельская сила чистоты. Красота неземная...

Великий Князь Сергей Александрович, вступая на пост генерал-губернатора Москвы, обязан был жениться и сделал предложение девятнадцатилетней принцессе Елисавете, Которая знала Его с детства. Она сказала Ему о Своем обете, а Он: «Вот и хорошо. Я и сам решил уже не жениться». Так состоялся этот (нужный России из политических соображений) брак, в котором супруги обещали Богу хранить жизнь девственную. В Москве Великая Княгиня открыла множество благотворительных учреждений. Ее заботами в России стали появляться первые детские ясли, в Дармштадте их создала Ее мать. В Ильинском, загородном имении Великого Князя Сергея,

подле Елисаветы Феодоровны видели глухую девочку, которая у Нее жила. Все окрестные деревни были под Ее попечением. В свой медовый месяц Великая Княгиня изо дня в день обходила бедные избы, входила в нужды и скорби вчера еще неизвестных ей людей, старалась оказать немедленную помощь нуждающимся. Не было такой просьбы, с которой нельзя было к Ней обратиться. Как благодарно и преданно любили Ее и Сергея Александровича крестьяне! Для них постоянно устраивались праздники с угощениями.

Где Она только не бывала! Одна Дивеевская монахиня, увидев портрет Великой Княгини, всплеснула руками и воскликнула с детским благоговейным восторгом: «Елисавета Феодоровна!!!» Надо было видеть ее лицо, ей давно за восемьдесят, – но оно просияло, как у младенца. С каким глубоким переживанием она вспоминала: «Мама умерла, когда мне было два года. Со всеми простилась, всех перекрестила, а когда поднесли меня – благословила «Знамением» Божией Матери: «Эту – в монастырь». И отдали меня в приют Серафимо-Дивеевского монастыря. Мне было лет пять-шесть, когда вспыхнула эпидемия тифа. Десятки детей в кроватках с остриженными наголо головками, над которыми склонилась смерть. И вдруг открылась дверь – и вошла Она. Это было как солнце. Все Ее руки были заняты кулками и подарками. Не было кровати, на край которой Она не присела. Ее рука легла на каждую лысую головку. Сколько было раздарено конфет и игрушек! Ожили, засияли все грустные глазки. Кажется, после Ее прихода – среди нас уже больше никто не умирал».

В Москве Она постоянно навещала госпитали, богадельни...

В воспоминаниях Н.Е. Пестова приводится такой случай: накануне Ее посещения, маленьких девочек одного приюта наставляли: «Войдет Великая Княгиня, вы все – хором: «Здравствуйте!» и – целуйте ручки». На следующий день Елисавета Феодоровна переступила порог и услышала хор детских голосов: «Здравствуйте – и целуйте ручки!» И все крошки, как одна, выставили свои ручки – для поцелуя. Пряча за улыбками слезы, Великая Княгиня перецеловала – все ручки.

Утешила сконфуженную директрису. На следующий день в приют привезли уйму подарков для детей⁵.

В русско-японскую войну Великая Княгиня возглавила Красный Крест, работу швейных мастерских для нужд армии. Под мастерские, с разрешения Государя, были использованы все залы Кремлевского дворца, кроме Тронного зала. На фронт уходили поезда с обмундированием, медикаментами. Ее трудами армия получала походные церкви с иконами, алтарь устанавливался в простой палатке. Богослужение, благодаря Ее заботам, стало возможно проводить где угодно – на любой лесной поляне.

В 1905 году к Великой Княгине стали приходить анонимные письма: «Не ездите вместе со своим мужем, мы все равно Его убьем!» Как можно жить месяц за месяцем, **ежечасно** ожидая страшного несчастья?! Она стала сопровождать Его во всех поездках – постоянно. Когда это случилось, Она Своими руками подбирала разорванные бомбой части тела Сергея Александровича, нашла палец с обручальным кольцом.

В книге Любови Миллер говорится об этом так: «Великая Княгиня раньше по долгу Своей работы, посещая госпиталя с ранеными фронта, видела кровь и изуродованные войной тела солдат, но то, что предстало теперь перед Ее взором, по своему ужасу превосходило всякое человеческое воображение: кругом на снегу, пропитанном кровью, в разных местах лежали куски тела и костей Ее мужа и куски Его одежды и обуви; и все это силой взрывной волны было разбросано вперемешку с изломанными частями экипажа, и составляло одно кровавое месиво.

Елисавета Феодоровна молча, без крика и слез, склонилась над останками Своего супруга. Она ни на кого не смотрела, ничего не сознавала, кроме того, что нужно как можно скорее собрать то, что осталось от Сергея Александровича... В стороне, облокотившись о забор и поддерживаемый солдатами, стоял еле живой верный кучер Ефим, прослуживший у Великого князя 25 лет. Его тело было во многих местах пробито гвоздями и осколками от экипажа... (Он имел 70 ран в спине...)

Онемевшая от ужаса, толпа молчала; только взгляды всех скрестились на Елисавете Феодоровне. Лицо Ее было неузнаваемым: мертвенно-бледное с остановившимся взглядом, окаменевшее.

Кто-то из солдат своей шинелью прикрыл на носилках то, что было недавно Сергеем Александровичем: образовался только небольшой бугорок под шинелью. (В течение нескольких дней после взрыва люди находили еще куски тела Великого князя Сергея Александровича, которые силой взрыва разбросало везде. Во время похорон Великого князя еще приносили завернутые куски его тела и клали их в гроб. Одну руку нашли по ту сторону кремлевской стены на крыше маленькой часовни Спасителя... сердце Сергея Александровича нашли на крыше какого-то здания.)

Когда все было закончено, Елисавета Феодоровна поднялась с колен и пошла пешком за носилками. В руке Она крепко зажала иконки, которые Сергей Александрович всегда носил на цепочке на шее. Она их подобрала рядом с кусками Его тела... Носилки с телом Великого князя отнесли в церковь Чудова монастыря и поставили их перед амвоном храма. Елисавета Феодоровна стала на колени рядом с Ним и, павши ниц, простояла так, не двигаясь, всю службу. Церковь быстро заполнилась людьми. В храме стоял полумрак, только мерцали свечи в руках собравшихся. Из-под шинели на носилках жутко высывался сапог Великого князя, и капли крови, медленно просачиваясь вниз, падали на пол храма, образуя темно-багровую лужицу...

Когда панихида была закончена... Елисавета Феодоровна поднялась с колен и направилась к выходу, где стояли Ее приемные дети Мария и Дмитрий.

Великая Княгиня Мария Павловна, племянница Великого Князя Сергея Александровича, в Своей книге пишет, что никогда не сможет забыть выражения глаз Своей Тети в этот момент. Елисавета Феодоровна не плакала, но лицо Ее было белым и искажено ужасом. Она шла медленно, опираясь о руку губернатора города. Когда Она заметила детей, то протянула к ним Свои руки. Княжна Мария с братом побежали к Ней.

Великая Княгиня обняла их и прижала к Себе со словами: «Он так вас любил, так любил!» Она это повторяла беспрерывно, прижимая головы детей к Своей груди... Когда Елисавета Феодоровна пришла в свои комнаты дворца, она тяжело упала в кресло. Лицо Ее продолжало сохранять ту же мертвенную бледность и неподвижность, а глаза – как бы остекленели и ничего не видели и не признавали. Голубое платье Ее было в пятнах крови. Запекшаяся кровь была и на руках Ее...

Дома Она стала лихорадочно писать телеграммы, и, прежде всего, Своей сестре – Императрице Александре Феодоровне, прося Ее не приезжать на похороны... Великая Княгиня боялась как за жизнь Своей сестры – Императрицы, так и за жизнь Императора...

Когда Великая Княгиня Елисавета писала телеграммы, Она несколько раз справлялась о состоянии раненого кучера Сергея Александровича, и когда Ей сказали, что его положение безнадежно и он может скоро умереть, Елисавета Феодоровна, чтобы не огорчить умирающего, сняла с Себя траурное платье и надела то же самое, (отстиранное от пятен крови) голубое, в котором была до этого, и поехала в госпиталь.

Там, склонившись над постелью несчастного страдальца, Она уловила его вопрос о Сергее Александровиче. Елисавета Феодоровна, чтобы успокоить его, улыбнулась ему Своей ласковой улыбкой и сказала: «Он направил Меня к вам». И успокоенный Ее словами, думая, что Сергей Александрович спасен, преданный кучер Ефим скончался в ту же ночь... Великая Княгиня Елисавета Феодоровна побеспокоилась и о его семье, обеспечив ее»⁶.

На третий день Великая Княгиня пришла в тюрьму к убийце, принесла ему прощение от убитого им. Она держала в руках Евангелие, пыталась донести до его сознания и сердца тяжесть содеянного им. Просила его покаяться⁷.

Но Каляев не жалел о своем преступлении. И на суде заявил: если смертный приговор ему заменят каторгой, он отбудет ее и продолжит свое дело – крушить, убивать, уничтожать существующий строй. «Да здравствует революция!» – были последние слова его речи. Подобным людям

неизвестно, что первым революционером был – дьявол. Несчастные, одержимые духами зла люди... Елисавета Феодоровна написала на памятнике Великому Князю слова, ставшие главными в Ее жизни. Они относятся к самым высоким из всех существующих слов, потому что их заповедал нам среди Крестных страданий Своих – умирающий Христос. Они содержат одну из главных тайн христианства. Ибо соединяют жертву преданной Богу души – с Самим Христом, с его Пречистой Жертвой за весь род человеческий. С этими словами умирали вслед за Господом все любимые, избранные Его во все века: *Отче, отпусти им: не ведают бо, что творят.*

У останков Сергея Александровича в Чудовом монастыре Великая Княгиня в молитве нередко проводила ночи. Здесь Она получила великое утешение подле святых мощей святителя Алексия, митрополита Московского. Однажды Святитель явился Ей, благословил Великую Княгиню создать Обитель Милосердия. Так Она оставила мирскую жизнь. По старцам стала ездить. Отделила необходимое на Обитель, все остальное состояние раздала. Не сохранила Себе на память и обручального кольца.

Шла ожесточенная пропаганда против дома Романовых. Не знаящие Елисавету Феодоровну, могли и ненавидеть Ее, и поносить. Жена одного такого человека попала в Обитель в предсмертном состоянии. И он был поражен вниманием и Любовью, которыми ее окружили. Особенно поразила его одна сестра, Ее постоянный уход за больной, ласка, удивительные, из души идущие слова утешения, даже сладости, которые Она ей приносила. С особенной любовью Она говорила больной о покаянии. Женщина успела причаститься Святых Христовых Тайн. Последнюю ночь эта сестра провела подле больной – неотлучно. Всеми возможными средствами облегчала тяжкие страдания умирающей. На чужую боль отзывалась самая глубина Ее сердца. С помощью других сестер Она обмыла мертвое тело и одела покойную. Быть может, этот человек плакал впервые после детских лет. Он думал, что и родная мать, будь она жива, не сумела бы излить на свою дочь столько любви. Узнав, что эта сестра – Великая Княгиня Елисавета, он

разрыдался, как ребенок, просил у Нее прощения, не мог найти слов, чтобы выразить свою благодарность. Она, конечно, все простила, все поняла. **Она прощала – всех.** Этот человек стал верующим... Думаю, не было людей, для которых встреча с Ней осталась бесследной. Каждую душу, с которой соприкоснулась, Матушка преобразила – насколько эта душа была способна отозваться на Красоту Божественную, Благородство неземное.

Под Покровским собором у нас был храм, посвященный всем Святым. Он должен был стать нашей усыпальницей. Никто не успел туда лечь... Как-то несколько сестер собрались там, говорили: «Это – мое, это – мое место...» И Матушка Великая тут же была, они спросили:

– Ваше Высочество, а Ваше где место? – Она помолчала.

– Мне бы хотелось быть похороненной в Старом Иерусалиме. – А сестры: а мы, а мы как же?

Она подняла руку:

– Мы Там – **все соберемся...**

В это страшное время революции сколько было нападений на Обитель! Один раз ворвались к нам, надеясь найти склад оружия, спрятанных немецких шпионов. Но, святыми молитвами Матушки, сложили свое собственное оружие – к Подножию Креста Христова. Вслед за Великой Княгиней – приложились к Распятию... Поняли, что это только монастырь. Тогда Она сестрам сказала: «Видимо, мы еще недостойны мученического венца».

В другой раз пьяный предводитель толпы красноармейцев кричал и оскорблял Елисавету Феодоровну. И услышал тихий ответ, что Она здесь для того, чтобы служить всем. Тогда он потребовал, чтобы Матушка служила ему. Она стала на колени, промыла и перевязала ему гнойную рану внизу живота. И сказала, что через день необходимо повторить перевязку, иначе будет заражение крови. Толпа и ее главарь – протрезвели на глазах. Иссаяк поток ругани. Все смолкли и ушли совсем с другими лицами.

Уехать за границу Она отказалась. Муж одной женщины, которая у нас лечилась и выздоровела, предложил Матушке тайно увезти Ее из Москвы на санях. Она ответила с

благодарной улыбкой: «Но сани не смогут вместить всех Моих сестер».

Накануне дня Ее ареста Она встала на клирос, что было неожиданно для всех, и пела вместе с сестрами. Всех поразила сила и красота Ее голоса. Приехали за Ней на третий день Пасхи, – Иверская Божия Матерь, наш престольный праздник. Тут же вся Обитель узнала, сбежались все. Она попросила дать Ей два часа – все обойти, сделать распоряжения. Дали полчаса. Все молились на коленях в больничной церкви вместе с Батюшкой, а как стали Ее забирать – сестры бросились наперерез: **«Не отдадим Мать!»** – вцепились в Нее, плач, крик. Кажется, не было сил, чтобы их оторвать. Отбили всех прикладами... Повели Ее к машине вместе с келейницей Варварой и сестрой Екатериной. Батюшка стоит на ступенях, слезы градом по лицу, и только благословляет их, благословляет... И сестры бежали за машиной, сколько хватило сил, некоторые прямо падали на дорогу... Вскоре письмо мы от Нее получили. А во второй раз – письмо для всех, батюшке и 105 записочек, по числу сестер. И каждой – по ее характеру изречения из Библии, из Евангелия и от Себя. Всех сестер, всех Своих детей Она знала! Позже еще посылка пришла – булочки для всех нас. Долгое время ничего мы не знали, только батюшка благословил поминать Ее, как усопшую. Потом стало известно – всех Их живыми бросили в шахту...

Перед этим хотели Варвару с Екатериной назад вернуть: «Вы к Царскому роду не принадлежите». Они просят: «Оставьте нас». Им ответили площадной руганью. Тогда они стали на колени: «Только не разлучайте нас с нашей духовной Матерью». «А вы знаете, что Ей предстоит?! Самые страшные пытки и лютая смерть. Пишите расписку...» Варвара не растерялась: «Давайте, сейчас своей кровью подпишу все, что угодно». И ее оставили. Удостоена быть с Матушкой – до конца... А Екатерина вернулась. Так Бог сохранил для нас свидетельницу.

...Один лик – посмотрел только и видишь – с Неба спустился человек. Ровность, такая ровность и даже нежность, можно сказать... От таких людей живой Свет расходится по миру, и мир существует. Иначе задохнуться можно, если жить

жизнью этого мира. Где они, эти люди? Нету их, нету. Мир недостоин их. Это Небо и земля – эти люди в сравнении с мирскими. Они еще при жизни оставили этот мир и были в Ином. Теперь и духа не слышать таких людей. Около Них побудешь – как будто воздухом Вечности подышал. Рядом с Ней все менялось, чувства другие, все другое. И таких людей гнали, не признавали, преследовали! Господь и взял Их, потому что мир не был Их достоин. Они и теперь есть, конечно, но недоступны.

У нас в соборе такое было место уютное, ниже амвона, стенка выступала. Она всегда за этой стенкой стояла перед алтарем, и я за этим выступом, только с обратной стороны. И все плакала... Какие чувства были у Них, какие чувства были, когда при Них находишься! Такая чуткость внутренняя. А теперь – все чужое... Теперь общий дух, чуждый человеку, нет того мира особого, все новое, душа чувствует что-то не то. Когда-нибудь придет Мир Иной. Этот мир безбожный, ненужный душе – придет ему конец. Все-таки надежды терять не надо. Господь сжалится над людьми, и подует другой воздух.

Какая жизнь была, что потеряли! Господи, прости нас! Моя юность была – вы себе представить не можете, какая жизнь! Люди, настроение, слова – все другое. Как будто нас переселили на другую планету, в чужой стране далекой живем мы теперь. Когда Фрося рассказала Матушке свой сон, Она ответила: «Фросенька, это не я, не я. Это другая Елисавета!» Люди эти особые. Господь Их отделяет и хранит для Своей Жизни, Святого Царствия. Когда-то жили с чувством: «Мы – христиане», а теперь нет этого чувства, потому что это мир не подлинный, не Божий. Когда Господь Царствует открыто, везде – это Жизнь. А сейчас мы в тумане, Господь не царствует, Он отошел от этого мира. А должен быть Первый – во всем. Везде Его должно быть слышно-видно, в доме, на улице, куда ни пошел. Слава Богу, что храмы существуют, – там служба, можно видеть мало-мальски христианскую жизнь. Но наше – не настоящее положение православных христиан. Хочется надеяться, это временное наказание человеку. Чтобы я свободно жила – не могу вовсе. Да, душа по природе своей –

христианка, а ее замутили, запутали, закрутили. Но так не может вечно продолжаться, Господь сжалятся над христианами, которые по кельям, по каморкам. Душа высвободится, вырвется из плена.

Сравнительно с нынешней жизнью – жили в Раю. Жизнь в родной, любимой Семье. Вечером прощались. На сон грядущий каждого Она благословляла, и Батюшка также. Утром здоровались – к каждому также подходила. Что-нибудь неблагополучно – все заметит. Как-то у меня заболело горло. Она сразу: «Что с тобой?» – «Нет, нет, все хорошо». – «Нет, ты больна, тебе нужно отдохнуть...»

Каждый месяц ходили на откровение к Батюшке. А что-нибудь на сердце у тебя – всегда, во всякое время дня и ночи, иди к Отцу или к Матери, и разберется твое дело. Как поступать, тебе скажут, и живи – свободная и спокойная. **С одним Господом – свобода.** Человек дышит, радуется. Я ее, прежней жизни, кусочек, уголочек, застала. Вспоминаю Пасхальные ночи: какая радость! В белых, розовых, голубых платьях молодежь приезжала к заутрене святой. Какой святой восторг переполнял души! Какая в храме стояла молитвенная сила! Потом все это стало падать, ниже, ниже.

Быть может, еще придет время ради избранных людей, которые не преклонили колена перед Ваалом! Господь их все хранит. Люди, которые в сознании маломальском, они страдают, жизнь их мученическая. Что это за жизнь? Под страхом прячемся да мучимся!

Есть жизнь настоящая, когда-нибудь она проявится. У Господа все возможно, Он может все изменить в один день. Господь сжалятся: «Ладно, потерпели. Пусть теперь живут, как полагается!» Но сейчас люди не могут Истинной Жизни принять. Жизнь ненастоящая – как настоящему выучиться людям? Остается смириться и жить, какую Господь дает жизнь. Только бы держаться за руку Божию и не брыкаться. А мы... Если мы понимаем, какая нужна жизнь, мы можем о ней просить. Молить, чтобы быть нам к Нему ближе: «Господи, помоги жить так, как Ты хочешь!» – просить. Он нас не оставит. Но мы не

больно так рвемся к Нему приблизиться. Надо стараться, каждый день все поближе, поближе к Нему. Тогда будет дело.

Как сейчас вижу сад обительский. Ангел земной, человек небесный! Сколько ласки, кротости в каждом слове! «Зиночка, поди сюда, – пальчиком махнет, – ты мне веришь, обязательно будешь в Обители. Час придет...» Час должен прийти. Сейчас уже нет таких людей, кончились. А как с Ними было хорошо! Они есть. Этот мир не мог бы существовать без Них.

Однажды, глядя с любовью на лик Елисаветы Феодоровны, матушка Надежда стала читать на память строки Константина Романова:

Я на Тебя гляжу, любуясь ежечасно:
Ты так невыразимо хороша!
О, верно, под такой наружностью прекрасной –
Такая же прекрасная душа!
Какой-то кротости и грусти сокровенной
В Твоих очах таится глубина;
Как Ангел, Ты тиха, чиста и совершенна...
Пусть на земле ничто средь зол и скорби многой
Твою не запятнает чистоту.
И всякий, увидав Тебя, прославит Бога,
Создавшего такую красоту!

Много лет спустя, я прочла в дневниках Великого Князя Константина Константиновича Романова о первом приезде Гессенской Принцессы Елисаветы в Россию: «1884 год. Москва. Троица. 27 мая. ...В Петергофе недолго пришлось ждать на станции, скоро подошел поезд невесты. Она показалась рядом с Императрицей, и всех нас словно солнцем ослепило. Давно я не видывал подобной красоты. Она шла скромно, застенчиво, как сон, как мечта...» (Елисавета Феодоровна в первый раз ступила на Русскую землю – в день Пресвятой Троицы!)

Из воспоминаний графини Марии Белевской-Жуковской: «Она поражала Своим внешним обликом, выражением лица: это была сама скромность, необыкновенно естественна – не сознавая того, Она была исключительна. Глубоко вдумчивая, всегда спокойная, ровная... Ее повседневная жизнь начиналась рано, все было распределено по часам. Без дела Она не

оставалась. Очень одаренная, Она много читала, рисовала, в часы досуга занималась музыкой... Вся Ее душа стремилась к добру, к помощи ближнему. В Ней сильно было тяготение к самопознанию. К Себе она была строга, к людям – милостива...»⁸

Траурное платье Елисавета Феодоровна сменила на монашеское одеяние... В тот день, когда Великая Княгиня стала Настоятельницей, Она сказала своим сестрам, что оставляет блестящий мир и переходит в иной: *...вместе со всеми вами я восхожу в более великий мир – в мир бедных и страдающих.*

Как вспоминает об этом графиня Мария Белевская-Жуковская: «...незабвенный день: величие в простоте... в полной отдаче Себя Христу Спасителю! Ощущалось, что Сам Господь Ее привел к Себе»⁹.

«В основу (благотворительной деятельности Марфо-Мариинской Обители) была положена глубокая и непреложная мысль: никакой человек не может дать другим более, чем он имеет сам. Мы все почерпаем от Бога, а потому и в Нем только можем любить своих ближних. Так называемая естественная любовь или гуманность быстро излучается, сменяясь охлаждением и разочарованием. Тогда как тот, кто живет во Христе, способен подниматься на высоту самоотречения и полагать душу свою за други своя.»¹⁰ Великая Княгиня Елисавета встречала каждого со светлой улыбкой на лице. За Ее постоянной приветливостью и любящим отношением к ближним было невозможно разглядеть Ее внутренних переживаний, усталости...

(Только иногда) у Нее на лице, «особенно в глазах, проступала таинственная грусть – печать высоких душ, томящихся в этом мире...

Великая Княгиня Елисавета Феодоровна была редким сочетанием возвышенного христианского настроения, нравственного благородства, просвещенного ума, нежного сердца и изящного вкуса. Она обладала чрезвычайно тонкой и многогранной душевной организацией... Самый внешний облик Ее отражал красоту и величие Ее духа: на Ее челе лежала печать прирожденного высокого достоинства, выделявшего Ее

из окружающей среды. Напрасно Она пыталась иногда под покровом скромности утаиться от людских взоров: Ее нельзя было смешать с другими... Она всюду вносила с собою чистое благоухание лилии; быть может, поэтому Она так любила белый цвет; это был отблеск Ее сердца.

... На всей внешней обстановке Марфо-Мариинской Обители и на самом ее внутреннем быте, как и на всех вообще созданиях Великой Княгини, кроме духовности, лежал отпечаток изящества и культурности, не потому, что Она придавала этому какое-либо самодовлеющее значение, но потому, что таково было непроизвольное действие Ее творческого духа»¹¹.

Все, имевшие счастье быть подле Елисаветы Феодоровны, понимали, что Ее душа находится в высших сферах. Она помогала и другим приблизиться к Небу. Великая Княгиня никогда не давала почувствовать другим свое несовершенство.

Если Она кого-то невольно обижала – немедленно просила прощения. Она глубоко страдала от несовершенства окружающего Ее мира и повторяла близким: Ныне трудно найти правду на земле, затопляемую все сильнее и сильнее греховными волнами; чтобы не разочароваться в жизни, надо правду искать на небе, куда она ушла от нас.

Общаясь с матушкой Надеждой, я поняла, что Елисавета Феодоровна обязательно знала и любила и эти стихи Константина Романова. Один и тот же Дух наполнял жизнь лучших представителей Царского Дома.

Молитва

Научи меня, Боже, любить
Всем умом Тебя, всем помышлением,
Чтоб и душу Тебе посвятить
И всю жизнь – с каждым сердца биеньем.
Научи Ты меня соблюдать
Лишь Твою Милосердную волю,
Научи никогда не роптать
На свою многотрудную долю.
Научи меня, Боже, скорбеть
О моих пред Тобой согрешеньях.
В молитвах, святых песнопеньях

О несчастных душою скорбеть.
Всех, которых пришел искупить
Ты Своею Пречистою Кровью,
Бескорыстной, глубокой любовью
Научи меня, Боже, любить!

Помню, как матушка Надежда держит фотографию Великой Княгини Елисаветы и уговаривает недалеко от Фроси ее поместить: «До Фроси уж я не доберусь, но по прежней дружбе...»

– Куда же вы от них денетесь, матушка, вы – их часть.

– Несчастье, – произносит с чувством матушка. И снова с безмерной любовью смотрит на Великую Княгиню: Красота! Красота-то какая... Оставила жизнь красивую, царскую, надела платочек и – пошла на крест. Может, за Ее страдания и мы очистимся немного, потому что Она душу полагала за всех. Высокого рода – это ладно, но высокой такой души! Хоть человек недостойн, не справился – на это есть прощенье. Может быть, скажут: «Ладно, надо ее принять, она все-таки нас любила». И сейчас вспоминаю, как жили, что Они говорили. Это для меня свято, нерушимо. Они для меня святые. Что же, если я не такая вышла, как Они хотели... Как я Их любила! За одну любовь надо все прощать. Какая была жизнь, какие были люди! Это теперь не понять – людям этого века не понять той жизни совсем. Одни приняли, другие отказались. Бог знает внутреннюю жизнь человека – кто чего искал, кто чего желал, и поэтому человек получит по своей внутренней жизни.

Житие матушки Любви

написанное матушкой Надеждой

Фрося, будущая матушка Любовь, родилась в сентябре 1883 года. Родители ее были люди благочестивые. Отец, Никита Васильевич, был церковным старостой при церкви их села Харьковской губернии, много заботился об украшении храма, тратил на это и свои средства. Мать, Марфа Дмитриевна, была скромная, добрая женщина. Кроме Фроси, у них был еще сын Илья, который женился против желания родителей и уехал жить в Харьков. Когда Фросе было 15 лет, мать ее умерла. Фрося горько о ней плакала, а через год умер и отец, и Фрося осталась совершенно одна в большом доме. При доме был чудесный фруктовый сад. Брат Илья к этому времени овдовел: жена его сгорела, оставив троих детей. Он приехал на родину, все продал, а Фросю взял к себе в Богодухов к сиротам. Потом он вновь женился. Работал Илья регентом в архиерейском хоре, а Фрося была певчей – у нее было чудесное сопрано. Она была певчей, и сестры смеялись над ее высоким голосом, называли артистом. Святитель Ермоген дал ей во сне выпить сладкое, сказал: «Это тебе для голоса», – и наутро за обедней стал «бас, как баркас». Прожила она у брата пять лет, растила сирот, работала по хозяйству и пела. Молиться ходила в Богодуховской монастырь и любила монашескую жизнь.

С детства она была особенным ребенком. Когда ей было шесть лет, в их дом пришла странница, погладила ее по головке и, взяв в руки ее фартучек, сказала: «Цыпляток-то сколько!» Около шести с половиной лет она сделала из веревочки четки, взяла свечку, забралась в большое дупло дерева в саду и там молилась, пока не уснула с погасшей свечкой. Семи лет во время церковной службы молилась в уголке – ее не заметили и закрыли на ночь. Всю ночь искали и нашли утром, когда открыли храм. Будучи двенадцати лет, она пошла с девочками в лес за грибами. Отстала от подруг, вдруг неизвестно откуда появился громадный змей, свалил ее и обвинил поперек. Прибежали девочки, увидели лежащую без чувств, бросились к дровосекам,

все рассказали. Один из них поленом ударил змея по голове, он развился и быстро пополз за ударившим. Но тут его доби́ли, а Фросю без чувств понесли домой. Пятнадцати лет ее тащили в лес разбойники, но и тут Господь ее хранил: проезжали люди и ее спасли.

После пяти лет жизни у брата она однажды собиралась ко всенощной и очень захотела спать. Легла и уснула летаргическим сном. Проснулась – у нее отнялся язык и ноги. Три месяца она была без ног, а говорила, сильно заикаясь. Через три месяца, 26 февраля, ее повезли в монастырскую церковь Богодухова, куда была принесена чудотворная икона Казанской Каплуновской Божией Матери. Служили молебен, и она сидела рядом и молилась, и когда кончился молебен, встала и домой шла на своих ногах.

Видение сестры Евфросинии

Свидетельствую своей священнической совестью, что все, записанное мною со слов сестры Евфросинии, верно.

Протоиерей Митрофан Сребрянский

Господи, благослови! 1912 года, июня 25-го, в пять часов вечера мне очень захотелось спать. Зазвонили ко всенощной, а я, не будучи в силах противиться, легла и уснула. Проснулась 26 июня в пять часов вечера. Родные думали, что я умерла, но внезапность смерти понудила их позвать врача, который сказал, что я жива, но сплю летаргическим сном. Во время этого сна душа моя видела много ужасного и хорошего, что я и расскажу по порядку.

Вижу, что я нахожусь в поле совершенно одна. Страх напал на меня, небо темнеет. Вдруг вдали что-то засветилось. Оказалось, что свет исходит от приближающегося ко мне старца с длинными волосами и длинной бородой, почти до земли, в белой рубашке, подпоясанный. Лицо его так сияло, что я не могла смотреть на него и упала ниц. Он поднял меня и спросил: «Куда идешь, раба Божия?» Я отвечаю: «Не знаю». Тогда старец сказал мне: «Стань на колени!» – и начал напоминать мне все мои грехи, которые я по забвению не исповедала. Я была в ужасе и думала: кто же это, что и помышления мои знает? А он говорит: «Я святой Онуфрий, и ты меня не бойся, – и перекрестил меня большим крестом. – Все тебе прощается. А теперь пойдем со мной, я тебя по всем мытарствам поведу». Берет меня за руку и говорит: «Что будет встречаться, не бойся, только непрестанно крестись и повторяй: спаси меня, Иисусе Христе! – и думай о Господе, и все пройдет. Пошли». Вскоре преподобный Онуфрий сказал: «Смотри на небо!» Я смотрю и вижу, что небо как бы перевернулось, и стало темнеть. Я испугалась, а старец говорит: «Не думай дурного, крестись».

Стало совершенно темно, только тьму разгонял свет, исходящий от преподобного Онуфрия. Вдруг множество бесов пересекли нам дорогу, составивши цепь. Глаза их, как огонь,

вопят, шумят и намереваются схватить меня. Но как только преподобный Онуфрий поднимал руку и творил крестное знамение, так бесы мгновенно разбегались, показывая листы, исписанные моими грехами. Преподобный сказал им: «Она раскаялась при начале пути во всех грехах» – и бесы тотчас разорвали листы, стеная и крича: «Бездна наша, она не пройдет!» От бесов исходил огонь и дым, что среди окружающего мрака производило страшное впечатление. Я все время плакала и крестилась. Жара от огня я не чувствовала. Вдруг перед нами оказалась огненная гора, от которой во все стороны неслись огненные искры. Здесь я увидела множество людей, слышала крики их и стоны. На мой вопрос, за что они страдают, старец ответил: «За беззакония свои. Они совсем не калялись и умерли без покаяния, не признавая заповедей. Теперь в муках – до суда».

Идем дальше. Вижу – перед нами два глубоких оврага, столь глубоких, что их можно назвать бездной. Я посмотрела в овраг и увидела там множество ползающих змей, животных и бесов. Преподобный Онуфрий задумался: «Огонь мы перешли. Как нам эту бездну перейти?» В это время опустилась как бы большая птица, распустила крылья, и преподобный говорит: «Садись на крылья, и я сяду. Не будь маловерна, не смотри вниз, а крестись». Сели мы и полетели. Долго летели, старец держал меня за руку. Наконец, мы опустились и стали на ноги среди омерзительных змей, холодных и мягких, которые разбежались от нас. От множества змей делались целые змеиные горы. Под одной такой горой я увидела сидящую женщину, у которой вся голова кишела ящерицами, из глаз сыпались искры, изо рта – черви, змеи сосали грудь ее, а псы грызли ее руки. Я с ужасом спрашиваю у преподобного Онуфрия: «Что это за женщина и за что она так страдает?» Он говорит: «Это – блудница, она в жизни сделала много грехов и никогда не калялась. Страдает до суда. Ящерицы на голове – это за украшение волос, бровей и вообще украшение лица; искры жгут ее глаза за то, что она смотрела разные нечистоты, черви терзают ее изнутри за то, что она говорила неподобные слова, змеи – это блуд, псы – за скверные осязания».

Идем дальше. Преподобный Онуфрий говорит: «Сейчас мы придем к очень страшному, но ты не бойся, крестись». Действительно, дошли до места, от которого шел дым и огонь. Там я увидела огромного как бы человека, светящегося огнем. Возле него лежит шар огромной величины, а в нем много спиц, и когда человек этот поворачивает шар, то из спиц выходят огненные спицы, а между спицами – бесы, так что пройти через них нельзя. Я спрашиваю: «Кто это?» Преподобный отвечает: «Это сын дьявола, разжигатель – и оболститель христиан. Кто ему повинуется и не соблюдает заповедей Христовых, тот идет в муку вечную. А ты крестись, не бойся». Шли мы через эти проволоки свободно, но со всех сторон неся шум и крик, который исходил от множества бесов, стоящих цепями. С ними было и много людей. Преподобный Онуфрий объяснил мне, что люди потому вместе с бесами, что им при жизни служили и не каялись, здесь ожидают Страшного суда.

Затем подошли мы к огромной огненной реке, в которой много людей, и от них несутся крики и стоны. Я смутилась при виде реки, но старец стал на колени, велел стать и мне и смотреть на небо. Я так и сделала и увидела на облаках Архангела Михаила, который протянул нам жердочку. Старец взял за конец, и она перекинулась через реку, аршина на три над огнем. Я, хотя сильно боялась, но крестилась и, при помощи преподобного Онуфрия, перешла на другую сторону и очутилась перед стеной. Мы с трудом прошли сквозь узкую дверь и вышли на огромные снеговые ледяные горы, где во тьме находилось много людей, они все дрожали от лютого холода. Особенно меня поразил один, который по шею сидел в снегу и кричал: «Спасите! Спасите!» Я хотела броситься ему на помощь, но преподобный Онуфрий сказал: «Оставь его. Он зимой не впустил к себе в дом отца своего, и тот замерз. Пусть сам даст ответ за себя. Вообще, в тартаре люди мучаются за то, что холодным, жестоким сердцем относились к Богу и людям».

После этого мы подошли к прекрасной и широкой реке, где преподобный старец поставил меня на доску и сам пошел по воде. На другой стороне оказалось прекрасное поле, покрытое

зеленью, травой, лесом. Когда мы проходили через него, то увидели множество зверей, которые ласкались к преподобному. Прошли поле и подошли к высокой прекрасной горе, на которой были три лестницы, как бы из желатина, и бежали с горы двенадцать ручейков чистой воды. Около горы мы остановились, и преподобный Онуфрий сказал: «Ты видела много страшного и за что люди страдают, живи же по заповедям Господним. Ты все это перешла за два добрых дела (но не сказал, какие). Теперь я тебя одену в другую одежду, и ты должна лезть, но не по этой лестнице». Преподобный Онуфрий всю меня облил водою из ручья, омыл, и мое голубенькое платье не знаю, куда девалось. Старец надел на меня рубашку белую, сделал из травы пояс и опоясал меня, из листьев сделал шапочку и, три раза перекрестив мою голову, надел на меня шапочку и велел лезть на гору. Очень трудно мне было, но старец подставлял свои руки, и постепенно я долезла до половины горы, но так изнемогла, что старец разрешил дальше продолжать путь по лестнице, причем вел меня за руку и три раза перекрестил. Затем преподобный Онуфрий ввел меня в Церковь, поставил на середину и сказал: «Будь душой вся в Боге! Здесь – райское жительство».

Боже мой, какая красота! Я увидела там много чудных Обителей, неопишущей красоты деревья, цветы, благоухание, свет необыкновенный. Старец подводит меня к одной Обители и говорит: «Это Обитель святых жен Марфы и Марии». Обитель сделана не из камней и вся покрыта зеленью и цветами, окна светятся, как хрустальные, насквозь. Возле дверей по обе стороны, снов, стоят Марфа и Мария с горящими большими свечами в руках. Мы с преподобным стали под деревом, и я вижу: Ангелы несут шесть расслабленных людей в эту Обитель, а за ними пошло туда много народа, больных, слепых, хромых, в одежде рваной, и много детей. Я спрашиваю: «Неужели эта Обитель так велика, что может вместить так много людей?» Старец отвечает: «Может вместить – весь мир христиан. Вот и ты небольшая, и в тебе весь мир. Возлюби всех чисто, а себя позабудь и возненавидь тело, которое служит всем страстям. Постарайся мертвить тело, а душу укрась добрыми делами.

Смотри, несут расслабленного человека». «Кого это несут?» – спросила я. «Брата во Христе, – ответил преподобный. – Его несут многострадальный пастырь Митрофан и многострадальная Княгиня Елисавета». Я увидела Великую Княгиню Елисавету Феодоровну в белой форме, на голове – покрывало, на груди – белый крест. Отец Митрофан тоже был в белых одеждах, на груди такой же белый крест. Я совершенно не знала до этого времени о существовании Марфо-Мариинской Обители Милосердия, Елисавету Феодоровну и отца Митрофана не знала и не видела. Когда они поравнялись со святыми женами Марфой и Марией, то оба, которые несли расслабленного, Елисавета Феодоровна и отец Митрофан, поклонились им, а затем святые Марфа и Мария тоже вошли в Обитель, а за ними и мы. Обитель внутри была прекрасна. Отец Митрофан и Елисавета Феодоровна снова вышли из обители, уже одни, и тоже с горящими свечами, подошли к нам и поклонились преподобному Онуфрию, который обратился к ним и говорит: «Вручаю вам эту странницу и пришлицу и благословляю под ваш покров». Старец при этом велел мне сделать земной поклон отцу Митрофану и Елисавете Феодоровне. Оба они меня благословили большим крестом. Я говорю: «Останусь с ними!» – но старец говорит: «Пойдешь еще, а потом придешь к ним». Мы пошли. Куда ни посмотрю – везде славят Господа. Красоту Рая описать не могу. Какой-то другой Свет, сады, птицы, благоухание, земли не видно, все покрыто, как бархатом, цветами. Куда ни посмотришь – везде Ангелы, их великое множество. Смотрю – Сам Христос Спаситель стоит, видны язвы на руках и на ногах, лицо и одежда сияют так, что смотреть невозможно. Я упала ниц. Рядом с Господом стояла Пресвятая Богородица с распростертыми руками, Херувимы и Серафимы непрестанно пели: «Радуйся, Царице!» Здесь же было множество святых мучеников и мучениц. Одни святые были одеты в архиерейские одежды, другие в иерейские, третьи – в диаконские, иные же – в прекрасных разноцветных одеждах, у всех – венцы на головах, преподобный Онуфрий говорит: «Это те святые, которые страдали за Христа, все переносили смиренно, с терпением,

шли по стопам Его. Здесь нет печали и страданий, а всегда радость». Много я видела здесь знакомых умерших, видела там некоторых сейчас еще живых. Монахини поминали бесчисленные имена в своих помянниках. Святой Онуфрий строго сказал: «Не говори тем, которые еще живы, где ты их видела. Когда тело умрет, тогда души их будут вознесены Господом сюда, хотя они и грешные, но добрыми делами и покаянием души их всегда пребывают на небе». Святой Онуфрий посадил меня и говорит: «Здесь твоя надежда». Мимо нас проходило множество святых в разных одеждах, и чудных, и бедных, кто с крестом в руках, кто со свечами и цветами. Преподобный Онуфрий берет меня за руку и водит по Раю. Везде дивное славословие Бога и непрестанная песнь: «Свят, свят, свят!» – текут струи серебристой воды, старец возгласил: «Всякое дыхание да хвалит Господа!» Вошли мы с преподобным Онуфрием в одно чудное место, где Ангелы непрестанно поют: «Свят, свят, свят, Господь Саваоф!» «Слава в вышних Богу!» и «Аллилуия!» Перед нашими глазами открылось дивное зрелище: вдали, во Свете Неприступном, на Престоле Славы восседал Господь наш Иисус Христос. По одну сторону Его стояла Божия Матерь, а по другую – святой Иоанн Предтеча. Сонмы Архангелов, Ангелов, Херувимов и Серафимов окружали Престол. Множество святых, красоты неописуемой, стояли около Престола. Тела их легкодвижны, прозрачны, одежды блестящие разных цветов, вокруг головы каждого из них – ослепительное сияние, на головах у некоторых – венцы из особого какого-то металла, лучше золота и бриллиантов, а на других – венцы из райских цветов. Одни держали в руках цветы, другие – кресты или пальмовые ветви. Указывая рукой на одну из святых, стоящих в правом ряду, преподобный Онуфрий сказал: «Это святая Елисавета, Которой я тебя вручил». Я действительно увидела Ту, к Которой меня уже подводил преподобный Онуфрий в видении дел человеческих. Там Она была среди калек, нищих, больных, всех – страждущих, которым Она служила на земле, а здесь я увидела Ее же, но уже во святости, в лице святых. «Да, я вижу Ее, – ответила я преподобному, – но ведь я недостойна жить с Ней: Она святая, а я очень грешная».

Преподобный Онуфрий сказал: «Она теперь живет еще на земле и, подражая житию святых жен Марфы и Марии, соблюдает душу и тело в чистоте, творит добрые дела, молитва Ее и крест скорбей, который Она безропотно несет, возносят душу Ее на небо. У Нее тоже были грехи, но через покаяние и исправление жизни Она идет на небо». Я от умиления поверглась несколько раз на землю. Под ногами было нечто вроде хрустального, зеленовато-голубого неба. Вижу – все святые попарно подходят ко Христу и поклоняются Ему. Пошли и Елисавета Феодоровна с отцом Митрофаном и снова вернулись на свои места. Княгиня Елисавета была одета в блестящую одежду, вокруг головы – сияние и надпись из блестящих светозарных букв: «Святая многострадальная Княгиня Елисавета». Руки у Нее сложены на груди, в одной руке – золотое распятие, прекрасный лик святой сияет неземной радостью и блаженством, чудные глаза Ее подняты вверх, в них святые молитвы чистой души, узревшей Бога лицом к лицу. Возле святой Елисаветы, по левую сторону стоял преподобный Сергей Радонежский, а по правую руку – отец Митрофан в архиерейском облачении. «Но ты не думай, что ты достойна была все это видеть и останешься теперь здесь. Нет, твое мертвое тело ждет тебя, это только твоя душа – со мной. Когда же душа твоя войдет в тело и вернешься опять на грешную многоскорбную землю, которая вся обливается кровью, то я благословляю тебя в ту Обитель, где тебя встретили Княгиня Елисавета и отец Митрофан». Я спросила: «Разве есть на земле такая прекрасная Обитель?» Святой отвечал: «Да, есть, процветает и возносится на Небо через добрые дела и молитвы. Смотри же, ты видела все хорошее и плохое и знай, что без креста и страданий сюда не войдешь. А покаяние всех грешных сюда приводит. Смотри, вот твое тело».

Действительно, я увидела свое тело, и мне сделалось страшно. Преподобный Онуфрий перекрестил меня, и я проснулась. Полтора часа я не могла говорить, а когда заговорила, то стала заикаться. Кроме того, ноги мои отнялись до колен, и я не могла ходить, меня носили. Доктора не могли излечить меня. Наконец, 25 сентября 1912 года меня принесли

в женский монастырь города Богодухова Харьковской губернии, где находилась чудотворная Казанская Каплуновская икона Божией Матери. 26 сентября я приобщилась святым Тайн Христовых, отслужила молебен перед этой иконой, и когда меня поднесли к иконе, и я приложилась, то мгновенно исцелилась. Тут я вспомнила слова преподобного Онуфрия, когда я была близ Богоматери: «Здесь твоя надежда». Сразу же после сна я решила удалиться из мира, а после исцеления я уже не могла дожждаться возможности уйти в Обитель. Меня звали поступить в Богодуховской женский монастырь, где я получила исцеление, но я сказала монахиням, что мне хотелось бы уйти подальше от знакомых. Спрашивала я о святых Марфе и Марии, но никто не знал, есть ли обитель во имя их. Однажды я пришла в свой Богодуховской монастырь, и монахини сказали мне: «Евфросиния! Ты хочешь уехать подальше от знакомых. Приехала сестра из обители Марфы и Марии. Туда уже поступила наша послушница Василиса». Услышав это, я была в ужасе и восторге. Скоро получился ответ от Василисы, что можно мне поехать в Москву. 23 января 1913 года я приехала и поступила в Обитель.

Передать не могу, что я испытала, войдя в храм Обители и услышав пение тропаря святым праведным женам Марфе и Марии.

Записано отцом Митрофаном 31 октября 1917 года

Житие преподобного Онуфрия Великого

Преподобный Пафнутий предпринял второе путешествие в глубь пустыни. Он шел 17 дней, запас хлеба и воды кончился, и преподобный дважды падал от изнеможения. Его подкреплял ангел. На 17-й день преподобный Пафнутий дошел до горы и сел отдохнуть. Здесь он увидел приближавшегося к нему человека, с головы до ног покрытого белыми волнистыми волосами и препоясанного по бедрам листвою. Вид старца устрасил святого Пафнутия, он вскочил и побежал на гору. Старец сел у подножия горы. Когда, подняв голову, он увидел преподобного Пафнутия, то позвал его к себе: «Человек Божий, не бойся меня, ибо я такой же грешный человек, как и ты». Это и был великий пустынник – преподобный Онуфрий. По просьбе

святого Пафнутия он рассказал о себе. Состоялась долгая беседа.

Преподобный Онуфрий Великий, царевич Персидский, родился около 320 года в семье персидского царя. Отец его, не имея долгое время потомства, молился всей душой Господу о даровании ему сына, и Бог услышал его. Но еще до рождения святого Онуфрия к его отцу пришел однажды демон под видом странника и сказал: «Царь, жена твоя родит сына, но не от тебя, а от одного из твоих слуг. Если тебе угодно будет удостовериться, что я говорю правду, прикажи бросить новорожденного в огонь, и, если я говорю ложь, то Бог сохранит его невредимым». Отец не уразумел коварства вражия и, поверив мнимому страннику, исполнил лукавый совет, бросив новорожденного дитя в огонь. Совершилось чудо: ребенок протянул руки к небу, как бы моля Создателя о спасении, и пламень, разделившись на две стороны, оставил младенца невредимым. Между тем отцу явился Ангел Божий и, избличив его в безрассудном доверии к наветам диавольским, приказал ему крестить Сына, назвать Онуфрием и отвести его, куда укажет Бог.

Когда заметили, что дитя совсем не принимает материнское молоко, отец поспешно отправился в путь вместе с сыном, боясь, чтобы младенец не умер от голода. В пустыне к ним подбежала белая лань и, накормив малютку своим молоком, побежала вперед, как бы указывая им путь. Так они дошли до монастыря, близ города Гермополя. Игумен, извещенный об этом свыше, встретил их и взял святого Онуфрия к себе на воспитание. Простившись с сыном, царь ушел и до своей кончины не переставал посещать монастырь. Лань же кормила святого Онуфрия до трехлетнего возраста.

Когда отроку исполнилось 7 лет, с ним произошло чудо. Ключарь монастыря каждый день давал ему часть хлеба. Святой Онуфрий, посещая храм, подходил к иконе Пресвятой Богородицы с Предвечным Богомладенцем на руках, в своей ангельской простоте обращался к Богомладенцу Иисусу со словами; «Ты такой же Младенец, как и я; но Тебе ключарь не дает хлеба, поэтому возьми мой хлеб и ешь». Младенец Иисус

протягивал Свои руки и брал у святого Онуфрия хлеб... Однажды ключарь заметил это чудо и сообщил обо всем игумену. Игумен приказал в следующий день не давать святому Онуфрию хлеб, а послать его к Иисусу за хлебом. Святой Онуфрий, повинаясь словам ключаря, пошел в храм, стал на колени и, обращаясь к Богомладенцу на иконе, сказал: «Ключарь не дал мне хлеба, а послал к Тебе за получением его; дай мне хоть кусочек, ибо я сильно проголодался». Господь дал ему чудесный и прекрасный хлеб, притом столь большой, что святой Онуфрий едва отнес его к игумену. Игумен вместе с братией прославили Бога, дивясь благодати, почившей на святом Онуфрии.

В десятилетнем возрасте святой Онуфрий ушел в пустыню, желая подражать святым пророкам Илии и Иоанну Предтече. Когда он тайно ночью вышел из монастыря, пред ним явился луч света, указавший ему путь к месту его пустынных подвигов. Святой Онуфрий испугался и решил вернуться, но голос Ангела-хранителя подвиг его на дальнейший путь. В глубине пустыни преподобный Онуфрий нашел пустытника и остался учиться у него пустынному житию и борьбе с дьявольскими искушениями. Когда старец убедился, что святой Онуфрий укрепился в этой страшной борьбе, он довел его до указанного для подвигов места и оставил одного. Ежегодно старец приходил к нему и через несколько лет, придя к преподобному Онуфрию, скончался.

Святой Онуфрий шестьдесят лет прожил в полном одиночестве. Много скорбей и искушений претерпел он за это время. Когда истлела его одежда и он сильно страдал от зноя и холода, Господь одел его густым покровом волос на голове, бороде и теле. Тридцать лет Ангел Божий ежедневно приносил ему хлеб и воду, а последние 30 лет он питался от финиковой пальмы, выросшей, по милости Божией, около его пещеры. В течение всех 60 лет Ангел Божий приходил к преподобному Онуфрию в праздничные дни и причащал его святых Христовых Тайн.

Во время беседы вдруг, неизвестно кем, посреди пещеры поставлен был хлеб и сосуд с водой. Подвижники,

подкрепившись пищей, долго еще беседовали и молились. На другой день преподобный Пафнутий заметил, что лицо преподобного Онуфрия сильно изменилось. Святой Онуфрий сказал: «Бог, Милосердный ко всем, послал тебя ко мне, чтобы ты предал погребению мое тело. В сегодняшний день я окончу мою временную жизнь и отоюду к Жизни Бесконечной, в покое вечном ко Христу моему». Преподобный Онуфрий завещал святому Пафнутию, чтобы он рассказал о нем всем братьям-подвижникам и всем христианам ради их спасения.

Преподобный Пафнутий стал просить преподобного Онуфрия, чтобы ему позволено было остаться жить на этом месте в пустыне, но преподобный Онуфрий не разрешил ему, говоря: «Бог избрал тебя для того, чтобы ты, посетив многих пустынников, поведал инокам и всем христианам об их жизни и подвигах, поэтому возвратись к своей братии и поведай, что Господь услышал моления мои, и что *всякий, чтущий память мою* каким бы то ни было образом, *удостоится Божия благословения; Господь поможет ему благодатью Своею во всех благих начинаниях на земле, а на Небе примет в святые селения*».

Сказав еще много назидательных слов, преподобный Онуфрий помолился Богу, лег на землю и, крестообразно сложив руки на груди, преставился ко Господу. Лицо его просияло как солнце, и пещера наполнилась благоуханием; слышалось Ангельское пение и дивный Божественный глас: «Оставь бременное тело, возлюбленная душа Моя, чтобы Мне взять тебя в место Вечного упокоения со всеми избранными Моими». Преподобный Пафнутий предал погребению честное тело великого подвижника и возвратился в свой монастырь, прославляя Господа.

После летаргического сна Фрося стала спрашивать у монахинь, есть ли где-нибудь Обитель Марфы и Марии? И вот однажды ей говорят, что послушница из их монастыря поступила в Марфо-Мариинскую Обитель, которая находится в Москве. Фрося просила написать ей, чтобы Василиса спросила, не могут ли ее принять. Послушнице написали, и та ответила, чтобы Фрося приезжала – ее примут. Тогда она тайно, никому

дома не сказав, уехала в Москву в Обитель. Там ее повели к настоятельнице, Великой Княгине, и когда Фрося Ее увидела, то еле удержалась на ногах – она узнала в Ней Ту, Которую видела во сне. Великая Княгиня благословила Фросю и сказала, что ее принимает. Потом ее повели к батюшке. Она спросила, как его звать. Ей ответили: «Протоиерей Митрофан», и его тоже, когда увидела, узнала. Так она поступила в обитель в 1913 году.

Я ходила в обитель с 1909 года, очень хотела поступить, но меня не отпускали родители, а без согласия родителей старец Обители запретил принимать. Я за службами всегда очень плакала, и Фрося обратила на меня внимание (она пела на клиросе). Подошла ко мне и спросила, о чем я плачу. Я объяснила, а она говорит: «Не плачьте, будете в Обители». С тех пор она всегда меня утешала, говорила обо мне с Великой Княгиней и с батюшкой. Они очень жалели меня, но принять не могли. А Великая Княгиня разрешила мне ходить на трапезу после всех и оставаться у Фроси в келье. Благословила ее меня поддерживать, что она и исполняла, – после службы вечером провожала до трамвая, крестила иконой «Скоропослушница». А в Обители было строго запрещено всякое знакомство. Так она меня очень поддерживала.

В 1919 году, когда я поступила в Обитель, Великой Княгини уже не было, настоятельницей была Валентина Сергеевна Гордеева. В 1920 году Фрося снова видела во сне преподобного Онуфрия, который связал наши руки голубой лентой, на которой было золотыми буквами по-славянски написано: «Господи, прежде даже до конца не погибнем, спаси нас!» – и сказал: «Благословляю вашу святую дружбу, храните друг друга». Я, конечно, считаю себя недостойной такого друга. В Обители и в последующие года вся ее жизнь прошла на моих глазах. В начале жизни обительской она вставала летом в четыре часа утра, убирала сад, вытирала полы, накрывала столы в трапезной, потом звонила, будила сестер. За трапезой никогда не сидела, а подавала к столу, потом мыла посуду. Когда трудно стало с продуктами, Фрося пошла в деревню Семеновку, познакомилась с несколькими крестьянами, и они стали привозить в Обитель картофель и разные овощи. Народ там

был благочестивый и богатый. Фрося познакомила некоторых с батюшкой. Особенно близкими были Дмитрий Григорьевич, Василий Федотович и их семьи. Заболеет кто в деревне – они устроят в обительскую больницу, которая была с операционной. Одна их девочка училась в приюте Обители. Четыре девочки поступили сестрами. В деревню возили батюшку для бесед, там были два крестьянина, очень начитанные, и их батюшка благословил устраивать иногда духовные беседы. Андрей Михайлович и Петр Федотович были, как апостолы. Фрося стала там своим человеком – крестила, то есть была крестной матерью, мирила – ее звали «мировой судья». Летом семеновские возили в Обитель батюшке и сестрам ягоды, цветы. Букеты пионов Фрося передавала и Святейшему Патриарху Тихону, когда она проходила мимо Донского монастыря и он благословлял ее. В Семеновке не было церкви, и Фрося благословила у батюшки поговорить с подрядчиками Андреем и Николаем Мартыновичами, не возьмутся ли они построить маленький храм. Они согласились. Эти люди были большими благодетелями Обители. На закладку храма приехали батюшка и сестры-певчие. Храм был построен быстро, освящен, нашли священника, и семеновцы стали прихожанами в своем храме. Из Обители дали иконы, облачение и разную утварь.

После революции из деревни запретили привозить продукты, и крестьяне не могли их продавать – у заставы стоял отряд солдат, Фрося поговорила с ними, рассказала, для какой Обители нужны продукты, той, при которой больница, приют, амбулатория... Дала им от Валентины Сергеевны какие-то подарочки, крестики, иконочки – и солдаты стали пропускать крестьян с возами картофеля и овощей. А потом, когда окончательно перестали пропускать, носила на себе – по два мешка картофеля, и по два раза в день. Восемь километров до Семеновки – и обратно восемь километров с мешками. Придет зимой поздним вечером, кое-как поест и ляжет спать на голом полу около плиты. А утром пропоет обедню – и опять в поход. А если не в Семеновку, то едет на тяжелой двухколесной телеге за хлебом для всей Обители. Одна – редко какая сестра

согласится с ней поехать. Когда я могла, то с удовольствием с ней ездила. В телегу Фрося впрягалась сама. Так восемь лет она кормила всю Обитель. Труды ее были велики, да еще на ногах, на коленях от непосильных работ у нее открылись большие раны. Батюшка позовет ее к себе в кабинет, вызовет медсестру, заставит сделать перевязку. Ее перевяжут раз, а потом она и ходит, пока бинты прирастут.

В 1923 году батюшку арестовали и сослали, и все наше начальство посадили в милицию. Надо было срочно выбирать «временное правительство», и Фрося была выбрана одним из членов «правительства», но, слава Богу, скоро всех – настоятельницу Валентину Сергеевну и все начальство – отпустили.

Однажды Фрося вернулась из Семеновки поздно и не могла идти на вечернюю молитву, а легла в постель. Вдруг видит: открывается дверь, вся комната наполняется светом, и входит Архангел Гавриил с веткой лилии и запел архангельский глас. Затем положил веточку к иконе Богоматери, снял образ святителя Митрофана и благословил им Фросю. Она лежала в страхе и трепете, не могла шевельнуться, и когда пришла в себя, никого не было. Икона была на месте. В другой раз, также усталая, она легла в келье одна, и вдруг ее кровать начала кататься по комнате, а в окне она увидела страшную рожу с огненными глазами и высунутым языком.

Она очень любила природу. Как-то шла полем, усеянным полевыми цветами, и запела псалом: «Благослови, душе моя, Господа». Пела, рвала и целовала цветочки. И вдруг видит – вместо полевых цветов – розы, лилии и разные райские цветы необыкновенной красоты. Она подняла голову и увидела – у заходящего солнца на облаках стоит Господь в белой одежде, весь в Свете, и ее благословляет. Она упала, лишившись чувств.

В 1924 году я заболела. Фрося увидела во сне преподобного Онуфрия, который сказал ей: «Не беспокойся, она поправится и будет Надежда. А тебе предстоит пост за всех беззаконников и беззаконниц». Я же, проснувшись, начала читать тропарь преподобной Евфросинии, которого никогда не

слыхала и позже нигде его не нашла. «Невесто Христова Евфросиние всеблаженная, постническими подвигами своими все плотское мудрование умертвивши, всякими добродетельми украсила еси житие твое и к Богу дерзновение стяжала еси, Ему же прилежно молися помиловати души наша».

20 ноября 1924 года за всенощной сестры-певчие все выходили на середину храма, и во время пения слов «яко согреших Тебе», Фрося увидела на амвоне Матерь Божию в голубой одежде с покровом в руках, и на нем крупными красными буквами: «Покайтесь». Она упала на колени и только сказала: «Сестры, молитесь», – и лишилась чувств. Ее вынесли из храма на руках. На другой день она не стала есть и пить, и так день за днем. Я очень беспокоилась, пошла к митрополиту Трифону (батюшка наш был выслан). Он велел дать ей просфоры и святой воды, но она не могла есть и пить – ничего не чувствовала. Ее показали профессору Снегиреву. Он сказал: «Нам нечего здесь делать. Это дано свыше. Только, когда она начнет есть, то надо очень осторожно и понемногу, а то может умереть». Во все время неядения – 37 суток, в которые она также и не пила – она работала, носила тяжести из Семеновки, ездила одна с телегой за хлебом для Обители, пела в хоре – голос не ослабел. Отец Вениамин часто ее причащал. Иногда я заставляла ее одну в больничной церкви за молитвой. Она так молилась, что не видела и не слышала ничего вокруг, лицо – особенное, одухотворенное. Под день святителя Николая она видела во сне преподобного Онуфрия, который дал ей большую просфору с печатью Рождества Христова, печать вся сияющая, и сказал: «В день Рождества ты получишь земную радость».

За несколько дней до Рождества Фрося видела сон: в соборе Обители служит Святейший Патриарх Тихон и много духовенства. Храм переполнен, и Фрося никак не может пробраться на клирос. Вдруг она видит: Царские врата открылись, на престоле в яслях лежит Младенец. Он встал и подошел к Царским вратам, казался лет двух, в руках держал большой пучок веточек, наверху каждой – звезда блестящая. Патриарх подошел к Нему первым и принял от Господа веточку. За ним стали подходить духовенство, певчие и народ. Фрося же

никак не могла подойти. Вдруг, пробираясь через толпу народа, идет епископ Антонин, обновленец. Одежда на нем разодрана и обрызгана грязью, и когда он подошел к алтарю, Царские врата закрылись, Младенец ушел. Антонин стал просить Патриарха, который ответил, что ничего не может для него сделать. Тогда он, подойдя к Фросе, говорит: «Ну ты, постница, попроси для меня ветку!» – а Фрося ответила: «Я и сама не получила». После службы все стали выходить из собора в сад. Там стояли накрытые скатертью длинные столы, на которых были разложены порции: булочка, рыба и рис. У стола Фрося увидела преподобного Онуфрия. Он позвал ее и дал корзиночку из живых роз, а в ней лежат булочка, рыба и рис, и сказал: «Говори: в день Рождества я получу земную радость». Она отвечает: «Я не могу, заикаюсь». – «Тогда пропой».

Она пропела эти слова и проснулась. Святой Патриарх Тихон вызывал ее и просил рассказать свои сны. Когда она рассказала последний сон, Святейший говорит келейнику: «Ну, Иаков, мне надо готовиться к смерти». И действительно, он умер 25 марта, хоронили его в Вербное воскресенье. И когда за всенощной все стояли с зажженными свечами, эта картина напоминала сон – веточки со звездочками.

Настал день Рождества Христова. Служба была в соборе, Фрося пела. И после «Тебе поем» Фрося почувствовала запах печеного хлеба и сразу захотела есть. Ей дали просфору, она съела, дали еще – и те съела. Ко мне подошла одна сестра и говорит: «Зина, Фрося есть захотела!» Я побежала в ризницу к отцу Вениамину, сказала ему об этом. Он велел следить, чтобы кормили ее очень осторожно, но она уже съела праздничный обед. Ночью вставала и просила есть. Я ходила к сестре А., экономке, и та с радостью давала еду. Так продолжалось недели две.

Третьего июля 1925 года Фрося еще раз видела Матерь Божию в голубом, со слезами на глазах, и на покрове слова: «Покайтесь, строго накажу!» После этого видения не пила и не ела 16 суток. Днем 19 июля она легла и уснула, а когда проснулась, очень захотела винограда, но достать его было невозможно. Я побежала к батюшке и сказала ему об этом.

Батюшка дал ей изюма, она съела его, и скоро начала есть нормально.

Много с ней было случаев страшных, когда она ходила вечером в деревню. Однажды напали бандиты, тащили в разрушенный дом, но проезжали мужики деревенские и ее спасли. Потом по совету Фроси крестьяне заявили в милицию, прося разобрать это дело, и когда делом занялись, в доме нашли трупы убитых и кости. Другой раз два солдата вели ее в дом, стоящий в поле, тоже дом ужасный, но их нагнали крестьяне, и Фрося пошла с ними в деревню. Как-то паровозик на них налетел – ехали на лошадях с Дмитрием Григорьевичем; все отделались ушибами.

В 1926 году Мать Божия строго наказала – выгнала из Обители. Вошли с автоматами наперевес, по одному в дверях каждой кельи: «Ничего лишнего не брать, одна смена белья». Не разрешили взять даже свою святыню. 5 (19) февраля (в день Божией Матери «Взыскание погибших») ворота раскрылись, и все с узелками и сумочками вышли. Настоятельницу и нас, 18 человек, выслали в Киргизский край, ехали свободно, вагон отдельный.

10 февраля были в городе Кзыл-Орда, в день ангела Валентины Сергеевны, настоятельницы. Она угостила нас на вокзале плюшками из буфета. Одна добрая женщина взяла к себе в дом Валентину Сергеевну и несколько сестер постарше и послабее. Фрося вдруг неожиданно заболела, поднялась высокая температура, и я почти ночью побежала искать диспансер – там был знакомый по Москве врач. Куда бегу – не знаю, встречные не понимают. Врача я нашла и привезла на извозчике. Доктор, осмотрев ее, сказал, что это нервное состояние и завтра будет здорова. Действительно, на другой день она встала.

Нам в городе сказали, что оставят в Кзыл-Орда и мы будем работать, как в Москве, но на другой день объявили, что разошлют нас в пять городов, и велели решить, кто с кем хочет поехать. Мы выбрали, но нас всех разъединили и разместили по-своему. И вот настал день отъезда. Мы с Фросей прощались на магометанском кладбище с горькими слезами. Она уезжала в

четыре часа в Туркестан, а я в два часа ночи в Казалинск с Валентиной Сергеевной, регентом и медсестрами. Незадолго до разорения Обители преподобный Онуфрий во сне сказал Фросе: «Я вас временно разлучу, а потом опять будете вместе».

Мы еще стояли на площадке вагона, когда поезд тронулся, я на ходу прыгнула, и когда бежала за поездом, то видела, как Фрося упала без чувств. Ее поднял киргиз и внес в вагон. Позже она написала мне, что когда они приехали на место, ей во сне явился преподобный Онуфрий и сказал: «МалOVERная, я же тебе сказал, что разлучу временно, а сейчас даю вам для спасения души – тебе – рабу Марию, а Зине – рабу Божию Валентину (настоятельницу)». В Туркестане Фрося сняла комнату за 10 рублей, с ней были сестры Мария Алексеевна и Мария Воинова. Надо было искать работу, денег не было. Она начала с торговли: купила семечек и продавала по пять копеек стакан. Ссылных жалели, и ей, бывало, и 10, и 15 копеек заплатят. На это она жила и содержала сестру Марию Алексеевну, а Мария Воинова поступила в больницу сестрой и жила отдельно. Фрося брала стирку на врачей, в аптеке мыла посуду, летом в городском саду пела украинские песни своим чудным басом, собирая много людей.

Зарабатывая тяжелым трудом, она еще и мне посылала деньги. Один раз прислала сорок рублей в письме – по три и по пять рублей. У меня на почте хотели конфисковать, но заведующий отдал. Другой раз прислала всем нам четыре метра ситца на платья. Я ее очень просила ничего никогда не посылать – я работала, и сестры тоже. Мы им посылали копченых усачей. Меня через год освободили, и я ездила к ней повидаться, но побыла всего два дня – меня вызвала Валентина Сергеевна, и я должна была уехать. Валентине Сергеевне врач давал справку не являться на ежедневную регистрацию.

В 1929 году всех нас освободили. Валентина Сергеевна решила ехать в Ростов и написала Фросе, чтобы тоже собиралась. А Фрося ответила Валентине Сергеевне письмом, в котором просила ее не ехать в Россию, а к ним в Туркестан. Валентина Сергеевна даже рассердилась на нее, и все-таки

поехали все в Ростов. В Ростове нашли квартиру, и съехалось нас шесть человек: Валентина Сергеевна, Фрося, Н.М., К.Ф., я и М.А. Но недолго пришлось пожить нам вместе: родина нас неприветливо встретила. Пришел к нам один человек и сказал, чтобы мы скорее уезжали обратно, потому что в России нам жить не дадут, а разошлют по разным местам. Нам выдали чистые паспорта, выписали союзные книжки (позже их отобрали). Так по совету архиепископа Варлаама, который в это время был в Ростове, Фрося и М.А. уехали в Туркестан, К.Ф. – в Казань, Н.М. – в Пермь, а Валентина Сергеевна и я остались пока в Ростове на зиму.

Весной, по совету того же владыки, мы с Валентиной Сергеевной уехали в Туркестан. В Туркестане Фрося и Мария Алексеевна шили одеяла. Я поступила бухгалтером в Продснаб. В это время стало все больше приезжать ссыльных. Мы познакомились с одной семьей: муж – бухгалтер, жена, две дочери. А.М. часто приходила к нам помогать стегать одеяла. Потом Фрося открыла ларек и торговала мороженым. Жили безбедно. Узбеки к нам относились очень хорошо, а ко мне – начальство.

Так прожили два года, и Валентина Сергеевна стала плохо себя чувствовать, все больше слабеть, и 19 июля 1931 года в субботу после всенощной скончалась. В четверг у Валентины Сергеевны было видение: преподобный Серафим велел ей подняться в гору. После этого все спрашивала, когда суббота и всенощная, и после всенощной – скончалась. В ночь после похорон вдова Саша (она несла гроб в жару три километра и никому не уступала) увидела во сне Валентину Сергеевну в саду в белом. Она дала ей большую просфору и сказала: «Это твоим детям». И Саша поехала за мукой и привезла много. В церковь гроб Валентины Сергеевны несли на руках ссыльные священники и монахи. Мы стояли с нею всю ночь. Похоронили мы ее за городом на кладбище, при церкви Покрова.

Фрося видела ее во сне в девятый, двадцатый и сороковой день. Сон на девятый день: шла веселая, с Ангелом, обернулась к нам, благословила и сказала: «Зина, не плачь обо мне, мне хорошо». Двадцатый день: мы все четверо в каком-то

большом храме, вдруг из дверей храма вышла Валентина Сергеевна с образом Спасителя чудной красоты и дала его нам. Мы говорили, чтобы она оставила его себе – такой драгоценный, а она ответила: «Мы всегда с Живым, а это вам».

На двадцать пятый день: мы не знали, в каком храме заказывать обедню на сороковой день. Утром рано (мы еще не вставали) стучит в окно бывшая квартирная хозяйка Валентины Сергеевны, Прасковья Васильевна, и говорит. «Сестры, я сейчас видела во сне Валентину Сергеевну, она сказала мне, что в сороковой день будет служба в кладбищенской церкви и чтобы я пела вторым голосом и стояла бы с И.С.» (И.С. был телеграфист, и неизвестно, будет ли он свободен), но так и вышло: мы пели обедню в этой церкви, и Прасковья Васильевна пела вдвоем с И.С.

Тридцать восьмой день: будто бы к нам пришли преподобный Серафим и Симеон Верхотурский, Фрося угощала их и говорила: «А у нас умерла наша матушка». А они отвечают «Нет, она жива. Хотите ее видеть – пойдите по той дорожке (они указали в окно песчаную узкую дорожку), только идите прямо, никуда не сворачивая, и ее увидите». Сказав это, они ушли. В сороковой день: во сне собираемся идти к Валентине Сергеевне. Вышли на дорожку, которую указали преподобный Серафим и преподобный Симеон. Долго шли прямо, потом дошли до места, где было три дороги: прямо, направо и налево, но пошли прямо. Наконец увидели ворота, белые, мраморные, на них золотыми буквами были написаны девять Заповедей Блаженства. Фрося постучала, и ворота открыл преподобный Серафим: «А, пришли. Пойдите здесь, сейчас увидите рабу Божию Валентину». Мы вошли в ворота, но дальше он нам идти не велел. Кругом виднелось много разных Обителей, чудный сад, воздух благоухал от цветов необыкновенной красоты. Из одной блистающей Обители вышел Патриарх Тихон, весь сияющий, в золотом облачении. Он нас благословил. Потом мы увидели преподобного Онуфрия, который сказал: «Вы пришли к вашей матушке? Сейчас ее увидите. Смотрите, какая здесь красота! И вы можете сюда прийти, если будете жить, как я говорил. Храните друг друга», – благословил нас и ушел. В это

время из Обители, обвитой виноградом, вышла наша матушка Валентина Сергеевна. Она была такая молодая, красивая, одета в белую нашу форму, на ногах сандалии, в руках держала голубенькую книжечку. Мы упали к ее ногам, они были розовые и теплые. Она нас благословила и сказала: «У нас скоро начнется служба и надо спешить. Когда я умерла, Ангел привел меня на поклонение к Господу. Я видела много страшного, но меня ничего не коснулось, потому что я причастилась Святых Тайн. Господь благословил меня и сказал, чтобы меня отвели в Обитель Марфы и Марии. Зина, мне очень здесь хорошо, я благодарю Господа. А вы будете жить неплохо в Москве, но недолго. Хорошее время еще будет, но на короткий срок. Мать Фамарь в ссылке страдает, она скоро к нам придет, а вам напишет». Вдруг из обители прибежали дети в розовых, голубых и белых платьях. Они сказали, что служба началась. Мы спросили: «А Матушку Великую можно нам увидеть?» Валентина Сергеевна ответила: «О, где Матушка Великая находится... Ее нельзя увидеть». Валентина Сергеевна благословила нас еще раз и быстро ушла в Обитель. К нам подошел преподобный Серафим и сказал: «Ну что, повидались со своей матушкой? Теперь идите домой». Мы вышли из ворот и пошли опять по той же дорожке.

Вскоре Валентина Сергеевна явилась во сне Фросе и сказала: «К вам придут неприятные люди, но вы не беспокойтесь. Все обойдется». Действительно, приехали и хотели выселить нас (дом нужен был под учреждение), но за нас вступились видные люди, и мы остались на месте.

После смерти Валентины Сергеевны ссыльных стало прибывать все больше, и труды Фроси умножились. Вспоминаю приезд Владыки Варлаама: все расположились в саду. Фрося хлопотала с обедом. С Владыкой приехало шестьдесят монахинь. Продукты ей принесли соседи – жены сотрудников ГПУ и следователей. Владыку мы оставили у себя, а остальных Фрося разместила по квартирам. Узбеки к себе брали: дома у них большие, глиняные. Всех прибывающих ссыльных ГПУ посылало так «Идите в трудовую контору Журило (фамилия Фроси), она вас устроит». Она и устраивала на работы в

квартиры. Владыку мы с радостью уютно поселили в комнате Валентины Сергеевны, но его должны были отправить в другой район, за 120 километров на верблюдах, по очень опасной узкой дороге, и были случаи, когда верблюд оступался и летел в пропасть. Фрося, по просьбе Владыки, побежала в ГПУ просить оставить его. У нас хороший начальник был в командировке, а заместитель неприятный, и он отказал. Владыка был до слез огорчен. Вечером он беседовал с нами. Мы плакали, и когда Фрося разорвала пополам свой носовой платок и дала мне вытирать слезы, Владыка сказал: «Первый раз вижу такой декеж имущества». Утром стали готовить Владыку к отъезду. Фрося достала удобную тележку, чтобы ехать другой, более безопасной дорогой. Собрали все необходимое: посуду, подушку Валентины Сергеевны, одеяла, простыни, наволочки, примус, уложили в тележку, посадили Владыку, а над головой раскрыли большой зонт. Дали письмо знакомому доктору, ссыльному из Ленинграда, и ссыльным монахиням-сестрам, чтобы хорошо приняли Владыку, и проводили его со слезами – так жаль было святого мученика. Мы надеялись, что там (он ехал в Судак) Владыке будет хорошо – место очень красивое, больница хорошо оборудована, врач, сестры – свои люди. Но конец был очень печальный. Владыку дорогой так обожгло солнцем, что, несмотря на все старания врача и сестер, его не удалось спасти, и он через неделю скончался.

Сколько ссыльных прошло через Фросю... Много было таких, у которых ничего не было: надо за них и квартиру оплатить, и одежду, и обувь достать, и питать. Конечно, своих средств было мало – только моя зарплата и их одеяла. Приходилось обращаться к добрым людям за помощью, они и помогали. И мебель находила: столы, стулья, кровати. Иногда ей попадало, но она не смущалась: всегда веселая, за все благодарит. В то время было тяжело с питанием: Фрося с трудом возила продовольствие, и часто его отбирали. Одна женщина привезла много картофеля, Фрося – к ней, попросила для ссыльных, та отказала. На другой день прибежала в слезах: «Сестрицы, я вам не дала картофеля, а у меня его весь из подвала вытащили».

Приехал в ссылку из Москвы тибетский врач-травник. Фрося стала расспрашивать, в чем он нуждается, а он отвечал, что ничего ему не надо – он с деньгами, свой повар у него. Квартиру ему сдал богатый бухгалтер-еврей, увешали ее коврами (они любят лечиться). Назвал себя «врач Хаджи-Мурат», а сам русский, православный. Пригласил он нас к себе на обед. За столом Фрося сказала ему, что я болею туберкулезом легких, каждую весну и осень кровью харкаю, а наш фельдшер удивляется, как это я живу, когда должна бы умереть. На это «Хаджи-Мурат» сказал: «Я тебя вылечу (он всех на «ты» звал), нужно выпить два литра лекарства. Один литр стоит 50 рублей». Я говорю:

– Такое дорогое лекарство я не могу купить.

– А я с тебя и не возьму.

Но я все равно отказалась. Тогда он сказал мне, что я грешу: Бог посылает врача, а я не принимаю. Так он заставил нас согласиться и вылечил меня совершенно. Фросе обещал платить 50 рублей в месяц на нужды ссыльных, а к Пасхе дал сразу 200 рублей устроить им разговенье. Общаясь с ним, мы заметили, что он никогда не крестится. Я спросила его об этом, а он рассказал нам, что видел во сне, в пустыне старца в белой одежде и в необыкновенном свете, который его хвалил и сказал: «Одно в тебе плохо: ты крестишься. Не надо никогда креститься». Мы говорили, что это был дьявол и не надо его слушать, но он не захотел нам поверить. Очень было жаль его, потому что он был очень милосердный. Больных и бедных лечил бесплатно. К нему приезжали из разных городов. Бедных он кормил обедом, лекарства давал бесплатно и оплачивал им дорогу. Вылечил двух коммунистов, которых врачи местные нашли безнадежными, но больные потребовали пригласить Мурата в больницу, и он их вылечил. После этого врачи восстали против врача и выжили: его, бедного, угнали в другое место.

Сколько ни приезжало ссыльных, Фрося всех устраивала, дома бывала мало. Еще партия монахинь прибыла. Одна из них умерла от черной оспы. Одну, Августу, мы взяли к себе. Она заболела сыпняком. Мы вместе с ней спали, ели и не

заразились. Доктор ужаснулся, думая, что мы заразились, взял ее в больницу. Когда она поправилась, опять у нас жила, пока Фрося не устроила ее с другой монахиней, Агафьей-Ангелиной, обе – духовные дочери Глинского старца отца Серафима. Они занимались рукодельем, шили, Августа вышивала очень хорошо. Около них поселился вновь прибывший старец иеромонах Макарий, духовник Глинского старца Серафима. Мы часто к ним ходили. В летние ночи молились в саду. Старец-монах стоит с воздетыми руками, освещен луной, а мы поем: «Иже крестом ограждаемы...» и другое.

Были и неприятные случаи. Одна монахиня сбежала, и Фросю вызвал в ГПУ новый начальник. Пришел милиционер, она взяла подушку и пошла. Я – вместе с ними. Если ее посадят, и я с ней. Фросю обвинили в том, что она помогла убежать монахине, но за нее заступилась жена прежнего начальника, который хорошо нас знал. У них не было детей, и она очень просила Фросю помолиться, чтобы Бог дал им ребенка. У них родился мальчик. Так, благодаря этой женщине, Фросю отпустили.

Местные жители, узбеки, киргизы, очень хорошо относились к ссыльным и много помогали через Фросю: отдавали квартиры, на базаре дарили продукты. «Апа, (сестра) мулли есть?» – и священников пускали на квартиры. Мы их и лечили святой водой, давали, как лекарство, мысленно говорили: «Молитвами батюшки нашего, Господи, исцели!» – и помогало. Раз ночью прибежала узбечка: мальчик кричит, в ухе нарыв. Пошли, капнули в ухо, снаружи вытерли, и мальчик успокоился и уснул, а утром все прошло. Киргизы много болели от грязи: глаза у них красные, гноятся. Мы ватку смочим святой водой, вытрем ею глаза, и совершенно проходит. Один старый киргиз пришел – все лицо как в проказе, плачет и говорит: «Апа, дар барма (Сестра, лекарство есть?) Помоги!» Мы смоченной в святой воде ваткой вытерли лицо, на другой день пришел – лицо чистое. Больных стало приходить все больше. Мы испугались, что врачи узнают – упекут нас, и стали говорить всем, что лекарство кончилось. Так и избавились от пациентов.

В 1933 году умерла моя мама. Мне сообщили после сорока дней. Мы с Фросей поехали в Москву, побыли на могилке. Потом поехали к схиигумении Фамари на Пионерскую, которая вернулась из ссылки. Она нас просила на обратном пути в Туркестан завезти посылку митрополиту Кириллу, который от нас жил в двух часах езды поездом. Вернувшись домой, мы отправились к нему, передали посылочку, но так как обратного поезда не было, Владыка нас оставил ночевать. Уложил у монахини Евдокии, и сам укрыл нас своей рясой. Мы стали просить Владыку нас исповедать и причастить, но он, узнав, что мы Сергиевой церкви, отказал в исповеди. За вечерним чаем он спросил, почему заикается сестра Евфросиния. Она ответила, что стала заикаться после летаргического сна. Владыка просил рассказать сон. Фрося поручила мне. Во время рассказа Владыка плакал, а вечером нас исповедал. Мы ему говорили, что идем, куда наш духовный отец Митрофан ведет. Владыка ответил: «Идите, идите за ним, я его знаю. Он великий человек». Утром Владыка нас причастил и приглашал еще приехать. Избушка его была очень маленькая, с перегородкой для кухни и матушки Евдокии. В комнате Владыки было два маленьких окошка, почти на земле. Утром куры клювами стучали в окно, и Владыка говорил: «Это мои прихожанки». Готовила матушка на керосинке, а керосин очень трудно было доставать. База керосиновая была здесь. Я работала в Туркестане от этой базы и просила своего директора-татарина разрешить им брать керосин с базы. Он разрешил отпускать им каждый месяц. Второй раз мы приехали к Владыке постом. Пели с ним канон: он и Фрося баском, а я уж чуть подпевала: «Господи, прежде даже до конца не погибнем, спаси нас...» Причастились, на другой день уехали.

Летом, ко дню преподобного Онуфрия, мы послали Владыке иконочку преподобного Онуфрия, которую написал нам ссыльный художник. Но в ответ через четыре дня получили печальное письмо от матушки Евдокии: Владыку увезли в новую ссылку в день преподобного Онуфрия, 12 июня, когда он получил иконочку.

Мы продолжали жить в Туркестане. Я работала и получала хорошую зарплату, обувь и материал, а дома шили одеяла, материально ни в чем не имели нужды. Ходили в храм в своей форме обительской, пели в хоре. У Фроси был чудный голос. Но вот церковь закрыли, и мы стали хлопотать с церковной старостой об открытии церкви. Ездили в Ташкент к архиепископу Борису, он принял нас очень хорошо и обещал помочь. Позже он писал нам, что мешает священник «красной» церкви. Старосту, женщину 60 лет, арестовали и расстреляли.

Фрося как-то приходит и дает мне открытку с видом парка и длинной дорожки с надписью: «Дорожка», и говорит: «Поедем в Москву». Так неожиданно мы с ней уехали в Москву в 1938 году. Наша сестра, оставшаяся в Туркестане, написала нам, чтобы мы постарались устроиться в Москве, но нас прописали только на один месяц, во время выборов, и больше не прописывали. И мы поехали в Харьков, где у Фроси было много родственников. Там тоже были выборы, и мы опять остались без прописки. В машинах увозили на работы, я ужасно волновалась и была в страхе. Ночью Фросе явился преподобный Онуфрий – упрекал меня в малодушии и сказал: «Ничего с вами не случится». Утром Фрося дала своей племяннице Настеньке, у которой мы остановились, наши паспорта, иконочку преподобного Онуфрия, и та пошла нас прописывать. Из милиции все уходили в слезах, но Настю начальник принял ласково и прописал нас на один месяц. А когда срок кончился, в продлении нам категорически отказали, и мы уехали в Москву, где жили без прописки то у родных, то у знакомых. Я очень переживала такое скитание, а Фрося все переносила благодушно. Наконец, знакомая нашей сестры М.М., жена покойного профессора Боборыкова, у которой была дача под Москвой, в Болшево (Северная железная дорога), решила нас там прописать. У них уже временно прописали завуча школы, строящейся на станции Тайнинская, и А.А. посоветовала поговорить с ним относительно работы.

27 июля мы с Фросей пошли ко всеобщей Смоленской Божией Матери. Месяца три назад я видела во сне, что, поднявшись по лесенке, прикладываюсь к какой-то иконе

Божией Матери, а батюшка, стоя внизу, говорит: «Это Одигитрия. Молись Ей, и Она устроит твою жизнь». 28 июля мы поехали в Болшево, были у директора школы, который принял нас на работу с радостью: меня – счетоводом, а Фросю – техническим работником, и сам прописал нас на постоянно. Школа строилась четырехэтажная, на 2000 учеников, 60 учителей, 8 технических работников. Директор был с кипучей энергией, любил детей, свое дело, затеи его были великие. Когда открыли школу, начал строительство парка, зимой в нем поставил огромную украшенную елку. При школе устроил каток, кино и весной – зверинец. В клетках сидели памирские белки, медведь, волк, лиса и шакал. В помощницы себе во всех делах взял Фросю – она везде с ним ездила, и в зоологический сад за зверями. И так как никто из школьных работников не соглашался их кормить и входить к ним в клетки, он сказал: «Ефросинья Никитична, у вас есть подход к людям и зверям, придется вам взяться за это дело» – и она согласилась. Медведь как увидит, что она идет кормить его, начинает прыгать по клетке. Она входит и говорит: «Миша, пойдя, поработай, тогда поешь», – и он начинает катать бревнышко. Кончит, идет к ней, а она опять заставляет поработать. У клетки полно зрителей, ребят и взрослых, хохочут все. Наконец, она начинает его кормить. Когда надо что-нибудь достать, куда-то ехать, при любых затруднениях – елку привезти из лесничества, она идет и добьется. Лошадь трудно выпросить – другому не дадут, а ей можно. Начальник транспорта как-то пришел к директору и говорил: «Боронин, где ты достал такую колдунью? Не могу ей отказать и не дать лошадь!» Другие директору тоже говорили: «Слушай, Боронин, уступи нам свою работницу Журило», – а он, шутя, отвечал: «Только через мой труп возьмете». А как украшать школу, классы и коридоры – сидели мы с ним в кабинете до позднего вечера: какого цвета краски масляные в каждом классе, какие картины покупать, это он уж с Фросей ездил. Купили портреты писателей и художников в дорогих рамах. Средства он расходовал большие, ему не отказывали. В отпуск он нас не пускал четыре года, говорил: «Я дня не могу представить без Ефросиньи Никитичны!» Зато мы сами себе

брали понедельник, он уж знал – придет в школу и скажет: «Сегодня понедельник, не придут».

В 1941–42 годах, когда немцы подходили к Москве, директор прибежал к нам, и говорит: «Ефросинья Никитична, собирайтесь! И Зинаида Александровна, и М.М. (с нами жила еще старая сестра М.М.) – и бежим отсюда. Мне нельзя оставаться, и жена моя поедет». А Фрося говорит: «Нет, Н.Г., мы никуда не поедем». Он рассердился и говорит: «Подумайте, я зайду еще!» А Фрося куда-то ходила, очень ушибла ногу, легла и уснула. Проснувшись, позвала меня и говорит:

– Сейчас я во сне видела преподобного Онуфрия, он сказал: «Никуда отсюда не уходите, все останьтесь на своих местах, Господь всех сохранит». Вдруг приходит Н.Г. и говорит: «Ну что, надумали?» Фрося отвечает: «Нет, никуда не поедем. А куда ехать? Вас могут призвать в армию. Что нам тогда делать?» – «Сон вам, что ли, приснился?» – И ушел. Он с большой добротой к нам относился, часто заходил. У нас была хорошая комната, устроен святой уголок на тумбочке, святое Евангелие и другое. Он никогда ни слова не говорил против. Придет, когда свободен, скажет: «Я пришел отдохнуть. Есть у вас чаек покрепче? Я с удовольствием выпью. С женой опять поссорился. Вот, Ефросинья Никитична, я запер бы вас у нас в шкафу, когда ссоримся, а вы бы послушали и сказали, кто из нас прав». Так мы никуда и не поехали. Все учителя нашего общежития также остались и благополучно дожили до конца войны. Директор на другой день после сна Фроси пришел в военной форме. Его взяли в армию, но он скоро вернулся и решил уехать работать очень далеко, опять звал нас, но мы отказались. Он, как мы скоро узнали, умер от тропической лихорадки. Сначала молились за него, а потом перестали. Вдруг видим его во сне, и он говорит: «Зинаида Александровна, что же вы меня забыли?»

1946 год. Меня частично разбил паралич, и на медкомиссии мне дали вторую группу на два года. Я оставила работу и уехала к отцу Митрофану, так как он был в беспомощном состоянии, больной астмой. Его матушка с 1944 года была парализована. Фрося осталась работать в школе. Уволилась и

приехала совсем во Владычню после смерти батюшки, в 1948 году. Она хотела доработать до пенсии, но батюшка явился ей во сне и строго сказал, чтобы она ехала ко мне. О пенсии же добавил, что мы будем на Небесном иждивении и у нас все будет. Так мы, три сестры Марфо-Мариинской Обители, стали жить вместе и ходить за матушкой. И здесь Фрося находила много дел милосердия. Люди узнали о ней и стали приходить за советом из разных деревень и из Калинина, чего я стала бояться. Батюшка недаром говорил мне при жизни: «Разлучил я тебя с Фросей. Можно бы взять ее сюда, но ведь она прогремит на всю Калининскую область, и мы – полетим».

Здесь после смерти батюшки Фрося стала часто видеть его во сне и наяву. У могилы сидел на скамеечке и благословлял (я его не видела). Он подробно рассказал о своей загробной жизни, нами руководил, как живой. Через матушку Любовь отвечал на все вопросы людей, которые приезжали к нам летом, и на могилке батюшки клали записки со своими просьбами, о которых матушка Любовь не знала, а увидев батюшку во сне, передавала ответы. Батюшка при жизни говорил нам и всем своим духовным детям: «Не плачьте обо мне, когда я умру. Вы придете на мою могилку и скажете, что нужно, и, если я буду иметь дерзновение у Господа, помогу вам».

Так матушка Любовь имела общение с ним до последней минуты своей жизни. От больших трудов и постоянных видений наяву и во сне она стала болеть сердцем, о чем говорила батюшке. Он отвечал, что это нужно для людей. Слегла она после нападения пяти волков, на Петров пост. На другой день захотела пойти за 10 километров навестить Сережу, больного мальчика, которого мы растили. После тяжелого пути опять пошла в другую деревню, чтобы поблагодарить художника, увеличившего портрет батюшки. Там собирался дождь, и она помогла грести сено. Так не дала отдохнуть сердцу, а чувствовала себя плохо. И наконец, без всякой передышки поехала с Леонидом Николаевичем Пясковским в Калинин к дочери отца Квинтилиана, которая заболела. Здесь сердце матушки Любви уже не выдержало, и она слегла. Началось

страшное сердцебиение, продолжавшееся несколько часов. Вызванный врач говорил, что за всю долгую свою практику не видел сердца в таком состоянии.

Матушка Любовь пролежала в доме отца Квинтилиана полтора месяца. Врач приходил постоянно, уход за ней был с большой любовью. Перед отъездом отец Квинтилиан нас пособоровал, причастил, на такси проводил домой. Спаси их, Господи, святая семья! Через несколько дней она вышла в садик и упала, получилось небольшое сотрясение мозга. Потом простудилась, заболела воспалением легких. Отправили в больницу. Через две недели выписали, а дома – сильный сердечный приступ. Опять увезли в больницу, и началась мука: то в больницу, то домой, страдала от сильных сердцебиений, задыхалась, дома были постоянные видения.

Так продолжалась болезнь с июня до дня смерти 2 марта 1956 года. За несколько дней до смерти она, как бы в забытьи, говорила с батюшкой, не знаю о чем. Потом спросила: «А Зина как?» – и вдруг заплакала. Когда я читала ей вечерние молитвы, она вдруг воскликнула: «Зина, смотри, Ангел стоит, крылья большие!» Однажды со мной осталась ночевать соседка А.И. И вдруг Фрося зовет нас: «Зина, А.И., пойдите сюда, кто пришел к нам! Преподобный Онуфрий, праведная Анна, Марфа и Мария и еще несколько святых. Батюшка, Матушка, они все благословляют вас, а меня – нет. А вот и меня благословили». А.И. говорит мне: «Это у Ефросиньи Никитичны галлюцинация». Одна близкая нам женщина позже поделилась, Фрося ей говорила, что она умрет, и просила их готовить обед и смотреть, чтобы все были сыты. Другим двум, навещавшим ее, сказала, где они будут сидеть на поминках. Потом одной отдала шить нам темные платья и указала место, где положить узелок. И всем строго запретила говорить обо всем мне.

Первого марта, масленица, одна деревенская прислала Фросе блинов, сметаны, творогу, рыбы жареной, и она ела с большим аппетитом. Потом пришли две Евдокии-именинницы, Фрося их поздравила, встала и по-прежнему громко пропела «Многая лета». Вечером я просила ее постараться уснуть, потому что она устала. Она согласилась, но просила ее

разбудить на вечернюю молитву. Когда я увидела, что она уснула, то не стала ее будить и начала читать молитвы. Не помню, на каком месте я взглянула на большой образ Казанской Божией Матери, как вдруг на меня блеснули живые глаза Пресвятой Богородицы...

Далее в рукописи идет несколько неясных букв, и текст обрывается. Матушка Любовь тихо умерла 2 марта (15 марта по новому стилю) 1956 года, в 10 часов утра, в день Державной Божией Матери.

Воспоминания матушки Надежды о ее духовной сестре Евфросинии

Жизнь теперь другая. Жизнь более внутренних подвигов. Мы, может быть, и рады подвиги прежних подвижников совершать, но это нам не дано. Обстоятельства жизни такие, что этого с нас не требуется. Но, с другой стороны, и нам много дано. Мы не можем оправдываться обстоятельствами жизни – по ней с нас много снято. Мы тоже должны подвиги совершать. Время – какое было, такое и есть. Жизнь меняется – внешне. Внутренняя жизнь – всегда велика. Время не такое, мы не такие... Какие же не такие? Такие же! Мы сами себя коверкаем.

К Господу Богу идем – значит, должны принести Ему – все: мы должны быть подвижниками, то есть двигаться к совершенству – к Господу Богу, а мы равнодушны: время не такое, люди не такие, и я не та. Ничего подобного – ты так же устроена. Для всех времен – Церковь, Евангелие, святые учителя. Послушание – выше постов, молитв, самых подвигов великих. Послушание и есть самое трудное. Мы должны знать, какое у нас послушание. Спрашивай Господа – Он доступен нам, всегда свободен для нас, спрашивай – и все, что нужно, будешь знать. Для человека все возможно, лишь бы было благое желание. Мы должны быть довольны, и Он должен быть доволен нами.

Церковь, пастыря обязательно нужно иметь: имею, и нет мне никакой заботы; наше дело – за него, отца духовного, молиться. Это – раз навсегда. Надо найти духовника, просить, искать. Нашел – и навеки, а так – запутаешься.

Мы имеем такое дерзновение великое – всегда обращаться ко Господу, во всякое время дня и ночи. Не надо искать особого места, обстоятельств, ехать на край света – Он всегда близ, всегда слышит и ждет тебя.

Надо искать, надо просить пастыря... Желает человек с Господом Богом жить и Им одним руководиться – все, что нужно, Господь укажет и помощь подаст. Он не считается ни с чем – Он должен спасать и спасает.

Бывает вообще обыкновенная Любовь христианская. У Фроси Любовь была жертвенная. Она готова была жизнью пожертвовать без всякого раздумья, если бы пришлось.

Ей бы можно еще два раза менять имя, а старец Алексей, наш обительский, который ее в первый раз постригал, сказал: «Не менять!»

Другой бы разбирал: это делать, это не делать. А у нее: где нужно оказать Любовь, там и она. Вообще она была очень самостоятельная в этом отношении, как будто над ней не было никакого начальства, никакого предела. Бежит напропалую – и все... Это была монахиня Любовь в полном смысле этого слова.

Любовь была безразборная: кого любить, кого не любить... Никаких врагов у нее не было. То есть были, но она с ними так обращалась – как с лучшими друзьями.

Враги были... Или завидовали, или считали, что она – человек, не подходящий для общей жизни, некоторым было противно, что она такая, и отношение к ней было и с насмешкой, и с презрением... – сколько хочешь таких было. А она к ним наоборот.

... Подряд Любила. Она людей превращала. Это было ее такое особенное дело на людей...

Ах, Фрося, Фрося... Как будто Ангелов на небе не хватало...

Я тоже не могу сказать, что не люблю людей. А так по отдельности; этот тебе ближе, по сердцу что-то тебе ближе чувствуется, к сердцу он тебе касается, это из родства душ любовь бывает такая. И вот есть в этом что-то не то. А для нее – все хороши, душу за каждого полагала. И чем человек хуже, тем для нее лучше оказывается. Это дар человеку дан – такие чувства иметь. Общая любовь: не делать зла человеку. А насчет христианской Любви, это дело уже того, – сложнее.

У нее Любовь такая безмерная или безразумная (смеется), не знаю, как назвать. К любому «врагу» лезет в самое нутро. И добьется, что человек совершенно меняется. Дело и словом (молитвой, конечно) до того доведет, что человек вовсе забудет, как относился... Она не может вообще переносить, что человек к кому-то плохо относится: к другим, к ней ли...

– Матушка, я думаю, к матушке Любви о умножении христианской Любви нужно молиться.

– Молись... Я вначале не понимала, бывало, злилась, говорю ей: «Как это назвать? Лезешь насильно к человеку. Она не желает дела с тобой иметь, видеть тебя не может»... – старалась ей внушить (смеется). Хотя я недостойна, но преподобный Онуфрий благословил эту дружбу зачем-то.

Не то, чтобы она льстила или действительное насилие... – просто она не могла иначе. Это чудо Божие. Человек готов лезть в огонь и в воду, чтобы сделать что-нибудь для другого. Попробуй отвори от меня нос, я так же. А она этого не знала. Где только брань или дрань, или что-нибудь такое – она тут как тут – и мир водворится. Ей говорят: «Что ты лезешь – не твое дело!» Она соглашалась: «ну, хорошо», – а сама – свое. Смеялась: «Меня гонят в двери, а я – в окно!» Она молилась за человека...

... И ты внимательна будь к жизни человека. Может, кто нуждается в твоей помощи и любви, или духовной поддержке. Представится случай оказать Любовь – окажи ее и будь спокойна...

... По внутренней жизни Фрося была красавица... Человек, который так нужен на земле... Один должен бороться, чтобы были такие чувства, просто потому что он знает: надо. А у другого – природные такие чувства. Как угодно борись – не отнимешь.

Духовными очами посмотреть, и мы гораздо более способны сделать Богу и людям. Да, рад бы в рай, да грехи не пускают. И мы, порой, поймаем себя на таковых чувствах: нехристианских.

... Она не понимала, что за гордость такая.

Уж когда она ткнется поперек кровати или под кроватью (коль занято будет место) – ей все равно – это значит, кончился ее рабочий день. Она, например, любила в Обители, в кухне... набегается: труды были тяжелые... до того упехтается, она не разбирает, где попадет, ночью зайдешь – боишься на нее наступить. Физические труды и моральные. Плохого отношения

она не понимала... Никакого самолюбия. Как дитя. И дети-то разные: попробуй, тронь какую «детю» (смеется).

Я бывало: «Как ты ее терпишь?» «А как я обращаюсь? Как с человеком, да и все». Нет, она не понимала разбирать, как относиться... Она была готова для всех и для вся – на всякую жертву. Она неверующих обращала. И коммунисты к ней с таким уважением относились. Я все хотела научить ее, (смеется) как надо. Нет. Никакого действия. Это была ее природа. Как она родилась, так ее ни мытьем, ни катаньем, ничем не изменишь. Самородок, говорят... И льстивыми их сочтут или еще что припишут: но жизнь их была настоящая, по правде сказать.

А мы: «что я буду делать, у меня такой характер... что же я буду из себя выходить?». Но разве хоть кто-нибудь из людей не рад испытать хорошие чувства?!

Если Господь дает на земле такое счастье, то как прекрасно на Небе! Какое там ликование, потому что Любовь, а с Любовью и единение, радость всякая, утешение. А без Любви – смерть одна, боле ничего. Любовь никогда не перестает, а если и все в мире исчезнет, она не перестанет. Любовь остается навсегда.

У Фроси – был особенный дар слез. Мы тоже, бывает, плачем, – от обиды, от злости; плачем, если не удастся что. У нее этот дар был постоянный, как будто она за всех плакала. Ей было дано молиться за весь мир и – плакать. Начинала благодарить или просить Бога – и тут же слезы. Так она молилась за человека. Мы заплачем, у нас что-то там покажется, капнет, а у нее – потоки. Когда она плакала за людей, она обливалась слезами. Это уж, мил мой, не каждый так может, а кому дано. И ты рад бы так заплакать, да не получается. Старец Алексей – знаменитый был такой прозорливый старец – сказал: «Имя ей – Любовь, и не менять больше. С этим именем и умереть». Фрося, какая она была! Таких в мире – на счет, особенная жизнь. Бывают жизни избранные. Она дары имела и на других изливала.

Преподобный Онуфрий всегда с нею рядом был. Когда уезжать, например, он всегда ей являлся и говорил, что делать.

Так что она под руководством жила, тем более на все большие случаи.

Она всех любила, все – любила...

Жизнь сама по себе – красота и свята, но мы – как мы ее примем и повернем? Нам тоже нравится хорошее все. Немножко мы ее подпортим иногда, но, в общем, хотим хорошего. Она ничего не могла равнодушно видеть. Природу: «Господи, что Ты дал человеку! Все Ты дал!» – и целует, целует цветочек и в это время благословляет Господа. В одну такую минуту она увидела Живого Спасителя: Он стоял и благословлял ее. Она упала без чувств. Сам человек не может возгревать в себе искусственно подобных чувств, это не полагается – он в прелесть впадет.

– Какая Вы, матушка, счастливая!

– Да, считаю себя очень недостойной такой близости. Она и я: небо и – земля. Великие люди – не понимают себя, они считают себя ниже всего. Если бы не было таких людей, то мир не мог бы существовать. А мы все: я не хуже других. Зинаида Александровна, (говорит матушка как бы от другого лица, явно издеваясь над собой), – какая скромная она, а попробуй ей наступить на ножку, она тебе и покажет, какая она.

О духовном родстве

Уж больно долго не берут – не гожусь. Быть может, никогда не пригожусь. Полезу я туда, а мне скажут:

– Ты куда?

– Я к Фросе.

– К Фросе? Повёртывай назад. – А Фрося:

– Да вы что, это моя Зиночка! – И начнет меня тащить.

– Да ты знаешь, куда она пойдет-то? Чуть ли не во ад. – А Фрося скажет: «Ну, и я с ней». Она такая была. Фрося не даст, Фрося из ада вытащит.

Есть кровное родство, или когда долго вместе живут, а наше родство никакой силой не выдернешь (жест, как бы не умея что-то вынуть из груди). Это никто и ничто не может отнять. Не знавшие друг друга – одна на севере, другая на западе, а души сами – одна к одной, и конец – никто не может разрушить. Душа одна и другая – а чувствует как одна. Это дорого стоит, очень дорого. Это выше всякого кровного родства, всякой близости. Его мало – этого родства душ, но все-таки бывает... Что та думает, то и эта, что та хочет, то и эта хочет, – все одно... К такому родству трудно приближаются люди, почти что как к Богу трудно приближаться – потихоньку, понемножку: тут соединились, там соединились, и все в одно, а то много разделения. А побольше бы собирались твоя душа и моя, и еще. Это – самое дорогое, самое счастье. Тут враг и действует, конечно, строит козни, тут борьба должна быть.

А если человек здраво подумает, почему у нас должно быть разделение – у нас один Господь, одна Церковь, одна жизнь общая, какое тут может быть разделение? Кто же это тут лезет? – И гнать, прямо в шею лупить, бороться – тогда дело будет другое. Надо большую борьбу вести – за соединение душ. Если бы мир к этому стремился, райская бы жизнь была на земле. А если она говорит: «Лучше так», а ты – «так», – вот дело и пойдет не к делу. Но лишь бы желание было, и Господь поможет. Души у всех устроены одинаково, все надежды, желания, упования у нас общие. Стремиться к одному – к единению душ.

Господь никого не обидел. Всех Он наградил – каждого человека, а сам человек из хорошего делает плохое – не Господь же его портит. Он не создал нас для греха, а только для добра. А другой бы рад, он сознает, что в нем плохо, он должен бы выбивать, а это – путем болезненным. Мы знаем отлично, что нужно Господу Богу, вот дело-то какое. Усердие надо употреблять. Где его взять, смирение-то, за какие деньги? Насбирали бы денег, – нет, нет желания смиряться... А как хорошо смиряться, переносить обиды, скорби, оскорбления! Это самое дорогое – терпеть человека, который тебя не любит, любить – всех. Преподобный Онуфрий Фросе сказал: «Люби всех без разбора». Любовь не делает зла, совсем она не знает, что такое зло. Если мы любим любящих нас – что в этом такого, а ты полюби считающегося плохим! А мы так мало стараемся об этом спасении... И теперь Господь все страдает, видя, как люди ненавидят друг друга и всячески грешат. Он опять на Кресте, а мы этого не чувствуем.

Воспоминания матушки Надежды об архимандрите Сергие

Из дневника Митрофана Сребрянского

10 февраля (1905 года), деревня Каулацзы

Нет слов выразить, как сразила нас всех ужасная весть о мученической смерти Великого Князя Сергея Александровича от руки гнусного злодея. Я прямо-таки трясся весь, как в лихорадке. Как невыразимо жаль бедную страдальицу Великую Княгиню! Такая добрая, сердечная, чудная женщина, и какое тяжкое горе выпало на долю Ей! Один Бог может Ее утешить и послать силы перенести постигшее несчастье.

Я уже два раза служил панихиды по Великом Князе, все на том же огороде, и оба раза было холодно и ветрено. Всем хотелось помолиться об усопшем, командир полка, когда сообщил полку об ужасной смерти Великого Князя и о том страдании, какое переносит теперь наша всегдашняя печальница Великая Княгиня, расплакался. Да и трудно было не плакать. Невольно пришли на память слова покойного церковного витии: «До чего мы дожили, о россияне! Что видим, что делаем!» Действительно, дожили до трудных времен – дай, Боже, силы пережить, перенести это страшное внутреннее и внешнее испытание!

Я часто смотрю теперь на картину Васнецова «Преддверие Рая». Чудная картина! Перед глазами цари, царицы, князья, мученицы Екатерина, Варвара, и другие многие мученики, знатные и убогие, все – труженики, и у всех одно в глазах – исполнен долг, завещанный от Бога. О, Господи, помоги же и нам, среди заслуженных нашими беззакониями страданий, не упасть духом, не ослабеть в вере в Тебя, в Промысел Твой, помоги смириться, терпеть и, начиная с Царя и кончая самым убогим из нас, – всем исполнить принятый нами на себя долг – до конца, невзирая ни на какие злодейства и беды! Чтобы, когда станем перед дверями Рая, и мы могли, подобно древним, с надеждой ожидать, что и для нас откроет их Спаситель, так как и мы, насколько были в силах, смирялись, верили, терпели, исполняли свой долг.

Странно, до боли странно, как это христиане мечутся туда и сюда, ища ответа на вопрос, как жить, чтобы на земле царили счастье и правда! Неужели могли забыть христиане, что Господь Иисус Христос так ясно и просто, раз навсегда разрешил этот вопрос, сказавши, что Царство Божие внутри нас! Кажется, ясно – займись каждый прежде всего переделкой себя, своей внутренней жизни, преобразись по образу Христа, и при Его благодатной помощи – а внешние-то формы жизни сами собой будут хороши. Человек, преобразившийся по Христу, есть уже такое существо, которое никогда не обманет ни Бога, ни людей. Он честен внутренне и наружно. Общество таких людей под управлением не какой-либо партии не преобразенных внутренне людей, а христианского Государя-отца и есть идеальное государство.

Мне всегда представляется, что если воду грязную и вонючую, находящуюся в глиняном сосуде, перелить в золотой, она от этого не станет чище и вкуснее, так как грязь находится не в стенках сосуда, а внутри самой воды. Отсюда, конечно, вывод прост – как бы ни были совершенны внешние формы жизни, сами по себе они не очистят внутренней гнили людей, а только, замаскировавши внешним блеском внутреннее разложение, дольше продержат людей в обмане. Нет, дай, Господи, нашему дорогому Отечеству, потрясенному бедами и злодействами, возродиться во Христе, под мудрым управлением Помазанника Божия, самодержавного Царя, и при святом руководстве Православной Церкви, да так, чтобы каждый русский мог всегда сказать: *Теперь уже я не живу, но живет во мне Христос*. Вот тогда и воцарятся на нашей Родине правда и счастье.

Под влиянием последних событий так было тяжело, что казалось, еще мгновение – и голова расколется пополам. Христос, Христос – о, как верно Он именуется Спасителем! Что было бы с нами, если бы не вера в близость Отца Небесного, Который знает, что и для чего делает, попускает! Эта вера и молитва спасли. Выйдешь на огород наш, взглянешь туда, в синеву небес, вознесешься мыслию и сердцем к Нему, Сладчайшему нашему Отцу и Другу, вздохнешь пред Ним

глубоким-глубоким вздохом покаяния, смирения, просьбы о сочувствии и помощи, и вдруг так ощутительно почувствуется Его сладкий голос там, внутри, у сердца: «Зачем усомнился, маловерный, ведь Я же сказал заранее, что в мире скорбны будете, но дерзайте, яко Аз победих мир, что претерпевый до конца спасется, что не будьте подобны тем, кои во время счастья веруют, а во время напастей отпадают, что Я с вами до скончания века».

И вдруг самому мне странно становится, как это я мог отдаться унынию, ведь сила наша – Христос, Который претерпел страшные страдания, ужасную смерть и кончил тем, что все это победил Своим Воскресением, предрек и обещал верным последователям Своим ту же победу. Ведь эта побеждающая сила с нами. О, ничего не боюсь, пусть все силы ада идут на нас, пусть мы останемся малым стадом, но слов Спасителя: «Не бойся, Я с вами!» – никогда не забудем. Прочь, прочь уныние, дай место вере, надежде, любви. Аминь, – кто-то говорит в душе – и мир снисшел в сердце, и снова улыбка на лице. Слава Тебе, Господи, за все в нашей жизни, какое счастье, что мы – христиане!

Я послал Великой Княгине телеграмму, а потом написал и письмо, не мог удержаться – ведь горе-то, горе какое! Сколько раз Она утешала нас на войне и близких наших, мог ли молчать я, христианин и священник, когда Она Сама оказалась в таком ужасном несчастье!

Вообще, мне кажется, теперь, когда по какому-то незаконному праву кричат и доставляют обиды и скорби злодеи нашему христианину-Государю и его Царственной Семье, нам ли, пастырям Церкви, молчать в такое время! Эй, православные русские люди! Пойте громче, всей грудью пойте: «Боже, Царя храни!» – так, чтобы земля дрогнула, чтобы затрепетали злодеи, изменники святой присяги. Составляйте адреса, пишите письма, шлите их Государю-страдальцу, идите сами к престолу Его со словом сочувствия, клятвы в верности. Утешьте печальника нашего, отца Отечества! Утешьте скорее, скажите Ему, что отбросите теперь традиционные наши «авось», «небось» да «кое-как», а всеми силами возьметесь за Христово,

Государево и русское дело. Пора, обыщите все уголки в земле Русской, найдите крамольников, злодеев гнусных. Ищите все, все, у кого не умерла еще русская душа, вразумляйте их и, если не подействует, – отдавайте их на суд Божий и правосудие человеческое. Помогайте своему Государю. Очистите предварительно и свои души от внутренних злодеев, грехов лютых, сердечным покаянием. Омойтесь слезами и молитвою. И тогда возрадуется Господь наш, утешится скорбный Царь наш. Мир, правда и счастье воцарятся в земле нашей¹².

– Бывало, кто-нибудь батюшке кается, – вспоминала матушка Надежда, – он: «Ты не святая». Больно добер был – никого не обличал. Но так тонко даст понять, без всяких слов и действий, что человек что-то натворил. Простое обыкновенное слово скажет, не обличительное какое-нибудь, но оно сразу человека приводит в сознание. Батюшка был в этом деле чудотворец – сумеет и не обидеть, ни словом, ни делом, ни взглядом – но действует очень чувствительно: «Батюшку обидели, батюшка огорчился!» Да, отец дорогой, таких, конечно, мало!

Батюшка в юности учился на врача-ветеринара, потом все оставил и стал священником, служил в Орле. Как его там любили! Духовных детей – толпы, требы без числа... Женат он был на дочери священника. Бог не дал им детей, и они решили хранить в супружестве целомудрие. Позже их Святейший Патриарх Тихон постригал в монашество: батюшка стал архимандрит Сергей, батюшкина матушка – монахиня Елисавета.

Он еще молодым священником удостоился явления Царицы Небесной: Она благословила его строить храм во имя Покрова, и он без всяких средств, с великой помощью Божией построил. Не хватало кирпича, и Матерь Божия пришла во сне к местной заводчице кирпичной: «Что же, – говорит, – ты каждый день ездишь мимо дорогого для Меня строительства, а и не видишь, что там кирпича не хватает?» Она говорит: «Кто Вы?» – «Я Хозяйка дома, который строят». Та скорее в церковь: Как же это я каждый день тут езжу и не вижу вашу нужду!» – и до конца снабжала строительство бесплатным кирпичом.

Батюшка при церкви школу открыл, библиотеку собрал и преподавал сам детям. Собственно, это было уже служение – подобное Обительскому.

Как батюшка исповедовал! Жили, как будто мы совсем дети безгрешные. Исповедь говорили и писали. Я, например, писала, читала ему, или он сам возьмет, прочтет. Надорвет (не на куски, а так), – раз, два, разрешит: «Я – духовник нестрогий. Ну, уж больше ничего нет у тебя?» – «Куда уж, батюшка, больше!» Всякую глупость, что в голову взбредет, – бежишь: «Батюшка!..» А как спокойно жилось! Какое-нибудь слово встревожит тебя – уже рассказываешь. Ему-то нелегко, конечно, было всякую дурь слушать. По-моему, это самое трудное, – кротость иметь, по-моему, выше этого ничего не надо.

Руководство – великое дело: и хотел бы что-нибудь натворить, ничего не получится. Какие бывают духовники – если по морде не дадут, так словом так дадут, что лучше бы по морде дали! Слово сказала неприятное, тут же: «Я сейчас рассердилась на Полю...» – «Я духовник нестрогий, прощаю и разрешаю». Как мы его боялись огорчить лишний раз!

У батюшки Библия сквозь все ссылки сохранилась с надписью: «Елисавета. Память совместных трудов». Благословил их на этот путь преподобный Серафим. На открытии его святых мощей в 1903 году они познакомились. В русско-японскую войну он ушел на фронт, был полковым священником. Над его Черниговским полком шефствовала Великая Княгиня Елисавета Феодоровна. Сколько раз он на волос от смерти был, коня под ним ранили, и он летел через его голову... Походный алтарь был у них в палатке, раскидывали его на каком-нибудь огороде, среди лука и капусты. Порой служба не кончалась – начиналась канонада, чуть не в капусту снаряды попадали, такая близость линии фронта. И тут же солдаты шли в бой с благословением Божиим, и через считанное время на батюшкиных руках причащались, умирали его духовные дети. Однажды их отряд окружили японцы, отрезали от своих, и он писал последнее письмо близким, благодарил их и Господа и молился.

Такую незлобивость, такую силу духа Бог ему даровал! Да, есть люди счастливые! Ни на что не сердился, ничем не возмущался. Батенька, батюшка наш, как он огорчался! «Не могу я быть духовником строгим!» Мы чудачки-дуры были девчонки:

– Батюшка, а вы начните, попробуйте! Батюшка, ну вы хоть раз нарочно рассердитесь как-нибудь, а то ведь страха никакого нет.

– Ну, подождите... Что? – Слово скажет, уже в глазах смех. – Ты что говоришь? – Руками упрется, голову вниз, сморщится, бас такой сделает и сразу испугается: «Что-то я уж строго очень». А мы: «Нет, нет, не надо, страшно, страшно!» А он смеется: «Умрете еще со страху, за вас отвечать». Иногда был, как дитя. Необыкновенной кротости. Невозмутим никогда, ничем – невозмутимой кротости. Уж так-то мы его никогда не сердили! В Раю я не была, не знаю, как, но думаю – похоже, как рядом с ним жить. В последний год перед смертью он мне:

– Ты меня, Зиночка, прощаешь?

– За что, батюшка?

– Мы ведь тебя семь лет в Обитель не брали! Ты бы Великой Княгине сказала, что много зарабатываешь, поэтому мама тебя не отпускает, Великая Княгиня платила бы за тебя.

В случае нападения помыслов он советовал бороться молитвой. Даже «Господи помилуй», если сказать от сердца – вот и принято. Каждый день исповедовал, вечером, перед сном. Если хоть что-нибудь чувствительное – так спать не ложились, шли на исповедь или, если возможности нет, записывали. Обязательно надо успокоиться, почувствовать: все сдала. Но это у нас такая возможность была: на каждый вечер все-все должна вспомнить.

Проповеди его известны были. Очень просто говорил, но все к месту, так что ни прибавить, ни убавить. Как будто у него кто-то внутри говорил, голос какой-то наружу не выдавался. С кем жили, и что нажили! Какой мир, какие люди! Теперь мир пуст и наг, как без них быть, продолжать...

Отцу Митрофану приходилось общаться с любыми людьми, особенно в ссылках и во Владычне: место последней ссылки

его после Архангельской области. Там он был на лесозаготовительных работах. «Минус» Московскую область ему потом дали. Для всех он находил язык, всех родов к нему приходили, все уходили довольные. Один на всю семьющу огромную, как светильник какой, стоял и горел. Не ценили его многие, не любили. Вот бывает так: не по духу человек, не по душе – и все. Он вроде для всех был одинаковый, да мы были неодинаковы. Насмехались: кротость какая!.. Такой доступный был – таким басурманкам, как мы, достался такой кроткий пастырь!

– Матушка, ну какая вы басурманка!

– Ты меня не знаешь, я всем пример была по басурманству. Духу кротости и в помине не было.

Любил, чтобы была между нами Любовь. Любовь все покрывает, все может. Без Любви ничего не получится... Не любил он ограничиваться общей исповедью: батюшка не знает, в чем я грешна – я ничего не сказала, как же он помолится обо мне? Это очень печальное явление. Сейчас – настоящая исповедь упраздняется все больше, к сожалению великому. А когда мы были в Обители, нам полагалась исповедь за каждую неделю, а можно и каждый день, если нужно, только так и можешь очиститься. В мое время какие очереди стояли за исповедью! Исповедь за ширмой, а сейчас: «Прощаю и разрешаю...» – и батюшка не знает, и я сама не знаю своих грехов. Человек так забудется, что и на самом деле все забудет. Бывало, девчонками – стоишь в очереди, надрожись, Боже мой – все передумаешь! Общая исповедь отучила человека от искренней исповеди. В общей исповеди он, может, и половину слов не слышал, а что и слышал, не почувствовал. Раз человек не называет свои грехи, не страдает о них – он перестает чувствовать, есть ли у него грехи, и какие. Так привыкаем к нечувствию, и совсем вроде безгрешные оказались, – страшное дело! Так довольны все общей исповедью! Батюшка прочтет на скорую руку – стоит себе человек и думает совсем о другом. А когда идешь лично исповедоваться, натерпишься сколько страху! Безответственность это страшная – человек с каким сердцем пришел, с таким и уходит.

Старость – доказательство жизни праведной в молодости: как прожили? «Старость не радость», но батюшка не велел так говорить, он старость очень уважал... Часто нам повторял: «Как я радуюсь, когда вы дружные, и как тяжело, когда поссоритесь! Старайтесь быть в мире!»

Сюда, во Владычню, трудно было к нему ездить – власти следили, чтобы общения с ним не было. Даже в церковь запретили ему ходить: «Вы здесь приходите – к вам все за благословением бросаются. Вы опасный человек». В будние дни ходил, молился, причащался, чтобы его не видели. А люди к нему все равно шли.

До последней болезни был на ногах. Зимой простудился – крупозное воспаление легких. Ушел от нас 5 апреля 1948 года в полном сознании. Матушка батюшкина после его похорон забылась сном и вдруг разрыдалась: «Два года, два года! Как долго!» И похоронили мы ее через два года. Готовили могилу рядом, нечаянно сдвинули крышку его гроба – а батюшка лежит нетленный. Блаженны кротции – вот все для них.

О милых спутниках, которые наш свет
Своим присутствием животворили,
Не говори с тоской: их **нет**,
Но с благодарностью: **были**.
Василий Жуковский

Мы счастливые, потому что знаем: Они не только были – Они есть. И Они – неразлучно с нами. Их облик – живая книга, которая учит нас жить по-настоящему.

В последнем письме Матушка Великая написала нам: «Дети мои, станем любить не словом или языком, но делом и истиною». Это апостол Иоанн Богослов. А в наше время нет ревности, живой веры, истинной христианской жизни, которая внешне проста. Но очень сложна эта наука! Жить надо – **бороться, чтобы не застыть**.

Тело, тело на первом месте, а душу бедную загнали в угол: молчи, помалкивай! Время, когда нет жизни духу, дух забивают... Сказано: «Один в поле не воин», но ты, да я, да мы с тобой... Главное – иметь духовное руководство. Имей духовного отца, верь всецело, будь с ним открытой душой – и

будь спокойна. Держись пути, надо знать путь. Пускай меняются времена и места – иди указанным путем. Одно руководство Господа Бога для нас слишком высоко, нам нужен здесь руководитель. Надо держаться за чью-то твердую руку. «Я сама» – вот страшно, «я сама-то» быть... Ведет тебя верная рука, тогда не пропадешь. Нельзя скрывать, жаться: «Сказать – не сказать...» – и он это будет чувствовать. А когда все откровенно, Господь ему будет подсказывать, что с тобой делать, как тебя вести. Самое главное – иметь руководителя, которому всецело доверяешь. Тогда живи себе спокойно, как у матушки родимой под крылышком. Живи, как будто у тебя и грехов никаких нет, как дитя.

Тебя все тянет куда-то – вроде бы хорошее, а ты посмотри – *кто тебя тянет!* Нам все кажется, мы сами знаем, как нам идти, куда нам идти; а нам – то человек не тот, то климат не подходит; а Господь говорит: «Ищи сам». Но ты сам не знаешь, что тебе надо – если бы знал, то и шел бы, а то с дороги сойдем очень скоро. А Господь все поглядывает: куда это ты, деточка, пошла не туда, иди-ка сюда, вправо.

– А я вот сюда хочу!

– Ну, ищи. – Пошла, шага два прошла – и полетела: ах, что-то я споткнулась!

– Ошиблась – поверни назад, исправься, и все будет хорошо.

– Что же, я не знаю, как идти? Мне дан разум самой выбирать. – И пошла писать, хлоп – нос разбила, конечно, вдребезги: «Ах, наверное, я не туда свернула!.. Что ж, раз уж пошла – надо все-таки идти, как иду». А на самом деле надо – **возвращаться...** Сюда? Снова не сюда. Господи, куда же мне идти? Господи, прости меня!» А Господь уже забыл, что ты Его не послушалась: «Становись, становись!» – и ставит тебя на твой путь. «Один есть путь – иди, милая, куда тебе сказано, иди». До последнего момента, пока глаза у тебя закроются, надо учиться. Преподобный Серафим за неделю полностью Евангелие прочитывал! И в понедельник – снова с первой строки начинал. А нам уж хоть по главе Евангелия и Апостола,

да по три-четыре псалма в день. Живи и оглядывайся: так ли я иду? Главная наша нужда – истинный пастырь.

Перед началом февральской революции отец Митрофан видел предутренний сон. Придя в церковь, он попросил позвать к нему в алтарь Матушку Елисавету.

– Матушка, я так сильно взволнован только что виденным мною сном, что не могу сразу начать служение Литургии. Может быть, рассказав его Вам, я смогу прояснить увиденное. Я видел во сне четыре картины, сменяющие друг друга. На первой – полыхающая церковь, которая горела и рушилась. На второй картине – передо мной предстала Ваша сестра Императрица Александра в траурной рамке. Но вдруг из ее краев появились белые ростки, и белоснежные лилии покрыли изображение Государыни. Третья картина явила Архангела Михаила с огненным мечом в руках. На четвертой – я увидел молящегося на камне преподобного Серафима.

«Я объясню Вам значение этого сна, – помолчав, ответила Матушка. – В ближайшее время нашу Родину ждут тяжелые испытания и скорби. От них пострадает наша Русская Церковь, которую Вы видели горящей и гибнущей. Белые лилии на портрете моей сестры говорят о том, что жизнь Ее будет покрыта славой мученического венца... Третья картина – Архангел Михаил с огненным мечом – предсказывает то, что Россию ожидают великие сражения Небесных Сил Бесплотных с темными силами. Четвертая картина обещает нашему Отечеству сугубое предстательство преподобного Серафима.

Да помилует Господь Русь святую молитвами всех русских святых. И да сжалится над нами Господь по велицей Своей Милости!...»

Воспоминания о встрече с архимандритом Сергием в 1947 году¹³

...Слушая отца Сергия, я ждала, когда же мне откроется храм души этого светильника Божьего. Я жаждала убедиться в его святости, в его прозорливости, хотелось поскорей.. чтобы он разрешил мои недоумения, а может быть, и направил мою жизнь по новому пути.

Последние два года у меня сильно болела душа, на сердце было невыразимо тяжело, и я приехала к отцу Митрофану как к святому – за исцелением, за советом и с надеждой получить благословение на брак, о котором ни с кем еще даже и речи у меня не было. Казалось, что батюшка понял мои желания, и из уст его полились длинные рассказы, один за другим, о его детстве, о юности, о службе, о страданиях. И как я жалею, что записываю все это через двадцать четыре года, когда уже многое выветрилось из моей памяти! Но эти сутки, проведенные мной под одной крышей со святым, произвели на меня такое сильное впечатление, что я первые годы могла часами пересказывать все то, что слышала от отца Митрофана.

Про свое детство отец Митрофан рассказал следующее. В семье было много детей, отец был священником. Когда ребенку исполнилось 4 года, отец подводил его к матери и торжественно объявлял, что с этого дня дитя может исполнять все посты. Из воспоминаний детства батюшка рассказал случай, доказывающий, что душа человека может еще при ее жизни в теле отделяться от плоти и являться в другом месте видимым образом. У Сребрянских в семье старшая дочка полюбилась офицеру, отряд которого стоял где-то вблизи от города Орла. Хотя девушке исполнилось лишь 16 лет, но свадьба состоялась. Вскоре молодой муж с полком должен был следовать на Кавказ. Он взял с собой молоденькую жену, и так они медленно, терпя все трудности и неудобства дороги, двигались в течение двух месяцев вслед за войском до места назначения. В семье Сребрянских все жалели молоденькую сестрицу, с которой так неожиданно пришлось расстаться. Особенно тяжело

переживала разлуку мать. И вот однажды маленький Митрофан с братцем лет пяти сидели на деревянном полу и играли бумажными лошадками. Был яркий солнечный день. Рядом, в соседней комнате, мать сидела за рукоделием. «Вдруг мы с братом, – рассказывал отец Митрофан, – увидели нашу уехавшую старшую сестру, которая прошла мимо нас и села на стул у окошка, грустно положив головку на руку. «Мамаша, сестрица пришла!» – позвали мальчики мать. Мать тоже увидела свою старшую дочку, встала, чтобы идти к ней, но в это время видение исчезло. Чрезвычайно встревоженная мамаша позвала отца и рассказала ему, как мы втроем одновременно видели сестру. Родители решили, что, видно, она умерла и ее душа пришла навестить нас. Запомнили день и час явления, послали телеграмму в то место, куда следовал полк. Вскоре пришло письмо, что сестра наша жива и здорова, благополучно прибыла на новое место жительства и хорошо устроилась. В памятный день ее явления нам она как раз прибыла на новую квартиру. Разгрузка вещей, распаковка поклажи, дальний путь на лошадях, непривычная обстановка, жара – все это чрезвычайно утомило молодую жену офицера. Она легла спать и заснула таким глубоким и долгим сном, что окружающим показалось, что она умерла. Но так как цвет лица ее не изменился, она дышала и пульс не пропал, то ее не стали тревожить и решили дать ей отдохнуть. Утром она проснулась бодрой и веселой, причем не видела даже никаких снов, но по дому она все еще продолжала сильно тосковать. Так душа ее отделилась от тела и на несколько секунд пришла к нам в видимом телесном образе», – рассказал батюшка.

К родителям в семье Сребрянских дети относились с необычайным для нашего времени почтением: дети обращались к родителям на «вы» и звали их «папаша» и «мамаша». Чрезвычайно трогательно повествование, как юноша Митрофан, окончив курс наук, просил благословение на брак у своих родителей, чтобы после принять сан. Супругу свою батюшка любил глубокой Христовой любовью. Я видела, с какой нежностью он в течение дня не раз наклонялся над постелью больной, предлагая ей свои услуги, спрашивая ее, не хочет ли

она чего, и стараясь по выражению лица больной отгадать ее волю, так как она была без движения и не могла говорить, хотя все сознавала. «Олюшка моя, спутница моя дорогая, – говорил он, – сколько она со мной выстрадала! Ведь она вниз по течению Иртыша плыла ко мне в ссылку на открытых плотках. Вы не можете себе представить, как это в продолжение недель плыть без крова над головой, под ветром, дождем, солнцем, без удобств, а уж о пропитании и говорить нечего.

И все-таки навестила меня, не оставила одного в далекой Сибири. Какая это мне была поддержка!»

Про молодые годы отец Митрофан говорил мне: «Детей нам Бог не давал. Тогда мы решили хранить целомудрие. Но какую же муку мы взяли на себя! Ей было легче – она женщина, но мне-то каково? Иметь рядом с собой предмет своей горячей любви, иметь полное право на обладание ею, и законное, и благословение Церкви, и все же томиться и отсекал похоть плоти во имя добровольно взятого на себя подвига ради Христа. Эти страдания можно перенести только с Богом». Мне думалось, слушая речь батюшки, зачем он говорит мне об этом, когда я девушка и еще не знаю плотской жизни? А батюшка, как бы угадывая мои мысли, продолжал говорить со мной на ту же тему, предсказывая мне состояние моей души, которое произошло лет через двадцать с лишним: «Вы теперь скоро забудете мои слова, – говорил он, – но когда придут те обстоятельства вашей жизни, о которых я говорю, вы тогда все вспомните. Тогда слова мои послужат вам утешением и опорой и укрепят вашу молитву и веру». И часть слов отца Митрофана уже оправдалась: я все вспомнила и теперь благодарна ему...

Наша беседа часто прерывалась: то садились за стол и обедали, причем народу было много – все время кто-то приходил к батюшке, нас прерывали, и отец Сергей вскоре всех усадил за стол. Электричества в селе не было, день ноября быстро сменился темным длинным вечером, и на столе появилась керосиновая лампа. Старушки выходили на холодный двор, кому-то было жутко, и батюшка сказал: «А зачем бояться? И нечистого нечего бояться – он сколько раз придет сюда и сядет в кресло под образами – вот до чего нагл:

рядом со Святыми Дарами дерзает садиться! И начнет надо мной издеваться: ногой меня в мой огромный живот (грыжа) бьет, да я не чувствую – ведь он ничего не может... Если Бог не разрешит ему, он ничего и не может». «Батюшка, вы бы скорее перекрестились, чтобы он пропал!» – учу я отца Митрофана. «Да, он сразу исчезает, он не выносит креста, – отвечает батюшка, – да только я не спешу, еще посмотрю на него: какой он отвратительный, безобразный и – бессильный». Батюшка брал русскую Библию и читал псалмы на понятном родном языке. Он читал громко, с чувством и велел всем слушать. «Ведь это же беседы души с Богом, и надо читать псалмы не только по-славянски, но иногда дома и по-русски, чтобы и уму, и сердцу было доступно», – говорил он. По временам батюшка вдохновлялся и весь будто преображался. Он вдруг начинал ходить вдоль комнаты быстрыми и легкими шагами, глаза его сияли синим светом, он рассказывал плавно, интересно, увлекательно. Все притихли и сидели, затаив дыхание, а речь отца Митрофана звучала громко и ясно, унося нас в его далекое прошлое.

Перед нами проносились картины 1905 года, когда батюшка молодым полковым священником находился среди солдат на фронте Дальнего Востока. Вот он причащает раненых, вот исповедует умирающих солдат, вот отпевает, служит молебны перед боем. Все события этого времени он описал в записках полкового священника, изданных в 1906 году. Эта книжка попала в руки сестры Царицы – Великой Княгини Елисаветы. Она захотела познакомиться лично с ее автором и вызвала его в Москву, когда война была уже окончена и отец Митрофан снова служил в Орле. В эти годы Великая Княгиня задумала создать в Москве монастырь. Были составлены проекты устава монастыря, в числе других прислал свой проект и отец Митрофан Сребрянский. Великая Княгиня одобрила проект последнего, но никак не могла подобрать духовника сестрам, который требовался в уставе отца Митрофана, а требовался в нем такой священник, который бы имел матушку, но жил с ней не как с женой, а как с сестрой. Но так как такого не находилось, то Княгиня предложила отцу Митрофану самому вступить на эту

должность. Он был вызван в Москву и долго отказывался, так как любил свой орловский приход и жалел свою паству, которая также ни за что не хотела расстаться со своим многоуважаемым духовным отцом. «Бывало, кончаешь давать крест после обедни, а народ все идет, идет. С одним побеседуешь – другой просит совета, третий спешит поделиться своим горем, и так тянутся часы. А матушка ждет меня обедать, да только я раньше пяти часов вечера из церкви не выберусь», – рассказывал батюшка.

В ответ на предложение Великой Княгини, он обещал подумать, а сам, как только отъехал от Москвы, твердо решил отказаться. «Остановился я в одном подмосковном имении на обратном пути в Орел, – рассказывал батюшка, – пошел один прогуляться по парку, а самого одолевают мысли, душа мятется: как вспомню родной город, слезы моих духовных детей, так сердце мое разрывается от горя, и я твердо решил отказать сестре Царицы. Так хожу я среди тенистых аллей, люблюсь природой, цветами и вдруг чувствую, что правая рука у меня отнялась и я не могу ею пошевелить. Делаю попытку поднять руку, но безуспешно: ни пальцы не владеют, ни в локте согнуть не могу, как будто нет у меня руки. Я был в ужасе: куда я теперь нужен без руки, я же не могу служить?! Я понял, что это Господь меня наказывает за непокорность Его святой воле. Тут же, в парке, я стал горячо молиться, умолять Создателя простить меня и обещал согласиться на переход в Москву, если только Господь вернет мне руку. Прошло часа два, и рука моя стала понемногу оживать.

Я приехал домой совершенно здоровый и объявил приходу, что должен их покинуть. Что тут было! Плач, вопли, рыдания. Я сам плакал вместе с моими дорогими прихожанами, начались уговоры, ходатайства. Я обещал Великой Княгине переехать, но сам не имел сил порвать со своим любимым детищем – с дорогим приходом. Шли месяцы, Москва задала меня, а я медлил, и решение мое колебалось. И наконец, я убедился, что порвать с приходом выше моих сил, и написал отказ. После этого я снова лишился руки. Меня опять вызвали в Москву. Полный горя и отчаяния, я пошел к чудотворной иконе Царицы

Небесной, Иверской Божией Матери. Я стоял среди толпы, обливаясь слезами, и просил Царицу Небесную исцелить мою руку. Я обещал еще раз твердо и непреклонно принять предложение Княгини и переехать в Москву, лишь бы мне была возвращена рука и я мог бы по-прежнему совершать таинства. С благоговением, страхом и надеждой я приложился к чудотворному образу. И почувствовал снова жизнь в руке, снова зашевелились пальцы. Тогда я радостно объявил Княгине, что решился и переезжаю. Но нелегко было это осуществить: в день моего отъезда поезд должен был отойти от вокзала в 9 часов утра, но тысячные толпы запрудили вокзал и полотно железной дороги так, что поезд не мог двинуться. Был вызван наряд конной полиции, и только в 3 часа дня отошел мой поезд, провожаемый плачем и стоном моих покинутых духовных детей».

Батюшка тяжело опустился в кресло, опустил голову. Неожиданно приехал из Москвы знаменитый врач-гомеопат Пясковский, который приходился родным племянником больной матушке. Он подошел к кровати матушки, встал на колени и со слезами целовал ее расслабленные худенькие ручки. «Ведь она ему как мать была, — объяснил батюшка. — Совсем юным он остался сиротой и жил с нами как сыночек наш».

На ночь читали при свете свечи длинные молитвенные монашеские правила, потом укладывали в одной избе человек девять, собравшихся около батюшки людей...

Наутро... я имела возможность поговорить с батюшкой о своей жизни. То была не исповедь, а просьба о помощи духовной, просьба совета, указания и разрешения моих недоумений. Батюшка задал мне несколько вопросов, среди которых был вопрос, чего я ищу от молитвы и бывают ли срывы и раздражения в моем поведении. Когда батюшка давал мне ответы, я сидела у печурки, а он больше ходил по комнате, устремляя вдаль свои глубокие глаза, и говорил мне будто то, что видел: «Не сокрушайся, ты не будешь больше жить с братом, — говорил он, — чем скорее совершится ваше бракосочетание, тем лучше».

Батюшка усадил меня рядом с собой на его кровати и давал наставления, как мне вести себя с будущим мужем. «Мы, мужчины, – грубая натура, а потому более всего ценим ласку, нежность и кротость – то, чего в нас самих не хватает. И нет ничего более отталкивающего мужчину, как дерзость и суровая грубость или наглость в женщине»...

Но вот все собрались на длинное молитвенное правило, после чего последовал завтрак. Я ловила каждое слово батюшки, и они врезались в мою память. Попивая чай из кипящего самоварчика, он сказал: «Ах, если бы вы знали, что значит иногда стакан горячего чая! Я был вызван из тюремной камеры к следователю на допрос, но был в таком состоянии, что не мог ни соображать, ни говорить. Спаси его, Господи, – следователь сжалился надо мной и велел принести мне стакан горячего крепкого чая. Это меня так ободрило, вернуло к жизни, что я смог отвечать ему. Я был приговорен к расстрелу, сидел в камере с приговоренными, из нас ежедневно брали определенное количество, и мы больше их не видели. О, тяжелая ночь, когда я ждал следующего дня моей смерти! Но тут была подписана официальная бумага, в которой говорилось, что по законам советской власти Церковь преследованию не подвергается. Это спасло нам жизнь, и расстрелы были заменены ссылкой. А как тяжело было ехать! Мы лежали по полкам вагонов, и нам было запрещено вставать и ходить, а все тело ныло, организм требовал движения, ведь мы уже несколько суток находились в лежачем положении, а молодой солдат с винтовкой ходил и строго покрикивал на нас. Да разве можно было преступникам доверить двигаться по вагону – ведь среди нас каких только бандитов не было! Я молился и изнемогал от лежания, и вот, я свесил голову с полки в проход и заговорил с солдатом:

- Любезный, да ты из Воронежа?
- А ты почему знаешь?
- А я из Орла.
- А в Воронеже знаешь такое-то место?

Мы разговорились. Лицо парня просияло от нахлынувших на него воспоминаний о милых, родных местах. Осторожно

озираясь, он сказал: «Слезай, походи». Я был спасен. Это Господь меня помиловал, а так ведь я ничего не знал, это действует благодать священства – она и только она, а то считают, что я что-то знаю, что я прозорливый. А это просто благодать священства. Вот пришел ко мне летом молоденький пастушок, плачет, убивается: три коровы у него из стада пропали. «Меня, – говорит, – засудят, а у меня семья на руках!»

– А где ты искал их? – спрашиваю.

– Да двое суток и я, и родные, и товарищи всю местность кругом обошли – нет трех коров. Погиб я теперь.

Мы пошли с ним к остаткам разрушенной церкви, которая метрах в двухстах от избышки моей. Там горка разбитых кирпичей на месте престола, а перед Богом ведь все равно это святое место – там алтарь был, там таинство совершалось, там благодать сходила. Вот мы с пастухом помолились там Спасителю, попросили Его помочь нам найти коровушек. Я сказал пастуху:

–Иди теперь с верой на такой-то холмик, садись и играй в свою свирель, они на звук сами к тебе придут.

– Ох, батюшка, да мы там с братьями все кустики уже облазили.

Ну, и на самом деле сидел пастух и играл на своей дудочке, и к нему в течение получаса все три коровы пришли. «Смотрю, – говорит, – рыжая из кустов выходит, а за ней вскоре и Белянка, немного погодя и третья показалась – как из земли выросли».

Отец Митрофан в последние годы был уже в сане архимандрита и носил имя Сергия, а матушка его – монахини Елисаветы. Он рассказывал, что принял этот сан по благословению Оптинского старца, отца Анатолия... Батюшка верил, что наука достигнет такого расцвета, когда докажет людям существование иного, духовного, а не только материального мира, и неверующие убедятся тогда в существовании Бога, поверят в бессмертие души и будет первое Воскресение. *Все народы, Тобой сотворенные, придут и поклонятся пред Тобой, Господи, и прославят имя Твое, как говорит псалом. Но недолго это продлится – испорченному*

тысячелетиями грешному человеку надоест и невтерпеж станет чувствовать над собой Владыку и покоряться Ему. Тогда люди взбунтуются против Бога, открыто объявят Ему войну, тогда придет конец...

Батюшка вспоминал своего родного брата, убежденного коммуниста: «Мой любимый дорогой братец был горячий революционер. Было время, когда мы с ним много спорили и не сходились во мнениях. Мой бедный братец! Как горько он, бедняжка, переживал свое разочарование во всем!» Батюшка дал мне наставления, как в жизни относиться к людям: «Нет плохих людей на свете, а есть больные души, жалкие, подверженные греху. За них надо молиться, им надо сочувствовать».

Подошел час моего прощания с батюшкой. Я очень плакала, сердце мое сжималось, как будто бы я чувствовала, что надолго расстаюсь с угодником Божиим, которого успела полюбить за одни сутки. Радужная картина моей будущей жизни, предсказанная мне батюшкой, не могла утешить меня в момент разлуки. Я обещала ему еще раз приехать, но отец Митрофан твердо сказал: «Нет, уже в этой жизни мы с тобой больше не увидимся, на могилку ко мне приедешь».

Он оделся и вышел на улицу меня провожать. Я много раз останавливалась и оглядывалась на низенькую избушку, перед которой стоял батюшка, поддерживаемый под руку племянником. Он все благословлял и благословлял нас, а мы долго оглядывались и шли тихо, как бы нехотя. День был серенький, тихий, морозный.

Вскоре наступил Рождественский пост, потом Святки, а в начале февраля была наша свадьба. Батюшка благословил нас иконочкой Царицы Небесной, подписанной собственноручно. В часы, когда должно над нами было совершаться таинство венчания, батюшка попросил достать ему полное иерейское облачение и даже митру. Он заочно венчал нас, с чувством читая над нами все положенные молитвы. «Это моя последняя свадьба», – говорил он. Монахини, окружающие его, были немного недовольны, что он благословил меня на брак. «Такую религиозную девушку надо было по монашескому пути

направить», – говорили они. «Ах, вы не знаете, – успокаивал их батюшка, – Богу нужны дети, которые от них будут».

Через пятнадцать лет мы с мужем и двумя сыновьями, старшим и младшим, путешествовали в Псковскую область. По дороге мы заехали на могилку многострадального архимандрита Сергия и его супруги – монахини Елисаветы. За могилкой следят почитатели старца: вокруг изгородь, порядок, лампадка горит в деревянном белом кресте. Мы взяли, как это делают и другие, горсть песка с могилки дорогого батюшки, а дети собрали душистые лепестки красных роз, окружавших густыми зарослями одинокую могилку. Так сбылись слова батюшки, и на могиле у него мы побывали, а к живому съездить с мужем не успели: через неделю после свадьбы мой муж принял сан, и началась суетливая приходская жизнь. Я так раскаиваюсь, что мы клеили обоями нашу комнату, вместо того, чтобы срочно поехать к батюшке! А там были морозы, болезни, пост с его службами. Разлилась весенняя вода, и батюшка преставился Господу накануне Благовещения, так что светлую Пасху отец Митрофан встречал уже не в ветхой лачужке среди пустых полей, а в лучезарном Царстве нашего Небесного Бога Отца – среди святых торжествующей Церкви.

Через два года скончалась матушка отца Митрофана; гроб с ее телом положили в ту же могилу, где покоился отец Митрофан. При захоронении нечаянно была сдвинута крышка гроба отца Митрофана. Тело его оказалось нетленным.

О последних годах жизни архимандрита Сергия. Воспоминания протоиерея Квинтилиана, последнего духовника отца Сергия

В полукилометре от села Владычня Калининской области, на открытой песчаной возвышенности, расположено сельское кладбище. Здесь обращает на себя внимание могила, увенчанная большим белым крестом над цветочным холмиком. Здесь есть и садовые цветы, рядом с ними кто-то посадил дикие полевые цветочки, и здесь же прикопан букет зелени, смешанной с цветами, другой букет лежит у самого креста, здесь же венки, большие и малые, сделанные из полевых цветов! Все это дар любви тех, которые приходят сюда, на могилочку, выплакаться или поведать свои душевные переживания дивному старцу, нашедшему себе здесь вечный покой. Это дар любви тех, которые приходили к нему за утешением, когда он был жив.

Всякий раз, когда я беседовал с ним, слушал его проникновенное слово, предо мной из глубины веков вставал образ подвижника-пустынножителя. При этом в моем сознании иногда почему-то звучала дивная мелодия благодатных слов: *Пустынным непрестанное божественное желание бывает, мира сущим суетнаго кроме. Да! он весь был объят Божественным желанием...* Это чувствовалось во всем, особенно – когда он говорил. Говорил он о молитве, о трезвении – излюбленные его темы. Говорил он просто, назидательно и убедительно. Когда он подходил к сущности темы, когда мысль его как бы касалась предельных высот христианского духа, он приходил в какое-то восторженно-созерцательное состояние, и, видимо, под влиянием охватившего его волнения нередко мысли его облекались в форму глубоко-душевного лирического излияния.

«Звонят ко всенощной, – говорит он, – к молитве сладостной, вхожу в храм... Полумрак, мерцают лампы, чувствуется запах ладана, веяние чего-то неземного, вечного, чистого и сладостного. Все замерло... Чувствуется присутствие

великой творческой силы, всемогущей, премудрой, благой, которая вот-вот сейчас вспыхнет и начнет творить... Трепетно жду... Когда же окончится это таинственное безмолвие и раздастся могучий Божий голос: «Да будет вселенная и жизнь в ней!» Вдруг слышу: *Восстаните. Господи благослови! Слава Святей, Единосущней и Животворящей, и Нераздельней Троице, всегда, ныне и присно и во веки веков. Аминь.* Непосредственно за сим поется псалом *Благослови, душе моя, Господа*, в котором псалмопевец Давид изображает творение мира... Что скажу я, ничтожный, о чувствах, наполнявших мою душу в это время? Не стыжусь сознаться, что почти всегда в это время плакал слезами умиления, восторга духовного от воспоминания и переживания дивной, творческой, животворящей деятельности Святыя Троицы, так чудно изображавшейся этим обрядом обхождения храма с каждением. Так ясно сознавала душа моя необходимость этой деятельности Божией для людей, и я молился, каялся в грехах, благодарил Господа за все, за все в жизни мира и лично моей, просил и умолял не оставлять нас одинокими... Мне было радостно, невыразимо на душе, когда я видел, ощущал, переживал это единение Бога и человека, Бога и всего мира с его животными, птицами, рыбами, растениями, цветами. Мне казалось, что я изолюсь слезами радости и восторга...»

«Обычно люди в молитве ищут наслаждения. Мне кажется, молитва есть наш долг, священная обязанность перед Богом, и потому главное в молитве – это внимание и труд, а остальное – как Бог дает: благословит Господь наш молитвенный труд радостью – благодари, а если сухостью – тоже *благодари Бога*».

Перед мысленными, созерцательными взорами старца раскрывается таинственный, духовный мир с неисчерпаемыми красотами и умилением. При этом он радуется, плачет и умиляется. Не напрасно Церковь поет: *Пустынным живот блажен есть, божественным рачением воскрисяющимся.* Он в миру вел жизнь пустытника. Несомненно, эта способность созерцания стояла в связи с его душевной чистотой. Его ангельская чистота и бесстрастие, которыми была проникнута

последняя предсмертная исповедь, которую я принимал от него, привела меня в какой-то священный ужас. Я после этого понял душевное состояние Петра, когда он воскликнул: *Господи, отойди от меня, ибо я человек грешен!*

В нем меня все удивляло, все было необыкновенно. Удивляло меня его незлобие. Как-то раз он заметил мне: «Плохих людей нет, есть люди, за которых особенно нужно молиться». В беседах его не было даже и тени неприязни к людям, хотя он и много страдал от них.

Не менее поразительно было и смирение его. Как-то раз он сказал мне: «Вы счастливы, очень счастливы, ибо стоите у престола Божия, а я вот за свои грехи и недостойнства лишен этой Милости Божией».

С людьми он был необыкновенно кроток и ласков. В душе собеседника он быстро находил больное место и врачевал. Несомненно, он имел дар утешать людей. Это я испытал на себе. Как-то раз я пришел к нему с тяжелым чувством на душе. Лишь только переступил порог его убогой хижины, он с трудом встает со своего стула (ноги его уже плохо держали), сложивши крестообразно руки на груди, устремив свои взоры кверху, вместо обычного приветствия он говорит мне: «Я страдаю и молюсь за Вас». Помолчав немного, продолжает: «Если бы Вы только знали, какой Вы счастливый, какая милость Божия почивает над Вами...» На этом речь его оборвалась. Я не посмел искушать его вопросами. Когда я уходил от него, мне кажется, что я всю тяжесть души своей оставил у его ног. Пошел я от него радостный, хотя скорби меня долго не покидали, однако я переносил их уже с удивительным благодушием.

Несомненно, он имел дар постоянной молитвы. «Бывало, придешь к нему, – говорила мне местная обывательница, – а он, сердешный, стоит в переднем углу на коленочках, поднявши руки кверху, как мертвый. Постоишь, бывало, так и пойдешь».

Было время, когда этот дивный старец был известен как выдающийся, даровитый и усерднейший служитель святого алтаря, в личной жизни с уклоном к подвижничеству. В расцвете лет своих он принимает от рук святого Патриарха Тихона

монашество с именем архимандрита Сергия. Супруга его тоже принимает монашество с именем Елисаветы.

По своей наружности он был очень красивый. Может быть, поэтому он был особенно строг к себе и другим. Однако его строгость никогда не переходила в суровость, и доброта его никогда не переходила в сентиментальность. «Мы его очень любили и в то же время очень боялись», – говорили сестры Обители. Боялись огорчить!

Когда над его головою пронесся ураган, он встал на крестный путь. Этот путь, по словам очевидцев, был полон тяжких испытаний. Среди них – одиночество, ибо все те, которые его знали, которые могли бы понести крест его, *страха ради иудейска* как бы забыли его. Лишь *самарянин грядый прииде на него, и видев его, милосердова...* Этого самарянина я видел в лице тех, которые иногда посещали его и приносили ему – кто кусочек хлеба, кто картофелину, и так далее. Этого самарянина я видел в числе очень немногих Никодимов, приходивших к нему и выражавших ему сочувствие. Этого самарянина я видел в лице тех, которые пришли к нему отдать последний долг, когда он отошел в вечность.

Сиротливо и одиноко выглядывает на краю села убогая, ветхая, покачнувшаяся в сторону хижина. В ней нашел приют и доживал свой век великий старец.

Наступило приснопамятное весеннее утро. На востоке загоралась заря, предвещавшая восход весеннего солнца. Еще было темно, но около хижины, где жил старец, толпились люди. Несмотря на весеннюю распутицу, они собрались сюда, чтобы отдать последний долг почившему. Когда я вошел в самое помещение, оно было забито народом, который всю ночь провел у гроба старца. Около гроба, склонивши голову, стояла женщина, вся в черном – это монахиня Елисавета, бывшая супруга покойного. Вторые сутки, не отходя, стоит у гроба. Перед этим несколько времени она лежала без движения.

Начали отпев – это было сплошное рыдание. Плакали не только женщины, но и мужчины. Сохранить самообладание не представлялось возможным, поэтому служба прерывалась длительными паузами.

Отпевание кончилось... Гроб вынесли через малые, узенькие сенцы на улицу. Его хотели поставить на дровни, нести на себе гроб было невозможно, ибо дорога на кладбище представляла местами топкую грязь, местами была покрыта сплошной водой. Тем не менее, из толпы неожиданно выделяются люди, приподнимают гроб на плечо, толпа хлынула ко гробу, потянулись сотни рук, чтобы хотя коснуться его края, и печальная процессия с неумолкаемым пением *Святой Боже* двинулась к месту последнего упокоения.

Когда пришли на кладбище, толпа хлынула ко гробу. Спешили проститься... Прощавшиеся целовали руки старцу, при этом некоторые как бы замирали, многие вынимали из кармана белые платки, полотенца, маленькие иконки, прикладывали к телу усопшего и снова убирали в карман.

Из толпы выделился высокого роста мужчина, склонившись у подножия гроба, руками своими он обвил ноги усопшего и, судорожно прижимая их к себе, зарыдал. Он что-то при этом говорил, но за голосом плачущих расслышать было невозможно.

«Верующие, мы плачем, но плачем не одни, с нами плачет природа...» (с перепадающим снежком покрывал дождь). Так начал небольшую речь кто-то из присутствующих... Когда гроб опускали на дно могилы, мы пели *Свете тихий*. Песчаный грунт, оттаявшие края могилы грозили обвалом. Несмотря на предупреждение, толпа рванулась к могиле, и горсти песка посыпались на гроб почившего. Скоро слышались глухие удары мерзлой земли о крышку гроба.

Мы продолжали петь, но пели не одни. «Граждане! – слышался голос, – смотрите! Смотрите!!!» Это кричал человек с поднятой кверху рукой. Нашим взорам представилась удивительная картина. Спустившись с небесной лазури необычайно низко, над самой могилой, делал круги жаворонок и пел свою звонкую песню. Да, мы пели не одни, нам как бы вторило творение Божие, хваля Бога, дивного в Своих избранниках.

Скоро на месте упокоения старца вырос надмогильный холмик. Водрузили большой белый крест с неугасимой

лампадой и надписью: «Здесь покоится тело священноархимандрита Сергия – протоиерея Митрофана. Скончался 1948 г. 23 марта. Подвигом добрым подвизался, течение соверших».

Не раз я видел многолюдные, торжественные похороны. В этой толпе всегда можно увидеть любопытных зевак, идущих за гробом не по нравственным, а по бытовым соображениям. Здесь же я вижу толпу людей, охваченных одним острым чувством скорби.

Я видел и слышал, как убивается мать у гроба своего сына. Не раз я слышал рыдания жены на могиле любимого мужа, все это понятно. Но когда такими слезами плачет толпа, оплакивая человека, не имевшего с ним родственной связи, это настолько трогательно, настолько непостижимо.

Почему они так его оплакивают? За что они так его любили? И здесь же, на могиле, я получил ответ на эти вопросы. Из многих причитаний, которые слышались здесь, на могиле, долетели и остались у меня в памяти: «Солнышко ты наше красное, зачем ты закатилось от нас, на кого ты нас оставил, желанненький ты наш, ты весь был Христовенький».

Для меня теперь стало понятно. Людей холодных и вообще далеких от всяких лирических, душевных переживаний он тронул тем, что был весь Христов. За это его полюбили.

Можно с уверенностью сказать: ...он долго будет жить в памяти многих людей и в народных сказаниях, возможно, что эти сказания будут несколько легендами, но по существу они будут содержать правду о необыкновенном человеке, который всего себя посвятил Христу.

Я уверен, что не зарастет тропа к этой могилке. Сюда идут и пойдут люди – кто за благословением, кто с наболевшей душой, чтобы излить свою душу и выплакаться.

«Кресту Твоему поклоняемся, Владыко...» Видение матушки Любви

21 октября 1949 года. Каждый вечер в последнее время я ходила ночевать в дом Валентины Ивановны, потому что она одна боялась ночевать. Утром 20 октября в семь часов я встала, и захотелось мне одной пойти на могилку батюшки отца Митрофана, взять благословение рубить капусту – всем уходить нельзя, не с кем оставить матушку Елисавету. Итак, я пошла одна и запела: *Кресту Твоему поклоняемся, Владыко*, и вдруг среди поля на полдороги к кладбищу я услышала пение детских голосов: *Кресту Твоему...* Оглядываюсь во все стороны, никого не вижу. Второй раз начали петь уже сильные голоса, необыкновенно стройно, красиво, одни начинают, другие подхватывают – опять никого не видно. Наконец, смотрю на небо и слышу, что это пение раздается оттуда. И третий раз запели то же. Вижу – небо широкими полосами покрыто: лиловые, красные, голубые, оранжевые, желтые, зеленые, розовые. Вдруг эти полосы раздвинулись, и я, грешная, своими глазами увидела Господа Вседержителя, Который сидел на Престоле с державой в руке, в ослепительном, как солнце, свете. На голове была корона, одежда – Царская, лик – строгий. Над головой Господа виден крест, большой, кровавый, с которого капала кровь на голову и стекала по лику Спасителя. Господь благословил как будто все село. С правой стороны стояла Пресвятая Богородица в белой одежде, на голове – голубое покрывало, в руках – золотистый омофор. С левой стороны стоял Иоанн Креститель в одежде из листьев, в руках держал тонкий золотой крест. Я упала и очень плакала, и говорила: «Господи, Матерь Божия, простите меня, великую грешницу, и мир весь простите, не дайте погибнуть!» Это видение кончилось, небо закрылось. Потом вновь эти полосы раздвинулись, и на небе явился святой Архистратиг Божий Михаил с мечом, и с ним множество святых Ангелов, больших и маленьких, и с шестью крыльями за плечами, которыми они взмахивали. Архистратиг Михаил поднял меч, с него

посыпались искры, как звезды, и все с ним запели: *Всемирную славу, от человек прозябшую...* – и до конца. А над кладбищем эти звезды сыпались на кресты, крест батюшки был весь из звезд. Я плакала, и в этот момент ко мне подошла какая-то женщина, подняла меня и спросила, куда меня отвести, но я не могла говорить и только махнула рукой. Она поцеловала меня и ушла. Я же хотела идти сама, но не могла сдвинуться с места; хотела вернуть женщину, но язык отнялся. Собрал все силы, я пошла обратно к Валентине Ивановне и еле добрела. Валентина Ивановна открыла мне дверь и испугалась моего вида. Я вся дрожала. Она меня уложила и побежала за Зиной, но прибежали все – Валентина Ивановна, Зина и Мария. Я встала, и все мы пошли на кладбище. Когда мы дошли до места, где я видела видение, я упала, плакала. Со мной и все поклонились этому месту. Насилу я дошла на могилку батюшки, поклонилась ему и долго плакала. Когда пришли домой, я успокоилась и стала записывать все виденное, потому что говорить не могла.

После этого видения мне приснился во сне отец Митрофан, и я ему рассказала все виденное и что теперь опять не могу есть и пить. Батюшка отвечал: «На Господа сами Ангелы не могут взирать без страха и трепета. Тем более – люди. Ты ведь не святая...»

Дар Господень

Воспоминания о матушке Надежде

Книга жизни почти дочитана,
Нарастая, грядет финал.
Все, что мной на земле испытано,
Благодарственный гимн вобрал.
Славлю Творца и автора
Потрясавших меня страниц,
Не могу вспоминать их наскоро,
Перед каждою падаю – ниц.
Александр Солодовников

Первого сентября 2003 года мы отметили двадцать первую годовщину перехода матушки Надежды из временной жизни в Жизнь Вечную. Помню ее в гробу, облаченную в монашеские черные ризы, с таким непривычно строгим, по-новому прекрасным, лицом. Это лицо являло глубину монашеской аскезы. Ее восковые прохладные пальцы, держащие крест, хотелось, вслед за Распятием, благоговейно целовать, прикладываясь к ним лбом с тем же чувством, с каким касаешься святых рук на иконах.

Появление матушки Надежды в нашем доме полностью ошеломило меня – ее поведение совершенно меняло мое заочное представление о монашествующих как о людях, заоблачно недоступных, постоянно пребывающих во внутреннем делании молитвы Иисусовой, для которых поэтому мелки и ничтожны обыденные заботы обыкновенных людей. Матушка поселилась у нас – как светлое солнышко, оно не переставало сиять, сострадать, снисходить, согревать всех живущих рядом и проходящих, каждого отдельно и – всех вместе. Думая о ней сегодня, вспоминаю слова святого Московского старца Алексия Мечева: *...будьте солнышками. Согревайте окружающих вас, если не всех, то хотя бы тех, кого Господь поставил рядом.*

Молитва матушки, которая ощутимо поддерживала нас каждый день, – была незримой. Матушка Надежда бывала и строга, но за этим стояли – такая любовь, такая надежда на

твое изменение к лучшему, – что после серьезного выговора все ощущали яркий прилив сил, жажду немедленно исправляться. Глядя на матушкину безыскусственность, я повторяла строки любимого поэта:

О, Пречистая Дева Мария,
Всем Печальница грешным Ты.
Пошли мне не мудрость змия,
Но – детский талант простоты.

В стареньком фланелевом халате, в неизменной – гладко белой ситцевой косынке, столь внимательная, светлая, готовая улыбкой и шуткой отозваться на любые грусть и уныние, она постоянно рассеивала всякую хмарь и неблагополучие любой христианской души. Легко, ненавязчиво говорила словами святых отцов, которые давным-давно стали ее собственными мыслями и мироощущением. Она была способна заставить нас смеяться от всей души. Это был блестящий, полностью безгрешный и целительный юмор. И, как безупречный юморист, сама, бывало, не улыбнется, тем самым увеличивая веселость слушателей. И лишь минуты спустя мы осознавали, что эти улыбки прогнали тягостное уныние – разрешили нелегкую ситуацию одного из пришедших к матушке за советом. И, оказывается, ничего серьезного в этом случае не было – одно бесовское наваждение, и с помощью Божией, его можно с радостью вменить – ни во что! Вскоре вся наша жизнь с матушкиным участием полностью изменилась – просветилась, облегчилась. Самый воздух просветлел – словно проветрили после зимы и промыли стекла – будто в доме прибавилось окон.

Кажется, этот светлый, милый, всем (от мала до велика) доступный человек – до сих пор витает среди нас. Она была столь простой, что мы нередко забывали, кто перед нами. Сердце каждого приходящего льнуло к ней, как к родной матери, неизменно получая утешение, помощь, разрешение запутанных проблем. Люди уходили от нее с чувством явного облегчения. Прояснились самые грустные лица.

И вот теперь она лежала в гробу, впервые на наших глазах облаченная в монашеское одеяние. И мы все с трепетом видели, каким глубоким, значительным стало это лицо, будто

проступила на нем матушкина сокровенная суть, которую она старательно таила за своим простодушием и доступностью. Перед нами лежала истовая монахиня с новыми чертами, отразившими глубокую духовную красоту и мудрость. Дивно проявленная, заложенная в каждом из нас, без исключения, – икона человека – **по образу и подобию Божию**.

Любимая матушка, прости меня, никчемную, благослови написать простые слова о тебе, потому что ты была – сама безыскусственность. Образец человека, который абсолютно ничего о себе не мнил, ничем значительным себя не считал и потому, Благодатию Божией, стал так чист и светел. Нам всем постоянно хотелось быть подле нее, все души рядом с ней распускались, открывали свою потаенную глубину – и самые скромные цветы неожиданно хорошеют, когда их согревает солнышко. Неповторимое утешение наполняло наш дом в те месяцы (около года), когда в нем молилась и улыбалась матушка. Наполненность этих дней была столь велика, что, казалось, это счастье продлится долгое время. Подобное бывает по отношению к человеку, которого принимаешь всем сердцем, никогда от него не устаешь и хочешь видеть – всегда. Эти месяцы открыли новую главу нашей с мамой жизни.

Мы получили предложение принять в свой дом матушку 13 октября 1982 года, после всенощной на Покров Божией Матери. Раба Божия Наталья¹⁴, у которой прежде жила матушка, после раковой операции не могла больше ухаживать за монахиней Надеждой. И родственницы матушки, одна из них была профессором забытой мною отрасли медицины, положили ее в больницу МПС, предполагая, что здесь она мирно закончит свои дни. Бесконечно благодарим Господа! Если бы ее родные были другими людьми – многие из нас были бы лишены счастья общения с редким человеком. Великим снисхождением Божиим стала для нас, самых недостойных, встреча с монахиней Марфо-Мариинской Обители.

Никогда не забуду, с каким трепетом я переступила порог палаты на двоих. На больничной кровати, справа у окна, в белых простынях лежала сухенькая матушка. Подобного взгляда я еще не встречала. Этот взгляд был обращен не

вовне, а глубоко-глубоко – внутрь. Вся палата была столь напоена молитвой, что хотелось ходить бесшумно и говорить тихим голосом, из страха потревожить эту почти храмовую атмосферу.

На второй кровати сидела женщина. Ее шея была шире и длиннее обычной, наверное, в два раза и напоминала изогнувшуюся часть удава; голова – гораздо меньше стандартной. Но разительнее, чем это невиданное мною уродство, – был ее взгляд. Из своего угла она смотрела на матушку светящимися глазами – как могла бы смотреть преданная собака, привычная к побоям, – на божество. Монахиня общалась с нею ласково и очень просто, как с самым обыкновенным человеком, к чему несчастная была, по-видимому, полностью не приучена.

Я умоляла матушку Надежду не отказываться переехать жить к нам. «Нет. Это невозможно, – тихо отвечала она. – Кому я могу быть нужна...» Это говорилось не для красного слова. Матушка восприняла эту неправдоподобную ситуацию – как должное. Она согласилась принять ее. На меня смотрели глубоко спокойные глаза человека, который не считает, что достоин лучшего. Святое, неизвестное мне состояние души. (Месяцы спустя, матушка ответила на вопрос о смирении памятной фразой: «Смирение – это осознание того, что ты достоин **любого** – человеческого и бесовского – наведения»). Я говорила с ней, и меня душили слезы... Уходя, все оглядывалась на матушку, которой, как живому Ангелу, я не осмелилась поцеловать руку. Поклонилась второй женщине, прежде чем закрыть за собой дверь, – с мыслью, что, Милостью Божией, за свои страдания она удостоилась попасть под крыла Марфо-Мариинской Обители. Надеюсь, она уже не в здешнем мире, молитвами матушки, – насельница Небесной Обители, где нет ни печали, ни болезни, ни уродства – как и любой другой скорби человеческой. На улице было заметно темнее, чем в покинутой палате, хотя в ней еще не включили электрический свет... Через несколько дней знакомый священник, иерей М., привез в наш дом монахиню Надежду.

Принимая благословение батюшки с земным поклоном (происходящее было столь велико, что совершенно безотчетно мы с мамой упали ниц), краем глаза я с потрясением увидела, как неожиданно – не по-мирски – по-монашески моя мама падает на колени рядом со мной. В жизни не видела такой кроткой красоты в маминых поклонах. Иерей вдруг покрыл нас обеих краем священнической ризы: «Теперь здесь у вас – маленькая обитель».

Матушка пришла к нам из больничного затвора с истертой кожаной сумкой, в которой было несколько вещей. Евангелие дореволюционного издания с хрупкими пожелтевшими страницами, столь же старый от пользования молитвослов, житие святой Иулиании Лазаревской, бывшие когда-то черными, истертые до серой ниточной основы, четки (по сей день храню их, как святыню), и множество маленьких бумажных кулечков, набитых таблетками от давления. У матушки было постоянно повышенное давление, от головокружения ее буквально качало на ходу, но уговорить ее принять лекарство – было невозможно. Если посещавшие спрашивали о ее здоровье, ответ был неизменным: «У меня одна болезнь – *лень*, никак от нее не поправлюсь». Ни разу, и в дни и часы перед смертью, – матушка никому не сказала, что ей больно или плохо. Каждый, кто со вниманием читал ее рукописи, мог обратить внимание на одну особенность: сквозь невзгоды, болезни, сменяющие друг друга испытания, побеждая их, – звучит непрестанное **благодарение Богу**. Матушка обладала редким видением. Она считала, что Бог делает – все невозможное – для нашего спасения, хотя мы не всегда умеем это сразу заметить, – поэтому нам не на что роптать. В тяжелых условиях ссылки на всех страницах звучит: «Мы жили прекрасно». Глубокое благодарение сопровождает жизнь каждой чуткой верующей души. Ибо она опытно познала, что все нелегкое, – данное Богом, принесет нам **великое**, хотя и не сразу понятное нам, – **благо**. Так сквозит в ночной мгле скорбей таинственный рассвет – обещание близости лучезарного утра: нашей встречи с Господом – лицом к лицу.

Люди, которые перепечатывали на старенькой печатной машинке матушкины рукописи, с изумлением говорили, что казалось, в их доме летали Ангелы Божии. И они перевели рукописные страницы в машинописные на редкость легко и быстро.

Любой цветок невыразимо прекрасен, как выражение нежности Творца к людям. Из всех созданий Божиих человек – наиболее невыразим. Бог приоткрывает Себя – в цветах, детях, но более всего – в Своих святых. Матушка была Божиим цветком, который каким-то чудом задержался на земле, хотя на самом деле принадлежал – нездешнему Саду.

В летние дни она с детским чувством, подобного я ни в ком не встречала, восхищалась скромными цветами под окнами нашего дома. В разные месяцы это были: нарциссы и незабудки, разноцветные тюльпаны, ромашки и флоксы. Радуюсь ее святому восторгу (она любовалась цветами каждый день – как в первый раз), я понимала, что она видит их иными, чем способны разглядеть мы. И вспоминала матушку Любовь, которая однажды пением псалма восхваляла Господа, срывая и целуя полевые цветы. И ей явился на фоне закатного солнца стоящий на облаках в белых ризах Христос – и **благословил** ее. И вдруг обыкновенное поле стало благоуханным лугом – цветов небесных. По-видимому, здесь сокрыта одна из главных тайн жизни. Бог благословляет – любящую и благодарящую Его душу. В этот миг совершается чудо, и обыденная жизнь – **цветет неземной красотой**. Недаром «Евхаристия» в переводе с греческого означает – «**благодарение**». В момент наивысшего благодарения – совершается величайшее на земле чудо – святое пресуществление хлеба и вина – в Пречистые Тело и Кровь Христовы. Вот, оказывается, почему светились радостью все праведники среди своих скорбей – Бог открыл им тайну **Благодарения**. Именно этого не хватает для счастья всем нам – стараться **отвечать всем сердцем**, своей немощной Любовью – на Любовь Творца. Богу, наверное, совершенно неважно, как Его создание проявляет свою Любовь, лишь бы она была – искренна. И возможно, ребенок, с упоением рисующий Церковь, также дорог Ему, как взрослый, возводящий

ее из камня. Ибо Сам Он из недр Своего существа каждый день изливает на всех нас – **океан Любви**, равно – в великом и самом незаметном проявлении бытия. **Океан** заливает и обнимает – всех и вся. И без этого Света Любви, который есть – **основа жизни**, не выжили бы ни былинки, ни люди, ни звезды – ни одного дня. Если оскудеет число людей, способных всем существом стремиться к Божией Истине (*Блаженны алчущие и жаждущие правды*), искать и приобщаться этой Любви, умножать ее в себе – и вновь с благодарением раздаривать другим, – существование земли, по-видимому, потеряет смысл. Таких людей ищет Сам Бог. Многие ставят целью своего существования накопление всяческих знаний, полезных и вредных навыков, нередко просто мертвой информации. Но на самом деле – для Бога и человечества настоящую ценность являют люди, накопившие, аккумулировавшие в себе, своей чистой, беспорочной жизнью, – Свет Божественной Любви, ставшие источником этого Света – для других. Недаром святые и все христиане призваны быть **соработниками Бога** в великом труде Милосердия, которым соткан весь этот мир. И причащаясь Святых Христовых Таин, мы причащаемся Любви Христовой – в самой великой степени. Приближаться Богу значит учиться Любить **любого** так, как Любит Христос.

*Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а Любви не имею, то я – медь звенящая или кимвал звучащий. Если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею Любви, – то я **ничто**. И если я раздам все имение мое и отдам тело мое на сожжение, а Любви не имею, нет мне в том никакой пользы. Любовь – долготерпит, милосердствует, Любовь не завидует, Любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все – **переносит**. Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится. Ибо мы отчасти знаем, и отчасти пророчествуем; когда же настанет совершенное,*

тогда то, что отчасти, прекратится. Когда я был младенцем, то по-младенчески говорил, по-младенчески мыслил, по-младенчески рассуждал; а как стал мужем, то оставил младенческое. Теперь мы видим как бы сквозь тусклое стекло, гадательно, тогда же лицом к лицу; теперь знаю я отчасти, а тогда познаю, подобно как я познан. А теперь пребывают сии три: Вера, Надежда, Любовь; но Любовь из них больше (1Кор.13).

Главное завещание Христа перед Своей Голгофой – всем людям – запечатлели тысячи Его икон. На каждой Он держит Евангелие, открытое на **основной** для Его сердца строке: *Заповедь новую даю вам: да любите друг друга, якоже Аз возлюбих вы, да и вы – любите...* И продолжением этих вечных слов – звучит заповедь Божия, подаренная в Раю матушке Любви Преподобным Онуфрием перед воротами Небесной Марфо-Мариинской Обители: *Люби всех – равно.*

Ничем и никогда мы не сможем отблагодарить Бога за то, что видели своими глазами человека, который осуществил в своей жизни эти главные и наиважнейшие заповеди. Ибо все другие добродетели – лишь ступени, приближающие нас к добродетели главной. И если **не к ней ведут** нас наши «добрые дела», – то стоит задуматься – идем ли мы – ко Христу? Ибо единственный смысл усилий всей христианской жизни – **обрести смирение**, которое одно приобщает нас Его Любви.

Матушка Надежда рассказывала нам, как молились в Обители. Кроме утренних и вечерних молитв, одна глава Евангелия и Апостола, хотя бы один псалом или одну «Славу» из Псалтири, обязательное житие дневного святого, кроме другого душеполезного чтения (сестры имели возможность пользоваться духовной библиотекой, которая была создана при Обители Елисаветой Феодоровной). Каждый день акафист: в среду Марфе и Марии, написанный сестрой Обители инокиней Серафимой с участием Великой Княгини Елисаветы. Среди многочисленных матушкиных вещей (которые вскоре пришли к нам от Наталии) сохранились две общие тетради с переписанными ее рукой выдержками из святых отцов, молитвами, стихами, акафистами... Среди них: Преподобному

Онуфрию Великому, Преподобному Серафиму, святому мученику Иоанну Воину, Небесному покровителю Цесаревича Алексея (Он родился 12 августа), Преподобной Марии Египетской, святой равноапостольной Марии Магдалине... В отдельных тонких тетрадах были: благодарственный акафист после Святого Причащения, уникальный акафист Рождеству Христову и Воскресению. Последний матушка очень ценила, вспоминая, как многие годы пела его с Фросей. «Какой он легкий и радостный», – улыбалась она.

Матушка открыла для нас на новой глубине жития многих святых. Первым из них и любимейшим в Обители был Серафим Саровский. По сей день читаю акафист Преподобному, как мы читали его с матушкой, завершая каждый икос словами: *Радуйся, Преподобне Серафиме, всея России чудотворче, – со всеми своими учениками: Серафимом Тяпочкиным, Серафимом Вырицким, Серафимом Звездинским, Серафимом Роузом... все дивеевские и русские святые, и все Новомученики Российские – во главе с Царственными мучениками.*

До встречи с матушкой я уже побывала в Дивееве в 1980 году. У архимандрита Серафима Тяпочкина, удивительного ученика Преподобного Серафима, я имела счастье быть в Ракитном в 1979 году, за два года до его святой кончины. Не забуду, с каким глубоким молитвенным вниманием матушка Надежда слушала мой рассказ об этой поездке. Владыку Серафима Звездинского я узнала благодаря матушке. В начале 90-х годов Зоя Крахмальникова издавала сборник «Надежда» – маленький, карманного формата, в мягком желтом переплете. Из одной такой книжечки матушка читала нам с мамой рассказ епископа Серафима Звездинского о своем постриге. У матушки были исключительные способности художественного чтения. Она проникалась текстом до глубины души. И ее собственное потрясение от прочитанного переливалось в слушателей¹⁵. Сколько бы раз я не возвращалась к этому уникальному повествованию Владыки Серафима, оно по-прежнему поражает. Тончайшие нюансы переживаний человека, оставляющего мир, описание всевозможных вражеских нападений на душу, которая терпит, изнемогает, отчаивается и, помощью Божией, – мужается

вновь. И все же наибольшее из понятого и прочувствованного я получила именно тогда – при чтении матушки. Возвращаясь сегодня к текстам, которые мы переживали вместе, перечитывая письма к духовным детям из ссылки теперь уже священномученика Серафима, мне кажется, я вновь слышу голос и интонации матушки, вновь с волнением участвую в жизни ее души.

Письмо Епископа Серафима (Звездинского) своим чадам

Всем, всем моим о Христе Иисусе Господе нашем возлюбленным чадам, их же имена в сердце моем ношу, мир, благодать и Божие благословение.

Свершаю длинный и долгий путь с пересадками, утомительными стоянками. Но весь этот путь от Меленков до Москвы, от Москвы до Алма-Аты, от Алма-Аты до Уральска, предстоящий от Уральска до Гурьева на Каспийском море, есть путь дивный и незабвенный. Кратко сказать, что это есть путь чудес от чтения 150 «Богородице, Дево, радуйся!» Порою думается, что Господь нарочито и послал меня этим путем, чтобы воочию показать мне, сколь сильна пред Ним молитва Пречистой Его Матери и сколь действительно приносимое Ей с верою Архангельское приветствие «Богородице, Дево, радуйся!» Верую и исповедую, яко аз познах, как никогда еще, на совершаемом мною сейчас пути все тепло, всю защиту, весь покров чудного приветствия сего «Богородице, Дево, радуйся!» Это воззвание в самых непроходимых местах пролагало мне углаженную дорогу с верными моими спутниками, в безвыходных обстоятельствах давало выход, располагало нерасположенных ко мне, злые сердца неоднократно умягчало, а несмягчавшиеся и обжигало, и посрамляло. Яко исчезати им, яко дым.

Архангельское приветствие «Богородице, Дево, радуйся!» при полной беспомощности вдруг подавало неожиданную помощь и, притом, с такой стороны, откуда и невозможно было никак ее ожидать, не говоря уже о внутреннем мире среди бурь, о внутреннем устроении при окружающем неустройстве. От сего приветствия Архангельского, праведно движимый гнев Божий оно от главы нашей отстраняет и самый приговор Судии-Сердцеведца отменяет. О, великое дерзновение! О, страшное заступление! Из огня страстей изымает, со дна падения горе к небесам восхищает. Ограждайте же себя чаще и усерднее, деточки мои милые, сею стеною нерушимую, оградой сею

неразримою «Богородице, Дево, радуйся!» С сею молитвою никак не погибнем, в огне не сгорим, в море не потонем. Если же сатана, ненавидящий нас, и запнет нас на пути нашем и сшибет нас, то и тогда, Архангельское приветствие воссылая, воспрянем, восстанем добре, затемненные просветлимся, больные душой исцелимся, загрязненные грехом очистимся и убелимся, яко снег чистотою «высшей небес и чистейшей светлостей солнечных». Мертвые, убитые страстями, воскреснем, оживем и в восторге духа возопием: Христос Воскресе! Воистину Воскресе!

Владыка Серафим поправлял своих духовных чад, нередко воспринимавших пророчество Преподобного Серафима о Канавке, которую не перейдет антихрист, – буквально. Владыка пояснял, что Преподобный имел в виду другое: если вы ежедневно, со вниманием и благоговением в сердце, будете совершать Богородичное правило, – то Матерь Божия **защитит** сердце такого человека – непроницаемой оградой, **нерушимой стеной**. В такое **сердце** – не проникнет антихрист.

Преподобный Серафим

Моя первая поездка в Дивеево

Все это не забудется никогда... Быть может, стало еще ближе, чем раньше. 1980 год – первая поездка в Дивеево. Зимний Преподобный Серафим.

В Арзамас вместе с восьмидесятилетней инокиней Домникой, одной из оставшихся монахинь прежнего Дивеева, мы приехали глубокой ночью. Минут сорок пытались достучаться к ее старенькой знакомой и, кажется, совершенно окостенели от холода (мороз под 30° или пуще).

А утром – мы уже мы ехали на автобусе в Дивеево. Душа кладет невольный земной поклон перед этим воспоминанием.

Мы с матушкой стоим в глубоком снегу перед двумя темно-серыми от испытаний соборами. Между ними – танцплощадка за железной решеткой. Напротив нас разоренный – Троицкий храм. Правее и глубже собор, посвященный Божией Матери «Умиление» и Преподобному Серафиму. Государь построил его перед самой революцией, его так и не успели освятить. Очень холодно, сильный ветер, порывами, гонит снежные смерчи, как будто утверждая свое безжизненное царство. Не видно ни единой души.

Вот я у бокового входа в храм пытаюсь что-нибудь разглядеть за дощатой, растресканной дверью, на которой не реальный по величине (в пять амбарных) – замок. Но увидеть что-нибудь невозможно. Ступени к храму загажены человеческим навозом. Десять лет спустя, Елизавета Егоровна Маркина, урожденная Мантурова (сейчас 87 лет от роду), рассказала мне о себе. И о том, как годами очищала эти ступени, поливая их слезами, оплакивая погибающих детей, уходящей в небытие Русской земли.

Я вскидываю голову – шурю от налетевшей волны колкого, режущего глаза, снега. Как естественно увидеть купола! Так в Москве привык видеть (для туристических и прочих потребностей – даже в противоположность Питеру – при крестах!) – выбеленные, вызолоченные – не вымолвить – почти

статуэтки храмов. А в душе звучит страшной – как будто одни остовы – скелеты – изъята ведь – суть!

Но вместо куполов – заросли леса, густой кустарник. Остались в глазах несколько берез, уже набравших силу. И одна из них, на самом краю, – вдруг сгибается (как ломается) под ветром, опадает кроной ниже линии исковерканных остатков кровли. Березу подхватывает ветер и, как сорвавшийся маятник, – бросает в другую сторону, и она несется распушенными на ветру ветвями... Такие тоненькие концы ветвей. И невольно звучит в душе из службы Страстной Пятницы: *Мария, простертыми власы...*

Огромное, противоестественно согбенное дерево, измотанное столькими бурями. Крона несущихся по ветру ветвей – как образ упадания, безмолвного рыдания по России...

Матушка кричала мне: «Ты куда?» А я, будучи не в силах ей ответить – с перехваченным горлом, проваливаясь выше колен в снегу, пошла к отверстому входу в Храм «Умиления». Этот вход был как черный провал в каменоломню. Но ни один собор на земле не казался мне столь прекрасным – он неодолимо звал к себе.

Я вошла, сделала несколько шагов и упала на колени. Слезы хлынули градом. Никогда я так не плакала: всем существом – навзрыд. Как будто что-то столь глубокое, что скрывала даже от себя, запертое напрочно, вдруг прорвалось безмерной Любовью. Как будто облик всей поруганной Святыни... Как будто перед всею попранной Россией или от нее я предстою в этом Храме? Он казался необозримым как Родина. Я вставала и снова падала на колени и не могла оторваться лбом от битого, скованного льдом, кирпича. По земле, бросаясь в лицо, вилась поземка, ветер врывался в зияющие пустоты окон. Я не ощущала и не слышала ничего. Как будто я была повержена ниц перед Самим Царем и Его Семейей. Я плакала в голос, почти кричала от боли, не помню слов мольбы. Это был плач о Милости – для всех нас, потерянных, жалких, брошенных на произвол судьбы вместе с нашей дражайшей Святыней, – оскорбленной, истерзанной Родиной.

В этом Храме безмерной высоты, с остатками росписей под куполами, многократно за эти годы слышали пение Ангелов – я пережила важнейшие минуты жизни. Нигде (даже на месте убиения Святых Царственных мучеников – на земле дома Ипатьева) я не ощутила подлиннее и потрясеннее присутствие Государя, Его Божественную близость к нам, Его горе... Покров Святой Царской Семьи над Россией. И то, что Она – жива! И наперекор всему Надежда на ее возрождение существует.

Особенным было отношение к Преподобному Серафиму Великой Княгини, Которая присутствовала на его канонизации в 1903 году в Сарове. Там Елисавета Феодоровна познакомилась с будущим духовником Обители протоиереем Митрофаном Сребрянским. Сам Преподобный соединил эти две преданные Богу жизни для совместных трудов во спасение множества душ.

Матушка Надежда говорила: «Преподобный Серафим отшельником и молчальником был, пост невообразимый, десятки лет жестокого затвора... Собственной волей не изменил бы никогда сурового уклада жизни. Но Сама Божия Матерь повелела ему отказаться от того, что было мило его сердцу, – и принимать людей. Так строгий подвижник стал доступным для всех – любвеобильным отцом. Значит, на Небе все подвиги и добрые дела благословляют нас совершать, чтобы сделать мягким и сострадательным наше сердце. Именно это – **самое главное** для Христа. Обрести в нас – **сердце Милующее** – какое имеет Он Сам. Десятки тысяч людей получили от Преподобного Серафима духовное утешение, наставление, исцеление... Скольким он преобразил всю жизнь! Потому что в нем жила Любовь Христова, преображающая и просвещающая... После кончины Преподобного многие святые и простые люди учились у него – Милосердию. И наша Матушка Великая сердцем желала уединения и молитвы (говорила близким, что устроит все дела в Обители – и уйдет в затвор). Но Бог судил иначе – и всю жизнь Она отдала людям, без числа сострадая бедам, облегчая чужую боль... Она подражала жизни Преподобных. Преподобный – подобный Богу – имя Которого – Милосердие».

Глядя на фотографию молельни Великой Княгини, можно увидеть большой храмовый образ Преподобного Серафима на золотом фоне – в полный рост. Согбенный старец идет, опираясь на палку: будто прямо из пустыньки своей – живой батюшка переступил порог кельи – святой Игумении. Елисавета Феодоровна упросила матушку Фамарь расстаться со своим чудотворным маленьким образом Преподобного Серафима, освященном на его святых мощах в день канонизации, и подарила его Своему дорогому крестнику – Цесаревичу Алексею. Икона до конца жизни висела в изголовье Его постели.

Матушка Фамарь рассказывала, как однажды в монастыре стена дров обрушилась на послушницу Уляшу. Она была совершенно искалечена, переломаны руки, ноги, ребра, грудная клетка сдавлена, внутренние органы смещены, – чудом она была еще жива, сердце билось. Из слов доктора матушка поняла, что положение безнадежно. Прошло два-три дня, а она все еще дышала, но страшно изменилась: лицо как-то скривилось и посинело. Все ежечасно ждали смерти страдальцы...

Каково же было потрясение матушки, когда она услышала, что Уляша встала. В дверях кельи ее встретила сама Уляша, крепко стоявшая на ногах и державшая в руках икону Преподобного Серафима (образ перед этим положили больной на грудь, желая облегчить ее предсмертные минуты). Первые слова, которые она произнесла, увидев игумению: «Матушка, акафист!», и Уляша положила земной поклон перед иконой. Во время чтения акафиста многие плакали. Настроение было как на Пасху.

Уляша рассказала матушке все, что с ней было. Последнее, что она помнит, это страшный грохот свалившихся на нее дров. Потом она сразу увидела себя в большом сосновом лесу. Надо сказать, что Уляша, родившаяся и выросшая на Кавказе, никогда соснового леса, который ей привиделся, не видала. Она говорила, что шла по этому лесу и увидела перед собой согбенную фигуру старца в белой ряске с палочкой, который уходил от нее. Она спешила, ей так хотелось догнать его, она побежала за ним и... встала, держа в руках икону с

изображением Преподобного Серафима... Доктор, приговоривший к смерти Уляшу, был неверующим человеком и после этого чуда пришел к вере.

«Елисавета Феодоровна рассказывала сестрам, как Она ездила в Саров на канонизацию Преподобного, – вспоминала матушка Надежда. – На средства Царской Семьи была изготовлена высокохудожественная серебряная рака для святых мощей батюшки Серафима. Государыня собственными руками вышила на нее покров... Крестным ходом гроб святого несли: Император Николай II, Великий Князь Сергей Александрович и другие Великие Князья и священнослужители...

Из письма Великой Княгини Елисаветы после посещения Саровских торжеств:

Какую немощь, какие болезни мы видели, но и какую веру. Казалось, что мы живем во времена земной жизни Спасителя. И как они молились, как плакали – эти бедные матери с больными детьми, и, Слава Богу, многие исцелялись. Господь сподобил нас видеть, как немая девочка заговорила, но как молилась за нее мать...

«Матушка Великая многих сестер Обители благословляла провести отпуск в Серафимо-Дивеевском монастыре... Сестры паломничали и в другие святые места, но Дивеево любили особенно. Чудеса Преподобного – числом, что звезды небесные, по сей день», – с любовью говорила матушка Надежда.

Ильмира Степанова, корреспондент газеты «Вечерний Петербург», рассказала о случае с ее восьмилетним сыном. Алеша был за городом у бабушки, в военном городке, и нашел порох. Он бросил его в огонь, в дровяной титан ванной. Произошел взрыв. Ему опалило все лицо: ресницы, брови, волосы и глаза. Все белки были в черных точках, он совершенно ничего не видел. Увидевшие его врачи – ужаснулись. Констатировали ожог глаз второй степени, предполагали, что повреждено дно. В этом случае ребенок должен был потерять зрение полностью.

«Это была адская боль. У него постоянно слезились глаза, и, самое главное, ничего он не видел. Воспалено было все.

Страшно очень... Его еще не начинали лечить, врачи смывали только пленки с глаз...» Весь мир стал каким-то черным коридором... Вернувшись из больницы, она легла спать.

Вдруг неожиданно со стены упала икона Преподобного Серафима. Совершенно простая, картонная, перед которой она никогда особенно не молилась. Она удивилась, потому что гвоздик был крепко вбит и икона никогда прежде не падала. Вернула ее на место и через три-четыре минуты вновь услышала звук падения. Хотела ее повесить, а она сорвалась с рук и упала снова.

Она вспоминала: «Это со мной было однажды в жизни – и не в церкви, а в комнате, возле письменного стола. Я встала на колени, взяла икону в руки, и вдруг появилось такое чувство, как будто ты шел-шел по какому-то черному бетонному пространству, толкнул случайно дверь рукой и вдруг открылся свет, вдруг я почувствовала какой-то выход.

Словами это очень сложно объяснить. Не то чтобы я поняла, что надо сейчас что-то попросить и оно исполнится. Никакой такой мысли даже и близко не было. Я словно натолкнулась на какой-то добрый взгляд, и душа откликнулась...

Минут десять я своей какой-то молитвой молилась – даже и об исцелении не просила, а только всю свою боль высказала. Я плакала, слезы мои капали на эту иконку, целовала я ее. И сама не знаю, что было, но так случилось, что когда я так стояла, я поняла, что кто-то услышал меня – как будто бы выход нашелся светлый из этого всего».

На следующее утро она проснулась с чувством легкости и радости! И упрекала себя, вспоминая, что ее сын в тяжелом состоянии. Придя в больницу, она увидела аккуратно застеленную постельку и испугалась, думая, что Алешу перевели в Военно-медицинскую академию в связи с анализом на задетость глазного дна «Вдруг слышу: Мама! Сын стоит в дверях. Он меня видел! Конечно, плохо, но – он меня видел!

Самое поразительное, что он не потерял ни одного процента зрения. Врачи очень удивились, потому что они его не начинали даже лечить, только промывали глаза, снимали пленки какие-то, глаза даже плохо открывались. Врачи

говорили, что этого просто не могло быть, а у него осталось стопроцентное зрение»¹⁶.

Однажды мы с матушкой читали детские воспоминания о преподобном Серафиме. Эти чудные страницы незабвенны для многих детей и взрослых¹⁷. А. Аксакова вспоминает о паломничестве в Саровскую Пустынь, когда их, маленьких детей, отправили на поиски скрывшегося от паломников старца: «...мы чуть ли не в двадцать голосов дружно крикнули: «Отец Серафим! Отец Серафим!» Случилось как раз то, на что надеялись монастырские богомольцы: заслышав неподалеку от себя звук детских голосов, отец Серафим не выдержал своей засады, и старческая голова его показалась из-за высоких стеблей лесной травы. Приложив палец к губам, он умиленно поглядывал на нас, как бы упрашивая ребяток не выдавать его старшим, шаги которых уже слышались в лесу.

Смоченные трудовым потом желтоватые волосы пустытника мягкими прядями лежали на высоком лбу; искусанное лесной мошкаркой лицо его пестрело запекшимися в морщинах каплями крови. Непригляден был вид лесного отшельника. А между тем, когда, протоптав к нам дорожку через всю траву, он, опустившись на траву, поманил нас к себе, наша крошка Лиза первая бросилась старичку на шею, прильнув нежным лицом к его плечу, покрытому рубищем. «Сокровища, сокровища», – приговаривал он едва слышным шепотом, прижимая каждого из нас к своей худенькой груди...»

Вот он, блаженный пустынный, взыскующий
Века грядущего благ неземных!
Вот он в скорбях, как мы в счастье, ликующий,
Душу готовый отдать за других!..
Белый на нем балахон; серебристые
Шапочкой ветхой прикрыв волоса,
Он вглубь себя устремляет лучистые,
Полные ласки душевной глаза...
Силою он одарен благодатною;
Чуткой душой прозревает он вдаль,
Видит он язвы людские, невнятные
Слышит он вопли, – и всех ему жаль...

Он и утешить готов безутешного,
Слабое детство от смерти спасти
Или к сиянию света нездешнего
Грешную душу мольбой привести.
Всем изнемогшим в огне испытания
«Радость моя! – он твердит: Не скорби,
Бури душевные, грозы страдания,
Господа ради, с улыбкой терпи!..»
С плачущим плакать он рад; унывающих
Нежно ободрить, их дух подкрепить;
Всех же, Господень Завет забывающих,
Учит он ближних, как братьев, любить.
Учит искать он богатство нетленное,
Чтоб не владела душой суета, –
Ибо все мира сокровище бренное
Нашей душе – не заменит Христа!..
*Леонид Денисов, 1903 г.*¹⁸

Перечитывая любимые страницы, дойдя до места, где батюшка, прижимая к своему сердцу детей, с бездонной любовью повторяет: *«Сокровища, сокровища...»* – матушка Надежда тихо отозвалась: «Так и каждая душа для Бога – бесценное богатство... Как будем отвечать за Его великие дары и Милости, за сокровище – вверенное нам на умножение Господом?!»

Все, с чем матушка сталкивалась, она переводила на размышления о покаянии. Часто это было даже подчеркнуто. Когда она говорила о Фросе, рефреном всегда звучало: *«Она и я: Небо – и земля!»*

Как просто и мудро она отвечала на вопросы людей, которые в ней нуждались! Часто начинала упрекать сама себя – в тех же грехах. И вызывала покаянное чувство у пришедших – собственным искренним покаянием.

О лишней еде

– Матушка, страдаю от лишнего веса, а есть меньше не получается, – жаловалась крестница. Сама матушка была немного выше среднего роста, худощавая – от многолетней привычки к малоядению. Ела всегда понемногу.

– Да, хорошо, что понимаешь, что лишнее, – с участием отозвалась матушка. – И обязательно нужно в переедании каяться. Бес не терпит серьезного покаяния – отбегает. Проси у Господа: сделай так, чтобы еда стала для меня – **маловажной**... Мы все, без исключения, начиная с меня, едим больше, чем следует. И редко в этом каемся, будто нет для нас такого мытарства. От переедания – почти все наши болезни, больницы, операции... Старайся употреблять однородную пищу (невозможно есть вместе мясо и молоко...) – А я – именно так и ем, – удивлялась Т. – Подольше разжевывай – так легче насытиться и еды потребуется меньше... Попей желчегонные травы... Часто от нездоровья печени – всякое неблагополучие. И, наверное, вечно торопишься – ешь на бегу – **без** настоящей **благодарности Богу**. Молитва наша перед едой и после нее – нередко формальная, прости, Господи. А ты – делай наперекор бесу – ешь с благодарностью сердечной и проси: Ангеле мой, благий, останови меня – вовремя, чтобы мне не отяготить себя непосильной едой... Вообще, это вымысел, что человеку нужно большое разнообразие на столе. Многие питались очень скромно. Матушка наша, приученная к царскому столу, ела овощи, немного каши, что-то молочное. Рыбу и ту в рот не брала. Нам с тобой, конечно, до подобных примеров далековато, но можно просить небесной помощи у тех, кто были на земле постниками. Попробуй...

Молитва благодарственная святого праведного Иоанна Кронштадтского

Благодарю Тебя, Сладосте вечная, несравненная, без числа превосходящая все сладости земные, плотские и грубые. Сладосте нетленная, животворная, святая, тихая, легкая, премирная, прерадостная, неиссякающая; благодарю Тя, яко и

сии тленные сладости мне даровал еси ко вкушению, наслаждению, да, хотя отчасти, познаю, сколь сладок Ты, что Ты весь сладость, весь желание. Осияваясь светом вещественным, говорю: слава Тебе, Свете незаходимый, пресладостный и всерадостный, яко сим тленным, но прекрасным светом – образом Твоего неприступного божественного света нас осияваеши, да от сего света вещественного востекаем непрестанно мыслью к Тебе, вечному, незаходимому Свету, и да стремимся чистотой жития достигнуть Твоего всеблаженного созерцания.

Буду все терпеть – ради моего Христа

– Какая жуткая у меня соседка, что от нее терплю... Хоть беги из своей коммуналки...

– **Это твои вериги**, – с любовью говорит матушка. – Прежде добровольно власяницу носили, Преподобный Серафим – песок и камни носил за спиной. Невольное терпение Бог тоже принимает. Скажи: «Господи, буду все терпеть – для Тебя». Один инок не вынес недоброжелателя в своем монастыре. Ушел в другой. Там нелюбящих его оказалось больше. Когда убегал из третьей обители, вдруг испугался: «Господи, а если впереди еще пуще?!» – и написал: «Буду все терпеть – ради моего Христа». (Ведь не столько же буду терпеть, сколько Он – за меня?!) И когда изнемогал – доставал свою записку и ее перечитывал. Так и ты. Преподобный Онуфрий Фросе сказал: *Скорбей не нести – в Рай не войти*. Испытания, болезни, испытания – это **норма** нашей жизни. Главное – **не терять равновесие**. Вспомни: как только родился Господь – тут же поднялся шквал бесовской ненависти: Его хотят немедленно убить, Матери с крошечным Ребенком на руках приходится, спасая Его, – бежать из родительского угла. Дорога через дикую пустыню, жизнь среди чужих людей – в языческой стране, где не было ни одного верующего человека... Еще Младенцем сколько Он – перенес. Те, кто были Христовы, – страдали в этой жизни – всерьез. И наши маленькие скорби утешают нас тем, что мы, хоть слабенькие – но тоже последователи Господа. Если враг нами недоволен, это должно нас – **ободрять**... Полезно посерьезнее исповедаться – вспомнить: сама-то никого не обижала? Нередко после глубокого покаяния – за всю жизнь – легко примирялись и ожесточенно враждующие. Делай побольше добра своей соседке. Не скорби... Господь близок к тем, кому трудней и больней. Другой женщине, которая жаловалась на обижающих ее, матушка сказала: «Главное, не имей к ним злобы... Прими как заповедь: никого не осуждай, ни к кому не имей в сердце злобы».

Не забывай, что *великие награды и воздаяния* получаются не только за то, что делаешь добро, но и за то, что терпишь зло (Святитель Иоанн Златоуст).

Молитва благодарственная по избавлении от искушений вражиих, святого праведного Иоанна Кронштадтского

Слава Тебе, Вседержащий Царю, что Ты не оставляешь меня во тьме дьявольской, но присно посылаешь свет Твой во тьму мою. Ты Светильник мой, Господи, и просветиши тьму мою.

Владыко мой, Господи Иисусе Христе! Мой скорый, пребыстрый, непостыждающий Заступниче! Благодарю Тебя от всего сердца моего, что Ты внял мне Милостиво: когда я в омрачении, тесноте и пламени вражием воззвал к Тебе – пребыстро, державно, благостно избавил меня от врагов моих и даровал сердцу моему пространство, легкость, свет! О, Владыко, как я бедствовал от козней врага, как благовременно явил Ты мне помощь и как явна была Твоя всемогущая помощь! Славлю благость Твою, благопослушливый Владыко, надежда отчаянных; славлю Тебя, что Ты не посрамил лица моего вконец, но Милостиво от омрачения и бесчестия адского избавил меня. Как же после этого я могу когда-либо отчаиваться в Твоем услышании и помиловании меня окаянного? Буду, буду всегда призывать сладчайшее имя Твое, Спасителю мой; Ты же, о пренеисчетная Благостыня, якоже всегда, сице и во предняя спасай меня по безмерному благоутробию Твоему, яко имя Тебе – Человеколюбец и Спас!

Сейчас, когда с каждым днем все тягостнее духовная мгла нашей жизни, вспоминаю поучения старца Парфения Киевского игумении Таисии, которая стала по смерти старца – близкой духовной дочерью Иоанна Кронштадтского. Не спала ночь над рукописью о ней в стенах одного литовского монастыря. Теперь эта замечательная книга доступна всем. Когда матушка изнемогала от искушений, будучи новоначальной игуменьей¹⁹, старец советовал: «Говори себе: мои испытания – «нежные цветочки»! А готовиться нужно к «терпким ягодкам», которые все – впереди». «Главное – мужайся, – говорила мне матушка

Надежда, – и ни при каких обстоятельствах не падай духом. Сверх сил Господь испытания не попустит. Тысячу раз проверено. Это наша азбука...»

Бог всегда побеждает

Когда было очень трудно, матушка мне сказала: «Что ты вперилась в эту черноту?! По сравнению с Божьим миром это – мелкое пятно грязи. Но будешь на него пристально глядеть – разрастется так, что и – солнце затмит. В самой отчаянной ситуации – Бог с нами. Он, а не кто-то другой, владеет ситуацией. Он – **всегда** побеждает! Гляди на Божий мир, в Божии светлые души. Нужно видеть, что Бог – главный, что Он побеждает – и тогда, когда мы терпим поражение... Лишь бы не изменить Христу... Остаться с Господом – до конца. Не принять в себя греховную черноту. Не согласиться на уныние, тем паче – отчаяние.

Если тебе плохо – начинай благодарить: *Благодарни суще недостойнии рабы Твои, Господи, о Твоих великих благодеяниях на нас бывших, славяще Тя хвалим, благословим, благодарим, поем и величаем Твое благоутробие и рабски Любовь вопием Ти: Благодетелю Спасе наш, слава Тебе.* Ходи, делай дела – и молись – продолжай благодарить: десять и двадцать минут... А если нужно – и час. Не устами одними – сердцем... Обязательно поможет. Главное – впустить Бога в свою душу. Бесы терпеть не могут: *Слава Тебе Боже!* – сразу разбегаются.

Самое худшее углубиться в чужие или свои грехи до того, что не заметишь, как они тобой завладеют. Ни тоску, ни уныние, ни отчаяние, ни агрессию бесовскую мы в себя впустить не вправе. Это и есть верность Господу. А то говорят: власть тьмы нарастает. Но лишь бы мы не впустили эту тьму – в свои души. Да, дьявол все разоряет, разрушает. А Господь, наоборот, – все соединяет, созидает. Главное, чтобы через нас – бес не стал уничтожать и крушить. Пусть, пользуясь нами, Бог – воссоздает, радует, утешает... Это и есть верность Христу. Мы должны быть Его орудием. Пусть весь мир клоочет бурей страстей – Бог не даст нам утонуть, если сохраним Его заповеди: на зло – отвечать добром, на ненависть – состраданием. Творящие зло – **самые несчастные**. Они достойны жалости. Эти люди – **в большой беде**».

Эти слова на всю жизнь стали моей опорой. Они подтверждали советы архимандрита Агапита Нило-Столобенского, ксерокопированные страницы его наставлений хранятся у меня со времен пребывания в нашем доме – матушки: *В минуту отчаяния знайте, что не Господь оставляет вас, а вы – Господа.*

К матушке часто приезжали ее крестники, их дети и внуки, знакомые из Семеновки, приходили мои подруги и просто наши соседи. Если матушка чувствовала, что гости не нуждаются в ее участии, то вскоре погружалась в безмолвную молитву. Но она совершенно расцветала, когда ощущала острую духовную нужду пришедшего человека. Попыталась собрать разрозненные записи матушкиных разговоров – по темам.

Одна ее семеновская крестница, как великую реликвию, хранит одеяльце, связанное Елисаветой Феодоровной. Когда матушка Надежда крестила дитя в Обители, Великая Княгиня, проходя мимо, набросила на младенца одеяльце Своей работы. С благоговением держала в руках и целовала эту святыню. Здесь каждая петля – пронизана Иисусовой молитвой Матушки Великой. Несколько лет назад батюшка, у которого Мария исповедуется, попросил дать ему одеяльце на несколько дней.

Его духовная дочь лежала в больнице перед операцией, предупреждали, что она продлится много часов и будет очень тяжелой. Врачи говорили, что после нее – в лучшем случае, больная останется – умственно неполноценной. Батюшка отслужил молебен о здравии страдальцы, покрыв ее голову одеяльцем. Операция длилась около часа. Опухоль оказалась значительно меньше, чем показал рентген. В настоящее время женщина чувствует себя здоровой.

Что мешает и помогает в деле спасения

Чтение писаний отеческих – родитель и царь всех добродетелей.

Святитель Игнатий Брянчанинов

О гордости

– Матушка, что для нас, верующих, вреднее всего и всего полезнее?..

– Наибольший вред делу нашего спасения наносит гордость. Это когда ты думаешь, что уже исправилась, грехов у тебя все меньше, делаешь угодное Богу, приносишь пользу людям и рассказываешь о своих «добрых» делах. Вторая червоточина: когда носишь в себе **зло**, не прощаешь, осуждаешь, не стараешься от этого отстать – всерьез об этом не скорбишь и не каешься. Ибо осудимся теми грехами, которые не прощали другим. Кто пристально следит за собой, видит свои грехи – как песок морской, себя – постоянно падающим, а всех других – лучшими себя. Еще одно горе: не иметь Любви, в том себе не сознаваться и не сокрушаться перед Богом в отсутствии самого необходимого. Если нет у нас Любви, чем на Суде Божиим мы будем отличаться от неверующих? Полезнее же всего, как сама понимаешь, – все противоположное: Смирение, Милосердие, Любовь неложная, какую заповедал нам всей Своей Жизнью Христос. Уже от начальной Любви появляется чувство подлинной вины перед Любящим. А вслед за покаянием – идет молитва, – мать всех добродетелей.

Из изречений святого праведного Иоанна Кронштадтского. *Кто заражен гордостью, тот ко всему склонен оказывать презрение, даже к предметам святым и Божественным: гордость мысленно уничтожает или оскверняет всякую добрую мысль, слово, дело, всякое творение Божие. Это мертвящее дыхание сатаны.*

Молитва

Господи! Имя Тебе – Любовь: не отвергни меня, заблуждающегося человека. Имя Тебе – Сила: подкрепи меня, изнемогающего, и душу, омраченную житейскими страстями – просвети. Имя Тебе – Мир: умири мятущуюся душу мою. Имя Тебе – Милость: не переставай Миловать меня.

О вреде тщеславия

Как только матушку начинали хвалить, она немедленно себя унижала. Я как-то заметила: «Вы, матушка, даже что-нибудь приятное – не даете людям Вам сказать». «А знаешь, сколько после этого надо молиться – чтобы от вреда освободиться? – ответила она. – Ведь вместе с похвалой впускаем в себя – беса! Услаждаться лестью человеческой – это как конфетами – в детском возрасте. Если человек похвалами увлекается – он еще из духовного младенчества не выбрался.

И другим не привыкай рассказывать такое, за что тебя могут похвалить. Тщеславие – смертельная змея, она и до матерой гордости довести может. Блюда себя. Не забывай, Сама Матушка Великая учила сестер беречь себя от великих зол: тщеславия, превозношения, самооправдания... – все это может очень тонко, незаметно действовать. Великую Княгиню старцы наставляли: исполняя самое большое и замечательное дело, – ни в коем случае не присваивать его себе. Свои труды – вменять ни во что. Если Ей это говорили, неужели для нас с тобой это – лишнее?..»

Без смирения никто не внидет в небесный чертог. Где нет света, там все мрачно, а где нет смирения, там все наши дела суетны (Преподобный Серафим Саровский).

О грехе осуждения

– Матушка, какая я ужасная – тьма-тьмущая грехов! – испуганно говорила одна из новоначальных.

– Не только к чужим, и к своим грехам требуется относиться с терпением. Что это я все в той же болотине вязну?! Потерпи, матушка, **как смиришься, так – и освободишься.**

Матушка учила каждого из нас: «Не осуждай никого: последнего изверга, разбойника, злодея – не осуждай. Хочется осудить – осуди себя! Гнев – какая греховная, лишняя вещь – и зачем это Бог создал?! Нет, нужная вещь. Не для того, чтобы на другого гнев обрушивать, а на себя – на свои грехи его обращать. Если Бог хочет нас спасти, Он обязательно – **накажет** нас за осуждение. И чем быстрее – тем для нас полезнее. Сколько примеров: что осудила, то и получила. Пришла одна восьмидесятилетняя к своему схимнику: «Батюшка, какая напасть – таких блудных помыслов и в молодости не знала...» – «Наверное блудницу осудила?!» – «Как это вы знаете? У меня-то соседка впала во все тяжкие, и уж я-то ее костерю!» – «Ну, вот: за что осудила – то и получила! Скорей кайся!» Убереги нас, Господи, от осуждения. Наш отец Митрофан говорил: «Кого осуждаешь?! Такого же приговоренного к смерти своими грехами, – как и ты?! Единая болезнь – **грех**. Вы в больнице. Ваши койки рядом. Осуждением можно убить человека. Откуда ты знаешь, понесет ли он ту темную силу, которая стоит за твоим осуждением. Остановись! Быть может, Бог еще даст ему время на покаяние, а ты умрешь раньше него, не покайся – в нелюбви. Осуждение – это братоненавидение. А оно есть – противоборство Богу. Грех – осуждай, а человека, в грехах погрязшего, – жалей. Редко что хуже – нашей «праведной» злобы. Праведным Господь называет наш гнев – когда мы противимся людям, желающим нашей гибели. Господи, спаси всех грешников, от гибели вечной. Из них же первая – есмь аз. Чего другому желаем, – то и сами получим от Господа. Это закон. Желая себе спасения – значит, желаю спасения – всем». Это было матушкино кредо.

Главное в жизни – ревнуй о взаимной любви и никого не осуждай. Каждый за себя даст ответ Богу, а ты в себя смотри. Злобы берегись (Святой праведный Иоанн Кронштадтский).

Изю всех сил старайся очищать себя от зла к людям. Ибо, накапливая в себе зло к людям, накапливаешь яд, который рано или поздно – убьет в тебе человека.

Изю всех сил расти в себе добро к людям. Посильней сдави сухой ствол своей души и всегда сможешь выдавить, словно капли воды, добро, оправдание для прощения врагов, а значит, одержишь над ними духовную победу – победу добром.

Не позволяй солнцу быть благороднее тебя, ибо, если оно греет и злых, и добрых, почему ты не можешь согревать добром и добрых, и злых?

Не позволяй воде быть полезнее тебя, ибо, если она поит и чистых, и нечистых, почему бы тебе не радоваться, когда к тебе обращаются за помощью и те и другие (Святитель Николай Велимирович).

О дерзновении к Богу

Не любите мира, ни того, что в мире, кто любит мир – в том нет любви Отчей (1Ин.2:15). Как хороша настоящая жизнь христианина! Но мы ее не знаем. И вроде она недоступна. Но разве Любовь запредельна? Она доступна человеку! И только если **мы любим**, то можем надеяться, что Бог нас услышит. Как сказано: *Если сердце наше не осуждает нас, мы имеем дерзновение к Богу.*

Какой сердце должно быть высоты и чистоты, если Господь говорит: *Сыне, дождь ми сердце!* Как я могу дать свое сердце, когда в нем... что? Разобрать его, заглянуть в него – чего только там нету! Сердце пойдет к Богу первое. Значит, как его надо хранить! Все внимание – на сердце. А мы главное – али на желудок, или не знаю, на что. Оказывается, самое главное, трудное – чтобы дать Господу сердце, **какое Он хочет**.

– Вот, я принесла Тебе, Господи!

– Сейчас посмотрим. Нет, не годится. Исправь. – А исправлять-то некогда. Всего только и надо Господу – одно сердце чистое. «Ладно, еще подожду, еще потерплю». Господь-то терпит, а мы не больно-то стараемся, зная об этом: «Старайся, деточка моя любимая!» – И ни с места.

– Старание, где ж его взять, Господи! Я хочу, а у меня не получается.

– Плохо хочешь! – Все ждет.

Я и забыла, что хотела стараться.

– Ладно, подожду еще, потерплю.

Вот какой Господь! Все ждет, ждет без конца, никогда Он нас не отвергает.

Стараться-то больно трудно. Какой Ты, Господи! Насколько Ты велик, настолько мы грешны.

В любви заключается вся жизнь

Одной своей крестнице матушка говорила: «Дана тебе такая жизнь, веди ее честно и не вылезай. Какая ты там должна быть, не выдумывай. Мало ли чего я хотела – может быть, живой на небо лезть. Мы все: «Я – и ни то, ни се? Как это так? Ах, я – и что это такое, не так живу!» Любовь к Господу Богу, к человеку, ко всему живому – в Любви заключается вся Жизнь. Не лезь выше Неба, дана такая жизнь – исполняй. Повторяй: «Гордость от дьявола». Что это? Я и слово это знать не хочу, терпеть не могу. Люблю Господа Бога, все мне, Господи, Твое нравится, **все Твое – люблю, всех Твоих люблю!**

Мы как-то все пугаемся, забываемся, а надо быть довольным. Наступает день, и все от Него получаем. Дан тебе крестик – неси его с миром, с любовью: Господь мне дал! – неси с радостью. А на самом деле – все не по мне. Как-то один человек возроптал на свой крест – унывает, изнемогает. Явился ему Ангел и показал множество крестов: если хочешь, можешь свой заменить! Выбирал он, выбирал. Все не мог остановиться: один тяжел, другой неудобен, тот – больно легкий. Вдруг обрадовался: вот, этот беру! – Да это твой – и есть! – Всем дается по силам, Господь знает, что кому дать. Ты только неси. Господи, уж помоги угодить Тебе, хоть немножечко!

Что я собой представляю? Клок волос. А Господь наш! Как Преподобный Серафим утешает: собираешься пойти в храм Божий, а сил у тебя нет, ноги больные. Хочешь подать милостыню убогому – но сам концы с концами едваводишь. Еще что-то доброе жаждешь сделать всем сердцем – а возможности не имеешь. Так Господь одно твоё намерение примет, как совершенное тобой – дело. Господь какой: намерение и желание целует, – и то Он доволен, радуется. А мы – что мы желаем и что даем? Раз желание и намерение есть, надо его подогреть понемножечку – быть может, и до дела дойдет. Даем много, только чего?

О целомудрии

Когда матушке однажды жаловались на блудные помыслы, она сказала: «Главное, этой бесовской трясинной – не увлечься. Известная история: одна юная послушница исполняла в монастыре клиросное послушание. И скоропостижно умерла 18-ти лет от роду. Перед смертью ее исповедали и причастили. Игуменья была уверена, что усопшая в Раю, и просила Господа открыть место ее упокоения. Каков же был ее ужас, когда во время молитвы она увидела ее в адском пламени. Душа несчастной поведала ей, что, стоя на клиросе, где поющие должны уподобляться Ангелам, славословящим Бога, она обратила внимание на юношу, который был прихожанином этого храма. С бесовской помощью, сочинила себе, что в него влюблена, и в мыслях своих зашла – очень далеко. Когда ее исповедовали перед кончиной, она от стыда не раскаялась в этом тяжком грехе... Девочку потом весь монастырь отмаливал... Это явление попущено Богом – для пользы многих. Кто-нибудь да задумается: а меня-то будет ли кому отмаливать?

Помыслов самих по себе бояться не надо. Бог смотрит на нас – как мы их встречаем: лелеем или отшвыриваем. Горе в том, что люди сегодня утратили духовную чуткость – не ощущают, откуда та или эта напасть. А если бы знали, что это бес к ним ластится – живо бы реагировали. Если бы увидели, что на них искра огня упала – неужели бы дали огню разгораться? Если змея к нам приближается, станем ее лелеять? Господи, помилуй наших дорогих детей, которых так редко учат защищать себя от ненавидящего их дьявола...

Девушке, которая не собирается стать монахиней, естественно хотеть выйти замуж. Но, чтобы была настоящая любящая семья, об этом надо молиться». (Сейчас в молитвословах нетрудно найти молитву о добром христианском супружестве.)

Чтобы сохранить свою чистоту, борющийся девственник должен, прежде всего, быть исключительно преданным

Владычице Богородице и смиренно молить Ее о помощи, так как облачения непогрешимой девственности нельзя достичь только путем аскетизма и личного борения – это, однако, непременно должно быть, – но дается это по Милости Приснодевы Марии, Которая и очищает души девственников.

Кто желает сохранить целомудрие, должен приложить многие усилия, очищая душу свою от чувственных помыслов, которые всеваются для порчи душевной пособникам зла. От помыслов этих можно избавляться при помощи молитвы Иисусовой и призыванием имени Владычицы Богородицы, Которая знает, как очистить души истинных ревнителей целомудрия (Старец Даниил Катунакский).

Матушка Надежда говорила, что и утратившие девство могут вернуть себе чистоту душевную и телесную – правильным духовным устроением, внимательной внутренней жизнью, постоянством в подвиге противления грязным бесовским прилогам.

Об обидах

– Матушка, так часто обижаюсь...

– А ты припомни, – с сочувствием говорит матушка, – ты сама ни перед кем не виновата? Ты-то сама ни с кем никогда не ссорилась? Никого не обижала, если не словом, так мстительной мыслью?.. Чему же удивляться, если нас обижают? Хорошо просить помощи у Матери Божией «Умягчение злых сердец».

Молитва

Умягчи наши злые сердца, Богородице, и напасти ненавидящих нас угаси. И всякую тесноту сердец наших разреши. На Твой бо святой образ взирающе, Твоим страданием и Милосердием о нас умиляемся и раны Твои лобызаем. Стрел же наших, Тя терзающих, ужасаемся. Не даждь нам, Мати Благосердая, в жестокосердии нашем и от жестокосердия ближних погибнуть. Ты бо еси воистину злых сердец умягчение.

Апостол Павел называл себя первым грешником – представь, какими словами он при этом себя внутренне именовал. А мы все себя по головке гладим. Ну а если себя только ласкаем, Господь, чтобы нам протрезвиться, дает нам порой что-нибудь ободряющее: оскорбление, унижение... Подай, Господи, зрение грехов своих! Будем называть себя реальными именами – тогда никто нас не обидит. Лучше, чем я себя, – никто меня не узнает, не назовет. Сознаюсь, радоваться, когда меня ругают, – не научилась. Так что остается нам с тобой – одно покаяние. (Хочу добавить, что матушка нередко сама на себя наговаривала и клеветала, чтобы облегчить покаяние другому человеку.)

Если любите любящих вас, какая вам за то благодарность (Лк.6:32). ..Лучше быть обиженным, чем обижать. Добродетель нуждается в том, чтобы быть гонимой, дабы сиять ярче (Афонский старец Ефрем Катунакский)²⁰.

В другой раз матушка сказала: «Дорогая моя, представь лютую адскую бездну, в которой мучаются без передышки – бесчисленные тысячи людей, среди которых, конечно, есть и наши родные, – и пойми, как **НИЧТОЖНЫ** перед лицом этого наша суета, отнимающая у нас столько драгоценного времени, наше уязвленное самолюбие, тщеславие, обиды... Надо скорее – всех простить, помочь человеку и себе – исправиться, только чтобы ни он, ни я, ни ты – **сюда не попали**. Чтобы, глядя на нашу искреннюю жизнь, Господь захотел помиловать – вынуть из преисподней – наших усопших родных.

Без сердечного смирения – нет любви

Делаешь что доброе – **не присваивай себе, не надмевайся**. Человек неверующий работает для денег, карьеры, для личной славы... А мы – во Славу Божию: *Тако да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного (Мф.5:16)*. Это, конечно, о больших людях сказано. Мы-то люди – мелкие. Но Господь наш столь Благ и Милостив, и мы, как дети малые, можем подражать своему Отцу. Как деточка смотрит на пироги, которые печет мать, и «печет» в песочнице свои пирожки. Так и мы – убого вторим великому Божию Милосердию. **Делай все скромно, тихо, никому не рассказывай...** рассмотри, с какими недочетами все у тебя получается, исповедуй погрешности и – забывай свои добрые дела». Слушая матушку, со стыдом вспомнила, как накануне вышла из храма, встретила верующую знакомую и с приятным чувством сообщила ей, что иду навестить больную. «Да, поблагодарим Бога, – ответила она, – Который дал нам – здоровье и силы на то, чтобы – идти... Ведь без Господа – мы не способны и **самую малую** полезную **мысль помыслить**, не то, что – доброе дело сделать». Эти простые слова обнаружили мне все мое непотребное тщеславие.

Тот, кто сделал добро, не должен об этом говорить, но если этим хвастают, добро теряет благородство... Отдавайте, не ища ничего взамен, не рассчитывая выгоду в будущем; отдавайте детям, старикам, умирающим, тем, кто не сможет отблагодарить, и тем, кого вы больше никогда не увидите, иначе это будет не благодеяние, а торгашество; старайтесь помочь даже вашим врагам. Не доверяйте раздачу своей милостыни сомнительным посредникам, иначе само деяние, которое апостол назвал «труды Любве» (1Сол.1:5), будет под сомнением. Своей собственной рукой творите то, что подсказало вам сердце. Так вы познакомитесь с жизнью и нуждами бедняков – созданий Христа... Пусть и лицо твое просияет, как у

Моисея, радуя других, но не любуйся собой, как перед зеркалом (Из дневников Императрицы Александры Феодоровны).

В другой раз матушка сказала: «Ты думаешь, мы что-нибудь доброе – делаем сами, своими силами? Заблуждаемся. Нам всегда помогают: во-первых, наши Ангелы-Хранители, потом – святые, и не только известные нам. Фрося однажды шла полем, одна-одинешенька на нем жала хлеб раба Божия из нашей Владычни. И Фрося увидела, что рядом с ней – усердно помогает ей – умершая мать.

Даже в самом малом нас Господь подкрепляет. Писала я Фросе ко дню Ангела – стихотворение. А матушка Любовь на следующее утро говорит: «Я видела во сне, как ты сочиняешь мне на память стихи. А из-за правого плеча – твой Ангел-Хранитель склонился к тебе, подсказывает и тебя поправляет».

О пользе самоуничижения

«Как потщеславилась – яда бесовского отхлебнула, – беги исцеляться: зайди в свою келью (или – сердечную клеть) и начинай называть себя собственными именами: припомни все свое недостойнство, низость и мерзость. Одна моя духовная делилась: «Порой так на себя разозлюсь – ах ты барахло, – говорю себе, – падаль никчемная. – Таких, как ты, грешниц, – свет не видывал, – а еще превозносишься?! Гнилью своей превозносишься? отсутствием всякого трезвения? неимением рассуждения? Да если бы ты что-то дельное совершила для Бога – Он бы тебя просветил – дал бы тебе видение своих грехов, которого в помине не имею. Сразу бы скромность какая-нибудь в тебе, дрянь эдакая, проклюнулась. Гляди-ка, превозносишься? – тем, что в ад – ускоряешь? Да, ума у тебя, голубушка, – через край... – Так вот отчихвостишь себя – сразу полегче станет».

– Бесы столь самолюбивы, – поясняла матушка, – что совершенно не выносят, когда человек себя унижает, – моментально разбегаются. А если превозносишься – мыльным пузырем раздуваешься – увеличиваешь жилплощадь для их жительства. Бывает, похвалят тебя – настроение у тебя поднимается... Прямо – летишь. Но на чьих крыльях? Ангельские ли крылья несут? И вверх ли? – Вниз! Жизнь – очень серьезная вещь. Приучай себя к вниманию.

Если ты хочешь что-то приятное человеку сказать из любви к нему, лучше не умножай слов – помолись о нем, сделай что-нибудь ему нужное. Хвалить легко – **а любить – трудно**. И если не хочется что-нибудь доброе бескорыстно сделать для другого (а самое большое дело – помолиться) – значит, и нет у тебя никакой к нему любви. А просто враг тебя подталкивает другого человека в искушение ввести. Все это – серьезные грехи».

Поступай так, чтобы не сделать никому никакого зла; чистым сделай сердце твое для всякого человека (Авва Пимен Великий).

О терпении

«Терпение означает то, чтобы все, что ни случится, сносить великодушно: в болезнях не отчаиваться, излишне в несчастиях не унывать, в бедности не печалиться и на обиды не роптать, – вот как отцы учат... Кто-то говорит: ничего мы в своей жизни не терпим. Как не терпим? – Ясное дело, терпим, и должны Бога благодарить за то, что можем терпеть. С ума ведь не сходим, не ругаемся, не деремся, об стенку головой не бьемся, а терпим. Есть разве какие особые желания? Нет – значит, терпим. Чаще молись: *Господи, даждь ми здесь терпение, а тамо – отпущение.*

Прежние терпеливцы в лучшее время жили – нам, может быть, труднее смиряться. А по правде сказать, «терпеть-то неча»: что терпим, все получаем, и вроде болезней и напастей у нас нет – как будто Ангелы Господни нас окружают, хранят. Есть какие страдания – люди переносят, какие гонения, тюрьмы, ссылки, голод, холод, какие болезни страшные, – а терпят – никуда не убежишь. А мы на самом деле еще ничего не терпим. А и потерпеть-то как хорошо! Милость Божия. Бывает, Господь малой скорбью и болезнью покрывает нас от худшей беды, которой мы достойны...

Какие мы счастливые! Как надо Господа благодарить: хоть мы сами тьма, вокруг нас – свет, от которого мы немного просвещаемся. А вот те люди которые Господа не знают?! Как страшно за них Господи, Слава Тебе за все! Благодарить, благодарить: *От нас мало что Ты получаешь, Господи, а мы от Тебя все получаем.* И, все-таки, Он и таких принимает.

Погибнуть недолго: раз-два – и готово! Господь не дает погибнуть: и с той стороны и с этой поддерживает. А мы все брыкаемся, все нам не такая жизнь – а в общем, все хорошо. Сколько получаем! что нам дается! А от тебя – еле-еле душа в теле. Где уж нам все исполнять так, чтобы Господь был доволен? Сколько Он для нас делает, – надо быть только довольными, – Он уж рад. Ты только к Нему повернись, – Он уж не знает, что тебе сделать. Как хорошо жить на свете! А

помереть – еще лучше, только как там примут – вот вопрос. Скажут: «Ты откуда взялась?» Вот дела-то – какие».

О грехе сребролюбия

- Матушка, есть долги, которые годы не соберусь отдать.
- Ох, этого надо бояться. Господь строго спросит. Святые говорят: долги хуже грехов, в первых покаешься, а за долги будут истязать на мытарствах. Очень тяжел и грех воровства. Амвросий Оптинский говорил: «Украл я в детстве один рубль. И вот – десятки лет подаю милостыню, благотворю больным и неимущим – и все сердце не слышит, что оплатил я тот рубль». Вот какую чуткость имеют люди. Дай Бог все подобное припомнить, на исповеди назвать и всевозможным покаянием и подаянием загладить.

О скупости и вещелюбии

Матушка была полностью невзыскательна в отношении одежды. Ее халаты были самой скромной расцветки и застираны до того, что все, казалось, были одного цвета. Когда крестница преподнесла ей новый байковый халат, отнюдь не броский, благородной сине-голубой расцветки, матушка тут же незаметно подарила его другой гостье.

Она берегла самые незначительные вещи и раздавала все, что ей дарили. Однажды ей принесли очень нежный бледно-золотистый платочек. По нему витали тонкие очертания маленьких райских птиц. «Матушка, как Вам будет в нем хорошо», – умилился кто-то. Но не успела пришедшая закрыть за собой дверь, как платочек уже покрывал совершенно другую голову, повязанный добрыми матушкиными руками. Это была постоянная, спокойная, не замечающая себя – нестяжательность.

О сочувствии

Матушка пользовалась любой возможностью послужить людям, принести малейшую пользу. Она никогда не оставалась безучастной к человеческой печали. С теплым сочувствием слушала она, как переутомляет свои глаза ее крестница, занимаясь работой, требующей большого умственного напряжения. «Ты знаешь, – делилась матушка, – мне посоветовали, когда устанешь, крепко потри ладони, приложи их к глазам и читай Иисусову молитву. И еще, закрой глаза и минуту-две осторожно надавливай пальцами, начиная с линий бровей, по переносице и вокруг глаз – по твердой косточке. Все физические упражнения и массаж имеют целью – приток крови к больному органу. Кровь приливает и все оздоравливает. Говорят, таким образом можно даже улучшить зрение». Одна жаловалась на больную печень. «Брось глотать таблетки, пей травки, – говорила матушка. Против судорог в ногах она советовала мазать стопу – свежим срезом лимона.

Об отношении к вещам

Если у меня туфли постоянно валялись в разных углах прихожей, то у матушки ее тапочки всегда аккуратно стояли у кровати. И постель она заправляла очень тщательно – из-под покрывала никогда не виднелась простыня. И так – во всем. Однажды призналась: «Замечаю у себя склонность к беспорядочности». – «Не думай, что это мелочь, – отозвалась матушка. – Где хаос – там нечисть себя свободней чувствует. У нас в Обители – все кельи блистали чистотой и порядком...» Позже я прочла у Матронушки Московской: «Не оставляй грязную посуду в раковине на ночь, – в ней плещутся бесы». Когда я убирала и мыла пол у своих близких, мой маленький крестник, прыгая на диване, скандировал: «Чистота, чистота – красота, красота!» Значит, святые души чувствуют радость и облегчение – от присутствия Ангелов, там, где порядок и чистота.

«В этом мире нам ничего не принадлежит, – говорила матушка. – Все, как и сама жизнь, только временный дар Бога... Когда у тебя что-то просят – это Господь **просит** отдать Ему **Свое** – Ему принадлежащее. Он Единственный Создатель и Владелец всех вещей. Поэтому отдай с радостью!»

Молитва подающего Милостыню святого Иоанна Кронштадтского

Господи! Научи меня подавать Милостыню охотно, с лаской, с радостью, и верить, что, подавая ее, я не теряю, а приобретаю бесконечно больше того, что подаю. Отврати очи мои от людей с жестоким сердцем, которые не сочувствуют бедным, равнодушно встречаются с нищетой, осуждают, укоряют, клеймят ее позорными именами и расслабляют мое сердце, чтобы не делать добра, чтобы ожесточить и меня против нищеты. Господи, исправь дело Милостыни! Господи, да идет всякая Милостыня моя в пользу, а не во вред!

Освобождайся – от лишних вещей

– Матушка, такая у меня слабость, – признавалась крестница, – как пойду по магазинам, обязательно куплю какую-нибудь кофточку...

– И все их носишь? – В том-то и дело, ношу три-четыре, остальные валяются...

– Ну, это не от тебя – от лукавого, – утешала матушка. – Знала я одну, которая вот также в очередях стояла, покупала, а потом – **раздаривала**. И так несколько раз, пока поняла, наконец, что враг над ней потешается и пора освободиться от этой зависимости. Повторяй себе слова Господни: *Как трудно имеющим богатство войти в Царствие Божие! (Мк.10:23)*. И успокоишься. Беспощадно освобождайся от лишних вещей. Фрося во сне по смерти одного человека видела, как он вязнет в болоте, а в руках сумки, чемоданы... Она ему кричит: бросай их, погибнешь! – А ему жалко – вцепился и не расстается. Смотри, чтобы с нами такого на том свете не стряслось, чтобы наше бессмысленное барахло – в бездну нас не утянуло...

«Что мне делать? – спросил кто-то старца Амвросия Оптинского. – На меня скупость нападает». Преподобный ответил: «Давай, что можешь, сколько рука твоя соглашается отдать». И рассказал такой случай. Один странник пришел просить милостыню. Сначала он обратился к очень скупой женщине, которая дала ему старый рваный платок. А другая – что ни просил у нее странник, все ему давала. Только он ушел, сделался в деревне пожар, и все сгорело. Странник тут же возвратился, и все отдал назад. Той, которая много ему дала, – и вернул много, а скупой сказал: «Вот и тебе – твой платок!»

Молитва об исцелении от сребролюбия и жадности святого праведного Иоанна Кронштадтского

Сокровище наше нетленное и богатство неистощимое! Даруй рабу Твоему сему, сотворенному по образу и подобию Твоему, познать лесть богатства, и яко вся земная – суета, сень и соние. Яко трава дни всякого человека или яко паучина, и яко Ты един – богатство, покой и радость наша!

«Нередко в житиях святых, – говорила матушка, – можно прочесть, как дарили они одежду нищему, а потом видели Господа, облаченного в их платье. Будешь тайно раздавать хотя бы все лишнее, чем не пользуешься, – великое получишь облегчение».

«Мы имеем только то, что отдали...»

Особенностью матушки было то, что с ней делились тем, что не всегда выговаривали и священнику. Призналась ей однажды, что хочу что-то подарить и одновременно – **жалко**. Она ответила словами, которые я никогда не забуду: «Мы имеем только то, что **отдали** другим... И не одни вещи: время, силы, здоровье, Любовь своего сердца...»

– Не забудь покаяться, что дарила через «жаль» – вслед мне, уходящей на работу, напомнила на следующий день матушка.

Она говорила: «Если Бог дает нам возможность сделать что-то доброе для другого человека, Он оказывает нам – Милость. Когда-нибудь ты это поймешь. То, что мы делаем для других, делаем на самом деле – **для себя**. Так что гордиться нам с тобой – нечем».

Святитель Иоанн Златоуст говорит желающим научиться помогать другим людям: *Начни отдавать сперва то, что тебе самому не нужно, что у тебя валяется. Потом будешь в состоянии давать и больше, и даже с лишением для себя. И, наконец, будешь готов отдать и все, что имеешь.*

С трепетом я смотрела на матушку, которая исполняла закон совершенных: *...все, что имеешь, продай и раздай нищим, и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи, последуй за Мною, взяв крест (Мк.10:21).*

Взирай на Самого Христа²¹ (утешение делателям добра)

Каждый! Всевозможными способами, чем только можешь, делай добро ближнему. Не можешь чудотворящим словом исцелять немощи людей? – Однако словами утешения можешь ободрить; если же ты послужишь людям сам лично, то и сам возымеешь Служителем (о, чудо!) Христа, согласно Его словам, относящимся к будущему веку: *Он препояшется, и посадит их, и, подходя, станет служить им* (Лк.12:37). Если же ты примешь участие в ближнем твоём тем, что поможешь ему в имеющихся у тебя необходимых вещах, – то станешь участником Божиего богатства и Царства Христова и как сам – одевший Его и накормивший Его – насытишься бессмертием и будешь облечен – в царскую одежду. Не обладаешь даром учить, побуждать к добродетели, не обладаешь силой обличать, отвращать от зла, увещевать к добродетели? – Будь учителем самими твоими делами, став делателем добра и для самого себя и для ближнего. Это – также и способ обличения беззаконников. Пусть таковые скажут о тебе: Тяжело нам и смотреть на него, потому что непохожи на наши дороги – пути его (Прем.2:15 парафраза). И если не снося это, они бы подвергли тебя оскорблениям и, клеветая, сплетали обвинения и затевали всевозможные нападения, стой неподвижно, чтобы, отклонившись или ослабев, не изменить тебе твоего образа действия, но и для самого себя, и для них будь **благотворным**, взирая на Самого Христа и на Возлюбленного Ему Ученика. И взяв этот пример для шествования правым путем Господним, иди им без оглядки. Если Меня гнали, будут гнать и вас (Ин.15:20), говорит Он. Если так будешь поступать и так сносить обиды, то будет явным для всех, что ты внедрил в себя Божественную Любовь.

О христианской трапезе

Поражало, как матушка была всегда довольна, неприхотлива, неизменно благодарна. Как-то подгорела у меня каша, я очень расстроилась. Но матушка улыбалась: «Ничего, с дымком будет...» – И стала есть с видимым удовольствием.

Позже, прочла у священника Александра Ельчанинова: «Пост равен утончению. Нормальный биологически благополучный человек не доступен влиянию высших сил. Пост расшатывает это физическое благополучие человека, и тогда он делается доступнее воздействиям иного мира, идет духовное его наполнение (перерождение). Пост – период духовного усилия. Если мы не можем отдать Богу всю свою жизнь, то посвятим Ему безраздельно хотя бы периоды постов – усилим молитву, умножим Милосердие, укротим страсти, примиримся с врагами...»²²

Наблюдая изо дня в день, как матушка довольствуется малым, вспоминала слова старца протоиерея Николая С., который с любовью наставлял: «Не объедайся – оставляй место для Святого Духа».

Если к нам приходили знакомые и желали, заставая матушку за столом: «Ангела за трапезой», матушка отвечала: «Невидимо предстоит!» Однажды у матушки спросили: «Сколько и какую еду нужно есть?» – «Каждый выбирает для себя еду, которая его меньше отягощает. Чтобы – не слишком тяжело было жить. Как апостол Павел говорил: *немощной ест овощи*».

Старец Силуан отвечал на подобный вопрос: «Есть надо столько, чтобы после трапезы хотелось молиться».

...Когда я наблюдала, как после еды матушка собирает крошки в свою ладонь, вспоминала тот же обычай в моем Ильинском, у матушек отца Николая. Они и тарелки вытирали досуха кусочком хлеба. И первый раз посуду мыли в очень малом количестве воды, собирая «смывочки» для соседской коровы. Также, как они, наша матушка благодарила после еды дополнительными словами: «Спаси, Господи, и помилуй

благотворящая нам, милующая и питающая нас, давшая нам милостыню, и заповедавшая нам, недостойным, молиться о них, и упокоевающая нас: и сотвори Милость Твою с ними, даруя им вся яже ко спасению прошения, и вечных благ восприятия».

После каждой трапезы в Ильинском читали: *Упокой, Господи, души усопших раб Твоих...* Из матушкиных случайных слов я узнала, что за едой она – благодарит Бога и еще раз поминает своих близких поименно – о здравии и усопших – о упокоении. «Как же иначе, – поясняла матушка, – трапеза земная – напоминание о трапезе Небесной, которой мы хотим удостоиться, недаром после нее просим: *...не лиши нас и Небеснаго Твоего Царствия*. Как же, вспоминая Рай, не пожелать Царствия Небесного своим родным. И живым желаем его не меньше, чем как усопшим». Вот почему она всегда была молчалива за едой.

После ужина матушка молилась: «Бысть чрево Твое Святая Трапеза, имущая Небеснаго Хлеба Христа Бога нашего, от Негоже всяк ядый не умирает, якоже рече всех, Богородительнице, Питатель».

У матушки была одна особенность: она густо солила любую еду. При этом повышалось и без того высокое давление. Но это было единственное, чем она не могла поступиться. Однажды я ей покаялась в своей привязанности к сладкому. «Ладно уж, – ответила она, – кто-то любит кисленькое, кто-то – соленькое... Не килограммы же конфет покупаешь?! Съела – не забудь поблагодарить Господа, тогда вред будет меньше!» Эти слова меня очень утешили.

В противоположность мне, грешной, она ничего не оставляла после еды на тарелке. А перед благодарственной молитвой смахивала крошки в руку и опрокидывала ладонь в рот. Сначала я волновалась: «Матушка, дорогая, Вы сыты?» Потом стала думать, что это навык человека, пережившего голод и войну. Но снова ошиблась. И здесь матушкой руководило благоговение. «Мы ведь с тобой еще ничего не создали, – улыбалась она, – значит, должны бережно относиться к Божиим дарам».

«Но не сочтем, дорогая моя, – говорила матушка одной гостье, – что пристрастие к еде и вещам – малый и безобидный грех. Вспомни богача, попавшего в ад, из притчи о богатом и Лазаре. О нем и сказано всего-то, что он роскошно одевался и часами сидел за столом. И этим он был столь занят, что на большее его не хватало. Присмотримся к себе: сколько времени и сил мы убиваем на подобные занятия? И какое время отдаем Богу, своей душе и заботе о тех, кто живет труднее нас...»

Упоминала, что среди немногочисленных вещей, с которыми пришла к нам монахиня Обители Милосердия, было житие святой праведной Иулиании Лазаревской. Перечитывая строки, которые так любила матушка, думаю о том, что воистину не сделала ни одного доброго дела. Матушка говорила: «В последние времена люди будут молиться святой Иулиании о том, чтобы у них получался съедобный хлеб из корней, травы и коры».

Святая Иулиания Лазаревская

Во дни царя Ивана Грозного жил при его царском дворе богатый и знатный человек, бывший у царя ключником. Он был благочестив и нищелюбив. У него была маленькая дочка, которую звали Иулиания.

С самого раннего детства она была очень серьезна и не играла со своими сверстниками. Ей было шесть лет, когда умерла ее мать. Ее взяла к себе жить бабушка. Шесть лет прожила она у бабушки, а потом и она умерла, и взяла тогда Иулианию ее тетка. Девочка горячо любила Бога, Матерь Божию, а из святых особенно любила святого Николая Угодника. Она подолгу стояла на молитве, клала земные поклоны, исполняла все посты и особенно любила молчать.

Над ней смеялись и тетка, и сестры, но она молча от всех уходила. Все только удивлялись, откуда у нее такая вера, она была еще совсем маленькое дитя. Ее никто не научил читать и писать, но она очень любила, чтобы кто-нибудь ей читал священные книги.

И особенно жалела она бедных, больных или огорченных. Когда она выросла, ее выдали замуж за боярина Георгия Осоргина. Она была тогда еще очень молода, но муж ее знал, какая она разумная, и отдал ей все имение в управление. Она стала заведовать большим домом, всех кормила, одевала, каждому рабу давала работу по силам и то, что слуги часто упускали, сама молча за всех доделывала. Непослушных, ленивых, сердитых прощала, а вину их брала на себя, исправляла дело и говорила: «Я сама перед Богом грешу, и Бог меня терпит, что мне их наказывать, они такие же люди, как и я».

Случился в то время сильный голод. Совсем почти не было хлеба. Иулиания брала у своей свекрови пищу, как будто для себя, брала сразу и на утреннюю еду, и на полдник, а потом потихоньку все отдавала голодным.

Когда этот голод кончился, случилось новое несчастье. Напала на людей моровая язва, и больные валялись на улицах,

многие тут же умирали. Иулиания все доброе делала потихоньку. Тайно от всех своих домашних она стала ухаживать за больными и сама омывала их в бане, молилась о их выздоровлении, а многих и сама исцеляла, молясь за них.

В это время у Иулиании было уже много детей. У нее было десять сыновей и три дочери. Но четыре сына и две дочери умерли, когда были еще совсем маленькие. И вот случилось, что неожиданно убили двух старших ее сыновей. С этих пор стала Иулиания еще больше молиться, целые ночи напролет проводила она в молитве и хотела даже уйти в монастырь, но муж умолил ее не оставлять его одного в старости.

Спать она стала теперь на дровах. Когда засыпали все домашние и слуги, она вставала и начинала молиться. Утром она шла в церковь и целый день потом работала. Каждое воскресенье собирала у себя всех близких и нищих и кормила всех их, сама прислуживая.

Иногда она раздавала бедным все деньги, которые были в доме, и тогда ей приходилось занимать у кого-нибудь из соседей, чтобы не прекращать Милостыни.

Когда наступила зима, она попросила у детей дать ей денег на теплую одежду, но все раздала нищим, сама же осталась без теплого, и сапоги ей приходилось теперь надевать на босые ноги, а она еще клала в сапоги ореховую скорлупу или черепки, чтобы не баловать себя слишком. Зима же случилась очень холодная, такая, что земля от мороза трескалась.

Уже в конце жизни Иулиании, при царе Борисе Годунове, случился опять ужасный голод по всей русской земле. Многие умирали с голоду, многие ели человеческое мясо. Голод коснулся и дома Иулиании. Все лошади и скот у нее пали. Она только молила слуг своих и детей ничего чужого не трогать, сама же продала все, что только было в доме, даже всю одежду продала на хлеб, и тем кормила и детей, и слуг, и крестьян, и зашедших нищих.

Но вот и у нее не осталось ни одного зерна. Тогда переселилась она со своими близкими в свое другое имение, но голод добрался и туда. Иулиания велела тогда своим слугам собирать траву-лебеду и приносить ей кору деревьев и научила

их делать из этих несъедобных вещей хлеб. И сама этим питалась, и детей, и слуг кормила и давала всем приходившим. Все удивлялись, какой у нее вкусный хлеб, и не понимали того, что он был испечен с благословением Господним и молитвой к Богу.

Так, помогая всем ближним, Иулиания дожила до старости. В день своей смерти она собрала всех живших в доме к своей постели, причастилась и сказала: «Слава Богу за все. В руки Твои, Господи, предаю дух мой. Аминь». И умерла. В ту же ночь она явилась во сне своей служанке и велела, чтобы ее похоронили рядом с могилой мужа.

Когда в 1614 году в Муроме вскрыли могилу Иулиании, чтобы похоронить рядом с ней ее умершего сына Георгия, – от гроба послышалось небесное благоухание. Мощи праведницы источали святое миро. В этот день множество людей, прикоснувшихся к ее гробу, получили исцеление от разных недугов и болезней.

Святая праведная Иулиания, моли Бога о нас, грешных. Научи наши сердца быть отзывчивыми и Милостивыми – **на деле**, по слову Великой Княгини Елисаветы: *Будем любить ни словом или языком, но делом и истиною* (Апостол Павел).

О недуге пьянства

– Матушка, терпеть не могу пьяниц, особенно в транспорте, когда рядом встанут или сядут. Даже грублю им.

– А уж так ли мы сами трезвы? – мягко ответила матушка. – Так ли трезвение и рассуждение преобладают в нашей жизни, как бы хотелось? За несчастных нужно молиться...

Молитва святого Иоанна Кронштадтского об исцелении от пьянства

Господи, призри милостиво на раба Твоего, прельщенного лестию чрева и плотского веселия, даруй ему познати сладость воздержания и поста и проистекающих от него плодов духа.

Матушкины слова повергли меня в стыд. «Не презирай людей, ты ни о ком ничего не знаешь», – вслед за матушкой говорила мне совесть. Теперь, укоряя себя в бессердечии и молясь о страждущих винопитием, я с новым чувством перечитываю строки Леонида Сидорова:

...Не пошли их на мучения,
Дай им полное забвение,
Без спасенья дай спасение.
Ведь они же безрассудные!
Пусть же будут неосудные.
С их словами непристойными
И с привычками их винными
Пьянству нет для них конечности,
Места нет для них с достойными –
Со младенцами невинными
Упокой их в Царстве вечности.
И не в Царстве справедливости,
И законности, и мщения –
Упокой их в Царстве Милости,
В Царстве вечного прощения!

Помню, как матушка утешала одну настрадавшуюся от алкоголика-мужа женщину. «Он у тебя в храме бывает?» – «Иногда и зайдет, постоит, свечку поставит. В другой раз отмахнется: «Что толку идти к священнику, если выйду из Церкви – и поверну в ларек». «Главное, что он у тебя хоть когда-то скорбит о своем пьянстве и в храм заходит. Хоть изредка, но даже причащается. Один человек – грешил и каялся. И снова грешил – и опять каялся. И так до смерти – не мог отстать от греха. Когда он пришел на тот свет, дьявол сказал: он – **мой**, потому что постоянно грешил. «Нет, – **он – Мой!** – возразил Господь, – потому что не усомнился в Моем Милосердии **и каялся до конца!**» Всеми возможными способами и мольбами ко святым склоняй его к покаянию. Если человек совсем не в силах справиться с дурной привычкой – это уже **болезнь**. Такие люди достойны сострадания». – «А я не выдерживаю, срываюсь на него...» – «Держи себя в руках. Вспомни, Великая Княгиня ходила на Хитров рынок, призывала опомниться людей в состоянии последнего падения. Она говорила, что образ Божий может быть затемнен в человеке, но никогда не может быть истреблен... Главное, не унывай и молись побольше, сама знаешь, кому: святому мученику Вонифатию, Преподобному Моисею Мурину и, неотступно,

Матери Божией. Даст Бог, он еще в Церковь – серьезнее придет». (Так и произошло со временем, по Милости Божией.)

Бесовский маятник

– Совершенно невозможно сосредоточиться на молитве. То в одно состояние – кинет, и никак не выберешься, то в – другое. И вот – переживаешь... Вся жизнь – одни бесплодные переживания, – жаловалась матушке знакомая.

– Бесовский маятник! То – грубое (или тонкое) тщеславие, то – уныние, то блудные помыслы, то – окамененное нечувствие... И так – без числа, без конца. Все – от недостатка внимания и трезвения. Надо себе раз и навсегда твердо сказать: **я этого не хочу!** Это – не мое! И остерегаться попадаться на удочку. Ни резко вправо, ни резко влево – нам не надо. Учат нас идти средним – Царским путем. И когда сильное греховное состояние одолевает – в утешение знаем: **это – не наше!** Цель дьявола – слепить человека, его грехи и его греховные переживания в одно целое – один ком грязи. А цель Христа – отделить от каждой дорогой души все грязное: душа отдельно, а грязь отдельно.

Не нужно смешивать человека, этот образ Божий, со злом, которое в нем, потому что зло есть только случайное его несчастье, болезнь, мечта бесовская, но существо его – образ Божий, все-таки в нем остается (Святой праведный Иоанн Кронштадтский).

Для этого Христос и дал нам – покаяние. И наша первостепенная задача – не принимать бесовские помыслы. Ведь знаешь: пришел помысел, это «прилог», видишь, что слева – и не оказывай ему никакого внимания. Если же ты им заинтересовалась – это уже именуется – «сосложение». А если помысел покори́л тебя до того, что ты только о нем и думаешь – это «пленение». От него до совершения греха – рукой подать. Как у Апостола Павла: *Бедный я человек... Ибо не понимаю, что делаю: потому что **не то делаю, что хочу, а что ненавижу, то делаю**. Если же делаю то, чего не хочу... уже не я делаю то, но живущий во мне грех (Рим.7:15–17).* Святые могли часами ходить по келье и повторять: «Нет, Господи, это –

не мое! Не принимаю!» И если уж одолел враг – без задержки торопись на исповедь.

О делании скучных дел

– Матушка, как хозяйственная бездарная суета заедает и раздражает...

– И конечно, трудишься-то без молитвы. С молитвой самой короткой: «Иисусе, Боже мой, помилуй мя» – любые неинтересные послушания с радостью исполняли. Сейчас люди забыли старое правило: что ни делаешь – молись. Для себя-то делать – скучно, а для Бога – **отрадно**. Господи, Ты мне поручил. Это я для Тебя полы мою, суп варю. Есть люди – без молитвы ничего не начинают. У Матери Божией благословение на приготовление обеда берут. Марфе и Марии тропарь прочтут, все перекрестят. И соль, когда готовят, крестообразно в кастрюлю сыплют. На работе, в учреждении при чуждых разговорах – труднее молиться, и то многие умудряются. А дома, с кастрюлями – благодать. За всех и вся помолиться можно: и за детей, за ближних и дальних.

О пустословии

Знакомая матушки сетовала на свое многословие: «Обязательно что-нибудь лишнее наговорю...» «Нужно серьезнее читать Евангелие и святых отцов – книги, где умеют дорожить словом, – советовала матушка. – Мы должны испытывать благоговение перед этим Божиим даром. Недаром Священное Писание называет Христа: Бог-Слово. Именно Словом Своим Господь – творил вселенную... Мы просто не вникли в чудодейственную возможность слов святых, которые одной фразой – призыванием Имени Божия – исцеляли и воскрешали. Сама замечала, от сказанного тобой зависит очень многое, например: хорошее или плохое настроение твоих близких. **Дорожи словом**, тогда не будешь пользоваться им небрежно». Годы спустя я услышала замечательный рассказ о прохождении первого мытарства. Бес, который записывает за нами слова и мысли, говорит одной: «За всю свою жизнь – по телефону ты проговорила – **четыре года**... с подругами и соседками проболтала – **шесть лет**...»

Пустые речи, или, как говорят, переливание из пустого в порожнее, уносят из сердца живую веру, страх Божий и Любовь к Богу (Святой праведный Иоанн Кронштадтский).

О телевизоре

В отношении телевизора (у нас в доме его, естественно, не было и не могло быть) матушка сокрушалась: «Бесовское действо... Вот если бы христианам объявили: «Приглашаем вас на преисподнее представление, состряпанное для гибели вашей души», – наверное, все бы сказали: «Нет, **туда** мы не пойдем». А так как четко эта свистопляска не формулируется – то многие думают: ну, так миллионы это смотрят, значит, не так уж это губительно для души... Это, конечно, отдает безумием – то, что, именуя себя христианами, люди ежедневно усаживаются разглядывать вблизи Содом и Гоморру... То есть **впрямую в ней участвуют!** И это не считать грехом?!» Сегодня эти слова еще более соответствуют реальности. Когда сотни тысяч людей вместо того, чтобы говорить о приближающемся церковном празднике, обсуждают судьбы несуществующих героев двадцать какой-то серии очередного сериала, призывающего нас включиться в несуществующую виртуальную жизнь, а еще точнее в жизнь бесов – это, конечно, страшно. Самое горькое, что за обыденностью, в этом тягчайшем грехе – мало кто кается. Матушка говорила: «Нам не велено входить туда, где бывают хуления Бога...» Но именно этим заняты все телевизионные персонажи. *Блажен муж, иже не иде на свет нечестивых и на пути грешных не ста, и на седалищи губителей не седе...* (Пс.1:1). Как собираемся отвечать перед Господом за то, что сядились рядом с губителями душ наших детей, нашего народа?! И сами участвовали в этой пагубе?!

Архимандрит Агапит (Нило-Столобенский): *Гнушайтесь мест, Богу ненавистных, каковы: театры, балаганы, дома нехристианских увеселений и собраний, маскарадов и прочих богопротивных и недостойных христианина зрелищ – этих мест, говорю, убегайте как идольских капищ, потому что в них приносится жертва дьяволу, а не Господу нашему Иисусу Христу.*

Рождество Христово

Акафист Рождеству Христову мы с матушкой начали читать задолго до января. Наверное, с Введения во Храм Пресвятой Богородицы, когда в первый раз за всенощной поют: «Христос рождается – Славите, Христос с Небес – встречайте!» Пусть до конца моей жизни будут звучать в сердце любимые строки этого удивительного акафиста: *Хотя исправити гордыню первозданного, смирил еси Себе Самого, Слове Божий, до яслей и смерти крестной, нам образ дая, да вси, обращающие сердца к Тебе, – облекутся в Царское одеяние Смирения Твоего и воцарятся над страстями и демонами, Тебе, Победителю всяческих, зовуще: Аллилуиа* (Кондак 7).

Молитва

О, сладчайший Иисусе, Слове Божий, Девы Сыне! Тебе нас ради на земли являшагося вся тварь исповеда быти Творца и Владыку всяческих: волны морския подстилахуся под нозе – по морю Ти ходящу; умолкаху ветры – Твоим повелением; мертвии – словом Твоим, восставаху; солнце – Тебе умирающе, померче; земля – Тебе восстающе, потрясется; Небо – Тебе восходящу, отверзется. Тем убо ныне молим Тя, раби Твоя, Владыко: подстели под нозе Твоя – вся наша помышления и чувства сердечныя, запрети волнению страстей, возстави ны от смерти греховныя, сотвори, да пред Светом Любви Твоея померкнут для нас навсегда – вся славная и красная сего суетнаго мира, да потрясутся страхом Твоим души наша и отверзутся сердца к приятию Тебе, Невечернаго Света, просвещающаго всякаго человека грядущаго в мир. Сподоби ныне нас изыти Любовию в сретение Тебе, нисходящему на землю – нас ради, и в день исхода нашего – от временнаго сего жития – усрящи нас, восходящих от земли. Милосердием Твоим приими ны в Небесныя Твоя Селения, и сотвори причастники Славнаго Царствия Твоего, да со Ангелы и всеми святыми поем и славим Тя, Спаса душ наших, со Безначальным Твоим Отцем и с Пресвятым Духом, Единого в Троице Бога, Его же славят солнце и луна, превозносит вся тварь, славословит род человеческий и

немолчно горе воспевают Силы Небесныя в бесконечныя веки. Аминь.

И какая же это была красота, когда в Сочельник и сам праздник – мы читали выписанные из Богослужбных книг храма, где я имела счастье работать, кусочки службы Святому Рождеству: *Слава Тебе, Отче, Сыне и Душе: Имже устроися таинство ужасное, человекам на возрождение... В малый внити – Царь Великий – тщится вертеп, умалена мя яко да возвеличит и обнищавша безмерным богатствам обогатит, Пребожественный... Ветхий деньми, Иже закон древле в Синаи дав Моисею... Иже на Херувимех носимый и певаемый от Серафимех... днесь Младенец видится... Господи Боже мой, рождественное пение... Тебе воспою, рождением Твоим Божественным возрождение дающему мне и к первому мя благородию возводящу... Чини умнии Ангельстии, в вышних Богу с пастырьми и с волхвы (и с нами!) воспойте Рождаящемуся: Слава Тебе!.. Радуйся, Яже Жизнь рождающая миру, Дево Богородице, от Духа Святаго, всем на избавление (Из службы Рождеству Христову).*

В нашем нищем доме царила такая пресветлая радость, будто это был храм Божий. Так Господь утешал матушку, а заодно и нас, убогих. Наши близкие не имели машины, чтобы отвезти монахиню на настоящую службу в далекий Московский храм. Но мы не чувствовали себя обделенными. С тех пор я знаю: куда сердце твое стремится, там ты и есть. Мало ли, какие впереди у каждого из нас обстоятельства, испытания. В самую скромную келью приходит к людям Христос, как Он пришел когда-то в пещеру. Приходит ко всем, кто любит Его и ждет.

Слово на Рождество Христово

Велия есть благочестия тайна, Бог явися во плоти
(1Тим.3:16)

...Приидите, пастыри кроткие, и облобызайте Агнца и Пастыря, – Агнца, пасущего пастырей, и Пастыря, имеющего собрать воедино мирное стадо с агнцами волков и юнцев со львами. Приидите, волхвы мудрые, и поклонитесь тайнам древнего Младенца; научитесь от Слова немотствующего, вкусите от Ангельского хлеба на трапезе бессловесных и видите, яко благ Господь. Сонмы небесных сил, восхвалившие Господа, *егда сотворены быша звезды!* Удвойте и утройте ваши славословия пред вашим Солнцем, и для нас восходящим. Христос рождается!

Христос рождается в Вифлееме: и в сем ли состоит вся настоящая радость, и вся слава в вышних Богу? Слава Богу: если Он рождается и для нас; ибо, по намерению судеб, сие *Отроча родися нам, и дадеся нам (Ис.9:6)*. Среди торжества о Его рождении Церковь страдает болезнию рождения, дабы Он *вообразился (Гал.4:19)* в нас. Не презрим радостной скорби наша Матери; снимем хотя некоторые черты с образа рождения Иисусова и положим их в сердцах наших.

Вифлеем был отечественный град предков Иисусовых: однако Иосиф и Мария не имели в нем ниже убогой хижины, ниже пяди земли наследственной, ни пребывания постоянного. Провидение, рукою Кесаря, привело их в сие место, из которого предопределено было *изыти Вождю Израиля (Мф.2:6)*. Чуждые в земле предков своих, пришельцы в своем отечестве дали отечество Сыну Того, *из Него же всяко отечество на небесех и на земли именуется (Еф.3:15)*. – Христиане! Доколе мы живем в мире с беспечною граждан, и наслаждаемся им с самовластием обладателей: доколе Христос не может вообразиться в нас. Мир непрестанно силится выпечатлеть в душе нашей свои преходящие образы; насыщаемые желания рожают другие желания, которые непременно возрастают в исполинов, и зиждут Вавилон. *Блажен, их не имеет и разбьет о*

камень веры самых младенцев сего Вавилона, и отчуждит себя от града пребывающего, дабы взыскать грядущаго! Если бы Авраам, по гласу Божию, не изшел от земли своея и от рода своего; то он бы не получил славного завета, обетования и наследия.

Только произвольные изгнанники земли приемлются в граждан неба. Кто желает быть селением Сына Божия, тот должен иметь отечество в едином Боге и, при всей привязанности к отечеству земному, впрочем, весьма естественной и праведной, почитать его токмо предградием небесного.

Иисус, ничего не заняв от мира в Своем рождении, по видимому, не хотел и ему показать ничего собственного. Древодел получил имя отца его; носившая Его во чреве, по Ее признанию, не принесла к сему служению другого достоинства, кроме чувствования Своего недостойнства: *призре на смирение рабы Своея* (Лк.1:48); Он скрыл неизмеримую вечность Свою за днем Своего рождения; престолом Царя царствующих соделались ясли, утварью – пелены, первыми слугами Царствия – пастыри стада; Божия сила и Божия премудрость сокрыты в немощах младенчества. Но кто может измерить расстояние от высоты Божественного Существа Его – до глубины Его уничижения? Конечный ум не может следовать за Ним, как в Его восхождении превыше всех небесных, так и в Его нисхождении до бездн падшего естества. Что же при виде толикого смирения должно чувствовать сердце, желающее быть сообразным образу Иисуса? – Сила ума, великость духа, знаменитость дел, преимущества званий! Я вами не прельщаюсь и не завидую тем, которые гордятся вами. Нет высшей мудрости, – как отречься от мудрости – для Иисуса; нет большей славы, – как разделять бесчестие – с Иисусом; нет избыточнейшего состояния, – как нищета Иисуса; нет иной двери к совершенству и блаженству, – как младенчество Иисуса; нет лучшего украшения для души, в которой Он должен обитать, как видеть себя чужду всех украшений, подобно яслям Его. – Ток благодати, подобно речным устремлениям, изливается в доли: кедры на горах блюдятся громам и

молниям. Бог творит из **ничего**: доколе мы хотим и думаем быть – чем-нибудь, дотолé Он в нас не начинает Своего дела. Смирение и отвержение себя – есть основание в нас храма Его: кто более углубляет оное, – тот выше и безопаснее созиждет.

Одною из существенных принадлежностей рождения Иисусова была чистота Его Матери, не нарушенная ниже взором, ниже мыслию. Она должна была иметь обручника: но токмо для того, чтобы он был защитником и свидетелем Ее целомудрия и чтобы Ее священное девство не казалось осуждением брака. Между тем она была, как единокровно исповедует Церковь, Дева – прежде рождества, в рождестве и по рождестве. – Взирай на Ее пример, стремящаяся к соединению с Богом душа; и виждь в зеркале совершенства Ее твою обязанность. Господь есть Бог ревнивый: тогда как Он гласом отеческой благодати говорит человеку: *даждь ми, сыне, твое сердце*, праведная ревность, не менее в духовном, как и в нравственном смысле заповедует: *не прелюбы сотвори*. Тот, Кто дал нам сердце, не довольствуется большею или меньшею его долею: оно все должно принадлежать Владыке всяческих. Он не признает достойною Себя никакой Любви, которая не основывается на любви к Нему; всякое услаждение, в котором ищем себя пристрастно, всякая мысль, наклоненная к тварям, всякая рассеянность – есть удаление от Него. Строгая токмо над собою бдительность может возвести к блаженному с Ним соединению и удержать в нем; *всяцем хранением блюди твое сердце: от сих бо исходища живота* (Притч.4:23). Небесный Жених обручается с мудрыми токмо и непорочными девами, не дремлющими при Его чертоге; девственная, к единому Богу обращенная душа зачинает духовную жизнь и рождает блаженство чистого созерцания. *Блажени чистые, яко тии Бога узрят*; и где? – в самом сердце своем. Чистая душа, подобно как чистая вода, приемлет в себя живые изображения солнца и неба....

При Рождении Христовом Ангелы воспевают Славу Божию и мир на земле: они воспевают и при нашем возрождении славу благодати и мир человека с Богом. *Радость бывает на небеси о едином грешнице кающемся* (Лк.15:7)...

Христу приносятся дары: злато, яко Царю; Ливан, яко Богу; смирну, яко мертвому за смертных: но не обещает ли Он и нам, что ищущим Царствия Божия – *вся приложатся* (Мф.6:33). Не хочет ли *сотворить нас Цари и Иереи Богу и Отцу Своему* (Апок.1:6). Не сопрягает ли нашего духовного рождения с тою животворящею смертию, после коей живот наш будет вместе с *Ним сокровенен в Бозе* (Кол.3:3).

О Боже, давый нам Сына Твоего! Чего Ты нам с Ним не дарствуешь! Дажь токмо нам родити в себе дух Христов, и жити Его жизнью. Тогда пусть и против нас, как некогда против Него, *мятется Ирод и весь Иерусалим с ним*; – пусть неистовствует князь века сего, и весь мир вооружается: Ты покроеши нас в тайне селения Твоего; на воде покойне воспитаеши нас, и через Ангела завета Твоего введеши нас в гору святую Твою. Аминь.

Об одиночестве

Никого не люби чрезмерно. Если и все тебя оставят – не скорби. Главное, чтобы Христос тебя не оставил. Об этом и молись (Старец Иероним Эгинский).

...Ведь каждый ощущает иногда, что в мире он один.

И лучший друг уж кажется чужим,

И чувств не может наших разделить...

Причина в том, что Бог любить желает

И быть любимым каждым сердцем.

И потому хранит Он ключ секретный,

Чтоб открывать тайник любого сердца,

Отраду и Любовь Свою дарить

Сердцам, которые к Нему приходят.

Когда нам очень, очень одиноко,

Христа в себе мы слышим глас зовущий,

Всегда, как кто-то нас не понимает,

Должны мы к Иисусу обратиться,

И только Он нам утешенье даст.

Из дневников Государыни Александры Феодоровны

О цели нашей жизни

– Люблю акафист Преподобному Серафиму, – говорила матушка, – он как бы обо всех русских святых. *Солнце русской святости* – называет народ Батюшку. *Ангелов Творец избра ты изначала, да прославиши житием твоим Пречудное Имя Святыя Троицы...* Но и Преподобный Сергей, и Царская Семья, и Елисавета Феодоровна... все Они – избранники, все Они жили, прославляя каждым днем жизни своей – Пречудное Имя Святыя Троицы... Самое невероятное, что и мы призваны к жизни (Бог нам подарок такой – жизнь дал) – ради одной единственной цели. Чтобы **Славилось** в нас недостойных, – Имя Господне. Это же не просто так молитву «Отче наш» Христос назвал – главной нашей молитвой. *..Да святится Имя Твое (во мне); Да приидет Царствие Твое (в мою душу); Да будет воля Твоя...* (исполняема моими близкими и мною) ... *Яко на небеси и на земли...* Но мы не очень-то стараемся, горячимся навести в душе такой порядок, чтобы ее осенило Царство Небесное. Но, если для нас – праздный глагол — слово главной молитвы, если мы не боремся за исполнение этих слов, какой прок тогда мечтать о Рае?! Если не приобщимся ему здесь, как надеяться – попасть в него – Там?.. *Вот, Царствие Божие внутрь вас есть...* (Лк.17:21) – это же нам Господь оставил руководство к действию. Мы должны стараться, чтобы еще здесь в нас начал произрастать – Райский Сад. По меньшей мере, мы должны каяться и горько страдать от того, что этого в себе – не обретаем.

Повторение – мать учения

– Матушка, вот слушаешь разумное, вроде все понимаешь. А на деле – наоборот.

– Хочешь, прими к сведению, хочешь – не принимай. Есть детский совет: возьми хорошую духовную книгу, которая до сердца тебя проняла. А лучше не одну, а три-пять. Подчеркни в них то, что считаешь для себя необходимым. И, как в школе: «повторение – мать учения» – каждые несколько дней – с сердцем перечитывай. И великие подвижники, и прежние христиане не стеснялись в своей келье повесить изречения, необходимые для своей души, чтобы чаще их на ум приводить. Составь и ты себе такую духовную азбуку.

Текст, висевший в келье схиархимандрита Феофана (Шишманова). Под заглавием в виде эпитафии написано: *Да не будет слово тайно в сердце твоём беззакония* (то есть да не поселится в сердце твоём беззаконная мысль). Далее следует перечисление добродетелей, к которым всякой душе необходимо стремиться. Вот они: *Внимание. Сострадание. Ласковость. Жалость. Сожаление. Тихость. Соучастие. Соболезнование. Отзывчивость. Молчание. Благодарность. Собранность. Рассуждение. Самоукорение. Уступчивость. Услужливость. Предупредительность. Кротость.* – *Малые семена. Аминь.* Все, кто знал отца Феофана, свидетельствуют, что он был из тех неизвестных миру подвижников, из-за молитв которых еще стоит мир. Его отличала беззаветная скромность, кротость и смирение, послушливость. Все, кто соприкасался с ним, были духовно согреты и обласканы батюшкой. За что же Господь ниспослал отцу Феофану дар утешения? За то, что он, по словам знавших его, «никогда никого не осуждал и никогда ни на что не жаловался»... Дай, Господи, и нам, по молитвам отца Феофана, хоть издали увидеть свет добродетелей, перечисленных в его памятке²³.

«Некоторые выписывают в тетрадь цитаты из Святых Отцев, – говорила матушка. – Но если есть книги – можно и в них аккуратно нужное карандашом пометить и систематически

возвращаться. Не правда, что в Евангелии нельзя важное для души подчеркивать. Очень даже можно и – нужно. Вот, как в первом классе, сидят, азы повторяют. А духовная азбука – посложней. Не грех себя ежедневно и к самым простым вещам возвращать. Заодно это будет шпаргалка в помощь ежедневному покаянию. И для смирения – сотни поводов. Как перечел названия тех добродетелей, которые нужно достигнуть, – так сразу самолюбие дутое, которое мыльным пузырем переливается – враз лопнуло. А если только хвалить себя: это и это послушание я прилично исполнила и т.д. – тогда превознесешься так, что Богу придется тебя срочно на землю возвращать. Чем выше залетела – тем больше придется падать».

Нужно жить – здесь и сейчас

Одного известного человека просили назвать: самое главное событие его жизни, самое важное время и самое значительное из его дел. Он отвечал: «Самое главное для меня в жизни – то, что происходит – **теперь**; самое важное время – непосредственно – эта **минута**, самое значительное дело – то, что я **сейчас** делаю». «Мы все время пытаемся заглянуть в будущее или витаем где-то в прошлом, или вперились во что-то воображаемое... – говорила матушка. – А нужно жить – **здесь** и **сейчас**. Это трудно. Но нужно приучить себя: здесь и сейчас – вслушиваться в каждое слово молитвы, которую читаешь. Здесь и сейчас наполнять любовью слова, которые говоришь, дела, которые делаешь...»

О жалости к ближнему

Однажды моя подруга рассказала матушке случай из своей жизни: «Никогда не забуду первую свою Пасху. В понедельник Светлой седмицы меня чудом отпустили с работы – дали какое-то поручение. Исполнив его, я смогла попасть в храм к концу Литургии. Это было продолжение пережитого ночью... Во время крестного хода ко мне подошла неизвестная женщина и с нескрываемой завистью произнесла: «Вы так радуетесь, а я вот ничего особенного не ощущаю... – И вдруг после паузы, – Нельзя ли вас пригласить в гости?» Последние мои деньги были истрачены на праздничные свечи. В кармане оставался один рубль, и я, не задумываясь, согласилась. После угощения мы разговорились. «Вы знаете, – понизив голос, как бы доверяя мне тайну, произнесла моя неожиданная знакомая, – на новый год мне подарили церковный календарь, в нем была неизвестная мне старинная икона Божией Матери, которая мне очень не понравилась. Ну, – думаю, – изобразят же! – И отметила в ней уйму недостатков. И вдруг, можете себе представить, в эту же ночь, снится мне – Сама Царица Небесная! И именно в таких одеждах, как в журнале, – точно такая. Это Она мне, грешной, хотела сказать: «Не твое дело разбирать, как Мои иконы написаны. Кто ты такая, чтобы судить?!» Когда после паузы она продолжала рассказ, в ее голосе слышался страх: «Мать Божия сказала мне: «Мария, Я ведь пришла тебя предупредить: Опомнись! Ты за всю жизнь **никому**, кроме собственных детей, – ничего доброго не сделала. Время приближается... Одумайся, пока не поздно. Будут ли Мне нужны твои приношения в Церковь, если ты ни одного человека подле себя – не пожалела?» И исчезла. Проснулась, а меня просто трясет. И всю-то жизнь я свою просмотрела. И действительно, только о покойном муже и о детях – все были мысли и заботы. Но нет, – вдруг с торжеством сказала она, чем меня очень поразила, – я вспомнила! Два года назад я соседке с четвертого этажа макароны покупала. И вот теперь – вас угощаю». От этих слов мне стало не по себе –

никогда я не видела, Господи помилуй, подобных верующих. Так естественно на каждом шагу что-то делать для других людей...»

Только не осуждай, – сказала матушка, – это тебе подарок от Господа – для вразумления. Прими к сведению». Она помолчала: «Видишь, Бог не ценит, когда человек всю душу отдает **только** своим близким по крови. Ведь как у нас: закармливают детей сладостями, одевают, как кукол, чрезмерно о них заботятся и переживают, как говорится, сходят с ума. Это ведь продолжение нашей эгоистической, тщеславной любви – к самим себе. *Кто любит отца или мать более, нежели Меня, – недостойн Меня (Мф.10:37)*, – сказал Господь. И кошка своих котят кормит и греет – исполняя закон природы. Заповеди Господни – это **законы Духа**. Любить **только себя** – такой заповеди нам Бог не оставил. Он сказал: *Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею, и всем разумением твоим... и ближнего своего – как самого себя (Мф.22:37)*. Господи, даруй святую благодать – исполнять Твои заповеди: *...не слушатели закона праведны пред Богом, но исполнители закона оправданы будут (Рим.2:13)*. Вот, дорогая моя, как важна для Матери Божией – наша **жалость к ближнему**. Это ведь, страшно сказать, сущность Самого Бога. Ради **жалости к нам**, непотребным, – Христос пожертвовал всем – сделал для нас то, что – постичь невозможно. Он оставил для всех – одно условие спасения: *Возлюби Меня и другого человека, – как Я возлюбил – каждого из вас*.

Это Закон Вечности. Он золотом запечатлен в заповедях Блаженства. Они сияют над Вратами Царства Небесного. Фросенька сама, стоя перед этими вратами, – Заповеди Блаженства читала... Как велика и блаженна награда тех, кто всем сердцем послужит Богу и людям. А ведь это самое естественное и простое, и радостное – делать что-нибудь – из Любви. Как один святой сказал: *Возлюби Бога всем сердцем – и делай, что хочешь*.

О преданности Богу

Как-то я сказала матушке: «Не понимаю, как это можно считать себя хуже животных». Матушка ответила: «А ты посмотри на собаку, как она смотрит хозяину в глаза, – говорит матушка. – Как она рада и благодарна ему, едва хвост себе не оторвет, – всем существом выражает свою преданность... А каковы мы перед своим Господом?!»

Схиархимандрит Виталий²⁴

Когда матушка жила у нас, она нередко благословляла кропить комнаты крещенской водой и кадить ладаном. Мы читали с ней особую молитву Архангелу Михаилу на ограждение дома от врагов видимых и невидимых. Матушка говорила, что нужно заботиться о духовной чистоте своего жилища. Недавно ко мне пришла замечательная молитва схиархимандрита Виталия (Сидоренко; 1928 – 1992) на благословение дома.

«Молитва батюшки из ада вырвет!» – такова была вера его духовных детей. И он вымаливал человека, какого бы подвига ему это ни стоило. Даже зная волю Божию о человеке, он имел дерзновение умолять Всевышнего даровать прощение или облегчить участь несчастного...

Сия молитва читалась по несколько раз в день во время бомбежек, осадений, обысков... Дом не пострадал, хотя в округе все было сожжено, разбито, взорвано...

Молитва на благословение дома

Да благословит нас и сохранит Всемогущий Милосердный Бог Отец, Бог Сын, Бог Дух Святой. О! сладчайший Иисусе Христе, Всемогущий Царю Неба и земли, Сыне Давидов, Иисусе Назорее, нас ради распятый на Кресте, смилуйся над этим домом, храни живущих в нем. Да будет Твое благословение, Господи, сопутствовать им везде; да освятит Дух Святой мысли и сердца их. Всемогущество Божие везде, во всяком месте! Все, что находится в этом доме, кто к ним входит и кто выходит от них, да благословит Пресвятая Троица и сохранит от всякого зла, чтобы ничто нечистое не приблизилось к ним. Имя Господа Иисуса Христа с девятью чинами Ангелов да будет в сем доме и даст ему свой покой. Да покроет его Своим Материнским Покровом Пресвятая Дева Мария: да охраняют его святые Апостолы: благополучие его да утвердят и укрепят Святые Христовы: благополучие его да утвердят и укрепят Его Святые Евангелисты. Крест Господа нашего Иисуса Христа да будет кровлей ему; гвозди Господа нашего Иисуса Христа да будут его защитой; венец Господа нашего Иисуса Христа да будет его

покровом. Пресвятая Дева Мария, Святый праведный Иосиф и вси святые, Ангелы Хранители, умолите Господа Иисуса Христа, Единого от Святыя Троицы, да сохранит сий дом от грома, молнии, огня, града, наводнения, от нападения злых людей, нужды, неверия, ереси (войны) и всякого нечестия, грозящего душе и телу: в чем да поможет нам Бог Отец, Бог Сын, Бог Дух Святый. Аминь.

Молитва Архангелу Варахиилу

О, великий Архистратиге Божий Архангеле Варахииле! Предстоя престолу Божию и оттоле принося благословение Божие в дома верных рабов Божиих, испроси у Господа Бога – Милосердие и благословение на дома наша. Да благословит Господь Бог и нас от Сиона и от Горы Святыя Своея и умножит изобилие плодов земных, и подаст нам здравие и спасение и во всем благое поспешение, на врагов победу и одоление и сохранит нас на многие лета, да единодушно славим Бога, Отца и Сына и Святаго Духа, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Бог любит тишину

Однажды созналась матушке: «Ловлю себя на каком-нибудь лишнем слове, но не останавливаюсь, а продолжаю трещать... Знаю, что плохо делаю, но начну, например, рассказывать – о чужих грехах...» «Не легкий грех, – ответила матушка, – сама понимаешь, гордынюшка наша – кипит и через край переливается! Если всерьез каешься, вот тебе совет: ежедневно с сердцем – проси Ангела Хранителя – следить за тобой: «Ангел мой, Святой и благий, если уж я такая невнимательная, что не в силах заметить, как меня бес среди бела дня – обкрадывает – ты уж сам, Милостивый, за мной последи. Останови меня, когда на ум взбредет сказать что-нибудь неподобающее!» Одной так посоветовала, она до сих пор благодарит: «Порой просто на лету – в разгар болтовни – раз – пресеклась: Ангел мой Небесный просто за рукав меня дернул: «Да будет ли конец?!» Такая яркая сила – столь очевидная помощь – передать вам не могу». Святые нам передали: **«Бог любит тишину»**. А знать о чужих грехах нам полезно только для того, чтобы, видя скверну их, самим их не повторять».

О непостоянстве души

Матушка говорила, что человек очень непостоянен: обретает духовное сокровище и тут же – легко его теряет. «Поэтому мы каждый день должны пребывать в научении Христовом».

Должно потрудиться, чтобы однажды сохранилось хоть что-нибудь, не разрушенное со вчерашнего дня. Этот день будет первым днем твоей жизни (Святитель Николай Велимирович).

Утешение в унынии

Одна гостья с сердечной болью рассказывала матушке, сколько она делала доброго для своей родственницы, а та ответила ей черной неблагодарностью. От ее слов исходили скорбь и уныние. Женщина умножала свои рассказы – а матушка становилась все веселее. «Какая же награда ждет тебя на Небе! – радостно воскликнула она. Ее лицо на глазах просветлело. – Самое наше бесценное, когда за бескорыстное добро мы получаем – **противоположное**. Это хоть и слабое, **но подражание пути Самого Христа**. Не будем утешать дьявола нашей печалью, будем радовать Ангелов – нашей **радостью!**» Матушка обняла свою знакомую и поцеловала ее в голову. Когда та уходила, поддерживая провожающую ее матушку под руку, обе щебетали и смеялись, как девочки, хотя пришедшая была вполнину моложе монахини. Смею сказать, что матушка была столь юная духом, что мы ощущали, что она моложе всех нас, хотя мне было тогда тридцать лет. Были минуты, когда от нее веяло глубиной и серьезностью старицы. Впрочем, все ее проявления: и святая доступность, и сердечность, и уместная шутка, и материнская строгость, когда это было полезно, – напоминали поведение несуровых старцев. Преподобный Амвросий Оптинский, например, имел дар – подбодрить шуткой. Рядом с матушкой раскрепощались все души. Она снимала с нас гнет уныния, освобождала от тесноты сердечной. Рядом с ней мы понимали, что нередко самые «глубокие» наши страдания – были ложными и скорбь – вымышленной, а преувеличенные благородные порывы – вели нас в противоположную от Бога сторону. Боже, святыми молитвами матушки Надежды – даруй нам зрение духовное.

Не унывай

Когда придет пора невзгоды и страданья
И над твоей главой обрушится гроза,
Не унывай, мой друг! В минуту испытанья
Пускай пред Господом падет твоя слеза.
Не горьким ропотом, а теплою мольбою

Строптивой жалобы порывы воздержи;
Но, сердцем веруя, что бдит Он над тобою,
С надеждой на Него печали возложи.
И в трудный час борьбы твоей житейской,
Он вовремя придет тебя спасти.
И будет Сам тебе Он, – Симон Киринейский,
И тяжкий жизни крест – поможет донести.
Из дневников Государыни Александры Феодоровны

Об Ангельской помощи

«Ты зря не прибегаешь серьезно к помощи своего Ангела-Хранителя, – сказала мне однажды матушка. – Ему можно надоедать постоянно, как любимому святому, как самому близкому другу: «Помоги мне, пожалуйста! Помоги, Милостивый и пресветлый Ангеле, – сделать мне эту работу, которую так делать не хочется; помоги – непосильную тяжесть донести; помоги: не подумать! не сказать! не сделать! – **ненужного...** И так – во всех случаях жизни. А то говорят: мы одинокие, нет у нас настоящих друзей. Обижаем своего Ангела – сколько будешь жить, лучшего друга – не найдешь. Волнуешься, например, о своих неверующих близких – молись их Ангелам-Хранителям, чтобы они привели их к вере. Читаешь канон своему Ангелу и можешь прибавлять: «Ведь это я и вам, любимые Ангелы моих родных, – и Вам кланяюсь, и всей душой молюсь: заступитесь за дарованные вам Богом – души, помогите им спастись, *ими же веши судьбами*». Не думай, что это бесполезно: они увидят твое горячее сострадание тем, кого им поручено опекать, – и обязательно что-нибудь сделают, чего мы сделать не в силах. Вот и ты, если кому-то небезразлична твоя работа – невольно стараешься сделать ее лучше».

Через какое-то время мне пришлось прийти к своей невзрослой крестнице, чтобы в первый раз после крещения пойти в храм исповедаться и причаститься. Что тут началось: и беспричинные капризы, и крик, шум. Маленький черный пудель злобно кидался на меня с громким лаем. Уж и уговаривали, и мама едва ли не за ремень взялась – ничего не помогает. И тут я вспомнила матушкины советы и от всей души начала внутренне молиться словами, какие получились: «Милостивый, святой Ангел моей Настеньки, помоги ей опомниться, разгони эту тучу, которая на нее, бедную мою, напала, она же сама не понимает, что с ней происходит, – помоги ей – пожалуйста...» В ответ произошло самое настоящее чудо – из тысяч невидимых нами Божественных чудес. Девочка совершенно пришла в себя, собака умолкла. Через три минуты мы все со светлыми

улыбками одевались, Настя подала мне руку... В общем все совершилось как нельзя лучше – с исповедью и причастием. А потом мы все пили чай с тортом, и собака ласково виляла хвостом из-под стула. С тех пор я опытно поняла, что Ангел-Хранитель – воистину наш первый друг.

Когда мы со Светой, моей духовной сестрой, ходили в Ильинское – шесть километров пешком от последней электрички – с изрядной тяжестью, мы всегда просили об участии наших Ангелов-Хранителей. Особенно разительной их помощь была на обратном пути. Мы шли опять нагруженные (матушки всегда дарили плоды своих трудов – то овощи, то варенье... – и невозможно было отказаться, чтобы их не обидеть). Выбегали мы от своих дорогих всегда в последние минуты, – до слез было жалко с ними расставаться. И вот шесть километров почти бегом, так как, конечно, опаздываем на электричку, а следующая – через четыре часа. И вот спешим и молимся Ангелам своим... Чудом их молитв – ни разу не опоздали. Несколько раз отдавала себе прямой отчет в том, что успеть в оставшееся время – было полностью невозможно. Слава Тебе, Господи, Слава Тебе! Милостивый мой, пресветлый Ангеле – благодарю тебя!

Мы с матушкой любили читать канон Ангелу-Хранителю по тексту Иноческого правила. Он значительно серьезнее общепринятого. Матушка говорила: «Бывают реальные причины, когда не успеваешь за близких помолиться, можешь попросить помолиться за них – их Ангелов-Хранителей и Небесных Покровителей».

Никогда не забуду, как однажды, лет шесть назад, отец Владимир (Шикин) привел нескольких, не успевших исповедаться, после всенощной – домой. Было около одиннадцати вечера. Батюшка отсутствовал целый день. Середина зимы, в нетопленной комнате очень холодно. Кстати, живя годы в бараке без всяких удобств, батюшка ни одному из нас никогда не позволил вынести помойное ведро или по-другому как-нибудь ему послужить в его трудном быту. Вот и сейчас побежал в пургу к дальнему сараю за дровами. Вернулся, и я поняла, что у сарая крыша – решето: дрова –

обледенелые и в снегу. Так как я не могу быстро разжечь печь и самыми лучшими дровами, то с сочувствием представила, какая впереди пытка, и сейчас комнату заполнит дым... Батюшка бегал по комнате, разыскивая бумагу, спички и быстро раз за разом пел: *Ангеле Божий, Хранителю мой святой, живот мой соблюди во страхе Христа Бога, ум мой утверди во истинном пути и к любви горней уязви душу мою, да тобою направляем получу от Христа Бога велию милость.* В противоположность моим ожиданиям – дрова горели ярким пламенем не позже чем через две минуты, и – никакого дыма!

Нередко вспоминала эту ситуацию, наблюдая, как батюшка, без секунды промедления, брался помогать самым заледенелым душам. И наперекор ожидаемому, добивался того, что душа начинала оживать и в конечном итоге – пламенеть. Та решимость, с которой приступал батюшка к самому неподготовленному для духовного восприятия человеку – наводила на мысль, что каждый раз он возлагал надежду не на свои силы, а на скорую Небесную помощь.

Батюшка сугубо молился каждый день Небесным Силам Бесплотным. Обыкновенно мы обращаемся кроме Ангела Хранителя разве что к Архангелу Михаилу. Но батюшка советовал серьезно молиться по меньшей мере семи главным Архангелам. И говорил, что в последние времена действия темных сил будут столь ухищренными, что без особенной помощи светлых Небесных Сил – просто не устоять. Мне кажется, Архангел Уриил был сугубым покровителем батюшки. Уриил – значит «свет» или «огонь Божий». Как Ангел огня Божественного, он воспламеняет сердца Любовью к Богу и истребляет в них нечистые привязанности земные. Батюшка не присваивал себе ничего из того замечательного, что делал. Это была жизнь во Славу Божию²⁵.

О Божественной любви

Пришла к нам соседка: «Очень уж жесткие правила предлагает Церковь: и то нельзя, и это нельзя». А матушка ей: «Когда дитя тянет руку в огонь и мать шлепает по этой руке и ребенок рыдает... неужели мать жестока? Если Господь говорит нам: Не делай этого, ни за что не делай! Как бы тяжело тебе не было – **не делай этого!** Он знает, какое **огненное озеро** уготовано тем, кто ворует, блудит, колдует... Неужели не любит нас Господь, не желающий, чтобы мы попали в этот огонь – мучились вечно?! Мать жалеет дитя. Но любовь всех на свете матерей – вмещает лишь одну каплю Божественной Любви... Прислушайся к Богу, Он нам плохого не желает.

Об участи совершающих смертные грехи

Как-то зашел разговор о людях, занимающихся ворожбой. Подобные напасти чаще всего Бог попускает за тяжкие нераскаянные грехи рода. «Те, кто колдуют, – самые несчастные люди, – сказала матушка. – Наказание им готовится – страшное. Их еще здесь, на земле, бесы истязают. Нередко – люди это, склонные к душевному нездоровью. Попадут в капкан врага – начнут демонам служить, а если потом не слишком ретиво делают зло – их бесы мучают со страшной силой. Но все-таки можно из этих когтей вырваться... Конечно, с помощью сильного священника. А чтобы защититься от воздействия колдунов, необходимо – глубокое за всю жизнь – покаяние, ряд серьезных исповедей с тех пор, как себя помнишь, и во всех подробностях. Полная перемена жизни. Тяжелыми испытаниями Бог всегда призывает встать на духовный путь, отдать Ему – всю жизнь...

О семейной жизни

На жалобы о неблагополучии семейной жизни матушка тяжело вздохнула: «Один старец сказал: если бы супруги по-христиански делили тяготы жизни, тогда людям на земле было бы жить хорошо. Но как супруги часто бывают упрюги, оба или один из двух, то наше благополучие земное и не налаживается... Начни с себя. Уступай, где только можно. Гляди, и ему уступить тебе захочется».

Мать семейства жаловалась на трудности воспитания сына-подростка: «Всего тринадцать лет, и такой неуживчивый характер – все наперекор...» – «Только вера спасет подрастающую душу, больше никакой силой не поможешь. Дай тебе, Господи, достучаться до его сердца. Подари ему от меня вот этот листочек».

Завещание Владимира Мономаха²⁶ – сыновьям

Поистине, дети мои, поймите, как человеколюбив Бог, как Милостив и Премилостив, а мы люди грешные и смертные. Если кто нам зло сотворит, мы хотим того немедленно погубить и кровь его пролить, между тем как Господь наш, властный в жизни и в смерти, терпит, когда грехов у нас выше головы, и во всю жизнь поступает с нами как Отец, любящий свое дитя, наказывающий его и опять выражающий к нему Свою Любовь.

Господь наш указал нам путь к победе, которая доставляется тремя добрыми делами: **покаянием, слезами и Милостыней**. Поймите, дети мои, что заповедь Божия не тяжела, если этими тремя делами можно освободиться от грехов и не лишиться Царствия Божия. Ради Бога, не ленитесь, не забывайте, умоляю вас, этих трех дел, они не тяжки. Ни одиночеством, ни монашеством, ни голодом, коим подвергают себя добрые люди, но малым делом можно заслужить Милость Божию...

Восхвалите, дети мои, Бога, давшего нам Милость Свою, и послушайте мое ничтожное и нескладное наставление. Послушайте меня и примите, если не все, то хотя половину. Когда Бог умягчит сердце ваше, испустите слезы о грехах своих и воскликните: «Как блудницу и разбойника, и мытаря, так и нас, грешных, помилуй». Не грешите ни одну ночь. Если можете, кланяйтесь до земли трижды, не забывайте этого и не ленитесь, ибо такими ночными поклонами и пением человек побеждает дьявола и освобождается от грехов, совершенных днем. Даже едзя на коне, если ничем не заняты, и других молитв не знаете, беспрестанно в мыслях повторяйте: «Господи, помилуй!» Молиться так гораздо лучше, чем думать безделицу. Более всего не забывайте бедных, по возможности кормите их, окажите покровительство сироте, сами оправдайте вдову, не допускайте, чтобы сильные обижали слабых. Ни правого, ни виноватого не избивайте и не повелевайте убить. Если кто будет достоин смерти, не губите души христианской. Говоря что-либо доброе и недоброе, не клянитесь именем Бога, не креститесь,

ибо во всем этом нет надобности. Но если будете крест целовать относительно братьев или кого-либо другого, то исполняйте крестное целование, чтобы, изменив ему, не погубить души своей. Уважайте епископов и игуменов, с любовью принимайте от них благословение, не сторонитесь их, любите их, по возможности одаряйте, чтобы они молили Бога за вас.

Более всего не имейте в сердце и уме – **гордости**. Мы должны знать, что мы смертны, сегодня живы, а завтра в могиле. Все, чем мы обладаем, – не наше, а порученное нам Богом на малое время. В земле сокровищ не зарывайте, ибо это великий грех. Старших чтите, как отца, как брата. В доме своем не бездействуйте, за всем смотрите. Не полагайтесь на тиуна (домоустроителя) и отрока (слугу), чтобы гости ваши не посмеялись над домом вашим и обедом вашим. На войне не ленитесь. Не полагайтесь на воевод, не предавайтесь еде, питью, сну. Сами расставляйте стражу, и ночью, все устроив, тут же лягте, чтобы встать рано. Оружия не слагайте с себя, ибо в случае тревоги человек погибает от лени. Не лгите, не предавайтесь пьянству и разврату, ибо от всего этого разрушается дух и тело. Путешествуя по своим владениям, не давайте ни своим, ни чужим отрокам возможности наносить вред в селах и на полях, чтобы не подвергнуться проклятиям. Когда же остановитесь где-либо, накормите и напоите хозяина. Особенно почитайте гостей, откуда бы они к вам ни пришли. Будь они незнатны, добры или злы – почтите их, если не подарком, то пищею и напитком, так как они, странствуя, разносят по всем землям добрую или недобрую молву о человеке.

Посетите больного, сопровождайте покойника, **ибо мы все смертны**; при встрече приветствуйте человека, сказав ему доброе слово. Жену любите, но не давайте ей власти над собой. В заключение всего имейте страх Божий. Добрых знаний, которые имеете, не забывайте. Притом учитесь тому, чего не знаете, как мой отец, который, сидя дома, знал пять языков, и была ему за это честь от других народов. Лениость – мать всякого зла, она заставит забыть все известное и не научит

новому; привыкнув же делать добро, человек не будет ленив ни в каком добром деле. Да не застанет вас солнце в постели. Так жил мой блаженный отец и все совершенные мужи. Утром он воздавал Богу хвалу, а потом, при восходе солнца, прославлял Господа с радостью и говорил: *Просвети очи мои, Христе Боже, ибо Ты дал мне свет Твой красный*. Затем он садился думать с дружиною или творил суд, ехал на охоту или чтобы проехаться, и ложился спать, ибо от Бога присуждено спать в полдень; в это время почивает и зверь, и птица, и человек.

А теперь расскажу вам, дети мои, как я трудился в походах и на охотах в продолжение тринадцати лет. Во-первых, я ходил к Ростову через землю вятичей, куда меня послал отец. А из Чернигова в Киев я ездил не тихо к отцу – в один день до вечерни. Всех больших походов совершено мною – восемьдесят три, число же малых не помню. Я заключал мир с половцами девятнадцать раз, и при отце, и без отца, причем раздарил много скота и одежды. Я освободил от оков знатнейших половецких князей следующих: двух братьев-Фаруков, трех Басу-Барсов, четырех Овчин, а всех знатных князей до ста. Бог мне давал в руки живых знатных князей: Коксуса с сыном, Алекона, Вурчевича... А вот как я трудился на охотах, вязал своими руками диких коней по десяти и двадцати; два тура метали меня на рогах своих с конем, олень бодал, один лось топтал ногами, другой бодал рогами; вепрь сорвал меч с бедра, медведь около калена седло прокусил, лютый зверь вскакивал мне на плечи и повергал на землю меня и коня. Но Бог меня сохранил невредимо. С коня я падал много раз, дважды разбивал себе голову, повреждал и руки, и ноги, особенно в юности, когда не дорожил жизнью и не щадил головы своей. Что нужно было делать отроку моему, то делал я сам: и во время войны, и на охоте, и ночью и днем, и зимой и летом, не давал себе покоя, не полагаясь на посадников... И в то же время не пропускал церковной службы и не уклонялся от исполнения церковных порядков.

Дети мои, или кто иной, прочитавший это! Не осуждайте меня, так как я не хвалю ни себя, ни своей храбрости: *я хвалю Бога и прославляю Его милость, так как Он меня, грешного и*

недостойного, сохранил от стольких опасностей и сотворил меня неленивым на все дела, достойные человека. Прочитав это писание, постарайтесь быть прилежными в добре Слова Бога со святыми Его. Не бойтесь, дети, смерти ни от войны, ни от зверя, но творите мужеское дело, как Бог подаст. Я ведь тоже был в опасности, и в битвах, и на охотах, падал с коня, но никто не убьет вас и не повредит вам, если не будет на то воли Господней. Но коль скоро от Бога назначено будет умереть, то ни отец, ни мать, ни братья спасти не смогут. Отеческое наблюдение хорошо, а Божие еще лучше.

Об абортах

Одна знакомая созналась матушке, что на ее совести два аборта, но она была в церкви и получила от священника разрешительную молитву.

«Ты вообще хоть что-нибудь поняла о том, что сделала?! – непривычно строго спросила матушка. – Нет, это надо быть или неверующим человеком, или ничего не соображающим». «Да у меня здоровье слабое, и своих уже двое». «Вот от этого оно и ослабело. Совершаем злодейство – и думаем, что оно пройдет без последствий! Боже, милостив буди нам грешным! Милостив буди!..»

Ты же простой добрый человек. На лапку котенку наступишь, твое сердце взвоется – так тебе его жалко. А тут – родное дитя, точно такой же человек, как ты. Представь свою Мариночку, возьмешься ли ты у нее ручку отрывать?..» – «Матушка, что Вы говорите?!»

«Так ты должна понять, что ты сделала во сто крат страшней – твою собственную детку – по твоей воле! растерзали на куски в твоей утробе. И мы еще удивляемся, что у нас болезни, трудные обстоятельства жизни. За такое лютое преступление – мы должны бы истекать слезами, великую милостыню подавать, труды поднимать... Аборт – ведь это же убийство настоящее – убит человек! Разве мы знаем Промысел Божий о человеке? Может, он призван был сделать что-то замечательное для других людей?! Бог дал ему жизнь, чтобы ввести его в конце концов в Царствие Небесное. Он так его любит, желает облагодетельствовать его – благами, которые мы представить себе не можем. А ты – вместо уготованного ему Рая – вышвырнула его своими руками в преисподнюю. Ведь они же там, некрещенные, как мучаются и страдают!..»

Матушка опустила голову, и слезы потекли по ее лицу. Через несколько минут она сказала: «Нельзя равнодушно относиться к своим преступлениям, оправдывать себя обстоятельствами. Это грех, в котором должно каяться – до гробовой доски. И делать что-то для других детей, как для своих

нерожденных. Корми, одевай, делай все доброе и говори: Господи, прими все это для моих детей.

Тяжесть нашего преступления многократно увеличивается от того, что мы подняли руку на полностью беззащитного. Взрослый человек может бороться с тобой, если ты на него нападаешь. Другой может хотя бы закричать, позвать на помощь. Ты вышла на войну с тем, кому нечем защитить себя.

Один покаявшийся разбойник пришел в монастырь. Несколько десятков лет провел он в самых тяжелых послушаниях. И придя однажды к игумену, сказал: «За твои святые молитвы, отче, за благодать места святого сего и убогие мои слезы, верю, что Бог простил мои лютые грехи. Но одного Он мне не простил: убил я когда-то невинного младенца... Он является мне и смотрит своим голубиным взором...

Благослови меня уйти в город, там казнят сейчас христиан. Господь сказал: *Каждый, поднявший меч, от меча погибнет.* Одной только кровью своей я смогу смыть этот грех...» Он действительно принял мученическую кончину за Христа.

Вот как серьезно понимали прежние люди тяжесть своих преступлений.

Вспомни, как в Древней Иудее в каждом младенце ждали обетованного Мессию. Но Бог вложил единственную, неповторимую душу в любого новорожденного. И мы не знаем, кого в нем провидел Господь, быть может, еще одного Серафима Саровского, еще одну Евфросинию Полоцкую...

Мы не имеем права жить беззаботно, когда наши собственные дети обливаются слезами...

Душа требует, чтобы ею был понесен подвиг за совершенное. Обыкновенно священник дает ту или другую епитимию. Существуют определенные молитвенные правила по этому поводу. Но уж если человек совсем слаб, как минимум – 50 псалом с глубоким сокрушением сердечным и осознанием содеянного и хотя бы 12 земных поклонов, хотя бы – 3...»

Матушка советовала для ежедневного пользования молитву: *Господи, помилуй чад моих, умерших во утробе моей! За веру и слезы мои, ради Милосердия Твоего, Господи, не лиши их Света Твоего Божественного!*

Позже я встретила еще одну редкую молитву: Помяни, Человеколюбче Господи, души отшедших рабов Твоих, младенцев, кои во утробе православных их матерей умерли нечаянно от неведомых действий, или от трудного рождения, или от некоей неосторожности. Окрести их, Господи, в море щедрот Твоих и спаси неизреченною Твоею Благостию²⁷.

Когда для молитвы нет условий

Однажды сын матушкиной знакомой был вынужден уехать далеко от дома и какое-то время пребывать среди неверующих людей. В этих условиях он не мог пользоваться молитвословом. Матушка посоветовала ему вместо всех правил читать утром и вечером некороткую молитву иеросхимонаха Парфения Киевского: *Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, непусти, чтобы суетность, самолюбие, чувственность, нерадение, гнев господствовали надо мною и похищали меня у Любви Твоей...*

О материнской жалости Бога

Одна женщина, видимо, совершив нелегкий грех, плакалась матушке: «Господь не простит меня, окаянную...» – «Что ты говоришь? Какую напраслину на Бога возводишь?! Сомневаешься ли в родной матери, если ей всей душой повинисься – простит ли она тебя?!» – «Мама, конечно, пожалеет...» – «Она **рада** – простить! – твердо и ласково произнесла матушка, – Как бы дитя ни огорчало ее, матери всегда **радостно и легко – простить**. Материнское сердце вмещает **неземное** – поэтому так часто у мамы святая ласка в глазах. Но Господу – мы дороже, чем родной матери. Бог прощает всем сердцем и верит, что мы исправимся. И силы дает – не изменение. Только бы смириться и покаяться».

У Матушки Великой было глубокое материнское чувство ко всем людям, у Нее были ангельские глаза. Она была посланницей Бога для людей. Как Господь нас в скорбях утешает: *Забудет ли мать свое отроча, чтобы не помиловать исчадие чрева своего? Но если и мать забудет дитя, Я не оставлю тебя*. Сама матушка так сияла и светилась, произнося эти слова, с такой лаской утешала тоскующую душу, что в эти минуты я поняла, почему монахиня может стать духовной матерью... Позже прочла в дневниках Государыни Александры Феодоровны: *Чтобы стать нам ближе, Бог создал матерей*. Бесценна родная мать, но еще святее – материнство духовное.

О доверии к Богу

Когда матушка жила в Москве, ее возили на Литургию в храм Преображения Господня на Большой Ордынке, известный своей знаменитой чудотворной иконой Божией Матери «Всех Скорбящих Радости». Здесь матушка многие годы молилась в алтаре и помогала его убирать, пока были силы. Второй придел храма был посвящен Преподобному Варлааму Хутынскому. Однажды матушка рассказала, что летний Преподобный Варлаам празднуется в связи с тем, что в пятницу первой недели Петрова поста, которая обычно бывает в июне, Преподобный приехал к новгородскому епископу – на санях, причем обещал это заранее. Люди скорбели, опасаясь, что неожиданный мороз погубит молодые хлеба, но святой ответил: «Не скорбите, а благодарите Бога: мороз истребил напавшего на пшеницу червя, а снег растает и напоит землю. От вредителя хлеб погиб бы на корню». «Такова сила молитв Преподобного Варлаама, – добавила матушка. – Не будем торопиться пугаться и мы, когда приходит видимое бедствие – вдруг Бог подал его – чтобы уберечь нас от худшего».

О страдании

Матушке Надежде нередко жаловались на скорби, невзгоды, болезни – с большой Любовью она всех ободряла: «Все это не напрасно, все это вменится нам во отпущение грехов... Прежние христиане говорили себе: ну, если иметь одну сладкую жизнь и никаких злостраданий – за что Богу нас в Царствии Небесном награждать?! И считали обидчиков своими благодетелями».

В другой раз: «Чему же ты удивляешься? Ты же старалась что-то доброе сделать. Все, что делается ради Бога, сопровождается скорбями. Святые говорили: *скорбь следует за жертвенной жизнью, как тень за светом*. Так что все на своих местах, все в порядке».

В кресте сила души, в кресте веселие духа, верх добродетели и совершенство святости. Без креста нет ни спасения, ни надежды на Вечную Жизнь. Итак, возьми крест свой и следуй за Христом, и ты достигнешь Вечной Жизни (Из дневников Государыни Александры Феодоровны).

«Ты знаешь, – говорила матушка одной знакомой, – что было бы с людьми, если бы в их жизни не было страданий – а одни успехи, здоровье, удовольствия, исполнение всех желаний?.. – Люди превратились бы – в бесов. Наши страдания – благо уже потому, что призывают нас обращаться за помощью к Богу – помогают рассмотреть нашу немощь и греховность».

Муки души гораздо больше, чем муки тела, венчают нас, когда они бьют нашу душу, а мы благодарно переносим их (Святитель Иоанн Златоуст).

«Если нас оскорбляют, обижают, гонят – будем принимать это как горькое лекарство от Господа, Который желает нашего полного духовного исцеления. Если страдаем, значит, более легким путем нам не исцелиться».

Веруй, что все случившееся с нами до самого малейшего, бывает по промыслу Божьему, и тогда ты без смущения будешь переносить все находящее на тебя (Авва Дорофей).

«От горестных мыслей, – говорила матушка крестнице, склонной к унынию, – нет никакого проку – одно душевное расстройство и телесная болезнь: да-да, и физически можно от этого разболеться. Раз от скорбных переживаний такой результат – значит, они от бесов. Все святые желают нам: *Переживай свою скорбь в молитву*».

Путь Божий есть ежедневный крест (Преподобный Исаак Сирин).

«Тяжкая скорбь – греховна по своей сущности. Горевать – Бога укорять. А мы будем наоборот: благодарить Бога. Чем труднее – тем больше благодарить будем...»

«Присмотрись и откроешь для себя тайну: чем нам вредят – то служит к нашей пользе... Не забывай: кого любит Господь – того и наказывает, и все горькое посылает, чтобы потом бесконечно тебя обрадовать... У Бога одно-единственное желание – сделать нас счастливыми – навсегда. Верь Богу: все, что мы переносим, Он дает нам, чтобы в конце концов мы обрели благо, которое глаз не видел, ухо не слышало и которое на сердце человеку не всходило», – утешала нас матушка.

Великое благо – скорбь (Святитель Иоанн Златоуст).

«Одной рыдающей после смерти дочери матушка с большой любовью сказала: «Ты обязательно с ней встретишься. Вот бывает, мы отпускаем наших дорогих в далекую страну. И не сомневаемся, что скоро увидимся, даже если мы разлучились на годы. Так и здесь. А если ты не уверена, что дочь твоя у Господа, так нужно сделать все возможное, чтобы вымолить ее душу. Стоит потрудиться и над своей душой – чтобы только дождаться нам самой радостной в нашей жизни встречи».

«Пришла болезнь – а ты и скажи Господу тихонько: вот теперь Ты стал ближе ко мне... Или я – стала ближе к Тебе... То все мысли о суете, а теперь все дела не мешают мне Тебя помнить, слышать – Тебя...»

«Современные по наружности слабые скорби и напасти стремятся подобно древним сильным скорбям и напастям отвлечь человека от Христа, уничтожить на земле истинное христианство, оставив одну оболочку для удобнейшего обмана.

Слабые искушения, но придуманные и исполняемые с адским лукавством, действуют гораздо успешнее в видах сатаны, чем искушения тяжкие, но очевидные и прямые» (Святитель Игнатий Брянчанинов).

«Где сами себя каждый день унижают и каются – оттуда бесы разбегаются и жизнь облегчается, и наоборот...» – подсказывала матушка одной знакомой, которая все откладывала покаяние.

«Будем носить тяготы друг друга – хоть этим восполним недостаток нашей молитвы и прочих духовных трудов, – говорила монахиня. – Пришла беда – самое время благодарить всем сердцем. Пришла болезнь – время молиться наконец – всерьез.

Немощных и огорченных сердцем подкрепляй словом и всем, сколько достанет средств в твоей руке, а подкрепит тебя Вседержительная Десница (Святой Исаак Сирин).

...Я радуюсь тому, что все страдания жизни,
Вся боль душевных мук и тяжкого креста
Достойным сделают меня иной Отчизны
И сопричастником Христа.

Из дневников Государыни Александры Феодоровны

Не печалься, что Господь попустил тебе болезнь. Вспомни, что он попускал более тяжкие болезни тем, кто лучше тебя. Представь себе кусок железа, забытый кузнецом и годами лежавший в углу кузницы. В конце концов железо станет просить кузнеца взять его в работу. Тогда кузнец быстро поднимет его, бросит в огонь и, когда оно раскалится, положит на наковальню. Будет ли железо печалиться?.. Так и твоя болезнь к радости, а не к печали. Ибо ты молился, чтобы Господь сделал тебя лучше. И Он, как кузнец железо, взял тебя в работу и начал закаливать и ковать. Брат, Господь взял тебя в работу! Радуйся, ржавое железо, забытое кузнецом! (Святитель Николай Велимирович).

В невольных страданиях скрыта Милость Божия, привлекающая терпящего к покаянию и избавляющая его от муки вечной.

Кто ищет дружества со Христом, да знает, что от многих вражду претерпевать будет. Ибо душа, прилепившаяся к Божию Слову, без сомнения, тотчас будет иметь врагов; так что и те, которых раньше за друзей имела, обратятся во врагов (Блаженный Иероним).

Оскорбления от других должно переносить равнодушно, как бы они не до нас касались. Если же невозможно, то, по крайней мере, надобно удерживать язык – по глаголу Псалмопевца: смятохся и не глаголах (Преподобный Серафим Саровский).

Записи из тетради матушки Надежды

Ископай... в сердце своем кладезь великого Милосердия ко всякой твари Господней. Сердце жестокое и немилосердное – никогда не очистится пред Господом (Преподобный Исаак Сирин).

Одна есть в мире красота –
Любви, печали, отречения
И добровольного мученья
За нас распятого Христа.

К.Д. Бальмонт

Молитва мученика Анфима

Иисусе Христе, Свете красен и Слава, прибежище на Тебя упование возложившим, тихое пристанище труждающимся, Иже Святым Своим Апостолом благодать терпения даровав! Тя призываю Вездесущаго и zde ныне стоящаго и вся совершающа: даждь и мне терпение на побеждение неистоваго мучителя, да разумеют вся царства, яко Ты еси един Господь Бог, Иже Единосущным Сыном Твоим дарова победу боящимся Имени Твоего, рекшему: се Аз дам вам власть наступати на змия и скорпия и на всю силу вражию.

Молитва святого Феодота

Господи Боже сил, возлюбленного Твоего Сына Иисуса Христа Отче! Благословляю Тя, яко сподобил мя еси имени Твоего Святаго – не отречься. И ныне молю Тя, Господи, молящая мене послушай и даждь скончаться ми в сих узах и во он мир взыти и обрестися со святыми Твоими и со возлюбленными, и избави мя от бед мучителей.

Маргарит духовный

О вере в Бога

Вера в деле нашего спасения тоже, что основание в здании; подкопано основание – неизбежно рушится здание. Где нет веры, там необузданность страстей, увлекающая человека в бездну зол; за безверие постигает гнев Божий; это видим в гибели древнего мира в потопе и в поглощении землею нескольких городов. Неверующий хуже безсловесного животного, потому что и оно знает господина своего: *познал вол стяжавшаго и осел ясли господина своего...* (Ис.1:3).

Вера тогда только спасает человека, когда дела его сообразны с нею, *вера без дел мертва есть* (Иак.2:26); и дела наши добрые тогда только приятны Богу, когда они совершаются с верою в Иисуса Христа (Гал.2:16). Вера – это небесный луч, просвещающий тьму нашей жизни, руководящий нас к небесному нашему Отечеству. Вера есть тот голос, которым слепец кричал: *Сыне Давидов, памилуй мя!..*

Молись Богу, поучает святитель Тихон, чтобы Он подал тебе истинную, живую веру, береги веру более, нежели жизнь свою, ибо и *жизнь свою должны мы за веру положить...*

Вера производит в сердце верующего радость и веселие о Господе Спасе, о Его благодати и человеколюбии; она смягчает злострадание и скорби упованием за них небесного воздаяния, делает человека холодным ко всему земному, преходящему, побуждает его искать вечного, нетленного, небесного; она таинственно соединяет душу верующего с Христом, как невесту с женихом: *Обручу тя Себе в вере*, говорит Пророк от лица Божия, *и увеси Господа...* (Ос.2:20).

Блажен, кто в дни борьбы мятежной,
В дни общей мерзости людской
Остался с чистой, белоснежной,
Неопороченной душой.
Блажен, кто в годы преступлений,
Храня священный идеал,
От повседневных искушений
Умом и сердцем устоял.

Блажен, кто, вписывая повесть
В скрижали четкие веков,
Сберег, как девственница, совесть
И веру дедов – стариков.
Блажен, кто Родину не предал,
Кто на Царя не восставал,
Кто чашу мук и слез изведаль,
Но малодушно не роптал.
Сергей Бехтеев 1921 г.

О молитве

Как в естественном состоянии младенец не вдруг делается взрослым, но полной зрелости достигает мало-помалу; так и в состоянии духовном человек не вдруг из плотского и греховного может сделаться духовным, Богоугодным, но восходит на эту высоту постепенно, подвизаясь в добродетелях, в главе коих стоит молитва, ибо молитвою мы все испрашиваем у Бога по реченному Им: *просите, и дастся вам*; а если не будем просить, то и не получим ничего, ни одной добродетели не совершим, если не обратимся с молитвою к Господу, прося Его помощи...

Молитва есть благоговейное стремление души человеческой к Богу, или сердечная беседа человека с Богом, во время которой человек, представляя Бога невидимо при себе находящимся, изливает пред Ним чувствования души своей...

Молитва – царица в лике добродетелей. Она есть возвышение ума и сердца к Богу, ею человек вступает в сонм ангелов и делается участником их блаженства, озаряется их мудростью. Молитва есть фимиам, благоприятнейший Господу, надежнейший мост для прохождений житейских волн искушений, неборимая стена всех верующих, безопасное пристанище, божественная одежда, облекающая душу в великое благообразие и красоту. Молитва – мать всех добродетелей, хранительница целомудрия, печать девства, верная оборона против всех ухищрений исконного врага нашего диавола. Поражай супостатов именем Христовым, то есть молитвою, как поучают святые отцы, ибо крепче сего оружия нет ни на небе, ни на земле. Молитва – утверждение мира, умиловление Бога о грехах, необуреваемая волнами пристань, просвещение ума, секира отчаянию, разрушение печали, рождение надежды, утоление гнева, заступница судимых, отрада заключенных, спасение погибающих... Даже и самые апостолы, когда не могли изгнать нечистых духов, то Господь сказал им: *сей род не исходит, токмо молитвою и постом* (Мф.17:21).

В жизни человека нет ничего драгоценнее молитвы, она и невозможное делает возможным, трудное легким, неудобное удобным: молитва столько же необходима для человеческой души, сколько воздух для дыхания, или вода для растения. Кто не молится, тот лишается общения с Богом и уподобляется сухому бесплодному дереву, которое посекается и во огонь вметається (Мф.7:19). Кто не молится, тот не получает благословения Божия на дела свои, по реченному: *Аще ни Господь созиждет дом, всуе трудишася зиждущии* (Пс.126:1).

Несчастье для слепца – не видеть света, но гораздо большее несчастье для христианина – потерять расположение к молитве, лишиться души свою Божественного света: в такой душе водворяется тьма, а по исходе из тела, уделом ее будет тьма вечная.

Молитва Оптинских Старцев

Господи Иисусе Христе Сыне Божий, сохрани нас от обольщения близ грядущего богомерзкого антихриста и избави от всех козней его и укрой нас и вся православные христиане от коварных сетей его в сокровенной пустыне Твоего спасения и не дай нам, Господи, убояться страха дьявольского паче страха Божия и не отступить от Тебя и от Святой Церкви Твоей. Но даждь, Господи, лучше пострадать и умереть за имя Твое Святое и веру православную, но не отречься от Тебя и не принять печати проклятого антихриста и не поклониться ему. Даждь нам, Господи, день и ночь плач и слезы о грехах наших и пощади нас, Господи, в день Страшного Суда Твоего. Аминь.

О даровании Иисусовой молитвы, молитва Оптинских старцев

Господи Иисусе Христе, Сыне Божий! Имени Твоему поклоняются Ангелы и человецы, Твоего Имене трепещут адские силы, Твое Имя – верное оружие на прогнание супостата, Твое Имя пополает грехи и страсти, Твое Имя подает силу в подвигах, собирает воедино рассеянный ум и во исполнении заповедей Твоих обогащает добродетелями, Твое Имя творит чудеса и соединяет нас с Тобою, дарует мир и радость о Духе Святом, а в жизни будущей – Царство Небесное. Сего ради я, недостойный раб Твой, молюся Тебе: прожени от

нас неведение духовное, просвети познанием Божественной истины и научи нас незаблудно, во смирении, внимательно, с чувством покаянного сокрушения, устами, умом и сердцем творить непрестанно молитву сию: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного». Ты бо рекл еси, Господи, пречистыми устами Твоими: «Аще чего просите во имя Мое, Аз сотворю». Се, молитвами Пречистыя Матере Твоея, святителя Иоасафа Белгородского, преподобного Серафима Саровского и всех преподобных отец наших, о даровании прошу молитвы Иисусовой: молитвы Пресвятого и Всемогущаго Имени Твоего. Услыши мя, обещавай услышать всех призывающих Тя во истине. Твое бо есть еже миловати и спасати, и даровати просимое молящемуся во славу Твою со Отцем и Святым Духом. Аминь.

О чем и как должно молиться

Человек, стоящий на молитве, тоже, что воин на поле брани... «Начало молитвы, – как пишет святой Иоанн Лествичник, – состоит в том, дабы отгонять помыслы при самом их появлении; середина ее есть то состояние, когда ум наш не расхищается помыслами, а совершенство молитвы состоит в восхищении к Богу всего существа нашего»...

Какой образ молитвы – Богоприятнейший: прежде всего принесем искреннее благодарение Богу, потом исповедание грехов и сокрушение души в чувстве, и наконец, да представляем Царю всяческих наши прошения.

Видим из святого Евангелия, что судия исполнил просьбу вдовицы, убежденный лишь неотступностию ее, также и друг, который сначала отказал было другу своему в просьбе его, но когда тот, не отходя от него, продолжал умолять, то он наконец уступил его настойчивости (Лк.18:5). Притчами этими Господь научает нас, как мы должны поступать, дабы получить просимое...

«Помыслим, говорит святой Иоанн Златоуст: к кому мы приступаем и зачем? Что желаем получить? – Мы приступаем к Богу, при созерцании Коего Серафимы отвращают лице, не имея сил сносить сияние; приступаем к Богу, Который живет во Свете Неприступном, и приступаем для того, чтобы Он избавил нас от геенны, отпустил нам грехи наши, освободил нас от нетерпимых наказаний и даровал нам Небо и его блага».

Итак, припадем к Нему и телом и мыслию, чтобы он Сам воздвиг нас лежащих, будем беседовать с Ним с кротостию и со всяким смирением. *На кого воззрю, говорит Господь, токмо на кроткого и смиренного, трепещущаго словес Моих...* (Ис.66:2).

Хотя бы ты и на всю лествицу добродетелей взошел, однако и тогда о прощении согрешений молился, слыша Апостола Павла о грешниках глаголющего: *от них же первый есмь аз*.

Многое время пребывая в молитве и не видя плода, не говори, что будто ты ничего не приобрел и ничего не исправил:

ибо самое пребывание в молитве есть уже приобретение и исправление... (Если плачешь о грехах) не оставляй молитвы... ибо, может быть, другого такого времени к прощению грехов твоих во всю твою жизнь не получишь.

Молитва о прощении забытых грехов преподобного Варсонофия Великого

Владыко Господи, поскольку и забыть свои прегрешения есть грех, то я во всем согрешил Тебе, Единому Сердцеведу; Ты и прости мне все по Твоему человеколюбию; тем-то и проявляется великолепие славы Твоей, когда Ты не воздаешь грешникам по делам их, ибо Ты препрославлен во веки. Аминь.

Если ты какими словами молитвы усладился, продолжай оные, ибо Ангел-Хранитель твой молится тогда вместе с тобою. Святой Нифонт видел однажды некоего инокa, идущего и про себя читающего молитву, которая, как пламень огненный, исходя из уст его, досягала небес; инок шел в сопровождении Ангела, имевшего в руках своих огненное копие, которым он отгонял бесов от него.

Святой Макарий Великий: Хотя младенец ничего не может делать, однако же он, ища матери, движется, плачет, и мать сжаливается над ним; она рада, что дитя с усилием и воплем ищет ее, и так как младенец не может идти к ней, то сама мать, преодолеваемая любовью к младенцу за долгое его искание, подходит к нему и с великою нежностью берет, ласкает и кормит его. То же делает и человеколюбивый Бог с душою, которая ищет Его...

Один Богомудрый отец говорит: «Аще хощеши в теле, яко безтелесен, Богу служити непрестанно, стяжи молитву тайно в сердце твоём, – и душа твоя прежде смерти будет яко ангел».

Святитель Василий Великий говорит, что надобно заключать свою молитву не в словах, а, напротив, всю силу ея поставлять более в душевном желании и в непрестанно продолжающихся подвигах добродетели, ибо сказано: *аще убо ясте, аще пиете, аще ли ино что творите, вся во славу Божию творите* (1Кор.10:31).

Что ни делал бы ты, но наивозможно чаще призывай имя Божие, за все благодари Господа – за радости и скорби, так

как все посылается для нашего блага: тогда освятится вся твоя жизнь и будет непрестанною молитвою.

Не оставим без внимания ежедневно произносимых нами в молитве Господней слов: *и остави нам долги наша, яко же и мы оставляем должником нашим*; подобно сему сказано и во святом Евангелии; егда стоите малящися, отпускайте, *аще что имате на кого, да и Отец ваш, Иже есть на небесех, отпустит вам согрешения ваша. Аще ли же вы не отпускаете, ни Отец ваш, Иже есть на небесех, отпустит вам согрешений ваших* (Мк.11:25–26). Следовательно, если мы на кого имеем в сердце злобу, то дотоле, пока не примиримся, напрасна молитва наша. Если в происшедшей с кем либо ссоре и правыми считаем мы себя, но во всяком случае должны мы первые искать примирения, если же и за всем тем оскорбившие нас не пожелают примириться с нами, то мы уже не будем пред Богом отвечать, как искренно желавшие и искавшие примирения.

Молитва – это труд... Надобно не тогда только молиться, когда есть расположение к молитве, но молиться и тогда, когда не хочется молиться, когда лень, сон, заботы, суеты и прочее удаляют нас от молитвы, и если, несмотря на все это темное полчище, мы молимся, подвигаемся, принуждаем себя, боремся с собою, то таковая молитва проникнет небеса и предстанет пред Престолом Господа. Время ночное очень удобно для уединенной молитвы... ночные, моления низводят на молящихся сугубые щедроты Божии... Молитвы продолжительные, как ночные так и дневные, должно совершать не иначе, как по совету и благословию опытных духовных руководителей...

Святой Апостол говорит: *да просит же верою ничтоже сумняся, сумняйся бо уподобися волнению морскому, ветры возметаему и развеваему. Да не мнит бо человек он, яко приимет что от Бога.*

Посылаемые нам от Бога наказания, как-то: болезни, голод, войны, не благовременные дожди, засухи и прочее – все это за грехи наши, следовательно, причина всех зол лежит в нас самих. Отсюда опять является крайняя нужда молить Господа о

прощении наших согрешений... Непрестанно убо молитесь... и в домах и в пути... молящеся на всякое время духом, и все, чего ни просите у Господа с верою, получите: *вся, елика аще воспросите в молитве верующе, примете* (Мф.21–22).

Хотя бы Господь и не скоро даровал просимое, терпите, ожидайте и уповайте несомненно. Сам Он уверяет нас: *просите и дастся вам; ищите и обрящете, толцые и отверзется вам. Всяк бо просяй приемлет, и ищай обретает, и толкущему отверзется* (Мф.7:8).

Молитва пророку Божию Илии о защищении от голода

Во плоти Ангел, пророков основание, второй предтеча пришествия Христова, Илие славный, от Ангел пищу приемый и сарептскую вдовицу во время глада препитавый, сам и нам, почитающим тя, благодатный питатель буди. Аминь.

Необходимые и главные условия при молитве: совершенная преданность воле Божией, сознание своего крайнего недостойнства и греховности и искреннейшее желание исправить жизнь свою, а наипаче всего – беззлобие...

Однажды спросили святого Макария Великого, как спастись? Он отвечал: братие, повергнемся пред Господом и будем плакать о грехах наших: малые сии слезы утушат геенну огненную, тогда как грешники, некающиеся и неплачущие ныне, на том свете горько будут плакать и рыдать, как младенцы, и слезы их будут жечь тела их, как огонь, но уже не принесут им никакой отрады. Всякая добродетель, а тем более молитва – мать всех добродетелей, требует принуждения, усилия со стороны нашей, по реченному: *Царствие Небесное нудится, и нуждницы восхищают е* (Мф.11:12)...

Если дар получается без труда, то мы не всегда ценим его и легко утрачиваем, а приобретаемое усиленными трудами храним, как драгоценное сокровище. Хорошо молиться, когда Господь дарует слезы умиления, в подобные минуты всего лучше, подражая жене-грешнице, мысленно припадать к стопам Распятого и, омывая их слезами покаяния, просить отпущения бесчисленных своих согрешений, и при этом ни во что вменять ничтожные свои добродетели, но всю надежду, все упование

возлагать на одно беспредельное Божие Милосердие, покрывающее все грехи наши...

Исполнение прошения нашего должны мы предоставить совершенно Промыслу Божию, памятуя слова Божественного Искупителя: *Отче мой, аще возможно есть да мимо идет от мене чаша сия: обаче не яко же Аз хочу, но яко же Ты* (Мф.26:39)...

В случае особых нужд должно по примеру Спасителя молиться до трех раз, как Он молился в Гефсимании пред страданиями Своими.

Для человека, обремененного скорбями, нет лучшего утешения, как молитва. *Злостраждет ли кто в вас, да молитву деет* (Иак.5:13). Если беседа с другом утоляет скорбь, то не тем ли более с Самим Создателем, истинным Утешителем души...

Молитва преподобного Симеона Нового Богослова

Не попусти на меня, Владыко Господи, искушение или скорбь или болезнь свыше силы моей, но избавь от них или даруй мне крепость перенести их с благодарением.

О любви к Богу

Возлюбиши Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем умом твоим, и всею крепостию твоею (Мк.12:30). Исполнение этой первой и большей заповеди заключается в сих Евангельских словах: *Аще кто любит Мя, слово Мое соблюдет; далее говорит Господь; и Отец Мой возлюбит его, и к нему приидем и обитель у него сотворим (Ин.14:23).*

Итак, любовь к Богу состоит в исполнении святых Его заповедей, из коих главная – это Любовь к ближним, что видим мы из Евангельского повествования о дне Страшного всемирного Суда Божия, на коем Любовь, оказанную ближним, Господь вменит – Себе Самому и за оную сподобит вечного блаженства. Следовательно, тот любит Бога, кто любит ближнего своего; если же кто в этом усумнится, того да уверит святой Иоанн Богослов: *Аще кто речет: любит Бога, а брата своего ненавидит, ложь есть, ибо нелюбяй брата, его же видит, Бога, Его же не виде, како может любить...*

Диавол, ища погибели человека, угашает в нем чувство Любви к Богу, возбуждая вместо ее пристрастие к земному, неблагодарность, холодность, неверие, ропот, гордость; он тщится напоить человека тем смертным ядом, которым сам упился. Любовь к Богу возгорается в сердце человека при размышлении о благодеяниях Божиих, излитых на род человеческий, и как нам не Любить Бога, ибо Он сотворил нас невинными и блаженными, напечатлел в нас образ Своего Божества, вдохнул в нас бессмертную душу, украсил ее мудростию, святостию и правдою, соделал человека владыкою всех земных тварей, и когда он за преслушание подверг себя и все свое потомство, погрязшее в нечестии, вечному осуждению; то Господь извлек нас, падших, из этой бездны, сошел с Небес, принял на Себя естество наше, пролил за нас Пречистую, Святейшую Кровь Свою и не только избавил нас от вечного осуждения, но соделал нас чадами Божиими, наследниками бесконечного Небесного Царства... По истине, кто не любит

такого благодетеля своего, тот хуже язычника, ибо и они любят любящих их..

Кто увлекается грехами, не сопротивляется им, в том нет и признаков Любви Божией. Иные, сделав навек к грехам и пребывая в них, мнят иметь Любовь к Богу, но суетная их надежда она ничто иное, как самообольщение, ибо кое общение свету ко тьме?..

Любовь Божия есть *вино, веселящее сердце человека* (Пс.103:15); вкусили этого Божественного питья невоздержники и стали подвижниками, вкусили грешники и стали праведниками, вкусили богатые и возжелали нищеты, вкусили блудники и стали целомудренными, вкусили немощные и стали непобедимы, вкусили невежды и умудрились, вкусили скорбящие и возвеселились. Дары Духа Святого, изливающиеся на любящих Бога, бесчисленны...

Кто истинно любит Бога, тот предан Его святой воле, и чтоб его ни постигло, он все приемлет, как от руки Божией, с твердою верою, что все это послужит к его душевной пользе... Для души, преданной Богу, несчастья, постигающие ее в сей жизни, служат степенями, возводящими ее к совершенству... Любящий ни о чем столько не мыслит, как только о любимом: ибо таково свойство нашего сердца, что, кого мы любим, тот непрестанно у нас в мыслях. Мы часто бываем удалены пространством от того, кого любим; но в мыслях всегда с ним, смотрим на него, слушаем его и говорим с ним, по утру просыпаемся – и первый предмет нашей мысли – тот, кого мы любим; занимаемся ли каким-либо делом для себя или для других – и никакое дело не мешает нам мыслить о том, кого любим...

Любовь к Богу обнаруживается расположением к чтению или слышанию слова Божия...

Любовь к Богу обнаруживается благочестивою христианскою жизнью, исполнением воли Божией. Таково свойство нашего сердца: кого мы любим, того и волю усердно тщимся исполнить; в этом уверяет нас Сам Создатель наш: *аще кто любит Мя, слово Мое соблюдет; не любяй Мя, словес моих не соблюдает* (Пс.118, 97, 303)

Горящий Любовию к Богу человек так обращается на земли, как бы имея жительство свое на Небеси, и никакими вещами от добродетельного течения удержаться не может. Все приятности и досады жизни сей презирает, поспешая к Небесному отечеству своему.

Кто из смертных сподобился высочайшего дара Любви Божией, тот только телом пребывает на земле, а блаженная душа его уже воспарила в Горния селения и наслаждается блаженнейшим общением с небесным Утешителем...

Молитва

Господи Иисусе Христе, Боже наш, прими от нас, недостойных рабов Твоих, усердное моление сие, и, простив нам вся согрешения наша, помяни всех врагов наших, ненавидящих и обидящих нас, и не воздаждь им по делом их, но по Велицей Милости Твоей. Обрати их, неверных – ко правоверию и благочестию. Верных же во еже уклонитеся от зла и творите благое. Нас же всех и Церковь Твою Святую всесильною Твоею крепостию от всякаго злаго обстояния Милостивно избави. Отечество наше от лютых безбожников и власти их – свободи, верных же раб Твоих, в скорби и печали день и ночь вопиющих к Тебе, многоболезненный вопль услыши, Многомилостиве Боже наш, и изведи из истления живот их. Подаждь же мир и тишину, Любовь и утверждение и скорое примирение людям Твоим, ихже Честною Кровию Твоею искупил еси. Но и отступившим от Тебе и Тебя не ищущим явлен буди, во ежи ни единому от них не погибнути, но всем им спастися и в разум истины приити. Да вси в согласном единомыслии и в непрестанней Любви прославят Пречестное Имя Твое, терпеливodusне, незлобиве Господи – во веки веков. Аминь.

О любви к ближним

Подобная первой заповеди о любви к Богу, есть любовь к ближним, *возлюбиши искренняго твоего яко сам себе* (Мф.22:39). На сих двух заповедях основан весь закон Божий и все пророчества. Любовь покрывает множество грехов, а без нее ни посты, ни молитвы и ничто неугодно Богу...

Сколь приятна Богу взаимная наша любовь: это видно из многих Евангельских изречений; *о сем разумеют вси, яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою* (Ин.13:35). *Любяй брата своего во свете пребывает... а ненавидяй брата своего во тьме есть, и во тьме ходит, и не весть камо идет, яко тьма ослепи очи ему...* (1Ин.2:10–11) *всяк ненавидяй брата своего, человекоубийца есть* (1Ин.3:15).

Если будем благодушно прощать обидящим нас, то и нам простит Господь согрешения наши... Господь явил нам образ совершенного незлобия в молитве за распинателей Своих, и мы, подражая сему, должны искренно молить Бога о ненавидящих и обидящих нас. Хотя вначале таковая молитва бывает очень трудна, но впоследствии она делается утешительною, при всем том мы должны извинять им, стараться оправдать их... должны искать примирения с ними... оказывая им добро, внимая Божественному Апостольскому учению: *не побежден бывай от зла, но побеждай благим злое* (Рим.12:21)...

Когда видим больного, то не упрекаем его, а состраждем ему, желаем облегчения... не должно за оскорбление оскорблением платить, а снисходить им, сожалеть о них как о немощных, тогда взаимно и нам в наших немощах будут тоже оказывать (снисхождение), и исполнится на нас слово Апостольское: *друг друга тяготы носите и тако исполните закон Христов* (Гал.6:2).

(«Как терпелив Господь к нашим собственным немощам!», – приписка матушки Надежды.)

Кто не желает ближнему спасения и даже радуется гибели его, таковой хуже демона, коему, как духу злобы,

свойственно желание это, но человеку оно непростительно...

Если хочешь одержать победу над врагом своим, окажи ему Любовь и возможную благотворительность, тем самым посрамишь духа злобы и послужишь спасению брата, а наипаче своему...

Кто любит ближнего своего, тот, несомненно, и Бога любит... Истинная Любовь состоит в делах Милосердия: видишь ты бедного погибающего от нужды, помоги ему чем можешь, Господь многого не требует, а чтобы было от искреннего сердца по силе твоей; видишь кого в скорби неутешной, или болезни, или иной беде, утешь его – утешит и тебя Господь; ищи случая быть полезным кому чем и как можешь, отирай слезы плачущих – и твои слезы отрет Господь, упокой странного – и тебе упокоит Господь, молись Ему о страждущих – и твои страдания утолит Он Всеблагий; не осуждай согрешающих – и тебя не осудит Праведный Судия, насыть алчущего и жаждущего – сподобишься и ты Небесной Трапезы в Царствии Божием; посети больного, скорбного – и тебя утешит Господь Святого Духа пришествием.

Где любовь, там и благословение Божие, а где нет ее, там тьма и мрак греховный, там жилище бесов злобных. Любовь – надежнейшее средство к спасению души. Если мы как немощные не можем долго поститься и молиться и совершать иные подвиги добродетелей – то восполним это Любовию.

Из всех дел Милосердия Господу приятнейшее и нам спасительнейшее, если кто обратит грешника от пути беззакония на путь спасения, таковому простит Господь множество согрешений его, в сем удостоверяют нас слова Апостольские: *Братие, аще кто в вас заблудит от пути истины, и обратит кто его, да весть, яко обративый грешника от заблуждения пути его, спасет душу свою от смерти, и покрывает множество грехов* (Ик.5:19–20). Но кто совратит кого на путь нечестия, такового ожидает геенна огненная.

Видим мы из святого Евангелия, что в великий день всемирного Суда Божия, когда решится участь каждого из нас,

особенно благословения Божия сподобятся те только, которые Милосердны были к ближним своим...

Святой Ефрем Сирин: ... блажен человек, в котором есть Любовь Божия, потому что нашел он в себе Бога; *Бог любви есть, и пребывая в любви, в Бозе пребывает и Бог в нем пребывает (1Ин.4:16)*. В ком Любовь, тот вместе с Богом превыше всего, в ком Любовь – тот не боится, потому что совершенная Любовь *вон изгоняет страх (1Ин.4:18)*; в ком Любовь, тот никем никогда не гнушается, *вся уповает, вся терпит (1Кор.13:7)*. В ком Любовь, тот исполняет волю Божию, тот ученик Божий, ибо Сам Благий Владыка наш сказал: *о сем разумеют вси, яко мои ученицы есте, аще любовь имате между собою (Ин.13:35)*. По сему блажен кто приобрел Любовь, а с нею переселился к Богу, потому что Бог знает Своих и примет их в лоно Свое. Делатель Любви будет сожитель Ангелов и со Христом воцарится²⁸.

Молитва о том, чтобы с любовью ухаживать за болящим

Господи, Иисусе Христе, Сыне Бога Живаго, Агнче Божий, возмемляй грехи мира, Пастырю добрый, положивый душу Твою за овцы Твоя, Небесный Врачу душ и телес наших, исцеляяй всякий недуг и всякую язву в людех Твоих! Тебе припадаю, помози мне, недостойной рабе Твоей. Призри, Многомилостиве, на делание и служение мое, даждь ми быти верною в мале: послужити болящим, Тебе ради, носить немощи немощных, и не себе, но Тебе единому угодити во вся дни живота моего. Ты бо рекл еси, о Сладчайший Иисусе: понеже сотвористе единому от сих братьев Моих меньших, Мне сотвористе. Ей, Господи, суди мне, грешной, по сему глаголу Твоему, яко да сподоблюсь творити благую Твою волю во отраду и утешение искушаемых, недугующих раб Твоих, их же искупил еси честною Твоею Кровию. Ниспосли ми благодать Твою, поपालяющую во мне страстей терние, призывай мене, грешную, на дело служения о Имени Твоем; без Тебе не можем творити ничесоже: посети убо нощию и искуси сердце мое, внегда предстояти ми у возглавия болящих и низверженных; уязви душу мою Твоею Любовию, вся терпящую и николиже отпадающую. Тогда возмогу, Тобою

укрепляемая, подвигом добрым подвизатися и веру соблюсти, даже до последняго моего издыхания. Ты бо еси Источник исцелений душевных же и телесных, Христе Боже наш, и Тебе, яко Спасителю человеков и Жениху душ, грядущему в полунощи, славу и благодарение и поклонение возсылаем, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Русь глухонемая

Был к Иисусу приведен
Родными отрок бесноватый:
Со скрежетом и в пене он
Валялся, корчами объятый.
– Изыди, дух глухонемой, –
Сказал Господь. И демон злой
Сотряс его и с криком вышел –
И отрок понимал и слышал.
Был спор учеников о том,
Что не был им тот бес покорен,
А Он сказал: «Сей род упорен:
Молитвой только и постом
Его природа одолима».
Не тем же ль духом одержима
Ты, Русь глухонемая! Бес,
Украд твой разум и свободу,
Тебя кидает в огонь и воду,
О камни бьет и гонит в лес.
И вот взываем мы: Прииди...
А избранный вдали от битв
Кует постами меч молитв
И скоро скажет: «Бес, изыди!»
6 января 1918 г. М.А. Волошин

(Одна из основных мыслей матушки, которая помогает мне в жизни постоянно: «Главное – сохранить чистоту намерения. Все равно ничего не сможешь сделать так, как хотела. Враг всеусиленно будет мешать. Но на это есть покаяние. Но хоть что-то надо принести Господу – непорочным. Бог будет судить нас по нашим намерениям. Главное – блюди чистоту намерения».)

Потертые листочки ксерокопии с наставлениями старца Агапита остались у меня со времени жизни у нас матушки Надежды. Она бесконечно почитала старца и говорила: «Вот образец любвеобильного отца, какие ранее встречались, а теперь – редки».

Наставления архимандрита Агапита Нило-Столобенского²⁹

1. Все мы люди – семья Божия, все мы дети единого Отца, и потому, распаляясь любовью Божией, я желал бы слить весь род человеческий в одно целое, дабы прижать это целое к груди моей и умереть за спасение его в лютых пытках муки.

2. Я смотрю на людей как на детей единого Отца, вообще, как на члены Господа моего Иисуса, и не имею к ним иного чувства, кроме сильного желания спасти их души и особенно души тех, которые мне как отцу доверили себя. А это желание до того объяло мое сердце, что я в ад спущусь за ними, и нет силы на земле, которая бы могла разорвать мое внутреннее с ними единство.

3. Опытю знаю, что умеет Господь наш Иисус Христос утешить нас, успокоить и возвеселить; а что мы неутешны, в том виноваты сами. Стоит только в скорби из глубины души сказать вместе скорбящему с нами Господу вашему Иисусу Христу: Господи! Ты мой Помощник, и Он тотчас же поможет. Мне, грешнику, Он всякий день тьмочисленно и при всяком скорбном случае – милосердно помогает. Господь наш сказал: *блажени будете, егда возненавидят вас*: почему же нам не терпеть обид от других? Всякий бы любил нас, ежели бы Господь видел, что мы, **любимые от всех, – спасемся**. А как многих из нас Господь спасает через скорби, то и должны быть такие люди, через которых бывает нам скорбь. Однако ж нам не следует винить их, потому что не они навели на нас скорбь: она определена для нашего спасения самим Господом. Следовательно, мы не остались бы без скорби, когда бы оскорбляющих и не было.

4. Один брат, встревоженный слухом об удалении отца Агапита из монастыря, пришел к нему в слезах; но отец Агапит, встретив его с веселым и радостным лицом, улыбнулся и спросил, не обидел ли кто его. Когда же тот объяснил причину своей скорби, сказав: «Ты знаешь, что мы служим Господу. А кто служит Господу, тот никогда не погибает. Буди воля Господня

всегда с нами... И если Господь, по молитвам Пречистой Матери и преподобного отца нашего Нила, оставит меня, многогрешного, послужить в сей святой обители, то слава неизреченному Его милосердию! А когда Господу угодно удалить меня куда-либо, и то буди имя Господне благословенно во веки!» Потом обратился он к образу Спасителя и, воздев руки, произнес: «Слава Тебе, Господи, слава Тебе! Благодарю Тебя, Господи, что не оставляешь меня грешного, по милости Своей». А брату сказал: «Видишь, брат, как Господь-то любит меня грешного. Другому не пошлет такого крестика, какой мне-то грешному послал».

5. Нет у меня ничего заповедного; и вы, чада мои, или не давайте мне ничего, или не оскорбляйтесь, если ваш подарок скоро перейдет в другие руки.

6. Встревоженные, огорченные сильной скорбью его при молитве, некоторые с участием просили его открыть им причину таких слез. «Отец ваш, – отвечал он, – или всегда так плачет, или ему еще тяжелее бывает». – О чем же, батюшка? – «О грехах ваших и моих, и всего вверенного мне братства и всего человечества».

7. «Я в муках деторождения, чада мои, дóндеже вообразиться в вас Христос», – говорил он часто своим детям духовным.

8. Занимаясь по воле Божией спасением людей, я, по данному мне от Бога чувству любви к ним, не подорожу в себе ничем для их спасения; ни достоянием моим, ни земною честью и славой, ни даже самой жизнью. И что такое достояние, честь и жизнь моя? Не дар ли Божий, данный мне на время? И что такое ближний мой? Не чадо ли самого Христа? Итак, жалеть чего-нибудь для ближнего своего не значит ли – жалеть возвратить Богу дар его? – Нет, Господи, да не будет сего никогда со мною!

Наставления отца духовного сестрам Марфо-Мариинской Обители Милосердия «По стопам Христа»

1. Сестра во Христе! ежедневно, вставши от сна, скажи сама себе: «Я решилась идти по стопам Христа, моего Спасителя; Господи, благослови и помоги мне сегодня исполнить на деле во внутренней и внешней моей жизни это мое сердечное желание и долг... иду». После этого иди или на общую молитву обители, или сама прочти внимательно положенное правило, после которого еще можешь помолиться своими словами. Затем или прослушай, или прочти несколько стихов из Евангелия, посланий св. Апостолов, один псалом, житие дневного Святого. Читай и проси внутренне Господа, чтобы прослушанное или прочитанное было тебе как бы уроком для подражания и исполнения на сегодня, и потом иди на дела твои.

2. Сестра, помни всегда ту цель, ради которой учреждена обитель и ты пошла на труд. Цель эта: при помощи Божией показать настоящему обществу истинно христианскую жизнь так, как светилась она пред древним языческим обществом. Этим сознанием укрепляй свою бодрость духовную. Употребляй же все силы твои, чтобы явить на деле *силу религии Христовой*. Покажи, что еще жива вера Христова, что еще действительна любовь Христова, что учение и благодать Христовы действительно преображают душу, тело и всю жизнь отдельного христианина, семьи и общества. Покажи на себе, что эту *силу Христову* не могут поколебать ни соблазны мира, ни злоба, ни зависть, ни раны и болезни, ни самая смерть. Она – эта *сила* велика и вечна, как велик и вечен Христос.

3. Сестра, помни, что ты трудишься во славу Бога, благо ближних и спасение души своей; благословен да будет труд твой и память о нем у Господа и в сердцах людей во веки.

4. Сестра, когда ты приходишь в храм для молитвы, или прислуживать в нем, или читать и петь, всегда помни, что храм есть видимое небо, рай, дом Божий, как и сказано в

богослужебной книге: *В храме стояще славы, на небеси стояти мним...* – Посему будь внимательна ко всему, что делается в нем; это святой Хозяин принимает тебя, разговаривает с тобой, поучает тебя, утешает и услаждает тебя, насыщает бессмертной трапезой – Телом и Кровию Своею. – Возможны ли здесь небрежность, рассеянность, смех?! На служащего священника смотри, непременно забывая о его частной жизни. Взирай на него, как на посланника Божия, служителя и строителя Таин Божиих. Посему и священные одежды на нем; они закрывают от взора людского, что он подобный всем человек, и являют его нам преукрашенным, блистающим, как бы Ангелом Господним. Уста его, вещающие нам слова Евангелия и молитвы, – есть Уста Божии, благословение его – есть благословение Христа, действующего в благодатном таинстве священства. За частную же жизнь не суди иерея, а молись о его спасении, ибо трудно священнику, весьма трудно и опасно: для него Страшный Суд – всех страшней, ему ведь поручено служение на земле, какое не дано даже Ангелам. Если, по благословию священника, ты удостоишься служить при храме, читать и петь, то считай это за великую честь и счастье: ты делаешься как бы Ангелом Господним, возвещающим людям волю Божию, ты в пении сливаешься с Серафимами, ты делаешь великое дело любви к ближним, так как примером благоговейного стояния в храме, прекрасным чтением и пением ты согреваешь души людей, приводишь их к Богу. Помни: храм и прекрасно совершенное христианское Богослужение есть первая и великая проповедь о Христе и вечном спасении. Делай же это святое дело со страхом, благоговением и радостью.

5. Сестра, если ты увидишь, что мало как будто бы результата, плода дает труд твой, а также деятельность обители вообще; или по каким-либо причинам ближние твои будут внушал тебе это и у тебя начнут появляться мысли: «не бросить ли? стоит ли отдавать силы и здоровье на столь невидное и малопродуктивное дело?!» – Тогда, раскаявшись внутренне в этом грехе твоём, спеши сама себя успокоить. Вспомни тогда слово Христа, что подавший во Имя Мое чашу (только-то) холодной

воды – не останется без награды. Неужели же этой «чаши-то холодной воды» не найдется в трудах твоих? Успокойся, найдется, только бы в делах твоих была любовь, усердие, ревность, что, собственно, и нужно Господу. Помни: хотя *капля*, но *пользы*, а ведь из капель ручьи, реки и моря составляются. Ты принесла на жертвенник Божественной Любви и Правды каплю, другая сестра каплю, все по капле, а целая обитель уже ручей, реку, а пройдут годы, и обитель принесет Господу целый океан труда, веры и любви. Помни это и гони от себя немедленно все внутренние и внешние искушения, мешающие мирной работе твоей.

6. Сестра, если ты на этом истинно-христианском пути жизни заболеешь, или получишь насмешки, оскорбления, даже раны и побои, обеднение, потеряешь земной блеск, величие и славу, даже преждевременно от великого труда твоего сойдешь в могилу – смирись, благодари, претерпи до конца. Помни, что тогда тот блаженный венец, получить который уповали первые христиане и которого многие из них удостоились, – венец мученичества за Христа обещан и тебе, если, уповая на помощь Господа, смиренно и благодарно терпеливо претерпишь все до конца.

7. Сестра, естественна во всяком труде усталость, ослабление энергии; старайся ободрить себя и прежде всего:

а) возможно частою, даже непрестанною *молитвою* к Богу. Помни: Господь Отец твой всегда с тобою, дочерью Своей, как и Сам сказал: *Я с вами до скончания века*. Он премудр, всеблаг, всемогущ, знает движения сердца и мысли твоей. Неужели же Он оставит без поддержки уставшую, ослабевшую на христианском труде Свою дочь? – Никогда! Ведь это Господь устами Апостола Своего сказал заранее всем труженикам правды и любви Христовой: *Не дам испытания сверх сил, а с испытанием дам и облегчение (1Кор.10:13)*. Только одно необходимо: это отсутствие гордости в труде нашем, сознание собственной немощи и полное с доверием и любовью *единение* немощных сил наших со Христом – Источником жизни и воскресения; плодом же этого единения является ничем не сокрушимое мужество, крепость христианина и успех в трудах

его. Послушай, как ясно говорит об этом Господь: *Я есмь Лоза, а вы ветви. Как ветвь не может приносить плода, если не будет на лозе, так и вы, если во Мне не пребудете. Кто пребывает во Мне, и Я в нем, тот приносит много плода, ибо без Меня не можете делать ничего. Не бойся, только веруй, – все возможно верующему. Кто имеет заповеди Мои и соблюдает их, тот любит Меня, а кто любит Меня, то возлюблен будет Отцом Моим, и Я возлюблю его и явлюсь ему Сам (Ин.15).* А святой апостол Павел, когда изнемогал в трудах своих и видел в них одни лишь немощи свои, услышал от Господа великое слово: *Сила Моя в немощи совершается и потом, укрепляемый этой силой, восклицал: Вся могу о укрепляющем мя Иисусе, и еще: Благодатию Божиею есмь еже есмь (Флп.4:13; 1Кор.15:10).*

Поэтому, сестра, молись, то есть благоговейно говори со Христом – Отцом твоим, как дочь, откровенно о всем, что наполняет существо твое. Молись возможно чаще, не только на утреннем и вечернем правиле, но говори с Ним и ходя, и сидя, и лежа, и работая. Говори хотя внутренно короткими воздыханиями, примерно так: «Господи Иисусе Христе, спаси же, помоги же, не дай погибнуть; вразуми; охрани; подкрепи падающие мои силы; прости греховные движения существа моего; благослови обитель нашу и труды мои; помоги простить всех, любить всех; спаси всех; устрой жизнь мою по Твоей святой воле, благодарю Тебя за все в моей жизни».

б) Сестра, помни: если живые люди мало или вовсе не поймут и не поддержат тебя, то у тебя есть целый сонм Святых и Ангелов – этих вечных друзей твоих. И каких? Уже прошедших первый период вечной жизни, – прошедших доблестно, показавших ясно на себе, что истины христианства, при благодатной помощи Господа, осуществимы и на земле настолько, чтобы преобразить человека в истинного сына Божия. Подкрепишь же их *примером* и брось раз и навсегда пустую, обычную отговорку лени: «ведь, они были святые, а мы грешные, немощные». Нет, они не были святые, а *стали* святыми, благодаря своей вере, любви и подвигу!.. Стремись же и ты, сестра, стать святой подвижницей: это вполне возможно

для тебя и для всех. Не только *учись* у святых, но и *зови* их на помощь: «Пресвятая Богородица, спаси, помоги; Ангел Хранитель, благослови, помоги; святая (чье имя носишь) и все святые, благословите, помогите данною вам благодатию Божию, вразумите вашим духовным наставлением!» Пример святых, поддерживаемый чтением их жизни и писаний, и беседа с ними или молитва сделают то, что ты никогда не будешь себя чувствовать одинокой и скоро обогатишься умением жить по-христиански.

в) Сестра, еще помни средство для поддержания сил своих, средство таинственное, но могучее: это теснейшее единение со Христом духовно-телесным существом своим в таинствах, и особенно в таинстве Святого Причащения. Посему, достойно приготовившись, говей и приобщайся Святых Таин не менее шести раз в год.

г) Наконец, не забудь, что у тебя в обители есть твои духовные отец и мать – духовник и настоятельница, которые хотя и сами грешные люди, но всегда готовы и должны поддержать слабейших, наставить неумеющих. Бог поможет им и тебе, так как ты идешь к ним во имя Христа, – они идут к тебе в Его же Имя, – а где двое или трое соберутся во Имя Христа, там и Он посреди их.

8. Сестра, старайся побеждать в себе *начинающийся грех*. Мысль, воображение, слово (или дело) – вот три фазы греха. Лови себя на мысли и *немедленным покаянием* уничтожай грех в начале, тогда и воображение твое будет чисто и слово и работа святы, мирны, плодотворны. Вечером же непременно приучи себя к *вечернему покаянию*, то есть после вечернего правила осмотри духовным взором прожитый день, стоя внутренне пред Самим Христом, и в плохом принеси сердечное раскаяние с решимостью исправиться, а за хорошее воздай славу и благодарение благодати, милосердию и долготерпению Господа. Непременно вспомни о смерти, прототип которой есть сон. Вспомни о краткости земной жизни, о переменчивости и изживаемости земных счастий – красоты, богатства, славы, наслаждений. Вспомни о сладости блаженной вечности со Христом. Вспомни о свойствах Божиих: вечности, благодати,

мудрости, могуществе, святости, правде, вездесущи, неизменяемости и проч. и сообразно с этим спрашивай себя: уподобляешься ли ты Господу, любишь ли Его, надеешься ли на Него? и проч. Усни с этим, и сон твой будет мирен и тих.

9. Сестра, помни: каждый человек есть создание Божие, но создание заблудшее: он – брат твой больной: смотри же, без раздражения ухаживай за больными – грешными людьми. Рассуди: Бог Святая Троица едина по существу, но раздельна в Лицах, и деятельность Святой Троицы так едина, гармонична, что эта раздельность Лиц – не делит Существа, и причина деятельности есть – Любовь, а плод ее – чудный мир сей, вселенная. Бог – Троица и человека создал по Своему образу и подобию, так что и человечество то же едино по существу, хотя и раздельно в лицах. Деятельность всех людей должна быть единая, деятельностью Любви. Все люди, уподобляясь Творцу своему, должны составлять одно гармоничное целое, духовный организм, где все части – люди действовали бы на пользу друг другу без противоречий; причем это святое единение людей должно быть результатом свободного произволения каждого отдельного человека. Счастливы люди, если они помнят о вечном своем назначении – Богоуподоблении, выражающемся главным образом в деятельной Любви; это – основа Царства Божия, которое, начинаясь на земле, в полной мере расцветет после общего воскресения. Вдвойне же счастливы те люди, которые не только сами стремятся к этой цели, но и самоотверженно трудятся для ближних, чтобы и в них пробудить сознание необходимости жить только Богоподобно. – Видишь, сестра, как велика, славна цель жизни человека и человечества и как позорно забыть эту цель. Посему в каждом встречающемся тебе на пути жизни человеке ищи прежде всего хорошее, остатки образа Божия, они есть несомненно, только часто, ах! как часто прикрыты густым слоем разврата, суеты. Не обижайся же на скверные выходки по отношению к тебе грешника, он больной, прости его, кротко обойдись с ним, постарайся пробудить в нем раскаяние и сознание своего подобия Богу, не осуди его. Вообще, прими за неперменное правило: снаружи никогда не раздражаться, не осуждать –

внутри же немедленным покаянием и непрестанною молитвою за согрешающего отгоняй от себя гнев и осуждение. Не забывай о подобию человека Богу и постарайся помочь самому последнему бедняку и развратнику сбросить с себя скорлупу разврата, греха и засиять своим Богоподобием, как и нужно истинному сыну Божию. За всякого оскорбившего тебя или на твоих глазах согрешающего внутренно молись примерно так: «Благодарю Тебя, Господи, что меня, грешную, Ты удостоил принять поношение за Имя Твое; спаси сего грешника и наставь его на путь покаяния и исправления, ведь Ты и за него страдал». Не забывай богатых и здоровых, но немощных духом; они тоже люди, часто гибнут от маловерия, греха, незнания истинной духовной жизни: они часто скорбят, как и прочие. Вспомни слово мудрости народной: «И чрез золото слезы льются!»

10. Сестра, помни, что ты пошла работать в жизнь, как бы в поле, чтобы сеять в себе и во всех окружающих семена веры, любви, мира, смирения, утешения, довольства. Смотри же, не сделайся когда-либо причиной раздора, зависти, горя ближнему; в этом отношении особенно бойся собственного твоего языка. Господь Иисус Христос сказал, что человек от слов своих или оправдается, или осудится, а св. апостол Иаков говорит: «Язык небольшой член, но много беды делает, он огонь, прикраса неправды, им благословляем Бога, им же проклинаям ближнего!» Это совершенно верно: сказанное слово не вернешь, и часто одно неосторожное слово делается основанием большого горя и зла. Смотри же, сестра, *храни в себе, что видишь и слышишь вокруг*; ближнему говори только то, что ему на пользу. *Храни честь обители*, храни порученную тайну, какой бы она ни показалась тебе пустой, – для больного и несчастного человека все важно. Вообще запомни, что *пустяков нет в жизни*; ты живешь и работаешь пред Лицом Бога, в очах Которого даже мысль и движение сердечное весьма важны.

11. Сестра, когда идешь на работу, имей при себе непременно св. Евангелие (вместе с Апостолом и Псалтирью), молитвенник и книгу для назидательного чтения. Где придется работать, не только сама исполняй положенное тебе правило,

но постарайся с любовью и кротостью возбудить желание, чтобы те, за кем ходишь ты или с кем работаешь, прослушали читаемое тобою правило. Помни, это то же великое лекарство для больных душою и телом людей (ведь грех есть основание и телесных болезней). Люди часто не умеют ни молиться, ни читать св. чтения. Они или забыли это после учения своего или вовсе не знали, ведь общеизвестно, что религиозно-нравственное воспитание и духовная жизнь, по заветам Евангелия и Уставу Святой Церкви, в большинстве нынешних семейств ужасно пали; напони им, помоги им, научи их. Имей при себе список книг которые следует прочитать христианину для укрепления веры и для научения правильной христианской жизни. Вообще имей пред твоими духовными очами слова святого апостола Павла: *Рабу же Господа не должно ссориться, но быть приветливым ко всем, учительным, незлобным, с кротостью наставляя противников, не даст ли им Бог покаяния к познанию истины.*

12. Сестра, всегда носи в уме и сердце твоём пресветлый образ Заступницы усердной рода христианского, Матери Божией; к Ней обращай твое сердце; Ей, как нежной Матери, открывай свои скорби, поведай в детской простоте свои немощи, свои нужды и заботы. Памятуй, что Она – первая и величайшая в мире крестоносица, а посему – первая и всемогущая за всех скорбящих и обремененных Заступница и к Сыну Своему, и Богу Ходатаица. Ее покрову и заступлению вручил Он с креста всех верных чад Церкви Своей в лице возлюбленного ученика Своего, когда Ей изрек: *Се сын Твой*, а ему – *Се Мати твоя*. Чаше перечитывай умиленные сказания о Ее земной жизни и подвигах и, укрепляя себя Ее примером, проси Ее благодатной помощи. Вся Ее святая жизнь, особенно после вознесения Господа на небо, была посвящена тому же служению Богу в ближних, какому в некоей малой мере желаешь и ты себя посвятить. Она – первая в Христианской Церкви и сестра, и Мать милосердия; около Нее объединились и Марфа и Мария, и Магдалина и Саломия, и другие святые жены евангельские, которые почитали Ее как бы настоятельницею своей святой общины. Вот почему –

услышишь ли бой часов в тишине ночной, почувствуешь ли непосильную тяготу своего послушания, повеет ли холодом в сердце дух уныния – спеши повторять в глубине души Архангельское Ей приветствие: «Богородице Дево, радуйся, Благодатная Марие, Господь с Тобою». О, как близка Она ко всем, кто призывает Ее с верою, кто вручает себя Ее матернему заступлению!

13. Получивши из рук Архиерея, служителя Христова, как бы из рук Самого Христа, Крест – всегда помни, сестра, что это тебе, идущей работать среди тьмы греха, скорбей и болезней, Христос дал зажженный светильник, при свете которого ты удобно и успешно совершишь свою спасательную работу. Когда ревет буря и волны бросают корабль, как щепу, – тогда капитан глаз не сводит с виднеющегося вдали маяка. Он твердой рукою направляет корабль к этой светящейся точке, так как уверен, что там спасение, тихая пристань, и не ошибается. Так и для тебя, сестра, Крест должен быть духовным маяком среди житейского моря. Крест Христов – это есть жизнь Христа. Господь наш, несмотря на бесчисленные и даже бешеные нападения сатанинской и человеческой злобы, всегда неизменно служил Отцу Своему, любил людей и их страдания, смирялся, благодарил, терпел даже до смерти и смерти Крестной, и вот в результате победа: воскресение и торжество христианских начал в мире. Значит, Крест есть символ всего самого возвышенного, благородного, святого, прекрасного. Он есть знамя победы. Отсюда и ты помни, что как бы ни были сильны нападения на тебя сатаны и людской злобы, как бы ни были вообще жестоки волны житейского моря, ты победишь их несомненно, если Крест Христов, а с ним и Жизнь Христова будут всегда сиять пред твоими глазами как духовный маяк. «Тихая пристань»: сознание исполненного христианского долга и отсюда мир души, затем и Воскресение уже для вечной блаженной жизни со Христом ждет тебя и тех, для которых ты трудилась.

Матушка Надежда и дети

Великая Княгиня Елисавета очень любила детей, – с благоговением вспоминала матушка Надежда. – В одиннадцать лет, когда Она держала на руках тельце умирающего маленького брата, Она сказала Господу: «Боже, Я не хочу выходить замуж, чтобы никогда не иметь детей – никогда так тяжело не страдать...» Но все дети России – стали Ее детьми. Сколько заботы на протяжении Своей жизни Она о них проявляла: «...нужно, чтобы дети состоятельных родителей с раннего детства знали и помнили, что есть еще дети и очень бедных родителей, которые не имеют не только комфорта в жизни, но даже нуждаются в необходимом, и что долг каждого человека... помочь этим несчастным, ни в чем не повинным детям... (Нужно) идти работать в дома богатые и убогие, в деревни наши темные, бедные и скорбные, где деятельность сестер так нужна, чтобы спасти простую женщину от нахлынувшей на нее мути безверия», – писала в одном из Своих писем Елисавета Феодоровна.

Детям о душе

Матушка Надежда с большой нежностью относилась к детям. Есть фотография, где она держит на руках маленькую девочку лет трех. Чужая детка сидит, молчаливо прижавшись к матушке, как к самой родной на свете.

Однажды к нам пришли девочка лет восьми со своей тетей... «Матушка, а почему мама говорит: платочек надевай, когда мы в Церковь идем?» – «Платок на голове – это знак для Ангелов, – улыбалась матушка, целуя ее головку. – Им от Бога велено: если видят покрытую головку – значит, эту душеньку надо особенно оберегать, охранять... Она платок носит – значит, смиряется, старается Богу угодить. Хочется ей полениться, а она встает на молитву, торопится в храм; хочется поиграть с подружками, но она мамочке обещала помочь и говорит себе: успею еще погулять, пойду разбросанное в своей комнате подберу и по местам разложу; трудно ей свои грехи называть, но она помнит: все святые – просили у Бога прощения, и всех их Господь взял к Себе – в Рай, и батюшка добрый, и дети к нему идут, как к своему папе. И уже не выдумывает себе ничего страшного. И после исповеди у нее – светло на душе. И она знает, что радуется ее Ангел-Хранитель. И все святые, как родные, молятся о ней – и душа это слышит. Где же еще нам так хорошо, как в Храме?»

– Я прошу маму рассказать мне про душу. А она говорит: мне некогда.

– Но у мамы, конечно, побольше забот, чем у нас с тобой... Душа – это самый святой и бесценный дар Бога – человеку. Это твой невидимый, прекрасный уголок Рая. Твой невидимый никому – храм, в который ты однаходишь, чтобы разговаривать с Твоим Господом и всеми святыми. Храм стоит в прекрасном саду, в котором поют птицы и цветут цветы. Все они не простые. Господь эти цветы изначально в каждой душе насадил: доброту, любовь к Богу, к маме и папе, ко всем людям, всему Божьему миру. Желание защищать маленьких и слабых, жалеть тех, кому больно и трудно. Тот, кто молится, размягчает

и поливает чудесную почву сада, и цветы становятся все чудеснее. Человек украшает храм своей души – святыми мыслями и чувствами, трудится – возвращая цветы добродетелей. А если не прилагать усилий – храм придет в запустение, как нежилой дом. Померкнет в нем Божий Свет, улетят из него Ангелы. Если не трудиться, не отгонять все плохие мысли и чувства, то земля окаменеет, и цветы начнут умирать. От тебя зависит, каким будет райский уголок твоей души. Бог подарил нам душу, чтобы приходить к нам – в гости. Он может прийти только в абсолютно чистое и святое место – потому что Он – Свят и Пречист. Он не может находиться там, где плохо убрано. Нельзя представить себе, что ты пришла в храм, где ты исповедуешься, а там беспорядок и грязь. Вот так и свой личный храм – нужно тщательно убирать: каяться всем сердцем во всем, что мы – сделали, сказали, подумали дурного. С покаянием открыть грех на исповеди, это значит – выгнать его вон из души, вымести грязь из храма. Береги в чистоте и святине свою душу, ибо у человека нет ничего дороже, чем она. Если собрать все сокровища на земле, то все эти горы золота и бриллиантов – ничего не стоят – по сравнению со стоимостью одной души: души твоей мамочки, твоего брата или – твоей собственной. Для этого мы и живем – чтобы наш храм и сад – радовали Ангелов, Святых и Самого Господа – и поддерживали тех, кому труднее жить... И тогда Христос будет всегда рядом с нами.

Мы заморожено слушали матушку. Это были не просто слова, они звучали светлой неземной силой. Рядом с нами дышал и цвел – живой уголок Рая. И я подумала: перед революцией многие люди не берегли святыню своей души: впустили в святилище скверные дела, слова и мысли. И через краткие годы русскую землю покрыли **руины храмов** – овеянный образ разоренных храмов человеческих душ, в которые не может прийти Христос.

Телевизор

– Матушка, кроме мультиков можно ли еще что-нибудь смотреть детям по телевизору?

– Я бы ничего не дала твоему сыну смотреть, да и тебе – тоже, – отрезала матушка. – Если с ребенком по-настоящему заниматься, читать вместе Евангелие, жития святых, говорить с ним, глядя ему в глаза, в его сердце – из глубины своего сердца – он это общение ни на какую белиберду не променяет. Ни на какую бесовскую приманку – не **поймается**. А так как нам – лишь бы освободиться от ребенка, то, конечно, он будет липнуть к телевизору, к сомнительным товарищам по двору и прочему. Если тебе предложат посадить ребенка в гадюшник, чтобы он тебе не мешал, небось возмутишься: да вы что?!.. А к телевизору – пожалуйста. Но укус духовной змеи – страшнее смерти: растлевая душу, он заживо готовит ее на жительство в преисподней. Точно так же и мы: если глубоко занимаемся рассмотрением своих грехов, более всего обеспокоены, как бы не огорчить Бога, требуем от себя настоящего покаяния, серьезно участвуем в литургической жизни, причащаемся – да нам телевизор – и на ум не придет. Так как мы будем защищены Святыми Ангелами. Одно воспоминание об этом ящике у христиан должно вызывать – самое брезгливое чувство, как при взгляде на помойку, в которую ему предлагают окунуться...

«Эх, темнота...»

Одна пятнадцатилетняя девочка, услышав много лет спустя после смерти матушки ее совет делать выписки из духовных высказываний, принесла мне тетрадь с несколькими цитатами.

Матиос Клаудис (XIX в.) – поэт и писатель. *Кто не хочет верить в Христа, когда-нибудь поймет, что никто другой не может устроить нашу судьбу. Я и ты этого не можем. Мы нуждаемся в том, чтобы Кто-то укреплял наш дух, Своими руками поддерживал наше усталое чело, когда мы станем умирать... И это может исключительно только Он, согласно тому, что о Нем написано, и мы не знаем другого, кого бы мы хотели иметь на Его месте.*

Эрнст Люриц Арндт (XIX в.) – государственный деятель и поэт. *Благоговение есть наивысшее чувство, которым обладает человеческая натура, оно является венцом всего естественного бытия. Это осталось таким, каким оно было вначале: вера – это великое, вечное, первоначальное; знание – это то малое, человеческое, производное.*

Исаак Ньютон (XVIII в.) – выдающийся математик, физик и астроном. *В своей жизни я познал две важные вещи: первая, что я – великий грешник, и вторая – что Иисус Христос – в неизмеримом величии – является моим Спасителем». Исаак Ньютон всегда снимал шляпу при слове «Бог» и в ответ на дифирамбы и рукоплескания в одном ученом обществе встал и просто сказал: Я не больше, чем мальчик, собирающий раковины на берегу Безбрежного Моря.*

Всемирно известный физиолог Павлов с улыбкой записал в своем дневнике времен революции рассказ о том, как, проходя мимо церкви, привычно снял шляпу, перекрестился и поклонился Дому Божию. Поодаль от него остановился солдатик, деревенский мальчик, в обмотках, лет восемнадцати. Он измерил ученого презрительным взглядом и произнес с уничтожающей интонацией: «Эх, – темнота...»

Великая Княгиня Елисавета и дети

Сестры Марфо-Мариинской Обители шли в самые ужасные трущобы, где иногда целые семейства ютились в одной комнате; обмывали, обшивали и кормили голодных или полуголодных детей, ухаживали за роженицами, убирали жилище, готовили теплую пищу. Особенное внимание Великая Княгиня обратила на детей, живших в ночлежных домах знаменитого Хитрова рынка, на сирот и беспризорных. Она устроила общежитие для мальчиков, где их нравственно и физически лечили и воспитывали; над другими детьми, оставшимися в своих жилищах, был установлен внимательный надзор. Из этих мальчиков составлялась артель посыльных, которая скоро стала известна всей Москве своей честностью и исполнительностью.

Елисавета Феодоровна вызывала глубокое доверие детских душ. Описываемый эпизод принадлежит времени русско-японской войны.

«...Великая Княгиня устроила в Большом Кремлевском Дворце склад Красного Креста помощи раненым, который Она ежедневно посещала. Там имелись отделы приема пожертвований, отправки посылок, швейная и закройная мастерские, заготовка бинтов и так далее. Елисавета Феодоровна лично принимала пожертвования. Некоторые из них были очень трогательны: например, дети одного приюта принесли для раненых сахар, который они сэкономили, отказавшись от полагавшейся им к чаю порции. Один мальчик принес живую курицу, которую он жертвовал в лазарет, с тем, чтобы яйца от нее шли самым тяжело раненым; в узелочке он принес корм для курицы, чтобы она не голодала на первых порах. Великая Княгиня тоже лично благодарила его и обещала позаботиться, чтобы за курицей был надлежащий уход...³⁰»

Книги для детей

Одна знакомая говорила матушке: «Как грустно, что нет для наших детей ни духовных рассказов, ни стихов, ни песнопений». – «Придет время, они еще будут напечатаны, еще порадуетесь вместе с детьми», – ответила матушка. Из лучшего, что сегодня можно подарить нашим детям: «Блажени чистые сердцем...» – замечательный труд монахини Серафимы (Осоргиной) о Сережке Старке – святом нашего века, который не дожил до своих 10 лет; Антуан де Сент-Экзюпери «Маленький Принц»; книги выдающегося белорусского педагога Бориса Ганаго. Хотелось бы, чтобы эти издания пришли в каждый христианский дом.

Спасение из огня. Из сборника Б. Ганаго «Детям о молитве»

Накануне Рождества крестьянская семья ждала возвращения отца, который должен был привезти домой деньги за свои многомесячные труды. Волнуясь об отце, Федя, старший сын, поднялся на холм и стал в снег на колени: «Господи, помоги моему папе вернуться домой. Спаси его и от волков, и от Мишки Петрова (разбойник, который грабил, а иногда и убивал людей в окрестных лесах). Спаси и самого Мишку. Он несчастный, потому что не узнал Тебя. Не знает, как Ты всех Любишь, Любишь – и его. Боже, спаси Мишку». Мальчик встал и пошел к дому. Он не услышал чей-то глубокий вздох, почти стон, прозвучавший ему вслед».

Вскоре вернулся отец, и вся семья радостно встретила Рождество. А спустя несколько дней на хутор устроился работать угрюмый мужчина... Через несколько дней хутор запылал. Обреченного на смерть Федю спас новый работник, получивший страшные ожоги. «Несмотря на страдания, лицо его было спокойно. Он допросил позвать Федю и, преодолевая боль, сказал ему:

– Я – Мишка Петров, разбойник. На Рождество я хотел ограбить твоего отца, но услышал, как ты молился за меня. Господь, по твоей молитве, совершил чудо: я раскаялся и начал новую жизнь. – Он перевел дыхание и продолжил: – Федя, дай мне руку. Я спас тебя от огня земного, ты помолишься, чтобы Господь спас меня от огня – **вечного**.

Сказав это, он закрыл глаза и затих, а лицо его светилось каким-то неземным светом».

Сегодня нетрудно приобрести добрые христианские книги, духовные стихи и песнопения для детей. Надо обязательно читать детям стихи Ивана Никитина:

...Молись, дитя: тебе внимает
Творец бесчисленных миров,
И капли слез твоих считает,
И отвечать тебе готов.

Недавно мне подарили аудиопленку с детскими
колыбельными. Там есть, например, такие слова:

Баю-баюшки баю, есть местечко ли в Раю?

Хоть на самом краешке? Баю-баю-баюшки...

И еще одна старинная колыбельная:

Спы, Иисусэ, спы,

Спатонькы ходы.

Тебэ буду колысаты,

песэнкамы прысэпляты,

песэнкамы прысэпляты,

Люли, Сердэнько, люди.

Спы, Лэлико, спы,

Головку склоны,

Ты на ручонкы Марии,

Так Вона Тебя лэлие,

Так Вона Тебя лэлие.

Люли, Сердэнько, люли.

Спы, Убогий, спы, .

Ручонкы зложы.

Йосифа ще нэ видаты,

Нэсэ хлибца Тоби даты,

Нэсэ хлибца Тоби даты,

Люли, Сердэнько, люли.

Спы, Тэрпице, спы,

Очко заплющи.

Не пытай, шо колысь будэ,

Что зготовлят Ти – Крест люди,

Что зготовлят Ти – Крест люди.

Люли, Сердэнько, люли.

Спы, Иисусэ, спы,

А сэрджэ – молы.

Я пры Ньому спочываю,

Тут на земли и там – в Раю,

Тут на земли и там – в Раю.

Люли, Сердэнько, люли.

Бессмертная сказка для детей и взрослых

Разговаривая с одной матерью, матушка советовала ей читать с детьми книги Ганса Христиана Андерсена. «Эти сказки написаны глубоко верующим человеком, их и взрослым неврдно перечитывать», – говорила она. Но мы знаем, что произведения великого сказочника, выпущенные в советское время, были лишены – всех христианских мест. Особенно пострадала «Снежная королева».

Первые же строки сказки были значительно искажены, а многие замечательные страницы вообще изъяты из миллионов книг. Вот как начиналась «Снежная королева» у самого Андерсена:

«..Дойдя до конца нашей истории, мы будем знать больше, чем теперь. Так вот, жил-был тролль, злющий-презлющий; то был – сам дьявол. Раз он был в особенно хорошем расположении духа: он смастерил такое зеркало, в котором все доброе и прекрасное уменьшалось донельзя, все же негодное и безобразное, напротив, выступало еще ярче, казалось еще хуже. Прелестнейшие ландшафты выглядели в нем вареным шпинатом, а лучшие из людей – уродами, или казалось, что они стоят кверху ногами. Лица искажались до того, что нельзя было и узнать их... Дьявола все это ужасно потешало. Добрая, благочестивая человеческая мысль отражалась в зеркале невообразимой гримасой, так что тролль не мог не хохотать, радуясь своей выдумке. Все ученики тролля – у него была своя школа – рассказывали о зеркале как о каком-то чуде.

– Теперь только, – говорили они, – можно увидеть весь мир и людей в их настоящем свете!

И вот они бегали с зеркалом повсюду; скоро не осталось ни одной страны, ни одного человека, которые бы не отразились в нем в искаженном виде. Напоследок захотелось им добраться и до неба, чтобы посмеяться над Ангелами и Самим Творцом. Чем выше поднимались они, тем сильнее кривлялось и корчилось зеркало от гримас; они еле-еле удерживали его в руках. Но вот они поднялись еще, и вдруг зеркало так

перекосило, что оно вырвалось у них из рук, полетело на землю и разбилось вдребезги. Миллионы, биллионы его осколков наделали, однако, еще больше бед, чем само зеркало. Некоторые из них были не больше песчинки, разлетелись по белу свету, попадали, случалось, людям в глаза и так там и оставались. Человек же с таким осколком в глазу начинал видеть все наыворот или замечать в каждой вещи одни лишь дурные стороны – ведь каждый осколок сохранял свойство, которым отличалось самое зеркало. Некоторым людям осколки попадали прямо в сердце, и это было хуже всего: сердце превращалось в кусок льда. Были между этими осколками и большие, такие, что их можно было вставить в оконные рамы, но уж в эти окна не стоило смотреть на своих добрых друзей. Наконец, были и такие осколки, которые пошли на очки, только беда была, если люди надевали их с целью смотреть на вещи и судить о них вернее! А злой тролль хохотал до колик, так приятно щекотал его успех этой выдумки. Но по свету летало еще много осколков зеркала...»

«В большом городе жили двое бедных детей. Они не были в родстве, но любили друг друга, как брат и сестра.

Розы цвели все лето восхитительно. Девочка выучила псалом, в котором тоже говорилось о розах; девочка пела его мальчику, думая при этом о своих розах, и он подпевал ей:

Розы цветут... Красота, красота!

Скоро узрим мы Младенца Христа.

Дети пели, взявшись за руки, целовали розы, смотрели на ясное солнышко и разговаривали с ним – им чудилось, что с него глядел на них Сам Младенец Христос. Что за чудное было лето, и как хорошо было под кустами благоухающих роз, которые, казалось, должны были цвести вечно!»

Вот все, что оставлено от этого отрывка в книгах советского периода: «Дети пели, взявшись за руки, целовали розы, смотрели на солнечное сияние».

(Однажды) «Кай и Герда сидели и рассматривали книжку с картинками... На больших башенных часах пробило пять.

– Ай! – вскрикнул вдруг мальчик. – Мне кольнуло прямо в сердце и что-то попало в глаз!

Девочка обвила ручонкой его шею, он мигал, но в глазу ничего как будто не было.

Должно быть, выскочило! – сказал он.

Но в том-то и дело, что нет. В сердце и в глаз ему попали два осколка дьявольского зеркала, в котором, как мы, конечно, помним, все великое и доброе казалось ничтожным и гадким, а злое и дурное отражалось еще ярче, дурные стороны каждой вещи выступали еще резче. Бедняжка Кай! Теперь сердце его должно было превратиться в кусок льда! Боль в глазу и в сердце уже прошла, но сами осколки в них остались³¹.

– О чем же ты плачешь? – спросил он Герду. – У! Какая ты сейчас безобразная! Мне совсем не больно! Фу! – закричал он вдруг. – Эту розу точит червь! А та совсем кривая! Какие гадкие розы! Не лучше ящиков, в которых торчат!

И он, толкнув ящик ногою, вырвал две розы.

– Кай, что ты делаешь? – закричала девочка, а он, увидя ее испуг, вырвал еще одну и убежал от миленькой маленькой Герды в свое окно.

Приносила ли после того ему девочка книжку с картинками – он говорил, что эти картинки хороши только для грудных ребят; рассказывала ли что-нибудь старушка бабушка – он придирался к словам. Да если бы еще только это! А то он дошел до того, что стал передразнивать ее походку, надевать ее очки и подражать ее голосу! Выходило очень похоже и смешило людей. Скоро мальчик научился передразнивать и всех соседей – он отлично умел выставить напоказ все их странности и недостатки – и люди говорили: «Что за голова у этого мальчугана!»

А причиной всему были осколки зеркала, что попали ему в глаз и сердце.

Потому-то он передразнивал даже маленькую Герду, которая любила его всем сердцем»...

(Однажды зимой Кай пошел кататься на санках). «В самый разгар веселья на площади появились большие сани... в них сидел человек, весь ушедший в белую меховую шубу и такую же шапку. Кай живо привязал к ним свои санки и покатил... Потом он несколько раз порывался отвязать свои санки, но

человек в шубе кивал ему, и он ехал дальше. Вот они выехали за городские ворота. Снег повалил вдруг хлопьями, стемнело так, что кругом не было видно ни зги. Мальчик поспешно отпустил веревку, которою зацепился за большие сани, но санки его точно приросли к большим саням и продолжали нестись вихрем. Кай громко закричал – никто не услышал его! Снег валил, санки мчались, ныряя в сугробах, прыгая через изгороди и канавы. Кай весь дрожал, хотел прочесть «Отче наш», но в уме у него – вертелась одна таблица умножения».

Слова, которые вместо приведенного отрывка читали дети в 60-е и 80-е годы: «Кай громко закричал – никто не услышал его. Снег валил, санки мчались, ныряя в сугробах, прыгая через изгороди и канавы. Кай весь дрожал».

«Вдруг сани остановились.

– Славно проехались! – сказала Снежная королева. – Но ты совсем замерз? Полежай ко мне в шубу!

И, посадив мальчика к себе в сани, она завернула его в свою шубу; Кай словно опустился в снежный сугроб.

Все еще мерзнешь? – спросила она и поцеловала его в лоб.

У! Поцелуй ее был холоднее льда, пронизал его холодом насквозь и дошел до самого сердца, а оно и без того уже было наполовину ледяным. Одну минуту Каю казалось, что вот-вот он умрет, но нет, напротив, стало легче, он даже совсем перестал зябнуть...

Снежная королева поцеловала Кая еще раз, и он – позабыл Герду, и бабушку, и всех домашних... (Сани неслись по воздуху.) Над ними сиял большой ясный месяц. На него смотрел Кай всю долгую зимнюю ночь. Днем он спал у ног Снежной королевы».

«Твоя душа – все еще жива? Ты еще не обесчеловечился – до конца?» – как будто интересуются авторы сегодняшних «детских» передач по ТВ. И фильмы, созданные для уничтожения детских душ, – сменяются следующими, еще более низменными... С той же единственной целью – расчеловечивания человека – создаются фильмы и для взрослых. В православной видеоленте: «Кто качает колыбель?» есть несколько незабываемых кадров: среди толпы подобных ему детей, сидящих за компьютерными играми на уроке! –

мальчик, лет девяти, произносит неправдоподобным механическим голосом: «Я настигаю двадцать седьмого и – убиваю! Когда я убью – тридцатого, мне дадут – десять долларов...» Что останется от душ наших детей – в результате этой запланированной адом обработки?! Недопустимо молчаливое согласие родителей на подобные эксперименты с нашими детьми в школе и где бы то ни было. Как будем отвечать на Страшном Суде – за соучастие в убиении душ наших собственных детей?

Мы помним, как Герда решила ценой любых лишений найти и – вернуть Христу названного брата. И после мучительных многолетних поисков она достигла входа в ледяное царство зла.

«...Олень добежал до куста с красными ягодами; тут он опустил девочку, поцеловал ее... и из глаз его покатались крупные блестящие слезы. Затем он стрелой пустился назад. Бедная девочка осталась одна-одинешенька – на трескучем морозе, без башмаков, без рукавиц.

Она побежала вперед что было мочи; навстречу ей несли целый полк снежных хлопьев, но они не падали с неба – небо было совсем ясное, и на нем пылало северное сияние, – нет, они бежали по земле прямо на Герду и по мере приближения становились все крупнее и крупнее. Герда вспомнила большие красивые хлопья под зажигательным стеклом, но эти были куда больше, страшнее, самых удивительных видов и форм и все – живые. Это были передовые отряды войска Снежной королевы. Одни напоминали собой больших безобразных ежей, другие – стоголовых змей, третьи – толстых медвежат с взъерошенной шерстью. Но все они одинаково сверкали белизной, все были живыми снежными хлопьями».

Следующий абзац был полностью вычеркнут из всех советских изданий: «Герда начала читать «Отче наш»; было так холодно, что дыхание девочки сейчас же превращалось в густой туман. Туман этот все сгущался и сгущался, но вот из него начали выделяться маленькие светлые Ангелочки, которые, ступив на землю, вырастали в больших грозных Ангелов со шлемами на головах и копьями и щитами в руках. Число их все

прибывало, и когда Герда окончила молитву, вокруг нее образовался уже целый легион. Ангелы приняли снежных страшилищ на копья, и те рассыпались на тысячи снежинок. Герда могла теперь смело идти вперед; Ангелы гладили ее руки и ноги, и ей не было уже так холодно. Наконец девочка добралась до чертогов Снежной королевы.

Посмотрим же, что делал в это время Кай. Он и не думал о Герде, а уж меньше всего о том, что она стоит перед замком.

Стены чертогов Снежной королевы намела метель, окна и двери проделали буйные ветры. Сотни огромных, освещенных северным сиянием зал тянулись одна за другой; самая большая простиралась на много-много миль. Как холодно, как пустынно было в этих белых, ярко сверкающих чертогах!

Кай совсем посинел, почти почернел от холода, но не замечал этого – поцелуи Снежной королевы сделали его нечувствительным к холоду, да и само сердце его стало куском льда. Кай возился с плоскими остроконечными льдинами, укладывая их на всевозможные лады. Это называлось «ледяной игрой разума»...

(Снежная королева улетела), Кай остался один в необозримой пустынной зале, смотрел на льдины и все думал, думал, так что в голове у него трещало. Он сидел на одном месте – такой бледный, неподвижный, словно неживой. Можно было подумать, что он замерз.

В это время в огромные ворота, проделанные буйными ветрами, входила Герда. (В советских изданиях: «И перед нею ветры улеглись, точно заснули». В подлиннике у Андерсена: «Она прочла вечернюю молитву, и ветры улеглись, точно заснули»). Она свободно вошла в огромную пустынную ледяную залу и увидела Кая. Девочка сейчас же узнала его, бросилась ему на шею, крепко обняла его и воскликнула:

– Кай, милый мой Кай! Наконец-то я нашла тебя!

Но он сидел все такой же неподвижный и холодный. Тогда Герда заплакала; горячие слезы ее упали ему на грудь, проникли в сердце, растопили его ледяную кору и расплавили осколок. (Следующие несколько строк в прежних книгах отсутствовали.) Кай взглянул на Герду, а она запела:

Розы цветут... Красота, красота!
Скоро узрим мы Младенца Христа.

Кай вдруг залился слезами и плакал так долго и так сильно, что осколок вытек из глаза вместе со слезами. Тогда он узнал Герду и очень обрадовался.

– Герда! Милая моя Герда!.. Где же это ты была так долго? Где был я сам? – И он оглянулся вокруг. – Как здесь холодно, пустынно!

И он крепко прижался к Герде. Она смеялась и плакала от радости... Герда поцеловала Кая в обе щеки, и они опять зацвели розами, поцеловала его в глаза, и они заблестали, как ее глаза... Кай с Гердой рука об руку вышли из пустынных ледяных чертогов; они шли и говорили о бабушке, о своих розах, и на пути их стихали буйные ветры, проглядывало солнышко.

...Они шли, и на их дороге расцветали весенние цветы, зеленели травы. Вот раздался колокольный звон, и они узнали колокольни своего родного городка. Они поднялись по знакомой лестнице и вошли в комнату, где все было по-старому: так же тикали часы, так же двигалась часовая стрелка. Но, проходя в низенькую дверь, они заметили, что успели за это время сделаться взрослыми людьми. Цветущие розовые кусты заглядывали с крыши в открытое окошко; тут же стояли их детские стульчики. Кай с Гердой сели каждый на свой и взяли друг друга за руки. Холодное, пустынное великолепие чертогов Снежной королевы было забыто ими, как тяжелый сон. Бабушка сидела на солнышке и громко читала Евангелие: *Если не будете как дети, не войдете в Царствие Небесное!*

Кай и Герда взглянули друг на друга и тут только поняли смысл старого псалма:

Розы цветут... Красота, красота!
Скоро узрим мы Младенца Христа.

Так сидели они рядышком, оба уже взрослые, но дети сердцем и душой, а на дворе стояло теплое, благодатное лето!

В доброй книге Бориса Ганаго «Будем как дети», сравнивая разные тексты «Снежной королевы» Андерсена, мальчик с удивлением спрашивает: «Почему в первой книге нет ничего про

Христа?» – «Кто-то хотел заморозить наши сердца, чтобы и мы видели мир перевернутым и безобразным, – ответила бабушка. – Сказка у нас – в быль превратилась. Почти вся страна стала безбожной... Теперь у многих в голове вертится только таблица умножения: цены, прибыли, проценты. Как в калькуляторе. Вертится, вертится, а в это время замерзают сердца... И нам подсунули кривое зеркало и внушили, что наш предок – обезьяна. Тогда мы и стали вести себя, как и подобает потомкам гориллы. Образ Божий, искра Божия в человеке растаптывались. Все было перевернуто вверх ногами...»

В страшные «ледяные игры разума» играют сейчас многие. Кто-то хочет, чтобы все человечество стало в них играть. Чтобы народы исказили свой внутренний мир настолько, что вместо людей, созданных по образу и подобию Божию, землю заселили бесчеловечные подобию людей³². Чтобы все, призванные быть детьми Отца своего Небесного, согласились стать похожими – на хладного князя тьмы кромешной. Защити нас, Господи Иисусе Христе, от всех враг, видимых и невидимых, на каждый день и час оставшегося нам времени.

Архангел Михаил

Однажды мы говорили с матушкой Надеждой о том, что все маленькие дети, как безгрешные, видят Ангелов. Просто многие это потом забывают. В тот вечер я рассказала матушке эпизод из своего детства... Позже, в Дивееве, меня благословил описать этот случай отец Владимир.

Вере ее не учили, но в семь лет, перед школой, один раз привели в церковь и, ничего не объяснив, причастили. Девочка забыла множество последующих дней и месяцев, но день святого Причастия запечатлелся в ее душе, как драгоценный камень среди глиняных черепков. Церковь была неземной красоты с цветными стеклами-витражами. И до конца дней она будет помнить, как в день Причастия сквозь стройные, высокие окна струились потоки света и становились нежно-разноцветными: голубыми, желтыми, красными...

Ее притягивала церковь, но сама она не решалась в нее зайти. Однажды в дом позвонили, ей было лет девять (хрущевское время). Она увязалась за бабушкой и услышала от пришедшей: «Принято решение сломать храм, мы собираем подписи: просим сохранить его, как памятник архитектуры, хотя бы под краеведческий музей...» Девочку пронзили слова бабушки: «Простите, но я учительница, я не могу поставить свою подпись». Ей стало не по себе, а потом просто плохо, как будто ее лишили чего-то главного, на чем незримо и твердо стояла ее маленькая жизнь. Она долго не могла взглянуть в глаза любимой бабушки, которая учила ее только добру, жизни по Евангельским заповедям, хотя и не упоминая имени Бога. Этот ответ был тем более страшен, что бабушка была дочерью священника, хранила от чужих глаз икону и, хотя никогда не говорила с девочкой о Боге, но была несомненно верующей в душе. Ее отец, деревенский священник, пропал без вести в годы революции, и этот отказ был продиктован страхом, за будущее внуки.

И церковь начали ломать. Ее кирпичная кладка была скреплена особым старинным составом: каждая семья полтора

века назад принесла по несколько десятков яиц, чтобы храм был прочным. И стены, будто литые, не поддавались. Тогда их стали сверлить, чтобы потом, подкладывая динамит, взрывать частями. Белый храм покрыла черная зловещая сеть просверленных тропинок, как будто в стены вгрызалась темная сила. Шум улиц не в силах был заглушить бронебойный звук – звук расстрела прямой наводкой. Он мерещился девочке по ночам. Работы шли допоздна. Она боялась подойти ближе.

Однажды девочка проснулась ранним утром, бесшумно оделась и вышла на цыпочках, оглядываясь на спящих маму и бабушку, прикрыла за собой входную дверь. Прижав руки к бьющемуся сердцу, как будто за ней гнались и могли поймать, она бежала по пустым улицам к храму. Входная дверь с частью стен были полностью разрушены, ступени – завалены обломками свода, часть потолка зияла провалом. Остатки красивых плит пола покрыты грудami битого кирпича, большими и мелкими кусками рухнувшей штукатурки. Затаив дыхание, со страхом и трепетом, она вошла в притвор, как в святилище, вспоминая со щемящим чувством, как входила сюда в первый раз, когда ей было семь лет. Она не могла бы объяснить охватившее ее волнение. На двери, ведущей в церковь, висел огромный амбарный замок. Девочка подняла глаза и увидела, что прекрасный крылатый юноша в голубых ризах, который встречал с веткой белой лилии всех входящих, избит камнями: стена была в выбоинах от острых ударов – фреску соскоблили до самого кирпича. Среди руин, готовых превратиться в грудy щебня, одиноко стоял Ангел в красных одеждах – последний, оставшийся от той удивительной жизни, которая недавно здесь царила. Никогда прежде не пережитые скорбь и горе охватили детское сердце. Как будто на что-то самое прекрасное и на ее собственную душу – посягало совершившееся зло. Она робко подняла голову, с благоговением взглянула в лицо прекрасного Ангела, имени которого не знала. И встретила с живым взглядом! И вдруг, будто Он наклонился к ней... Нет, этого не могло быть. Но настолько глубоко Он заглянул в ее глаза, понимая и разделяя, как никто никогда на свете, те боль и страдание, которые она сейчас переживала всем своим

существом. Как будто ее душа была абсолютно прозрачна, ничем не защищена, и этот взгляд пронизал ее насквозь. Она не знала, что так бывает. Подобное в детской жизни не повторилось. Что-то особенное: горе и одновременно утешение от разделенности никогда не пережитого ранее высокого чувства – прихлынули к сердцу. Вся маленькая душа, сотрясаясь – неудержимо заплакала. Девочка бежала домой, не видя улиц и домов, а только этот Божественный, невыразимо Милостивый взор, который говорил о возможности Иной Жизни, где побеждают Правда, Любовь, Благородство. Жизни, где зло просто невозможно, и Любовь – всесильна.

Отец Владимир отозвался на этот рассказ: «Когда человек обращается к Богу всем своим страданием, оно имеет силу низвести на землю сочувствие святых и Ангелов. Как больно видеть разоренный храм... Как страшно видеть разоряемую дьяволом душу...»

«Есть дома, в которых дети вырастают, никогда не услышав молитвы от своих отцов и матерей и не получив никакого обучения духовного. С другой стороны, есть дома, где постоянно ярко горит лампада, где постоянно говорят слова Любви ко Христу, где детей с ранних лет учат тому, что Бог их Любит, где они учатся молиться, едва начав лепетать. И, спустя долгие годы, память об этих священных мгновениях будет жить, освещая темноту лучом света, вдохновляя в период разочарования, открывая секрет победы в трудной битве, и Ангел Божий поможет преодолеть жестокие искушения и не впасть в грех.

Жизненно важно – значение среды. Мы еще не вполне понимаем, как много значит атмосфера в доме, где растут дети, для становления их характера. Самое первое место для нас, где мы учимся правде, честности, любви, – это наш дом – самое родное место для нас в мире.

На трудном жизненном пути родителей есть место для ребенка, где он может беззаботно разбрасывать цветы. За любовь родителей детям следует платить такой же любовью и благодарностью на протяжении всей их жизни, до конца дней.

Как счастлив дом, где все – дети и родители, без единого исключения – вместе верят в Бога. В таком доме царит радость дружбы и единства. Такой дом, как преддверие Неба. В нем никогда не может быть отчуждения» (Из дневников Государыни Императрицы Александры Феодоровны).

Мама

Моя милая мамочка, как же я перед тобой виновата... Я хотела бы начать эти воспоминания какими-нибудь другими словами, но у меня ничего не получается. И звучит только это: родная моя, как я перед тобой виновата! Хотя все, знавшие нас, не подумали бы меня обвинить. Радость моя, я знаю, что ты полностью прощаешь свою никчемную дочь, как сиюминутно прощала каждый день при жизни. Милостью Божией, ты с детства научила меня просить прощения. И я делала это без затруднений. Хотя ты и прощала меня, но, не дай Бог, – мне забыть все те «мелкие грехи», которые предстали передо мной так ярко и отчетливо, отозвались столь глубокой болью – после твоей смерти. Любимая моя, Богом данная душа, Христос поручил тебе воспитать меня, отвечать за меня... Как я недостойна, Господи, дарованной Тобой матери.

Моя мама была самым скромным человеком, какого можно себе представить. Она говорила: «Я всю жизнь была бездарная, училась с тройками. Слава Богу, что ты не похожа на меня». Мне безмерно жаль, что я не похожа на тебя – в главном смысле этого слова: по сей день не имею ни одной из твоих добродетелей, которые были для тебя столь естественны, что ни ты, ни окружающие – их совсем не замечали. Всех людей мама видела значительно лучшими себя. Помню, как она постоянно молчаливо любовалась внутренней красотой душ человеческих. Из-за того, что она искренно любила людей, всем было рядом с ней легко и хорошо. Когда к нам приходили мои подруги, на всем свете оставались – только их проблемы, скорби и радости. Сколько я помню, мама никогда никому не рассказывала о себе: ни о болезнях, ни о каких-либо случаях из жизни, столь незначительной она видела сама себя.

Она была инженером-строителем по образованию, и мне казались приземленными ее работа и интересы. Только став верующей, я оценила, как маму уважали рабочие строек, которые были под ее руководством. Если она приходила на строительный участок – сквернословие становилось

невозможным. Эти простые люди ценили то, что мама никогда не снимала людей с работы, чтобы использовать их для личных ремонтов или построек, у мамы не было ни дачи, ни дома. И квартира, которую она должна была получить по очереди, досталась другому начальнику. Возмущенные несправедливостью люди говорили ей: «Да вам, Галина Петровна, бесплатная дача полагается. Мы вам через забор – гору стройматериалов накидаем». Мама с улыбкой увещевала их: «Что вы говорите, это же воровство!» Если ей нужны были какие-то доски для мелкого ремонта, типа починки обветшавших ступенек крыльца, она выписывала их и оплачивала по накладной. Мама заботилась о семейном благополучии своих рабочих: хлопотала о пособиях, улучшении жилищных условий, путевках в санатории со скидкой. Сама не отдыхала ни в каких домах отдыха и год за годом продолжала снимать комнату у чужих людей, получая самую низкую зарплату из всех возможных при ее должности.

С десяти лет я утопала в чтении бесчисленных томов всемирной литературы, особенно ценила книги из серии ЖЗЛ. Обыденная жизнь нашего маленького города казалась мне мелкой и серой. Я мечтала об общении с яркими, талантливыми людьми, о столичном ВУЗе, увлекалась литературой, живописью, выписывала из Ленинграда пластинки с классической музыкой, писала стихи... Жажда «духовной жизни» – без веры во Христа – привела меня к занятиям йогой, восточной философией и, наконец, экстрасенсорикой. Знакомые уверили меня, что я смогу этим «безвредным» видом лечения снимать боли у тяжело страждущего рядом со мной человека. Таким образом, не желая и не подозревая худа, я увязла в смрадном болоте демонической духовности. Господь устроил мою жизнь так, что за считанные годы семейной жизни (другие приобретают эти познания десятилетиями), я узнала о существовании ада и его непосредственной к нам – близости. Вдоволь нахлебавшись горя, похоронив мужа, чудом Божией Милости, я стала верующим человеком. Встретила на своем жизненном пути, за чьи-то небесные молитвы, – замечательных православных людей: своего первого старца – протоиерея

Николая С., мать Веру (в схиме Илиодору), протоиерея Александра Ш., матушку Надежду, иеромонаха Владимира Ш. – удивительного Дивеевского пастыря. Из страшных оккультных заблуждений меня извлекли книги теперь уже местно-чтимого в Америке Преподобного Серафима Платинского (Роуза). Прости и прости меня, Господи, так как не без моих усилий мама разделяла многие мои заблуждения. Но когда я пришла к вере, она вошла в Церковь столь естественно, как будто из нее не выходила. Врожденный дух маминой кротости, которого до сих пор в помине не имею, глубоко роднил ее с истинным христианством.

Мама рассказывала мне, как в раннем детстве ее дедушка, отец Филипп, священник села Бесплемяновское Урюпинского уезда, на Волге, ставил ее с братом на колени – перед святым углом, где всегда горела лампадка, и малые дети, старательно крестясь, повторяли вслед за дедушкой: *«Отче наш, Иже еси на Небесех, Да святится Имя Твое...»* и *«Богородице Дево радуйся...»* Матушка отца Филиппа в сорок лет, в ожидании пятого ребенка, однажды правила лошадьми; они были чем-то напуганы и внезапно перешли в галоп. Перед глубоким оврагом, куда неслись обезумевшие животные, она выпрыгнула из телеги и упала животом на камень. Ребенок родился мертвым, вслед за ним ушла из жизни – матушка. Так отец Филипп в сорок пять лет остался вдовцом. Он написал в Царицыно (будущий Волгоград) подробное письмо своей сестре. И тетя Дарья заменила детям мать. Всю нелегкую сельскую работу батюшка исполнял сам. Однажды он косил траву для коровы и нечаянно ранил косой куропатку. *«Никогда не забуду, – вспоминала мама, – как этот высокий, сильный человек стал на колени, взял окровавленную птичку в руки и – заплакал. Столько лет прошло, но это горе, его внутренняя боль, – остались у меня в душе».* Поминаю слова матушки Надежды: *«Прежнее время очень сильно отличалось от нынешнего. Иные мысли и чувства были у людей».* Детство, проведенное в дедушкином селе среди родной природы, постоянные церковные службы, молитвенный настрой дома, где дети присутствовали при всех утренних и вечерних правилах, – стали светлым основанием маминой

жизни. На праздники приезжали от разных концов четверо взрослых детей батюшки и вставали на клирос. У всех были разные голоса – получался квартет, и в храме говорили: «Ну, Яровые – запели». **Как**, получив православное воспитание, можно было многие годы жить при советском режиме, – без покаяния и Церкви, – является для меня величайшей загадкой. Слава Богу, мама крестила меня в младенчестве. Став верующей, я, прости Боже, осуждала своих родных за то, что выросла, не зная Бога. Осмысленно и серьезно пришла в Церковь на четвертом курсе института. Сдав госэкзамены, наложила на себя строгий недельный добровольный пост и поехала в Лавру Преподобного Сергия, чтобы исповедать весь свой «атеизм»: ответы по предметам марксистско-ленинской философии и т.п. В Лавре я услышала от худенького седого монаха: «Осуждаешь родителей за то, что не воспитали тебя в вере?! Да ты сама – во всем виновата. Если бы у тебя было чистое сердце, – то Бог нашел бы возможность привести тебя к Себе! Вот великомученица Варвара, имея сердечную чистоту, – была наставлена – Самим Богом». И он рассказал известное житие, осветив его с новой для меня стороны.

Несмотря на то что мои близкие жили вне Церкви, среди семейных воспоминаний, как реликвия, хранились эпизоды времен войны. Всю жизнь мама с бабушкой с ярким переживанием вспоминали, как уходили из горящего Сталинграда, бросив все вещи (мама особенно жалела свое пианино с канделябрами и профилем Шопена). Бомбили мост, страшные взрывы сотрясали землю и воздух, люди разбегались, не помня себя от ужаса. «Мы с мамочкой, – вспоминала мама, – бежали, прижав к груди икону Владимирской Божией Матери, губы шептали неизвестную молитву... Слева и справа падали убитые. Один Бог знает, как мы уцелели...» Потом многие недели они шли пешком, возвращаясь в город, где когда-то жила бабушка. Здесь она закончила педучилище, и ее муж стал его директором, продолжая преподавать историю и литературу. Родных в Каменске не осталось. Беженцы сняли комнату у одинокой вдовы. Однажды утром они встали после ночной бомбежки, а

второй половины дома, где жила хозяйка, – нет. Вместо нее – глубокая воронка, будто ножом отрезано по стену, за которой были мама и бабушка. Когда окрестности заняли немцы, мои родные, работая в детском доме, были эвакуированы из города и жили в лесу. С раннего утра мама шла собирать грибы, ягоды, травы и коренья. И готовила скудную еду, спасая от голодной смерти детей. Милостью Божией, – пережили и это. Вернувшись в Церковь, мама переосмыслила все эти события и глубоко благодарила Бога. Сколько настоящих чудес в жизни каждого православного, которые мы все – недостаточно оценили – недостаточно поблагодарили за них Творца.

Мама всегда замечала тех, кому трудно, и спешила подставить свое плечо. Часто она подходила в метро или на улице к старушкам, несущим тяжести, и брала чужую ношу на себя, сама будучи пожилым человеком, который не отличался здоровьем. Скольким людям она незаметно для окружающих и совершенно безвозмездно помогала: то поштукатурит чужой фундамент, то починит утюг, то поможет посадить огород... И все так тихо, молчаливо, будто это было ее личной обязанностью, будто она делала это – для себя. Не имея мужских рук в семье, мама выучилась все делать сама. Когда к части дома (который мы получили в наследство от умершего дедушки) нужно было пристроить коридор на высоком фундаменте, были наняты рабочие. Но на второй день они, отмечая какую-то дату, уже не пришли, не появились на второй и третий день. Мама вздохнула, и вдвоем с приехавшим в отпуск братом они сложили фундамент, возвели под крышу кирпичные стены. Не дождавшись очередных специалистов, мама самостоятельно выстроила высокую прочную лестницу. С усердием бралась она за любую работу, все спорилось в ее руках. И, казалось, что это естественно, никто этого не замечал, не хвалил. Много лет спустя мне рассказали об одном монастыре, где люди десятилетия несут одно послушание: например, тридцать лет послушница моет кастрюли. И никто никого не хвалит. Услышав эти слова, я вспомнила свою маму. Она никогда не желала и не ждала никакого одобрения, искренно считая себя недостойной. При этом мама умела

глубоко чтить других людей. Тонко ценила чужие способности и таланты. Вернувшись в Церковь, она многие годы была на послушании в доме священника. И его матушка говорила мне: «Видела я в жизни – одного смиренного человека – это ваша мама». В ее обязанности входила вся домашняя работа и уход за маленьким сыном батюшки. За что бы она ни бралась, все делала с кротостью и любовью.

Светлана, ближайший друг нашего дома, необыкновенно любила мою маму. И постоянно делала мне замечания: «Ты очень мало уделяешь мамочке времени, ты мало о ней заботишься и совсем ее не утешаешь». Однажды, будучи у нас в гостях, Света, желая сделать приятное маме, спела нам старинный монастырский кант. Помню ее улыбку, когда она поклонилась матушке и маме и сказала: «Это песнопение посвящается всем дорогим мамам!». «И твоей чудесной маме, обязательно», – добавила я.

Мы считали себя счастливейшими на свете, будучи полностью единомысленны со своими родными. Света запела своим глубоким голосом. Мы втроем: матушка, мама и я – подтягивали припев после каждого четверостишия. Эти безыскусственные слова способны касаться незримых струн души, потому что их сила не в литературном достоинстве, а в сердечном благодарном чувстве.

Слово «мама» дорогое,
Мамой нужно дорожить,
С ее лаской и заботой
Легче нам на свете жить.
Припев:
Если мать еще – живая,
Счастлив ты, что на земле
Есть кому, переживая,
Помолиться о тебе.
Когда был еще младенцем,
И она в тиши ночной,
Словно Ангел у постели,
Охраняла мой покой.
В раннем детстве беззаботном

Я не знал, как трудно жить.
Мать трудилась, чтобы было,
Чем кормить и чем поить.
Помню тихие беседы:
Говорила ты о том,
Чтобы умным быть и добрым,
Жизнь свою связать с Христом.
Помню радостные встречи,
Как с дороги приезжал,
Матери родные плечи,
Как ребенок, обнимал.
И оставшись одинокой,
Сердца ревностью горя,
Ко Христу душой глубокой
Ты молилась за меня.

Господи, прости меня! Не устанет напоминать мне о моей вине сердце. Как я недостойна данной Тобой – матери.

Перед тем, как лечь в больницу, смертельно больная мама в последний раз пришла навестить дорогой для нее дом. Выпила с матушкой чашку чая и в опустевшей кухне, преодолевая слабость, перемыла посуду, добела отчистила газовую плиту. Я заглянула в ванну, где под мамиными руками начинала сиять мутная раковина, и у меня сжалось сердце. Впервые я почувствовала, что она уже не может делать то, что сейчас делает. Мама тихо вздохнула с тайным облегчением. Чувство новой – неземной благодарности вдруг осветило ее лицо. **«Слава, Тебе, Боже!»** – едва слышно проговорила она, и я поняла, что она молится изо всех сил, чтобы просто устоять на ногах. И безмерно благодарит Бога, давшего ей силы еще раз послужить почитаемым ею людям. И только тут, с щемящей жалостью, я заметила, что она непривычно бледна и печать изнеможения лежит на ее осунувшемся лице. Знаю, что у Небесного Ангела не забыта эта раковина – потому что Бог помнит каждую «лепту вдовицы», в каком бы столетии она ни была подана. Мама делала эту несложную для здорового человека работу – сверх всяких сил. Она отдавала последнее

из того, что имела. Большого сделать для Господа и любимых ею людей она уже не могла.

Смею сказать, что мама принесла глубокое покаяние перед Богом за всю жизнь, потому что я помогала ей писать многие исповеди. Воцерковление ее было настоящим. В ее христианстве не было ничего поверхностного, псевдоблагочестивого. Вера переменяла ее жизнь органично: слова и мысли никогда не расходились с делом. В воскресенье и во все праздники мы ездили на раннюю литургию в храм «Всех скорбящих Радости» на Большой Ордынке. На одной электричке – целый час. (Однажды пожаловалась батюшке: «На дорогу в Москву трачу два с половиной часа...» Он ответил: «Целое молитвенное правило!») После ранней маме нужно было возвращаться к матушке, а мне торопиться на работу или на церковное послушание. Прости, Господи, постоянно не могла заставить себя встать до последней возможной минуты и на электричку всегда бежала – стремглав. Мама, чтобы прочесть утренние молитвы, поднималась в половине пятого утра и уходила на полчаса раньше меня. Как больно теперь вспоминать все это. Ради саможаления, чтобы поспать лишние минуты, – я оставляла маму идти **одну** ранним утром по нашей едва освещенной улице – в мороз, гололедицу и пургу. Вместо того, чтобы проснуться пораньше и под руку вести мамочку по ледяной дороге. Сколько бы теперь я отдала за то, чтобы пройти рядом с ней – одну минуту. Она практически не занималась своим здоровьем, всю себя отдавала мне и матушке. Все неудобства, недостаточную благодарность дочери, непрерывные труды, плохое здоровье – сносила безропотно, теперь я понимаю: с Ангельским терпением. А ведь ей было почти семьдесят лет. Я приходила домой с работы нередко усталая и раздраженная и могла быть недовольна ерундой: каким-нибудь слегка пересоленным супом. Никогда мама не ответила раздражением – на мою грубость. За ее добрым молчанием стояло безусловное понимание, жаление, полное детское незлобие – такой глубины и силы, что в следующую минуту я чувствовала себя последней дрянью и всем сердцем просила у нее прощения. Но когда мамочки не

стало, я ощутила, и по сей день это остро чувствую, – мою непомерную вину перед ней. Вину эгоистичной, расхлябанной белоручки – перед неустанной труженицей, которая являла всеми своими делами, скупыми словами, постоянным сердечным вниманием и служением – поток непрерывной Любви. Она спокойно делала всю самую тяжелую и черную работу и никогда не попросила меня ей помочь. Сколь редко я сама предлагала свою помощь. Когда у нас жила матушка, я спала в одной комнате с ней, а мама в семиметровой келье, где уютилась на старом диване, не имея возможности вытянуть ноги. И никогда никакого ропота. Однажды, вернувшись с работы, я вошла к матушке. Мама прилегла на мою кровать (через два с половиной года она на ней – умирала). Я сказала: «Мамочка, вставай, будем читать акафист». И вдруг впервые услышала, как матушка повысила голос и строго произнесла: «Тебе акафист полагается – стоя, мне – сидя, а ей – лежа!» Так матушка пыталась достучаться до моей совести, чтобы я наконец заметила, как переутомляется в заботах о нас мама. *Боже, прости меня, грешную.*

Великой Милостью Божией восприняли мы появление матушки Надежды в нашем доме. Мама благоговела перед ней. Только когда мама ушла из жизни, я оценила ее труды: хождение с двумя большими ведрами за водой к далекой колонке, все этиготовки, уборки... Сколько раз надо было сходить за водой, в любую погоду, под дождь и ветер, снег и метель, – для этих постоянных стирок и уборок?! А я так редко бегала за водой, хотя тогда еще Бог давал силы. Пока была жива мама, наш убогий дом блистал чистотой: свежeweымытые полы, отглаженные белоснежные гардины, отчищенные добела кастрюли... Всего этого я почти не замечала. Мамочка, родная, прости меня! Знаю, что ты простила меня – полностью. Для тебя не было ничего более легкого, чем прощать. Но моя-то совесть не должна была успокаиваться при виде благородства близкой души. Помню матушкины слова: «Как это у нас легко получается: оттарабанили список грехов на исповеди и пошли, как ни в чем не бывало. А ведь мы огорчили Самого Любящего, Самого Святого, Того, Кто осыпает нас – от рождения до гроба –

бесчисленными благодеяниями: кормит, поит, одевает, проявляет к нашей душе беспримерный такт и заботу, а мы выпалили грехи и чувствуем, что мы – в порядке. Нет у нас ни стыда, ни совести, – вот что надо сказать! Мы должны (если уж не умеем остановиться вовремя – не совершить неверного шага) – скорбеть, страдать, чувствовать глубину своей вины перед бесконечно Любящим нас Господом. И если мы не способны увидеть своих грехов – перед самыми родными, значит, мы – и начала не положили покаянию – перед Богом. Если мы не замечаем своей вины перед близким, которого видим, как мы можем любить Бога, Которого не видим? Покаяние рождается – от Любви».

Мама имела дар искренней детской веры, простой сердечной молитвы. Она особенно чтит Николая Угодника и обращалась к нему за помощью **постоянно**. Когда мы начали жить в доме, в который вскоре пришла матушка, у нас не было холодильника. Летом это стало особенно ощутимо, но денег на столь дорогую покупку не было. И она начала молиться Николаю Чудотворцу. На третий день я сказала: «Дорогая моя, тебе не стыдно тревожить святителя Николая по таким пустякам?» Но на следующий день к нам зашла соседка: «Мы с сыном решили купить новый холодильник и думаю: надо старый предложить вам...» И за тридцать рублей был приобретен холодильник, который продолжает служить по сей день.

Когда мы ремонтировали нашу хибарку, маме пришлось много штукатурить. У нее кончился алебастр, в специальных магазинах его почему-то не было. И мама начала молиться святителю Николаю. «Можно ли постоянно надоедать святым – по мелочам?» – укоряла я ее. В ответном молчании звучало: «Мы ведь с тобой во всем, и в малом и великом, – зависим от Бога». Но тогда я еще не умела слышать слов, стоящих за молчанием. Прошло два дня, вернувшись с работы, слышу радостный рассказ: «К соседям привезли машину торфа. Вышла на улицу, а водитель мне: «Мамаша, можно водички...» Вынесла ему ковшик и решила спросить: «Вы не на стройке работаете?» – «На стройке». – «А нельзя ли вас попросить привезти мне два килограмма алебастра?» – «Будет сделано»,

– ответил он и уехал. Но мало ли в подобных ситуациях бывает обещаний. На следующий день слышу, грохочет КамАЗ по нашей улице. Выбегаю. В пустом кузове огромной машины стоит одно-одинешенько – ведро алебаstra... И не взял с меня ни копейки». И мама с умилением и слезами на глазах начала благодарить Бога и Николая Чудотворца, поминая раз за разом имя благодетеля. Дай мне, Боже, святыми молитвами моей матери приобрести хотя бы каплю ее святой простоты и веры, ее детской преданности Богу. На подобные искренние молитвы всегда следует с Неба немедленный ответ: *...истинно говорю вам: кто не примет Царствия Божия, как дитя, тот не войдет в него (Лк.18:17).*

Подснежник

Потоки солнца лужи золотили,
И лес, и поле утопали в свете,
По снегу талому с ручьями в лес спешили
За радостью отпущенные дети.
Голубизной наполненный цветок
К ладони льнул, по пояс в снег зарытый.
Как расцветал? сугробы превозмог?
Бог ведает – тебе ли, друг, открыто?
Мой светяной, ты навсегда со мной,
Бутон из снега – мне весну навевает,
Так в тесноте и скудости любой
Из детства каждого лампада голубеет.
Так сердце кроткое и в ведро и в беду
Живит и радуется тебе тем тихим Светом,
Молитву безыскусную творит,
Когда снега нас обнимают летом.

После ухода из этой жизни матушки Надежды Марфо-Мариинская Обитель не оставила нас с мамой своим попечением. Не прошло и недели, как у нас поселилась моя больная подруга с новорожденным ребенком, которой пришлось уйти от мужа, страдающего тяжелым психическим заболеванием. Мама нянчила чужое дитя и ухаживала за гостьей, как будто это были наши родственники. Как только два года спустя мать с ребенком устроилась на работу с правом

получения жилплощади, ее место заняла Пелагея. Похоронив мужа, раба Божия осталась в полном одиночестве в доме, где протекала крыша, и нужно было топить печь. Желая отметить годовщину смерти мужа, она приехала в наш поселок в надежде разыскать читающих Псалтирь по усопшим. Не имея точного адреса, долго и безуспешно ходила по улицам. Женщине стало плохо с сердцем, и она постучалась в нашу дверь, хотя дом был на трех хозяев. Мама напоила ее валокордином и уложила на диван. На следующий день Пелагея переселилась к нам: приближалась зима, и она уже не в силах была топить печь. Обе ее неверующие дочери давно не навещали мать. По Милости Божией, живя у нас, она сумела наконец написать подробную исповедь за всю жизнь. Как известно, благодаря искреннему покаянию нередко примиряются находящиеся даже в долгой ссоре. Великое дело перестать обвинять своих близких и разглядеть собственную вину перед обижающими нас.

Молитва о примирении враждующих

Владыко Человеколюбче, Царю веков и Подателю благих, разрушивший вражды средостения и мир подавший роду человеческому, даруй и ныне мир рабом Твоим, вкорени в них страх Твой и друг к другу любовь утверди: угаси всяку распрю, отыми вся разногласия и соблазны. Яко Ты еси мир наш и Тебе славу воссылаем, Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Мы начали общаться с детьми Пелагеи. И в конце концов ее старшая дочь столь серьезно пришла к вере, что стала активной участницей восстановления храма в родном поселке. Пелагея жила у нас до последней возможности. Мы увозили измученную маму в больницу, а она все еще не могла представить, что должна расстаться с нами. Через несколько дней Пелагею забрала в двухкомнатную квартиру со всеми удобствами ее старшая дочь.

Когда мамочка заболела, мы сначала ничего не поняли, решили, что у нее тяжелый грипп, так как температура внезапно поднялась выше тридцати восьми. У Пелагеи была легкая простуда. Мне пришлось отсутствовать дома два дня: суточное дежурство, потом церковное послушание. Дома мне открыла

дверь мама, на которой не было лица. «Мама, какая у тебя температура?!» – «Тридцать девять и три...» – негромко ответила она. Никогда я не видела ее в таком плохом состоянии. У Пелагеи, которая была гораздо моложе мамы, температура не превышала тридцати семи и двух десятых, и она считала, что должна иметь постельный режим. Мама, не имея возможности прилечь, готовила, подавала ей еду на табуретке, застеленной белой салфеткой, прямо к кровати, прибирала и мыла за ней посуду... «Мама, – что ты делаешь?!» – с болью сказала я. «Когда упаду – тогда перестану», – кротко ответила мама. Мы не подозревали, что уже давно, не она – за всеми нами! а я – должна неотступно, отложив все дела, ухаживать за ней. День за днем, обследуя маму в больнице, мне ничего не говорили о диагнозе. Я по-прежнему не понимала, как все серьезно, а маме оставалось жить – два месяца. Однажды прихожу в больницу, мамочка со светлым лицом вспоминает, как шла по коридору и, преодолевая боль, машинально держалась за правый бок (у нее был рак печени). «Вдруг меня сестричка останавливает, – с умилением рассказывала она: «Вам – больно? Почему же вы не попросите болеутоляющее?» И дала мне таблетку – анальгина!», – с невыразимой благодарностью мама удивлялась чужой доброте со слезами на глазах. А я по-прежнему не осознавала – главного. Не понимала, что болеутоляющие – нужны уже серьезные и что мама являет мне образ – Ангельской кротости и терпения, которые мне совсем неизвестны. Через месяц, измучив бесплодными обследованиями, ее выписали из больницы как не подлежащую операции – в последней стадии болезни.

Никогда не забуду, как мы со Светой вели едва стоящую на ногах маму – на второй этаж, в квартиру батюшки, где она несколько лет трудилась во Славу Божию. Когда мы посадили больную на диван и отняли от нее руки, она вдруг безвольно, как кукла, упала набок. «Скорее – подушку!» – с болью и тревогой в голосе позвал матушку отец Александр. Так мамочку и соборовали: от полного бессилия – полусидя, полулежа. Она не могла позволить себе лечь полностью – из-за большого

почтения к хозяину дома. Когда соборование кончилось, в дверь комнаты заглянул пятилетний сын батюшки, которого мама нянчила с первых дней его жизни. Его лицо было непривычно серьезным. Мамочка вся засветилась навстречу любимой детке.

Он заулыбался ей в ответ и подошел к дивану. Все так же лежа головой на подушке, не имея никаких сил встать, мама протянула Сереже руку. Он протянул ей свою ручку. Так они, держась за руки, смотрели друг на друга: глубоко страдающая душа и светлый маленький мальчик. «Подождите, пожалуйста, – я сейчас, сейчас...» – поспешно сказал ребенок и скрылся в свою комнату. Через минуту он отдал маме незабываемый рисунок: великомученик и Победоносец Георгий, сидя на коне, поражал копьем лютого дракона. Рисунок, казалось, сделанный одной линией, не отрывая фломастера от бумаги, поражал внутренней силой и динамикой. Мы рассматривали его безмолвно, полные благодарного восхищения. «Я сейчас, сейчас...» – и наш мальчик исчез снова. На второй картине было всего лишь две буквы: огромные, яркие: Х и В. Через две минуты последовал третий лист. Стоящий к нам спиной Господь Бог Саваоф – творил мир: возжигал светила простертой рукой, которая держала – Крест. Это был один из самых ярких разговоров – без слов – в моей жизни. Взрослые рассматривали четвертую картину – полными слез глазами. Перед нами был огромный, на весь лист, – Крест, на котором умирал – распятый Христос.. До конца моих дней, как святую реликвию, я буду хранить эти свидетельства искренней детской Любви. На девятый день после маминых похорон Сережа открыл мне тайну. «Когда мы с твоей мамой остались одни (ты пошла ловить такси), она мне... сказала... она мне сказала... – он какое-то время не мог выговорить слово, – она мне сказала: вот ты уедешь на дачу, а я – умру...» И я, и эта чудная светлая душа, – исполнились печали, которая невыразима человеческим языком. Я обняла и бережно поцеловала в головку моего маленького крестника. Ему, одному на свете, мама доверила – самое трудно выразимое и сокровенное: слово о смерти. Она ни разу не произнесла его при мне, боясь меня поранить. Как горько осознавать свое страшное бесчувствие: в течение

длинных больничных недель я не в силах была понять, что мамочка уходит от меня, что я должна дорожить каждой минутой общения с ней!

Когда мы привезли ее домой, уложили в домашнюю белую постель, в своем белоснежном, как у матушки, платочке, она просветлела лицом и, благодарно взглянув на дорогой портрет Елисаветы Феодоровны в изголовье своей кровати, со вздохом облегчения прошептала: «Слава Тебе, Боже!» Слезы подступили у меня к горлу, и я подумала: «Как же ей было тяжело в больнице, а она ни разу об этом не сказала». Близкие научили меня делать уколы, и я стала колоть маме неизбежные наркотики. Никогда не забуду, как пришла из храма в день рождества Иоанна Предтечи (прости меня, Господи, я еще считала, что могу оставлять ее одну), встала рядом с маминой постелью и начала произносить никому не известную молитву. Слова нового покаяния – за себя, за нее... Меня поразила необыкновенная сила духа, с которой она безмолвно подхватила молитву. Мама только крестилась: она была еще способна совершать крестное знамение, но говорить уже не было сил. Живая Божия душа молилась и каялась – с такой глубиной, что потрясение от этих минут мне не с чем сравнить. Только рядом с умирающей матерью я, недостойнейшая дочь, поняла, что, не осознавая этого и не умея ценить, – я жила рядом с духовным человеком. Что все годы церковной жизни мама безропотно приносила себя в жертву всем, кого ей посылал Бог. Я увидела наконец свое бесконечное ничтожество, полное свое убожество – перед лицом огромного страдания и – высоты духа близкого мне человека. Во все время тягчайшей болезни мама – ни разу не пожаловалась. Если ей становилось хуже, она начинала непроизвольно тихонько стонать... И это – все. Я же всю жизнь была готова искать у нее утешения и жаловалась по всякому пустячному поводу. Подобная болезнь развивается годы. И, значит, мама уже давно была тяжело больна. А я с застарелым детским эгоизмом относилась к ней – по-прежнему как к здоровой. Прости меня, Господи, прости меня! *Ты станешь каяться еще серьезнее, – говорит Ангел-*

Хранитель, – *когда сама будешь – умирать*. Боже, милостив буди мне грешной!

По благословению отца Александра, к нам ездили помогать ухаживать за мамой его духовные дети. Батюшка пришел соборовать маму в последний раз и застал ее почти недвижимой. И только одно отрадное слово слетело с ее уст, когда она принимала дорогое благословение: «Ба-тюш-ка...» В этом единственном слове, произнесенном почти беззвучно, содержалась вся наивозможная Благодарность и Любовь. Быть может, я больше не удостоюсь присутствовать при подобном соборовании. С большим усилием мама подносила руку ко лбу, так страшно медленно – вела ее вниз, минуту – рука лежала неподвижно. Потом мама доносила ее до правого плеча и тут отдыхала – две, три, потом уже пять и десять минут. По сей день с трепетом все это вспоминаю. Господь благодарно принимает последнее усилие, посвященное Ему. С замиранием сердца я следила за мамой. Но не было ни одного крестного знамения, которое, Милостью Божией, она не завершила бы – полностью. Когда на прощание батюшка с состраданием благословил маму, а потом меня, – я поцеловала одну и затем – другую батюшкины руки. Пережитое чувство не повторилось в моей жизни. Ибо только священнику доверено самое главное на земле служение – служение спасения душ человеческих. Прости мне, Господи, все мои возможные вины перед этим человеком, я навсегда останусь перед ним – в неоплатном долгу. Провожая батюшку, я услышала его глубокие тихие слова: «Душа – подготовленная». Будет ли соответствовать таким словам – моя собственная душа в преддверии моей смерти?!

С каждым днем мама чувствовала себя все хуже. В один из этих последних дней, придя в сознание, она с безграничной Любовью задержала свой взор на портрете Великой Княгини Елисаветы и произнесла с внутренним **знанием**, намного превышающим открытое нам: **«Человек... не от мира... сего»**, – и снова закрыла глаза. Невыразимо пережитое мной в тот миг. Только вкусивший глубину страдания может постичь высоту подвига жизни Елисаветы Феодоровны. Недаром Фросенька в Раю в нимбе вокруг Ее головы читала лучезарные буквы:

«Многострадальная Великая Княгиня Елисавета» – за много лет до Ее мученической кончины. Ничто не приближает нас столь подлинно к Господу, как глубина наших собственных скорбей. Будем же за все благодарить – Бога. Посылая испытания, Он оказывает нам великое доверие, надеясь, что мы понесем их – достойно. Только приобщившись глубинному невымышленному страданию, – мы смеем надеяться, что приобщились Жизни Христа.

Несмотря на тяжелую болезнь мамы и наше горе, мы обе безмолвно ощущали присутствие – великой Небесной помощи в нашем бедном доме. В нем было так отраднo, будто мы пребывали в храме, будто Сама Пресветлая Обитель участвовала во всем том, что здесь происходило, хотя никто из нас не мог быть этого достоин. Милость Божия не покинула нас до конца, ради мамы.

Вспоминая эти последние месяцы, вновь ощущаю благоговение. То смирение, в котором пребывала мама, напоминает мне сегодня слова Московского старца Алексия Мечева. Дай мне Бог получить право повторять их в преддверии собственной смерти: *Господи Иисусе Христе, Спаситель мой Милосердный, я иду к Тебе, и вот я весь перед Тобою, каков я есть. Возьми меня. Я ничего, ничего не сделал в жизни своей для Тебя... Я – не готов и никогда не буду готов... Я всю мою жизнь и до последнего дня моего, сколько было сил и выше сил моих, старался делать все по совести... Вот я весь перед Тобой с моими немощами, весь во грехах. И таким я иду к Тебе, надеясь и веруя в Твое неизреченное Милосердие*³³.

Перед маминым успением я не спала несколько ночей. Поймала себя на невольном ропоте и саможалении – и тут же содрогнулась от этого бесовского прилога: «Нет, я готова уставать до последнего изнеможения, только бы мама – жила. Пусть тяжелобольная, пусть мне как угодно будет трудно – только бы она – **жила!**»

Моя родная ушла в день своей любимой «Споручницы грешных». Бесценным был для нее этот храм, первый храм, который принял нас после нашего обращения. Как благоговела она перед чудотворным образом Богоматери. Мама не

прикладывалась ни к одной иконе, не сделав земного поклона. И уж тем более перед «Споручницей грешных» кланялась земно по многу раз. Она могла подолгу стоять и безмолвно молиться или каяться перед Ней – до службы или после нее, какими-то своими сердечными словами и слезами. И теперь знаю: что Матерь Божия собирает все наши вздохи и слезы, и неведомые миру тончайшие движения души, обращенные к Ней.

Тропарь Матери Божией «Споручница грешных»

Умолкает ныне всякое уныние и страх отчаяния исчезает: грешницы в скорбех сердца обретают утешение и Небесною Любовию озаряются светло. Днесь бо Матерь Божия простирает к нам спасающую руку и от Пречистаго образа Своего вещает, глаголя: Аз Споручница грешных к Моему Сыну, Сей дал Мне за них руце слышати Мя выну. Тем же людие, обремененнии грехи многими, припадите к подножию Ея иконы со слезами, вопиюще: Заступнице мира, грешных Споручнице! Умоли Матерними Твоими молитвами Избавителя всех, да Божественным всепрощением покрывает грехи наша и светлые двери райския отверзет нам, Ты бо еси Предстательство и Спасение рода Христианскаго!

Во все времена Матерь Божия – была, есть и будет спасением всех, прибегающих к Ней за помощью.

Утром последнего маминого дня приехала любимая наша Света, будто что-то почувствовала душой. Ее приезд был для меня огромной поддержкой, так как на наших глазах произошло – страшное: мама потеряла способность глотать. Это была трагедия, так как уколы помогали уже слабо, и мы несколько дней давали маме импортный наркотик, подаренный нам с сердечным участием одним из духовных детей батюшки. Мы разбавляли его крещенской водой в столовой ложке. Что может быть страшнее, чем лютая боль родного человека, которую нечем утолить... От усталости я потеряла счет датам. Не понимала, что вот сейчас начинается всенощная под праздник нашей любимой иконы. Я была захвачена одной мыслью: Что делать? Кому молиться? Не знаю, как у меня вырвалось: «Света, давай прочтем акафист «Споручнице грешных». Читала знакомые строки, запинаясь, перемежая икосы и кондаки

какими-то своими полусвязными мольбами. И вдруг став на колени и не понимая о чем прошу, с отчаянием произнесла: «Мать Божия, возьми мою мамочку – на Свои руки...» Знала бы я, что через пятнадцать минут буду прижимать к лицу – холодеющие руки самого близкого мне на земле человека...

Я знала, что такое смерть, рядом со мной умирали прежде, уходили и потом. Но эти минуты останутся неповторимыми. В последние годы мама перестала стричь белоснежно седые волосы и к своим семидесяти двум годам отрастила толстую девичью косу – до пояса. В эти последние миги, когда душа разлучалась с телом – мы со Светой с замиранием сердца увидели, как просветлел – невестественно просиял весь мамин облик. Будто перед нами была юная непорочная девушка, не старше семнадцати лет. Что-то девственное, непередаваемо прекрасное коснулось наших душ – живое веяние Иного Мира... В нашем присутствии совершалось невидимое, поражающее душу таинство: схождение Неба на Землю. Прикосновение к праху и пеплу, – Жизни Бессмертной. Наверное, в эти миги Ангел Господень – уносил мамину душу. Мы со Светой замерли, столь невыразимо прекрасными были эти длинные мгновения. Незабываемое ощущение неземной чистоты и святости. Было так светло и тихо, что плакать было невозможно. Я обливалась слезами, когда в этой же комнате – среди собравшихся близких – маму отпевали два священника. Но когда мы хоронили ее, было одно – Нездешнее утешение, Невыразимая радость. Все возвращались с кладбища с просветленными лицами. Сияло, преображая поле и кладбище, ласковое теплое солнце – в подобие тому Свету, который наполнял наши души. Светлана держала меня под руку и взволнованно говорила: «Если бы мне кто-нибудь сказал, что возможно хоронить родную мать и – не плакать, не испытывать страшного горя, я бы назвала его – безумным, я бы не поверила этому человеку – никогда. Поверить не могу, что можно не страдать на похоронах!»

Годы спустя я прочла у Афонского старца Ефрема Катунского рассказ о смерти его матери: «...(Вижу во сне) как будто вышла из могилы прекраснейшая, 17–18 лет девица, с яркими очами, и, взглянув на меня, улыбнулась. Ее лицо очень

сильно сияло, она ничего мне не сказала, но лишь посмотрела и улыбнулась. Взглянул я на нее и сказал про себя: «Ах, мама!..»

Начинаю молиться о ней, и душа моя исполняется радости, забываю всю печаль, какую имею о ней, вижу ее в бесконечном Свете, в радости, веселии. Душа моя трепещет от радости».

Шел двенадцатый мамин день, после литургии и панихиды я сидела подле батюшки на лавочке и с недоумением делилась с ним неизвестными мне чувствами: «Я понимаю, девять дней – душе показывают Царство Небесное. Но на десятый – уже должны начаться мытарства. А мне с каждым днем – все светлее... Свет и Отрада, невозможно все это выразить... Волнуюсь, вдруг я в каком-нибудь духовном заблуждении? Ведь не может быть, чтобы мама, минуя мытарства, была уже – в светлом месте?!» Батюшка едва заметно улыбнулся и негромко произнес: «Конечно, в Светлом месте...»

Никогда не забуду, как мне приснилась моя родная в ее сороковой день. Как сияла моя милая мама. Это был свет – Любви, Ангельской мудрости, всепонимания... После этого сна я знаю, что во всем мире – нет ничего дороже и Прекраснее Божественной души человеческой. И подлинный облик души каждого человека – пресветлый, сияющий. В Ином мире праведники воистину *просияют как солнце*. Кто из нас праведнее – знает один Бог. Ему важна не какая-нибудь внешняя успешность великих дел, а только искренняя доброта милующего сердца – чистые, не имеющие второго дна помыслы. Наши труды и подвиги дороги Богу, если они приобщают нас к Его Святой Любви – желанию послужить всем людям.

Моя милая мамочка множество раз помогала мне после смерти. Она участвует во всех делах и событиях моей жизни и по сей день. Ее молитвы поддерживают меня и моих друзей постоянно. На сороковой мамин день батюшка сказал: «Матушка Надежда забрала к себе – свою послушницу... Мама молится о нас, и мы будем о ней молиться...» Ведь духовное преуспевание за гробом продолжается бесконечно, ибо Бесконечно и неизъяснимо Совершенство Бога. Люди, достигшие своего истинного Отечества продолжают духовно

развиваться и возрастать. Поэтому нет человека, который не нуждается в молитве. Одна дорогая для меня душа, которая живет очень непросто, увидела во сне мою маму. Человек она мужественный и сдержанный, никогда не проявляет откровенно своих чувств. И вдруг слышу от нее взволнованный рассказ: «Вижу во сне: ваша мама поднимается по лестнице – выше и выше. Остановилась на одной ступеньке – смотрит на меня сверху – и произносит с такой огромной Любовью: «Бедная Танечка...» На глазах моей знакомой при этих словах появились слезы. В Царствии Небесном известно сокровенное всех сердец, все неведомые миру тяготы и скорби, которые претерпевает каждая душа. И когда в день Суда откроются все помышления – многим тайным рабам Божиим будет, по слову Апостола, – похвала от Бога.

Как десятки и сотни тысяч подобных маме скромных тружениц, которые не заметили за собой ни одной добродетели, по искреннему своему смирению – она вошла в Радость Господа Своего. И Небо святых и Ангелов радовалось ей, как радуется – о каждом грешнике – кающемся. После смерти моей мамы – все на свете мамы представляются мне – бесценным сокровищем. Нужно отдать все, чтобы каждая мамочка, детям которой Бог даровал веру, – стала радостью для Ангелов. Как быстро взрослеют дети и стареют матери. Не дай Бог, за суетой этой накаленной жизни не успеть подарить счастье покаяния – своей единственной любимой матери. И если в прошлые века Бог спрашивал с родителей – о детях, то в наше время более серьезно – спросится с детей, потому что больший спрос с тех, кому дано – больше. Поторопимся сделать все возможное для своих и чужих близких, пока еще есть время: пока – они и мы – еще живы! Среди всех разновидностей счастья – я не представляю большего счастья, чем знание – о загробном благополучии своей родной матери. Это утешение – не с чем сравнить. Радость эту посылить вымолить у Бога – каждому из нас. Ибо *«нет ничего, чего нельзя было бы вымолить у Бога»*, – как сказал один священник наших дней.

Перед иконой Успения

Мне вспоминается та первая мольба

перед «Успением» Владычицы Пречистой:
Предтечи храм, робею от благоговенья,
еще не знаю ни одной молитвы...
Упала на колени. Наверное, слова
мне подсказал мой Ангел – на глубину ушла,
смирилась ли душа? Хотя казалась мысль моя невольной:
«Прости и пощади – дай умереть достойно»...
И в храме я теперь всегда к своей
любимой иконе подхожу –
как будто в дверь, которой мечтаю
к маме пройти: «Не отворачивайся!»
Челом, всей мыслью приникаю:
«Пренепорочная, – не принесла
достойно прожитого дня и даже – часа.
Прости и пощади меня...»
Кончину – непостыдну, мирну,
причастную Святых и Страшных Таин,
(без непосильных мук и боли)
мне, близким моим –
«благополучным» и – заблудшим, некрещеным...
Окинь их Материнским взором,
которых в сердце ношу (ведь кто-то в одиночестве
не может ни слова произнести) –
пощады вместе просим!..
Я понимаю, не имею ни прав,
ни званий – на дерзновенье,
но прошу, и умолять – не перестану,
лишь потому, что Церковь знает
Твою Любовь, что глубже – всех океанов...
и даже справедливости Святой:
Ты можешь все!

Светлана (мать Силуана)

Душа моя скорбит до великих
слез: жалко мне людей, которые не
знают сладости святого умиления,
Душа моя сильно желает, чтобы
Милость Господня была со всеми,
чтобы вся вселенная, все люди знали,
как желанно любит нас Господь,
как дорогих детей
Преподобный Силуан Афонский

Самой радостной гостьей нашего дома была Светлана. Редкая душа, ставшая моей любимой подругой. С каким волнением и восторгом Света с мамой бросились к матушке, впервые увидев ее во дворе Скорбященского храма. Такие это были пылкие христианские души. Не погрешу, назвав Светочку особенным человеком. Матушка Надежда появилась в нашем доме, конечно, и для того, чтобы с ней познакомились эти мать с дочерью. (Света ушла из жизни монахиней Силуаной два с половиной года назад, оставив 90-летнюю маму-монахиню. Испрашиваю у добрых христиан святых молитв о болящей монахине Анне.) С Ангельской радостью воспринимала Света все, исходившее от матушки Надежды. Все доброе, духовное она впитывала с легкостью неиспорченного ребенка. Это была одаренная и благодарная ученица. И она, и ее мама получили от Бога дар безбрежной доброты. Это относилось ко всем и вся, от малого до большого. Балкон их квартиры всегда был облеплен птицами, их ежедневно, зимой и летом, кормили килограммами разнообразных круп. Однажды Света поделилась со мной сокровенным: «У нас в роду много некрещеных. Говорят, им можно помочь, если кормить птиц и животных». Ощутила что-то щемящее, встретившись с ней взглядом. В нем была непривычно глубокая боль – сопереживание тем, кто терпит муки в аду. Нельзя передать страдания Светы, когда умирала их собака, а потом – кошка. Не каждая мать сегодня отдает собственному ребенку столько души, сколько отдавала

себя Света каждому встречному человеку, каждой Божией твари. Когда я смотрела на нее, в душе всегда звучало: *блажен, кто и скоты милует...*

Во время их отдыха на юге, ожидая Свету после трапезы, из-за угла выглядывали многочисленные собачьи головы. Уходя из столовой, она собирала все несъеденное со множества чужих тарелок, к радости ее четвероногих бездомных друзей. Это был человек, неспособный выносить чужих страданий. Совсем незадолго до смерти она рассказывала мне: «У нас в подворотне появилась новая собака с маленькими щенками. Бегу мимо – зажимаю глаза, бросая ей еду, – потому что, если я встречу с ней взглядом, их нужно будет брать в дом». В день похорон монахини Силуаны, среди благодарных воспоминаний были произнесены и эти слова: «Вы здесь говорили о Светином отношении к собакам... Она вместе с мамой и меня когда-то подобрала, словно больного бездомного пса – и лечила, и ходила за мной, как за собственным ребенком... Вечная ей память!»

И не было никого вокруг Светы, не благодетельствованного этой обжигающей душу Любовью. Однажды я сильно простудилась, звоню по телефону, слышу в ее голосе – острое беспокойство: «Ты что так кашляешь? Приезжай немедленно к нам, мне **не нравится твой кашель!**» У меня оказалось воспаление легких вместо предполагаемого гриппа. Но Света, прежде чем был сделан рентген, уже предощутила серьезное – своим чутким сердцем. Они с мамой извлекли меня из Подмосковья, где я жила, похоронив матушку и маму, в маленькой части дома, почти без удобств, забрали в свою московскую квартиру, и с осени до лета неустанно меня выхаживали. Когда снизившаяся от приема антибиотиков, температура поднялась новой волной, они положили меня по «скорой» в больницу и часто навещали. И потом месяцы долечивали дома. Никогда я им этого – не забуду... В это время я уже похоронила всех родных и Свету с мамой считала своими подлинными духовными родственниками.

В больнице я попала в многоместную палату. Температура не спадала, таблетки не снимали головную боль. Я изнемогала

от неумолкаемого гула чуждых разговоров и стала унывать. К тому же всех беспощадно кололи антибиотиками, которые я плохо воспринимала. Не знала, куда деться, как защитить себя от изнурительной болтовни окружающих, которая отнюдь не всегда была безобидной. В этом обстоянии на третью ночь я впервые увидела во сне маму и матушку Надежду – вместе. Мы сидели за столом в праздничной, залитой ярким светом комнате, и безбрежно радовались друг другу. Матушка и мамочка солнечно улыбались, что-то говорили и ласково угощали меня. Из чудной глубокой тарелки, белоснежно прозрачной, я ела – мои любимые абрикосы, величиной с персики, и черешни, размером с абрикосы. После этого сна я вспомнила, что все – самые любимые – со мной, и я должна крепиться и не унывать. Мои близкие подсказывали мне, что все, здесь по видимости «горькое» – у Бога может обратиться в «сладкое». С тех пор больничные тяготы переносила наивозможно безропотно. Это небесное ободрение, увы, не означало, что я немедленно выздоровела. Бронхопневмонией я болела еще многие месяцы – долго и упорно. Но уже – с помощью Божией.

Любое бремя возложи, лишь укрепи меня,
Куда угодно поведи, но только будь со мной.
Любые узы затяни, но привяжи меня
К служенью Твоему и к мысли о Тебе.

* * *

Я не пойму, зачем внезапный вихрь
Вокруг меня бушует злобно так,
Но ведь Господь следит мой каждый миг –
Спокоен я.

Мне не поднять таинственный покров,
Каким для нас грядущий день одет,
Что он скрывает темноту иль свет –
Вверяюсь я.

И в час прилива мне не разглядеть,
Еще далек ли берег мой – родной,
Но знаю я – Господь всегда со мной –
И счастлив я.

Александр Солодовников

В Светином доме отсутствовало общепринятое понятие – «жизнь для себя»: не было времени, защищенного от людских вторжений. Даже на ночь телефон не отключали: «вдруг что-то неотложное...» Прозваниваться к ним иногда приходилось часами, так как и по телефону они нередко вели самые серьезные разговоры, ради спасения человеческих душ. Если должен был прийти священник, чтобы соборовать маму, Света приглашала в дом более десяти старушек из окрестных домов. Их соборовали бесплатно. В храме у нас была одна страдальца, тяжело больная и одинокая. Ее незаметно для других подкармливала Светлана. Однажды я стала нечаянной свидетельницей того, как она принесла ей фрукты и рыночный творог, и заполняла пустую сумку с такими ласковыми словами и столь редким участием, что я отвернулась, чтобы не заплакать.

Света крестилась, по Милости Божией, в сорок лет. Проработав всю жизнь инженером, полностью оставила мирскую жизнь и встала на правый клирос храма «Воскресения» в Сокольниках. Пришла в первый раз: со всех сторон маститые музыканты с многолетней практикой, консерваторским образованием. «Меня спрашивают, – со смехом вспоминала она, – вы хоть музыкальную школу окончили?» Я им улыбаюсь: «Нет». Потом все ее полюбили, пела она в этом храме лет восемнадцать.

Света участвовала в судьбах множества людей, что называется, вплотную. Как-то пришла на клирос новенькая. В разговоре Света узнала, что ее тетя – «целительница», заговаривает грыжу, лечит заикание, снимает порчу и т.п. Света спрашивает: «Твоя тетя благословение от Церкви на эту деятельность имеет?» Выяснилось, что нет, хотя в храм как будто ходит и все свои «молитвы» перед «лечением» начинает с «Отче наш». Света объяснила недоумевающей певчей, что подобное знахарство не имеет к Богу никакого отношения и за ним следует гибель души. «Так она же с крестом и Евангелием лечит», – возмутилась хористка. «А вот ты мне принеси ту тетрадь, по которой она заговоры читает. Ты-то в нее

заглядывала?» – «Да нет». – «Приносит, открываю, такой ужас... После «Отче наш» идет поток заклинаний с прямым обращением к нечистой силе, которые цитировать невозможно. И так – по поводу разных болезней – целая тетрадь бесовщины. Ты мне сейчас же, – говорю, – отдашь эту тетрадь – **на сожжение!** Идем к бабушке просить для тебя благословение на разговор с тетей. Быть может, она не понимает, что делает, и еще покается. Поясни ей, что подобное «целительство» есть прямое общение с дьяволом и называется **колдовством**». История пригодилась к назиданию многих людей. Эта раба Божия была решительным воином Христовым в любых ситуациях. В том числе – самых крайних.

Вокруг Светы теснилось множество телесно и душевно страждущих. Одна знакомая изнемогала от мужа-пьяницы. Все ужасные рассказы о ее семейной жизни Света с мамой воспринимали всем сердцем. И однажды дочь сказала: «Мама, у тебя, кажется, что-то осталось от прежней роскоши?» – «Так это, Светочка, на черный день». – «Ничего, ничего, мамочка, Бог всегда пошлет, когда по-настоящему нужно!» И последние наследственные серьги семьи с маленькими бриллиантами были проданы, и тайно куплен домик с землей для настрадавшейся женщины. Без промедления она радостно переселилась с детьми в Подмоскovie.

Света была задействована в таком количестве несчастных ситуаций, что, испрашивая однажды благословение на помощь в очередной, – услышала в ответ: «Светлана, вам не кажется, что вы похожи на перегруженную лодку...» Они с мамой долго смеялись этой шутке, но несколько не изменились «к лучшему». В их доме постоянно жили какие-нибудь неблагополучные люди: то бездомный нездоровый художник, то подруга маминой юности, то случайные вокзальные знакомые... Все эти, как правило, далекие от Церкви люди – ценой огромных душевных усилий Светы и ее мамы – постепенно приходили в Храм, обретали веру. Даже животные, живущие рядом со Светой, становились необыкновенно чуткими. Однажды знакомая, на днях похоронившая мужа, лежала у них на диване, и произвольные слезы катились по ее лицу. К ней мягко

подошла Светина кошка и – с состраданием, иного слова не могу подобрать, стала слизывать эти слезы. Света навещала множество больных, приводила священников к одру умирающих, вчера еще неверующих людей... Никто, кроме Бога, не знает, скольким людям она помогла, сколь многие сохранили в сердце ее бескорыстную доброту, которая по сей день продолжает их поддерживать и согревать.

Матушка Анна рассказала мне, как уже после смерти матушки Силуаны раздался телефонный звонок и попросили Светлану. «Деточка, – ответила мать, – ее уже нет, она умерла. Кто вы?» – спросила она, ощутив искреннее потрясение звонившей. «Я ведь с вашей дочерью почти не знакома. Мы встретились незадолго до Рождества. Я работаю в храме уборщицей и вышла на улицу с помойным ведром, а Света проходила мимо, и мы разговорились. В храме я одна уборщица и пожаловалась ей, какое у меня слабое здоровье, как трудно мне убирать, особенно под большие праздники. А она вдруг: «Не расстраивайтесь, если вам надо будет помочь, звоните мне, я приду и обязательно вам помогу», – и поцеловала меня, окаянную, как сестра родная. Наверное, за ее молитвы, мне перед Рождеством неожиданно помогли люди. А дочь Вашу я никогда не забуду и всегда поминать буду». Это обещание о помощи прозвучало тогда, когда Свете уже был известен ее безнадежный диагноз: рак в последней стадии, с метастазами. Многие в подобной ситуации решают, что пришло время подумать о себе. Но она продолжала служить всем нуждающимся в ней до тех пор, пока могла стоять на ногах.

Светлана неустанно помогала не только всем встречным людям, монахам и священникам, но и нескольким монастырям. Помню, она постоянно собирала пожертвования для одного скита Киево-Печерской Лавры, где с нулевого цикла строился семипрестольный собор. К ней постоянно приезжали монахини и монахи, о которых она с любовью рассказывала уйму замечательного. Вообще, она настолько умела видеть красоту и благородство душ человеческих, что дух захватывало от ее рассказов.

Матушка Анна доверила мне после смерти Светы эпизод из ее раннего детства. Ребенку было пять-шесть лет. Только что закончилась война. Светиному отцу дали на работе первый послевоенный паек для семьи. В нем было два, невиданных по тем временам, апельсина. «Мы жили в огромной коммуналке, – рассказывала матушка Анна, – купеческий особняк, превращенный в коммуналку: все семьи с детьми. Вдруг вижу, идет моя детка, в руках стеклянная баночка, а в ней очищенные апельсиновые дольки. «Ты куда?» – «Я к детям...» Пошла раздаривать свои апельсины ораве детей. Признаться, я была поражена... Все мы еще не опомнились от голода... В моих глазах стоит хрупкая голубоглазая девочка с русыми косами, с этими дольками в руках... Есть, оказывается, люди, для которых собственная радость гораздо ничтожнее Радости, доставленной другим».

Рассматриваю фотографии Фросеньки, матушки Любви, как склоняется она к цветам, кормит кур, вот она среди детей в школьном дворе – один и тот же – поток Любви. Мне кажется, о Светлане с детства молились сестры Обители Милосердия...

В Крестопоклонную неделю Света привезла нам перепечатанный ею на машинке Канон Кресту, этот текст она только что для себя открыла. Света немедленно делилась подобными радостями с уймой знакомых. И мы вчетвером читали его по очереди – с большим воодушевлением. Матушке Надежде он был давно известен, а мы с мамой слышали его впервые. Помню, как Света с восторгом, как глубокую поэзию, читает нам наизусть слова ирмоса и другие впечатляющие строки... Потом мы все этот ирмос поем: *Седяй в Славе на Престоле Божества, во облаце легце, прииде Иисус Пребожественный, нетленною дланию, и спасе зовущая: Слава, Христе, Силе Твоей.*

Слава, Господи, Кресту Твоему честному. Твоя высота живоносне Кресте, воздушного князя бьет, и глубина, вся бездны закаляет змия, широту паки воображает, низлагая мирскаго князя крепостию твоею.

Слава Отцу, и Сыну, и Святому Духу. Кресте живоносный, ты ми буде крепость, и победа, и щит, и стена нератуема,

бесом отгнание, и помыслом погашение, и ума моего сохранение.

И ныне, и присно, и во веки веков, аминь. Крест воздвигнется и падают духов воздушных чинове, Крест снисходит, и нечестивии вси ужасаются, яко молнию видяще Крестную Силу.

Пресвятая Богородице, спаси нас. Крестообразно простерши руце, Чистая, к распростершему Свои руце на древе Крестнем и вознесшему естество наше, и умертвившему враждебныя полки, молящися непрестай...

Кресте честный, хранитель души и телу буди ми, образом своим бесы низлагая, враги отгоняя, страсти упраздняя и благословение даруя ми, и жизнь, и силу, содействием Святаго Духа и честными Пречистыя мольбами.

Закончив читать канон, мы с мамой и Светой с большим теплом вспоминали нашего старца, протоиерея Николая, служившего в селе Ильинском Владимирской области, который утренние и вечерние молитвы всегда заканчивая пением замечательных стихир Кресту. Моя подруга знала монахиню, которая побеждала бесовские страхования пением этих стихир:

Иже Крестом ограждаеми, врагу противляемся, не боящися того коварства и ловительства, яко бо горде упразднися и погран бысть на древе – силою Распятаго Христа. Крест Твой, Господи, освятися, тем же бывают исцеления, немощствующим грехми, сего ради к Тебе припадаем, помилуй нас.

Господи, – оружие на диавола Крест Твой дал еси нам, – трепещет бо и трясется, не терпай взирати на силу его. Яко бо мертвые возставляет и смерть – упраздни. Сего ради поклоняемся погребению Твоему и восстанию.

Как пел эти пронзительные слова – всей глубиной своего существа – отец Николай – забыть невозможно. «Вы бы слышали Ильинское пение старинных кантов в праздники после трапезы, – делилась Света с матушкой. – Мы с Еленой, слушая, всегда обливаемся слезами». И Света запела своим низким голосом:

Крест – хранитель всея вселенная, Крест – красота Церкви; Крест – Царей Держава; Крест – верных утверждение; Крест – Ангелов Слава и демонов – язва.

В нашей келье расцвело такое ликование, будто мы праздновали Торжество Православия. У всех светились глаза и лица. «Когда первомученицу Феклу поставили на кучу дров, чтобы ее сжечь, она осенила дрова – **крестом**, и пламя ее не коснулось. У нас и близко нет такой веры», – с подлинной грустью и сожалением сказала Света. «И при нашей слабенькой вере Бог незримо нам помогает, – ответила матушка Надежда. – Но у всех святых вера была серьезная. Антоний Великий отбрасывал бесов силою Крестного знамения, когда они на него нападали, и говорил им: «Если имеете от Господа такую власть: вот я, – уничтожьте меня, а если нет, – что напрасно стараетесь?! – вам все равно не победить Крестной Силы».

– Услышала в храме, – добавила мама, – как одна женщина, – совершая крестное знамение, постоянно не доносила руку до правого плеча и этого не замечала. Ей подсказали ее ошибку. На следующий день она рассказала: «Вижу во сне лукавого в большой досаде: тридцать лет, – говорит, – я на твоём левом плече сидел, – и ты меня **все-таки** – **согнала!**»

– Вот бы все мы по-сестрински, с любовью друг другу подсказывали полезное – большое было бы дело, – отозвалась матушка. Кто правильно и благоговейно крестится, от того бесы, как – **от огня бегут**.

Недаром отец Митрофан говорил, что в ближайшие годы наука подтвердит то, что – давно известно Церкви. Вспомнила слова матушки, рассматривая в 2002 году фотографию паломницы у Гроба Господня в день сошествия святого огня. Фотография запечатлела то, что обыкновенно – нельзя увидеть: женщина крестилась, и в воздухе, вслед за ее рукой – оставалось огненное начертание креста.

– Наша мать Вера в Ильинском, – сказала Светлана, – всех учит тщательно креститься и говорит: «Три первых пальца – крепко соединяем, два последних твердо прижимаем к ладони. Четко кладем знамение креста – на лоб – во освящение

мыслей; на грудь – чтобы сердце отзывалось Христовой любовью к Богу и людям; внимательно – на правое и левое плечо, – прося благословить твои дела. И все совершать собранно, донося руку – не приблизительно, а **точно** – до правого, **точно** – до левого плеча. Нигде не оставляем ни щелей, ни дыр, – чтобы враг не проскочил в ум, сердце и душу. Мать Вера всегда подчеркивает: взгляни на Крест, – в нем нет косых линий – одни прямые, а у тебя, замечай, куда рука сползает! Крестись прямыми линиями во образ – Креста Христова!»

Нам всем мать Вера повторяет: «Я видела сон – про Страшный Суд. Там (среди многого другого) будут строго спрашивать за небрежное крестное знамение», – добавила мама.

– Конечно, – подтвердила матушка Надежда – Крест первая наша защита и сила. Крестом святые – неисцельное исцеляли и даже – воскрешали мертвых. Искжая его начертание, мы лишаем его Божественной силы. И остаемся безоружными в духовной брани – на потеху бесам.

Матушка вспомнила о явлении Ангела, который сказал человеку, не почитающему Крест Христов: «Со времени Распятия Господа – ничего не было сделано благого на земле – без Креста! – ни святыми Ангелами, ни благочестивыми людьми».

В этот свой приезд Света рассказала нам о судьбе рабы Божией Наталии, которая жила неподалеку от нее. Родители ее были глубоко верующими людьми, и девочка вслед за ними любила молиться. Уходила в уединенные места и молилась в одиночестве. Однажды в лесу, будучи лет восьми, она не заметила приближения грозы и бегом бежала домой, уже настигаемая ливнем. Ударил гром, она спряталась от дождя под соломенной крышей, прижавшись к стене овина. Не переставая горячо молиться и креститься под гром и молнии, она изнемогала от страха. Когда ливень прошел и Наталия робко подняла лицо вверх, вдруг увидела, как раздвинулись тучи: в голубом просвете неба – по пояс в белых лилиях стоял в белых ризах Христос и смотрел на нее светлыми любящими глазами. В

руке у Него был золотой Крест. Он поднял его и осенил им Наташу. В нечеловеческих испытаниях, которые сопровождали ее жизненный путь, она вспоминала светло-синие, неземной доброты глаза Господа. Девочка рванулась домой – звать маму. Они прибежали вдвоем, но тучи снова сомкнулись и закрыли небо. Мама повела свою младшую в соседнее село к опытной монахине, та погладила покрытую платком головку и сказала: «Большой Крест твоей Наташе».

Наталия вышла замуж и родила восьмерых детей, все они были нездоровы душевно. Тяжело психически больные оказались в роду мужа. Бог один знает, что ей довелось перенести в жизни, но святая вера всегда поддерживала ее, и Господь не оставлял. Ее любимой стала икона Божией Матери «Нечаянная Радость». Однажды она пошла на рынок, чтобы купить венок на храмовый образ Богоматери к Пасхе. Но все стоило очень дорого. Даже мелькнула мысль: за такие-то деньги в деревню можно съездить. Но все-таки купила задуманное. А для своей домашней иконы приобрела дешевый маленький веночек и тут же радостно убрала им образ. Понесла свой дорогой подарок в церковь, но нигде не берут: одни говорят, у нас уже все украсили, другие: такими венками только гробы – наряжать. Заплакала она и пошла дальше. В одном храме все-таки взяли – для иконы «Умягчение Злых Сердец». «И в эту же ночь вижу я во сне Царицу Небесную, – рассказывала Наталия, – стоит Она надо мной в воздухе – и на Ее головке маленький мой веночек, а дорогой – над Нею, повыше. Она рукой на большой показывает: «Большой-то венок – **увянет!** – Тронула рукой маленький, цветочки нежно погладила, а **этот** Я для Себя – сохраню». А все потому, что я на богатый венок деньги – с **жалостью** отдала. **Для Бога – пожалела!** С тех пор на Божии дела не жадничала никогда». «И видели бы вы, – с **каким** покаянием она это говорила, будто вчера все произошло, а шестьдесят лет миновало», – добавила Света. А я подумала про себя, насколько, оказывается, Богу маловажны: красота, пышность, большие денежные затраты, если при этом – недостает Любви. Наверное, не вещь саму ценит Бог,

сотворивший все вещи, а именно – Любовь, которую через дар изливает человек Богу из своего сердца.

Много в жизни Наталии было Божиих посещений. Началась война. Семья с четырьмя детьми жила в бараке при заводе, на котором работал муж. Враг приближался к Москве, начались бомбежки. «Однажды накрываю на стол: хлеб да картошка, Слава Богу, с солью – вспоминала она. – Вдруг дверь приоткрывается и заглядывает странник: «Подайте, ради Христа». Я схватила три картофелины, отломила хлеба и бегу подавать. Муж на меня с руганью: «Изо рта у детей последний кусок вырываешь?» Я махнула на него рукой и подала нищему. Сели за стол, есть-то было нечего, но все насытились, и диво какое: еще остались – три картошки и ломоть хлеба. Даже муж замолчал. И снова этот старичок приоткрыл нашу дверь: «Да благословит Бог твою семью». А ночью вижу его во сне, но уже это не простой старичок, а Угодник Божий Николай. Идет рядом со мной: «Ну что, Наталья, живой хочешь остаться?» – «Да, батюшка». – «И дети чтобы были живы?» – «Конечно!» – «Ну, слушай меня. Возьми свою икону Божией Матери «Нечаянная Радость» и обнеси с молитвой вокруг своего барака. Под Покровом Царицы Небесной, Милостью Божией, – уцелеешь». И пропал. А я, как все уснули, подняла детей, взяла образ в правую руку, на левую – младшего, кто за подол держится, кто за руку хватается, – так гурьбой обошли в темноте весь барак. Читая: *«Богородице, Дево, Радуйся...»* осенила иконой все стены. И сколько уж нас бомбили: в двух шагах военный объект – завод. От соседнего барака – одна воронка осталась. По первости я с детьми бегала в бомбоубежище, а там: сквернословие, люди давятся, дети истошно вопят, один громче другого. Ну, думаю, будь что будет, не пойду больше. И как начинается бомбежка, я ставлю детей на колени и читаем под свист, грохот и разрывы бомб – Акафист Божией Матери. *Аллилуиа* три раза – все вместе поем, головки малых детей в пол тычутся. Так мы всю войну пропели. Однажды от взрыва рядом – полетели все окна. Нас осыпало градом осколков, и – ничего. Посреди ада – живы остались. С тех пор у меня «Нечаянная Радость» – главная святыня».

На следующий день после этого рассказа Света мне заметила: «Это самое большое для Бога, когда человек – от последнего – всем сердцем отдает».

«Стала ждать я пятого ребенка, – продолжала Наталья, – сколько могла, таилась. Но муж-таки погнал делать аборт: голод после войны, работы в то время у него не было. И пошла я со слезами к врачу. На следующий день иду по улице – нагоняет меня женщина в черном: «Что же ты, Наталья, сделала? Как Матерь Божию обидела. Убила свое дитя! Сын и должен был прожить всего девять дней, и забрала бы его Царица Небесная, тобою крещенного... Вались ко Владычице Своей в ноги – до смерти плачь. Как Ей тебя прощать?!» И исчезла. «И сейчас, – говорит на девятом десятке лет Наталья, – как вспомню себя, – убийцу! так душат слезы. Всех остальных, сколько Бог дал, хоть ты меня убивай, – родила». – «И это при том, – добавила Света, – что больные дети всю жизнь ее истязают, и взрослые внуки – по больницам лежат или дома у нее дебоширят. Всем передачи носит. Младший попросил забрать его из психушки. Взяла под расписку – привезла к себе домой. До сих пор, почти в **девяносто лет**, работает уборщицей **на трех участках**, – чуть ли не гектар пола убирает и моет – кормить надо несчастных пропойц. В доме – шаром покати. Такой нищеты нигде никогда не видела. Голые ободранные стены, кровати да стол с колченогими стульями. Все повытаскали, пропили. Одна неприкосновенная святыня – икона «Нечаянной Радости» в вышитом полотенце. Ее тронуть боятся. Средний сын спьяну хотел ее продать, убежал, чтобы мать его в момент преступления не застала, но тут же у дома – едва под машину не попал: что-то понял. Скорей принес и на место поставил... Такая мать-крестоносица. Заболела раком, стала Божию Матерь молить со слезами: «На кого же я их брошу, моих голодранцев, Родимая, еще меня – потерпи...» Представьте – без больниц и лекарств, на которые у нее нет денег, – полностью исцелилась!!! Что значит – нужна она Богу! На днях младший сын налил в ванну чернил, потом включил душ и – купался. Так и заснул в этих чернилах. Как она потом его отмывала...»

Наталья с детьми была в числе тех, кому всей душой помогали Света с мамой. Через год я была на похоронах четвертого сына Натальи. Предполагая увидеть самую мрачную обстановку, была потрясена намоленной атмосферой пустой комнаты, в которой лежал покойный. Света привела священника, и умирающий от рака был исповедан и причащен перед успением. Железная кровать довоенного образца и самодельный гроб на двух табуретках, картонные старенькие иконочки, прикрепленные к стене булавками. Гроб украшали белые бумажные кружева, вырезанные даже с каким-то изяществом. Было так тихо и благолепно, будто здесь жили Ангелы. Сын в черном костюме Светиного отца – выглядел кротким и даже по-христиански красивым. Мать роняла слезы у гроба и рассказывала какие-то трогательные случаи из жизни покойного. (И в самой печальной жизни когда-то отступает болезнь и вновь – **проявляется душа**. Душа-христианка, которая неистребима – никем и ничем, и полчища бесов не в силах ее – затмить до конца). Это были подробности, которые, кроме Бога, способна заметить и оценить одна родная мать.

На очередные собранные Светой деньги через полтора года мы хоронили дочь Натальи – Нину, которая вечно звонила своим благодетелям ни свет ни заря и выпрашивала деньги. Несчастливая пила и жила тем, что собирала и сдавала бутылки. Хочу добавить, что у Светы с детства было очень слабое здоровье: систематически очень низкое давление, сосудистая дистония, после раковой операции она жила больше десяти лет на инвалидности. Я поражалась терпению Светы и ее мамы: будучи глубоко нездоровыми людьми, они терпеливо выносили постоянные появления этой тяжелой, вечно пьяной и прокуренной неопрятной женщины. Но Света умела общаться с душевно больными столь трезво, что ставила на место самого расхлябанного человека. При этом все ее слова дышали такой неподдельной добротой, что больная приходила в себя и неожиданно начинала вести себя – почти нормально. Поразительно, что и у Нины в гробу лицо было непривычно хорошим, – спокойным, как у отдыхающей от тяжелого изнурительного труда – рабы. «От-му-чи-лась», – плакала над

ней мать, которая так страшно с ней настрадалась. Перед смертью – Нина вслед за матерью – повторила: *Господи, помилуй* и другие несложные молитвы. И в душе звучало: *Иже призовет Имя Мое – спасется!* Глядя на этих людей, я начинала понимать что-то до сих пор мне неясное: то, что Бог воистину **Любит всех**, и – самые немощные и слабые духовно – тоже – **Его дети**. Вспоминаю одну знакомую просфорницу, которая умерла монахиней Варварой: «Рукавички свяжешь, одну потеряешь и ту – жалко. Неужели Богу не жалко потерять человеческую душу?!» Не забуду вопрос сына-подростка отцу-священнику: «Какими будут на Небе дебилы?» И ответ отца: «Дебилы будут умны, как Ангелы!» За какие тяжкие грехи рода, уходящие в бездну неизвестности, страдали эти люди? **Непостижимая тайна страдания**. Почему она столь глубоко потрясает душу? Быть может, потому, что боль и скорбь человеческие таинственно соприкасаются с муками Самого Великого Страдальца?!

Матушка Надежда говорила нам: «Всегда испытываешь чувство вины перед убогими. Кажется, перед ними весь мир виноват. Святые люди до слез жалели даже одержимых. Глубоко молились о них, нередко исцеляли. Слышала от одного монаха, что психическая болезнь (называя вещи своими именами, – особая близость и власть бесов над человеческой душой) попускается Богом – **за тяжелые неисповеданные грехи рода**. Поэтому с почтением смотри на этих сугубых страдальцев – отмучаются они здесь, и, может быть, ради их страданий, какие-то их праотцы будут освобождены Богом из ада? У Бога нет напрасных страданий. Нельзя презирать и унижать ни одного из живущих. Психически больным не вменяются их грехи, так как **они лишены свободной воли** – и находятся под властью насилия бесовского. Даже такой жуткий грех, как самоубийство, прощается душевнобольному человеку. И Церковь разрешает его отпевать. Все знают, как тяжело общаться с такими больными – потому что умопомрачительные состояния, в которых они пребывают, это состояния, которые претерпевают в аду. Бог дает отмучиться человеку **в этой жизни** – и даст ему спасение – **в Мире Ином**».

Слушая умудренные христианские ответы Натальи, о чем бы ни заходил разговор, любясь этой редчайшей тишиной и кротостью, которые так естественно источала ее душа – среди царивших в доме бурь, ощущая живую молитвенную благодать во всем, что она делала, – я понимала, что Господь не оторвал от этой души Своих любящих глаз.

Она умерла, успев похоронить предпоследнего сына. Я верю: все дети Натальи спасены Господом.

Что заставило Светлану, интеллигентного человека, который от своих воспитанных родителей не слышал ни одного худого слова, идти туда, где сплошь черные слова, где погрязают в нечистоте, пьют и поднимают руку на ближнего, и даже на родную мать... Что подвигло эту хрупкую душу совершать с отвагой и решимостью все то, что полностью превышает человеческие силы?! Любовь, которая неизреченна, – **Любовь Христа**. Думаю, Великая Княгиня Елисавета и Марфо-Мариинская Обитель молились о Светлане с детства.

Когда Свете сделали раковую операцию, она через считанные дни уже бегала по палатам своего онкологического отделения, входила в чужие скорбные ситуации, дарила крестики, иконы, листки в помощь к исповеди. В одно из моих посещений она повела меня в палату, где отгороженная шкафом, умирала некрещеная женщина. Все ее существо выражало неопишущую скорбь. Она уже не могла говорить. И когда мы, сострадая всем сердцем, склонились над ней, – не могла уже ответить нам ни звуком, ни движением. Но большие выразительные глаза внимали нашим сбивчивым словам. Совершенно произвольно мы со Светой начали молиться над ней, осеняя страдальицу крестным знамением. И вдруг шестым чувством ощутили, что ее душа вострепелась и с повышенным напряжением и даже отрадой воспринимает – слова ли? Или силу искренней сердечной молитвы? Света вдруг охнула: «Как же я забыла взять святую воду?! Она у меня – в одной бутылке – от множества молебнов, и даже крещенская там есть». Она принесла святыню, смоченной ваткой мы омыли – лицо, шею, запекшиеся губы. Капали святую воду в пересохший, судорожно глотающий рот. Мы плакали, ощущая живое страдание и

безмолвную благодарность несчастной, которая уже казалось нам родной сестрой. Я налила воду в ладонь и стала крестообразно кропить больную всю – с головы до ног: *Во имя Отца и Сына, и Святаго Духа. Аминь*. И так – раз за разом, ощущая сквозь слезы чужую радость. Мы плакали уже все трое. Умиравшей стало, видимо, легче. И она закрыла глаза. Больше она уже не приходила в себя и отошла ко Господу в эту же ночь. На следующий день я с волнением рассказывала обо всем священнику. И услышала неожиданный ответ: «Хотя и с натяжкой, но можно молиться об усопшей как о крещеной».

Поминая дедушку Афанасия и мать Силуану, вспомнила рассказ Святителя Николая (Велимировича). На вопрос молодого учителя, есть ли теперь настоящие христиане, он ответил: «Много их есть; если бы их не было, померкло бы солнце... Сейчас поделюсь с тобой одним примером. На маленькой железнодорожной станции (в Сербии) я увидел пожилую крестьянку. Старое отцветшее лицо, но светящееся тем чудным таинственным светом, который часто встречается на лицах людей духовной жизни. Я спросил ее: «Кого ожидаешь, сестра?» – «Кого пошлет мне Господь», – ответила она. Оказалось, что каждый день приходит она на станцию посмотреть, нет ли бедного путника, который бы нуждался в хлебе и ночлеге, и если таковой встречается, она радостно принимает его как посланного Богом, и отводит его в свой дом, находящийся на расстоянии одного километра. И еще поняли мы из разговора, что читает она Священное Писание, ходит в церковь, постится и старается поступать по Заповедям Божиим... Я попробовал похвалить ее евангельское гостеприимство, но прежде чем я закончил говорить, она вздохнула и сказала: «Разве мы – не Его **каждодневные гости** – в течение всей жизни?» И слезы заблестели у нее на глазах».

Думаю, что многие тысячи православных живут сегодня на земле, ежедневно пытаюсь служить ближним, каждый в меру своих сил. Всех их, не сомневаюсь в этом ни одной минуты, ежедневно **благословляет с Небес** – на святой труд – Сама Великая Княгиня Елисавета, как напутствовала всякий день Своих Обительских сестер.

Будем же и мы ежедневно обращаться к Ней за помощью – всем сердцем. Одна моя подруга, будучи у нас в гостях, сказала матушке Надежде: «У нас ведь много святых, и все – замечательные. Молюсь и Сергию Радонежскому, и Серафиму Саровскому, и даже Государю. А перед Матушкой Елисаветой – испытываю такое преклонение, что даже считаю себя недостойной – Ей молиться». «Ты не права, – ответила матушка. – Свет Своего Божиего избранничества Великая Княгиня Елисавета несла в самые темные подвалы, самые грязные углы жизни, никогда не гнушаясь никем и ничем. И чувствуя запущенность наших душ, мы тем более – всем своим существом должны припадать к Ней: *Матушка Великая – пролей Божий Свет Твоей непорочной Любви – в наши убогие души. Поведи и нас – за Собой. Дай силы – сострадать, утешать, помогать тем, кому трудно. Не дай нам погибнуть!* Ведь то служение Богу, которое Она явила Своей жизнью, – самое близкое, естественное, искони присущее, душе всякой верующей женщины».

В один свой приезд Света, желая порадовать матушку и всех нас, тихонько запела своим альтиком старинный кант:

Не унывай, душе моя, не унывай,
Уповай, уповай – на Господа.
Видишь, Господи, печаль мою, –
Я Твоя овца – заблудшая,
От Твоего стада – отпавшая.
Ты кого пошлешь хоронить мя
Или Ангела-Хранителя
Или Сам придешь за душой моей.
Или Сам возьмешь мою душеньку.
Мою душеньку – во пресветлый Рай,
Во пресветлый Рай – к святым Ангелам.
Не унывай, душе моя, не унывай.
Уповай, уповай – на Господа...

Нельзя сказать, что у нее был выдающийся голос, но, вынимая что-нибудь из сердца, она жила такой глубиной христианского чувства, что ее пение всегда было для нас большим приобретением – духовной радостью. Потом мы стали

вспоминать наше Ильинское, храм Илии Пророка с приделами Казанской Божией Матери и великомученика и Победоносца Георгия. «Жаль, что вы не можете увидеть нашего батюшку отца Николая, – говорила Света, – певчие и прихожане после службы поют там дивные песнопения, которых уже не услышишь». Например, это:

Припев: Ангели и Архангели

Воинство небесное,

Спасение чудесное.

Возьмите под защиту нас,

Да не убоимся в смертный час.

Архангел Михаил – Воеводо Сил

Мя от врага сохранил, Архангел Михаил,

Архангел Гавриил – волю Божью мне явил,

Архангел Рафаил – душу и тело исцелил,

Архангел Уриил – мое сердце просветил,

Архангел Варахиил – мне благословенье испросил,

Архангел Селафиил – мя молитве научил,

Архангел Иегудиил – мне в работе пособил,

Архангел Иеремиил – мя искушенья свободил.

Припев.

Серафими – огненная к Богу любви,

Херувими – премудросте Божия.

Начала, Власти, Престолы, Господствия и Силы.

Припев.

Ангели-Хранители, бесов прогонители,

Наши вразумители и руководители.

Припев.

Последним она пела наш любимый «Мой путь»:

Мой путь каменист, не украшен цветами,

Душистые розы на нем не цветут.

Мой путь лишь усыпан одними шипами,

Терновника иглы на нем лишь растут.

Иду я по узкой дороге жестокой,

И трудным мне кажется путь впереди.

Но голос в душе моей где-то глубоко

Уверенно шепчет: не бойся, иди.

Тот голос Спаситель мне в сердце влагает
И силы дает на борьбу со грехом,
Небесное Царство Он мне обещает
И вечно Блаженство – навек со Христом.
Тот голос Небесный меня приглашает:
Усталый измученный путник земли,
Награда золотая тебя ожидает,
В Небесное Царство скорее войди...

Света говорила: «Сколько людей сегодня страдает – так хочется протянуть руку помощи – ободрить, поддержать. Так хочется, чтобы ушла печаль, разгладились морщинки на дорогих лицах. Из родных по крови у меня осталась одна мама. Но я смотрю в глаза своих близких – их так много, и все они – родные, как мама, как братья и сестры. Всем я должна что-то доброе сказать; сделать, как будто Кто-то ждет от меня, чтобы я торопилась, чтобы я бежала к людям – каждому стремилась помочь».

И если многим из нас постоянно приходят те же мысли, не будем пренебрегать ими. Эти мысли – от Бога, это наши святые, Сама Елисавета Феодоровна, – влагают их нам в душу. Это Господь наш Премилостивый протягивает нам руку помощи через Своих святых.

Незабываемо преклонение Светланы перед святой Царской Семей. Из скудных сведений, известных нам в то время, она рассказывала эпизоды, которые глубоко касались наших сердец. И теперь мне очень жаль, что уже я одна читаю книгу о митрополите Несторе и его благоговейные воспоминания о Царе.

«Митрополит Нестор Камчатский – личность легендарная. В двадцать два года он принимает монашество и, по благословению святого праведного Иоанна Кронштадтского, уезжает на место своего миссионерского служения – на Камчатку. Там, в тяжелейших условиях, жестокие морозы и пургу, переезжая от стойбища к стойбищу, на собачьих упряжках, не раз, чудом избежав смерти, кормит он свою дику, страждущую паству, любит и жалеет ее, как родных детей: *Они*

не знали Любви Христовой, не были утешены ничьей лаской... Они только боялись...

(Государь Николай II всегда интересовался проблемами, которые возникали у миссионеров на Камчатке. «Чем Я могу быть вам полезной, отец Нестор?» – этими любезными и заботливыми словами встречала отца Нестора вдовствующая Императрица Мария Феодоровна. При одной аудиенции Царь спросил): «...Что Я могу для вас сделать?..» – и, как бы что-то обдумывая, сказал: «Отец Нестор, наша семья желает подарить Камчатскому братству церковь. Для получения ее вам надобно будет заехать в Зимний дворец к графу Ростовцеву. А еще Я и Царица вручаем вам образ преподобного Серафима Саровского».

Царица спросила: «Можно ли вам подарить шерстяные платья для взрослых и детей Камчатки, связанные Моими дочерьми?..»

(Поблагодарив Царя и Царицу за подарки, отец Нестор предложил устроить церковь в глухой части Камчатки и освятить ее в честь святителя Иоасафа Белгородского. И выразил сожаление, что не сможет побывать на его канонизации, которая должна была произойти через пятнадцать дней.)

Тогда Государь сказал: «Вы, отец Нестор, будете официально участвовать в прославлении мощей, чему Я буду очень рад. Все подробности о вашем официальном участии узнаете от Великой Княгини Елисаветы Феодоровны, посетите Ее в Москве и Она вручит вам от нашей Семьи специальное иоасафовское облачение, такое, какое будет у всех участников – архиереев и священников.

Я глубоко поблагодарил Государя Императора за дарованную мне Милость и долго переживал эту духовную радость»³⁴.

В начале 90-х годов в нашем доме появилась рукопись книги архимандрита Софрония (Сахарова) о старце Силуане. В то время было трудно с ксерокопированием, редкие тексты перепечатывались на пишущих машинках. Эта книга стала настольной для множества православных христиан. Она приоткрывает тайну сокрытого от мира монашеского подвига

борьбы с бесами. Когда мы со Светой с великим воодушевлением читали вслух для матушки и мамы полуслепой текст (первые экземпляры дарили близким) – мы и представить не могли, что через два десятка лет Преподобный Силуан захочет дать Свете, принимающей постриг, – покров своего святого имени. Вспоминаю с каким вниманием матушка слушала отрывки из этой книги³⁵, которую теперь легко приобрести каждому.

...Дух Святой, уча Силуана любви Христовой, давал ему действительно жить этой любовью, воспринимать в себя жизнь всего человечества. Молитва последнего напряжения, с глубоким плачем о всем мире роднила и связывала его крепкими узами со «всею Адамом». Для него, пережившего воскресение души своей, стало естественным воспринимать каждого человека как вечного брата своего. В земной жизни есть известный последовательный черед, но в вечности все мы едино, и потому каждый из нас должен заботиться не только о себе, но и об этом всеединстве. (Прежде чем старец достиг святости, он претерпел страшные битвы с силами зла.)

...Однажды ночью келия (послушника Силуана) наполнилась странным светом, который пронизал даже и тело его так, что он увидел свои внутренности. Помысл говорил ему: «Прими, – это благодать», однако душа послушника смутилась при этом... После видения странного света стали ему являться бесы, а он, наивный, с ними разговаривал «как с людьми». Постепенно их нападения усиливались; иногда они говорили ему: «Ты теперь святой», а иногда – «Ты не спасешься». Брат Симеон спросил однажды беса: «Почему вы мне говорите по-разному – то говорите, что я свят, то, что я не спасусь?» Бес насмешливо ответил: **«Мы никогда правды не говорим»**...

Смена демонических внушений, то возносящих на «небо» в гордости, то низвергающих в вечную гибель, угнетала душу молодого послушника, доводя его до отчаяния, и он молился с чрезвычайным напряжением. Спал он мало и урывками. Крепкий физически, подлинный богатырь, он в постель не ложился, но все ночи проводил в молитве или стоя, или сидя на табурете (без спинки); изнемогая, он сидя засыпал на 15–20

минут, и затем снова вставал на молитву. И так несколько раз. В общей сложности спал он за сутки от полутора до двух часов...

Кто переживал что-либо подобное, тот знает, что никакое человеческое мужество, никакая человеческая сила не может устоять в этой духовной борьбе. Надорвался и брат Симеон; он дошел до последнего отчаяния и, сидя у себя в келии, в предвечернее время, подумал: «Бога умолить невозможно». С этой мыслью он почувствовал – полную оставленность, и душа его погрузилась во мрак адского томления и тоски. В этом состоянии он пребывал около часа...

В тот же день, во время вечерни, в церкви Святого Пророка Илии, что на мельнице, направо от царских врат, где находится местная икона Спасителя, он увидел живого Христа. «Господь непостижимо явился» молодому послушнику, и все существо, и само тело его исполнилось огнем благодати Святого Духа, тем огнем, который Господь низвел на землю Своим пришествием (Лк.12:49)...

Мы знаем из уст и писаний Блаженного Старца, что его осиял тогда великий Божественный свет, что он был изъят из этого мира и духом возведен на небо, где слышал неизрекаемые глаголы; что в тот момент он получил как бы новое рождение свыше. Кроткий взор всепрощающего, безмерно любящего, радостного Христа – привлек к Себе всего человека...

В своих писаниях он без конца повторяет, что Господа познал он Духом Святым, что Бога узрел он в Духе Святом...

Потенциально всякий человек призван к полноте духовной жизни, но постоянная обращенность воли к миру вещественному, к плотским и душевным переживаниям приводит к тому, что многие одебелевают, доходя до состояния неспособности к духовным восприятиям...

...В лице Старца Силуана промысл Божий дает миру новый пример и новое свидетельство о безмерности Любви Божией, чтобы и чрез него, Силуана, воспрянули люди, парализованные отчаянием...

Для Старца Силуана слово Христа было – Животворящий Дух, сама Вечная Жизнь, Бог в Своем действии...

Вера его получила характер глубины. Он верил, что Бог будет судить людей, что те, которые творили грех и не покаялись, пойдут в муку вечную, те же, которые творили благо по заповеди Христа, унаследуют вечное Небесное Царство. Согласно с совершенно правильным замечанием Преподобного Максима Исповедника, – *Вера рождает страх* (а не страх веру) – (О любви, 1 сотня, 2), горячая вера Симеона породила в его душе великий страх осуждения за те многие и немалые грехи, которые он сознавал за собой...

Что есть грех в понимании христианина?

Грех, прежде всего явление духовное, метафизическое. Корни греха в мистической глубине духовной природы человека. Сущность греха – не в нарушении этической нормы, а в отступлении от Вечной Божественной Жизни, для которой сотворен человек и к которой он, естественно, т.е. по природе своей, призван.

Совершается грех, прежде всего, в таинственной глубине человеческого духа, но последствия его поражают всего человека. Грех совершенный – отразится на душевном и физическом состоянии человека; он отразится на внешности его; он отразится на судьбе самого творящего грех; он выйдет неизбежно за пределы его индивидуальной жизни и отяготит злом жизнь всего человечества, а следовательно, отразится на судьбе всего мира.

Не только грех Праотца Адама имел последствия космического значения, но и всякий грех, – явный ли, тайный ли, – каждого из нас **отражается на судьбах всего мира...**

Грех Старец Силуан переживал чрезвычайно глубоко и сильно; сердце его болело от греха невыносимо, и потому покаяние бывало неудержимо-устремленным, с плачем, неотступное, доколе не почувствует душа, что Бог простил...

(Но бесы вновь начали вести борьбу с подвижником.) Кто вел с ними борьбу, тот знает, как бесы бывают умны и часто льстивы с теми, кто принимает их, и как яростны – когда их отвергают. Всякий раз, когда с подвижником происходит то, что было с братом Симеоном, духовный отец напрягает внимание свое. Борьба с демонами не должна приводить в страх; страх –

наполовину поражение: появление его ослабляет душу и делает ее более доступною демоническому насилию...

Однажды Старец сказал: «Если бы Господь не дал мне в начале познать, как много Он любит человека, то я и одной такой ночи не вынес бы, а их у меня было множество».

Прошло пятнадцать лет со дня явления ему Господа. И вот однажды в одно из таких мучительных ночных борений с бесами, когда, несмотря на все старания, чисто молиться не удавалось, Силуан встает с табурета, чтобы сделать поклон, но видит перед собой огромную фигуру беса, стоящего впереди икон и ожидающего поклона – себе; келия полна бесов. Отец Силуан снова садится на табурет и, наклонив голову, с болезнью сердца говорит молитву:

– Господи, Ты видишь, что я хочу молиться Тебе чистым умом, но бесы не дают мне. Научи меня, что должен я делать, чтобы они не мешали мне?

И был ему ответ в душе:

– Гордые всегда так страдают от бесов.

– Господи, – говорит Силуан, – научи меня, что должен я делать, чтобы смирилась моя душа?

И снова в сердце ответ от Бога:

– Держи ум твой во аде, и – **не отчаивайся...**

После последнего посещения Господа ему открылся подлинный смысл и сила ответа Преподобного Пимена Великого своим ученикам: *Поверьте, чада! Где сатана, там и я буду.*

Он понял, что Преподобный Антоний Великий был послан Богом к Александрийскому сапожнику учиться тому же деланию: от сапожника он научился помышлять: *Все спасутся, один я погибну...*

Он познал в опыте жизни своей, что полем духовной битвы со злом, космическим злом, – является собственное сердце человека. Он духом узрел, что самым глубоким корнем греха является – **гордость** – этот бич человечества, оторвавший людей от Бога и погрузивший мир в неисчислимые беды и страдания; это подлинное семя смерти, окутавшее человечество мраком отчаяния...

Монах ведет сильную, крепкую, упорную брань за то, чтобы убить в себе гордого зверя, за то, чтобы стать человеком, **подлинным человеком**, по образу Совершенного Человека Христа, то есть кротким и смиренным...

С того дня его «любимой песнью», как сам он выражался, становится: *Скоро я умру, и окаянная душа моя снидет – в тесный черный ад, и там один я буду томиться в мрачном пламени и плакать по Господе: Где Ты, Свет души моей? Зачем Ты оставил меня? Я не могу жить без Тебя.*

Это делание скоро привело к миру души и чистой молитве. Но даже и этот огненный путь оказался не кратким...

Постепенно в молитве его начинает преобладать скорбь о мире, неведаящем Бога. *Молиться за людей – это кровь проливать*, – говорил Старец, Духом Святым наученный любви Христовой...

После опыта адских страданий, после указания Божия «держи ум твой во аде» для старца Силуана было особенно характерным молиться за умерших, томящихся во аде, но он молился также и за живых и за грядущих. В его молитве, выходящей за пределы времени, исчезала мысль о преходящих явлениях человеческой жизни, о врагах. Ему было дано в скорби о мире разделять людей на познавших Бога и на не познавших Его. Для него было несносимым сознавать, что люди будут томиться во тьме кромешной.

Помним его беседу с одним монахом-пустынником, который говорил: «Бог накажет всех безбожников, будут они гореть в вечном огне».

Очевидно, ему доставляло удовлетворение, что они будут наказаны вечным огнем. На это старец Силуан с видимым душевным волнением сказал:

– Ну скажи мне, пожалуйста, если посадят тебя в рай и ты будешь оттуда видеть, как кто-то горит в адском огне, будешь ли ты покоен?

– А что поделаешь, сами виноваты, – говорит тот.

Тогда Старец со скорбным лицом ответил:

– Любовь не может этого понести... Нужно молиться за всех.

И он действительно молился за всех; молиться только за себя стало ему несвойственным. Все люди подвержены греху, все лишены славы Божией (Рим.3:22). Для него, видевшего уже в данной ему мере славу Божию и пережившего лишение ее, одна мысль о таком лишении была тяжка. Душа его томилась сознанием, что люди живут, не ведая Бога и Его любви, и он молился великою молитвою, чтобы Господь по неисповедимой любви Своей, дал им Себя познать.

... *Господу всех жалко*, – говорил он, да и не только говорил, но и сам исполненный Духа Христова, жалел всех. От видения окружающей жизни, из воспоминаний прошлого, от глубочайшего личного опыта – он жил страданием народа, всего мира, и не было конца его молитве. Он молился великою молитвою о всем мире. Он забывал себя, он хотел страдать за народ от жалости к нему; за его мир и спасение он влекся проливать кровь свою, и проливал ее в молитвах. «Молиться за людей – это кровь проливать», – говорил Старец.

«На первом году моей жизни в монастыре душа моя познала Господа Духом Святым. Много нас любит Господь... Я старик, и готовлюсь к смерти, и пишу истину ради народа. Дух Христов, Которого дал мне Господь, всем хочет спасения, да все познают Бога. Господь разбойнику дал рай; так и всякому грешнику даст рай. Я хуже смердящего пса грехами моими, но стал просить у Бога прощения, и Он дал мне не только прощение, но и Духа Святого, и в Духе Святом я познал Бога. Видишь Любовь Божию к нам? И кто опишет сие Милосердие? О, братья мои, припадаю я на колени и молю вас веруйте в Бога, веруйте, что есть Святой Дух, Который свидетельствует о том во всех церквах и в моей душе. Дух Святой есть Любовь; и Любовь эта разлита во всех душах святых небожителей, и тот же Дух Святой на земле в душах, любящих Бога. В Духе Святом все небеса видят землю, и слышат наши молитвы, и приносят их Богу. Господь Милостив, знает это душа моя, но описать невозможно. Он зело кроток и смирен, и когда душа увидит Его, то вся изменяется в Любовь к Богу и ближнему, и сама делается кроткою и смиренною, но если потеряет человек благодать, то будет плакать, как Адам по изгнании из Рая. Он рыдал, и стоны

его слышала вся пустыня; слезы его были горьки от скорби, и много лет проливал он их. Так душа, познавшая благодать Божию, когда теряет ее, скучает о Боге и говорит: «Скучает душа моя о Боге, и слезно ищу Его».

Преподобне отче Силуане, моли Бога о нас и вымоли у Бога нас, грешных, из преддверия ада преисподнего, которым является наша сегодняшняя, заселенная демонами жизнь.

Памятен эпизод, как Света принимала монашество. Имя для нее было выбрано заранее. Знакомый иеромонах переоблачался, готовясь совершить постриг. Затягивая поручи на руках, он неожиданно замер: его взгляд неподвижно остановился на портрете старца Силуана (фотография многие годы висела в изголовье Светиной постели). Почти растерянно священник произнес: «Нет, имя должно быть другое... **Да, – она должна быть – Силуана!**» Так сам Преподобный Силуан «поправил» батюшку. Какая таинственная связь соединяет душу человеческую – с душами ее любимых святых Света всю жизнь раздаривала и распространяла книгу о старце. Часто рассказывала людям эпизоды из его жития, радостно начала читать ему акафист, как только он появился. Она была столь проникнута духом Преподобного, что цитировала его слова на смертном одре. Одна навестившая ее подруга стала говорить что-то осуждающее об общих знакомых. Света остановила ее: «Однажды в монастыре высказывали резкие мнения об одном монахе – в присутствии старца Силуана. В конце разговора обратились к нему за поддержкой. Старец ответил после паузы: «Сколько лет ты меня знаешь, отец В.? – Тридцать пять. – Слышал ли ты за эти годы, чтобы я кого-нибудь осудил?! – Нет. – Так чего же ты ждешь от меня теперь?» – «Вот и я тебе отвечу этими же словами, – взволновано произнесла Света. – Углубившись в житие Преподобного, я разучилась осуждать людей».

Была свидетелем этого диалога и поразились серьезности ее устройства. Эту твердость не могли поколебать ни лютая длительная болезнь, которая оставила от Светы, казалось, одни косточки, ни страшное бессилие, ни тяжелые раковые страдания. Услышав эти слова, вспомнила, что, проходя

Мытарство осуждения, душа бывает задержана не только за прямую клевету, но и в том случае, если, слушая чужое осуждение, она не возражала на него. Если только двумя-тремя словами поддерживала греховное мнение или даже только молча соглашалась с говорившим. Одно внутреннее согласие с чужим грехом делает нас его соучастниками.

Никогда не забуду, как в одно из своих последних посещений Светланы принесла ей аудиопленку духовных песнопений для детей – Алексея Романова³⁶. В это время он был уже монахом Оптиной пустыни. В его исполнении существует запись замечательных песен на слова убиенного (хочется произнести: «преподобного») иеромонаха Василия.

Я называла Свету ее мирским именем, так как она просила не открывать знакомым ее тайну. После пострига она сказала: «Только не говори никому, а то все умрут со смеха: Светка – монахиня!» Но мы знали, что Света, как никто среди нас, – достойна называться этим высоким именем. Недаром матушка Надежда сказала мне однажды в отсутствие Светланы: «Это настоящая – наша Обительская сестра!»

В тот мой приход, у кровати истерзанной болями Светы я говорила ей: «Родная моя, я тебе такое утешение принесла – одно детское песнопение». Она протянула неописуемо худую кисть, обтянутую пергаментной кожей, показывая, где включить магнитофон. Длинный рукав соскользнул с запястья до локтя – на руку было страшно смотреть – она казалась сухой – как ветка. В маленькой келье, все стены которой украшали простые бумажные иконы, зазвучали слова, которые я до сих пор без слез не могу слушать. Песня была посвящена Рождеству Христову. Узнав о рождении Спасителя, дети несли Ему свои дары: живых ягнят, мед, молоко и хлеб... И только одна нищая девочка грустно стояла у входа в вертеп: и дети шли, смеясь над нею...

О, Боже, плакала она,
Зачем меня Ты создал нищей,
Я одинока, я бедна,
С чем я войду в Твое жилище?
Вдруг свет, как тысячи огней,

Сверкнул вокруг во тьме унылой,
И видит девочка пред ней –
Посланник Неба светлокрылый.
Не плачь, бедняжка, не грусти,
Промолвил кротко гость Небесный,
Ты можешь Богу принести
Твоих слезинок дар чудесный.
Взгляни, малютка, на земле,
Куда твои упали слезы,
Там вырастают, там – во мгле
Цветут прекраснейшие розы.
Ты розы светлые сорви,
Иди к заветному порогу,
И дар – страданий, дар Любви
Отдай, дитя, Младенцу Богу.
И вот с кошницею цветов,
Цветов, усеянных шипами,
Она вошла под Божий кров,
Сияя светлыми слезами.
И ей в ответ в очах Святых,
Как искры звезд – сверкнули слезы...
И изо всех даров земных –
Христос Младенец – выбрал розы.

«Ты мне сегодня говорила, – радость моя, – продолжала я, – что тебе страшно предстать пред Господом, ибо нечем Ему – воздать за все Его неизреченные к тебе Милости. Тебе есть что Ему принести: свои скорби и терпеливое их несение». По Светиному ясному лицу, ставшему маленьким и худым, как у ребенка, медленно катились слезы: «Нет, ты не знаешь, – я абсолютно ничего не имею!» – твердым голосом человека, уверенного в своей никчемности, произнесла она. И я вспомнила рассказ о Преподобном Сисое, который говорил перед смертью своим ученикам: «Я прошу у Господа оставить мне время – на покаяние». Ему ответили: «Отец, ты не нуждаешься в покаянии», – так как знали, что он достиг совершенства. «Я еще **не положил начала – покаянию**», –

ответил святой. И вслед за этим лицо Преподобного просияло, как солнце, ибо он увидел Христа, пришедшего за его душой.

Глядя в светлые, огромные от худобы глаза Светланы, я думала: «Боже, дай чему-нибудь научиться... Никогда мы не умеем столь глубоко постигнуть свое истинное ничтожество, как в преддверии нашего исхода из этой жизни... Боже, дай мне смириться раньше!» По Милости Божией, Светлану причастили в последний раз – едва ли не за полчаса – до смерти. Господи, сподоби и нас не лишиться Твоей главной Великой Милости в день нашего исхода.

...Похороны матушки Силуаны остались в памяти Пасхальным праздником... Во время последней литии на кладбище алтарники держали в руках огромные пучки горящих свечей. Раскаленные ручки воска струились по их незащищенным пальцам, – и мы понимали, что души их, как и наши, – полыхают благодарной любовью к рабе Божией, которая отдала своему Христу и каждому своему (верующему и не познавшему Бога) близкому – все, что имела, – **до конца**.

Многие годы Светлана, следуя Обительскому правилу, читала с мамой жития святых каждого дня. Ей было в высшей степени свойственно воспринимать их живыми и близкими для себя. Она постоянно рассказывала нам эпизоды, тронувшие ее душу. Святые отцы сказали, что, соприкасаясь сердцем с мыслями святых, мы приобщаемся их жизни.

Когда-то я писала белые стихи родимой душе, и теперь понимаю, что они могут быть посвящены и другим моим близким, живущим для Неба:

Как мне благодарить Бога за встречу с твоей душой которая живет всегда – для другого, которая не сжимает руку, чтобы больше в нее набрать, а всегда ее раскрывает, чтобы щедро отдать другому все, что имеет.

Она сияет, утешая больную и скорбную душу. И, не подбирая тщательно слов, находит единственные слова поддержки и ободрения.

Вспоминая тебя, я испытываю Небесную радость. Я никогда не забываю тебя. И даже тогда, когда ты уйдешь из этого мира и когда из него уйду я.

Ведь ты говорила со мной из глубины сердца, и из глубины души я отвечала тебе. Ты – стала частью моей жизни, потому что касалась самых глубоких и тонких струн моей души, которая столько унывала в горе и одиночестве, столько лет провела, не имея понимания.

Главная ценность жизни – это родство душ, что встречается столь нечасто... И в длинной дороге, и в далеком далеке от тебя я прошу тебя – молиться обо мне.

Как и я каждые утро и вечер молю, чтобы Царица Небесная простирала над тобой Свой святой омофор, чтобы широкими крылами оградил тебя от зла Архангел Михаил и с любовью осенял крестом Серафим преподобный. Мне кажется, что Царская Семья, благословляя, смотрит на тебя с надеждой и ожиданием. И Великая Княгиня Елисавета, внимая твоей глубине, осеняет тебя Своим Распятием, не сводя с тебя ангельских глаз. Я знаю, что все святые – с тобой, ведь им известно, как ты их любишь.

И если мы расстанемся на земле, я верю: издалека ты поддерживаешь меня, ты всегда делишься со мной своей радостью. И в трудную минуту я знаю – ты-то меня понимаешь...

Где бы мы ни были, мы живем на одной планете, глядя на одни и те же звезды, возводя взор и сердце к Небу, ожидая и прося Милости друг для друга и всех дорогих: любящих и ненавидящих нас.

И не страшно все претерпеть в этой лютой жизни, если у тебя есть хотя бы одна близкая душа на свете.

Потому что Бог дарит дружбу, чтобы людям – никогда не разлучиться, ибо неразрывно то, что соединил Христос.

И теперь, когда ушла из этой жизни Света, мы все равно вместе – мы живем и трудимся Богу в одной, сотворенной Им Вселенной. И наши любимые святые – никогда не оставят нас.

Светлая Вечная тебе память, дорогая моя. Моли Бога о нас, грешных, столь много обязанных тебе. Помогай всем, кого нам дал Бог, (для тебя каждый был – ближним!), выбирать из тысячи возможных дорог – единственный безошибочный путь.

Моим ушедшим любимым

Удостоите всех нас встречи с вами в Раю,
Где до дна души преданы Богу, друг другу.
Так Отец наш хотел, создавая приют
Победившим в бою, хоть израненным слугам.
Недостойна я вас, ваших ласковых глаз,
Приснопамятных лет снисхожденья, прощенья.
Мама, старцы, друзья, чтоб такую прощать,
Чтоб виновных жалеть, – сколько нужно терпенья.
Нет ни лепты – воздать вам, святии мои,
Сколько вешних цветов сердце сердцу дарило.
Научите меня настоящей Любви,
Чтобы крест донесла и как вы – всех любила.
Бьет пророческий час, скоро вспыхнет содом,
Если чудом пройдем сквозь войну и ненастье
И войдем в светотворный Небесный наш дом,
Сколько ангельских глаз здесь заплачет от счастья.
Упаду ниц и в прах пред Страданьем Христа...
Как ничтожная я здесь смогу очутиться.
Все спасутся, лишь я недостойна Творца...
Вся надежда на Вас, умолите о нас:
непосильно навек разлучиться.

«Мы можем уподобляться Господу в смирении»

Мы со Светой были близко знакомы с духовным чадом архимандрита Тихона (Агрикова, † 15.11.2000 г.) – Анной. Ее воспоминания о батюшке и машинописные тексты его книг произвели на нас глубочайшее впечатление. Всю жизнь мы мечтали увидеть, но так никогда и не увидели своими глазами отца Тихона, но он вошел в нашу жизнь как самый родной и близкий нам человек. Кажется, ни над одной книгой я не лила таких слез, как над текстами, которые батюшка посвятил своим духовным детям. Мы делились с матушкой Надеждой воспоминаниями Анечки, читали ей отрывки из батюшкиных книг. Матушка Надежда называла отца Тихона *великим старцем, одним из столпов* современной Церкви. Говорила, что батюшка обладал той мерой Божией Любви, какою сияли отцы древности. (Теперь мы ездим на святую могилу архимандрита Тихона – в схиме Пантелеимона. Она украшена тяжелым мраморным крестом и расположена – за алтарем храма «Благовещения» в селе Тайнинское Московской области). Отец Тихон – для меня – живой образец пастырского Милосердия. Это был отец – утешитель. Сам Пастырь Добрый повел его – дорогой Своей Крестной Любви.

Будучи монахом Троице-Сергиевой Лавры, архимандрит Тихон изгонял бесов, исцелял не исцелимое для врачей. На его проповедях плакали все присутствующие – таким обильным было излияние Божией благодати. Господь попустил Своему избраннику величайшие скорби. Только после его смерти стало известно, как его преследовал КГБ. Всю жизнь подвижника не оставляла и прямая ненависть дьявола, его одолевали толпы одержимых. Когда он ушел в затвор, и порой в два-три ночи выходил во двор Лавры, тут же, как из-под земли, появлялись подвластные бесам люди. Они бросались на монаха, рвали его одежды, кусали, валили на землю. Были случаи прямого покушения на его жизнь...

Батюшка оставил своим духовным детям многие тома написанных им замечательных книг. Большинство из них посвящено судьбам монахов Лавры. Под именем отца Иосифа он рассказывает здесь о своих земных мытарствах.

«Исполняя послушание духовника народного, отец Иосиф всецело вооружился против грехов и пороков людских. Он с горечью видел, как родной и милый ему народ утопает в греховном невежестве и житейской суете. Он видел, как они горько плачут о своих беззакониях и не могут от них избавиться своими силами. Отец Иосиф вместе с ними плакал, вместе молился и каялся в грехах. Народные грехи он почитал как бы своими грехами и словно считал себя виновным в них, как будто делал их сам. Совсем редко ему приходилось служить у престола Божия, а вот плакать во Всех-Святской Церкви, при совершении исповеди, приходилось часто.

Ему было так жаль людей, что он готов был всех простить и взять всю тяжесть грехов их на свои плечи. Эта всецелая жертвенность изводила его до того, что он едва мог ходить и с большим трудом мог говорить. Высокий, худой, он стоял на исповеди, как маяк среди бушующих волн народного покаяния... Были периоды, когда отец Иосиф целыми сутками не выходил из подвальной Всех-Святской Церкви, исповедуя народ или совершая соборование больных.

Особенно трудно ему было в большие праздники: Троицу, Вознесение, Покров, память Преподобного Сергия, Рождество, Великий пост и прочие. В эти дни верующие стекались со всех краев великой матушки России. Дом Святой Троицы – Лавра Сергия Преподобного – была для них пристанищем тихим от бурных вод житейского моря. Люди верующие отдыхали здесь измученной своей душой, слагали тяжесть своих грехов, причащались Святых Христовых Таин и укрепляли ослабевающую веру. Сколько было дел в такой среде? Сколько трудов требовалось от доброго пастыря! И вот отец Иосиф отдает свои последние силы страждущему своему народу. Он утешает, прощает грехи, ободряет ослабевшие души, вселяет уверенность в немощных, дает советы против телесных

болезней, словом, по Апостолу, он сделался *всем для всех, чтобы спасти хотя бы некоторых* (1Кор.9:22).

Видя такую ревность пастыря Божия о словесных овцах, диавол вооружился против него всеми видами новейшего оружия. Наместнику Лавры архимандриту П. стали писать сотни клеветнических писем на отца Иосифа, будто он собирает на исповеди деньги, любезничает с близкими своими духовными, содержит десятки безработных девиц, разносит всякую крамолу и недовольство на власть, и всякую другую небылицу. Отец наместник вызвал отца Иосифа и в беседе с ним убедился в его правдивости и честности выполняемого им послушания. На прощание он сказал ему: «Смотри, отче, враг спасения сильно невзлюбил тебя».

– И я его не очень люблю, – ответил просто отец Иосиф, – только помолитесь о мне, отец наместник, – кротко закончил он.

– Ладно, ладно, – добродушно ответил наместник, – сам хорошо молишься.

Не достигнув желаемого через местное начальство, диавол повел работу дальше. Он возбудил ненавистников из народа и даже некоторых завистников из братии, которые стали писать клевету на отца Иосифа Патриарху и в Совет. Отец наместник не мог защитить отца Иосифа, хотя и использовал всю свою силу и весь свой авторитет. Отцу Иосифу было запрещено выходить на исповедь. Он теперь смиренно вставал на левый клирос и пел вместе с другими. Как трудно ему было видеть людей, которые смотрели на него издали и не могли подойти к нему и попросить мудрого совета. Как они плакали у раки Преподобного Сергия, вымаливая, чтобы он сжалился над ними и снова отдал бы им отца Иосифа. Плакал и сам отец Иосиф, видя искреннюю скорбь своих духовных сирот.

Но самое страшное горе было в том, что на исповедь стали посылать совсем юных иеромонахов, которые не могли как следует исповедовать и наставить народ. Они соблазнялись, когда им каялись в грехах, особенно плотских, и наоборот, сами были соблазном для народа, особенно юных монахинь и девиц. Кровью обливалось сердце отца Иосифа, когда он слышал, что тот или иной молодой духовник давал кающимся неправильные

советы или строго наказывал их суровыми епитимиями, или даже дерзал отлучать их от святого Причастия. Встречая такого духовника, он кротко говорил ему: «Что ты делаешь, брат мой, сам-то ведь еще слабенький, а дерзаешь карать других. Господь гневался за это на книжников и фарисеев, что они наваливали на людей бремена неудобноносимые, а сами не хотели и перстом двинуть их (Мф.2:3–4). А теперь вот и мы делаем так же».

– У них грехи тяжкие, – оправдывался иеромонах.

– Если тяжкие, то надо помочь им, – говорил отец Иосиф.

– Как же помочь?

– Проще всего разрешить грех, то есть, снять его с грешника, а потом поплакать, помолиться с кающимся, чтобы Господь укрепил и не попустил больше его делать.

– Это и все?! – удивлялся иеромонах.

– Нет, не все. Если грех не смертный, например, блуд, или убийство, непримирение и прочее, дать такую епитимию, которую кающийся может выполнить. Затем сказать ему, что Господь обязательно поможет ему в исправлении греховной жизни на жизнь добрую, и отпустить его с миром.

– А я читал каноны святых отцов, – говорил задумчиво иеромонах, – там строго они велят обращаться с грешниками.

– Ты, братец, не так понял наставления святых отцов. Они все говорят в духе Евангельской Милости и всепрощения. Только Любовью Спаситель спасал грешников и блудниц, и где Любовь не принималась, там применялась осторожно строгость очистительная. Так учат и святые отцы.

Святая Любовь отца Иосифа сильно страдала от косности, формальности, сухости окружающего его мира. Он видел, как люди, даже монашествующие, священники, легко научились врать и обманывать друг друга... «Господи! – вздыхал отец Иосиф, – до чего же мы дожили?.. Как же враг нас всех попутал, напугал, застращал. Ведь боимся и друг другу сказать правду, чтоб не выдали, чтоб не продали... Отец Иосиф говорил всем правду, за что был любим одними и ненавидим другими...

Оказавшись изолированным от народа, отец Иосиф усилил за них молитву в своей келии. Он читал каноны, Псалтирь,

Акафисты, а когда изнемогал, лежал как пласт недвижимо на одре и плакал. Добрый отец-наместник сочувствовал горю отца Иосифа. Желая ободрить его, он выхлопотал ему игуменство, а затем и архимандритство. Но это повышение в чине не успокоило старца. Его влекло к страждущему народу, в самую гущу слез, скорбей и грехов. Только в общении с народом он мог найти себе удовлетворение и полноту духовной жизни. Ему говорили, что раньше старцы, наоборот, удалялись от народа, уходили в пустыню и там молились. Глубоко вздохнув, он отвечал: «Правда, так раньше делали старцы, но можно ли так делать теперь, когда народ гибнет сотнями, тысячами. Когда так мало нас, духовных, осталось. Недаром сатана добивался у Спасителя, чтобы ему сеять Апостолов, как пшеницу (Лк.22:31). Вот теперь он добился того, что «сеет» нас куда хочет и как хочет». А главное, отрывает пастырей от народа, чтобы легче было народ погубить.

Не имея возможности дать отцу Иосифу простор в духовной деятельности в Лавре, отец-наместник послал его на приход... где он истово и ревностно служил, пламенно и искренно проповедовал... *Возревновал я о Господе Боге Саваофе, ибо сыны Израилевы оставили завет Твой, разрушили Твои жертвенники, и пророков Твоих убили мечем (3Цар.19:10).*

Одно было утешение отцу Иосифу – это вера простого народа. Как он его полюбил! Как он с ним молился Богу и вместе плакал о грехах их и скорбях. В свою очередь и народ любил отца Иосифа. Он увидел в его лице истинно доброго пастыря, полагающего душу свою за овец своих (Ин.10:11)...

Но на сердце отца Иосифа было скорбно. Он ясно понимал, что на христианскую веру надвигается «девятый вал» – самый сильный и самый страшный. Своей яростью и злобой он скоро зальет все святое и дорогое, а самое главное – погубит многие христианские души. Отцу Иосифу захотелось молиться. Он закрыл двери и начал читать акафист Спасителю. На дворе был вечер. Алое солнышко уходило за темный горизонт. Когда же стемнело, к наружной двери кельи отца Иосифа подошел человек. Он тихо постучал, но ответа не было. Приложив голову к дверной скважине, он услышал приглушенные рыдания,

доносившиеся из глубины келии. «Опять плачет, – тихо произнес неизвестный, – и когда только этот пастырский плач окончится, о, Господи?!!»

Девятый вал навалил и на отца Иосифа. Сатана зорко следил за духовной деятельностью Лаврского старца. Он уже с трудом переносил его служение и проповеди. И однажды, когда отец Иосиф проводил общую исповедь в храме, бесноватая женщина закричала: «Не могу больше терпеть этого болтливого старика. Скоро он замолчит! Замолчит! Замолчит!» И действительно, через неделю отец Иосиф замолчал. Господь попустил ему новое испытание. На него написали анонимное письмо в Москву, в котором отец Иосиф обвинялся в каких-то противозаконных деяниях...

Однажды вечером отец Иосиф помолился Богу и лег спать. Не успев как следует заснуть, он слышит в себе слова Апокалипсиса: *Небо скрылось, свившись как свиток, и всякая гора и остров сдвинулись с мест своих (Апок.6:14)*. Очнувшись, отец Иосиф заплакал. «Твори, Господи, Твою волю святую на мне, грешном, – сказал он и, встав с одра, стал собирать вещи. – Теперь уже сдвинут, – думал он, – но какая же я гора, Господи? И ту двигают, мешает, значит?!» Через час... ему предложили ехать опять в Лавру... «Ведь там мне снова не дадут ничего делать...» – с болью думал отец Иосиф.

Не успел отец Иосиф войти в святые ворота Лавры, как его встретила совсем еще молодая женщина, она будто ждала его.

– Ты опять едешь сюда? – закричала она озлобленно.

– Патриарх послал, вот и еду, – кротко ответил отец Иосиф.

– Патриарх послал? – передразнила женщина, – я здесь патриарх, я, я.

– Дура ты нетесаная, – бросил ей отец Иосиф.

– Я дам тебе, дура, ах ты, шалый старик!

Она, как кошка, вцепилась в рясу отца Иосифа и стала валить его с ног.

– Уйди, сатана, что ты ко мне привязалась? – закричал он.

– Не уйду! Не уйду! Пока тебя не опоганю.

И женщина стала валить отца Иосифа по земле. Он стукнул ее по голове сумкой. Она, как безумная, захохотала. Потом,

завидя, что к ним приближаются люди, она заорала во все горло: «Караул! Караул! Меня насилуют!» Подбежало несколько женщин. Увидев бесноватую бабу, они стали колотить ее чем попало. Отец Иосиф встал, отряхнулся и ушел во внутренний двор монастыря. «О, Господи! – думал он, – что же это такое? Не успел шагнуть во двор монастырский, как уже напасть». Утерев слезы платком, он постучал в проходную. Отец-наместник принял его сочувственно. Он уже знал о его возвращении в Лавру, знал и о том, что случилось у Святых ворот.

– Вам придется, отче, в «затвор» уйти, – сказал он отцу Иосифу.

– В какой затвор? – спросил старец.

– Да вот, опять сидеть в келии и молиться.

– Как благословите, отец-наместник, так и будет.

И стал отец Иосиф жить в святой обители, не выходя из своей келии. Ему нельзя было нигде показаться. Даже когда он приходил в трапезную, то «грызлая тетя» (как прозвали ее монахи) не давала ему покоя. Она лезла в открытую форточку, бросала камни в окна, ругаясь и выкрикивая гнусные слова. А однажды, когда отец Иосиф вышел с трапезы и шел в свою келию, она бросилась на него с террасы вышиною в десять метров. Ударившись о камни, она поломала себе позвоночник. Пришла «скорая помощь» и увезла ее в больницу. Он понял, что ему предстоит строгая изоляция. Беспокоило его и то, что этот последний поступок «грызлой тети» мог вылиться в судебное следствие. Затаскают. И на Лавру будет клеймо. Но Господь Милувал. Все дело утихло. Бесноватая три месяца пролежала в больнице и вышла опять на свое дело.

Отец Иосиф сидел в своей келии и молился. Ему нельзя было ни служить, ни исповедовать, ни проповедовать, ни стоять у мощей Преподобного Сергия, ни дежурить у источника, решительно никуда нельзя было выйти. Но сатана не успокоился и на этом. Он повел дальнейшую борьбу против раба Божия. «Грызлая тетя» подобрала себе еще трех таких же «проходимок», и они стали по ночам проникать во внутренний двор монастырский и лезть в самую келию отца Иосифа. Никто

не мог их караулить. Неведомыми путями, через стену ли, или подворотню, или через крышу, а то и переодевшись под видом уборщиц и монашек, они пролазили к келии отца Иосифа и воровски стучали в окна. Для того чтобы добраться до окон, они подставляли пустые бочки и лезли в самую форточку. Келия отца Иосифа была отделена от других, так что монахи спокойно спали и ничего этого не видели. Другие если и видели, то посмеивались над несчастьем старца и не могли ему помочь. Он же, просыпаясь ночью, плакал, видя, что делают над ним «дщери сатанинские».

Из окна он мог их облить кипятком, или керосином, или стукнуть чем-нибудь, но разве отец Иосиф мог позволить себе это?! Лежа у стены под одеялом, он плакал навзрыд. Он видел, как два-три женских лица уткнулись в стекло его окна и шепчут ему несуразные слова. Хорошо, что в келейных окнах у него были небольшие решетки. Но их можно было свободно расширить и влезть в самую келию «Господи, Боже мой, плакал под одеялом отец Иосиф, – лучше мне умереть, чем терпеть это. Ты наказываешь меня, Господи, кажется, свыше сил моих. Целые ночи они терзают меня, и я не могу успокоиться. Какая же это пытка, какое бесовское наваждение. Что им от меня нужно? И чем я им обязан? Но Ты Сам, Господи, был истязуем и не открывал уст Своих, *как овца веден был на заклание и как Агнец пред стригущим его безгласен, так Ты не отверзал уст Своих.* Помоги же и мне до конца перенести это!»

К утру, когда монахи вставали и шли на Полунощницу, «грызлые тети» исчезали со двора и дежурили у дверей храмов, чтобы отца Иосифа не пустить на службу. Однажды после темной бессонной ночи старец решил пойти на братский молебен. Посмотрев в окна келии, он никого не заметил. Ушли, решил он. Но едва отворил дверь келии, как на него бросилась «грызлая тетя». Коридор был темный и глухой. Никаких криков о помощи никто не мог слышать. Один Бог мог помочь и оградить Своего раба. Что хотела сделать с отцом Иосифом «грызлая тетя»? Она молча вцепилась в его мантию и готовилась задушить его. Бог помог бедному старичку. Он был сильнее этой зверюги. Схватив ее за руки, он выволок ее из темного

коридора на двор. Она не кричала. Знала, окаянная, что забралась в чужой двор и ее могла наказать милиция. К счастью, подбежал один молодой иеромонах. Он схватил ее за волосы и потащил на проходную. Вызвали милиционера, который увел ее в комендантское отделение. Но вечером она опять уже была на свободе и замышляла против отца Иосифа новые махинации.

Когда уже невозможно было это все терпеть, отца Иосифа ночью отправили в Москву лечиться. Люди ли передали, или сатана подсказал «грызлой» команде, только и этот отъезд был беспокойным. Они, как одна, следили за машиной, и, как только отец Иосиф выехал из ворот внутреннего двора, на машину накинута целая стая безумных женщин. Они лезли в кабину силою, бросались под колеса, подняли ночью страшный шум и гвалт. Одна из них все же ворвалась в машину, где сидел отец Иосиф. Вытаскивать ее не было возможности. Она вцепилась в сиденье, как кошка, так и осталась. Закрыв дверцы наглухо, шофер погнал машину к Москве. За Загорском остановился, и, вытащив незваную гостью из машины, поехал дальше.

Отцу Иосифу было ясно, что сам дьявол помогает этим злодейкам издеваться над ним и мучить его. Потому он просил у Господа терпения и чтобы Он – Милосердный – не вменил им это в непрощенный грех. В душе ему так хотелось избавиться от этих супостатов. «Господи, Сергей Преподобный, – говорил он про себя, хоть бы они заболели, хоть бы пронесло их на малое время. Может быть, они одумались бы! покаяться. А я хоть чуточку отдохнул от них».

Но «Грызлые тети» болеть и не собирались. Их ничто не брало! Ни холод, ни дождь, ни ночные дежурства на ледяном ветру. А били-то их как! Конечно, не отец Иосиф, а народ. Когда они специально устроят в храме шум и драку, народ законно вознегодует на них. Ведь это запрещается законом – кто сорвет Богослужение и нарушит спокойствие в общественном месте, карается лишением свободы на один-два года или исправительно-трудовыми работами. Где там. Милиция их совсем не трогала. Она даже поощряла их действия. Для видимости их заберут в отделение, а потом опять выпустят. Эта

безнаказанность особенно возмущала народ. И потому создавалось предположение, что хранители общественного порядка с ними заодно.

Когда отец Иосиф находился в Москве в одной близкой ему семье, привели к нему маленького крестника Ваню. Мальчик был таким милым и разумным ребенком, что все им восхищались. Часто глядя на отца Иосифа, Ваня глубоко вздыхал. Отец Иосиф привез ему занятную игрушку... Но ребенка мало занимала эта новинка. Он близко-близко подходил к старцу и печально-ласково смотрел ему в глаза, потом, глубоко вздохнув, ненадолго отходил. «Ваня, – спрашивали его родители, – что ты так глубоко вздыхаешь?» Посмотрев на всех, он ничего не отвечал. Потом опять подходил к отцу Иосифу и, глубоко вздыхая, долго смотрел ему в лицо. «Боже мой! – думал старец, – чистое детское сердце что-то предчувствует». «Ваня, деточка моя, – ласково спрашивал отец Иосиф ребенка, – болит ли что у тебя?» На чистеньких глазках Вани показались слезы. Он тихо мотал кудрявой головкой и шепотом отвечал: «Нет, батюшка, у меня ничего не болит». – «А почему же ты вздыхаешь?» Ребенок не отвечал, а продолжал печально смотреть в глаза старцу.

Спустя десять-пятнадцать минут в квартиру, где был отец Иосиф, неожиданно ворвались две «грызлые тети». Они стали требовать себе старца. С помощью Божией их закрыли на кухне, а тем временем подъехала автомашина, и отец Иосиф быстро уехал на другой конец города. «Так вот о чем вздыхал Ванюша мой! – думал старец, сидя в машине. – Он, бедненький, предчувствовал, что новая гроза надвигается на мою голову». На душе у старца было тоскливо. «Нет! Нет! – шептал он, утирая платком слезы, – сатана, видимо, будет преследовать меня до тех пор, пока не добьется моей гибели. Но как жаль мне этих малых сих». Сердце старца рвалось от боли за тех верных ему духовных детей, с которыми сатана не давал ему встречи.

Переночевав ночь на новой квартире, он поехал дальше. Но не успел он отъехать отсюда, как «грызлые тети» наведались и сюда. Кто им все говорил? Откуда они как люди могли знать, где находится отец Иосиф!? Вот как старец и

лечился. Больные нервы его еще сильнее расстроились. Он чувствовал себя плохо... но во всем полагался на волю Божию и терпел свои болезни. *Работая Господу со смирennemудрием и многими слезами* – говорил о себе святой Апостол Павел. И какое чудесное свойство святых? Что ни больше они трудятся для Господа, более делаются кроткими и смиренными, что ни более очищаются, более считают себя грешными. Так было и с отцом Иосифом. Он абсолютно искренне признавал себя великим грешником. И все приключения, которые были у него с «грызлыми тетями», он почитал наказанием за свои грехи...

...Было время, горы Кавказа сияли неземным светом подвигов пустынных, теперь же – оскудение. Да, везде оскудение! Святой Пророк Исаия говорит: «Оскуде реки», – вот они и оскудели. Не только реки горные, но и реки благодати Божией. Кажется, нет высот, ущелий, тущоб, где бы ни ступила нога туристов и геологов. В неприступных местах и ныне живут еще подвижники. Их Бог хранит и укрывает. Они молятся за весь мир и за все грешное человечество. И если бы не было этих «Ноев» и «Лотов», давно бы наша земля погрузилась в море огня. Но видно, Господь еще терпит нас по молитвам неведомых миру подвижников: странников, пустынных и горных отшельников.

И как только они живут, эти рабы Божии! В какой скудости, в какой крайней нищете, в каких опасностях и страхе? Никто их теперь не защитит, никто не пожалеет. На них даже закон не распространяется. Если их находят, с ними кончают самосудом и кровавой потехой. У них требуют денег и сокровищ, которых у подвижников никогда не было и нет. О, как одичал мир и его культурные обыватели! Духовного они ничего не понимают и понимать не хотят. Называя себя мудрыми, обезумели...

Из записей архимандрита Тихона:

1. Благодать приходит не от нас, а от усмотрения Божия, в руки Которого нам и надо предавать себя.

4. Благодать удерживается смирением, удаляется гордостью, самонадеянием.

5. Благодатное состояние познается по отвращению от всего греховного и страстного.

6. На молитве всякое благоухание, голоса, пение, свет не должно принимать.

7. Болезнь, переносимая терпеливо и с благодарением, вменяется в подвиг.

8. Болезнь пришла, можно полечиться; прошла – слава Богу; не прошла – терпеть и Бога благодарить.

9. Божию близость представляй так, что ты Им живешь, движешься, дышишь, укрепляешься, просвещаешься.

10. Любящий Бога забывает всякую другую любовь.

14. Один старец сказал, что молиться его научили бесы.

19. Дьявол, замечая противодействие помыслам грешным, переходит к помыслам пустым и праздным, чтобы через них опять вернуться к первым.

20. Веруй, что Господь одесную тебя есть, и будешь всегда радостен.

23. Греховный помысл надо отражать в самом начале.

24. Грех собственными силами человек преодолеть не может.

25. Как дитя лепечущее стою на молитве, сливаясь со словами и духом произносимой молитвы.

26. От дьявола сердечный холод и темнота, ибо дьявол холоден и темен.

27. Дьявол, хотя бы преобразился в Ангела света, вносит в душу неясность, смущение и волнение.

29. Доброе дело не может мешать молитве. Надо молиться и творить добро.

31. Прямая дорога к Богу – память Божия, память о смерти и дух сокрушен.

36. Духовное дело познается не книгой, а подвигом и кровью.

38. Душе необходимо снисходить в ее немощах и терпеть свои недостатки, как терпим недостатки других.

39. С душевным человеком говори о житейских делах, с духовным о небесах.

41. Жизнь деятельная: пост, молитва, коленопреклонения, воздыхания, бдение и прочие телесные подвиги.

42. Жизнь умозрительная: возвышение ума к Богу, сердечное внимание, умная молитва.

43. Жизнь в обществе других полезна для обнаружения своих страстей.

45. Необходимые житейские дела не надо забрасывать, как бы для Господа, но надо их исполнять с терпением, как поручение от Бога.

48. Заслуги нет в принуждении себя к молитве, оно есть только подготовка к принятию молитвы благодатной.

53. Искание в себе плодов не вовремя – признак гордости.

54. В Иисусовой молитве не ищи сладости и тепла, а страха Божия и сокрушения сердца.

55. В Иисусовой молитве мало слов, но они вмещают – все.

57. Достоинство Иисусовой молитвы – в качестве, а не в количестве.

59. Любящим Иисусову молитву враг посылает скорби:

60. Скорби собирай как сокровище.

61. При келейном правиле нужно давать простор и молитве собственными словами.

65. Ко Кресту Господню надо привиться крестными скорбями своей жизни.

66. Лекаря и лекарство Бог сотворил; отвращаться от них – укор Богу.

67. Что ни делал бы ты, но наивозможно чаще призывай Имя Божие, за все благодари Господа – за радости и скорби, так как все посылается для нашего блага: тогда освятится вся твоя жизнь и будет непрестанною молитвою.

69. Любовь выше молитвы.

70. Где делается без Любви к Богу и ближним, там негде Христу преклонить главу.

71. О мире не грусти, о мире сердечном всегда проси.

73. Ничто так не приближает сердце к Богу, как Милость.

76. Молитва без утруждения тела и без скорби сердца подобна недоношенному плоду чрева.

79. Молитва требует простоты слов и сердца.

81. Молитва от того не приемлется, кто не почитает себя грешником.

83. Молитва отнимается – по самомнению, осуждению, главным образом для смирения.

87. Хотя при молитве ты не ощущаешь силы молитвенных слов – бесы ощущают и трепещут.

88. Чем больше видишь в себе неисправностей, тем более двигаешься вперед.

89. Нерассеянность в молитве не от нашего желания, а от смирения.

91. На нечистых помыслах не останавливайся, чтобы не дойти до срамных дел.

92. Ничто не дает душе такой тишины, как произвольная нищета.

95. Никого не осуждай, никем не гнушайся и не делай разницы между людьми.

96. Осуждай дурной поступок но, не осуждая того, кто его делает.

97. Осуждай себя, и не будешь осуждать других.

98. Откровение помыслов опытным – необходимое врачевание для души.

99. Отчаяние бывает от множества грехов, и от гордости, и недоумения.

100. Не может не печалиться тот, кто любит мир.

102. От чрезмерных подвигов поста и безмолвия рождается высокоумие.

104. Студные помыслы оттого, что молился с мнением, а не со смирением.

110. Ревность молитвенная угашается механическим вычитыванием молитвословия.

113. От гордости рождаются хульные помыслы.
114. Смиренномудрие испытывается получаемыми обидами.
118. Сокрушение сердца рождается памятью о грехах юности, о смерти, о страданиях Господа, о Его благодеяниях.
121. Страх Божий – начало истинной жизни в Боге.
122. От внешней суетливости теряется внутренняя теплота.
124. К Святым Тайнам нет запрещения приступать и грешнику, если только осуждать себя как грешника.
127. Что без труда приобретается, то скоро теряется.
128. Не оставляя своих трудов, надо надеяться не на них, а на Милость Божию.
131. Тесный путь необходим.
132. Уединение – самое дорогое время для молитвы.
133. Уединенная молитва в сердце возможна и в миру.
134. Умиришь с собой, и умирятся с тобой небо и земля.
138. Учащение есть мать навыка, как в добродетели, так и в пороках.
151. На языке смирение, а в сердце самооправдание.
152. Нельзя все время быть на Фаворе, нужна и Голгофа.
153. Иное дело спастись в прежние времена, иное – теперь.
156. Настоящий двадцатый век есть время последнее.
157. Основной признак последних времен – разделение Святой Троицы: Христа будто не было, Дух Святой не сходил, один Бог-Отец на небесах. Это возврат к иудаизму.
158. Верность Христу сохранится кровавым терпением истинных чад Божиих.
159. Христиане не боятся последних времен, а терпеливо ожидают их.
160. Любящий Христа с нетерпением говорит: *Ей, гряди скорее, Господи Иисусе!* (Апок.22:20).

Батюшку пытались прятать в других монастырях: Одесском, Жировицком... Но преследователи появлялись вслед за ним. **«Бог судил мне затвор»**, – сказал он близкому духовному лицу. Последние тридцать лет жизни отец Тихон провел в разных местах – в глухом затворе, доступный немногим, отвечая на бесчисленные письма духовных детей, продолжая окормлять

сотни монашествующих и мирян. Старец получил от Бога редкий дар Любви к людям. Он бесконечно страдал, не имея возможности оказать немедленную помощь своим духовным чадам. Его молитва творила чудеса, подобно молитвам древних чудотворцев. Например, при жизни он часто являлся своим «сиротам» в отчаянных ситуациях, выводил их из духовных тупиков. Батюшка ежедневно совершал не только Божественную Литургию, но весь суточный богослужебный круг. Будучи тяжело болен, архимандрит Тихон уступил настоятельным просьбам родственников, и его привезли в Москву. Племянник батюшки, протоиерей Владимир, вспоминал, что последние восемь месяцев жизни отец Тихон пребывал в непрестанной молитве и слезах, которые наивозможно скрывал. Он ушел во время всенощной, после слов, которыми начинается Великое Славословие: **«Слава Тебе, показавшему нам Свет!»**

Воспоминания духовной дочери отца Тихона

Раба Божия Анна оставила нам живые свидетельства об архимандрите Тихоне. В детстве она болела костным туберкулезом. Когда в двенадцать лет с ее ножек сняли гипс, под ним оказалась кровь. «Ну, Анечка, ходить не будешь никогда», – сказал врач. И это была калека – маленького росточка, с горбиком впереди, горбиком сзади... Страшные головные боли – не оставляли ее годами, не считая уймы других болезней. В шестнадцать лет она услышала об отце Тихоне, и ее сердце загорелось желанием обязательно попасть к батюшке. Но как это было нелегко ей, которая с трудом передвигалась на костылях. Минуя многие препятствия, она все-таки добралась до Лавры. И вот девочка в толпе ожидающих у аналая. В нескольких шагах от нее стоит человек, быть может, впервые решившийся прийти на исповедь, что вызывает нередко яростное противодействие бесов. Или тяжкое душевное состояние одолевает его душу – только весь он зажат как камень. Наконец появляется отец Тихон. Он входит в толпу, и, как будто случайно, край его мантии скользит по плечу страдальца. Происходит что-то необыкновенное, потому что мужчина, мгновенно освободившись от обдержавшей его силы, вдруг сгибается от сотрясших его рыданий. Все пытаются наивозможно приблизиться к батюшке, оттесняя более слабых. Отец Тихон поворачивается лицом к сгрудившимся подле него людям. Что-то тихо говорит стоящему справа, стоящему слева. Потом протягивает руку, чтобы раздвинуть людей, все послушно расступаются, и в конце образовавшегося просвета – наша паломница. «Да, да, деточка, иди сюда», – зовет он Анечку, которая не верит сама себе. Он сажает ее на стул, приготовленный – для него. Накрывает своей мантией. И начинает исповедь, которая длится шесть часов. После всех он исповедует ее. И потом говорит: «Аннушка, дай мне свои костылики». – «А я, – вспоминает Анечка, – испугалась, прижала их к себе и думаю: куда же я без них!» А батюшка смеется: «Давай, давай, не бойся!» – «Взял он мои костыли, – с

необыкновенным умилением вспоминала она, – понес в алтарь. Помолился над ними у престола Божия (как будто она могла ходить вслед за батюшкой!) и вернул их мне. Насколько трудной, непосильной была для меня дорога в Лавру, настолько легко, как на крыльях, я вернулась домой: везде руку подают, место уступают... Так я стала духовной дочерью отца Тихона». Батюшка укрепил и наставил свою духовную дочь так, что она стала способна поддерживать других, в скорби сущих. Никогда не забуду, какой детской преданностью сияло ее лицо, отражавшее глубину ее святой души, когда она говорила: *Господь даст крестик, да почти весь его и возьмет – на Себя. На тебя – один краешек положит.* Это свидетельство человека, страдания которого были исключительными.

Молитва перед чтением Евангелия, которую, по благословению отца Тихона, читают его духовные дети

Возсияй в сердцах наших, Человеколюбче Господи, Твоего боговедения нетленный свет, и мысленная наша отверзи очи во евангельских Твоих проповеданий разумение, вложи в нас и блаженных Твоих заповедей страх, да плотския похоти вся поправше, духовное жительство пройдем, вся яже ко благоугождению Твоему и мудрствующе и деюще. Ты бо еси просвещение душ и телес наших, Христе Боже, и Тебе славу возсылаем, со Безначальным Твоим Отцем и Всесвятым, и Благим, и Животворящим Твоим Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

«Много Милостей Божиих и чудес пережила я молитвами любимого старца, – вспоминала Анечка. – Однажды иду по переходу в метро. Как не спешила – запоздала и попала в час пик. Толпа несется, ничего не видя перед собой. Ну, думаю, сейчас собьют с ног и – затопчут. Молюсь, молюсь, как-то вынесло меня на обочину, и прижалась я спиной к кафельной стене. И чувствую, – все! ноги подкашиваются, теряю сознание, – сейчас упаду. И вдруг не вижу – ощущаю себя – в неописуемом Саду: все благоухает – неведомые цветы, неземные фрукты... чувствую, что я живу, дышу, дышу – непередаваемое счастье... Очнулась, стою у той же стены, прижавшись к ней спиной, толпа схлынула. Но я уже не та. У

меня столько сил – больше, чем у здоровой. Кажется – летела домой. Три дня ни ела, ни пила на дарованных Небом силах...

У меня с сосудами очень плохо, нередко сильно тошнит, не только что голова болит и кружится. И вот одних, других прошу: «Купите мне, пожалуйста, сто грамм мятных конфеток». Но никто – не помнит, – все забывают. И вот стою после Литургии напротив входа в Скорбященский Храм на Ордынке, спиной к ограде, голова – кругом, и эта предательская тошнота. И вдруг, откуда ни возмись, передо мной – высокая женщина в черном. Такие добрые, любящие глаза, насквозь смотрят: «На, возьми свои конфетки». Едва успела подставить ладони, как Она высыпала в них гору мятных конфет. Смотрю: Часть сыплется по земле. Подняла голову – никого нет. Я направо, налево. Знакомых, которые меня привезли, прошу: поищите, с такими прекрасными голубыми глазами – женщина в черном... Так и не нашли...»

Анечка была духовно связана с другой мученицей нашего времени – монахиней Екатериной (Натальей Пижановой). С атрофированными легкими после перенесенного полиомиелита – она жила на аппарате искусственного дыхания. Будучи парализованной, она десятилетия была прикована к постели. Матушка Екатерина и Анна – постоянно перезванивались – поддерживали друг друга. Не забуду, как на просьбу Анечки – помолиться о тяжело болящей монахине Екатерине матушка Надежда с участием, глубина которого нам недоступна, произнесла: «**Великомученица...** Скоро ей будут молиться люди в самых отчаянных ситуациях», – добавила она. Вспоминаю, как наша Аня на своих костылях, словно на внезапно обретенных крыльях – «подлетела» к матушке Надежде, которую до того никогда не видела (все это происходило во дворе Скорбященского храма), – и прижалась к матушке – совсем как ребенок, ослеслаивленный встречей с обретенной матерью. Матушка обняла ее за плечи, и наша Анечка с закрытыми глазами замерла на ее груди. Никогда мне не забыть глубокое утешение, проявившееся во всем ее облике в те минуты.

Анна была редкой страдальцей, но мы не помним ни уныния, ни скорби на ее лице. Всем она улыбалась, и это была не игра: это был Свет души – пребывающей в близком общении с Богом. Ибо подлинное страдание – это святая нить, связующая душу со Христом – наиболее крепко. Приглядитесь, как красивы нездешней красотой, как духовно притягательны верующие страдальцы. Ее келья была столь намоленной и благодатной, что многие батюшки приходили сюда – отдыхать. Когда пришедшие впервые – спрашивали о фотографии монаха в изголовье ее кровати, она отвечала ослепительной улыбкой: «Это – радость моя! Отец мой духовный!» И отец Тихон действительно присутствовал здесь духом. Он уже давно был в затворе. Но они переписывались. У Ани были все самиздатовские книги отца Тихона, которые он писал, чтобы поддержать своих духовных детей в нелегкой разлуке. Как он горевал, как чувствовал все тяготы, боли и скорби вверенных ему Богом душ. Батюшка изнемогал от горя, сопереживая близким, от которых был насильственно оторван. Отец Тихон нередко являлся во сне находившимся в самых последних обстоятельствах, утешал, разрешал проблемы, указывал выход из безысходного положения. Когда наконец, встретившись с ним, ему говорили: «Батюшка, вы мне приснились во сне и буквально меня спасли!» – батюшка кротко отвечал: *«Нет, нет – это не я, это был мой Ангел-Хранитель»*.

Той же самой фразой, слово в слово – отвечал людям другой духоносный старец нашего времени – Паисий Афонский. Ночами он скорбел и молился о духовных чадах и о всех людях, особенно о молодежи, не познавшей Бога. Один молодой человек в ночное время во весь опор летел на мотоцикле по улице Афин. Вдруг впереди – появился старец, что заставило его резко затормозить. В следующий миг из переулка – на отчаянной скорости – вырвалась машина. Когда она скрылась, он понял, что столкновение – было неизбежным, если бы не старец, который появился и исчез как призрак. Юноша стал разыскивать человека, который спас ему жизнь. Друзья, выслушав его описание, привезли его на Афон, к отцу Паисию... Благодаря этой встрече молодой человек пришел к вере.

Огромное количество чудотворений, исцелений совершил Господь, спешащий на голос молитвы любящей Его души. Однажды у певчей храма «Споручница грешных» обнаружили рак груди. Опухоль была уже с голубиное яйцо. Врачи требовали немедленную операцию. Но знакомая больной поехала к отцу Тихону за советом. Батюшка помолчал и тихо произнес: «Операцию делать не надо. А пусть возьмет маслице из лампадки Матери Божией «Споручницы грешных» и с молитвой – помазывается». Через два месяца от опухоли – не осталось следа, к недоумению всех врачей. Другой случай.

Тридцатилетний сын работницы московского храма попал в автомобильную катастрофу. Не запомнила уйму медицинских терминов, запечатлелись в памяти только никогда не слышанные – «осколочные переломы». Ситуация была столь серьезной, что речь шла о жизни или смерти молодого человека. Когда знакомая семьи, в прошлом хирург, приехала к отцу Тихону, он выслушал ее и произнес: «Подождите минуточку». Встал и вышел за дверь исповедальни. И далее рассказчица, не будучи знакома с Анечкой, буквально повторила ее слова, интонацию. Слезы навернулись ей на глаза, когда она вспоминала: «Пошел батюшка, помолился – перед Престолом Божиим, вернулся и говорит: «Через три недели приступит к работе». – «Если бы это сказал кто угодно на свете, но не отец Тихон, – продолжила она, – я бы нашла, что возразить. Ни по каким медицинским параметрам – это было полностью невозможно! Но так как это сказал отец Тихон, я только склонила голову, взяла благословение и тихо вышла из храма». Больной через три недели закрыл бюллетень... Думаю, отец Тихон был тем угодником Божиим, который на всяком месте мог молиться как перед Престолом Божиим.

Отец Тихон обладал Милующим сердцем бездонной глубины. Его способность сострадать другому человеку – трудно передать общепринятыми словами. Это любящее сердце способно было заметить скорбь и отозваться немедленно болью в ответ и молиться, не откладывая ни на секунду, всем сердцем там, где многие проходили мимо. Имела счастье держать в руках рукописи батюшки. Их нельзя читать без слез.

Одна женщина вспоминала, как возила ее к отцу Тихону десятилетним ребенком мама. Она собиралась взять у духовного отца благословение на тяжелую глазную операцию для своей девочки, назначенную в институте Гельмгольца. «Какая операция? – мягко улыбнулся батюшка и ласково погладил по головке напуганную предстоящим Ирочку. – Не нужна нам никакая операция», – и помазал глаза деточки из лампадки перед келейным образом Божией Матери. Тяжелая, считающаяся неисцелимой болезнь исчезла, как будто ее не было. Операция была отменена потрясенными врачами – за считанные минуты до ее начала. Из подобной лампадки перед драгоценным для его сердца образом Богоматери «Умиление» – с любовью помазывал и исцелял всех приходящих к нему за помощью – Преподобный Серафим. *Христос вчера и днесь – тойжде – и во веки! Аминь.*

Сохранилось письмо духовного отца своей Аннушке. Она не доверила никому его начало, и мы запечатлеваем его с той строки, которая лежит перед нами. (Первое стихотворение-молитва, как бы от имени самой Анны, – принадлежит отцу Тихону):

..А что же Иисус?

Разбойник повернул свою голову влево, чтобы взглянуть на лик Спасителя... И вот тут и вырвался из его стесненной груди вопль исповедания веры: Помяни меня, Господи, – крикнул он, заглушая толпу, – когда придешь в Царство Свое... Этот вопль веры и покаяния разбойника обескуражил толпу. Все смолкли. И среди общей напряженной тишины раздался слабый, но отчетливо слышимый голос Иисуса: «Ныне же со Мною будешь в Раю».

Еще вопли (одной из юных жен-мироносиц, восшедшей на свою Голгофу)

Я не хочу, чтобы слезы так лились,
Чтоб они в горле комком остановились,
Я не хочу свое горе показывать,
Я не хочу своим сердцем рассказывать.
Я не хочу, надо мной чтоб смеялись,
Чтоб моим горем в душе наслаждались,

Я не хочу... Но мне их не сдержать!
Снова приводится вдвое страдать.
Дай же наплакаться в волюшку-волю,
Дай же излить свое горькое горе,
Дай мне поверить, что Ты-то со мной,
Что не забыл Ты девчонки больной.
Дай осознать, что нет в мире случайного,
Дай не дойти до тупого отчаянья,
Ведь не такое ж на свете случается,
Только на этом ведь жизнь не кончается.
Дай опереться на твердую руку
И поделить с Тобой горькую муку.
Дай изболевшему сердцу понять,
Что недостойно надежду терять.
Так я притихну, упав головой...
«Боже, – скажу, – Ты, Страдалец, – со мной!
Трудно так жить – но всегда я с Тобой,
Не оставляй же девчонки больной...

Еще...

Когда Христос, Глава моя,
Терпел без жалоб и роптанья
От злых рук лютые страданья,
Дерзну ль на буйный ропот я,
Своими мучимый врагами?
Когда прибитыми руками
Врагов Своих благословлял,
И им, о чудо, все прощал!
Мои подымутся ли руки,
Чтоб за мученья – равны муки,
И зло за зло и месть за месть
Злодею моему нанести?
Нет! Лучше кроткое страданье,
И в нем – на Бога упованье,
И с ним все муки перенести –
Благу в Небе приять честь...

Еще...

Мой дух – доверенность к Творцу!

Мужайся! – будь в терпенье камень!
Не Он ли к лучшему концу
Нас всех ведет сквозь жизни пламень?
Все – дар Его! И краше всех
Даров – надежда лучшей жизни,
Когда ж узрю спокойный берег –
Страну желанную отчизны?
Когда струей небесных благ
Я утолю Любви желанье,
Земную ризу брошу в прах
И обновлю существованье?

Сущность христианских страданий (отрывок из главы)³⁷

У религии много противников и три бессмертных друга, которые никогда не дадут ей погибнуть. Первый – *величие человека* (благородные порывы, Божественные стремления); второй – *человеческая слабость*; наконец, третий, самый сильный и бессмертный союзник – *страдание*.

Чем дольше мы живем, тем больше видим, что страдает всякая душа, и убеждаемся, что страдание – во благо. Страдание спасает людей, оно не позволяет окончательно ослепнуть, зачерстветь, оледенеть. Оно размягчает сердце, отрезвляет ум, укрепляет волю к добру. Вот почему вы не в силах оторвать свой взор от глаз, в которых искрятся слезы.

Приходится задуматься глубже о смысле страдания. Откуда оно? К чему? Есть ли вне религии врачевание для него? Какова доля пастырских страданий? Кто не страдал, тот не поймет этих рассуждений, кто не страдал, пусть не слушает нас. Бесполезно. Напрасно. К страдавшим и страдающим, и готовым на страдания – наше слово.

Зачем страдания?

Зачем страдать, если мы живем под властью Милосердного Бога? Однажды этот вопрос был мною предложен старцу – и вот, не забыть мне того изумления, с которым я выслушал ответ: «Именно потому и страдаем, мой друг, что благ Господь». Я тогда готов был возмущаться таким ответом. А теперь говорю: «Да. Это так и есть!» Слышу возражения: иным кажется невыносимым парадоксом мысль, что страдания и горе в этой жизни происходят – от Божественного Милосердия.

Прощальная беседа архимандрита Тихона с духовными детьми перед уходом в затвор

Главное – просить у Господа христианской кончины живота нашего безболезненной, непостыдной, мирной. Самое дорогое сейчас прошение. И еще просить доброго ответа на – Страшном Суде Христовом...

На добрые дела не надейтесь свои. Ни на что не надейтесь, – только на Милость Божию.

Первое доброе дело – это помолиться за кого-нибудь, кто вас обидит – соседка или сосед. За них горячей помолиться, это доброе дело – доброе желание.

Помоги Господи всем вам...

Сам Бог в Себе благ и счастлив и непостижимо блажен. Для нашего счастья Он создал нас. Господь не нуждается – ни в ком. Господь не нуждается ни в Ангелах, ни в нас – ни в ком не нуждается. Ни в славословии, ни в хвальбе. Он Сам – всеблажен. Он – всеблажен, Сам в Себе! А просто **ради Любви** – нас всех создал, чтобы мы блаженствовали с Ним и радовались, и вечно ликовали. **Для бесконечной Любви Он нас – создал.**

– *Трудно уподобиться Богу, батюшка³⁸.*

Невозможно даже. Это нам невозможно – Богу уподобиться. Это невозможно: «Будьте совершенны, как Отец Небесный совершен», – это только в идеале, идеальное сказание. А мы... как Бог Отец мы не можем быть никогда. В смирении уподобляться надо. В смирении – это возможно. Ни в чем другом. Мы можем уподобляться Господу – в смирении. Как Он отдал Себя в жертву за спасение всех людей, так вот и мы должны для других, особенно для тех, которые нас не любят, которые нас ненавидят, которые нас ломают, – вот для тех мы должны отдать все! И свой покой, и свое правило...

– *Только с помощью Божией, батюшка.*

– С помощью Божией. С помощью Божией, матушка, да. В этом большое счастье, когда вы будете жить – не только ради своего покоя: закрыться в келье, сидеть и не выглядывать,

никому не мешать, читать правило, читать все – это еще мало. Тут такое самоличное спасение. А вот **надо переживать за других**. За всех людей. За всех, кто рядом, кто окружает нас. Особенно – кто нас ненавидит, вот за тех молиться. **Кто нас распинает**. Вот за тех сказать Отцу: **«Отче, прости им и вразуми. И спаси их, обязательно спаси»**. Такое Милосердие – выше всякого правила.

...Грузины хоть там, армяне, хоть там греки, пусть кто бы ни был – все они дети Божии. Как и мы. Все они люди, да.

...По возможности в храмы ходите. Пока храмы открыты, пока еще ноги ходят. Ходите в храмы, на батюшек не смотрите, какие они, хорошие или плохие. Господь избрал, все они хорошие. И каждый ответит за себя. Вы пришли, встали в уголок, помолились, помянули своих сродников о здравии и за упокой – и домой, в свой уголочек. Никого не осуждая, никого не разбирая, никого не трогая.

И причащайтесь Святых Таин Христовых тоже почаще... Причащайтесь в праздники, в посты причащайтесь. Разочка два-три в пост причаститесь, пока есть еще возможность причащаться... В этом вся наша сила и радость наша – в Святых Таинах Христовых: Приимите, ядите, сие есть Тело Мое и Кровь, за вас поныне проливаемая... И сейчас Господь страдает за нас. И сейчас Он мучается на Кресте. Кровь льется потоком, потоком, потоком льется... И Господь готов каждую душу очистить – Своей Божественной Животворящей Кровью.

Чаще приступайте – в простоте сердца, в незлобии – с большой, большой Любовью приступайте ко Господу. Пусть даже с грехами, пусть даже с забытыми какими-нибудь опущениями, невыполнением чего-то. Все равно с Любовью – приступайте к Святым Таинам. А Господь придет – и все сожжет! всю нечисть греховную, все терние сожжет – пламенем Любви Своей. И со светлой радостью домой идите. И не унывайте: вот, я плохо причастилась, вот, я ничего не почувствовала. Это нарастает... С радостью: Причастилась – Слава Богу! Как на Небе! Это самое высокое счастье наше.

Вот так: Друг за друга молитесь – и так исполните закон Христов.

Помоги вам, Господи. Немножко за меня молитесь. По одному поклончику только, поясному, а земной не надо. А то тяжело подниматься. А так поясной поклончик сделаете – и хватит. Господь примет. Все по поклончику – так много наберется поклончиков, много... Господь, глядишь, меня и помилует еще.

Слава Богу! Благодарить Господа не забывают. Благодарность сейчас выше всего. Самый высокий подвиг – благодарность, потому что наша жизнь такая крученая какая-то, такая кривая, какая-то жуткая жизнь наша: неудовлетворенность, неприятности и вечная духовная неустроенность... И вот что особенно-то трудно – когда чувствуешь себя на кресте, – благодарить Господа: Господи, Слава Тебе! И мало того, с этого креста еще помочь другому, найти силы помочь, сказать кому доброе слово... Как Господь, на Кресте пригвожденный, Сам страдающий, утешал Свою Мать: *Жено, се сын Твой*.

«Сестра по скорби и утешению»³⁹

Настави мя, Господи на путь твой и пойду во истине Твоей.
Это первая молитва к Тебе, Господи.
И Ты услышал меня, и я иду за Тобой, я ищу Тебя.

Кончина монахини Екатерины

...Ты помогала всем, кто тебя знал при жизни. Ты и теперь помогаешь всем, кто узнает о тебе...

9 февраля 1985 года в 0 часов 15 минут перестало биться многострадальное и любвеобильное сердце нашей дорогой монахини Екатерины (в миру Наталии Пижановой).

За неделю до кончины матушка почувствовала себя необыкновенно тяжело – не хватало воздуха, она почти не могла дышать. Несколько раз приезжали врачи из реанимации, но они были беспомощны. Болящая на глазах угасала. Искусственное дыхание вызывало еще большие страдания и усиливало кровотечение, из раны в горле.

6 февраля матушка видела сон, о котором поведала ухаживающей за ней Н.П.: «В храме много священников, которые всех причащают. А я хожу по храму, и меня никто не причащает. Вдруг вижу – идет Владыка с золотой чашей. Он-то и причастил меня. Я была в белом платье, а от Владыки исходило необыкновенное сияние».

До последней минуты монахиня Екатерина была в сознании. «Я очень устала, – прошептала она, – больше не хочу возвращаться к жизни и сегодня от вас уйду». В эти дни рядом со страждущей постоянно находились священники, которые ее причащали. Перед самым успением она сказала: «Слава Тебе, Господи, за все!» и просила скорее читать благодарственный акафист Спасителю «Слава Богу за все!»

В 23 часа 40 минут состояние матушки резко ухудшилось. Последнее соборование и последнее причастие совершил иерей Е. за несколько мгновений до отхода ее в вечность. Благословив, дал в руки крест и прочел отходную молитву на разлучение души и тела... Болящая тихо скончалась. Тело в Бозе почившей протерли соборным маслом, одели в монашеские одежды. Непрерывно читали псалтирь.

В понедельник, 11 февраля, на отпевании монахини Екатерины было восемь священников из разных приходов. После Божественной литургии и окончания заупокойной службы

все присутствующие в храме провожали матушку Екатерину к ее последнему пристанищу. От ворот кладбища до самой могилы гроб несли на руках священники. У могилы еще раз была отслужена лития, и с пением «Святый Боже...» гроб был опущен на упокоевание до всеобщего воскресения.

Проводили в горний путь нашу незабвенную матушку и сразу осиротели. Тяжела была эта утрата для всех знавших ее. Опустел скит, куда притекали все скорбящие сердца, получавшие здесь духовное утешение. Отец Д., иерей из Смоленской области, приехал на второй день после похорон. Телеграмму не получал, но в ту ночь, когда болящая отошла своею душою ко Господу, видел сон: «Стоят две монахини и одевают нашу матушку в белые одежды, а она говорит: «Ухожу от вас в монастырь». На голове у нее была необыкновенно красивая корона...»

Погребена монахиня Екатерина на Головинском кладбище города Москвы, 9-я аллея.

Фотография матушки, сделанная при жизни. Сердце замерло: спокойствие, тишина, мир в лице и глазах. Вот непостижимая для меня тайна – это лицо, излучающее тихую радость. А где только что описанные страдания? Болящая долгие годы терпеливо и мужественно несла свой крест...

Письма монахини Екатерины к иерею, отцу Григорию

Слава Богу за все!

*Боголюбивейший и всечестный о Господе о. Григорий,
Христос Воскресе!*

Дерзаю написать Вам свое убогое письмецо и попросить о себе Ваших пастырских святых молитв. Адрес Ваш мне дала Верочка Ершова, моя духовная сестричка, которая в прошлом году приезжала со своей мамой в Ваш храм. Вы тогда были больны.

Напишу о себе: с десяти лет неизлечимо больна. Лежу на одре болезни двадцать семь лет, вся парализованная (в 1957 году перенесла полиомиелит – детский паралич). С тех пор я и лежу недвижима, не могу даже сама на бочок лечь. Руки тоже парализованы, но с помощью Божией приспособилась, лежа на спинке, писать. Заболев в 1957 году, я около года пролежала в морозовской больнице на аппарате искусственного дыхания «железные легкие». Паралич полностью парализовал центр дыхания и тогда, будучи без дыхания, лежа в дыхательном аппарате, я возносила Господу свой детский лепет...

Со мной была моя бабушка, она почти непрестанно, находясь у моего одра, вернее аппарата, шепотом читала молитвы. И они запечатлелись в моей детской памяти, и я стала читать молитвочки, молиться Господу и Его Пречистой Матери. Дыхание частично отошло, и в конце апреля 1958 года я вернулась домой. Мои бабушка и дедушка ухаживали за мной (моя мамочка умерла в возрасте двадцати девяти лет в 1954 году, мне было 7 лет. С отцом моим мама разошлась еще до моего рождения, и я отца никогда не видела, знаю только, что он жив. Молюсь о его здравии и спасении раба Божия Иоанна), возили меня иногда в церковь причащаться. Несколько раз летом 1958 года возили в Загорск, купали в целебном источнике преподобного Сергия. Им очень хотелось, чтобы я встала. И я до тринадцати лет все думала, что буду ходить... Но с августа 1963 года состояние мое резко ухудшилось, я снова стала

задышаться. Без конца стала попадать в больницу, в отделение реанимации, дышать аппаратом.

И, наконец, в 1976 году врачи мне сказали, что я сама дышать не смогу, должна все время находиться на аппарате искусственного дыхания «железные легкие».

Мои легкие навсегда потеряли от болезни способность сами дышать. Я была обречена на пожизненное пребывание в больнице, в отделении реанимации, куда доступ посетителям был строго воспрещен. Ко мне пускали только одну мою бабушку и то ненадолго, только поухаживать. Ходила бабушка ко мне каждый день, преодолевая старость и немощь. Каждый день рядом со мной умирали больные, много привозили самоубийц. Я стала проситься домой, хоть на немного. Врачи отпустили, дав домой ручной дыхательный аппарат. Малое время побыла дома, несколько раз в день меня раздыхивали ручным дыхательным аппаратом; снова задыхаясь, возвращалась в реанимацию. И так без конца стала ездить туда-сюда... Дома на ручном дыхательном аппарате я долго не могла.

В мае 1979 года моя бабушка стала совсем изнемогать, у нее был рак мочевого пузыря. Ухаживать за нами было некому. Дедушка мой Кузьма скончался 25 июля 1969 года. Врачи предлагали бабушке лечь в онкологическую больницу, а меня отдать в институт. Мы с бабушкой были в великой скорби, все упование возлагали на Единого Господа, у Которого нет сирот. Я написала письмо своему духовному отцу в Троице-Сергиеву Лавру. Батюшка приехал, причастил нас с бабушкой Святых Христовых Таин. Послал двух своих духовных дочерей ухаживать за нами, убогими и беспомощными. Эти добрые женщины доупокоили мою бабушку до кончины ее. Она скончалась 22 мая 1980 года, будучи восьмидесяти лет. Один Бог знает, как тяжело нам с ней было расставаться. Перед кончиной моей бабушки я просила ее поручить меня, убогую сиротку, Самой Царице Небесной. «Проси, родная, – говорила я, – чтобы Матерь Божия вместо тебя была мне матерью, и мне всегда будет хорошо».

После кончины бабушки я снова стала попадать в реанимацию, легкие еще более атрофировались, дыхание не восстанавливалось. Ручной дыхательный аппарат не помогал. День и ночь я умоляла Господа вывести меня из стен больницы и дать мне возможность жить дома. И вот, в октябре 1980 года, лежа в реанимации, я узнала, что по молитвам моего духовного отца из московской реанимации мне домой привезли большой автоматический дыхательный аппарат РО-5. Искусственное аппаратное дыхание проводится через металлическую трубочку, которая постоянно стоит в дыхательном горлышке. Вот уже 19-й год ночью за меня дышит один аппарат, а днем другой. Сама я не могу дышать ни одной минутки. Нет слов, как тяжело и непостижимо жить без своего природного дыхания на одних аппаратах. Но чтение духовных книг откровение помыслов, частое приобщение Святых Христовых Тайн оживляют и укрепляют меня. Одна благодать и неизреченная Милость Божия держит меня еще в этом мире.

Отче, я Ваше имя записала в свой келейный синодик и поминаю Вас на молитвенных правилах. Правила читают мои хожалочки (женщины, которые за ней ухаживали. – *Ред.*), а я слушаю. А синодик свой я всегда читаю сама. Помолитесь и Вы обо мне, честный отче, воздохните обо мне у Престола Божия. Простите, Бога ради, за беспокойство и все погрешности моего письма. Покройте христианской любовью.

2–3 мая 1984 г.

Милостию Божией, многогрешная убогая Наталия

Нет Тебя, Господи, краше, нет Тебя, Господи, добрей!

Дорогой и всечестной во иереях Божиих, о. Григорий, Христос Воскресе!

Смиренно благодарю, дорогой отец, за Ваше доброе и такое теплое письмо. Дорогой батюшка, никакая я не подвижница, а грешный и немощный человек. Если я неделю не причащусь, то совершенно изнемогаю душевно и телесно. Мой духовный отец благословил мне причащаться два-три раза в неделю, но у меня так часто не получается. Получается раз в неделю, не хватает знакомых батюшек. Но и еженедельное причащение, соединение с Господом, это великая Милость Божия, которая

меня, бездыханную, держит еще в этом мире. Душат меня бронхолегочные полипы, которые подступают к трахеотомической трубке и закрывают в ней отверстие и доступ воздуха. Это бывает очень часто и всегда внезапно, в любое время дня и ночи. Не продыхивают даже дыхательные аппараты. Каждый раз еле отхаживают. Отсасывают у меня из легких: мокроту, сгустки, корки – в сутки обычно раз по тридцать (а когда бывает плохо – без счета) резиновым катетером с помощью электроотсоса. Процедура эта очень мучительная, болезненная, иногда мне кажется, что я больше не могу, не выдержу... В глазах темнеет, сердце, голову бьет током, бывает, отсасывается кровь. Врачи говорят, что в легких у меня есть язвочки, во время отсасывания они травмируются и кровят. Сама собой я не смогла бы жить в таком состоянии и столько лет без дыхания. Не хватило бы человеческих сил и терпения. Воистину, «сила Божия в немощи совершается».

Во всем помогают мне Господь и Его Пречистая Мать. Поэтому в своих письмах вначале я обычно пишу: Слава Богу за все! Сердечно благодарю за любовь и внимание к моему недостоинству. Прошу Ваших святых молитв.

15 мая 1984 г.

Милостию Божией, недостойнейшая болящая Наталия

Пою Богу моему дóндеже есмь!

Всечестной и многоболезненный батюшка о. Григорий, благословите. Приношу Вам глубокую сердечную благодарность за Ваше чуткое внимание к моему недостоинству. Спаси Господи, за письмецо, добрый батюшка!

Накануне дня Двенадцати Апостолов позвонил о. Валериан, попрощался. Он едет в отпуск к себе на родину. Сделал для меня подставку для чтения духовных книг, обещал привезти после отпуска. У меня есть старая подставка, на которой я, лежа на спине, читаю. Но о. Валериан изобрел что-то новое. Спаси его Господи, добрая душа!

Дорогой батюшка, вот я, по Милости Божией, дождалась в отпуск своего дорогого папочку – духовного отца. Приехал он в отпуск на два месяца. Навестил меня, свое самое немощнейшее бездыханное чадо. Господь сподобил меня,

грешную, из его отцовских ручек принять Святые Христовы Тайны.

Время летит быстро, вот уже месяц, как он в России. Скоро, скоро мой дорогой папочка уедет в Святую Землю, где будет молиться у Гроба Господня за весь мир. Ему я обязана своей жизнью и спасением. Если б не его молитвы и заботы обо мне, убогой сиротке, в целом мире никому не нужной, меня давно бы не было на этом свете.

Спаси его, Господи, моего земного Ангела и небесного человека! Отче, 25 июля в день Троеручицы исполняется пятнадцать лет со дня кончины моего доброго дедушки Косьмы. Помяните его, пожалуйста, если сможете.

В этот же день 25 июля исполняется двадцать семь лет, как Господь посетил меня Своей Небесной Милостью – неизлечимой болезнью, которую я и несу до сих пор с Божией помощью... Простите Христа ради за все!

16 июля 1984 г.

Ваша усердная молитвенница недостойнейшая Наталия

Нет Тебя, Господи, краше, нет Тебя, Господи добрей!

Многоуважаемый и всечестной о Господе о. Григорий, благословите!

Вчера получила Ваше боголюбивое письмо, за которое спаси Вас Господи! Взаимно поздравляю Вас с наступающим Рождественским постом. Очень благодарна вам и диакону о. Иоанну за молитвенное поминовение меня и моих родненьких. Я и они в этом очень нуждаемся. Состояние мое продолжает ухудшаться – совершенно задушивают полипы в легких. Милосердный Господь сподобляет меня ежедневно или через день принимать Святые Таинства. Это меня очень утешает и укрепляет. По немощи человеческой меня иногда пугает мысль, что я не выдержу своего креста. Но слова Писания: «Сила моя в немощи совершается», и что выше сил Господь никому ничего не дает, а если и дает, то Сам и помогает – светят для меня в трудную минуту жизни. Не прошу у Господа ни жизни, ни смерти, а только терпения до конца и мирной христианской кончины.

Врачи признают, что у меня на легких полип на ножке, этот полип каждый день подступает к трахеотомической трубке,

совершенно перекрывает доступ воздуха в легкие.

И Вы, добрый пастырь, вместе с о. Иоанном поусерднее помолитесь обо мне, убогой. Сейчас для меня настало самое тяжелое время в моей жизни. Ежеминутно я могу отойти в вечность. Я частенько думала об этом – как будет происходить разлучение души и тела. И вот неделю назад мне было очень плохо. Полип очень сильно задушивал. Потом мне немного стало полегче, и я задремала и увидела себя стоящей у своего одра. Я стояла и смотрела на саму себя лежащую – уже совсем бездыханное тело. Что-то делали хожалки, но меня, стоящую рядом с ними, никто, не видел. Я удивлялась, как все быстро и незаметно произошло, без всяких болезненных ощущений и страхов. Для меня самой это была непостижимая тайна, вместе с тем меня обьяло какое-то дивное спокойствие и радость. Я ясно осознавала, что нахожусь в потустороннем мире. У меня не было никакого сожаления о земном. Когда же очнулась и ощутила себя по-прежнему находящейся здесь, то, признаюсь, меня охватила даже досада, сожаление о том, что это был только сон... Простите Бога ради за все!

25 ноября 1984 г.

С любовью Христовой, болящая Наташа с хожалками

Встреча с хозяйкой

Эта женщина постоянно была с болящей последние шесть лет. Она приехала, когда бабушка уже не могла ухаживать за внучкой. Не каждый человек мог разделить с монахиней Екатериной ее крест. Батюшки многих посылали, и многие хотели помочь, но не выдерживали всех трудностей. И вот Господь указал на Н. П. с тех пор она не оставляла матушку до последней минуты...

Радужно встретив меня, пригласила в комнату, где некогда жила монахиня Екатерина. Позднее я поняла важность этой встречи – так подробно о матушке никто не знал. Со всеми людьми, приходившими сюда, она больше молчала.

Многие даже не ведали, что болящая – монахиня Екатерина, все звали ее Наташей. Так и Н. П. чаще называет ее в своем рассказе. «Наташа всегда так хорошо говорила, а я слушала», – с улыбкой вспоминает хозяйка...

«Еще в детстве, когда мне было пять лет, я подбегала к иконе Николая чудотворца и молилась. Этот образ находился у бабушки в комнате. Я молилась тайно, чтобы никто не видел, – рассказывала монахиня Екатерина. – В церковь всегда с бабушкой ходили. А однажды захотелось мне вдруг побежать в алтарь. У самых царских врат меня остановили. В детстве много бегала. Как будто на всю жизнь тогда отбегала».

Беда пришла неожиданно. Наташа только что отлежала в больнице из-за болезни сердца, когда же вернулась домой, захотелось ей поехать со всеми детьми в лагерь. Бабушка отговаривала ее: «Ну, чем тебе здесь плохо – сад, огород, всего сколько хочешь!» Наташа настояла на своем.

Из лагеря многие дети совсем не вернулись, другие остались калеками – беспощадная вспышка полиомиелита. Смерть нависла и над Наташей. Н. П. показывает фотографию – огромная установка, похожая на круглый пенал, на конце которого видна маленькая детская головка. Врачи пытались с помощью этого аппарата разработать легкие. Бабушка вспоминала, что медсестры иногда очень невнимательны были.

Однажды чуть не сожгли девочку, забыв вовремя повернуть нужный рычажок в камере. Бабушка пришла, почувствовав неладное, и успела спасти Наташу. Было и так, что девочку уже в смертники записали – перестали помогать, а она жила.

На другой фотографии Наташе 11 лет, ее только что вытащили из камеры. На белом фоне больничных простыней – худенькое тельце девочки. В сравнении с телом голова кажется большой. Лицо необычно серьезное для ребенка – непостижимое страдание, сила и решимость в этих, уже недетских глазах.

Когда Наташа попадала из больницы домой, к ней приходили учителя, школьники. Так и закончила она восемь классов. Учительница английского языка полюбила девочку и долго ходила к ней. Она говорила, что Наташа очень способная и все быстро запоминает. После окончания школьных занятий какое-то время к болящей никто не приходил – ее стало томить одиночество. «Почему никто не приходит к нам?» – спросила она однажды бабушку. Та вышла на улицу и привела первого встретившегося ей человека. Это была верующая женщина, певчая из храма. После этого она все время навещала Наташу. С тех пор стали приходить в этот дом люди.

После «железных легких» сделали первую операцию – вставили дыхательную трубку. В то время качать воздух нужно было только тогда, когда дыхание чем-либо затруднялось. Наташа еще могла иногда сидеть.

С помощью второй операции врачи хотели заменить маленькую узкую трубочку, вставленную в детском возрасте, на более широкую. Это осуществить не удалось, так как старая трубочка крепко вросла, и трогать ее было опасно. После второй операции появился дыхательный аппарат, который постоянно подавал воздух. Тогда-то и начали появляться в трахее полипы, которые мешали доступу воздуха и причиняли болящей неизмеримую боль. Первое время старенькая и очень опытная женщина-врач прижигала эти полипы. Когда она умерла, уже никто не решался на подобную операцию. С тех пор и до последнего дня Наташа непрерывно терпела великие страдания...

«В одиннадцать лет, когда не хотелось жить, было мне явление Божией Матери, – вспоминала монахиня Екатерина. – Она мне сказала, что теперь будет со мной всегда, до конца дней».

Болящая очень тревожилась, когда останавливались старинные часы с кукушкой. Н. П. быстро подтягивала гирьки и недоуменно спрашивала: «Зачем тебе, Наташа, время?» – «Когда кукушка откукует, я начинаю читать «Богородице Дево, радуйся...» до следующего боя через полчаса», – отвечала матушка. И так все долгие годы болезни...

Было время, когда Наташа любила смотреть в окно, ее подвозили к нему в кресле-коляске. Однажды ей приснился сон, в котором Господь показал ей красоту Рая. Сон повторялся трижды. После этого не хотела смотреть в окно, от мира отеклась.

Монашество Наташа приняла в 1975 году. Бабушка была против желания внучки стать монахиней. Она боялась, что не сможет понести болящая монашеский обет, молитвенное правило – ведь такая слабенькая. Когда Наташа настаивала на своем, бабушка грозила оставить ее. В какую-то решающую минуту Наташа сказала: «Ну и оставь, Господь не оставит!»

С постригом матушка Екатерина взяла на себя еще и молитвенный подвиг. Приподнимаясь на локтях и опираясь на них неподвижным телом, она горячо и долго молилась. От этого локти посинели как от ушибов.

Состояние страждущей ухудшалось. Один врач, глядя на нее, сказал: «По нашим законам она может прожить не более месяца». А после этого она жила еще пять лет. Тот же врач, указывая на иконы, промолвил: «Это высшая помощь». Несомненно, Господь хранил монахиню Екатерину для людей, живших вокруг нее. Посетители, обремененные скорбями, болезнями, часто падали на колени и плакали, переступая порог ее кельи. Их страдания и горести становились невесомыми перед этой мерой.

Говорила матушка мало, а больше сама слушала или просила почитать акафисты, иногда Писания. Но и без слов люди получали облегчение, видя крест несравнимой тяжести.

«Помни, что ты ничего не знаешь. Твое дело – лежать и терпеть», – дал такое благословение болящей ее духовный отец. С тех пор она стала молчаливой!

Наташа часто предлагала людям, которые к ней приходили, записать в ее синодик всех, о ком надо помолиться. Она много молилась за усопших и как-то особенно их чувствовала. Однажды монахиня Екатерина забеспокоилась об одной женщине, которая не приходила уже два года. Несколько раз просила она Н. П. узнать о ней, выяснить, в чем дело. Наконец стало известно, что эта женщина скончалась. Дочь в церковь не ходит, и отпевание не совершила. Только, когда заочно отпели умершую, матушка успокоилась, ей стало легче...

Шли тяжелые дни, месяцы, годы болезни. Появился второй дыхательный аппарат. После смерти бабушки рядом с болящей всегда были две хожалочки. Когда аппарат выходил из строя, нужно было качать воздух вручную специальной гармошкой – «жухолкой», как называла ее бабушка. Люди приходили разные, не у всех получалось так, как надо – одни качали слишком быстро, другие слишком медленно; а у Наташи от этого внутри страшные боли были, как будто бритвами легкие резали. Она всегда молчала, лишь дрогнет иногда голова, а больше ничем себя не выдаст.

Только Н. П. знала, как мучается страждущая, и часто ругала неумелых. Матушка всегда вступалась за них – им тоже трудно.

За три месяца до кончины монахини Екатерины приехал из Иерусалима ее духовный отец, в то время он был там духовником Горненской обители. Эта встреча Наташу очень обрадовала. Отец В. благословил ее причащаться каждый день.

Болящая очень хотела, чтобы он перед отъездом еще раз побывал у нее, а отец В. не успел. Сильна была молитва матушки – вылет самолета перенесли. Отец В. сразу велел ехать к Наташе. Это было прощание. «Готово сердце твое», – сказал батюшка, последний раз глядя на свою духовную дочь. Тогда все поняли, что близок конец.

Действительно, вскоре после этого душа оставила тело – Наташа была в забытии восемь часов. В тот день Н. П. не

договорилась с батюшкой о причастии, и случилось, казалось, непоправимое. В отчаянии слезно молила она Бога, чтобы не покидала монахиня Екатерина этот мир. Наташа очнулась и сказала Н. П.: «Это я к тебе вернулась». Тогда батюшки сами договорились между собой, кто в какой день будет приезжать. Последние три месяца болящая жила причастием и молитвой.

Священники служили молебны, читали каноны и акафисты у ее постели. Наташа особенно любила слушать благодарственный акафист «Слава Богу за все» и акафист великомученице Екатерине. Когда она слушала, лицо ее хранило мир и покой, излучало радость; ее страдания были полностью скрыты от окружающих.

Людей, которые побывали в каких-либо паломничествах, монахиня Екатерина просила рассказывать об их путешествиях по святым местам, о встречах с духовными лицами. Церковное богослужение она слушала в магнитофонной записи.

Записан на магнитофон и ее голос – Наташа читает свое стихотворение «Ангел». Слышен шум дыхательного аппарата и тихий голос, похожий на голос ребенка:

В бессонную ночь, после слез и мучений
Печально угасшего дня,
Мой Ангел-Хранитель из райских селений
Явился утешить меня.
В слезах я о скорби земной говорила,
О зле, о неправде людской,
О том, как страдала, как все разлюбила,
И плакал он вместе со мной.
И полные грусти, лазурные очи
На небо взирали с мольбой,
Никто не молился так в тихие ночи
С такой непорочной душой.
Потом я услышала стройное пенье,
Когда же очнулась от сна,
Все стихло, исчезло святое виденье,
И вновь я осталась одна.
Но часто с тех пор, средь безмолвия ночи,
Как памятный час наступал,

Мне грезились кроткие, грустные очи,
И голос небесный дрожал.
Я чувствую, что матушка Екатерина незримо здесь, с нами.

Письма монахини Екатерины игумении Рижской Пустыни Магдалине

Слава Богу за все!

*Дорогая и боголюбивейшая матушка-игумения
Магдалина, благословите!*

Получила я Ваше Рождественское поздравление. Спаси Вас, Господи! Я очень тронута и обрадована Вашим христианским вниманием ко мне, убогой...

...Много чудес у Господа, и пути Его неисповедимы, и ум Его непостижим. Конечно, матушка дорогая, очень и очень тяжело жить без своего дыхания. «Всякое дыхание да хвалит Господа». А за меня дышит машина, сердечко бьется, а сама дышать не могу. Лежу и думаю иногда: птички, зверюшки, букашки, таракашки, даже рыбки в воде, все живое дышит, вдыхает свежесть воздуха, ощущает аромат цветов. О, какой это бесценный дар Божий – иметь свое дыхание! Но за все – слава Богу! Господь дал крест, он и поможет донести его до конца.

Дорогая матушка, если вас не очень затруднит, вспоминайте меня (в тайном постриге монахиню Екатерину) в своих молитвах. Очень буду рада, если вы по возможности будете радовать меня своими письмами.

С любовью Христовой.

15 января 1982 г. Ваша сестра по скорби и утешению многогрешная болящая Наталия

*Все упование мое на Тя возлагаю, Мати Божия, сохрани мя
под кровом Твоим.*

*Всечестная и боголюбивейшая во игумениях матушка
Магдалина, благословите!*

Бесконечно благодарна Вам, дорогая матушка, за заботу и внимание ко мне, убогой и ничтожной. Очень тронута Вашими подарками, смиренно благодарю.

Я постоянно ношу свой постригальный монашеский параман, но за давностью лет он стал уже совсем ветхеньким. Очень рада, что Вы прислали мне новенький параманчик.

Спасибо, спасибо, добрая матушка, за все, за все.

Одна из моих бывших хожалочек, послушница Пюхтицкого монастыря, была у меня на днях и гостила несколько дней, по благословению игумении Варвары.

Послушница много интересного рассказывала о трудностях и радостях монастырской жизни. Я ведь никогда не была в монастырях. Знаю о их жизни только из духовных книг и по рассказам богомольцев.

Состояние мое плохое. Вчера меня, по Милости Божией, пособоровали и причастили. Только и держит меня в этом мире частое приобщение Святых Христовых Тайн. Если неделю не причащусь, то совершенно изнемогаю и телом и душой. Получила от своего духовного отца (он несет послушание духовника Горненского монастыря в Иерусалиме) письмо долгожданное. Молю Господа, если Ему угодно, чтобы мне дожидаться, когда мой батюшка приедет в отпуск в Россию. Скучаю я очень без него. Много у меня есть хороших батюшек, которые меня причащают, наставляют. Но моего дорогого, родненького папочку (я так зову духовного отца) никто мне не может заменить. Дорогая матушка, я очень рада, что Вы молитесь о моих хожалочках. Я и они молитвенно Вас с сестрами вспоминаем во всех наших келейных правилах. Простите Бога ради за все!

29 октября 1983 г.

Милостию Божией, убогая монахиня Екатерина

Нет Тебя, Господи, краше, нет Тебя, Господи, добрей!

Боголюбивейшая и всечестная матушка игумения Магдалина, Христос Воскресе!

Премного благодарна, всемилостивейшая матушка, за Ваше материнское участие, любовь и заботу о моем убожестве. Подарки Ваши и dobroxotный дар 200 руб. получила. Пусть Милосердный Господь за Ваше Милосердие к нам, убогим, воздаст сторицей, Своей богатой Милостью Вам и обитателям Вашим, чтобы во всем у Вас было изобилие. Дорогая матушка, нужду я имею большую в Ваших святых молитвах, т.к. тяжесть моих недугов все увеличивается...

...Иногда мне кажется, что я больше не могу, не выдержу, настал предел человеческих возможностей. Но сила Божия в немощи совершается. Господь дает облегчение и утешение, чтобы можно было перенести...

19 мая 1984 г.

Всегда молитвенно Вас с сестрами помнящая многогрешная монахиня Екатерина

Пою Богу моему, дóндеже семь!

Дорогая и всечестная о Христе матушка игуменья Магдалина, Благословите!

Спаси, Господи, дорогая матушка, за Ваше боголюбезное письмецо и посылочку. Чем я заслужила Ваше внимание и заботу, родненькая матушка? Награди Вас, Милосердный Господь, за Ваше доброе сердечко и христианскую любовь к моему убожеству.

Дорогая матушка, состояние мое все ухудшается, дни мои земные приближаются к концу... Каждый день душат бронхиальные полипы, поднимаются полипы вверх к трахеотомической трубке, закрывая доступ воздуха. Мой духовный отец велел мне готовиться к Вечности, благословил мне составить список – адреса и телефоны моих духовных друзей и благодетелей для извещения о моей кончине. В телеграмме будет указано мое мирское имя, так как мое монашеское имя мало кому известно. Таково благословение духовного отца. Родненькая матушка, день и час каждого в руках Божиих. И, когда наступит мой смертный час, воздохните о мне, добрая матушка, с сестрами обители о моей многогрешной, многострадальной душе, отходящей в Вечность... Прошу о себе и в Вечности Ваших святых молитв. Может, по Милости Божией и по молитвам всех молящихся обо мне, я еще и поживу в этом мире. Ведь сказано: «Сила Моя в немощи совершается». Но у меня такие страшные легочные задыхания, что просто делается не вмоготу.

Поминаю Ваших родителей, протоиерея Германа и инокиню Татиану. Царствие им Небесное!

Подарки мы все разделили между мной и хожалочками. Низко все трое кланяемся Вам в ножки, дорогая матушка. Спаси

Вас, Господи, за все и за поздравление с днем Ангела. Я очень была рада, поговорив с Вами по телефону.

Всегда молитвенно Вас помнящая недостойнейшая монахиня Екатерина с хожалками

23 сентября 1984 г.

Рижская Пустынька

Здесь я встречаюсь с монахиней Иоанной, которая по поручению игумении Магдалины посещала болящую. Она делится своими воспоминаниями: «Рядом с матушкой Екатериной я чувствовала свою немощь, несовершенство. Поражала ее покорность всем внешним неудобствам, которые случались чаще всего из-за нашего невнимания и непонимания ее трудностей.

Я привезла для матушки интересную духовную книгу. Она читала лежа, а книга ставилась на специальную подставку. Лампа, которая должна была освещать книгу, была, неправильно развернута, и матушке Екатерине приходилось щуриться до боли, чтобы как-то читать. Нескоро я увидела, как она мучается. Она же ничем не показала, что испытывает неудобство. И так во всем. Вот это было удивительно в ней...

Страждущая умирала много раз – душа покидала тело, и она видела себя со стороны. Однажды, когда долго не поступал воздух, душа разлучилась с телом и начала проходить мытарства. Матушка увидела себя в центре огромной площадки, напоминающей арену, а вокруг толпились страшные чудовища, высотой до неба. Они дико кричали, смеялись и радовались, что эта душа принадлежит им, и они ее не отпустят... Не дерзала монахиня Екатерина молить Господа о спасении и Ангела-хранителя не призывала, стала она просить о помощи Пресвятую Богородицу. Вдруг увидела она руку, к ней протянутую. И вынесла ее эта рука из страшного круга. Матушке дано было узнать, что душа ее попала сюда за неисповеданные нечистые помыслы».

«Сила Божия в немощи совершается»

Отец Валериан говорит медленно, с большим теплом вспоминая монахиню Екатерину: «Здоровье – драгоценный дар Божий, а болезнь – бесценный дар Божий. Когда я спрашивал Наташу: «Как ты себя чувствуешь?» – она, переводя на меня взгляд больших доверчивых глаз, отвечала тихим детским голосом: «Хорошо, батюшка. Как же, когда за тобой ухаживают, конечно, хорошо. Вот когда они (хожалочки) ругаются, мне плохо».

В ней и вокруг нее была необыкновенная радость, она помогала людям своим терпением и благодатью, которую Господь даровал ей.

Убогий... Вы только вслушайтесь в это слово, ведь он – уже у Бога. Через убогих Своих Господь вразумляет нас. В них громадная духовная сила, нам неведомая. И у Наташи была эта сила, которая освещала ее лицо каким-то особенным светом. Посылая убогих, Господь спасает наши души».

Батюшка рассказывает: удивительный случай, который произошел во время войны:

В деревню входили немцы, и жителям пришлось немедленно ее покинуть – иначе расстреляют. Взрослые, дети – все заспешили. А у одной женщины был мальчик убогий, с ним быстро не побежишь. Кто-то посоветовал оставить ребенка – ведь из-за одного всех убить могут. Но мать не могла бросить больного сына. Вскоре немцы с собаками настигли беглецов. По одному выходили из сарая, где успели укрыться, и становились в ряд перед немецкими солдатами, которые уже взвели курки. Последним выполз убогий ребенок. Он медленно передвигался между двумя рядами людей. Когда же доползал до конца, то вновь, начинал движение в обратную сторону – как будто возводил он между людьми незримую стену. И свершилось чудо – немцы опустили оружие, повернулись и медленно ушли...»

«Сам Бог кресты нам посылает, а крест наш Бога нам дает», – заканчивает отец Валериан свой рассказ строками из стихотворения Ивана Козлова.

Отец Владислав был у матушки в последний день за несколько часов до ее кончины. Ему очень трудно говорить, ведь он видел монахиню Екатерину всего один раз, и это был последний день в ее жизни: «Слова лишь намеком могут передать то, что я тогда испытывал. Все время молился, читая покаянный канон, Евангелие, Псалтирь. Матушка постоянно беспокоилась, чтобы я не ушел. Когда я смотрел на часы, Н. П. подходила ко мне и говорила: “Наташа вас не отпускает”. Иногда болящая закидывала головку и говорила: “Мама, мама!” – это она обращалась к Божией Матери.

Терпением она спасала душу свою и приумножила ее дары. На ней почивал Дух Святой. Непостижимым было по тяжести ее страдание, но одновременно было такое же, если не большее, благодарение Господу. Это величайший дар, который давал ей редкую духовную силу. Ее ощущаешь, когда находишься рядом. Я провел около нее несколько часов, но времени там не было, или оно было иным.

Страждущая чувствовала приближение конца. А я в этот день спешил на день рождения дочери. Да, видимо, недостойн я был принять смерть матушки, – с сожалением заключил отец Владислав. – Крест ее исключителен и подвиг неповторим».

Для отца Димитрия это особый разговор – откровение. У каждого была своя встреча с матушкой и своя тайна... «Монахиня Екатерина была незаурядным человеком, хотя внешне самая обыкновенная. Ей было трудно – она боролась, сомневалась, отчаивалась; иногда ослабевала молитва, усугублялась тяжесть болезни – все было. Она училась – благодарить. В болезни своей она достигла примирения с нею. Никуда не ушла, а именно примирилась. Поразительно, что крест ее был таким длительным временем испытан.

Да, было благодарение, но не внешнее проявление его. Это было глубокое внутреннее чувство, скрытое. Оно и освещало лицо тихой радостью, давало внутренний мир и покой. Иной жизни матушка не хотела – она жила на недоступном для нас уровне. Болящая была очень внимательна ко всему в своей жизни. Она постоянно каялась, и открывались ей такие грехи, которые от нас совсем скрыты.

Ей была открыта вся глубина Священного Писания – Господь избрал ее, до конца вел и обучал всему. Ее все любили, невозможно было ее не любить. Это было чистое золото. Святым Духом постигала она многое.

В наше время вот только такие подвижники могут быть – совершенно скрытые. Ее подвиг тайный. Мера его мало кому ведома. Перед ее концом был у нас договор о том, что операцию, которую предлагали врачи, она делать не будет. К смерти матушка готовилась очень сознательно и не боялась ее.

А на отпевании мы ее уже прославили. Оно у нее было архиерейское – восемь батюшек отпевали, да еще каких».

Место упокоения

Будний день, на кладбище пусто. Совсем недалеко от входа, по левую сторону широкого прохода – могилка. Здесь окончание земного пути монахини Екатерины – простой деревянный крест над небольшим холмиком. На кресте перед иконой Владимирской Божией Матери укреплен лампадка.

Мы с Н. П. зажигаем свечи. Подходит еще одна женщина. Затеплились уже три свечи. Прикрывая их от ветра ладонями, женщины начали петь молитвы. Вот подошли еще две женщины – их тоже привела сюда любовь к матушке. Вновь зажигаются свечи. Все поют. Я не могла петь, слезы перехватывали дыхание. Не многим, Господи, Ты даешь столь тяжелый крест, но тем, кто его донесет – Вечная Память.

«Одному батюшке монахиня Екатерина явилась во сне и сказала, что *готова снова за всех молиться, готова снова всем помогать*», – рассказывала на обратном пути Н. П.

Последняя встреча

В Риге я познакомилась с Павлушей, мальчиком лет восьми. Он от рождения прикован к постели, видно, что никогда не встанет и каким-то сроком жизнь его уже отмерена. Он – убогий. Но не это главное. Тут, рядом с этой детской кроваткой, видишь не это, изуродованное болезнью тельце ребенка, совсем не это. Видишь себя – свою грубость, нечистоту, уродство духовное... Когда Павлуша смотрел на меня, то хотелось опустить глаза. Как тонок мир этого мальчика! Тут не может быть и вздоха лжи. Глаза его излучали такой свет, что я невольно отступила.

Павлушин свет немного приоткрыл тайну монахини Екатерины, которую можно прочувствовать только сердцем...

Покойся в Бозе, многострадальная матушка Екатерина, моли Бога о нас, недостойных и грешных!

О посмертной участи людей

Религия в душе человека не есть философская теория, успокаивающая ум, она для человека есть вопрос о жизни и смерти и притом вечных.

Святитель Григорий Богослов

Несколько раз мы разговаривали с матушкой Надеждой о загробной участи моих близких. Я рассказала ей о своей любимой бабушке Клавдии, которая была дочерью священника, пропавшего без вести в годы революции. Второй, известный мне в нашем роду по линии бабушки, священник – иерей Стефан, по официальному сообщению, умер в концлагере от чахотки. Но, скорее всего, он, как и многие другие, был расстрелян. Мои родные были столь напуганы кровавыми гонениями начала века, что, стараясь вложить в мою душу добрые, собственно Евангельские, заповеди, слово «Бог» полностью не употребляли. Как будто Бога на свете не было. Но в детское сознание просачивались рассказы о моем прадедушке-священнике. Это была какая-то совсем другая жизнь, которая притягивала, неудержимо привлекала к себе душу.

В детстве бабушка была для меня идеалом. Тридцать лет она проработала преподавателем младших классов, получала пенсию тридцать пять рублей. По рассказам мамы, бабушка приходила домой поздно вечером – всю себя отдавала чужим детям. Ее уроки, пособия, оригинальность преподавания служили образцом. Ей хотели присвоить звание заслуженной учительницы. Но подняли документы и вовремя обнаружили, что она – дочь священника. Жили мы очень скромно, почти в бедности, но к нам всегда приходили люди со своими трудностями и бедами. Бабушка всех кормила, ободряла, она отличалась необыкновенным состраданием, – с ней делились самым больным и сокровенным, и она сочувствовала, утешала добрым словом и советом. Ночами к нам нередко прибегала в ночной рубашке с длинными растрепанными волосами, в

шлепанцах на босу ногу, по снегу, – соседка, которую бил муж-алкоголик. Помню ее, рыдающую, прижимает к сердцу с ласковыми словами моя бабушка часа в три ночи. И на следующий день идет увещевать соседа. За всю мою жизнь я никогда не видела бабушку раздраженной, осуждающей или ведущей разговоры – «ни о чем». Бабушка несла мир и тепло людям. Рядом с ней все утешались. Казалось, о чужом благополучии она думала больше, чем о своем собственном. И с раннего детства, благодаря ей, – самой ценной для меня в человеке является способность – отзываться всем сердцем на боль другого, плакать с плачущим, **со-болеть, со-страдать**, пытаться облегчить чужое горе.

Вторая наша соседка была очень странной и никогда ни с кем не здоровалась. Но бабушка неизменно говорила: «Главное, чтобы ты всегда здоровалась: худой мир лучше доброй ссоры». Мне казалось, бабушка во всем являла благородство. Когда мне было семь лет, ничего не объясняя, перед школой меня причастили, – попросили поучаствовать в этом знакомую, работающую в храме, и я никогда не забуду этот день. Мы жили в маленьком городе, но храм был непередаваемой – поднебесной красоты. Таким он остался в детской памяти. Скоро его разрушили до основания. Никогда я не видела, чтобы бабушка зашла в церковь.

После окончания школы я поступила в московский пединститут – разлучилась с самыми моими родными – мамой и бабушкой. Пришла к вере в годы собственных суровых испытаний... Так и не привела я, грешная, в суесть своих нелегких проблем, священника в дом своей почти девяностолетней бабушки. По сей день – это одно из главных преступлений моей жизни. И мало еще я о нем скорбела.

Бабушка родилась в конце XIX столетия, но никогда не говорила мне о Государе, в ее дневнике я прочла, как они с мамой плакали в день смерти Сталина. Читала она множество газет, подчеркивая красным карандашом «удачные» изречения меняющихся правителей, – искаженное на советский лад чувство благоговения, с которым народ почитал до революции Помазанника Божия. Будучи девяти лет, я была потрясена

отказом бабушки поставить свою подпись среди имен людей, возражающих против разрушения храма; здание просили оставить хотя бы под краеведческий музей. «Простите, я учительница, я не могу здесь расписаться», – сказала моя бабушка. Это было для меня страшным событием, хотя я понимала еще так мало. Когда бабушка была уже в преклонных летах, она сняла со своей души тот искусственный запрет, которым сама себя связала. И я помню, как вечером, уже в постели, она шепчет молитвы и тихонько поет тропари Божией Матери...

Я была в столь тяжелых семейных обстоятельствах, что мама лишь в апреле, спустя два месяца, сообщила мне из другого города о смерти бабушки.

Смерть никогда не разделяет. Вновь
Произнесенное родное имя
Волнует и тревожит нашу кровь,
Хотя давно в могиле все родные.

Из дневников Государыни Александры Феодоровны

Мы отпели ее только летом. И вскоре я поняла, что моя милая бабушка, образец человеческой доброты, – в Царство Небесное не попала. Вскоре после ее кончины я увидела сон. Бабушка в узком сумрачном помещении, в подобие тюремной камеры без окон, но еще более тесном и неудобном. Она сидит среди свалки газет. Справа и слева одни газеты, пирамидами они уходят в безбрежную высоту. Не помня себя, в спешке, при самом тусклом освещении она читает и перелистывает тысячи страниц, без конца перекладывает готовые обрушиться на нее стопы. Она должна найти место, где в газете написано, что – **Христос Воскрес!** *В доме Отца Моего обителей много,* – свидетельствует Господь. И в аду – великое разнообразие неведомых нам мучений. Я поделилась с матушкой Надеждой своими переживаниями и, думаю, за ее молитвы, увидела бабушку во сне еще раз, спустя четыре года после ее смерти. Все эти годы мы с мамой усердно за бабушку молились, подавали сорокоусты и на год. Работая в московском храме «Споручница грешных», я имела возможность все время просить поминать своих близких на проскомидии.

Незабываемый сон: иду по улице маленького города моего детства в густом сумраке. И понимаю, что светлее здесь – **не бывает**. Этот зловещий тусклый серый цвет, не встречаемый на земле, умертвлял меня. Позже я подумала, что такими же гнетущими могли быть сумерки в Чернобыле – после катастрофы. Более четко я это трагическое чувство передать не могу. Густыми тенями движутся в этой полутьме фигуры тоскливых людей. И вдруг среди них я вижу – свою бабушку! Мы бросаемся друг другу навстречу и со слезами обнимаем и целуем друг друга. Причем я отчетливо понимаю, где я, и что все может в любой миг кончиться, и спешу задать главный вопрос: «Как ты? **Как – ты?!!**» И она так же торопливо отвечает: «Лучше, уже лучше... Теперь мы издали, **очень издали**, – но можем присутствовать – во Свете Службы Божией...» И я понимаю без слов, что место, где мы сейчас находимся, отделено от Царства Небесного – бездной. Но, по неизреченной Милости, Господь приоткрывает – **издали** – с другого края бездны – жизнь Рая этим страдальцам, и это является для них великим утешением. Вдруг бабушка восклицает: «Я поведу тебя к Надюше! Я должна привести тебя к Надюше!..» Так звали старшую любимую сестру бабушки, которая мне представлялась при жизни неверующей, она была совсем не похожа на бабушку. В ней не было доброты и кротости ее сестры, ребенком я это повышенно ощущала. Сжав мою руку, бабушка вела меня по улице, все ускоряя шаги. Мы вошли в какое-то мрачное здание и начали спускаться в страшный, бездонный подвал, или в саму преисподнюю, по шатким грязным лестницам, – цепляясь за смрадные перила, рискуя оборваться в черную пропасть. Но бабушка отчаянно спешит – ей необходимо, чтобы я знала, где находится ее сестра... Мы не дошли, не успели – я проснулась. Но с отчетливостью кошмара, который способна передать одна душа другой близкой душе, через бабушку я что-то восприняла. Я увидела каморку, погруженную почти в полную темноту. На голой сетке ржавой железной кровати, кроме нее здесь ничего не было, в холоде и голоде лежала, стиснув зубы от боли, в непередаваемом страдании – наша Надюша... Что-нибудь безысходнее трудно

себе представить. Долго я не могла прийти в себя после этого сна, так как все было невероятно близко и страшно. Проснувшись, залитая ручьями, казалось, своих и бабушкиных слез. Через несколько дней я решилась спросить у матушки Надежды, можно ли верить этому сну, и получила утвердительный ответ.

Неоднократно я задавалась мыслью, почему моя, бесконечно добрая бабушка была лишена Рая! Наверное, потому, что в окружении неверующих людей перестала обращаться к Богу – за помощью и стала постепенно все больше надеяться на свои силы. И дошла, страшно выговорить, до прямого отвержения Христа, отказавшись исполнить самый невинный христианский долг поставить свою подпись среди имен тех, кто пытался защитить Церковь. Но кому Церковь не мать, тому Бог перестает быть Отцом. Все эти «мелочи» оказались столь существенными, что преградили дорогу человеку с врожденной добротой – в Царство Небесное. Боже, дай понять, сколько мы не сделали еще для наших усопших. В каком мы пожизненном долгу перед сонмами наших родных. Жила она и творила все доброе – святыми молитвами своих ушедших. Великий грех – не воспитывать детей и внуков в вере. Не делиться своей верой с другими.

Не начинай прежде никакого дела, даже самого малого и ничтожного, пока не призовешь ты Бога, чтобы Он помог тебе совершить это дело: Господи, благослови! Господи, помоги! Рече бо Господь: «Без Мене не можете творити ничесоже», то есть ни сказать, ни помыслить... Без помощи Божией мы не можем ничего сделать полезного и спасительного; а если делаем что-либо без испрашивания благодатной помощи у Бога на свое дело, то этим только обнаруживаем свою духовную гордость и противляемся Богу. Но призыванием имени Божия получаем мы благословение от Господа... При всяком малейшем деле и начинании этого дела: идем ли по ровному месту или по негладкой дороге (образ разного рода наших дел и занятий) – всегда взывай ко Господу о помощи, иначе не будет в твоей жизни ничего хорошего, ни

в сей жизни ни в будущей (Афонский старец Кирик). Пусть задумаются об этом уповающие на свои «добрые дела».

Вслед за древними подвижниками Преподобный Серафим Саровский открывает нам главную тайну и смысл духовной жизни: *Истинная же цель жизни нашей христианской состоит в стяжании Духа Святаго Божиего. Пост же, и бдение, и молитва, и милостыня, и всякое Христа ради делаемое доброе дело суть средства для стяжания Духа Святаго Божиего. Заметьте, что лишь только ради Христа делаемое доброе дело приносит нам плоды Святаго Духа. Все же не ради Христа делаемое, хотя и доброе, но мзды в жизни будущего века нам не представляет, да и в здешней жизни благодати Божией также не дает. Вот почему Господь Иисус Христос сказал: ...кто не собирает со Мною, тот расточает (Мф.12:30).*

Настоящим добрым делом является только то, – что посвящено Богу. Господь сказал: *Кто отречется от Меня пред людьми, отрекусь от того и Я – перед Отцем моим Небесным (Мф.10:33).* Пусть никто не усомнится, что этот грех является тяжелейшим и несет за собой самые страшные последствия.

Святой Кирилл говорит в «Слове о исходе души»: «Прочее яковый страх и трепет чаеши душе имети – в день он, зрящи страшных и дивих и жестоких, и немилостивых, и безстудных демонов, – яко муринов мрачных предстоящих! Яко и самое видение едино-лютейшее есть всякия муки, ихже зряши, – душа смущается, волнуется, болезнует, мятется и спрягается, к Божиим Ангелам прибегаючи. Держится убо душа от святых Ангел, воздухом преходящи, и возвышаема, обретает мытарства, хранящая восход и держаща, и возбраняюща восходящим душам: коеждо бо мытарства своя их грехи приносит... каяждо страсть душевная, и всякий грех своя мытари имать и истязатели».

Св. Бонифаций, англо-саксонский апостол германцев (VIII век), передает в одном из своих писем рассказ, услышанный в Уэнлоке из уст одного монаха, который умер и через несколько часов вернулся к жизни. Когда он вышел из тела, его

подхватили Ангелы такой чистой красоты, что он не смог смотреть на них... «Они понесли меня, – сказал он, – высоко в воздух...» Далее он рассказал, что за то время, что он был вне тела, такое количество душ покинули свои тела и столпились в месте, где он находился, что ему казалось, что их больше, чем все население земли. Он также сказал, что там была толпа злых духов и славный хор вышних Ангелов. И он сказал, что злые духи и святые Ангелы вели ожесточенный спор за души, вышедшие из своих тел: демоны обвиняли их и **усугубляли бремя их грехов**, а Ангелы облегчали это бремя и приводили смягчающие обстоятельства.

Он услышал, как все его грехи, начиная с юности, которые он или не исповедал, или забыл, или не осознал как грехи, – вопиют против него, каждый своим голосом, и со скорбью обвиняют его... Все, что он сделал за все дни своей жизни и отказался исповедать, и многое, что он не считал за грех, – все они теперь выкрикивали против него страшными словами. И таким же образом злые духи, перечисляя пороки, обвиняя и принося свидетельства (называя даже время и место!), – приносили доказательства его злых дел... И вот, свалив в кучу и исчислив все его грехи, эти древние враги объявили его виновным и неоспоримо подверженным их власти.

«С другой стороны, – сказал он, – маленькие, жалкие добродетели, которые я имел недостойно и несовершенно, – говорили в мою защиту. Ангельские духи – в их безграничной любви – защищали и поддерживали меня. А немного преувеличенные добродетели – казались мне прекрасными и куда большими, чем когда-либо я мог явить своими собственными силами».

Невероятное для многих, но истинное происшествие⁴⁰

В приведенном отрывке описаны мытарства человека, умершего на операционном столе.

«...Взяв меня под руки, Ангелы вынесли меня прямо через стену из палаты на улицу. Смеркалось уже, шел крупный, тихий снег. Я видел его, но холода и вообще перемены между комнатной температурой и надворною не ощущал. Очевидно, подобные вещи утратили для моего измененного тела свое значение. Мы стали быстро подниматься вверх. И по мере того, как поднимались мы, взору моему открывалось все большее и большее пространство, и, наконец, оно приняло такие ужасающие размеры, что меня охватил страх от сознания моего ничтожества перед этой бесконечной пустыней... Идея времени погасла в моем уме, и я не знаю, сколько мы еще поднимались вверх, а затем, выплыв откуда-то, к нам с криком и гоготом стала быстро приближаться толпа каких-то безобразных существ.

«Бесы!» – с необычайной быстротой сообразил я и оцепенел от какого-то особенного, неведомого мне дотоле ужаса. Бесы! О, сколько иронии, сколько самого искреннего смеха вызвало бы во мне всего несколько дней назад чье-нибудь сообщение не только о том, что он видел собственными глазами бесов, но что он допускает существование их как тварей известного рода! Как и подобало «образованному» человеку конца XIX века, я под названием этим разумел дурные склонности, страсти в человеке, почему и само это слово имело у меня значение не имени, а термина, определявшего известное понятие. И вдруг это «известное определенное понятие» предстало мне живым олицетворением!..

Окружив нас со всех сторон, бесы с криком и гамом требовали, чтобы меня отдали им, они старались как-нибудь схватить меня и вырвать из рук Ангелов, но, очевидно, не смели этого сделать. Среди их невообразимого и столь же

отвратительного для слуха, как сами они были для зрения, воя и гама я улавливал иногда слова и целые фразы.

– Он наш, он от Бога отрекся, – вдруг чуть не в один голос завопили они, и при этом уж с такой наглостью кинулись на нас, что от страха у меня на мгновение застыла всякая мысль.

– Это ложь! Это неправда! – опомнившись, хотел крикнуть я, но услужливая память связала мне язык. Каким-то непонятным образом мне вдруг вспомнилось такое маленькое, ничтожное событие, к тому же и относившееся еще к давно минувшей эпохе моей юности, о котором, кажется, я и вспоминать никогда не мог».

Здесь рассказчик вспоминает случай из времен учебы, когда однажды во время разговора на отвлеченные темы, какие бывают у студентов, один из его товарищей высказал свое мнение: «Но почему я должен веровать, когда я одинаково могу веровать и тому, что Бога нет. Ведь правда же? И может быть. Его и нет?» На что он ответил: «Может быть, и нет». Теперь, стоя на мытарстве перед бесами-обвинителями, он вспоминает: «Фраза эта была в полном смысле слова «праздным глаголом»; во мне не могла вызвать сомнений в бытии Бога бестолковая речь приятеля, я даже не особенно следил за разговором, – и вот теперь оказалось, что этот *праздный глагол* не пропал бесследно в воздухе, мне надлежало, оправдываться, защищаться от возводимого на меня обвинения, и таким образом удостоверилось евангельское сказание, что, если и не по воле ведающего тайны сердца человеческого Бога, то по злобе врага нашего спасения, нам действительно предстоит дать ответ и во всяком праздном слове.

Обвинение это, по-видимому, являлось самым сильным аргументом моей гибели для бесов, они как бы почерпнули в нем новую силу для смелости нападений на меня и уже с неистовым ревом завертелись вокруг нас, преграждая нам дальнейший путь.

Я вспомнил о молитве и стал молиться, призывая на помощь всех святых, которых знал и чьи имена пришли мне на ум. Но это не уstraшило моих врагов. Жалкий невежда,

христианин лишь по имени, я чуть ли не впервые вспомнил о Той, Которая именуется Заступницей рода христианского.

Но, вероятно, горяч был мой порыв к Ней, вероятно, так преисполнена ужаса была душа моя, что я, едва вспомнив, произнес Ее имя, как вокруг нас появился какой-то белый туман, который стал быстро заволакивать безобразное сонмище бесов. Он скрыл его от моих глаз, прежде чем оно успело отдалиться от нас. Рев и гогот их слышался еще долго, но по тому, как он постепенно ослабевал и становился глуше, я мог понять, что страшная погоня оставила нас».

Преподобный Иоанн Лествичник описывает случай, происшедший с одним монахом до его смерти: «За день же до кончины своей он пришел в исступление и с открытыми глазами озирался то на правую, то на левую сторону постели своей и, как бы истязуемый кем-нибудь, он вслух всех предстоявших говорил иногда так: «Да, действительно, это правда; но я постился за это столько-то лет»; а иногда: «Нет, я не делал этого, вы лжете»; потом опять говорил: «Так, истинно так, но я плакал и служил братьям»; иногда же возражал: «Вы клеветеете на меня». На иное же он отвечал: «Так, действительно так, и не знаю, что сказать на сие; но у Бога есть милость». Поистине страшное и трепетное зрелище было сие невидимое и немилостивое истязание; и что всего ужаснее, его обвиняли в том, чего он не делал. Увы! Безмолвник и отшельник говорил о некоторых из своих согрешений: «Не знаю, что и сказать на это», хотя он около сорока лет провел в монашестве и имел дарование слез... В продолжение сего истязания душа его разлучилась с телом; и неизвестно осталось, какое было решение и окончание сего суда и какой приговор последовал» (Иоанна, игумена Синайской горы «Лествица». Слово 7, 50).

Тогда же я впервые серьезно задумалась о посмертной участи своего отца, и так как не знала, крещен ли он, стала усердно просить Господа открыть мне это. И увидела во сне, как некие «люди» наперебой твердили, что мой отец – не принял святого крещения. Матушка Надежда пояснила, что, так как меня уверяли с особой настойчивостью, то это явно бесы, и мой отец – несомненно, крещен. Уверившись в этом, я впервые

стала серьезно молиться о человеке, который оставил нас с мамой, прежде чем я родилась.

Прошу у Господа прощения за свою обиду, за то, что считала его виноватым перед нами. Все ему прощаю. Волос не падает с головы человека без воли Божией. То, что я росла без отца, было Промыслом Божиим. Мало ли какие бывают отцы... Быть может, вместе с ним нам не было бы так светло и хорошо в моем детстве. Сколько их на свете, подобных семейных драм... Но, став верующей, каждая душа обретает чувство личной ответственности за всех близких людей, – не только живых, но и усопших.

Мой отец был военным и политработником, значит, он многие годы занимался проповедью атеизма. Все хорошее, что я знала о моем отце, кроме того, что за всю свою жизнь его одного любила моя мама, было то, что он, рискуя жизнью, всю войну разминировал минные поля. Мне кажется, для этого недостаточно одного человеческого мужества, но требуются дополнительные серьезные качества души. Хозяйка дома, у которой мы снимали комнату, когда я была маленькой, – рассказала мне уже взрослой, как в последний раз приезжал к нам мой отец. «Ты была улыбчивым общительным ребенком. Всем радовалась, ко всем друзьям дома доверчиво шла на руки. Однажды, ты была трех лет, я вдруг обнаружила, что тебя нет во дворе. Бегу на улицу. Рядом проходила железная дорога. И вижу, на насыпи стоит майор, держит тебя на руках, целует, прижимает к себе (в это время у него была другая семья), а ты вырываешься и ладошками бьешь его по лицу. Ничего подобного от тебя никто не видел. Стремглав подбегаю и слышу: «Бей, дочка, бей! Твой отец этого достоин». Конечно, твои мама и бабушка накормили, напоили его чаем и расстались с ним – уже навсегда...»

Со времени пребывания в нашем доме матушки Надежды я впервые начала серьезно молиться о воине Никите, и Господь показал мне жуткое место ада, где пребывает в заключении мой отец. Как будто мне дали заглянуть в черную пещеру в стене пропасти – почти полностью лишенную света. Не забуду его мутный страдальческий взгляд, полный безысходности. Но на

миг в нем появился проблеск надежды, когда он поднял голову, отвечая на мой взгляд. Не сомневаюсь, что все эти серьезные вещи были приоткрыты мне за святые молитвы матушки Надежды.

В житии Преподобного Лаврентия Черниговского есть рассказ о том, как пришла к старцу его духовная дочь: «Умер мой отец, прошу Вас сорок дней поминать новопреставленного». А батюшка: «Кто проходит мытарства сорок дней, а кто – двадцать восемь лет...» И через двадцать восемь лет – старец сообщил ей, что вымолил из ада ее отца. Сколько бы я не подавала на помин души моих ушедших близких, я не могу быть уверена, что они в Царствии Небесном. Знаю о светлой посмертной участи – одной моей мамы. Но положение моих родных после многих лет церковной молитвы о их спасении – явно облегчилось. Чувствую это по состоянию собственной души. Ведь мы все связаны нерасторжимыми узами. И нераскаянные грехи рода нередко смертельным грузом тяготят – над душами живых.

«Нужно отдать все, – говорила матушка Надежда, – чтобы нашим усопшим стало лучше». Несколько лет спустя, уже после матушкиной и маминой смерти, к своему счастью, я вновь увидела во сне бабушку. Она была все еще больна, но находилась в необыкновенно красивой Небесной Лечебнице: везде свет, белизна простыней, непередаваемая чистота, – кажется, сияют сами стены, прямо в палатах цветут и благоухают цветы... С замиранием сердечным, проснувшись, подумала: кажется, молитвами матушки, бабушку взяли в Больницу Марфо-Мариинской Обители...

Матушка говорила удивительные вещи: «Неужели ты думаешь, что Великая Княгиня Елисавета не вымолила места в Раю своим родителями, сестрам, брату?.. Конечно же – они вместе. Точно так же и Государь с Государыней в Царстве Небесном умалили Господа о Своих друзьях неправославного вероисповедания. Думаю, что Лили Ден, Пьер Жельяр и другие, по неизреченной Милости Божией, разделили с Ними Их высокую Небесную участь, ведь они были среди тех, немногих, кто всем сердцем и жизнью, – разделял Их земные скорби.

Думаю, что о своих инославных мы обязательно должны молиться, – конечно, келейно, – многим великим святым. И Елисавете Феодоровне, и Царской Семье. Господь Всемиловитый, – чудеса творит и Милует, – **Милостью снисходит к сердцу – милующему».**

Афанасий

На улице нашего подмосковного поселка жила раба Божия Анна, у которой мы брали молоко от коровы для моего маленького крестника. Она рассказала нам о своем дедушке. Думаю, в прежней России – среди простого народа было немало подобных людей. Афанасий любил страдальцев, всех больных и убогих. После Литургии приводил в дом нищих и странников, не изменяя этому обычаю в самые трудные и голодные годы. Ни вшей, ни лишая на людях не боялся. И действительно, никогда ничья болячка к нему не пристала. Бог его хранил. Мама Анны осталась вдовой с шестью детьми (муж погиб на Финской войне). Зарабатывала кусок хлеба, читая Псалтирь по усопшим. И, бывало, скажет: «Дети не едят досыта, куда ведешь людей – в доме пусто». – «Ничего, голубка, – ответит дедушка, – у Бога всего много». И, действительно, голодным никто у нас из-за стола не вставал. Дедушка парил гостей в баньке и заботливо стелил постели. Намаявшись с детьми за день, мама оставляла их на попечение отца. «Иди спать, душка, – жалел он ее, – я их уgomоню». «И, действительно, все мы у него утихали, успокаивались, – вспоминала Анна. – Ночью проснешься, глаза приоткроешь, лампадочка горит, тоненькие лучики тянутся ко мне, то красненькие, то зеленые, постом – голубые, а дедушка сидит у икон – всю ночь шепчет молитвы. И так хорошо-хорошо у нас в избе. Я когда-то ему сказала: «Деда, как ночью у нас тихо да красиво». А он: «Плохо ли у Матери Божией – детушкам, под Покровом!..» Так он до конца призывал на нас Милость Царицы Небесной... И не знаю, спал ли он когда. А днем всегда добрый и веселый. Красный угол был у него в каждой комнате, везде иконы: и в хлеву, и в саду. За всякой работой – молился. Осенял крестом грядки, когда сажал и поливал, и всю скотинку. Не было твари, какую бы он не пожалел. Зимой стелил на снег льняную холстину, сыпал птицам зерно: «Отойдите маленько, душки мои, – просил свою детвору, – не спугните моих гостей». И к нему прилетало множество разных птиц, и какие-то белые,

невиданные... Когда, после революции, разрушили церковь, он стал ходить молиться на развалины. В селе говорили: «Сдвинулся дед». Но Афанасий не обращал на это внимания и по-прежнему приветливо кланялся каждому, кто и дрался, и ругался, и его обзывал. Душе человеческой – кланялся. Мы бегали вслед за ним к бывшей церкви. «Видели бы вы, души мои, – говорил он нам, – какая здесь **свеча – от земли до Неба!** Место, где Престол стоял, служили Литургию – навеки свято». Когда до революции жили сытно, на Пасху резал баранчика, и лучшее мясо отвозил в тюрьму: «Один Бог знает, сколько там невинных сидит...» На яблочный Спас мы бегали по всей деревне, корзинами разносили яблоки тем, у кого не было своих. Прежде это было обычно. В одной многодетной семье скоропостижно скончался муж, так поутру у вдовы на пороге: овощи и яйца в корзинке, кусочек мяса и крынка молока – и не признавались, кто носил... А когда в соседней деревне сгорел дом, всем миром новый строили. Дедушка Афанасий знал свою кончину, говорил без всякой печали, с улыбкой: «Скоро, души мои, от вас далеко уйду, но с вами не расстанусь». Поутру оделся во все чистое, каждому из детей что-то свое на ушко шепнул – напутствовал, светлыми глазами в глаза глянул, перекрестил, обнял. Маме поклонился в ноги. Со всеми простился, а за полдень, помолясь, лег на лавку под образа, сложил руки как для причастия, и отдал Богу душу... Мы даже не сразу заметили, что он – ушел... И действительно – с нами не расстался. Слышим его молитвы, постоянную помощь с неба...

Мы с дедушкой в нашей церкви Литургию стояли, когда принесли двухлетнего ребенка, расслабленного с рождения, – ручки и ножки как тряпочки, только глазки живые. Матери посоветовали отслужить молебен Святителю Николаю. Кропит всех батюшка после молебна. И вдруг младенец вырвался из пеленок, и прямо по полу – к батюшке побежал...»

У Анны третьего сына звали Алексей. Ему досталась тяжелая судьба: трудная работа и неверная жена. Придет, бывало, домой, и застанет жену не одну. Повернется из дому, гуляет по глухим улицам допоздна и ночует на лавке в сквере. А потом совсем к матери жить пришел. И умирать ему пришлось

от рака пищевода. Страшная болезнь: уколы, чтобы боли снять, медсестра делала, да их не хватало. И положила ему мама под подушку бумажную иконочку Спасителя: «Лешенька, не один терпишь, Господь с тобою...» «Который уже день он у меня и молочка не принимал, – рассказывала она, – и вижу сон. Копаюсь я в огороде. Вдруг, слышу, меня окликают: «Анна!» Глянула, на моем крыльце стоит – Спаситель в синих переливных ризах, а из-под них – белые. И рядом с Ним два мальчика – в белом снегу. И Он мне: «Анна, Я ведь за твоим Лешей пришел!» А я: «На что он Тебе, Господи, он у меня такой слабенький, ни на что не годный...» – «Ничего, – говорит, – Я его в Свою Больницу возьму – полечу...» Очнулась и второпях к сыну бегу, а он уж – отходит... А на девятый день вижу его на кровати в Больнице. И женщина в белом апостольнике, вот как у вас Елисавета Феодоровна на фотографии, – как Ангел над ним склонилась...»

Только там нас покинут мученья,
Все страданья исчезнут как дым!
Оттого и живет в нас стремленье
К небесам, к небесам голубым.

В. Броницкая

Верю в чудо Божией Милости, верю, что и не вполне готовых для Царствия может «подлечить» Господь. И среди всех Небесных Лечебниц во все дни в неусыпаемом труде – горняя Марфо-Мариинская Обитель.

...Что считали мы могилою –
Новой жизни колыбель!
Не на веки властной силою,
Смертью, взяты мы отсель!
Но за гробом продолжается
Вечной жизни благодать,
И усопший возвращается
В мир таинственно опять...
Все друг с другом тесно связано,
Смерть рождает жизнь собой!
Все, что здесь нам недосказано,
Мы постигнем в жизни той!

В. Броницкая

Замечательно, что и в этой жизни – мы, нередко, не задумываясь об этом, – попадаем в Небесную лечебницу. Каждый из нас испытал благотворное влияние болезней, из которых мы часто выходили – обновленными душой и телом. У протоиерея Андрея Логвинова есть книга стихов, которая так и называется: «Небесный госпиталь».

Вдруг приснилось
про Небесный госпиталь...
Снова, телом и душой
больной,
Я сдаюсь на Милость
Твою, Господи:
Ты побудь, пожалуйста,
со мной...
Так дано много!
Так легка трата:
Возлюби Бога,
Полюби брата,
Накорми пташку,
Пожалей кошку,
Дай больным чашку,
А другим – ложку.
Так уж Всевышний
Создал: мы – люди
Не когда дышим,
А пока – любим...

Как легко запоминаются эти строки... В послесловии своего сборника отец Андрей пишет: «Опытным путем душа познала, что всякое искусство, да и сама жизнь, если она без Бога, – ведет к самоубийству в самом широком смысле слова. Исцеление жизни возможно лишь через Небесный госпиталь – верой и любовью: к Творцу, Родине, человеку»⁴¹.

Однажды мы с матушкой вспоминали Фросю. И я сказала: «Но конечно, опыт посещения Рая и ада матушки Любви – абсолютно уникален». – «Ты ошибаешься – помолчав, произнесла матушка, – уверена, что подобные видения – не

редкость для святых, вернее, для будущих святых». Несколько лет спустя, я удостоверялась в истине ее слов.

Видение мытарств. Из рассказа монахини Сергии

Монахиня Сергия (в миру Татiana Ивановна Клименко) в последние годы жила в Пюхтицком Успенском монастыре в Эстонии († 7 октября 1994 г.). В молодости (в 1924 г., еще до монашеского пострига, бывшего в 1925 г.) во время тяжелой болезни (воспаление легких), по молитвам ее духовного отца Стефана (Игнатенко, † 1973 г.), иеромонаха Успенского монастыря на горе Бештау, ей было дано видение – прохождения мытарств. Приводим небольшой отрывок из ее рассказа⁴².

...В течение недели болезни я сознание не теряла. В ту памятную ночь я вполне ориентировалась в окружающей обстановке, не спала и видела отчетливо всю комнату, спящую родственницу на соседней постели и зажженную свечу. Я силилась читать про себя Иисусову молитву. Сначала все шло как обычно, но потом я стала ощущать злую силу, сопротивляющуюся молитве Иисусовой и стремящуюся отвлечь меня от нее: топлыли передо мной пейзажи дивной красоты, то звуки симфонического оркестра врывались в мое сознание. Один момент – я залуюбуюсь, заслушаюсь, оставив слова молитвы, и... злая сила потрясает меня до основания.

В такой борьбе, томясь от жара, но в полном сознании, я вдруг вижу перед собой отца Стефана с крестом на груди. Отдавая себе отчет в невозможности его появления, я начала читать «Да воскреснет Бог...», памятуя совет отцов. Отец Стефан дожидается окончания молитвы, говорит с улыбкой «Аминь» и... в мгновение ока берет из меня душу.

Мы очутились с ним словно в недрах земли и шли по высоким обширным пещерам, расположенным, как я чувствовала, где-то в глубине недр.

Я была в монашеском, скорее в послушническом одеянии, а отец Стефан – в своей обычной черной рясе. Он шел впереди, а я следом за ним. Путь наш шел по берегу ручья с черной, быстро текущей водой. Его русло пересекало пещеру, и мы направились к истоку его.

Я подумала о том, что может обозначать этот поток, и мгновенно почувствовала, как отец Стефан подумал мне в ответ: «Это мытарство – за осуждение». (Далее также мы не говорили, но общались мысленно.) Я поняла, что нахожусь на мытарствах, которые мне пришлось бы пережить, если бы я тогда умерла.

Мы подошли к истоку черного ручья и увидели, что он вытекает из-под огромных, мрачных, тяжелых дверей. Я «услышала» мысли отца Стефана, объясняющие мне, что там, за этими ужасными дверями, мытарства за смертные грехи. Чувствовалось, что там царит невообразимый ужас и страдание. Отец Стефан повернул от этих врат назад, и я вдруг увидела на дне ручья, среди прочих многочисленных людей мою знакомую, которая и до сих пор жива. Отец Стефан, повернувшись ко мне, подумал с каким-то ударением: «Осуждение (ближнего) никогда не прощается». И я с необычайной яркостью ощутила свою виновность в отношении этого греха и невозможность оправдать себя. С ужасом взмолилась я о душе, погруженной в черные воды, и... вдруг она вышла оттуда в своем человеческом облике, и притом сухая.

Отец Стефан объяснил мне, что если бы эта раба Божия умерла в том состоянии, в каком она была тогда, то она мучилась бы вечно. По милосердию и смотрению Божию ей будут дарованы при жизни великие страдания, которые помогут ей очиститься от этого греха...

Мы пошли дальше, и вдруг наш путь преградили весы. На одну чашу непрерывным потоком падали мои добрые дела, а на другую с сухим треском, падая и рассыпаясь, сыпались пустые орешки. Они только ударяли по левой чашке весов, но, несмотря на это, пустая чаша перевешивала полную. В их треске звучала злая насмешка надо мной: эти пустые орешки изображали собой самоуслаждение, сопутствующее моим добрым делам, тщеславие, их обесценивающее.

Пустые орешки перевесили... Первая чаша взвилась высоко. Я стояла безответная, убитая, осужденная...

Вдруг на правую чашу упал кусок пирога и перевесил. Словно кто-то в долг дал мне, но что дал – я не поняла.

Возможно, это были чьи-то молитвы. Весы исчезли, путь опять был свободен. С трепетом я следовала за отцом Стефаном, и вдруг пред нами предстала гора пустых бутылок. Что-то нелепое, глупое было в ней. Гора словно надувалась, величась. Это, увы, была моя гордость. Непередаваемо остро я почувствовала всю глупость и ложность ее. И опять остановилась, не находя мысли, оправдывающей меня.

Если бы я уже умерла, то должна была бы трудиться на этом месте, чтобы откупорить каждую пустую бутылку, и это было бы мучительно и бесплодно.

«Еще не умерла», – подумал отец Стефан взмахнул рукой: Благодать Божия вскрыла сразу все бутылки. Путь открылся, и мы пошли дальше...

Каким-то образом мы с отцом Стефаном поднялись, словно на более высокий ярус... и далее очутились, словно в магазине готового платья. Необычная духота и уныние составляли как бы воздух этого помещения. Я увидела множество одежды, висящей рядами, и между ними свою душу в виде какой-то одежды, распяленной на вешалке...

Должна оговориться, что мне очень трудно излагать виденные образы, слова не могут передать их тонкости и необычайной убедительности. Все сейчас звучит грубо и вместе с тем бледно (ничего не выражает)...

Меня охватило необычайно рельефное и яркое ощущение виновности, чувство невозможности оправдаться – *непщевати вины о гресех*: такой осязательной вина никогда не ощущалась при жизни.

Множество висевших одежд – это были мои мысленные пожелания материальных приобретений, даже и не осуществившиеся...

Мы поднялись выше и вошли в какое-то небольшое помещение, являющееся частью большого, словно это был отгороженный угол комнаты. В нем стояли какие-то уроды, потерявшие образ человеческий, – трудно мне выразить это, но они были как бы «покрыты срамом», словно облиты помоями. Тут я поняла, что значит безобразие, оно воистину есть потеря образа и подобия Божия, так как это были люди, употреблявшие

великий дар Божий – слово, – на похабщину, любившие в своей жизни неприличные анекдоты. Я с облегчением подумала, что уж этим-то я не грешна, и вдруг услышала, как эти чудовища заговорили хриплыми, нечистыми голосами: «Наша, наша!» Я обомлела и с кристальной ясностью вспомнила, как, будучи ученицей младших классов, сидела с подругой в пустом классе и писала в тетради какие-то глупости. Кажется, я никогда об этом и не вспоминала. Опять неоплатный долг! Нечем покрыть, нечем оправдаться! В отчаянии, закрывая глаза, чтобы не видеть этих омерзительных уродов, я бросилась к отцу Стефану и, услышав в своем сердце его мысли-слова «может покаяться», проскользнула за ним к выходу...

С трепетом последовала я за отцом Стефаном... Идя дальше и словно наклонившись, я увидела, как бы сквозь окна, нижнее помещение, вроде отделения кондитерской: там рядами стояли мириады пирожных, конфет, изображавших мою любовь к «сладенькому» – гортанобесие. В строгом порядке, в каком стояли эти кондитерские изделия, таилась бесовская ехидность, – они, бесы, возбуждали во мне эту страсть, они же старательно и запомнили содеянное. Если бы я умерла, то должна была бы снова все это поглощать, но уже без желания, нестерпимо страдая, как бы под пыткой. Знакомые спасительные слова: «еще не умерла», дали возможность идти дальше...

Далее мы очутились в высоких просторных залах. Они были красивы, но как-то чуждо холодны душе. Это были как бы храмы без Бога. Мы долго шли: храмы сменялись один за другим, и я тоскующим взглядом обводила их высокие своды. Еле передвигая ноги от усталости, я услышала мысленный укор отца Стефана: «Зачем много мечтала, ведь это все твои мечты!»...

Вдруг наш путь преградило дивное явление: представьте себе лепестки розы, пронизанные лучами солнца, и вот, сотканный из подобного кроткого сияния, весь розовый и вместе золотой, в полном архиерейском облачении стоял перед нами Святитель Николай Чудотворец. Я пала на колени и, склоняясь ниц, видела душевными очами, как Святитель Николай поцеловал отца Стефана в щеку. Я испытала пламя жгучего

стыда. Мучительно заняли все язвы душевные, словно обнаженные и освещенные изнутри этой потрясающей близостью со святостью. Не могу передать никакими словами то ощущение, потускневшее сейчас от времени, – ощущение всеобъемлющее, подавляющее – своего недостойнства, нечистоты, невозможности прикоснуться, поднять глаза. Я поняла это сердцем, почему грешнику нет места в раю, – он не может вынести ощущения близости к святыне...

Мы с отцом Стефаном шли по дороге и вошли в храм. В его притворе царил полумрак, а в главной части храма сиял свет... Мы прошли в главный придел... и я замерла от чудного видения: перед иконостасом, в воздухе, облитая лучами света, падавшего косо из окна храмовой стены, стояла стройная фигура. Это была дева, облаченная в светлое одеяние, ниспадавшее мягкими складками. Она стояла легко и свободно в лучах света, и я, вглядываясь в нее, чувствовала, что знала ее когда-то. Она была воплощением благородства и красоты, печать образа Божия лежала неискаженно на ней... *Образ есмь неизреченная Твоя славы...*

«Кто ты, милая, родная, бесконечно близкая?» – шептала я, не в силах оторваться от дивного облика. Тщетно силилась я вспомнить. Минутами мне казалось, что вот-вот я ее узнаю, вспомню ее, но потом опять, словно туманом, заволакивало все внутри. И вдруг я узнала ее – **это была моя душа!** Душа, данная мне Творцом, душа в том девственном состоянии, в каком она вышла из купели крещения. Образ Божий в ней был еще не искажен...

Я не сводила глаз, глубоко потрясенная, но вдруг из серого сумрака притвора выступила одна из сидевших там фигур. Это было ужасное, несказанное чудовище – на свиных ногах, с огромными черными губами поперек живота, безобразная, низкая баба... Она властно подходила ко мне, как к своей должнице, и – о ужас! – я узнала в ней свою душу, – душу в том состоянии, в каком она находится сейчас, – безобразная, исказившая в себе образ Божий...

Слов нет выразить, что было тогда в моем сердце...

О. Стефан отстранил чудовище, хотевшее как бы прильнуть ко мне со злорадством, словами: «Еще не умерла, может покаяться» – и повел меня к выходу...

Несколько раз во время этого сна я приходила в себя, видела комнату, слышала дыхание спящей родственницы. Сознательно не желая продолжения этого сновидения, я читала молитву, но снова против воли уходила из себя.

Когда я окончательно проснулась, сгорая от жара, увидела знакомую обстановку и вспомнила пережитое во сне, то ясно почувствовала приближение смерти. В душе поднялась томительная тоска от сознания бесцельно прожитой жизни. Умирала я, не приобретя ничего, не принеся Богу ни одной добродетели, не исполнив ни одной заповеди. И не приготовив себя к вечности.

«Даром, даром прожитая жизнь», – с какой-то стихийной силой твердила во мне обнаженная совесть... И тут в ответ с такой же силой во мне поднялся пламенный молитвенный призыв к Царице Небесной с просьбой дать мне время на покаяние...

Еще не умолкли на запекшихся губах слова молитвы, как я почувствовала дивное прохладное дуновение, обнявшее меня всю словно благодатной росой. Жара как не бывало. Я почувствовала легкость, возвращение к жизни. Чувствуя полное выздоровление, я увидела в щель между оконными ставнями мерцающую чистую звездочку, зовущую меня к новой, обновленной жизни.

Пришедший поутру врач констатировал полное выздоровление. Пред Господом Богом исповедую, что все виденное излагала без всякого преувеличения или умалчивания.

Богу нашему и Пречистой Преблаженной Деве Богородице слава во веки веков. Аминь.

Истинно любящий Бога считает себя странником и пришельцем на земле сей, ибо в своем стремлении к Богу душой и телом созерцает только Его одного (Преподобный Серафим Саровский).

Тихая, теплая ночь. – Позабудь

Жалкие нужды земли.
Выйди, взгляни: высоко млечный путь
Стелется в синей дали.
Что перед светлою звездной стезей
Темные наши пути?
Им, ознакомленным с ложью людской,
Неба красой не цвести.
Глаз не сводил бы с лучистых высот...
– Выйди, зову тебя вновь.
В небо взглядишь, отрешись от забот,
К Вечности душу готовь.
К.Р.

О реальности мук геенских

– Да не хочу я ничего про бесов знать. И в ад – не верю. И в Бога вашего не верю – живу себе обыкновенно, как все люди, – возбужденно говорила сестра матушкиной знакомой, которую она сюда привела чудом чьих-то молитв, настолько та идти не хотела. Я не знаю, о чем говорила с ней матушка, так как она попросила оставить ее вдвоем с женщиной. Но уходила гостя, по признанию ее сестры, на редкость тихая. Когда я встречаю подобные высказывания, вспоминаю рассказ Н.А. Мотовилова.

Николай Александрович Мотовилов⁴³ предпринял поездку на родину Преподобного Серафима, в Курск, с тем чтобы собрать сведения о детстве и юности его. На обратном пути в Воронеж (Преподобный Серафим незадолго до своей кончины передал Николаю Александровича на попечение известного святостью жизни архиепископа Воронежского и Задонского Антония), на одной из почтовых станций по дороге из Курска Мотовилову пришлось заночевать. Оставшись совершенно один в комнате проезжающих, он достал из чемодана свои рукописи и стал разбирать их при тусклом свете одинокой свечи, еле освещавшей просторную комнату. Одной из первых ему попала записка об исцелении бесноватой девицы из дворян, Еропкиной, у раки Святителя Митрофана Воронежского.

«Я задумался, – пишет Мотовилов, – как это может случиться, что православная христианка, приобщающаяся Пречистых и Животворящих Таин Господних, и вдруг одержима бесом, и притом такое продолжительное время, как тридцать с лишним лет. И подумал я: вздор! Этого быть не может! Посмотрел бы я, как бы посмел в меня вселиться бес, раз я часто прибегаю к Таинству Святого Причащения» – И в это самое мгновение страшное, холодное, зловонное облако окружило его и стало входить в его судорожно стиснутые уста.

Как ни бился несчастный Мотовилов, как ни старался защитить себя от льда и смрада вползающего в него облака, оно вошло в него все, несмотря на все его нечеловеческие усилия. Руки были точно парализованы и не могли сотворить

крестного знамения, застывшая от ужаса мысль не могла вспомнить спасительного имени Иисусова. Отвратительно ужасное совершилось, и для Николая Александровича наступил период тягчайших мучений. В этих страданиях он вернулся в Воронеж к Высокопреосвященному Антонию. Рукопись его дает такое описание мук:

«Господь сподобил меня на себе самом испытать истинно, а не во сне и не в видении три геенские муки: первая – огня неслетимого и негасимого ничем более, чем лишь одной благодатью Духа Святаго. Продолжалась эта мука в течение трех суток, так что я чувствовал, как сожигался, но не сгорал. Со всего меня по шестнадцати или семнадцати раз в сутки снимали эту геенскую сажу, что было видимо для всех. Перестали эти муки лишь после исповеди и причащения Святых Таин Господних, молитвами архиепископа Антония и заказанными им по всем сорока семи церквам воронежским и по всем монастырям заздравными ектениями за болящего болярина раба Божия Николая.

Вторая мука в течение суток – тартара лютого геенского, так что огонь не только не жег, но и согревать меня не мог. По желанию его Высокопреосвященства я с полчаса держал руку над свечою, и она вся закоптела донельзя, но не согрелась даже. Опыт сей удостоверительный я записал на целом листе бумаги и к тому описанию мою руку, со свечной сажей на ней, приложил. Но обе эти муки причащением давали мне возможность хотя пить и есть, и спать немного мог при них, и видимы они были всем.

Но третья мука геенская, хотя на полсутков еще уменьшилась, ибо продолжалась только полтора суток и едва ли не более, но зато велик был ужас и страдание от неопишемого и непостижимого. Как я жив остался от нее! Исчезла она тоже от исповеди и причащения Святых Таин Господних. В этот раз сам архиепископ Антоний из своих рук причащал меня оными. Эта мука была червя неусыпного геенского, и червь этот никому более, кроме меня самого и Высокопреосвященнейшего Антония, не был виден, но я при этом не мог ни спать, ни есть, ни пить ничего, потому что не

только я весь сам был преисполнен этим наизлейшим червем, который ползал во мне во всем, и неизъяснимо ужасно грыз всю мою внутренность, и, выползая через рот, уши и нос, снова во внутренности мои возвращался. Бог дал мне силу на него, и я мог брать его в руки и растягивать. Я по необходимости заявляю все это, ибо недаром подалось мне все это свыше от Господа видение, да и не возможен кто подумать, что я дерзаю всуе Имя Господне призывать. Нет! В день Страшного суда Господня Сам Он, Бог, Помощник и Покровитель мой, засвидетельствует, что я не лгал на Него, Господа, и на Его Божественного промысла деяние, во мне им совершенное».

Вскоре после этого страшного и недоступного для обыкновенного человека испытания Мотовилов имел видение своего покровителя, Преподобного Серафима, который утешил страдальца обещанием, что ему дано будет исцеление при открытии мощей Святителя Тихона Задонского и что до того времени вселившийся в него бес уже не будет его так жестоко мучить.

Только через тридцать с лишком лет совершилось это событие, и Мотовилов его дождался, дождался и исцеления по великой своей вере.

– Едва дохнет на цветок холодный ветер – он погибает, – говорила матушка Надежда, – так Богу легко в один миг забрать у нас жизнь. Одна минута отделяет человека от смерти. Но мы столь легкомысленны, что вовсе не думаем об этом. А ведь мы живем, чтобы **достойно умереть**. Вся жизнь – только подготовка к смерти, ко встрече с нашим Творцом и Владыкой – лицом к лицу. Боже, Милостив буди нам, грешным.

Помни, что согрешения твои достигли полноты своей, что юность твоя уже прошла. Настало, настало время твоего отшествия, время, в которое ты должен дать отчет в делах твоих. Знай, что там не искупит брат брата, не освободит отец сына; предваряй действия твои воспоминанием исшествия твоего из тела, и не забывай памятования о вечном осуждении. Поступая так, не согрешишь во веки, – наставляет Преподобный Антоний Великий (Отечник. Святитель Игнатий Брянчанинов).

Мы поднимаемся; конечного предела
Нам не достигнуть здесь!.. и правды свет идет
Путем борьбы и мук, путем труда и дела
В тот край, где Истина нас ждет.
В. Броницкая

Явление епископа Игнатия С.И. Снесаревой

В мое последнее свидание с Преосвященным Игнатием, 13 сентября 1866 года, он, прощаясь, сказал мне: *«С.И.! Вам, как другу, как себе говорю: готовьтесь к смерти – она близка. Не заботьтесь о мирском: одно нужно – спасение души! Понуждайте себя думать о смерти, заботьтесь о вечности!»*

В 1867 году, 30 апреля Преосвященный Игнатий скончался в Николаевском монастыре: я поехала на его погребение, совершавшееся 5 мая. Невыразима словом грустная радость, которую я испытала у гроба его.

В субботу 12 августа 1867 года ночью худо спала, к утру заснула. Вижу – пришел Владыка Игнатий в монашеском одеянии, в полном цвете молодости, но с грустью и сожалением смотрит на меня: *«Думайте о смерти, – говорил он. – Не заботьтесь о земном! Все это только сон, – земная жизнь – только сон! Все, что написано мною в книгах, все – истина! Время близко, очищайтесь покаянием, готовьтесь к исходу. Сколько бы Вы не прожили здесь, все это – один миг, один только сон»*. На мое беспокойство о сыне Владыка сказал: *«Это не Ваше дело; судьба его в руках Божиих! Вы же заботьтесь о переходе в вечность»*. Видя мое равнодушие к смерти и исполняясь сострадания к моим немощам, он стал умолять меня обратиться к покаянию и чувствовать страх смерти. *«Вы слепы, ничего не видите, и потому не боитесь, но я открою Вам глаза и покажу смертные муки»*.

И я стала умирать. О, какой ужас! Мое тело стало мне чуждо и ничтожно, как бы не мое, вся моя жизнь перешла в лоб и глаза; мое зрение и ум увидели то, что есть действительно, а не то, что нам кажется в этой жизни. Эта жизнь – сон, только сон! Все блага и лишения этой жизни не существуют, когда наступает со смертью минута пробуждения. Нет ни вещей, ни друзей, – одно необъятное пространство, и все это пространство наполнено существами страшными, непостигаемыми нашим ослеплением; они живут вокруг нас в разных образах, окружают и держат нас. У них тоже есть тело,

но тонкое, как будто слизь какая, ужасное! Они лезли на меня, лепились вокруг меня, дергали меня за глаза, тянули мои мысли в разные стороны, не давали перевести дыхания, чтобы не допустить меня призвать Бога на помощь. Я хотела молиться, хотела осенить себя крестным знамением, хотела слезами к Богу, произношением имени Иисуса Христа избавиться от этой муки, отдалить от себя эти страшные существа, но у меня не было слов, ни сил. А эти ужасные кричали на меня, что теперь уже поздно, нет молитвы после смерти!

Все тело мое деревенело, голова неподвижна, только глаза все видели, и в мозгу дух все ощущал. С помощью какой-то сверхъестественной силы я немного подняла руку, до лба не донесла, но на воздухе я сделала знамение креста, тогда страшные корчились. Я усиливалась не устами и языком, которые не принадлежали мне, а духом представить имя Господа Иисуса Христа, тогда страшные прожигались, как раскаленным железом, и кричали на меня: «Не смей произносить этого имени, теперь поздно!» Мука неопишущая!

Лишь бы на одну минуту перевести дыхание! Но зрение, ум и дыхание выносили невыразимую муку от того, что эти ужасные страшилища лепились вокруг них и тащили в разные стороны, чтобы не дать мне возможности произнести имя Спасителя. О, что это за страдание! Опять голос Владыки Игнатия: *«Молитесь непрестанно, все истина, что написано в моих книгах. Бросьте земные попечения, только о душе, о душе заботьтесь»*. И с этими словами он стал уходить от меня по воздуху как-то кругообразно, все выше и выше над землею. Вид его изменялся и переходил в свет. К нему присоединился целый сонм таких же светлых существ, и все как будто ступенями необъятной, невыразимой словом лестницы.

Как Владыка по мере восхождения становился неземным, так и все присоединившиеся к нему в разных видах принимали невыразимо прекрасный, солнцеобразный свет. Смотря на них и возносясь духом за эту бесконечную полосу света, я не обращала внимания на страшилища, которые в это время бесновались вокруг меня, чтобы привлечь мое внимание к ним

новыми муками. Светлые сонмы тоже имели тела, похожие на дивные, лучезарные лучи, пред которыми наше солнце – ничто.

Эти сонмы были различных видов и света, и чем выше ступени, тем светлее. Преосвященный Игнатий поднимался все выше и выше. Но вот окружает его сонм лучезарных Святителей, он сам потерял свой земной вид, и сделался таким же лучезарным. Выше этой ступени мое зрение не достигало. С этой высоты Владыка Игнатий еще бросил на меня взгляд, полный сострадания. Вдруг, не помня себя, я вырвалась из власти державших меня и закричала: «Упокой, Господи, душу усопшего раба Твоего Преосвященного Игнатия, и святыми его молитвами спаси и помилуй меня, грешную!» Мгновенно все ужасы исчезли, настала тишина и мир. Я проснулась в жестоком потрясении.

Никогда ничего я не боялась и охотно оставалась одна-одинехонька в доме, но после этого сна несколько дней я чувствовала такой ужас, что не в силах была оставаться одна. Много дней я ощущала необыкновенное чувство на середине лба: не боль, а какое-то особенное напряжение, как будто вся жизнь собралась в это место. Во время этого сна я узнала, что, когда мой ум сосредотачивается на мысли о Боге, на имени Господа нашего Иисуса Христа, ужасные существа мигом удаляются, но лишь только мысль развлекается, в тот же миг они окружали меня, чтобы мешать моей мысли обратиться к Богу и молитве Иисусовой.

– Матушка, – говорила я, – как же все страшно и серьезно. В уйме молитв мы просим избавить нас **заслуженного ада**. В каждом акафисте мы читаем слова, подобные звучащим в тринадцатом иконе акафиста Святителю Николаю: *...и от геенны избавитися нам Господа умоли, богоприятным твоим ходатайством...* И наш любимый отец Тихон начинал свою беседу с духовными чадами перед уходом в затвор словами: *«Главное – просить у Господа христианской кончины живота нашего – безболезненной, непостыдной, мирной. Самое дорогое сейчас прошение. И еще просить доброго ответа – на Страшном Суде Христовом»*. Но перед лицом того страшного, что мы знаем, – как нам спастись?!

– Нужно видеть себя тем, что мы есть на самом деле – полным ничтожеством перед лицом Всемилоственного Бога – перед Светом Его Совершенной Любви. – Не считай, что ты достойна хотя бы одной Милости Божией. Не присваивай себе – **ни одного** доброго дела. Помнишь, как сказал Фросе Преподобный Онуфрий, прежде чем взять ее на Небо: «Прощаются тебе грехи – **за два твоих добрых дела**». А она – и не знала – за какие. **Благодари** и тогда, когда тебе очень плохо; **смиряться**, если это и очень трудно; **молись – сердцем; кайся** – всем существом. И все это – постоянно! Успех всякого важного дела – **в постоянстве**. С искренней любовью твори дела Милосердия... Спасается на самом деле больше людей, чем мы думаем. Легче спастись людям простым, которые не замечают своих добродетелей и простосердечно рады послужить – всем и каждому. Самое главное – **блюди себя** от какого бы то ни было мнения о себе. Главное наше о себе мнение: мы – **никто и ничто** – без помощи Божией.

Человек, чем более приближается к Богу, тем более видит себя грешным (Древний Патерик).

«Я была в гостях у смерти...»⁴⁴

Во время работы над этой книгой, к своей неожиданности, я услышала от духовного лица: «С того света еще никто не приходил – и доказательств о существовании ада – мы не имеем...» Но на самом деле Церковь располагает многочисленными подобными свидетельствами. Приводим – одно из последних.

Звонок разбудил поздно ночью. Низкий голос начал с места в карьер:

- Если не замолчишь, не проживешь и недели...
- Что? Кто это? Кто говорит?
- Российская церковь сатаны...

Жительнице Туапсе, пятидесятилетней Валентине Романовой с такими угрозами звонят все чаще. И это понятно. Поразительные свидетельства принесла она в наш мир с того света. Для сатанистов – страшные...

«В 1982 году мужа перевели из Североморска в один из гарнизонов Крымской области. Устроились на новом месте. Получили квартиру в доме офицерского состава. Купили мебель, цветной телевизор. Кругом сады, виноградники. (Там Валентина разбилась на своей машине и попала в реанимацию...)

...Врач сказал: «Все сделали, но спасти ее не удалось. Сердце не бьется». Кто-то добавил: «Ведь у нее двое маленьких девочек».

В теле раздался толчок. Я оказалась как бы над всеми. Врач спокойно записывает что-то. Говорит, что утром из Симферополя надо вызывать машину и отправить в морг. Потом одна женщина в палате хватает подушку: «С мертвой лежать? Не буду!»

Я тихонечко говорю: «Хи-хи, а я живая»... Голос не звучит. Говорю погромче, но чтобы не напугать: «А я живая!» Опять не звучит! Что с моим горлом?! Пока они все не ушли, я рукой осторожно трогаю их по затылкам. Не чувствуют! Даже волосы не шевелятся от прикосновения. Вижу ручку на столе: сейчас

возьму или собою, чтобы привлечь внимание. Я ее беру, а она не берется! Ощущаю свои руки здоровыми, а она не берется! Что со мной?!

Меня охватывает такой страх, что кажется, сердце разорвется. Слышу приближающийся гул. Монотонный такой. Как в метро. Чувствую, сзади черная дыра. Вроде как труба, и меня всасывает. Тянет долго. Ощущение не из приятных. Наконец выбрасывает куда-то. Грунт каменистый. Ничего нет вокруг.

Вдруг вижу: слева высокий мужчина стоит. Я к нему! Хочу спросить, где я нахожусь. И тут вижу его взор. Страшные глаза, нечеловеческие. Как у зверя в прыжке. У меня душа заледенела. Первая реакция: бежать! Развернулась, а сама думаю: ну куда я от него скроюсь! Закричала: «Господи, спаси!» И вдруг почувствовала облегчение. Рядом появился кто-то другой. Я его не вижу, но чувствую: красивый такой. Как только злой пытается схватить меня, он становится между нами. И так мы бежим. Неожиданно спотыкаюсь о какой-то невидимый, словно стеклянный барьер. Падаю. И тут снова из меня как будто что-то выходит. Мой спасатель ловит это что-то. Дух? Душу? Не знаю.

А злой останавливается у барьера. Не может его переступить... Что такое? Да что у меня было такое? Почему тот за мной гнался?

И тут справа и слева за мной оказываются двое. Я их не вижу, но они меня ведут. Как заключенную. После смерти человек лишается не только тела. У него воли нет. В том, ином мире не желаешь идти, хочешь убежать, скрыться, но не можешь. Воля у нас есть только здесь. Ты волен заслужить рай или ад. Но только здесь. Там уже поздно...

Я ощущаю, что лечу все ниже, словно раскрылась земная кора. Оказываюсь у края бездны. Мне говорят: «Смотри». Проносится мысль: неужели сбросят? Я закрываю лицо ладонями, потому что запах... Меня чуть не стравило. Теперь знаю: так пахнет мертвое тело. Ничего не видно. А они опять: «Смотри!» Я глянула и в ужасе отпрянула. Миллионы людей! Как головастики в бочке. Рыдания, вопли, стоны. Жуткий смрад.

На глубочайшем дне люди всех цветов кожи. Особенно такие, у которых на голове намотано что-то. Они... испражняются на глазах друг друга и сами же во все это садятся. Невыносимая вонь! Стены пропасти доверху в плевках и кале. Мне говорится: это колодец отходов.

Я спрашиваю: «Как они туда попали? Как их спасти? Надо какой-то канат. Почему к ним так безразличны?»

А мне в ответ: «Здесь человеческие пороки». «Как это, пороки?» Сопровождающие поясняют: «Скотоложники, извращенцы, блудники, прелюбодеи, развратители малолетних, мужеложники...» Я и слов таких не знала. Мне говорят: «Прикосновение этих людей приносит страдание. Они получили то, что заслужили»...

И вдруг я вижу поле, канава какая-то. Ко мне спиной сидят женщины. И детки испачканные, грязные. Как они попали сюда? «Это не рожденные дети»... «Как это?» «Жертвы аборт. И твои здесь...» У меня волосы встали дыбом. Я ведь делала аборт. Не ведала, что это грех. Слова такого не знала. Мне придется отвечать за них? Женщины не обернулись. Молчали. И тут я поняла, что меня ждет наказание. Пришла непередаваемая тоска...

Каменистая дорога поднималась выше. И тут на восточной стороне как бы рассеялись облака, показалось огромное здание. Массивная дверь приоткрылась, и я увидела двух женщин. Они были чистенько одеты! У одной головной убор, теперь я уже знаю, что монашеский. Она увидела меня и захлопнула дверь. Я стала стучать. Мне ответили: «Слушай голос. Принимаем отмоленную».

На западе, куда показала женщина, я увидела свалку. Старые серые барачные строения, вроде свинарников. Одна дверь открыта. Внутри – огромное количество людей. Стоят вплотную друг к другу. Множество лишенных улыбок, усталых, непередаваемо грустных лиц.

И тут я услышала голос. Громкий, необычайно торжественный и монотонный. Он шел как бы с небес, но неба над нами не было, был лишь каменный свод. От этого голоса все дрожало. Люди замерли, подняв головы кверху. Голос

назвал имя... Из барака вышла древняя-древняя старушка. Обычно дух и душа молодые, а она была старой. С надеждой смотрела вверх. Но голос замолчал. Меж тем одну женщину одевали. Я поняла: для поднятия наверх.

Все во мне всколыхнулось – до боли в сердце. **Не все потеряно, когда в роду появляется молящийся.** Он может вымолить прощение.

Я упала на колени. Поились слезы. Все плакали. Они ждали вызволения. Ждали в любом поколении. Кто-то прощен. Кого-то вымолили. Спасение есть и здесь...

Потом меня снова повели вниз. Открылась скальная завеса. Обдало огненным жаром. Потом я вспомнила его во время болезни. Оказывается, человеку дано почувствовать подобие адского пекла. И пусть каждый задумается. После болезни мы должны как-то прозревать.

А там, в серой мгле, в каменном котловане, кипела раскаленная лава. В ней варилась уха. Живая человеческая уха. Огромное количество людей. Головы на мгновение выныривали на поверхность, чтобы глотнуть воздуха, крикнуть и тут же скрывались в безжалостном пекле мук.

Я хотела убежать, просить о помощи, но жертвы сами взывали ко мне. Они молили о пощаде. Они обезумели от боли.

«Здесь все – убийцы, колдуны, ведьмы. Все те, кто спокойно не жил на земле. Они не задумывались о том, что ждет их в вечности».

Передо мной появилось лицо женщины. Обожженное, страдальческое и обреченное.

«Вот смотри: она приколдовывала, и ей служили бесы. Теперь она дает отчет своим похотям...»

Многие сказанные мне слова были непонятны. Ведь я не бывала в церквях, в гарнизонах их не было. Никогда не читала Библии. Но там, в пекле, просить объяснений мне не хотелось. По нашим меркам я была доброю: не чуралась бедности, любого труда... Я не хотела быть в пекле... я трусила. Честно говоря, я трусила и потихонечку взывала: «Господи, ведь я уверовала... Только не здесь!»

Оторвавшись от вечных мучений, мы как бы выплывали из страшного сновидения. Остановились у огромного каменного куполообразного ангара. На нем число – «91». Я вошла осторожно. Боялась, как бы меня не забыли там. Кругом – тысячи, может быть, миллионы людей. Все смотрят вверх. Появляется какой-то сигарообразный предмет, открывается нижний люк. Из него выпадает вроде как маленькая собачка. Все подходят и гладят ее. А я чувствую, запах от нее какой-то нехороший. Сероводородом пахнет. Я – скорее из ангара. Кричу: «Люди, уходите». А они не слышат. Чувствую, что **это** поднимается, а люди гладят его по спине как собаку. Оно растет. Все дольше, дольше. Достигло огромных размеров и как рыкнет! Пасть огромная, клыки. Вся в крови. Толпу парализовало.

Я скорее ушла оттуда со своими спутниками и оказалась на земле. Только тут я впервые осознала, что такое **свет** и что такое – **тьма**. Я дышала свежим воздухом, ласкала взором траву, деревья, цветы. Оказалась перед неизвестной мне возвышенностью. Отсюда начиналась странная лестница. У ее подножия – одетые в светлое мужчины и женщины. На всех крестики. Я забеспокоилась: на мне нет креста! Но оказалось, мне уже кто-то дал его. Все крестились и начинали подъем. Перекрестилась и я.

Лестница была сделана из какого-то особого материала. Ноги как магнитом притягивала. Подниматься трудно. Чувствую, идущая передо мной женщина отяжелела и давит на меня. Если бы я отошла в сторону, она бы упала. Я решила поддержать ее. Вдруг чувствую, что у меня как бы расширяется грудь. Женщина садится на нее. Весь подъем замирает. Набравшись сил, она продолжила подъем. Меня охватила такая радость, легкость, уверенность! Цель близка. Женщина уже поднялась наверх, скоро поднимусь и я.

Показались стайки голубей, они встречали поднявшихся веселым гуканьем. Тихое, необыкновенное пение раздавалось со всех сторон. Будто хор птиц, детских голосов вел эту мелодию. Теперь я знаю, она напоминала тридцать третий псалом. Я духом зашла от переполнивших меня чувств. Так

возликовала, что сроду такого не знала, хотя всегда была жизнерадостной. Краем глаза я успела охватить зелень, голубизну огромного купола – неба. Ласковые лучи неведомого светила обласкали мою сущность и наполнили такой любовью, о которой невозможно и мыслить...

И вдруг тяжесть. Сильный толчок. Открыла отяжелевшие глаза. Рядом с кроватью на коленях стоит сбивший меня мужчина. И плачущим голосом говорит: «Только снова не умирайте, я вашу машину починю...»

Я еще не поняла, что «отсутствовала» несколько часов. Не поняла, где нахожусь. Спросила: «И вы здесь?»

Потом на долгие годы она забыла, что произошло. Переехала в Туапсе. После аварии чувствовала себя плохо. Сердце болело, голова. Почки были побиты. Но странное дело: потом все словно обновилось. Она стала здоровой, как прежде. Но – совсем другой.

Оставила подруг, шумные компании, где раньше была заводилой. Ее потянуло в церковь.... Почему-то, когда проходила одно место в Туапсе – Горку Героев – ее всегда охватывал трепет. Она не понимала. Она что-то забыла... Но потом наступило то весеннее утро 1995 года. Это было под Пасху, когда Христос сошел во ад. Ранним утром ее разбудил грохот. Автокатастрофа? Она выглянула в окно. Дорога у дома была пустынной... И вдруг.... Это мелькнуло как в ускоренном кино. Все до мельчайших деталей. До каждой тени. До малейшего звука. Она вспомнила! Вспомнила все, что последовало за той страшной аварией. Все, на чем более десятка лет лежала печать забвения.

Она вспомнила, что была в гостях у смерти...

Она вспомнила свой страшный путь. (Не только путь по тем мытарствам, описания которых мы воспроизводим. И потерявших человеческий облик, вечно жаждущих пьяниц. И раздувающуюся от черной зловонной жидкости – клеветницу. И унылые прокуренные бараки.)

А Лестница Жизни! Оказалось, что тогда, в далеком теперь 1982 году, она видела именно туапсинскую Горку Героев. Тут и начиналось восхождение! Раньше здесь стоял храм.

Она рассказывает снова и снова. И каждый раз переживает все заново. В глазах закипают слезы, на лице отражаются тени увиденных мук; она снова радуется, вспоминая свой подъем. Способность **так** свидетельствовать – дар Божий. И крест.

Итак, к Валентине Романовой вернулась память смертных мук.

Мытарства Феодоры (документ X века)⁴⁵

Есть три места, о которых нужно помнить каждому христианину:

- место, где много плачут;
- место, где всегда плачут;
- место, где никогда не плачут.

Место, где много плачут, – это наша земля. Плачут маленькие дети, только появившиеся на свет; плачут молодые и старые от болезней, от скорбей, от сердечной муки, от грехов своих и чужих – в слезах рождаются, в слезах проживают свой век и в слезах умирают.

Место, где всегда плачут, в Священном Писании называется адом. Господь говорит, что там вопль, и плач, и скрежет зубов. Представьте себе мрачную подземную темницу, глубочайшую пропасть или ужаснейшую печь огня неугасимого – и заключенных там, горящих в пламени грешников!

И только в раю никогда не плачут. Здесь одна только благодать, одна радость, здесь нет ни болезней, ни воздыханий, но жизнь бесконечная.

Мы на земле живем между раем, где вечное ликование святых, и адом, где вечное мучение грешников. Какая участь ожидает каждого из нас после того, как душа расстанется с телом? Это зависит от того, как жили мы на земле, ибо все наши дела, слова и мысли не проходят бесследно, а контролируются и небом, и адом, и Богом, и диаволом.

После смерти душа каждого человека проходит мытарства – истязания от злых духов, где они показывают все злые дела, совершенные человеком при жизни. В житии преподобного Василия Нового (X в.) есть подробное описание всех двадцати мытарств, через которые проходит душа человека.

В числе духовных чад преподобного Василия была Феодора, которая, приняв иноческий чин, отошла ко Господу. Одному из учеников преподобного, Григорию, пришло желание узнать, где находится по своему преставлению Феодора, сподобилась ли она от Господа милости и отрады за свое

нелицемерное служение святому старцу. Часто размышляя об этом, Григорий просил старца ответить ему, что с Феодорой, ибо твердо верил, что угоднику Божию все это известно. Преподобный Василий, не желая огорчить своего духовного сына, помолился, чтобы Господь открыл ему участь блаженной Феодоры.

И вот Григорий увидел ее во сне – в светлой обители, полной Небесной Славы и неизреченных благ, которая была уготована Богом преподобному Василию и в которой водворена была Феодора по его молитвам. Увидев ее, Григорий обрадовался и спросил ее, как разлучалась душа ее с телом, что она видела при своей кончине, как проходила воздушные мытарства. На эти вопросы Феодора отвечала ему так:

«Чадо Григорие, о страшном деле спросил ты, ужасно вспомнить о нем. Видела я лица, которых никогда не видела, и слышала слова, которых никогда не слыхала. Что я могу сказать тебе? Страшное и ужасное пришлось видеть и слышать за мои дела, но при помощи и по молитвам отца нашего преподобного Василия мне все было легко.

Как передам тебе, чадо, ту муку телесную, тот страх и смятение, которые приходится испытывать умирающим! Как огонь сжигает брошенного в него и обращает в пепел, так мука смертная в последний час разрушает человека. Поистине страшна смерть подобных мне грешников!

Итак, когда настал час разлучения души моей с телом, я увидела вокруг моей постели множество эфиопов⁴⁶, черных, как сажа или смола, с горящими, как уголья, глазами. Они подняли шум и крик: одни ревели, как скоты и звери, другие лаяли, как собаки, иные выли, как волки, а иные хрюкали, как свиньи. Все они, смотря на меня, неистовствовали, грозились, скрежетали зубами, как будто желая меня съесть; они готовили хартии, в которых были записаны все мои дурные дела. Тогда бедная душа моя пришла в трепет; муки смертной как будто не существовало для меня; грозное видение страшных эфиопов было для меня другою, более страшной, смертью. Я отворачивала глаза, чтобы не видеть их ужасных лиц, но они были везде, и отовсюду неслись их голоса. Когда я совершенно

изнемогла, то увидела подходящих ко мне в образе красивых юношей двух Ангелов Божиих; лица их были светлые, глаза смотрели с любовью, волосы на голове были белые, как снег, и блестели, как золото; одежды были похожи на свет молнии, и на груди они были крестообразно подпоясаны золотыми поясами. Подошедши к моей постели, они встали около нее с правой стороны, тихо разговаривая между собой. Увидев их, я обрадовалась; черные же эфиопы затрепетали и отошли подальше; один из светлых юношей с гневом обратился к ним со следующими словами: «О, бесстыдные, проклятые, мрачные и злые враги рода человеческого! Зачем вы всегда спешите прийти к одру умирающих и, производя шум, устрашаете и приводите в смятение каждую душу, разлучающуюся с телом? Но не радуйтесь очень, здесь вы ничего не найдете, ибо Бог Милостив к ней и нет вам части и доли в этой душе». Выслушав его, эфиопы замесались, подняв сильный крик и шум и говоря: «Как мы не имеем части в этой душе? А эти грехи чьи, – говорили они, показывая на свитки, где были записаны все мои дурные дела, – не она ли сделала вот это и это?» И, сказав это, они стояли, дожидаясь моей смерти. Наконец пришла и сама смерть, рыкающая, как лев, и очень страшная по виду; она похожа была на человека, но только не имела никакого тела и была составлена из одних голых человеческих костей. При ней находились различные орудия для мучений: мечи, стрелы, копья, косы, пилы, топоры и другие неизвестные мне орудия.

Затрепетала бедная душа моя, увидев это. Святые же Ангелы сказали смерти: «Что же ты медлишь, освободи эту душу от тела, освободи тихо и скоро, потому что за ней нет многих грехов». Повинуясь этому приказанию, смерть подошла ко мне, взяла малый оскорд и прежде всего отсекала мои ноги, потом руки, затем другими орудиями отсекала постепенно прочие мои члены, отделяя состав от состава, и все мое тело омертвело. Затем, взяв теслу, она отсекала мне голову, и она сделалась для меня как бы чужая, ибо я не могла ею повернуть. После всего этого смерть сделала в чаше какое-то питье и, поднеся его к моим устам, насильно напоила меня. Питье это было так горько, что душа моя не могла этого вынести, – она

содрогнулась и выскочила из тела, как бы насильно вырванная из него. Тогда светлые Ангелы взяли ее к себе на руки. Я обернулась назад и увидела свое тело, лежащее бездушным, нечувственным и недвижным, подобно тому, как если кто снимает с себя одежду и, бросив, смотрит на нее, – так и я глядела на свое тело, от которого освободилась, и весьма удивлялась этому. Бесы, бывшие в образе эфиопов, обступили державших меня святых Ангелов и кричали, показывая мои грехи: «Душа эта имеет множество грехов, пусть даст нам за них ответ!» Но святые Ангелы стали отыскивать мои добрые дела и, по благодати Божией, находили и собирали все, что при помощи Господней сделано было мною доброго: милостыню ли я когда подавала, или накормила голодного, или жаждущего напоила, или одела нагого, или ввела странника в свой дом и успокоила его, или услужила святым, или посетила больного и находящегося в темнице и помогла ему, или когда с усердием ходила в церковь и молилась с умилением и слезами, или когда со вниманием слушала церковное чтение и пение, или приносила в церковь ладан и свечи, или делала другое какое-либо приношение, или вливала деревянное масло в лампы перед святыми иконами и лобызала их с благоговением, или когда постилась во все святые посты, и в среду и пятницу не вкушала пищи, или сколько когда поклонов сделала и молилась по ночам, или когда всей душой обращалась к Богу и плакала о своих грехах, или когда с полным сердечным раскаянием исповедовала Богу пред своим духовным отцом свои грехи и старалась их загладить добрыми делами, или когда для ближнего сделала какое-нибудь добро, или когда не рассердилась на враждующего на меня, или когда перенесла какую-нибудь обиду и брань и не помнила их и не сердилась за них, или когда воздала добром – за зло, или когда смиряла себя, или сокрушалась о чужой беде, или сама была больна и безропотно терпела, или соболела другим больным и утешила плачущего, или подавала кому руку помощи, или помогла в добром деле, или удержала кого от дурного, или когда не обращала внимания на дела суетные, или удерживалась от напрасной клятвы или клеветы и пустословия, и все другие мои

малейшие дела собирали святые Ангелы, готовясь положить против моих грехов. Эфиопы, видя это, скрежетали зубами, потому что хотели похитить меня у Ангелов и отвести на дно ада. В это время неожиданно явился там же преподобный отец наш Василий и сказал святым Ангелам: «Господие мои, эта душа много служила мне, успокаивая мою старость, и я молился Богу, и Он отдал ее мне». Сказав это, он вынул из-за пазухи золотой мешочек, весь полный, как я думала, чистым золотом, и отдал его святым Ангелам, сказав: «Когда будете проходить воздушными мытарствами и лукавые духи начнут истязать эту душу, выкупайте ее этим из ее долгов; я, по благодати Божией, богат, потому что много сокровищ собрал себе своими трудами, и дарю этот мешочек душе, служившей мне». Сказав это, он скрылся. Лукавые бесы, видя это, находились в недоумении и, подняв плачевные вопли, также скрылись. Тогда угодник Божий пришел снова и принес много сосудов с чистым маслом, дорогим Миром и, открывая один за другим каждый сосуд, вылил все на меня, и от меня разлилось благоухание. Тогда я поняла, что изменилась и стала особенно светла. Святой же опять обратился к Ангелам со следующими словами: «Господие мои, когда вы совершите все, что нужно для этой души, отведите ее в уготованный мне Господом Богом дом и поселите ее там». Сказав это, он сделался невидим, а святые Ангелы взяли меня, и мы по воздуху пошли на восток, поднимаясь к Небу.

Мытарство первое

Когда мы восходили на высоту небесную, сначала нас встретили воздушные духи первого мытарства, на котором испытываются грехи **празднословия**. Здесь мы остановились. Нам вынесли множество свитков, где были записаны все слова, какие только я говорила от юности моей, все, что было сказано мною необдуманного и, тем более, срамного. Тут же были записаны все кощунственные дела моей молодости, а также случаи праздного смеха, к которому так склонна юность. Я видела тут же скверные слова, которые я когда-либо говорила, бесстыдные мирские песни, и обличали меня духи, указывая время, и место, и лиц, с кем занималась я праздными беседами

и, своими словами прогневно Бога, нисколько не считала того за грех, а потому и не исповедовалась в том пред духовным отцом. Глядя на эти свитки, я молчала, будто лишенная дара речи, потому что мне нечего было им отвечать: все, что было у них записано, была правда, и я удивлялась, как это у них ничего не забыто, ведь прошло столько лет и я сама давно забыла об этом. Подробно и самым искусным образом испытывали они меня, и мало-помалу я все вспомнила. Но святые Ангелы, водившие меня, положили конец моему испытанию на первом мытарстве: они покрыли грехи мои, указав лукавым на некоторые из после бывших добрых моих дел, а чего недоставало из них на покрытие моих грехов, добавили из добродетелей отца моего преподобного Василия и искупили меня из первого мытарства, и мы пошли далее.

Мытарство второе

Мы приблизились к другому мытарству, называемому мытарством **лжи**. Здесь человек отдает отчет за всякое лживое слово, а преимущественно за клятвопреступление, за напрасное призывание имени Господа, за ложные свидетельства, за неисполнение данных Богу обетов, за неискреннюю исповедь во грехах и за все тому подобное, когда человек прибегает ко лжи. Духи в этом мытарстве свирепы и жестоки и особенно сильно испытывают проходящих чрез это мытарство. Когда они остановили нас, то начали со всеми подробностями спрашивать меня, и я была уличена в том, что несколько раз солгала когда-то в самых малых вещах, так что не ставила себе того во грех, а также в том, что не один раз из-за стыда не всю правду сказала на исповеди своему духовному отцу. Уличив меня во лжи, духи пришли в большую радость и уже хотели похитить меня из рук Ангелов, но они для покрытия найденных грехов указали на мои добрые дела, а недостающее пополнили добрыми делами отца моего преподобного Василия и тем выкупили меня из этого мытарства, и мы беспрепятственно пошли выше.

Мытарство третье

Мытарство, к которому мы пришли потом, называется мытарством **осуждения и клеветы**. Здесь, когда остановили

нас, я увидела, как тяжело грешит тот, кто осуждает своего ближнего, и как много зла, когда один клеветает на другого, бесславит его, бранит, когда ругается и смеется над чужими грехами, не обращая внимания на свои собственные. Грозные духи испытывают грешных в этом за то, что они предвосхищают сан Христов и делаются судьями и губителями своих ближних, тогда как сами неизмеримо больше достойны осуждения. В этом мытарстве я, по благодати Божией, не во многом оказалась грешна, потому что всю свою жизнь остерегалась, чтобы кого-нибудь не осудить, не наклеветать на кого, я не насмеялась ни над кем, никого не бранила; иногда только, слушая, как другие осуждали ближних, клеветали на них или смеялись над ними, в мыслях отчасти с ними соглашалась и, по неосторожности, к их речам прибавляла немного и от себя, но, одумавшись, тотчас удерживалась. Но и это испытывавшие меня духи поставили мне во грех, и только заслугами преподобного Василия святые Ангелы освободили меня из этого мытарства, и мы пошли выше.

Мытарство четвертое

Продолжая путь, мы достигли нового мытарства, которое называется мытарством **чревоугодия**. Навстречу нам выбежали скверные духи, радуясь, что к ним идет новая жертва. Внешний вид этих духов был безобразен, они изображали собой разные виды сластолюбивых чревоугодников и мерзких пьяниц: несли блюда и чаши с яствами и разным питьем. Пища и питье по виду также были гнусны, походили на смердящий гной и блевотину. Духи этого мытарства казались пресыщенными и пьяными, они скакали с музыкой в руках и делали все, что обыкновенно делают пирующие, и ругались над душами грешных, приводимыми ими к мытарству. Эти духи, как псы, обступили нас, остановили и начали мне показывать все мои грехи этого рода: ела ли тайно когда-нибудь или через силу и сверх надобности, или с утра, как свинья, без молитвы и крестного знамения и не благодарила после еды, или в святые посты ела прежде времени, назначенного церковным уставом, или по невоздержанию вкушала прежде обеда, или во время обеда пресыщалась не в меру. Высчитали также мое пьянство,

показывая чаши и сосуды, из которых я напивалась, и прямо говорили: столько-то чаш выпила ты в такое-то время, на таком-то пиршестве, с такими-то людьми; а в другом месте выпила столько-то и дошла до беспамятства и рвоты, и столько-то раз пировала и плясала под музыку, хлопая в ладоши, пела песни и прыгала и, когда тебя приводили домой, изнемогала от безмерного пьянства; еще показывали мне лукавые духи те чаши, из которых пила я иногда поутру, в постные дни ради гостей или когда по немощи пила до опьянения и не считала того за грех и не каялась, а, напротив, еще и других соблазняла к тому же. Указали мне и на то, что в воскресные дни случалось мне выпить прежде святой Литургии, и многое тому подобное указывали мне из моих грехов по чревоугодию, и радовались, уже считая меня в своей власти, и намеревались отвести меня на дно ада; я же, видя себя обличенной и не имея ничего сказать против них, трепетала. Но святые Ангелы, заимствовав из сокровищницы преподобного Василия добрые дела его, покрыли мои грехи и изъяли из власти тех лукавых духов. Видя это, они подняли крик: «Горе нам! Пропали наши труды! Исчезла наша надежда!» – и на-воздуху свертки, где были написаны мои грехи; я же была рада, и затем мы беспрепятственно пошли оттуда.

Во время пути к следующему мытарству святые Ангелы вели между собой беседу. Они говорили: «Поистине великую помощь получает эта душа от угодника Божия Василия: если бы его молитвы не помогали ей, большую нужду пришлось бы ей испытать, проходя воздушные мытарства». Так говорили сопровождавшие меня Ангелы, и я взяла на себя смелость спросить их: «Господие мои, мне кажется, что никто из живущих на земле не знает, что здесь бывает и что ожидает грешную душу по смерти?» Святые Ангелы отвечали мне: «Ужели Божественные Писания, читаемые всегда в церквах и проповедуемые служителями Божиими, мало говорят об этом! Только пристрастившиеся к земной суете не обращают на это внимания, находя особую прелесть в том, чтобы ежедневно есть до пресыщения и пьянствовать, делая таким образом своим богом чрево, не помышляя о жизни будущей и забывая

слова Писания: *горе вам, насыщенные ныне, яко взалчете, и упивающиеся, яко возжаждете*. Они считают Святое Писание баснями и живут в небрежении о своей душе, пируя с музыкой и песнями всякий день, как евангельский богач, веселящийся светло. Но те, которые Милостивы и Милосерды, благодетельствуют нищим и убогим, получают от Бога прощение грехов своих и за свою Милостыню без особого истязания проходят мытарства, по слову Писания: *милостыня от смерти избавляет, и тая отпускает всяк грех*. Творящие Милостыню и правду исполняются жизни, а тем, кои не стараются Милостыней очистить грехи свои, нельзя избежать этих испытаний, и темнообразные князи мытарств, которых ты видела, похищают их, и, жестоко мучая, отводят на дно ада, и держат там, в узах до Страшного Суда Христова. И тебе самой невозможно было бы избежать этого, если бы не сокровищница добрых дел преподобного Василия, из которой были покрыты твои грехи».

Мытарство пятое

Беседуя таким образом, мы дошли до мытарства, называемого мытарством **лености**, на котором человек дает отчет за все дни и часы, проведенные в праздности. Здесь же задерживаются и тунеядцы, питающиеся чужими трудами и не хотящие сами ничего делать или берущие плату за невыполненную работу. Там же спрашивают отчет с тех, которые не заботятся о славе имени Божия и ленятся в праздничные и воскресные дни ходить к Божественной литургии и другим службам Божиим. Здесь же испытываются небрежность и уныние, леность и нерадение о своей душе как мирских людей, так и духовных, и многие отсюда отводятся в пропасть. Много и меня испытывали здесь, и если бы не добродетели преподобного Василия, восполнившие недостаток моих добрых дел, то мне не освободиться бы от долга лукавым духам этого мытарства за грехи мои; но они покрыли все, и я была взята оттуда.

Мытарство шестое

Следующее мытарство – мытарство **кражи**. В нем мы недолго были задержаны, и немного добрых дел потребовалось

на покрытие моих грехов, потому что я не совершала кражи, кроме одной, весьма малой, в детстве – по неразумию.

Мытарство седьмое

После мытарства кражи мы пришли к мытарству **сребролюбия и скупости**. Но и это мытарство мы миновали благополучно, потому что я, по благодати Божией, не заботилась во время моей земной жизни о приобретении имени и не была сребролюбива, но довольствовалась тем, что посылал мне Господь, не была и скупа, а что имела, то усердно подавала нуждающимся.

Мытарство восьмое

Восходя выше, мы достигли мытарства, называемого мытарством **лихоимства**, где испытываются отдающие в рост свои деньги и чрез то получающие неправедные приобретения. Здесь же отдают отчет те, кто присваивает себе чужое. Лукавые духи этого мытарства тщательно обыскали меня и, не найдя за мной никакого греха, заскрежетали зубами; мы же, возблагодарив Бога, пошли выше.

Мытарство девятое

Мы достигли мытарства, называемого мытарством **неправды**, где истязуются все неправедные судьи, которые суд свой ведут за деньги, оправдывают виновных, осуждают невинных; здесь же истязуются те, кто не отдает должной платы наемникам или при торговле употребляет неправильную меру и тому подобное. Но мы, по благодати Божией, беспрепятственно миновали это мытарство, покрыв лишь немногими добрыми делами мои грехи этого рода.

Мытарство десятое

Также благополучно прошли мы и следующее мытарство, называемое мытарством **зависти**. У меня вовсе не оказалось грехов этого рода, потому что я никогда не завидовала. И хотя испытывались здесь и другие грехи: нелюбовь, братоненавидение, вражда, ненависть, – но, по Милосердию Божию, во всех этих грехах я оказалась невинна и видела, как яростно скрежетали зубами бесы, но не убоялась их, и, радуясь, мы пошли выше.

Мытарство одиннадцатое

Подобным образом прошли мы и мытарство **гордости**, где надменные и гордые духи испытывают тех, кто тщеславен, много думает о себе и величается; особенно же тщательно здесь испытывают духи тех, кто непочтителен к отцу и матери, а также к поставленным от Бога властям: рассматриваются случаи неповиновения им, и прочие дела гордости, и тщеславные слова. Мне весьма и весьма мало потребовалось добрых дел, чтобы покрыть грехи по этому мытарству, и я получила свободу.

Мытарство двенадцатое

Новое мытарство, которого мы потом достигли, было мытарство **гнева и ярости**; но и здесь, несмотря на то, что истязующие духи свирепы, немного они от нас получили, и мы продолжали наш путь, благодаря Бога, покрывающего мои грехи молитвами отца моего преподобного Василия.

Мытарство тринадцатое

После мытарства гнева и ярости нам представилось мытарство, на котором немилосердно истязуются те, кто в сердце своем питает злобу на ближнего и воздаёт **злом за зло**. Отсюда духи злобы с особой яростью низводят души грешных в тартар. Но меня и здесь не оставило милосердие Божие: я никогда не имела ни на кого злобы, не помнила сделанного мне зла, но, напротив, прощала врагам моим и, насколько была в силах, обнаруживала свою любовь к ним, побеждая таким образом зло добром. Поэтому я ни в чем не оказалась грешной на этом мытарстве; бесы рыдали, что я свободно ухожу из их лютых рук; мы же в радости продолжали путь.

На пути я спросила водивших меня святых Ангелов: «Господие мои, прошу вас, скажите мне, откуда эти страшные воздушные власти знают все злые дела всех людей, какие только живут в мире, так же, как и мои, и не только въявь сотворенные, но и которые знает только их соделавший?» Святые Ангелы отвечали мне: «Всякий христианин с самого Святого своего Крещения получает себе от Бога Хранителя, который невидимо охраняет человека, и во всю его жизнь, даже до смертного часа, наставляет на всякое доброе дело, и все эти добрые дела, которые человек творит во время своей земной

жизни, записывает, чтобы он мог получить за них Милость от Господа и вечное воздаяние в Царстве Небесном. Так и князь тьмы, желающий погубить род человеческий, приставляет к каждому человеку одного из лукавых духов, который ходит всегда вслед за человеком и наблюдает все его от юности злые дела, поощряя их своими кознями, и собирает все, что человек делает дурного. Затем он относит на мытарства все эти грехи, записывая каждый в соответствующее место. Отсюда и известны воздушным князьям все грехи всех людей, какие только живут в мире. Когда же душа разлучится с телом и стремится взойти на Небо к своему Создателю, тогда лукавые духи препятствуют ей, показывая списки ее грехов; и если душа имеет добрых дел более, нежели грехов, то они не могут ее удержать; когда же окажется на ней грехов более, чем добрых дел, то они удерживают ее на время, заключают в темницу неведения Божия и мучают, насколько попускает им сила Божия, до тех пор, пока душа, по молитвам Церкви и родных, получит свободу. Если же окажется какая душа настолько грешна и недостойна перед Богом, что теряется всякая надежда на ее спасение и ей грозит вечная гибель, то ее низводят в бездну, где она находится до Второго Пришествия Господня, когда начнется для нее вместе с лукавыми духами вечное мучение в геенне огненной. Знай также, что таким путем испытываются только души тех, кто просвящен Святым Крещением. Не верующие же во Христа, идолослужители и вообще все, не ведающие Истинного Бога, этим путем не восходят, потому что во время земной жизни жили только телом, а душой уже погребены во аде. И когда они умирают, бесы без всякого испытания берут их души и низводят в геенну и пропасть».

Мытарство четырнадцатое

Пока я беседовала таким образом со святыми Ангелами, мы вошли в мытарство, называемое мытарством **убийства**. Здесь истязуется не одно только разбойничество, но требуют отчета за всякую причиненную кому-либо кару, за всякий удар по плечам или по голове, по щеке или по шее или когда кто с гневом отталкивает от себя ближнего. Злые духи все это

испытывают здесь с подробностями и взвешивают; мы же прошли это мытарство беспрепятственно, оставив малую часть добрых дел на покрытие моих грехов.

Мытарство пятнадцатое

Беспрепятственно прошли мы в следующее мытарство, где истязуются духами за **чародейство**, колдовство, обаяние, нашептывание, призывание бесов. Духи этого мытарства по виду своему похожи на четвероногих гадов, на скорпионов, змей и жаб; одним словом, страшно и мерзко смотреть на них. По благодати Божией, духи этого мытарства не нашли во мне ни одного подобного греха, и мы отправились далее; духи же с яростью кричали мне вослед: «Посмотрим, как ты уйдешь из блудных мест, когда придешь туда!» Когда мы стали восходить выше, я спросила водивших меня Ангелов: «Господие мои, все ли христиане проходят эти мытарства, и нет ли для кого-нибудь возможности пройти здесь без истязания и страха?» Святые Ангелы отвечали мне: «Для душ верующих, восходящих на Небо, другого пути нет – все идут здесь, но не все бывают так испытываемы на мытарствах, как ты, а только подобные тебе грешники, то есть те, которые из стыда не открывали искренно духовному отцу всех своих грехов на исповеди. Если же кто покается искренно во всех грехах, того грехи, по Милосердию Божию, невидимо заглаживаются, и когда таковая душа проходит здесь, воздушные истязатели раскрывают свои книги, и ничего не находят записанного за ней; тогда они уже не могут ни утешить ее, ни причинить ей чего-либо неприятного, и душа в веселии восходит к Престолу благодати. И ты, если бы во всем раскаялась перед духовным отцом и получила от него разрешение, избежала бы ужасов прохождения по мытарствам; но помогает тебе еще то, что ты давно перестала творить смертные грехи и уже много лет проводишь добродетельную жизнь, а главным образом помогают тебе молитвы святого Василия, которому ты усердно служила на земле».

Мытарство шестнадцатое

Во время этой беседы мы дошли до мытарства, называемого **блудным**, где истязуется человек за всякое любодеяние и за всякие нечистые страстные помыслы, за

согласие на грех, за скверные осязания и страстные прикосновения. Князь этого мытарства сидел на престоле, одетый в смрадную, скверную одежду, окропленную кровавой пеной и заменявшую ему царскую багряницу; перед ним стояло множество бесов. Увидев меня, они удивились, что я достигла их мытарства, и вынесли свитки, в которых были записаны мои блудные дела, начали перечислять их, указывая лиц, с которыми я грешила в молодости, и время, когда я грешила, то есть днем или ночью, и места, где соделала грех. Я не могла ничего им ответить и стояла, трепеща от стыда и страха. Святые Ангелы, водившие меня, начали говорить бесам: «Она давно уже оставила блудную жизнь и все это время проводила в чистоте и воздержании». Бесы отвечали: «И мы знаем, что она перестала вести блудную жизнь, но ведь она не все открыла духовному отцу и не понесла от него епитимий, чтобы загладить прежние грехи, – поэтому она наша, и вы или уходите, или искупите ее добрыми делами». Святые Ангелы указали на многие мои добрые дела, а еще больше добрыми делами преподобного Василия покрыли мои грехи, и я едва избавилась от лютой беды. Мы пошли дальше.

Мытарство семнадцатое

Следующее мытарство было мытарство **прелюбодеяния**, где истязуются грехи живущих в супружестве: если кто не сохранил супружеской верности, осквернил свое ложе – здесь должен дать отчет. Истязуются здесь также и те, кто грешен в похищении для блуда, в насилии. Здесь же испытывают лиц, посвятивших себя Богу и давших обет целомудрия, но не сохранивших свой обет и впавших в блуд; истязание этих особенно грозно. На этом мытарстве я оказалась многогрешной, меня уличили в прелюбодеянии, и злые духи уже хотели похитить меня из рук Ангелов и отвести на дно ада. Но святые Ангелы много спорили с ними и едва искупили меня, оставив все добрые мои дела здесь до последнего и весьма много прибавив из сокровищницы преподобного Василия. И взяв меня от них, отправились далее.

Мытарство восемнадцатое

После этого мы достигли мытарства **содомского**, где истязуются грехи, несогласные ни с мужским, ни с женским естеством, а также совокупление с бесами и с бессловесными животными, кровосмешения и другие тайные грехи этого рода, о которых стыдно и вспомнить. Князь этого мытарства, сквернейший из всех бесов, его окружающих, был весь покрыт смердящим гноем; безобразие его трудно описать. Все пылали яростью, поспешно выбежали нам навстречу и обступили нас. Но, по благодати Божией, ни в чем из сего грешной они меня не нашли и потому со Стыдом убежали назад; мы же, радуясь, вышли из этого мытарства.

После этого святые Ангелы сказали мне: «Ты видела, Феодора, страшные и скверные блудные мытарства. Знай, что редкая душа проходит их без задержания, потому что весь мир лежит во зле соблазнов и скверн и все люди сластолюбивы и склонны к блуду. Человек уже с ранней юности расположен к этим делам, и едва ли кто сохранит себя от нечистоты; не много умерщвляющих свои плотские прихоти и потому свободно проходящих через эти мытарства; большинство же здесь погибает: лютые истязатели похищают души блудников и, ужасно мучая их, отводят в ад. Ты же, Феодора, благодари Бога, что, по молитвам святого Василия, миновала эти блудные мытарства, и больше ты уже не встретишь задержки.

Мытарство девятнадцатое

После блудных мытарств мы пришли к мытарству **ересей**, где истязуются люди за неправильные мнения о предметах веры, а также за отступничество от Православной веры, недоверие к истинному учению, сомнения веры, кощунство и тому подобное. Это мытарство я прошла без остановки, и мы были уже недалеко от Врат Небесных.

Мытарство двадцатое

Но прежде чем мы достигли входа в Царство Небесное, нас встретили злые духи последнего мытарства, которое называется мытарством **немилосердия и жестокосердия**. Истязатели этого мытарства особенно жестоки, тем более их князь. По виду своему он сух, уныл и в ярости душит немилосердным огнем. В этом мытарстве без всякой пощады

испытываются души немилосердных. И если кто оказался совершившим многие подвиги, соблюдавшим строго посты, неусыпным в молитвах, сохранившим чистоту сердца и умертвившим плоть воздержанием, но был не милосерд, немилостив, глух к мольбам своего ближнего – тот из этого мытарства низводится долу, заключается в адской бездне и не получает прощения вовеки. Но мы, по молитвам преподобного Василия, всюду помогавшего мне своими добрыми делами, и это мытарство прошли беспрепятственно.

На этом кончился ряд воздушных мытарств, и мы с радостью приблизились к Вратам Небесным. Врата эти были светлы, как кристалл, и кругом видно было сияние, которое невозможно описать; в них сияли солнцеобразные юноши, которые, увидев меня, ведомую Ангелами к Небесным Вратам, исполнились радости оттого, что я, покрываемая Милосердием Божиим, прошла все воздушные мытарства. Они любезно встретили нас и ввели внутрь.

Что я там видела и что слышала, Григорий, – это невозможно описать! Я приведена была к Престолу неприступной Славы Божией, который был окружен Херувимами, Серафимами и множеством войск Небесных, восхвалявших Бога неизреченными песнями; я упала ниц и поклонилась невидимому и недоступному для ума человеческого Божеству. Тогда Небесные Силы воспели пресладкую песнь, восхвалявшую Милосердие Божие, которое не могут истощить грехи людей, и послышался глас, повелевавший водившим меня Ангелам, чтобы они отвели меня смотреть обители святых, а также все муки грешных и потом упокоили меня в обители, уготованной для преподобного Василия. По этому повелению меня водили всюду, и я видела преисполненные славы и благодати селения и обители, приготовленные для любящих Бога. Водящие меня показывали мне в отдельности и обители апостолов, и обители пророков, и обители мучеников, и обители святительские, и обители особенные для каждого чина святых. Каждая обитель отличалась необыкновенной красотой, а по длине и ширине каждую я могла сравнить с Цареградом, если бы только они не

были еще лучше и не имели множества пресветлых, не руками деланных комнат. Все бывшие там, видя меня, радовались моему спасению, встречали и целовали, прославляя Бога, избавившего меня от сетей лукавого.

Когда мы обошли эти обители, меня низвели в преисподнюю, и там я видела нестерпимые муки, которые уготованы в аде для грешников. Показывая их, Ангелы, водившие меня, говорили: «Видишь, Феодора, от каких мук, по молитвам святого Василия, избавил тебя Господь». Я слышала там вопли, и плач, и горькие рыдания; одни стонали, другие озлобленно восклицали: «Увы нам!» Были и такие, которые проклинали день своего рождения, но не было никого, кто бы пожалел их. Окончив осмотр мест мучений, Ангелы вывели меня оттуда и привели в обитель преподобного Василия, сказав мне: «Ныне преподобный Василий совершает по тебе память». Тогда я поняла, что пришла на это место покоя через сорок дней после моего разлучения с телом».

Все это блаженная Феодора пересказала Григорию в сонном видении и показала ему красоту той обители и духовные богатства, которые снисканы многотрудными подвигами преподобного Василия; показала также Григорию Феодора и наслаждение, и славу, и различные золотолиственные и обильные плодами сады, и все духовное веселие праведных.

Когда настало время кончины Преподобного Макария Великого – Херувим, бывший его Ангелом-хранителем, сопровождаемый множеством небесного воинства, пришел за его душою. Низошли с сонмом Ангелов лики апостольские, пророческие, мученические, святительские, преподобнические, праведнические. Установились демоны рядами и толпами на мытарствах, чтоб созерцать шествие души духоносной. Она начала возноситься. Далеко стоя от нее, кричали темные духи на мытарствах своих: «О, Макарий! Какой славы ты сподобился!» – Смиренномудрый муж отвечал им: *«Нет! И еще боюсь, потому что не знаю, сделал ли я что доброе»*. – Между тем он быстро поднимался к небу. С других высших мытарств опять кричали воздушные власти: «Точно, ты избежал нас, Макарий». – *«Нет, – отвечал он, – и еще нуждаюсь в бегстве»*.

Когда он уже вступил в небесные врата, они, рыдая от злобы и зависти, кричали: «Точно! Ты избежал нас, Макарий!» – Он отвечал им: *«Силою Христа моего ограждаемый, я избежал ваших козней»* (Патерик скитский).

Во время шествия души от земли к небу самые святые Ангелы не могут помочь ей: помогают ей единственно ее покаяние, ее добрые дела, а более всего милостыня. Если не покаемся в каком грехе здесь по забвении, то милостынею можем и избавиться от насилия бесовских мытарств (Пролог на 19 декабря).

«Занимаясь спасением своей души, променяй благородство твое на рабство Иисусу Христу – и будь всем слугою; не отказывайся во всякое время послужить кому бы то ни было, не жалей ни силы, ни здоровья, ни покоя, благотвори, чем можешь, чадам Христовым – всем христианам; утешь всякого, нуждающегося в твоём утешении. Смирение в том и состоит, когда человек считает себя грешнее всех, никого не унижает и не осуждает, внимает лишь себе, не ищет богатства, похвалы, славы, чести, считая себя вовсе недостойным этого; когда мужественно терпит унижение, брань, укорение, признавая себя в сердце своем заслужившим это, когда со всеми обходится радушно и всякому готов служить с любовью, когда не видит добрых своих дел, и не говорит о них без нужды...

Прошу вас, друзья мои, не презирайте никакого средства, которым можете угодить Господу Богу, а таких средств множество, как-то: ласковое обхождение с людьми, утешение печального, успокоение рассерженного, заступление обиженного, подаяние неимущему, отвращение очей от дурных предметов, противостояние дурным помыслам, понуждение себя на молитву, терпение, Милосердие, справедливость и прочее тому подобное. Исполнение этих священных добродетелей привлечет к вам всесильную помощь Господа, а с нею вы одолеете все трудное, прежде казавшееся невозможным к преодолению нашими силами.

Не оправдывайтесь, не спорьте, снисходите к характерам и летам. Утешайте всех и каждого чем можете, не осуждайте никого, не платите за зло злом, всех любите, всех прощайте,

всем будьте слугами. Себя считайте последними и грешнее всех» (Архимандрит Агапит Нило-Столобенский)⁴⁷.

В далеких небесах, в сиянье жизни вечной
Из лона Божьего родилась душа,
Избрав сознательно путь скорби бесконечной,
В наш мир спустилася сочувствием дыша;
Любви исполнена высокого Завета
Его в наш грешный мир – стремилась провести;
Но ей, поборнице добра, тепла и света,
Весь мир препятствия воздвиг лишь на пути!..
И долго суждено на свете ей томиться,
Терпя гонения от пошлости и зла,
Страдая и Любя, доколь не возвратится
В Отчизну дальнюю, откуда отошла.
Когда ж, скорбей и мук пройдя через горнило,
Свой путь она свершит, нетронута, чиста –
Она вернется в край, где блещут все светила,
Живут лишь – Истина, Добро и Красота.

В. Броницкая

После ухода из этого мира моих дорогих и близких я поняла, что смысл и содержание этой жизни – борьба с видимыми и незримыми силами зла, ради того, чтобы обрестись нам в Царствии Небесном – со Христом. Сегодня враг рода человеческого дерзает мнить себя властителем этого мира (недаром сказано, что сатана – это обезьяна Бога). Единственный Творец и Зиждитель Вселенной – Милостивый, неизреченно Любящий нас Господь и Спаситель. И если мы оставляем позади себя неоплаканные и исповеданные грехи, мы работаем на умножение сил князя тьмы. Мы будто забрасываем камнями дорогу, по которой идем, – чтобы нам гораздо более трудно и скорбно было продвигаться вперед – в Царство Света. И наоборот: если мы постоянно всем сердцем каемся – предлежащий нам путь – светлеет, очищается от нагромождений бесовской клеветы и ложных трудностей; как сон, как утренний туман тают, не сбываются – грядущие бедствия. Вот какая святая сила стоит за нашим искренним раскаянием. Поэтому так восстает враг на покаяние – ему

хочется утяжелить наш путь, сделать его наивозможно скорбным – здесь; он страстно жаждет ввергнуть нас в вечную муку – там. Враг, который соблазняет нас псевдо сладкими приманками греха – на самом деле – ненавидит нас – всех до одного. Стоит ли ждать добра от того, кто желает нам – одной лютой гибели. Задумаемся, пока есть время, идти ли нам на поводу – у дьявола?!

Святой митрополит Нестор Камчатский оставил нам бесценное свидетельство: «Дивный пример христианский явила и в жизни и в смерти Своей мученица Великая Княгиня. Вся жизнь Ея прошла в трудах на благо ближним, и смерть воистину была мученической.

Когда убийцы влекли Ее и других Великих Князей для убийства, Она вместе со всеми убиваемыми пела Херувимскую песнь.

В день памяти первомученика Стефана, когда совершали мы Божественную Литургию в храме святой Марии Магдалины (в Гефсимании), явилось мне чудное видение. Видел я Великую Княгиню Елисавету Феодоровну, прошедшую по солее около иконостаса, молившуюся у местных икон, потом прошедшую к иконе Архистратига Михаила, – тут же помолилась и исчезла в мягком тумане. Видение это наполнило страхом и благоговением мою душу, и я тотчас же поведал о том Архиепископу Анастасию, молившемуся в Алтаре.

Память о Великой Княгине и Ее праведной благочестивой и Богоугодной жизни живет в Гефсимании, дух Ее витает над этим святым местом и ныне. Ее образ вдохновил монахинь начать то же дело, которому некогда была посвящена жизнь Великой Княгини – дело Милосердия во Имя Христово».

Молитва об умножении Любви к Богу

Как могу я довольно возблагодарить Тебя, Господи, за Твою великую Любовь. Даруй мне такое сердце, чтобы я никогда не забывал о Любви Твоей. Непусти ей никогда угаснуть в сердце моем. Воспламени сердце мое, просвети ум мой, освяти волю мою, возрадуй память мою и соедини меня с Собою на веки!

Почитаемые в Марфо-Мариинской Обители старцы

Старец Аристоклий⁴⁸

В Марфо-Мариинской Обители очень любили и глубоко почитали иеросхимонаха Аристоклия († 1918 г.) «Это был выдающийся московский старец, – вспоминала матушка. – Сколько сестер, благодаря ему, к нам поступило. Вот наша Ниночка с шестнадцати лет умоляла маму отпустить ее в Обитель. Та никак не соглашалась. Потом уже: «Ладно – как благословит старец Аристоклий, так и будет». Пришли. А он, едва они порог его кельи переступили, поднимается навстречу и с такой отрадой: «Благословляю тебя, деточка, поступать в Марфо-Мариинскую Обитель», – и осенил Нину крестным знаменiem. Она: «Ну, мама, – исполняй обещанное!» К нам обычно до двадцати одного года никого не принимали. А она, благодаря горению своей души и святым молитвам старца, – уже в семнадцать лет была в Обители».

Старец Аристоклий – был великим светильником своего времени. У одной духовной дочери батюшки отнялись ноги, болезнь полностью приковала ее к постели. Пришел старец ее навестить, молился вместе с ней, а потом: «Ухожу, деточка моя любимая, а выйду на улицу – ты подойди-то к окошку и – помаши мне ручкой. А я тебе – помашу в ответ». Она в полном недоумении: «Батюшка, я же не могу – встать!» А он с улыбкой: «Ничего, ничего – помаши», – и благословил ее. Только он вышел, раба Божия ощутила в своих ногах забытую силу. Не веря сама себе – подошла к окну (она жила на втором этаже) и счастливая, – махала своему старцу рукой, вытирая слезы. Все, близко знавшие парализованную, были потрясены до глубины души.

Никогда не зарастет тропа к могиле старца (он похоронен на Даниловском Духовском кладбище, рядом с храмом «Сошествия Святого Духа»). Знаю людей, которые постоянно ездят к нему за помощью – десятки лет. Неподалеку от батюшки – столь же посещаемая могила его келейника, схиархимандрита Исаии. В житии старца Исаии – есть даже рассказ о

воскрешении из мертвых. Обе могилы всегда утопают в свежих цветах.

Рассказ Е.Н. Румянцевой об исцелении слепорожденного мальчика: «По совету местных врачей одна молодая женщина со слепорожденным сыном приехала в Москву сделать мальчику операцию на глазах. Больной сын был показан лучшим врачам-специалистам Москвы. Когда был сделан снимок глаз и назначен день операции, мать была сильно взволнована и не могла окончательно решить, делать сыну операцию или нет. И вот, проходя случайно мимо часовни великомученика и целителя Пантелеимона, она увидела множество народа разного возраста и сословия, а также детей. Узнав от людей о старце Аристоклии, о том, что он прозорлив и по его молитве больные получают от Господа исцеление, она была сильно удивлена этими рассказами, так как никогда не слышала и не видела таких старцев. И вдруг какая-то необыкновенная вера и надежда охватила и проникла в ее скорбящее сердце, и она решила, не откладывая, на следующий же день поехать сюда к батюшке с сыном и все ему рассказать...

Увидев ее, батюшка стал пристально смотреть на вошедшую женщину, продолжая делать помазание маслом. Народ подходил к нему по очереди. И вот, наконец, подходит очередь этой женщины. Я подумала, что мальчик, которого она держала на руках, спит. Женщина подошла к батюшке. Он крестообразно помазал мальчику оба глаза, а матери чело и, взглянув на нее, спросил: «У тебя муж-то кто?» И, не получив ответа, сказал: «Сам сатана!»

Женщина стояла не шелохнувшись, а потом со слезами стала рассказывать ему все о своей жизни, о том, как родился у нее сын слепой и что она приехала в Москву по совету врача сделать ему операцию глаз, что муж согласен на операцию, а она не может никак на это решиться, что муж ее накануне великих праздников начинает искушать так, что сам приходит в такое состояние, что делается как зверь, и она убегает от него к матери, взяв мальчика, а на другой день он приходит к ней тихий, добрый, и она опять идет к нему.

Выслушав все молча, батюшка благословил ее и сказал: «Мой совет тебе такой: операцию не делать, а все дни, которые ты здесь, в Москве, пробудешь, приходи сюда в часовню ежедневно с мальчиком на молебен, а на будущий год опять приезжай с сыном ко мне... А потом ты ко мне приедешь с мужем».

Услышав такие его последние слова, она стала ему возражать: «Батюшка, я и подумать об этом не смею, чтобы муж со мной приехал к вам!» «Да-да, – повторил батюшка, – а потом с мужем и сыном ко мне приедешь».

И, еще раз благословив ее и мальчика, отпустил.

На следующий год она опять приехала к батюшке одна с сыном, как он ей сказал. Узнать ее было трудно. Как внешне, так и внутренне она изменилась. Женщина рассказывала о том, что, как сказал отец Аристоклий, так все буквально исполнилось. Муж ее так избивал, что тело от побоев было синее. «А мне, – она говорила, – совсем не было больно». В Москву он ее не отпускал. Она уехала тайно. Что с ней будет, когда вернется домой, она не знает. Прожила она в Москве несколько месяцев, в это время ежедневно приходила в часовню на молебен, а батюшка ежедневно делал крестообразно помазание глаз мальчику. Перед ее отъездом домой в последний раз батюшка помазал глаза мальчику и, благословив его, сказал: «Господь знает, кому что нужно».

И вот случилось мне прийти к батюшке в тот день, когда эта женщина приехала к нему с мужем и мальчиком, не слепым, но уже с открытыми голубыми глазами. А вот что было с ее мужем, когда его подводили к батюшке несколько мужчин. Он подпрыгивал так высоко, что было страшно на него смотреть, и с криком падал на пол. Это продолжалось несколько раз. Если бы не молитва батюшки, то он, наверное, не остался бы живым. И вот, подпрыгнув в последний раз, он упал и лежал как мертвый, затем начал сильно кашлять. И вдруг с пеной и мокротой отрыгнул какое-то существо. Батюшка обильно окропил мужа святой водой. Помазал святым маслом и благословил. Долго не приходил он в чувство, но потом вскочил и с воплем бросился к батюшке в ноги и зарыдал.

Когда мальчику был сделан в больнице вторичный снимок, но уже открытых глаз, то на снимке проявились кресты от крестообразного помазания глаз маслом.

Женщина со слезами рассказывала о чудном прозрении сына так. «Рано утром я, как всегда, прочитывала акафист Божией Матери «Скоропослушнице», а затем стала читать акафист великомученику и целителю Пантелеимону и вдруг слышу – сыночек зовет меня: «Мама, мама, подойди ко мне скорее!» Думаю, что случилось, почему он меня так рано зовет? Этого никогда не было. Бегу к нему, и что же – мальчик-то мой сидит на кровати, а глазки-то открыты, и смотрит на меня. А я на него. Стою и молчу, а сама думаю: «Господи, что мне это показалось? Не может быть». А он говорит: «Мама, я тебя вижу, мам, я вижу тебя!» Я зарыдала. Прибежал отец. И вот мы приехали к вам. Это произошло в воскресный день».

Старец Алексей Зосимовой пустыни⁴⁹

Матушка бесконечно чтила старца Зосимовой пустыни Алексия. Одновременно, по прошению Великой Княгини Елисаветы и Батюшки Митрофана, – он стал старцем Марфо-Мариинской Обители. С юмором, пользуясь которым она всегда умела блестяще унизить себя, рассказывала матушка, как молоденькой девушкой, которую мама не пускала в Обитель, она приехала в Зосимову пустынь. «Старец не принимал, был занят с кликушами, – вспоминала она. – Еду обратно и вот ругаю его, ругаю: «Что за старцы такие? Тут у человека горе, а они ничего не понимают, невесть чем занимаются...» Через короткое время она относилась к батюшке с величайшим благоговением: «Его исповеди – переворачивали людям всю душу, – говорила она, – рождали заново».

«Старец Алексей был духовным центром монастыря. Поражала красота всего его облика, когда в длинной мантии он выходил из своего полузатвора на исповедь богомольцев: и седые пряди волос на плечах, и какая-то мощность головы, и рост, и черты лица, и удивительно приятный низкий баритон, а главное – глаза, полные внимания и любви к человеку. Эта любовь покоряла и побеждала. Человек, подходящий к нему, погружался в нее, как в какое-то древнее лоно, как в стихию, непреодолимую для него, до сих пор еще ему неведомую и вожденную. Он уже не мог больше – не верить, так как в нем уже родилась ответная любовь: огонь зарождается от огня. Моя жизнь была наполнена любовью моих родителей, но в любви старца, когда, стоя на коленях перед ним на исповеди (он обычно исповедовал сидя), я открывал ему свои тяжелые грехи, я ощущал нечто еще более полное, еще более надежное и теплое, чем земная родительская любовь. Это была уже Любовь Небесного Отца, о которой мы только говорим, изливаемая ощутительно на меня в эти минуты через старца» (Сергей Фудель).

Из воспоминаний духовной дочери старца Елены Можаровой

Старец начинал принимать с пяти часов утра, и зимою это было еще совсем темно. Помню стук в дверь и молитву, прочитанную келейником, и затем последовавший ответ: «Аминь». Я вошла. Невольное волнение охватило меня. Передо мною, вставши с кресла, стоял во весь свой высокий рост вчерашний старец, но вчерашний ли?! – Меня поразила перемена в нем! Передо мною стояло словно новое лицо, новый человек. Куда девалось все, что еще вчера делало его «простым человеком»: с ласковым, светлым лицом, с проникновенным взглядом темных, необыкновенных глаз, стоял старец посреди комнаты. Смущение мое словно сразу рассеялось, и, как к родному, с полным доверием я двинулась от порога навстречу батюшке. Поклонившись ему по-монашески в ноги и поцеловав его руку, я встала с колен. Старец молчал, молчала и я, не смея заговорить первой и потупив взгляд в землю; как вдруг почувствовала, что руки старца обняли меня за плечи, и крепко, крепко, как родную, прижал меня старец к себе. От неожиданности я очень смутилась, но батюшка, держа меня за обе руки, повел за собою. Опустившись в кресло, он поставил меня на колени рядом с собою. С нежной лаской он продолжал меня молча гладить по голове и по щекам (словно силясь разбить до конца мои вчерашние вражеские мысли). От этой искренней отеческой ласки совсем чужого мне человека я очень растрогалась. И так, молча, батюшка ласкал меня до тех пор, пока я, вконец умягченная душою, вдруг заплакала, растерявшись перед этим «сверхчеловеческим» отношением старца ко мне; я не знала, что мне делать, как мне с своей стороны отвечать на него. С признательностью и слезами я только без конца целовала руки, которые меня так нежно, по-матерински ласкали. И только когда я заплакала, старец впервые заговорил со мною, он словно и ждал только моих слез: «Бедненькая, – сказал он, – она плачет. Как мне тебя жалко! Детьнышка, приголубить-то тебя, видимо, некому. Вот они, слезинки-то так и катятся!» И старец с беспокойством стал заглядывать мне в лицо и своими ручками утирать мои слезы, которые обильно текли по щекам. Когда я немного успокоилась и перестала плакать, батюшка спросил

меня: зачем я приехала – на исповедь или на беседу. Я со скорбью сказала ему, что получила разрешение от святейшего только на беседу, но что мне так хотелось бы исповедаться. На это старец сказал мне успокоительным тоном: «Ну и хорошо, побеседуем с тобой, побеседуем». И начал говорить сам. И не успела я опомниться, как стояла уже перед ним со вскрытою во всех ее уголках душою. Картину за картиной рисовал старец передо мной – мою прошлую жизнь, открывал мне сам мои грехи. Прозорливость его меня поразила и совсем уничтожила. Словно громом пораженная, стояла я перед ним в смятении и слушала сама про себя, про давно забытые и неосознанные свои поступки; подробно, вплоть до каждой мелочи, описывал мне батюшка мои грехи, говоря, сколько лет назад и при каких условиях, они мною совершались. Изумлению моему не было границ. Мне стало даже страшно и жутко, а батюшка, словно отвечая на мои мысли, говорил: «Ты не думай, детынька, что я прозорливец какой-нибудь, это я просто опытный, много видел и слышал всего, ведь я духовником еще в Успенском соборе был». Но я, кажется, в то время не могла больше ни о чем думать, мысли мои стали путаться, вся я горела словно в огне, и стала плохо уже понимать то, что дальше говорил мне старец. Он же истинно прозревал все, что со мною совершается: время от времени начинал он крестить меня, мой лоб маленькими крестиками, как бы силясь помочь мне и освежить мою голову и мысли.

И так мы беседовали, как и сказал батюшка, но беседа эта вскрыла все самые затаенные уголки моей души и очистила ее от застарелой грязи. Мы проговорили со старцем часа три. Боже мой! Каким родным, чудным и великим сидел теперь передо мною этот человек, еще вчера непонятый мною! Слезы так и наворачивались на мои глаза при взгляде на него, а он, видя их, ласково утешал меня: «Детынька, – говорил он, – помни, что нет греха, которого Бог не простил бы. Он и тебя простил сегодня, видя твоё покаяние. Разве я не вижу, как ты страдаешь, и мне так дороги эти твои страдания. Ты мне теперь родною стала, как дочка моя, а я – твой отец».

Мне казалось, что я все-все тяжелое оставила у него и уходила от него с облегченной совестью. По окончании разговора старец сказал мне: «Ну, детынька, а уж разрешить-то тебя от грехов я не могу, не имею права, раз ты у святейшего на беседу просилась. Пойди к отцу Иннокентию и скажи ему, что исповедовалась ты у меня. Ну, а теперь помоги мне встать, детынька, пойдем, я тебя благословлю чем-нибудь на дорогу...» И он подарил мне мою любимую икону «Взыскание погибших».

Матушка говорила: «Никто без благословения старца Алексия не входил и не покидал Обитель. А когда он Фросю постригал, то сказал: «Имя ей – Любовь, и имя это – не менять, если и в схиме будет. Это ее дар – от Бога!»

Думаю о том, что по дару своих редких молитв – за весь мир, матушка Любовь у Господа – могла быть в схиме – задолго до дня упокоения.

Старец Гавриил

Из жизнеописания схиархимандрита Гавриила, старца Спаса-Елеазаровой пустыни⁵⁰

Описываемые события относятся ко времени тяжелой болезни, на пять лет приковавшей отца Гавриила к постели, в которой он временами находился на грани смерти. Было это, вероятно, в 1892 или 1893 году (вскоре после пострижения его в схиму).

Лечивший батюшку доктор был человек, не задумывавшийся над вопросами веры и спасения, и потому склонный давать явлениям жизни «естественное» объяснение...

Однажды батюшка спросил его:

– Михайло Егорович! а в бытие злых духов – демонов – вы верите?

– Ну, знаете,... плохо верю!..

– Я прошу вас, прежде всего освидетельствуйте меня – найдете ли вы меня умственно нормальным?

Доктор, улыбаясь, говорил, что находит батюшку совершенно в светлом уме: «А вот тело, и в частности сердцем, – слабоваты».

– Так вот что, – начинает батюшка, – сегодня в шесть часов вечера мне было тяжело дышать, и при таком состоянии моем явились ко мне нечистые духи, демоны...

– Ну, это галлюцинация! – перебивает доктор.

– Нет, это были демоны, потому что они меня устрашали, говорили, что-де «нет Бога» и «ты наш!» «ты погиб!..» А я им отвечаю: «Нет, я не ваш, я не погиб! Я верю, что Спаситель примет меня к Себе...» – «Ха-ха-ха! – загоготали... – да Его и нет». «Если бы Бога не было, – говорю, – не было бы и вас! Вы лживы, вы ложь воплощенная, вы лукавые!!! Убирайтесь вон от меня!.. Я верую в Бога и Им спасусь!..» – «Ха-ха-ха... куда полез!.. Да ведь ты грешник!», – говорят они мне. «Да, – отвечаю, – я грешник, но по вашему же внушению! И я приносил покаяние, грехи мои отпущены духовником!» – «Да ты каялся нечисто; то одну, то другую причину выставлял, извинял себя и

оправдывал пред духовником!» «А это, – говорю им, – если и было что, то от стыда. Но и этот стыд и страх пред духовником внушали вы же, демоны, старались удержать свою жертву и погубить меня! И теперь явились застращать меня... Нет! я верую и исповедую Сына Божия, Иисуса Христа, Который *пришел в мир грешныя спасти, от них же первый есмь аз...*» И начал я молиться и взывать ко Господу: «Господи! Спаси меня!» А демоны опять издеваться: «Ишь ты, лезешь куда!., грешник!» А я опять: «Угодники Божии! Помогите мне избавиться от нападений бесовских и клевет их!» А бесы кричат: «Нет, нет! Ты погиб!» – «Нет, – говорю, – я в теле еще! Я могу покаяться, – не погиб!»

Туг бесы открыли мне все грехи мои, ясно я увидел все свои грехи – даже и те, которые я и не считал за грехи. «Вот они! вот они! – видишь?.. не твои это грехи?.. – наседают на меня нечистые. – Вот точно такими же были и твои Угодники – грешники они!» И вдруг, при этих словах их я как-то воодушевился и говорю им твердо: «Как?! Угодники были такими же грешниками, как и я?! Они спаслись, а мне спасения нет? Я в теле еще, и могу покаяться! Нет, я жив, и есть мне спасение!»

А бесы в это время как бы растерялись. Я же припомнил, как в прошлое время молился Божией Матери – вперед просил Ее защитить меня при часе смертном, когда уже не в силах буду и молиться. Вот это прошение свое я тут и вспомнил, и обратился к Заступнице всех страждущих с воплем: «Что же, Владычице! – ведь время настало защитить меня от силы бесовской!.. ведь я просил Тебя об этом...» И сию же минуту бесы затрепетали от испуга, крикнули враз: «Идет!» – и бросились бежать чрез мое зальце. А там на столе была тарелка; демоны подняли ее и со всей силой ударили об пол. Тарелка разбилась и рассыпалась на мельчайшие частицы. Разве, Михайло Егорыч, это не вещественное доказательство? И еще продолжу: когда пришел мой келейник Иосиф, увидел разбитые черепки и спрашивает меня: «Кому это помешала тарелка? Кто у вас был?»

Доктор был поражен и удивлен.

– Конечно, – говорит, – было что-то выдающееся из ряда вон; это не галлюцинация...

По удалении бесов батюшка тотчас послал за духовником, отцом Епифанием, и под свежим впечатлением страшной картины *обилия всех записанных бесами грехов* принес глубокое покаяние в них Богу. Впоследствии батюшка говорил, что, если бы он не имел веры в Спасителя или поколебался бы в ней, непременно умер бы от отчаяния и страха бесовского. Но по этой вере Господь сохранил его и спас, а бесы от одного имени Матери Божией бежали в ужасе, с бранью и хулами. Они, по Божью содействию, невольно даже помогли батюшке освободиться от всех грехов и быть глубоко спокойным, мирным и радостным о Христе...

Вместе с тем гнусный вид бесов и ужасное впечатление от них послужили поводом для батюшки еще более задуматься о переходе в вечность и о страшном истязании души от бесов на мытарствах. Чем оградиться от них? Как приобрести помощь Христову и заступление Царицы Небесной – столь страшной для бесов Заступницы нашей?.. Батюшка начал молиться и просить Бога о помиловании в смертном исходе своем. И как бы в ответ на эту молитву стал чувствовать, что вера его стала крепнуть, явился и жезл надежды на спасение, в душе, сердце водворялась любовь и переживалась каким-то горением, которое согревало молитву и все мысли и чувства устремляло только к Богу...

В это время он был еще слаб и все еще продолжал умирать три-четыре раза в день. Но страх смерти начал растворяться надеждой на Божие Милосердие, ибо Батюшка чувствовал любовь Божию к себе, видел ее во всем, и сам в себе чувствовал Любовь к Богу. Но, готовясь к смерти, Батюшка опасался того, как бы не разлучила она от этой Любви к Богу, как бы новость впечатлений при исходе души не развлекла ум и не устрасила его... Поэтому, имея дерзновение к Богу по Любви к Нему, он стал просить у Бога показать ему, как душа исходит из тела. И исполнилось слово Пророка: *Волю боящихся Его сотворит и молитву их услышит*; однажды, действительно,

душа батюшки вышла из тела, и тело лежало бездыханным, мертвым.

– И я, – вспоминал батюшка, – смотрел на него, как на постороннее, как на обычного мертвеца. Присутствовавшие в келлии говорили: «Отмаялся старец... кончился». Чистая же душа батюшки в это время, хранимая особым Промыслом Божиим, не видела ужасных бесов, а видела лишь Ангелов Божиих. Батюшка не говорил ничего. Говорил только, что душа от единого движения воли и мысли тотчас переносилась в то место, куда желала, и что свободы движений ее не стесняли никакие материальные предметы на земле (например, стены дома), – они казались какими-то прозрачными или несуществующими, хотя и сохраняли свой вид и очертания. Не сообщил также батюшка и того, где именно витала душа его в эти минуты... Заканчивал он свой рассказ так:

– Вернувшись в тело, я опять уже болел, по-старому, как прежде...

Господь же в Милости Своей шел навстречу жаждущей его душе и Сам утешал ее неизреченными утешениями в молитве, видениях и созерцаниях. Эти видения тоже соответствовали желанию батюшки приготовить себя к достойному переходу в вечность.

Так, однажды батюшка видит, что его несут по пространству какой-то прекрасной равнины к полдню, на солнечную сторону. Тепло ему чувствовалось и хорошо... Приблизились к высокой горе. На горе стояла какая-то поразительно красивая постройка, как бы из разноцветных стекол или прозрачного хрусталя, и вся блестит и переливается на солнце разными цветами радуги, а воздух чем ближе к горе, тем приятнее; чувствовалось даже что-то питающее в этом воздухе, какое-то неземное насыщение от него.

Вот и самый город. В нем все здания тоже светятся, горят, переливаются цветами и прозрачны, как хрусталь, и все чудной красоты. Кругом же – множество дивных цветов, видимо-невидимо, и множество деревьев, всевозможных сортов и неопишуемой красоты, и конца им не видно...

Туг батюшка шел уже сам, а навстречу ему выходили хоры певчих, их целые миллионы, и пели все так сладко, так упоительно; и все они были как бы одних лет – так лет около тридцати трех, не более, – и все очень чистые, светлые.

Затем кто-то батюшке сказал, что скоро придет епископ и определит келлию для помещения батюшки. Действительно, пришел и епископ и указал батюшке две прекрасных келлии: «Это для тебя, – говорит, – приготовлены». В то же время стали собираться схимники-старцы... После всех подошел эконо́м и сказал батюшке:

– Вот видишь, какие у тебя будут келлии. Но пока придется тебе подождать. Тебе здесь хорошо будет. Пиши все, что видел здесь. На этом видение кончилось...

Впечатление от описанного видения было очень сильное. Горело сердце его желанием быть в горней Обители.

В новом видении заключалось объяснение: почему ему надо еще жить в теле, на земле. Старец описывал его так:

– Вижу я нашу Седмиезерную пустынь, что она со всех сторон и на всем пространстве – насколько я мог видеть в ширину и высоту, – по всему воздуху, начиная от земли, окружена рядами умерших. Мне казалось, что покойники стояли, наклонив ко мне головы – как бы чего-то прося у меня. Выше их, тоже рядами, стояли праведники, и прямо скажу: все воздушное пространство переполнено ими. Тут – преподобные и монашествующие, повыше – мученики и мученицы, тоже рядами; и еще выше – священноиноки, Святители, Апостолы, Пророки... На самой же высоте – огненное, светло-эфирное ласкающее пламя, и взоры всех обращены к нему. Из святых кто-то спросил: «А что? Нужно ли нам взять к себе иеросхимонаха Гавриила?» Вот послышался голос из рядов святительских, и именно – святителя Тихона Задонского, голос которого я слышал ясно и видел его самого: «Нет, рано еще! Он обещал молиться об умерших, пусть помолится!» А мне жалко было расставаться с великим множеством святых, но я чувствовал себя и недостойным этого... Многих из представившихся мне покойников я узнал: тут были давно умершие родные мои, о которых я давно уже и забыл.

После этого видения я сию же минуту записал все их имена и стал поминать и молиться по силе моей, сколько мог...

Великая Милость Божия, что не оскудевают на нашей земле великие старцы. С одним из них Бог даровал мне встречу.

Земной поклон батюшке

(воспоминания об архимандрите Серафиме)⁵¹

Кто не любит, тот не познал Бога, потому, что Бог есть Любовь.

(1Ин.4:8)

Божественный Учитель – Господь Иисус Христос – пришел, на землю как воплощенная Любовь. Его Божественный голос проникал в человеческие души, потрясал умы и влек к Нему сердца людей. Они отзывались на этот голос, шли ко Христу, несли к Нему свое горе, несчастье, скорби, страдания и болезни. Любовь, которая сияла на пречистом лице Христа, горела в Его очах – Любовь, которая исходила при всяком дыхании Его. Эта божественная Любовь согревала всех, приходящих к Нему, проникала в сердце, вносила покой в душу. И, забывая обо всем, эти люди обретали мир и покой. (Из проповеди архимандрита Серафима «Берегите православную веру»).

Все это в памяти, будто было совсем недавно. А произошла моя встреча с архимандритом Серафимом достаточно давно. 1979 год, второй курс педагогического института. Учусь и работаю в Москве и еду в Севастополь, в отпуск к маме. Может быть, и было в этом поезде двое верующих людей, и соединил нас Господь с Наташей в одном плацкартном купе. Хотя ни она не призналась, что христианка, ни я, что вопросы веры стали для меня в последние годы самыми насущными. В Севастополе мы жили друг от друга на расстоянии пяти минут ходьбы. Когда Наташа стала относиться ко мне с доверием, однажды поделилась: есть под Белгородом совершенно особенный старец – архимандрит Серафим... И сказала это так, что, наверное, не я, а мой Ангел-хранитель за меня ответил немедленной мыслью: **я должна** увидеть этого человека! Но прошли годы, прежде чем это осуществилось.

Наташа жила в Сергиевом Посаде, тогда – Загорске, а я в это время мечтала о возможности исповедоваться по-настоящему. И понимала, что это реально только в Лавре. Но

было это для меня полностью невозможно – я жила на противоположном конце Московской области. И встреча с Наташей позволила мне приезжать в Сергиев Посад накануне, после всенощной ночевать у них и утром – успевать на исповедь и литургию.

История Наташиной судьбы была мне рассказана ее мамой, когда я стала другом их дома. Наташенька – девочка, верующая с раннего возраста, крестная мама у нее – монахиня, есть и другие родственники в монашеском постриге, вся семья благочестивая, глубоко воцерковленная. И мечтала она выйти замуж за священника. Ходила на вечера при семинарии и познакомилась с семинаристом. После священнической хиротонии мужа стала матушкой, поехала с ним в глухую деревню. Наташа окончила с золотой медалью школу, с красным дипломом Ленинский пединститут (музыкальное отделение). Какая, казалось бы, радость, в храме она стала регентовать, сама обладательница прекрасно поставленного голоса – благочестивая матушка на утешение приходу. Но ни Наташа, ни ее родители не знали, что живут в Загорске через стенку с колдуньей. Умирая, она страшно мучилась и кричала, видимо предоущая адские муки. А эти наивные люди ничего не подозревали и ее дочери говорят: «Что же она так кричит, позови священника... Почему она у тебя без креста?» В это время приехала Наташа на два дня домой – продукты купить, папу, маму увидеть. На руках у нее уже была крошечная Тонечка. И видит особенный сон, которому не придавала значения. А увидела она себя на пороге комнаты умирающей соседки, которая ее манит: «Ну-ка, поди сюда». Та подходит, а она: «Вот я тебя сейчас угощу». Достает конфету, откусывает половину, а другую протягивает матушке. И Наташа машинально ее взяла и не помнит, ела или нет. Проснувшись Наташенька, головой потрясла и забыла сон.

Через два дня она возвращается домой и обретает на месте любящего мужа – человека, который яростно ненавидит ее и своего собственного ребенка. В полном ужасе она ничего не понимала. Через считанные дни, прижав годовалое дитя к груди, Наташа вернулась домой, и что-то страшное началось...

Однажды при мне вспоминала: «Видела бы ты, во что я превратилась. Остался один скелет, обтянутый кожей, два безумных глаза и чувство, что я умираю...» Она ходила по врачам, никто ничего не мог понять, поставить диагноз. Если бы она не жила в Загорске, это вообще неизвестно, чем могло бы кончиться. Но духовный отец сказал ей: «Колдовство такое сильное, что в Лавре нет людей, которые могли бы вам помочь. Но есть под Белгородом большой старец – отец Серафим, благословляю к нему поехать». И вот, преодолев многие препятствия, Наташа в Ракитном. Старец не принимал, был болен. Она рассказывала: «Несколько дней я ходила вокруг храма и батюшкиной хибарки. И в один прекрасный миг открылась дверь, и он вышел. И я как увидела его лицо – просто живая икона! – растеряла все заготовленные слова: упала перед батюшкой на колени и навзрыд заплакала. Он тут же остановился, положил мне руку на голову и стал молиться. Не знаю, сколько времени продолжалась эта молитва, только поднял он меня с колен, благословил и с необыкновенной Любовью произнес одну фразу: «Передай там от меня поклон Преподобному Сергию». Сказал так, будто просил поклониться любимому родному брату. А ведь не рассказывала ему, что я из Загорска. Осталась на несколько дней и видела своими глазами чудеса, которые творил батюшка. Каких только людей ни привозили к нему, страшно вспомнить. Кто – на разные голоса ревет, кто – кукарекает, из другого – такая хула на Бога, что зажать бы уши и убежать куда-нибудь. А еще одного – восемь человек держат, и он весь связанный, но все время вырывается, и каждую минуту кажется, всех раскидает... И вот батюшка отмаливал **таких** людей». Нередко это была многочасовая молитва – три, пять и больше часов. Батюшка становился на колени, совершая сугубые молитвословия... и он освобождал людей от власти самых лютых бесов. А Наташа после этой поездки к старцу вновь стала тем милым и прекрасным человеком, каким и была.

К сожалению, прошло три года, прежде чем я сказала себе: «Еду». Ночной поезд до Белгорода, долгое ожидание на автостанции. Из автобуса все сразу заторопились в храм.

Служба меня поразила, не пережитое ощущение **неземного** присутствия: можно стоять только на коленях. Забываешь, какое количество часов ты здесь находишься... И службы по пять-шесть часов – монастырские. Был Успенский пост – неделя до его конца. И вот мы выходим после службы в темную ночь, и только тут думаем о том: «А куда же идти?» Такие огромные, в противоположность московским, звезды в небе... А на улице уже целая толпа местных жителей, наперебой приглашает переночевать. Хозяева уводят с собой группы по десять-двадцать и более людей. Вместе с такой толпой я очутилась в одном гостеприимном доме. Как нас укладывали, слов нет. Кровати и печка, и лавки, и весь пол, все стелили, раскладывали матрасы, одеяла... Все отступала, отступала, и вот уже постелили последний коврик около дверей, и мне места не хватило. Все комната переполнены. Хозяйка посмотрела озадаченно: «Ну, куда же тебя?» И поместили меня в кладовку. В ней хранились старые перины и жили новорожденные котята, которых было с полдюжины, и они везде ползали и пищали. Всю ночь я боялась раздавить какого-нибудь котенка, это была непонятная ночь – звезды светили в щели крыши... Но утром, ранним-рано, все мгновенно поднялись и отправились на раннюю, и я чувствовала себя прекрасно, как будто выпалась. Так Господь привел меня в это святейшее место.

Образ батюшки никогда не изгладится из памяти. Сразу было понятно, что перед тобой – избранник Божий. Целую неделю я смотрела во все глаза на живого святого. Вот он входит в храм, и посередине две-три иконы на аналоях (праздничная, посвященная святым, еще одна...) И все они старые, неказистого деревенского письма. Вместо образа святых месяца – потертая черно-белая фотография в простой деревянной рамке. Но **как батюшка падает на колени** перед каждой из этих икон?! Глубочайший старец, белый, как снег, согбенный. От него невозможно оторвать глаза и сердце – столь великое происходит. Страшное и прекрасное чувство охватывает всех, общепринятые слова ничего не выражают. Старец падал в прах – перед Живым Богом. И ощущая, что батюшка сию секунду приносит всю свою жизнь в

предстательстве за всех людей, заполнивших до предела храм, – они покаянно рушились на колени вслед за отцом Серафимом. Перехватывало дух, ты впервые ощущал себя горсткой праха перед своим создателем.

Вот он выходит из алтаря и, кажется, он очень слаб, едва стоит на ногах (два с половиной года до батюшкиного успения). Служил обыкновенно другой священник, но отец Серафим участвовал во всех основных местах службы. Начинается поминание на литии. Всем известен общепринятый перечень, но батюшка призывает неизмеримо большее число святых, чем обыкновенно. Причем голос батюшки физически так слаб, что напоминает шелест листьев. Непонятно, почему все мы, где бы ни стояли, отчетливо **все слышим**. Интонация полного бесстрастия. Святые имена – известные, мало знакомые и те, которых вовсе не знаешь, – звучат 10 минут и еще 10, и еще... а батюшка все продолжает божественное общение. И потрясает не столько это количество, а то – **как** это происходит. Рождалось ощущение, что пропал купол, ни потолка, ни какой бы то ни было другой преграды между этим человеком и горним Миром – Живая, трепетная связь. Недостаточно сказать, что батюшка напрямую общался со святыми. Это была обращенность всем сердцем – к самым близким, бесценным и родным, какие только могут быть. Он медленно называл каждое имя, и оно вызывало глубочайший внутренний отзыв Неба и твоего сердца. И ты понимал, что он обращается к тем, кого он не просто очень хорошо знает. Он слышит, что они слышат его. Они склоняются к нему всем своим сердцем, они сейчас и немедленно приходят к нему на помощь. Все эти святые много лет участвуют в его жизни – давно помогают ему. Она есть – и близ! – эта Вечная Жизнь, и она столь же очевидна духовному восприятию этого человека, как лестница Иакова, по которой в его времена восходили и нисходили Ангелы Божии, а теперь и святые Божии человеки. Подобного я больше нигде не пережила.

Вспоминаю рассказ архимандрита В., духовного сына старца, прозвучавший годы спустя. «Отец Серафим был столь перегружен несметными толпами народа, что не имел

физической возможности выслушать каждого. И Господь дал ему дар прозорливости». Одна католичка услышала о батюшке. И захотела к нему поехать. Если бы ее спросили, она не смогла бы это стремление объяснить. И вот она в храме, в густой толпе, очень далеко от старца. Он только что совершил литургию, произнес проповедь и вдруг говорит: «Подойдите ко мне, пожалуйста». Она совершенно не понимает, к кому обращены эти слова. Но толпа расступается, и она идет к алтарю по образовавшемуся коридору. Приблизившись к отцу Серафиму, она вдруг складывает руки, как православный человек под благословение. Никогда она подобного не делала и даже не знает этого жеста. Батюшка ее благословляет большим крестом и произносит: «Ну, когда будем принимать православие?» Она отвечает: «Как скажете». Происходит самое настоящее чудо. И батюшка говорит, что такого-то числа она поедет в Белгород, и священник N., его духовный сын, совершит все необходимое. Она сделала все, что ей было сказано. Теперь это православный человек.

От прихожан батюшкиного храма я услышала рассказ о стоянии Зои. Многие десятилетия это свидетельство замалчивает пресса. В городе Куйбышеве в 50-е годы жила девушка по имени Зоя. Переписывалась с молодым человеком, ожидая его возвращения из армии. Он вернулся, была назначена встреча, приглашены друзья. Вечер совпал со всенощной Рождества Христова. Мама ушла в церковь, так и не сумев убедить дочь в неуместности вечеринки. Веселая молодежь заполнила дом. Уже и радиолу включили, и танцы начались, а виновника события – нет. И вдруг Зоя выступила вперед и громко произнесла: «Ну, что ж! Нет одного Николая – пойду танцевать – **с другим!**» Ее просили не делать этого, но Зоя, ответила: «Если есть Бог, пусть он меня накажет. Она подставила табуретку к красному углу, сняла со стены старинный фамильный образ Святителя Николая – и только собралась было пуститься с иконой в лихой пляс – как была поражена гневом Божиим. Комната внезапно заполнилась шумом, ветром, как будто молния сверкнула... На глазах у всех Зоя мгновенно окаменела – застыла неподвижным столбом.

Молодежь с визгом и воплями бросилась вон из дома. Несчастную мать, после того, как она узнала о происшедшем, – в тяжелом состоянии увезли в больницу. Приехала скорая помощь, но игла шприца безнадежно сгибалась при попытке ввести инъекцию, как будто тело Зои было сделано из неизвестного природе материала. На следующий день в храмах города не хватило крестов для тех, кто захотел креститься, для всех вспомнивших, что и они – христиане, – все надели на себя кресты. Толпы людей хлынули к Зоиному дому. Милиция не могла справиться с народом и в конце концов тысячи людей разгоняли, поливая их из шлангов водой под большим напором. Дом стала охранять милиция. Зою рады были бы увезти куда-нибудь подальше от народа – с глаз долой. Но никто не мог этого сделать. Сила Божия охраняла ее. Местные священнослужители пытались вынуть икону из застывших рук – но и это никому не удалось. Однажды к молодому милиционеру, стоявшему на посту у дома Зои, подошел неизвестный старец. Когда потом милиционера допрашивали, он говорил: «Я никогда никого не пропускал, этого не могло быть... а как этого пропустил – не знаю...» Пришедший был отец Серафим. Он долго молился о рабе Божией Зое, а потом просто и ласково сказал: «А ну-ка, милая, давай поставим ее на место...» – и легко вынул икону из ее рук. После посещения старца Зоя обрела дар речи на считанные часы в сутки. Милиционеры предпочитали карцер – пребыванию на посту в это время – так страшно кричала Зоя: «Люди, – кайтесь! Кайтесь! Кайтесь!!! – земля и воздух горят от наших грехов...» Один из постовых полностью поседел за одну такую ночь. Несомненно, ей было открыто то, что многие по сей день не хотят знать, то, во что все мы призваны вникнуть...

Вернувшись в Ракитное с иконой Святителя Николая (она по сей день находится в алтаре Свято-Никольского храма), отец Серафим сказал: «Надо ждать или конца света, или великого чуда». И чудо произошло – Зоя ожила на **Пасху**, опровергнув все материалистические представления о возможности существования человека без воды и еды. Во искупление своих грехов и грехов своего рода, а может быть, и чьих-то еще... она

принесла Богу свое 128-дневное стояние. Оно длилось от Рождества Христова – до Христова Воскресения. Когда ее спросили, как она могла столько дней не есть и не пить, она ответила: «Голуби... меня кормили голуби...» Зоя причастилась Святых Христовых Таин – и ушла из жизни в тот же день Воскресения Христова, в который ожила – он стал днем ее рождения в Вечность. Она исполнила возложенное на нее Богом послушание – во Славу Божию. Отец Серафим стал тем избранником, которому Господь поручил вынуть икону Святителя Николая из рук окаменевшей Зои и молиться о спасении ее души. Этим знамением – по сей день обращается к нашим твердокаменным сердцам – Бог.

Здесь же, на приходе, по Милости Божией, я узнала удивительный эпизод из жизни архимандрита Серафима. Когда он занемог и не в силах был исполнять свое молитвенное правило, один из близких навестил его. Со страхом и трепетом он удостоился увидеть у аналая старца – молящегося за него – живого преподобного Серафима Саровского. Сам батюшка лежал на постели с закрытыми глазами.

Одно из самых священных воспоминаний моей жизни. Батюшку ведут по церковному двору, он очень слаб, согбен почти до земли. Его поддерживают с двух сторон два послушника. Кажется, он едва передвигается. В дверях храма с огромным напряжением его давно ждут. Ждут два ряда, вернее, две стены плотно сбившихся людей, в пять-семь человек толщиной – от входа до алтаря. И я в этой сбитой толпе где-то ближе к концу. И батюшка начинает очень медленно продвигаться по центру, между этих двух человеческих стен, благословляя каждого человека. После первых шагов в храме Благодать Божия чудно оживляет батюшку, вот он уже почти полностью выпрямился, лишь слегка сгорблен. Чудный светоносный облик. Глаза – невыразимой глубины, бесконечно чуткие. Очень хочется, но почему-то страшно встретиться с ним взглядом. Стою с низко опущенной головой, как подсудимая. К тебе приближается, Боже мой, сама Любовь, светлое абсолютное знание обо мне и о всех, о всех наших великих грехах и малейших изъянах. Непередаваемое чувство своей

вины, своего недостойнства и одновременно не пережитой порыв навстречу этой Любви – твоя собственная Любовь, на которую ты, оказывается, способна. Все твое существо испытывает не пережитое волнение – с трепетом жду – далеко ли еще до меня батюшке? Каждому он заглядывает в лицо и что-то говорит. Многих людей видит впервые, но обращается к ним, будто ему все о них известно. Он отвечает на вопросы без всякого вопроса. Например: «Не бойся, не переживай, я благословляю тебя на операцию, все будет хорошо». Следующему: «Ты думаешь я не найду для тебя времени? Не уезжай, мы обязательно побеседуем». Стоящему рядом: «Ты не можешь завтра причащаться. Вспомни, что вчера ел и пил». Батюшка общается с каждым человеком очень кротко, с невероятной Любовью, и тогда, когда упрекает, за этим стоит такая ласка, что укоряемый готов провалиться сквозь землю. Многие тут же начинают каяться... Вот батюшка все ближе и ближе ко мне, и кажется, что с Неба спустилось облако, и этот нездешний Свет приближается к тебе. Вот он уже рядом. Никогда не забыть взора. Как батюшка смотрит тебе в глаза – он заглядывает в невероятную глубину твоей души. С этой глубиной ты еще не знаком и не знаешь, что она – твоя душа – существует до такой степени за всей твоей суетной жизнью, за всей этой ненужностью. Батюшка смотрит в самую твою суть. Он поднимает руку и благословляет – очень медленно, очень тщательно. И непередаваемое чувство, будто он снимает что-то чуждое с тебя, будто он именно самую сущность твою крестит, и произносит тихим глубоким голосом... Слово это нельзя забыть. Оно слишком дорого. Я не была готова услышать его тогда. Увы, не соответствую ему и двадцать четыре года спустя.

Когда батюшка отступил от меня и сделал два шага к другому человеку, все мое существо, полностью потрясенное, разрыдалось – так я не плакала никогда. В тот миг поняла выражение (которое до того момента воспринимала как чисто литературное) – желание упасть на колени и целовать следы стоп этого человека. Слезы хлынули градом, и батюшка стремительно ко мне вернулся, с огромным участием, с глубиной Любви неземной, совсем здесь неизвестной, ни с чем

не сравнимой. Он снова осенил меня крестным знамением и повторил еще раз слово – которое я недостойна была слышать, ибо по сей день не исполняю Божьего благословения. А батюшка сказал очень просто и неизмеримо глубоко: **«Молитесь...»**

Ехала в Белгород с надеждой, что мы поговорим с отцом Серафимом, я расскажу ему о своих непосильных скорбях, на моих руках в это время был тяжело больной муж. Я дошла до полного изнеможения и растерянности перед лицом непосильной ноши, которую на себя взяла. Но когда увидела несметные толпы, которые одолевали батюшку с утра до ночи... Все люди были в самом тяжелом состоянии: больные или одержимые, или в запредельных скорбях – это было написано на лицах. Перед неподъемностью креста, который безропотно принимал на себя батюшка, я не осмелилась просить его уделить мне время. Но то, что я получила за неделю этих служб – неоценимо. Встреча с отцом Серафимом остается основополагающим событием моей жизни.

В батюшкином храме святителя Николая мне был преподан урок. Стою на службе, а впереди две неизвестные мне женщины в голос разговаривают. Терпела, надеясь, что с началом Евхаристического канона они умолкнут. Но голоса еще громче. Попросила у Бога помощи и с наивозможной кротостью вежливо напоминаю, что началась главная Часть литургии. В следующую секунду ко мне поворачиваются два лица, искаженных столь нечеловеческой злобой, что я испытала неподдельный ужас. Они набросились на меня с яростью. Но не успела расслышать ни одного слова. Не успела ничего подумать. Отнюдь не я, мой Ангел-Хранитель, поддержанный святыней этого места, стал интенсивно молиться за меня Иисусовой молитвой: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй этих людей! Помилуй этих людей!» До этого никогда еще так не молилась. При самостоятельной молитве в будущем никогда не имела столь мгновенной Милости в ответ. Я оказалась защищена настолько, что не слышала ни одного бранного слова, будто окруженная непроницаемой прозрачной броней. Была столь погружена в молитву, что подняла голову лишь в след двум спинам,

удаляющимся в толпе. Вздохнула с облегчением и вернулась на литургию. Так меня на всю жизнь научили, что в случае любой напасти – нужно молить Бога – о нападающих.

Еще один подарок у отца Серафима. На первом курсе института я познакомилась с одной девочкой. Случайно мы вместе сдавали разные экзамены одному преподавателю, она была курсом старше. Годы я хотела с ней познакомиться ближе. Но, видя ее отстраненность от студенческой суеты и непривычную сосредоточенность, я не могла позволить себе насильственно переступить грань, которую отчетливо ощущала. Здесь, у отца Серафима, машинально наблюдая вереницу отходящих от причастия (я недостаточно хорошо вижу), думаю, какая приятная девушка, с таким благоговением причастилась. Поздравлю ее с принятием Святых Христовых Таин. Подошла, и мы ахнули и – обнялись: передо мной была та самая Наденька, к которой я не смела приблизиться в стенах института. Она уезжала в этот же день и отдала мне удобную кровать в келье у верующих добрых людей. Так я покинула свою кладовку с котятами. Теперь Надежда давно инокиня.

Не забуду одну из первых служб в Ракитном. Всенощная, как всегда очень длинная, все стоят на коленях и оглядываются, ожидая прихода отца Серафима. На все это недостает слов. По храму волнами идет на молящихся благодать Божия, полное ощущение, что батюшка – здесь. Хотя его нет, он явно присутствует своей молитвой. Накануне у общих хозяев я познакомилась с людьми, которые тоже приехали к отцу Серафиму, они были явно больны, в тяжелом духовном состоянии. И вот после этой всенощной мы все сидим за столом и – чудо продолжается. Ярко ощутимая Божия Милость идет из двух иконочек – Господа и Богоматери, которые висят над стадом. От этих простеньких, в фольге и бумажных цветочках, многие бы сказали, убогих картинок, идет – **поток Святых Божиих Сил** – на всех присутствующих! И на этих больных, несчастных, которые только что дичились друг друга, вздрагивали, оглядывались с подозрительностью – проявляя явное нездоровье. Этой батюшкиной чудотворной молитвой проясняются все лица, выпрямляются души, люди

становятся неузнаваемыми. Светлые детские улыбки, каждый схватился за свою котомку, достают какую-то еду – для всех, для всех... Ты живешь среди этих людей, которые только что опасно смотрели друг на друга, и с потрясением узнаешь, что и они любимы Богом, батюшка Серафим прояснил не слышимую обычно нами, погрязшими в грехах, – великую Любовь Бога к каждому человеку... как нас всех любит батюшка. И так все дни, вся неделя, которая пролетела стремительно – до дня Успения...

И сам праздник Богоматери. Отец Серафим служил литургию, произносил проповедь. Ее содержание сводилось к главному переживанию старца – глубину его не с чем сравнить, ибо батюшка жил всей своей великой душой. Отец Серафим, страшно сказать, предстоял Распятию Христову... Его лицо было залито слезами, он говорил о том, **как** Мать Божия стояла перед **Крестом**, перед Своим Единственным Сыном и Богом – перед лютой пыткой смертельных страданий, разделяя это непревзойденное во вселенной мученичество... Так жить, так чувствовать мог только тот, кто сам участвовал в этих Страданиях – глубиной своей жизни. Ничего более подлинного, чем это переживание – я не узнала ни на одной службе, посвященной Страстям Христовым.

Всю свою непомерную Любовь к Господу батюшка вынимал из своего внутреннего существа и отдавал этой несметной толпе людей. Храм был набит битком. Тишина стояла мертвая. Только иногда кто-то срывался на рыдания и тут же заставлял себя замолчать. А сам батюшка стоял перед нами столь худой, изможденный и наводящие страх и трепет и ответную муку – потоки слез по его лицу... По белой раздвоенной бороде два ручья слез – льется на пол... Подобного в этой жизни, кажется, уже не осталось и не доведется больше.

Надя, когда я вернулась в Москву и пыталась что-то передать о празднике, рассказала мне о другой батюшкиной проповеди, которую удостоилась слышать. Отец Серафим говорил о предательстве Христа в Гефсиманском саду, и кончил немногословную проповедь страшными словами. Они пронзали всех до основания. Ему было даровано Богом доносить до

людей самое большое, что нам нужно знать. Но это знание мы откладываем со дня на день. Мы, привыкли читать книги залпом, в том числе и Святых Отцов, поглощая их страница за страницей, том за томом, и нам кажется, что мы начитанны и достаточно все знаем. А батюшка, минута за минутой, повторял на один, второй и третий лад – одну единственную мысль, пытаюсь довести ее до окамененных наших сердец, до полумертвой души, до **ОСНОВЫ** существа каждого человека, стоящего перед ним. Он говорил: «Понимаем ли мы, что мы все – Иуды?!» В этом заключалась суть проповеди. Блаженные способные правильно вместить то, что оставил нам батюшка... Не представляю себе более мощного зова к покаянию.

Отец Серафим был тем чудотворцем, который воистину преображал умы и сердца людей. Для меня эти дни в Ракитном были – великим и благим потрясением. Святыми молитвами отца Серафима (там где-то батюшка, я – на другом краю света) все вокруг меня стало быстро меняться. Эта молитва, которая была пролита за меня, окаянную, недостойнейшую – всю жизнь мою переменяла полностью. Я ее чувствую – она действует по сей день. Господь, молитвами святого ученика преподобного Серафима, полностью перестроил мою судьбу. Я не представляю, что было бы, не будь этой встречи. Жизнь моя изменилась так явственно, разительно и просто, как режут пирог пополам. Все предыдущее осталось в неверующей жизни. Она была от меня резко отнята и отодвинута, как давняя, ненужная, с которой у меня не может быть ничего общего. И началось – все новое.

Снова и снова вспоминаю эту поездку, святые дни подле батюшки. Осознаю, что так много получила тогда, быть может благодаря тому, что переживала чрезвычайно тяжелую ситуацию. «Ну вот, видишь, – как будто говорит мне отец Серафим, – не нужно бояться тяжестей, бед, испытаний. Вслед за ними мы обязательно получаем неизреченные Милости Божии». И добавлю от себя: на этом или – на Том Свете... Буди воля Господня благословенна!

О молитве

Что такое молитва? Это когда
мы находимся рядом с Христом.

Из дневников

Государыни Александры Феодоровны

Матушкина молитва была действенной, она глубоко касалась душ человеческих. Когда матушка жила у нас, ее окормлял протоиерей Александр Ш., которого она очень почитала и называла «настоящий батюшка». Однажды я вошла в комнату после того, как матушку причастили. Она сидела на краю своей кровати – батюшка рядом на стуле. Это были два Ангела, погруженные в глубокую молчаливую молитву. У меня невольно вырвалось с восхищением: «Батюшка, как Вы красиво сидите с матушкой – на одном уровне». Батюшка немедленно отреагировал: «Чтобы соответствовать действительности – мне нужно было бы сесть на пол».

О недостатках нашей молитвы

– Матушка, читаю утренние и вечерние молитвы безо всякого внимания. Тучи помыслов. Иногда просто не хочется молиться.

– А ты разберись, **кому** это против шерсти. Это не тебе – **а ему** – не хочется! И свидетельствует: в какой мы власти кое у кого. И что же? Неужели будем ему угождать и делать то, что врагу нравится? Помнишь, как кричал слепец, просил у Господа милости. *Многие заставляли его молчать (Мк.10:47)*. Тогда он стал кричать еще сильнее. Вот так и нам надо поступать. Не умолкать трусливо – молиться серьезнее, когда на нас бес цыкнул. Самое демону приятное: видеть наше разлечение, на молитве – нерадение, грехов – забвение... Более всего ему нравится – когда мы идем – **в погибель**. Не может такого быть, чтобы нам не хотелось молиться. Вся наша радость и утешение в этом. Что светлее – общения с Богом?! Если у тебя есть близкая сердцу душа – как ты рад с нею общаться. Она одна тебя поймет, ободрит, приласкает. А Бог-то гораздо ближе нам любого человека. Увы, обыкновенно, мы приходим к этому разумению, когда нам очень плохо – и нет понимающего. Тогда человек всерьез обращается ко Христу и слышит Его сострадание – к себе, и Любовь – за которую ничего не жалко отдать... Господи, прости нашу безответность в ответ на Твою Неизреченную к нам Любовь, Снисхождение, Милость... Сколь же мы непотребны... Не робей, борись с бесами. Скоро ты узнаешь, что все дела и обстоятельства пытаются выстроиться так, чтобы помешать молитве. А ты должна их использовать так, чтобы они – молитве помогали. *Любящим Бога – все споспешествует во благо*. Не трусь. Сопротивляйся врагам. Они воют против молитвы, а ты их молитвой побеждай. Пробивайся, пробивайся к Богу! Жизнь течет, как песок сквозь пальцы, скоро все дни кончатся... Торопись не остаться перед Богом безответной, чтобы не прийти нам к Нему – с пустыми руками.

...Чтобы углубить нашу молитву, – говорила матушка, – нужно углубить наше восприятие текста. Как-нибудь, когда спешить некуда, сядь и переживи заново – ставшее привычным. Прямо от первой строчки до последней читай – очень медленно, на каждых двух-трех словах – останавливайся. Вникай в то, что сказано. Верни утраченное живое чувство святости.

Надо неотступно просить Бога дать молитву. Но не так, как просит хлеба ребенок: «Мама, дай, мама, дай...», а потом будет валять его в грязи, по слову одного старца. Надо, чтобы Бог чувствовал наше благоговение. Чтобы Он видел, что молитва для нас – является самой насущной необходимостью. И если так – проси с дерзновением – непременно получишь.

Скоро слышит Бог молитву двоих или троих, молящихся от сердца вместе, – писал святой праведный Иоанн Кронштадтский. Матушка советовала в сложных ситуациях молиться по соглашению.

Подготовка к Причастию

При чтении Евангелия нередко матушка произносила неожиданные для меня комментарии:

– *Сотворите же достойный плод покаяния (Мф.3:8)*. Ты думаешь, Иоанн Предтеча только к фарисеям и саддукеям обращал эти слова? Заблуждаешься. Сотворили ли – достойный плод покаяния – **мы**?! После причастия считаем, что у нас – полный порядок. Но как мы исповедовались?! Чаше всего холодно, формально, без глубокой скорби сердца. А ведь это и есть **подготовка к причастию**: не только вычитать, что полагается, но и – прочувствовать преступления свои... И, Боже, как читаем? – на бегу, часто без всякого смысла... Прости и помилуй, Господи! Торопимся – будто за нами гоняться. Да и вправду – гоняться и – **погоняют!** И известно – кто настегивает! Ну, так нужно это осознать. В недостойной нашей подготовке к причастию – принести покаяние. И исправляться, хоть понемногу.

– Ну, так много же нужно прочесть. Времени не хватает...

– Брось. Лучше не дочитай. Пришел послушник к старцу: «Отче, я сегодня пять акафистов прочел». В ответ: «А слышал ли Бог – хоть одно слово – из твоих акафистов?» Лучше не все исполнить – но с толком. Чтобы сама слышала, что произносишь. А то ведь останови нас – мы не скажем, какую мысль, какое слово последнее произнесли. Боже, милостив буди нам, грешным! Будешь сама слышать – да, с сердцем: сердце прилагать надо! – тогда и Господь приклонится к тебе, чтобы услышать: «Что там Мое дитяtko Мне лепечет?!» И ощутишь в сердце Милость, ласку Божию. А то ведь – абсурд. Утешения от Бога – все хотим иметь. Но потрудиться, чтобы его получить – вовсе не стараемся... Кстати, можно готовиться к причастию не один вечер – впопыхах, а несколько дней. Вот оно качественней и выйдет и вины не будет, что не дочитала...

Все, что написано в Евангелии, имеет прямое отношение к нам. А еще лучше сказать – о нас здесь всякое слово: и обличает и помогает. Великий грех воспринимать Святое

Евангелие – отстраненно. Для общего образования, что ли, читаем?! Это Любимый наш Отец научает нас, как нам – **не погибнуть**. Как же с прохладой к этому относиться?.. Слово здесь каждое оплачено – Кровью Христовой... Именно Евангельские слова будут судить нас на Страшном Суде. Святые как Евангелие читали?! Преподобный Серафим его целиком, с Апокалипсисом, – за неделю прочитывал. А кто-то и наизусть знал. А есть христиане – за год один раз едва ли прочтут. Господи, прости и помилуй моих крестников, всех близких... *Не остави нас, Господи, не отступи от нас. Вонми в помощь нашу, Господи, спасения нашего.*

Перечитывая строки Паисия Афонского⁵², думаю о том, как созвучны они душевному строю матушки. Одна и та же ревность по Богу наполняет их:

– Когда идешь в храм, то говори в своем помысле: «Куда я иду? Сейчас я вхожу в дом Божий. Что я делаю? Поклоняюсь иконам, Богу». Из своей кельи или с послушания ты идешь в храм. Так иди же из храма на Небо и еще дальше – к Богу.

– А как это происходит?

– Храм – это дом Божий. И наш настоящий дом находится в Раю.

Здесь поют сестры. Там – Ангелы, святые... Если, приходя в какой-нибудь мирской дом, мы стучимся в дверь, вытираем ноги и скромно присаживаемся, то как мы должны вести себя в дому Божиим, где приносится в Жертву Христос? Единою каплей Божественной Крови Он искупил нас от греха, и после этого Он отдает для нашего уврачевания реки (Своей Честной) Крови и питает нас Своим Всесвятым Телом. Итак, все эти страшные и божественные события, когда мы возобновляем их в памяти, помогают нам вести себя в храме с благоговением. Но на Божественной Литургии я замечаю, что даже в тот миг, когда священник возглашает: *Горй имеим сердца»,* и мы отвечаем: *Имамы ко Господу,* тех людей, чей ум действительно устремлен к Господу – так мало! Поэтому нам лучше в уме говорить: «Да будем иметь наши сердца ко Господу», ибо наши ум и сердце все время *пресмыкаются долу*. Мы и лжем вдобавок, говоря *имамы*, но не имея там (горй) своего ума. Понятно, что если мы

будем иметь наше сердце устремленным горе, то и все (остальное) будет устремлено горе...

Диавол – искусник. Например, если духовному человеку принести во время Божественной Литургии скверный помысел, то он поймет это, встрепет и отгонит его. Поэтому диавол приносит ему помысел духовный. «В такой-то, – говорит он, – книге о Божественной Литургии написано то-то». Потом он отвлекает внимание, например, на паникадило, и человек думает о том, кто его изготовил. Или же лукавый напомнит о том, что надо провести такого-то больного. «Вот это да! – скажет человек. – Озарение пришло во время Божественной Литургии!» – тогда как внутри уже встречается диавол. Человек начинает беседовать со своим помыслом и, только услышав, как священник возглашает: *Со страхом Божиим и верою приступите!* – понимает, что Божественная Литургия закончилась, а сам-то он несколько не соучаствовал в ней. Да вот и здесь, в храме, когда монахиня идет зажигать свечи на паникадиле, я замечаю, что даже людям немолодым искуситель переключает туда внимание, и они глазят на то, как сестра возжигает свечи. Это же совершенное детство! Подобные вещи только ребятишкам на радость. «Зажгла!» – говорят они. Малым детям есть в этом оправдание, но взрослым людям? Или, тогда как во время Божественной Литургии должно избегать движений, искуситель может подтолкнуть какую-нибудь из сестер (братьев) перелистывать в священный момент книгу на аналое, создавать шум и отвлекать других молящихся, которые слышат шелест и спрашивают: «Что это такое?» Их ум уходит от Бога, а бес рад. Поэтому следует быть внимательными, чтобы во время богослужения из-за нас не отвлекалось внимание других. Мы вредим людям и не понимаем этого. Или проследите за каким-нибудь чтением в храме: как только чтец дойдет до самого священного момента, от которого люди получают пользу, то сразу (что-нибудь произойдет): или ветер сильно хлопнет дверью, или кто-то закашляется... Внимание людей оторвется, и пользы от читаемых священных слов они не получат. Так делает свое дело бес.

Враг постоянно переключает нашу настройку на другую частоту. Только лишь подвизающийся готов прийти от чего-то в умиление, он «щелк!» – переключает ему настройку на что-нибудь, что может отвлечь человека. Опять вспоминает что-то духовное? «Щелк!» – приводит ему на память что-нибудь другое. (Так) враг то и дело сбивает христианина с толку. Если человек **поймет**, как работает диавол, то от многого освободится.

– А как это понять?

– **Наблюдать.** Наблюдая, учишься. Кто самые лучшие метеорологи? Пастухи. (Почему?) Потому что они наблюдают за облаками, следят за ветром.

...Поюще, читающе в Церкви следует держать свой ум в Божественных смыслах произносимого и иметь **благоговение**. Кроме того, не надо относиться к тропарям и стихирам, как к литературному произведению, но воспринимать их Божественный смысл сердцем. Благоговение – это одно, а искусство, наука церковного пения – это (внешний слой) краски. Когда певчий совершает свое послушание с благоговением, псалмопение изливается из его сердца и поет он с умилением... Когда однажды святой Иоанн Кукузелис пас козлов и запел, козлы поднялись и встали на ноги. Отсюда (наблюдавшие за ним) поняли, что это был Кукузелис, певчий императорского двора. Так делайте же все, что вы делаете – с сердцем – для Христа. И в вышивки ваши вкладывайте благоговение, ибо ими будут покрываться святыни... Когда человек имеет благоговение, его душевная красота проявляется во всем, что он делает, и в чтении, и в пении, и даже в ошибках.

– Как стяжать благоговение?

– Паисий Великий, будучи спрошен кем-то, как возможно стяжать страх Божий, ответил: «Сообщайся с людьми, которые любят Бога и имеют страх Божий, чтобы и тебе стяжать Божественный страх». Это, конечно же, не значит, что надо смотреть за тем, что они делают и внешне повторять это, не ощущая смысл действий внутренне, поскольку в таком случае это будет не благоговение, а – лжеблагоговение. *Ложное отталкивает.* Благоговение – это Благодать от Бога внутри

человека. Благоговейный делает то, что он делает, потому что так он это ощущает в себе. Есть в нас, конечно, благоговение от естества, но если мы не возделываем его, то бес, вселяя забывчивость, низвергает нас в бесчувствие и неблагоговение. Благоговение передается. Движения, поведение человека благоговейного, как аромат, передается другому; конечно, если в нем есть доброе расположение и смирение. Скажу тебе, что если человек не имеет благоговения, то он не имеет – ничего. Благоговейный же, будь он и необразован, всякую Святыню видит чисто, видит ее такой, какая она есть в действительности. Он не ошибается ни в чем, что связано с Божественными смыслами. Благоговейный человек – словно ребенок, не имеющий злого помысла о своих отце и матери, потому что своих родителей он любит, уважает и видит все, что они делают, добрым и чистым. Насколько же больше (должно благоговеть) перед Богом, Который ни с чем не сравним и во всем – совершенен!

Во всем необходимо благоговение и сердце. Все, что исходит от благоговения, освящено. В стяжании благоговения также очень помогает знакомство со святыми нашего края, нашей Родины, любовь к ним и **соединение себя с ними**. Бог радуется, когда мы благоговеем перед святыми и любим их. А когда у нас будет благоговение к святым, насколько большее благоговение будет у нас к Богу. ...Как Божественной благодати приблизиться к человеку, если он не благоговеет перед святыней? Благодать пойдет к тем, которые ее чтут. *Не дадите святая псом*, – говорит Священное Писание. Преуспевание невозможно, если отсутствует духовная чуткость. ...Тот, в ком есть многая вера и истинное благоговение, питается высшим, духовным, тем, что неопишимо.

Чтение Евангелия

Когда мы с матушкой читали Евангелие, перед каждой главой она произносила: *Спаси, Господи, и помилуй раба Божия (имя) словами Божественного Евангелия, чтомыми о спасении раба Твоего, попали, Господи, терние всех его прегрешений, и да вселится в него благодать Твоя, просвещающая, очищающая, освящающая всякого человека грядущаго в мир.* Матушка говорила, что необыкновенно важно так молиться о наших близких, когда они в неблагополучии. «Ты узнаешь, что не зря эти слова к каждой главе добавляла», – наставляла она. Позже я прочла у святителя Феофана, что по прочтении с этой молитвой Евангелия об одной дорогой ему заблудшей душе, он увидел во сне, как огонь молнией прошел по полю сорняков и прогремел Небесный голос: *Я попалил грехи этой души!*

– Если бы мы со вниманием читали Евангелие, – говорила матушка, – и тут же, как послушные дети, исполняли сказанное, ничего бы больше нам и не требовалось знать. Пятую, шестую и седьмую главы от Матфея – каждую неделю в памяти заплесневелой – освежать. Заучить бы наизусть эти три главы. Ведь здесь все заповеди для ежедневного исполнения. И что прибавить? *Не судите, да не судимы будете; ибо, каким судом судите, таким будете судимы; и какою мерою мерите, такую и вам будут мерить. И что ты смотришь на сучок в глазе брата твоего, а бревна в твоем глазе не чувствуешь! Или, как скажешь брату твоему: дай, я выну сучок из глаза твоего; а вот, в твоем глазе бревно? Лицемер! Вынь прежде бревно из твоего глаза, и тогда увидишь, как вынуть сучок из глаза брата твоего.* Тут может быть двоякого, непонятного? Ибо, если вы будете прощать людям согрешения их, то простит и вам Отец ваш Небесный; а если не будете прощать людям согрешений их, то и Отец ваш не простит вам согрешений ваших. Ясно, как Божий день. Почему же мы так плохо это выполняем?! Потому что не укоренили в сердце своем это слово. А ты прочти строчечку, и не набрасывайся на следующую. Остановись, помолчи, подумай. Разгреби мусор

мысленный и – в сердце **углуби слово**. Углуби его, вот как семечко сажают в почву: разрыхлят сначала, сделают ямку и, когда посадят, – полиют. Вот и нам бы, если не слезу пролить – потому как ничего мы этого не выполняем, что читаем, то хоть – поскорбеть: Господи, что же такая никчемная я у Тебя?! годы идут, а все – ни с места! Укорени во мне слово Твое, возрасти опытное познание заповедей Твоих. Да, чтоб и плод это знание принесло. А иначе, чем оправдаю имя свое христианское? Христианка – значит – Христова, во всем последующая Христу. То есть, к какой высоте, какой непорочности мы призваны! Каждый день стоит себе напоминать! *Не всякий, говорящий Мне: Господи! Господи! войдет в Царство Небесное, но исполняющий волю Отца Моего Небесного...* Итак, всякого, кто слушает слова Мои сии и исполняет их, уподоблю мужу благоразумному, который построил дом свой на камне; и пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и устремились на дом тот; и он не упал, потому что основан был на камне. А всякий, кто слушает сии слова Мои и не исполняет их, уподобится человеку безрассудному, который построил дом свой на песке; и пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и налегли на дом тот; и он упал, и было падение его великое. Так вот, живи и оглядывайся – на чем строишь свою жизнь? Благословили бы тебя на дела, слова и мысли – Елисавета Феодоровна, Пресвятая Богородица, Христос? Если да, – иди к Господу, Богоматери, к любимым святым – и проси на дела твои благословения и помощи. А если совесть подсказывает – это Господу полностью **чуждо**, тогда – **не делай!** задуманного. Не совершай то, что совсем уж делать собралась. Остановись! В этом – мужество, христианское здравомыслие – **остановиться вовремя**. А если без рассуждения, без благословения все делать – то вскоре окажется, что мы строили на сыпучем песке, и все расползется. Первые серьезные испытания – трагически это обнаружат.

Так и остался этот матушкин завет: Евангелие читать всегда медленно, со смыслом и рассмотрением: что сегодня этими словами хочет мне сказать Господь? «Ведь каждая строка здесь написана лично для меня, для моих сегодняшних

обстоятельств, – говорила матушка. – Как и для всех миллионов людей, живущих на земле. И для каждого – **лично**. Эти строки – золотой ключ, отворяющий все твои тупики, разрешающий все вопросы».

О борьбе с духовным бесчувствием

Однажды мы читали акафист Преподобному Серафиму: «Не спеши, – ласково остановила меня матушка, – вслушайся в то, – что говоришь. Произносишь: “... старец сый немощный и претрудный, тысящу дний и тысящу нощий на камени в молитве пребывал еси. Кто доволен изреши болезни и борения твоя, блаженне Отче, яже претерпел еси, воздел преподобнии руце твои к Богу, амалика мысленного побеждая и Господеви поя: Аллилуия”. Давай потрудимся хоть что-нибудь ощутить из того, что пережил Преподобный, выстаивая на камне месяц за месяцем; в зной – облепленный комарьем (он ведь никогда ни одной мошки не убил!); в холод, пургу – в голоде (ведь не ел, можно сказать, ничего – если с нами сравнить – настоящий голод!). Нас, несатыми, выпусти на мороз, сразу заостенеем. Вот попробуй в лесу стань на колени на камень и постой минуты три, а лучше пятнадцать... – матушка умолкла и сидела, переживая сказанное, и я впервые в жизни – попыталась вслед за ней что-то новое понять. – Какая сила духа, какая ко Господу Любовь за этим подвигом стояли! Смирение, которое мы представить себе не можем. Вот так помолчишь над акафистом, в смысл слов вникнешь – сердцем дрогнешь и ощутишь-то в себе, наконец, хоть робость какую, может она – **само́сть** нашу (самоуверенность, с которой мы так свыклись, что и не замечаем ее) – немного пошатнет... Хоть начальное желание – святым подражать. Нам бы не в лесу, в наших **легких** обстоятельствах, хоть слегка нудить себя – ко смирению... Господи, Господи, жизнь прожила – ничего не нажила, чем оправдаюсь?..»

И сейчас, многие годы спустя, открывая дорогие страницы других наставников, с трепетом и умилением – слышу матушкину тональность. Как дороги строки старца Паисия, глубиной сердца черпающего из бездны Милосердия Божия. Господи, дай внимать, дай прислушаться – услышать. Дай в жизни своей, в своих ситуациях использовать этот святой совет матушки: «Жить надо – стремиться **не застыть**». Дьявол –

хладен. Он всех нас мечтал бы превратить в кусок льда. Дай, Боже, – убегать внешних слов, безразличия, бездушия – прилагать ко всем и всему не сентиментальную отзывчивость – живое сердце.

Из советов старца Паисия священнику (но и каждому молящемуся): «Поминай, сколько можешь, на проскомидии, сердцем, а не по привычке, только сухо называя имена... подумай о боли людей и скорби, и вообще, прежде в сердце свое помести человека и его проблему – и потом проси помощи от Бога. Тогда, верю, Бог поможет, потому что увидит – искреннюю сердечную любовь».

«Лучше помолись меньше, – повторяла матушка, – но чтобы слова святые в тебя проникли, тогда и Господь оглянется на твоё чтение. А то вычитываем: *радуйся, звери дивия кротостию твоею покоривый* – и думаем, речь о медведе, который у ног Преподобного, как щенок, сухарь грыз. А ведь более жутких «зверей» Серафим покорил – все страсти, всех лютых бесов... Прочтем, да и подумаем: а я, Батюшка, окаянная, ни одну свою мелкую глупость не победила: ни раздражение, ни осуждение, ни обидчивость, не говоря уже о чем крупном. Помоги, любимый Батюшка. Ведь так – и до смерти можно не исправиться. Даруй хоть каплю твоей преданности Господу, твоего пренебрежения к своему самолюбию. Помоги мне, родимый Батюшка, погрязшей в болотине грехов, – не погибнуть. (Нужно было присутствовать при том, как говорила и молилась матушка – это было прямое обращение её детской светлой души за меня, окаянную, – к живому Преподобному!). Ведь часто **бесчувственно** святейшие слова произносим. Хоть всю Псалтирь без смысла протараторь – все на ветер. Можно два часа перечитывать **один псалом** – и наплакаться вдоволь. И это заменит все правило. Батюшка наш советовал и в русском переводе время от времени Псалтирь читать. *Боже, Ты Бог мой, Тебя от ранней зари ищу я; Тебя жаждет душа моя, по Тебе томится плоть моя в земле пустой, иссохшей и безводной* (Пс.62:2). После русского чтения в славянском варианте ты эти слова лучше понимаешь. Поэтому надо – перечитывать их – и по-русски. И Евангелие –

параллельно и по-славянски, и по-русски. Даже в утренних и вечерних молитвах сестер благословлял, пусть с неправильностями – но использовать женский род, чтобы слова не звучали у нас – отвлеченно...

Пресвятая Владычице Богородице, свете помраченныя моея души, надеждо, покрове, прибежище, утешение, радование мое, благодарю Тя яко сподобила мя еси, недостойную, причастницей быти пречистаго Тела и честныя Крове Сына Твоего... И она прочла молитву до конца, используя женский род в окончаниях «Любой текст молитвы относится – **лично к себе!** Хоть за шкуру, но надо возвращать себя к смыслу каждой молитвы. О-хо-хо, а мы-то, где только не налетаемся, пока две-три страницы прочтем. Прости нас, Милосердный Господи, помилуй. И – **исправи...**»

В другой раз матушка заметила: «Мы ведь не перед идолом, не перед деревянным истуканом фразы вычитываем, это язычникам простительно бездушно перед бездушным что-то тараторить. А мы молимся – Живому Богу!»

«Помни, – пишет отец Иоанн Кронштадтский, – что если ты во время молитвы не празднословишь, а с чувством говоришь слова молитвы, то слова твои не возвратятся к тебе тощи, без силы (как шелуха без зерна), но непременно принесут тебе те самые плоды, которые заключаются в слове, как плод в оболочке. Это дело самое естественное, как естественны и обыкновенны в природе плод и оболочка его... Чем искреннее, сердечнее будешь произносить каждое слово, тем больше плода от молитвы; каждое слово, как зернышко, принесет тебе плод духовный, как зрелый колос... Но если ты слова бросаешь попусту, без веры, не чувствуя силы их, как шелуху без ядра, – то пустыми они к тебе и воротятся; шелуху бросаешь, шелуха к тебе и воротится».

Когда молитвы наши бывают бесплодны⁵³

Давно-давно жил один святой старец, который много молился и часто скорбел о грехах человеческих. И странным ему казалось, почему это так бывает, что люди в церковь ходят, Богу молятся, а живут все так же плохо. Греха не убывает.

«Господи, – думал он, – неужели не внимлешь Ты нашим молитвам? Вот люди постоянно молятся, чтобы жить им в мире и покаянии и ни как не могут. Неужели суетна их молитва?»

Однажды с этими мыслями он погрузился в сон. И чудилось ему, будто светозарный Ангел, обняв крылом, поднял его высоко-высоко над землей... По мере того, как поднимались они выше и выше, все слабее и слабее становились звуки, доносившиеся с поверхности земли... Лишь порой долетали откуда-то гармоничные, нежные звуки, как звуки далекой лютни.

– Что это? – спросил старец. .

– Это святые молитвы, – отвечал Ангел, – только они слышатся здесь!

– Но отчего так слабо звучат они? Отчего так мало этих звуков? Ведь сейчас весь народ молится в храме?..

Ангел взглянул на него, и скорбно было лицо его.

– Ты хочешь знать?.. Смотри...

Далеко внизу виднелся большой храм. Чудесной силой раскрылись его своды, и старец мог видеть все, что делалось внутри.

Храм весь был полон народом. На клиросе виден был большой хор. Священник в полном облачении стоял в алтаре.

Шла служба. Какая служба – сказать было невозможно, ибо ни одного звука не было слышно. Видно было, как стоявший на левом клиросе дьячок что-то читал, быстро-быстро перебирая губами, но слова туда, вверх, не долетали. На амвон медленно вышел громадного роста диакон, плавным жестом поправил свои пышные волосы, потом поднял орарь, широко раскрыл рот, и... ни звука!

На клиросе регент раздавал ноты: хор готовился петь.

«Уж хор-то, наверно, услышу...» – подумал старец.

Регент стукнул камертоном по колену, поднес его к уху, вытянул руки и дал знак начинать, но по-прежнему царила полная тишина. Смотреть было удивительно странно: регент махал руками, притопывал ногой, басы краснели от натуги, тенора высоко поднимали головы, рты у всех были открыты, но пения не было.

«Что же это такое?» – подумал старец.

Он перевел глаза на молящихся. Их было очень много, разных возрастов и положений: мужчины и женщины, старики и дети, купцы и простые крестьяне. Все они крестились, кланялись, многие что-то шептали, но ничего не было слышно.

Вся церковь была немая.

– Отчего это? – спросил старец.

– Спустимся, и ты увидишь и поймешь... – сказал Ангел.

Они медленно, никем не видимые, спустились в самый храм. Нарядно одетая женщина стояла впереди всей толпы и, по-видимому, усердно молилась. Ангел приблизился к ней и тихо коснулся рукой... И вдруг старец увидал ее сердце и понял ее мысли. «Ах, эта противная почтмейстерша! – думала она. – Опять в новой шляпе! Муж – пьяница, дети – оборванцы, а она форсит!.. Ишь выпялилась!..»

Рядом стоял купец в хорошей суконной поддевке и задумчиво смотрел на иконостас. Ангел коснулся его груди, и перед старцем сейчас же открылись его затаенные мысли: «...Экая досада! Продешевил... Товару такого теперь нипочем не купишь! Не иначе как тыщу потерял, а может, и полторы...»

Далее виднелся молодой крестьянский парень. Он почти не молился, а все время смотрел налево, где стояли женщины... Ангел прикоснулся к нему, и старец прочитал в его сердце: «Эх, и хороша Дуняша!.. Всем взяла: и лицом, и повадкой, и работой... Вот бы жену такую! Пойдет или нет?»

И многих касался Ангел, и у всех были подобные же мысли, пустые, праздные, житейские. Перед Богом стояли, но о Боге не думали. Только делали вид, что молились.

– Теперь ты понимаешь? – спросил Ангел. – Такие молитвы к нам не доходят. Оттого и кажется, что все они точно немые...

В эту минуту вдруг чей-то детский, робкий голосок отчетливо проговорил:

– Господи! Ты Благ и Милостив... Спаси, помилуй, исцели бедную маму!..

В уголке, на коленях, прижавшись к стене, стоял маленький мальчик. В его глазах блестели слезы. Он молился за свою больную маму.

Ангел прикоснулся к его груди, и старец увидел детское сердце.

Там были скорбь и Любовь.

– Вот молитвы, которые слышны у нас! – сказал Ангел.

Таким образом, наши лицемерные, чисто внешние молитвы до Бога не доходят и плода не приносят.

Приближаются ко Мне люди сии устами своими, – говорит Господь, – и чтут меня языком; сердце же их далеко отстоит от Меня; но тщетно чтут Меня (Мф.15:8–9). Более того: такая молитва прогневляет Бога.

«Прекрасно пишет о молитве Игнатий Брянчанинов, – говорила матушка. – Надо учиться молитве у святых отцов. А то вычитали правило – и повод имеем свысока на неверующих смотреть, позволяем себе – раздражаться на ближних. А молитва – великий дар: с Самим Богом общение. Смысл моления – обрести смирение. А где оно? Где результат молитвы? Выходит, что я и есть – первая **неверующая!** Почему так трудно нам молиться? Потому что надо вырваться из тисков мира сего – настроиться на Божественную тональность кротости... Куцая наша молитва – обличение страшной нашей привязанности к миру, нашего материализма...»

Слушая матушку, поняла, что еще не начинала учиться молиться. Явственно увидела, что смирения нет в помине – и, значит, – нет молитвы. Благодаря матушкиной пристальности, я разглядела полчище невидимых прежде грехов в своей только по имени называемой молитве. И позже, с помощью святителя Игнатия (Брянчанинова) перечень их увеличился.

Смирение есть единственный жертвенник, на котором дозволено человекам приносить молитвенные жертвы Богу, – единственный жертвенник, с которого молитвенные жертвы

приемлются Богом. ... Невозможно, невозможно никакое духовное преуспеяние для того, кто отверг смирение, кто не озаботился вступить в священный союз с молитвою. ...завещание Апостола: *непрестанно молитесь*... Упражнение молитвой – есть заповедь Самого Господа, заповедь, соединенная с обетованием: просите, приглашает нас Господь, повелевает нам Господь, и дастся вам: ищите, и обрящете: толцуйте, и отверзется вам. Не воздремлет, ниже уснет, молитва ... доколе не введет его в небо. Там она преобразится в непрестанную жертву хвалы. Эту хвалу непрестанно будут приносить, будут провозглашать неумолчно избранные Божии от непрестанного ощущения блаженства в Вечности, прозябшего здесь, на земле и во времени, от семян покаяния, посеянных внимательной и усердной молитвой. Аминь»⁵⁴.

Прочитав наставления святителя Игнатия «Молитва новонаначального», вспомнила письмо Дивеевского пастыря иеромонаха Владимира, которое он писал человеку, прошедшему увлечение оккультизмом: «Без сокрушенного сердца Иисусова молитва может превратиться едва ли не в медитацию. Может стать губительной для христианина, о чем весьма часто повествуют святые отцы. *Начало премудрости – страх Господень* (Притч.9:10), а его-то и нет в восточных учениях; там присутствует лишь одно своеволие, гордыня и стремление своими средствами перейти те запреты, которые заповедал нам Господь в нашем земном существовании – для нашего же блага.

Как пишет святитель Игнатий: “Все виды бесовской прелести возникают из того, что в основании молитвы не положено покаяние, что покаяние не сделалось душою, целью молитвы... Болезнование духа, плач сердца, самоосуждение, памятование смерти, Суда Божия и вечных мук, ощущение присутствия Божия, страх Божий – суть свидетельства правильного молитвенного подвига; отсутствие их – признак уклонения в ложном направлении”».

О молитвах

Утреннее правило матушка заканчивала молитвой: *Господи Иисусе Христе, Сыне Единородный безначального Твоего Отца, Ты бо рекл еси пречистыми усты Твоими – яко без Мене не можете творити – ничесоже. Господи мой, Господи, верою объем в души моей и сердце – Тобою реченная. Припадаем Твоей Благости (из внутреннего чувства матушки при этих словах было ясно, что это воистину – припадание). Помози нам, грешным, сей день, сии дела, нами ныне начинаемая, о Тебе Самем совершити – во Имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь. Господи помилуй (три раза). На день грядущий и все дела – благослови – святыми молитвами: (и далее имена близких святых).*

Принимая просфору, матушка молилась своими словами: «Господи, помилуй всех моих близких: живых и усопших – особенно о тех умоляю и прошу, кому особенно плохо – здесь и там...»

Часто мы пели перед святым углом – тропари любимым святым, начиная с праведных Марфы и Марии: *Праведного Лазаря боголюбивыя сестры, Марфо и Марие преславныя, чистым сердцем Христа в житии вашем возлюбили есте – мироносиц взявши чин, и Его, яко Сына Божия, безбоязненно исповедали есте, сего ради во обителях Отца Небесного со всеми святыми славно царствуете. Умолите, Его же возлюбили есте, и нам, грешным, в вере и любви Христовой утвердитесь и Царствия Небесного сподобитесь. Величаем вас, святии праведнии жены, Марфо и Марие, матушка Елисавето и все жены-мироносицы – **всех времен** и чтим святую память вашу, вы бо молитесь за нас Христа Бога.*

У меня с детства не было никаких музыкальных данных. Я стеснялась своей бездарности и старалась петь тропари как можно тише. Настоящее духовное пение особенно в дни Страстной седмицы, всегда доводило меня до слез. Один раз сказала матушке: «Не очень ли я Вам мешаю своим пением при отсутствии слуха и голоса? Так люблю музыку... И все в нашем

роду были музыкальные. Бабушка пела удивительно. Мама хотя бы кончила музыкальную школу. А я не знаю, в кого уродилась». «При чем тут голос? – сказала с добротой матушка, – поют – **сердцем**. Для Бога ничто внешнее – не имеет никакого значения, ни внешние подвиги, ни таланты. Пой для Бога Своего из глубины сердца. Когда-нибудь запоешь как птица», – и она погладила меня по голове, как ребенка. Матушка обладала редкой чуткостью. И всегда могла отличить стеснительность от гордости – от других ее видов.

Всегда пели тропари: Нерукотворенному Спасу, Архистратигу Божию Михаилу, Государю, Матушке Елисавете, Ангелу-Хранителю, Иоанну Предтече, Преподобным Сергию и Серафиму, святителю Николаю... несколько тропарей Божией Матери, обязательно Иверской... Любили кондак Елисавете Феодоровне: *От славы царственные, взявши крест Христов, прешла еси к славе Небесней, молящи за врагов и обрела еси радость вечную, святая Преподобномученице Великая Княгине Елисавета с Варварою мученицею – тем же молитве о душах наших.*

Молитва святым женам-мироносицам

О святые Марфо и Марие и прочие святые жены-мироносицы! Умолите Возлюбленного вами и вас возлюбившего Сладчайшего Иисуса, егоже вы исповедали есте Христа, Сына Божия, да даст и нам, грешным рабам Божиим (имена), грехов оставление, в вере правей нелицемерное и твердое стояние. Вселите в сердца наша дух страха Божия, смиренного на Бога упования, терпения и ко ближним Милосердия. Избавите нас молитвами вашими от искушений житейских, бед и напастей, да тихое и мирное житие проживше zde, с помыслы непорочными и сердцем чистым предстанем на оный Страшный суд, и добрый ответ на нем воздавше, радости неизреченныя во Царствии Небеснем сподобимся во веки веков.

– Люди нередко недооценивают святых праведных сестер Марфу и Марию. Но Великая Княгиня Елисавета, промыслом Божиим, приняла Православие в Лазареву субботу. В день, когда Спаситель совершает величайшее чудо – воскрешение Лазаря – брата Марфы и Марии. Этим Господь назнаменовал –

путь Ее будущего служения. Очень глубоко воспринимала Елисавета Феодоровна этих святых, – говорила матушка.

Великая Княгиня Елисавета о Марфе и Марии⁵⁵

Радуйтесь, Марфо и Марие, образ веры и любви нам показующия. Учитель здесь и зовет тебя. Так Марфа звала свою сестру Марию в минуту глубокой скорби об умершем брате Лазаре. Перед этим сестры послали сказать Ему: Господи, вот кого Ты любишь болен: Иисус сказал: эта болезнь не к смерти, но к славе Божией, да прославится через нее Сын Божий. Иисус любил Марфу и сестру ея и Лазаря (Ин.11:3–4).

Сколько утешения и назидания мы получаем в 11 главе от Иоанна о воскрешении Лазаря, как предзнаменование воскресения Спасителя и нашего.

Сколько мудрой любви у Божественного Друга!..

Марфа полна жизни, стремительной любви, всегда готова служить Христу; Он ее даже в этом остановил: *Марфа, Марфа, ты заботишься о многом.* Она тогда не сознавала, что бывают минуты в жизни, когда телесные нужды уступают место духовным, где душа больше пищи.

Кроткая Мария вся ушла в Богосозерцание.

Вот Марфа пошла навстречу Ему, Мария же сидела дома. Сколько веры и любви у обеих в служении и смирении.

Посмотрите, с какой твердостью Марфа исповедует свою веру, когда Иисус ей сказал: *Воскреснет брат твой.* Марфа сказала Ему: *знаю, что воскреснет в воскресение, в последний день.* Иисус сказал ей: *Я есмь воскресение и жизнь, верующий в Меня, если и умрет, оживет. И всякий, живущий и верующий в Меня, не умрет во век. Веришь ли сему?* Она говорит Ему: *так, Господи, я верую, что Ты Христос, Сын Божий, грядущий в мир.* Можно смело ее сравнить с Апостолом Петром: глава 16 от Матфея стихи 15–17, где на вопрос Спасителя: *А вы за кого почитаете Меня?* Симон Петр, отвечая, сказал: *Ты – Христос, Сын Бога Живаго.* Тогда Иисус сказал ему в ответ: *Блажен ты, Симон, сын Ионин, потому что не плоть и кровь открыла тебе это, но Отец Мой Сущий на Небесех.*

Мария же в смиренной преданности Христу сидела дома.

Как кротка и глубока ее вера, с каким благоговением она слушала Его беседы и, предчувствуя приближение Его смерти, она *взяв фунт нардоваго чистого драгоценного мира, помазала ноги Иисуса*, приготавливая Его тем к погребению.

Мы выбрали этих святых сестер, как покровительниц нашей Обители, желая приобрести их дивныя добродетели и отдать нашу Жизнь Богу и ближнему, достигнуть веры и любви – в служении, молитвы – в смирении...

«(Великая Княгиня создала общину), в которой внутреннее духовное служение Богу органически соединено было бы с деятельным служением ближним во имя Христово...

Марфо-Мариинская Обитель предназначалась быть как бы домом Лазаря, в котором так часто пребывал Христос Спаситель. Сестры Обители призваны были соединить и высокий жребий Марии, внемлющей вечным глаголам жизни, и служению Марфы, поскольку они опекали у себя Христа, в лице Его меньших братьев... Поясняя свою мысль... Елисавета Феодоровна говорила, что Христос Спаситель не мог осудить Марфу за оказанное Ему гостеприимство, ибо последнее было проявлением ее Любви к Нему: Он предостерегал только Марфу и в лице ее женщину вообще, от излишней хлопотливости и суетности, способной отвлекать ее от высших запросов духа.

Быть не от мира сего и однако жить, и действовать среди мира, чтобы преобразовать его – вот основание, на котором Она хотела утвердить Свою Обитель»⁵⁶.

Одна знакомая говорила матушке: «Стараюсь молиться, но чувство, что Бог меня не слышит...» – «Молись! – ответила ей матушка, – напрасной молитвы не бывает».

И в ясный день, и средь метели,
При встрече с счастьем иль бедой,
Несется ль туча над тобой
Или звезда сияет – молись!
Молись! В нас тайные плоды
Святой молитвы созревают!
Петр Вяземский.

Научить людей истинно молиться – значит научить их по-христиански жить (Из дневников Государыни Александры Феодоровны).

Молитвы дар, – дар чудный, дар бесценный,
Замена всех непрочных благ земных;
Блажен, кому дано душою умиленной
Изведать таинство святых отрад твоих!
Блажен, кто молится в минуты счастья,
Кто с Богом сердце так умел сдружить,
Что Божья мысль святит в нем радости и страсти,
И может их порыв безумный укротить.
Блажен, кто молится в тоске и муке,
Под ношею тяжелого креста,
Кто, горем посещен, возносит к Небу руки,
Твердя: «Ты свят, Господь, и власть Твоя свята!»
Граф Растопчин.

Из «Письма к новоначальной инокине»⁵⁷

Если ко всякой добродетели навык приобретается не вдруг, а по мере упражнения в ней, то тем более навык к молитве требует более продолжительного труда и неослабного самопринуждения. А между тем, не удивительна ли эта печальная истина, что душа человеческая так косна и неусердна к молитве! Ведь молитва, как всем известно, есть беседа с Богом, – есть возношение ума и сердца к Богу, Который и есть Первообраз и Начало души нашей. Не естественно ли, кажется, стремиться душе к своему Началу (Быт.2:7, 3:22), к сродному ей Первообразу! – С какою поспешностью стремимся мы побеседовать с близкими нам и любимыми нами людьми, с какою готовностью открываем свои дела и нужды сильным и могучим мира сего, с какою охотою показываем врачу свои раны и болезни, – а в молитве, представ пред любящим нас Отцем Небесным, о Котором и мы имеем смелость сказать, что любим Его, пред Врачом нашим благодатным, Архиереем великим, *могущим спострадати немощем нашим* (Евр.4:15), пред Царем царствующих и Господом господствующих, – стоим не только не с достаточным благоговением, без надлежащей любви и стремления к Нему, но нередко даже и без внимания, как бы насильно, по обязанности, а не по влечению сердца. Не странно ли это и не прискорбно ли, и какая может быть сему причина?

Причин этому много, главная из них и как бы коренная причина – это та, что мы чрезмерно оземленились, осуетились настолько, что уже не душа господствует над подвластной ей плотию, а наоборот – плоть поработила душу. Эта рабыня тления, многострастная плоть, взяла верх над бессмертной, свободною душою, и дебелистью своею как бы придавила крылья ее, затруднив ей полет к небесам! Многомятежная жизнь наша на земле так осуетила нас, так опутала своими тенетами, что трудно нам стряхнуть их с себя и на один час, чтобы чистыми предстать пред пресветлое Око Божие и чистым

сердцем узреть свет Солнца Славы, Христа, ибо только *чисти*
сердцем Бога узрят (Мф.5:8).

Основание молитвы – неложное покаяние и смирение

– Матушка, как научиться молиться? Сколько ни пробую – ни с места!

– Не ленись, замечай свою никчемность, упрекай себя, а иначе, кто тебя попрекнет? – улыбалась матушка, – никто тебя, как ты сама себя – не знает. Это и есть делание духовное. И птицу, как известно, можно выучить – и будет целый день повторять святые слова. Но духовной жизнью это отнюдь не называется. Постоянное себя рассмотрение, за собой слежение – самоукорение и нелicense покаяние на каждом шагу. Не для того, чтобы до уныния себя довести, а чтобы реально убедиться в своей никчемности. Тогда и молитва сама собой пойдет, потому что ее источник – скромное о себе мнение, добытое опытом. Тогда живая молитва зажурчит – живой ручеек. А без сердца, без сокрушения – все мертво. Молитва без покаяния – для Бога – копейка, а со смирением – золотой.

Все хотят молиться исключительно Иисусовой молитвой. И когда бесы их пыл охладят (так как для этой молитвы – требуется неложное смирение) – вообще бросают молиться. Но не доставим такого удовольствия дьяволу. Как Преподобный Амвросий говорит: «Какие дрова: березовые, осиновые, дубовые – не важно, лишь бы печка грела. Каким видом молитвы пользоваться, все равно, лишь бы душа – горела к Богу».

Бывает такое состояние, оно тоже для нашей пользы, когда душа – каменная земля, никакой влаги, никакого умиления – окамененное нечувствие – это и от грехов нераскаянных и от бесов может быть. Тогда молись, хоть как-нибудь. Когда человек изнемогает от бесчувствия, или от вражеских помыслов, но все-таки принуждает себя к молитве – его молитва мученическая. Но такое бесчувствие у нас, конечно, от нераскаянности. Один человек не приступал к молитве, прежде чем не приводил себе на память многие свои грехи, и исповеданные в том числе. И когда **на самом деле** приходил в сознание того, что он –

первый грешник, тогда со страхом и трепетом, и сокрушением сердечным – начинал молиться. Но никакого уныния быть не должно! Трезвенная память: *мы – сор, выметенный с Неба*. Но желаем вернуть себе утраченное звание – детей Божиих.

Святые не оскорблялись, когда их всячески унижали, потому что они унижали сами себя – значительно больше. Считали: по достоинству! Пришли к одному подвижнику с обвинениями: мы все про тебя знаем: ты – вор! Конечно, – ответил тот. Ты – блудник, – не унимались они. Он и на это был согласен. И на все последующее молчал. Под конец старец услышал: «Ты – еретик!» Тогда он поднял голову и твердо сказал: «Нет, я – не еретик». Тогда они спросили: «Почему же ты не возражал раньше?» «Потому что все, в чем вы меня обвиняли, – имеет прямое ко мне отношение: не делом, так словом или помыслом. Но еретиком я, слава Богу, – не был. Христа никогда не предавал». *Сердце сокрушенно и смиренно Бог не унижит* (Пс.50:19). Бог не оставит Своей благодатью – кающееся сердце. А ведь, что у нас? Я – не хуже других! – и все. А в переводе звучит: я гораздо **лучше** других! С этим чувством и на исповедь идут и от нее отходят. А что это значит? Я еще не положила начала покаянию! – вот, что это на самом деле значит. Я – величайшая из нераскаянных грешниц. Ты положи основание молитве – неложное покаяние. За это всю жизнь нужно биться. До смерти.

Найдем возможность смирить себя: скажем себе – да я за целый день вовсе о Тебе Боже – не вспомнила, все христиане имеют единственную цель – сблизиться с Тобой. Кто же я есть? Христова только по имени. Вот если эту кору, эту скалу гордостную – самолюбия и прекрасного о себе мнения – пробьем – если каплю горя в сердце ощутим – тогда хоть минуту да помолимся. У святых в сердце бил источник смирения – поэтому молитва шла – непрерывающимся потоком. Пока мы идем вместо дороги смирения – путем самоутверждения – откуда взяться молитве?

Этот разговор помог матушкиной знакомой выйти из состояния окамененного нечувствия. Матушка была для нас великим утешением, даром Божией Милости – нашему

убожеству, который мы полностью не заслужили. Рядом с ней мы увидели себя полумертвыми, лишенными горения, ревности по Богу – не положившими и начала покаянию... Людьми, которые не приобщились к духовной жизни, так как не начинали нудить себя – ко смирению. Мы старались делать какие-то «добрые дела» не замечая, что надмеемся своим куцым деланием и таким образом превращаем их – в прах.

Подвиг есть и в сраженъе,
Подвиг есть и в борьбе, –
Высший подвиг в терпенье,
Любви и мольбе...

Алексей Хомяков.

Молитва о даровании молитвы

Многомилостиве Господи! Сподоби нас Божественнаго дарования святой молитвы, изливающейся из глубины сердечной; собери расточенный наш ум, дабы всегда стремился он к Тебе, Создателю и Спасителю своему; сокруши разженные стрелы лукаваго, огревающие нас от Тебя; угаси пламень помыслов, сильнее огня пожирающий нас во время молитвы; осени нас благодатию Пресвятаго Твоего Духа, дабы до скончания нашей грешной жизни Тебя Единого любить всем сердцем, всею душою и мыслию и всею крепостию, а ближних как самих себя, и в час разлучения души нашей от брэннаго сего тела, о Иисусе Сладчайший, прими в руце Твои дух наш, егда приидеши во Царствии Твоем. Аминь.

Молясь, обращайся за помощью к Царице Небесной

– Матушка, как ни стараюсь – страшное рассеяние на молитве, устаю от помыслов.

– А ты вот так: *Воспеваю Благодать Твою, Владычице, молю Тя, ум мой облагодати*, – и делай земной поклон. – *Ступати право мя настави, путем Христовых заповедей* (поклон). *Бдети к песни укрепи, уныния сон отгоняючи* (да, не прерывай поклона, пока не доведешь до ума и сердца, – что произносишь). *Связана пленицами грехопадений*, – *мольбами Твоими разреши, Богоневесто* (поклон).

Она дочитала известную молитву до конца. Казалось, я эти слова – слышу в первый раз в жизни. Матушка обращалась ко своей Всесильной Заступнице, как дитя к матери, – никогда еще при мне никто так проникновенно не молился.

– Эту молитву надо знать наизусть, – помолчав, добавила матушка, – кто, как Она, заступит нас в скорби, в гонении... на мытарствах.

Перечитывая маленькую книгу «Сестра по скорби и утешению», я вспомнила матушкины слова. Когда в очередной раз умирала монахиня Екатерина, и ее душа начала проходить мытарства, имела власть защитить ее – одна Царица Небесная. «Монахиня Екатерина умирала много раз: душа покидала тело, и она видела себя со стороны. Однажды, когда долго не поступал воздух, душа разлучилась с телом и начала проходить мытарства. Матушка увидела себя в центре огромной площадки, напоминающей арену, а вокруг толпились страшные чудовища, высотой до неба. Они дико кричали, смеялись и радовались, что эта душа принадлежит им, и они ее не отпустят... Не дерзала монахиня Екатерина молить Господа о спасении. Стала она просить о помощи Пресвятую Богородицу. И вдруг увидела руку, к ней протянутую. И вынесла ее эта рука из страшного круга. Матушке дано было узнать, что душа ее попала сюда за неисповеданные нечистые помыслы».

Из поучений святителя Феофана Затворника

Дело молитвы есть первое дело в христианской жизни. Молитва дыхание духа. Есть молитва – живет дух, нет молитвы – нет жизни в духе. Стоять перед иконою и класть поклоны – не есть еще молитва, – а только принадлежность молитвы; читать молитвы на память, или по книжке, или слушать их – не есть еще молитва, а только орудие молитвы или способ обнаружения и возбуждения ее. Сама молитва – есть возникновение в сердце нашем одного за другим – благоговейных чувств к Богу, – чувства самоуничижения, покаяния, преданности, благодарения, славословия, прошения, сокрушения, покорности воле Божией, усердного припадания и подобных.

Вся наша забота должна быть о том, чтобы во время нашей молитвы эти и подобные чувства наполняли душу нашу, чтобы сердце не было пусто. Когда есть в нем эти чувства, или какое-либо одно из них, устремленное к Богу, то молитвословие наше есть молитва, а когда нет – оно не есть еще молитва.

Молитву, или устремление сердца к Богу, нужно возбудить и возбужденную укрепить, или, что тоже нужно, воспитать в себе молитвенный дух.

Первый способ к этому есть питательное, или слушательное наше молитвословие. Читай или слушай, как следует, молитвословие, – и непременно возбудишь и укрепишь восхождение в сердце твоём к Богу, то есть войдешь в молитвенный дух. В молитвах святых отцов движется великая молитвенная сила, и кто всем вниманием и усердием проникает в них, тот – в силу закона взаимодействия – непременно вкусит молитвенной силы, по мере сближения настроения своего с содержанием молитвы... Необходимо совершать молитвословие так, чтобы – и мысль и сердце воспринимали содержание молитв. Три самых простых приема для этого: 1) не приступай к молитвословию без должного приготовления, 2) не совершай его кое-как, – а со вниманием и чувством, 3) и не тотчас по окончании молитв переходи к обычным занятиям.

Когда молимся, надо умом стать пред Богом и о Нем Едином помышлять. Между тем в голове непрестанно толкутся разные мысли и отвлекают ум от Бога. Для того, чтоб научить ум стоять на одном, святые отцы употребляли молитвы и навывкли произносить их непрестанно... Они держали и ум, и помышление в Боге, и разгоняли все сторонние мысли. У нас вошла в общий обычай молитва Иисусова: *Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного.*

Что есть молитва Иисусова?.. Она назначается на то, чтоб ум держать на одной мысли о Боге.

...Этим путем скорее укрепиться можно, скорее прозреть духовно и дойти до мира внутреннего. Не зная сего, иные, или большая часть, останавливаются на телесных и душевных деланиях и почти праздно иживают труды и время. Кажется, простая вещь, но, не узнав о ней, можно долго пропотеть – и все малоплодно... Телесная деятельность... легче, потому и привлекает; внутренняя же трудна, потому и отталкивает... Оставит иной внутреннее, будто до времени созрения... но после (поймет), что срок пропущен... он вовсе (к внутреннему) стал неспособным...

Отчего совесть беспокойна и недовольна? Тут же сами отвечаете: от того, что Бога не помню. Это правда: без памяти Божией, без страха Божия, без чувства к Богу сделать душу довольною нельзя. Если так, то об этом теперь и заботу всю надо иметь.

...Правила молитвенного оставлять никогда не должно... Всегда начинать с молитвы делательной. С нею должна быть умная, а за ними придет и сердечная...

Молитва Иисусова... сильнее всех только всесильным именем Иисуса Христа, когда оно призывается с верою полною, теплою, не колеблющеюся, что Он – **близ есть**, все видит и слышит, и тому, чего просят, вседушно внимает и готов исполнить и даровать просимое. Упование такое не посрамляет. Если замедляется иногда исполнение, это зависит – **от неготовности** еще просящего принять просимое.

Духовное горение сердца к Господу есть Любовь к Нему. Она загорается от прикосновения Господа к сердцу. Как Господь

весь есть Любовь, то прикосновение Его к сердцу тотчас и возжигает Любовь к Нему. А от Любви – и горение сердца к Нему. Вот это и должно быть предметом искания.

Иисусова молитва⁵⁸

Оставь все мирское, отрекись от него, возненавидь (все страсти и приманки его), исторгни мир из сердца своего и возлюби только Иисуса. День и ночь думай о Нем, читай молитву: *Господи Иисусе Христе, помилуй мя, Иисусе Христе, помилуй мя, дражайший Иисусе мой, помилуй мя. Всесветлый, сияющий Женише мой, помилуй мя.*

Все в мире – нищета, богатство – на Небесах. Куда бы ты не пошла, где бы ни сидела, где бы ни находилась, не оставляй Иисусову молитву, читай ее постоянно...

Когда будешь постоянно читать Иисусову, зажжется внутри тебя Его Любовь, радость и ты будешь вопиять, что «самый счастливый человек в мире – это я»...

С этой маленькой, но всемогущей молитвы начинали святые Отцы и стали светилами Церкви, учителями вселенной, и возблагодарили их мощи.

Читай Иисусову, чистая голубица... и обретешь духовное восхождение...

Необходимо, однако, и понуждение, и терпение, и настойчивость. Благодать не задержится – придет...

О внимании сердечном при молитве и чем оно достигается

– Каких только мыслей бесовских не наслушаешься на молитве. Как с вражескими помыслами бороться?!

– Вот читаешь молитву, поймал себя на помысле – возвращайся к началу, так святые отцы учат. И так, хоть сто раз – пока единожды прочтешь со вниманием. Дьявол убедится, что ты за количеством не гонишься и твердо на своем стоишь – желая добиться **внимания сердечного**, призывая на помощь Ангела-Хранителя и любимых угодников, и отбежит прочь. Проси святых: «Вы-то, как по-настоящему молились – не откажите, дайте каплю вашего покаяния, вашего понимания своей никчемности перед Владыкой». Один отец говорил: «Надо молиться так, чтобы святые отложили свои дела, желая послушать, что ты им хочешь сказать». А вообще, если от сердца и в простоте просить (а что такое простота?! – это знание: я – ничто!) – тогда никто не помешает, и Бог легко услышит.

В революцию в голодные годы отец одного семейства уехал менять вещи на хлеб из Москвы на Украину. Шло время – никаких вестей. В воскресенье семья пошла в Данилов монастырь. После Литургии ищут – не найдут младшего. А он приник к мощам благоверного Князя Даниила и что-то шепчет. Мать ему: «Мы уходим». Он серьезно отвечает: «Не мешайте мне разговаривать с Князем Даниилом», – и продолжает шептать, уткнувшись лобиком в край раки. Через неделю вернулся отец. Рассказал, что долго ничего не мог обменять, а потом в один день всего навезли. Это был день, в который его пятилетний сын разговаривал с любимым святым. Так и ты молись – с простотой и верой несомненной – как дети у любимых матери и отца просят. Ребенок ведь знает, что во всем необходимом мама, конечно, не откажет.

И повторила еще раз: «Проще, как можно проще молись...»

Годы спустя, меня утешил Московский старец Алексей Мечев: «...Молиться как-нибудь, – говорит преподобный Марк

Подвижник, – состоит в нашей силе, а молиться чисто – есть дар Божией благодати. Итак, что сможем, то и пожертвуем Богу, хотя бы количество, для нас возможное, и Божия сила изольется в вашу немощную силу, и молитва сухая и рассеянная, но частая – всегдашняя, обретши навык и обратясь в натуру, сделается молитвою чистою, светлою, пламенною и достождолжною...»⁵⁹

О созерцательной молитве

Однажды матушка вспоминала о том, как молилась матушка Любовь. «Ищу, ищу ее, наконец, найду в пустом храме или в другом укромном месте – перед иконами. Она молится так, что страшно на нее смотреть: лицо полыхает, глаза не видят этого мира, будто без слов с Господом говорит – лицом к Лицу. Порой лежит на полу, распростертая ниц, ручьи слез, если ее и позвать – не отзовется и не услышит – восхищена умом и душой к Господу. Это высшая степень молитвы. Редкие удостаиваются...»

Годы спустя прочла у игумении Таисии (Леушинской) воспоминание о молитве одной из монахинь ее монастыря, которое напомнило мне слова нашей матушки о молитве матушки Любви.

«Помню только, что я стала читать наизусть акафист Сладчайшему Иисусу, присутствие Которого я еще ощущала в своем сердце, ибо только в тот день приняла Святые Тайны. Читаю икос, читаю другой, чувствую, что душа моя все больше и больше умиляется и согревается любовью к Господу, помню, что мало-помалу вся я, и душой и телом, начинаю как бы трепетать, обливаясь слезами, силы физические изменяют мне и, чтобы не упасть, становлюсь на колени и повергаюсь ниц перед святыми иконами, продолжая мысленно читать акафист; кажется, уже до половины прочитала я его, но затем ничего уже не помню; все окружающее меня в келье, самый пол, на котором лежала ниц, все словно скрылось куда-то, а мне виделось все иное: словно вдали Престол Божий, и Сам Иисус восседит на нем, вокруг Престола бездна стоящих, не знаю – людей ли или Ангелов, но все они поют дивно, дивно хорошо; я тут же позади всех стою и наслаждаюсь. Больше я ничего не помню, и сказать не могу. Долго ли длилось это видение – я тоже не знаю; только потом сказывали мне мои келейные послушницы, что когда они пришли в келью и увидели меня поникшею перед иконами, подумали сперва, что я молюсь, а затем, так как я долго не подымалась, – приняли меня за

спящую, стали окликать меня, но безуспешно, – и оставили меня в покое. Когда я пришла в себя от чудного восхищения и видения, в келье опять не было никого, чему я была весьма рада. Пол, на том месте, где лежала голова моя, был так обильно смочен слезами, как бы пролита была на него вода, – значит, телесные члены не были лишены жизни в то время, – глаза источали потоки слез, но я этого не чувствовала и не знала. Да вернее сказать, я и совсем не знаю, что было со мною; но сладость, наполнившая мое сердце в те святейшие минуты, долго оставалась в нем, как залог небесного посещения»⁶⁰

В начале Великого поста матушка посоветовала знакомой иметь текст Канона Андрея Критского, чтобы полноценно воспринимать службу.

В праздник Пресвятой Троицы одна жаловалась: «Батюшка очень тихо читал Коленопреклоненные молитвы, так хочется все понять, ну, ничего не разобрала...» – «В таких случаях надо хоть раз в году их прочитывать, хотя бы знать, о чем в них идет речь!».

Помня наставления матушки, стараюсь прочитать, если не все, то основные молитвы из Троичной Минеи. Как радостно стоять на службе, когда понимаешь, что читают и поют! Мы старались с матушкой всегда прочесть что-нибудь из святых отцов, посвященное празднику.

Святая Троица. Из проповедей Святителя Николая Сербского⁶¹

Во имя Отца и Сына и Святого Духа, во имя Троицы Единосущной и Нераздельной и Животворящей, Бога единого. Отец, Сын и Дух Святой... Святая Троица, Которую явил Господь Иисус. Все ипостаси Троицы в ближайшем родстве, все нераздельны, однако и неслитны. Триипостасность и Единство. Вечная гармония, вечная песнь и вечная музыка в слаженности упоительной. Самое близкое, самое тесное родство. Какое родство может быть ближе и теснее, чем Отец, Сын и Дух Святой, тот именно Дух, которым дышат и Отец и Сын? Здесь нет трех отдельных имен – как Вишну, Брама и Шива, – а лишь именование родства: Отец, Сын и Дух Святой. Родство подчеркнуто, а не имя. Между тем в индийской триаде подчеркивается имя... Это – три компаньона, которые в постоянном несогласии. Ведь что бы ни говорил Вишну, Брама это подвергает сомнению, а Шива отрицает. И все, что Вишну строит, Брама не одобряет, а Шива разрушает.

Такова же и триада египетская... и эллинско-римская... Все пребывают в ссорах, наветах и в недоверии друг к другу... (Так называемые «боги» дышат жаждой убийства и мщенья.) (Не говоря уже) о бесчисленных иных «божествах» – развратного олимпийского табора. (Все эти мифические существа – олицетворение бесовских страстей. И демоны мечтали бы заразить ими все человечество.)

Совершенно иное – Святая Троица христианская. Личные имена здесь и неведомы, и сокрыты. Объявлены человечеству лишь наименования родства: Отец, Рождающий Сына, и Дух, Исходящий от Отца. Отец, Сын и Дух Святой. Никакого упоминания о столкновении либо расхождении... Это Откровение, это Откровение Христово о Святой Троице. И всегда Церковь Христова вспоминает Святую Троицу как Бога единого, а не трех...

А сейчас, вот тебе указатель пути, чтобы ты отличал Святую Троицу в единстве от несвятой триады в раздоре,

истину от лжи, свет от тьмы, жизнь от смертной плесени. Господь Иисус Христос, Сын Превечного Отца говорит:

Никто не знает Отца, кроме Сына; и Сына не знает никто, кроме Отца... Я Сын Божий... Я и Отец – одно... Отец во Мне, и Я в Отце... Ненавидящий Меня ненавидит и Отца Моего... Все, что имеет Отец, Мое есть... Я исшел от Отца и пришел в мир; и опять оставляю мир и иду к Отцу... Утешитель же, Дух Святой, Которого пошлет Отец во имя Мое, научит вас всему и напомнит вам все, что Я говорил вам...

После Своего славного Воскресения явился Господь ученикам Своим и сказал им: *Мир вам! как послал Меня Отец, так и Я посылаю Вас. Произнеся это, дунул и сказал им: Приимите Духа Святаго. Итак, идите и научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святаго Духа...Примете силу, когда снизойдет Дух Святой на вас; и будете Мне свидетелями... вплоть до края земли.*

И когда прошло пятьдесят дней... исполнились все Духа Святаго, и начали говорить на иных языках, как Дух давал, так и говорили.

Евангелист Иоанн пишет: Всякий, кто отвергает Сына, не имеет и Отца.

Ибо три свидетельствуют на небе: Отец, Слово и Святой Дух; и Сии три суть едино. И три свидетельствуют на земле: дух, вода и кровь; и сии три об одном. И еще много подобного есть в Евангелии и в Писаниях святых Апостолов Христовых.

И все, что написано и передано Святой Церкви Божией во спасение людей, свидетельствует единодушно, что Святая Троица есть Единый и Единственный Бог... Один Бог, одна Любовь, одна мысль, одна воля, одно действие. Из вечности в вечность. Как же это несопоставимо отличается от всех верований!

В истории мира только Бог христианский – Бог безымянный. Единственное имя Его – Отец. Никакого другого имени Его Новый Завет не упоминает. Как же это чудесно! И зачем нам другое имя?

Он хочет, чтобы мы были Его детьми. В Новом Завете, в Завете родства и Любви, Бог не именуется иначе как Отец. Вечный Отец, вечный Сын и вечный Дух Святой. Одна жизнь и один источник жизни...

В индийских Ведах есть и такое страшное учение: «Истина и ложь относительны, и обе необходимы как составные части иллюзии» (Пранова Веда, 1,24). Действительно страшно!.. Ложь стоит рядом с истиной и зло царит наряду с добром. Но и одно, и другое – иллюзия!

Встань... и перекрестись. Помяни Отца и Сына, и Святого Духа, Троицу Единосущную, Нераздельную и Животворящую, Бога Истины и Света, к Которому ни наималейшая ложь не смеет приблизиться... (Бога, в Котором нет никакой тьмы).

Молитва Святому Духу

Бог – Утешитель, Дух мира, Дух любви, Дух сладости, Дух радости, Дух счастья, Дух блаженства, Бог всех любящих Его, Бог – Свет и Светодатель, Тебя просим, Тебя молим, к Тебе припадаем: Прииди, прииди, прииди и к нам, смиренным. Пошли один луч на рабов Твоих и помоги им, и просвети их, и научи их, чтобы и они стали избранными Твоими сосудами, дабы и они унаследовали вечные блага, которые уготовала отеческая Твоя Любовь. Аминь.⁶²

Батюшка Иоанн Кронштадтский

С тех приснопамятных времен, когда у нас жила матушка, сохранилась ксерокопия книги святого праведного Иоанна Кронштадтского «Мысли о богослужении Православной Церкви»⁶³. Мы с матушкой с воодушевлением перечитывали эти страницы.

О, святая невеста Христова, мать наша, Церковь Божия! Ты день и ночь носишь в матерней груди твоей чад своих всех, начиная с иерарха до клирика и простолюдина, с Царя до воина и простого подданного. Ты о всех печешься и болезнуешь – о всяких благах ходатайствуешь: о благорастворении воздухов, изобилии плодов земных, о избавлении от скорби, гнева, нужды, о заступлении, спасении, помиловании и **сохранении благодатию**. А как пламенно молится она о упокоении умерших людей; каким упованием, дерзновением проникнуты ее молитвы, ектении, возгласы священнические, отпусты при молениях за умерших! Как это терзает утробу врагов наших бесплотных!

Литургия есть наглядное изображение... рождения, жизни, учения, заповедей, чудес и пророчеств, страданий, распятия на кресте, смерти, воскресения и вознесения на небо Господа Иисуса Христа. Во время Литургии Он Сам невидимо присутствует, Сам действует и все совершает через священника и дьякона, которые только орудия Его.

Некоторые мои тайные моления (при совершении Литургии). После Херувимской песни и поставления Божественных Даров на святой Трапезе, а также по тайном чтении тропарей, относящихся к снятию со Креста и положению во гроб Пречистаго Тела Господня, я прибавляю от себя в конце молитвы начинающейся словами: *Господи Боже Вседержителю* – следующие слова, в таком сочетании: «...сподоби нас обрести благодать пред Тобою, еже быти Тебе благоприятней жертве нашей и вселитися Духу благодати Твоя благому в нас, и на подлежащих дарех сих; на всех разсадницах юношеских и отроческих, духовных и мирских, мужских и женских, градских и

сельских, и на всем неучащемся юношестве – на всех разсадницах духовных – монашеских – мужских и женских, – на нищих людях Твоих, вдовицах, сирых и убогих, – на пострадавших от запаления огненного, наводнения, бури и труса – от недорода хлеба и глада – на всех заповедавших мне недостойному молиться о них и на всех людех Твоих: яко вси – Твои суть; Ты бо создал еси их – по образу и по подобию Твоему; Ты возродил еси их водою и Духом; Ты – благодать сыноположения даровал еси им; Ты залог духа в сердца их дал еси, егоже ничтоже есть дражае, освятительнее, утвердительнее, совершительнее; Ты питаешь их Плотию и Кровию Сына Твоего, ихже ничтоже есть сладостнее; Ты подаеши им вся благая Твоя, по естеству и по благодати имже несть числа; присвой убо всех нас – Тебе, отчуждаемых грехом и врагом борющим нас, и да никто же от нас – будет стяжание и брашно чуждему! Сам нас ущедри, – Отче щедрот и Боже всякаго утешения».

После Евхаристийного возгласа: *благодарим Господа!* читается молитва: *Достойно и праведно Тя пети* и прочее. При тайном чтении этой молитвы, после слов: *Ты, – от небытия в бытие нас привел еси:* – я прибавляю (для усиления благодарного чувства слова): «в разумное бытие и по душе бессмертное»; после слов: *падших нас возставил еси паки* – прибавляю: «и стократно на кийждо день возставляеши согрешающих и кающихся»; – после слов: *дбндеже нас на небо возвел еси и Царство даровал еси будущее,* – прибавляю тайно: «Ты и в самом причащении нашем Животворящих Твоих Таин уже возводишь нас на небо: ибо где Ты, – там небо и небо небесе, и даровав Себя Самого верным, Ты вместе с Собою уже даруеши и Царство Небесное, Царство будущее, в залоге Пречистаго Тела и Крови Твоей». При чтении молитвы: *С сими блаженными Силами...* при словах: *Сам Себе предаеше за Мирский живот* – прибавляю от себя для усугубления чувств благодарности и умиления слова: *паче же всех за меня грешного, да избавлюсь смертоостнаго греха и да живу – во веки*».

Матушка говорила: «Как молился батюшка Иоанн! Кронштадтский собор вмещал тысячи людей. Записок на Литургии всегда было столько, что они горой покрывали Престол, никаких человеческих сил не было их перечитать. И отец Иоанн падал перед Престолом на колени, крестообразно сложенными руками покрывал этот ворох, склонял на руки свою голову – и взывал – всем сердцем, всем своим существом – вопиял ко Господу о помиловании этих душ. Сколько слез, зримых одними Ангелами... орошали эти записки. Батюшка не вставал с колен, пока не получал явственное – удостоверение от Господа, что Он услышал эту мольбу – о каждом упомянутом среди тысяч имен... У отца Иоанна – были живые – настоящие отношения с Богом!»

Воспоминания об отце Иоанне Кронштадском⁶⁴

...О личной святости отца Иоанна. Он по настроению и жизни был человек праведный, чего достиг путем глубокого внимания к себе, непрерывным очищением своего сердца от всякой скверны плоти и духа... Всякое недоброе чувство, всякий дурной помысел непременно сопровождался у него – сокрушением и взыванием ко Господу о прощении и помиловании. И за такое вольное и постоянное исповедание Спаситель обвеселял сердце великого пастыря, исполнял его миром, утешением, или, как выражался сам батюшка, **«пространством»**, вследствие чего господствующим состоянием отца Иоанна была бодрость духа и постоянная свежесть физических сил. Узнав на опыте, какое великое значение имеет тайное покаяние в деле нравственного созидания, он и другим, ревнующим о благочестии, советовал прибегать к тому же.

Иногда одолевала отца Иоанна туга душевная, как он сам объяснял, вследствие отхода благодати Божией, но он тогда не ослабевал духом, а продолжал бодрствовать и молиться так: «Ты, Господи, оставляешь меня за грехи, но я не отоюду от Тебя, а всегда буду вопить о помиловании»...

К приносимым деньгам и подаркам отец Иоанн относился безразлично, ...скоро передавая другим... Отец Иоанн не любил оставаться в долгу у кого бы то ни было, а в особенности у тех, кто ему оказывал услуги... Батюшка стремился всегда иметь святое, серьезное отношение к Богу и близким. Мы часто поверхностно рассуждаем о предметах веры, а к людям бываем неискренни и недоброжелательны; Кронштадтский же светильник горел духом ко Господу, а в человеке видел образ Его, и потому каждого ценил, уважал и любил...

«В скором времени нравы чрезвычайно развратятся, – говорил он, – верьте, что Второе Пришествие Господа Иисуса Христа со славою – при дверях...»

Отец Иоанн восхвалял простоту, указывая на то, что Сам Господь есть Простое Существо. Вера, трудолюбие,

обходительность, смирение, незлобие, тихость, покорность, послушание – все это, пояснял батюшка, возрастает на почве простой души.

Он во всем добивался совершенства. Так, признавал только сердечную глубокую молитву, а поспешную и рассеянную считал одним лишь воздыханием. Придавал значение каждому своему слову, потому никогда не говорил ничего лишнего. Человеческая речь, объяснял великий пастырь, есть образ слова Божия, и как таковая она должна быть свята и справедлива. Отсюда не должно быть противоречия между словом и делом: что сказано и обещано, то и следует исполнять...

В предсмертные дни батюшка иногда стонал, что свидетельствовало о его тяжких страданиях, от всяких лекарств отказывался и пил только святую воду из источника Преподобного Серафима Саровского...

Один из священников, присутствовавший при погребении отца Иоанна, написал: «Когда я, едва пробираясь через несметную толпу народа, подошел ко гробу батюшки, то моему сердцу передалось сразу чувство, что здесь молятся не об умершем, а у раки уже прославленного угодника Божия, так как храм оглашался воплями и стонами людей, просивших всевозможной помощи у почившего. Еще в большей степени пережил я это во время погребения...»

Неизданный дневник

4 апреля, среда, 5-я нед.... Молю Господа простить мне вечернее ядение сладкого блюда, которое было для меня нравственно (а не физически) вредно, именно как сладкое и очень угодное для плоти многострастной.

26 июня. После Литургии. Благодарю всем сердцем Господа моего за принятие моей покаянной теплой молитвы о помиловании меня и исцелении лютой язвы сердца моего, поразившей его за имеющуюся неприязнь к рабе Божией... – за то, что она становится в храме впереди всех (я ее тайно уничтожил и подверг лицепритию – ведь другим лицам я этого не сделал). Господь исцелил язву мою сердечную и помиловал меня, расположив сердце мое к любви, к миру и уважению ее вместе с другими и дав мне в мире совершить Литургию. (Это было во время обедни пред Херувимской.)

28 марта. Благодарю Господа, неоднократно спасавшего меня от грехов моих, от гневных и неприязненных движений сердца моего окаянного после тайных молитв покаяния в экипаже, в обители и в келье моей. Глубоко я сознавал и чувствовал в сердце свои грехи и обличал, укорял, осуждал себя и молил Господа Милосердием Его безмерным простить грехи мои, излечить сердце мое добрым изменением, умиротворить, очистить, обновить, растворить его благодатью Духа Святаго – и я не посрамился во все разы, сколько ни призывал имя Господне в покаянии нелицемерном. Слава Господу, в Милости непобедимому. 10 часов вечера.

19 августа. Ивановский монастырь. ...Вследствие излишества в пище и сладкопитании (стакан чаю сладкого с сухими кренделями на пароходе «Любезный») и сна на пароходе я удобно подвергся искушению раздражения на ездившую со мной Веру Ив. – за то, что она возила меня по очень грязным квартирам, где я испытал сильное стеснение от народа. Это – раз, другой – за то, что она очень далеко повезла, почти к Воронцовскому подворью, к сыну Е. И. В.; тут я крепко рассердился на то, что она не назвала улицы, куда везет. Но я

покаялся всем сердцем в своем нетерпении и своенравии, обвинил себя самого, а В. И. оправдал как кроткую и смиренную. Да, я нарушил главизну Закона Божия – любовь к ближнему. Безмерно Милостивый Господь помиловал меня от скорби и тесноты, дал мир, исцеление и дерзновение. То же было и в обители моей, где Господь принял мое покаяние, дал мир и избавил от скорби...

Как нужно жалеть род христианский и нехристианский, страдающий волею и неволею, ведением и неведением от диавольского насилия и прелести.

5 сентября. После Литургии... Благодарю Тебя, Господи, за совершенную в умилении сердца Литургию и за прочтенную искренно и громко молитву о победе над врагами, и за одоление благодатию Твоею искушений, во время обеда и после него бывших.

26 сентября. Господь явил во мне сегодня во время Литургии безмерную силу Своей Благодати и такую же крепость благоутробного Милосердия Своего за веру и тайное покаяние мое. Особенно сильно было и быстро, как молния, искушение на великом входе со Святыми Дарами, когда враг приразился к сердцу моему острою неприязнью к жене NN, да и к нему самому, за то, что она стала за решетку на солее, куда запрещено было всем становиться. Но быстрым втайне покаянием и самоосуждением я привлек Милость и помощь Божию и мир душевный и всю остальную часть Литургии служил мирно, благодатно, причастился так же...

17 мая. Благодарю Господа, внявшего вчера (16 мая) при служении Литургии молитве моей тайной и даровавшего мне вместо тесноты простор и мир сердечный со служением покойным и умиленным. Благодарю Господа, умирившего сердце мое, смущенное клеветой писак «Санкт-Петербургского Листка». Слава, Господи, всегдашнему благопослушеству Твоему к моим молитвам... *Мне же да не будет хвалиться токмо о Кресте Господа нашего Иисуса Христа: им же мне мир распяся, и аз миру (Гал.6:14).* Распят ли я миру?

20 мая.... Я сильно искусился через нищих мальчиков (лет девяти – десяти), неотступно преследовавших мою карету и

просивших подачку. Я рассердился, озлобился на них за вторичное прошение (им дано было по рублю, хотя не всем), и меня оставила благодать Божия, я впал в сильную скорбь и тесноту сердца при воспламенении от адской злобы и с трудом умолил Господа, да простит мне грех неприязни, жестокосердия, скупости и сребролюбия, и только в вагоне при настойчивой тайной молитве покаяния сподобился прощения грехов моих и мира и простора сердечного. Не попусти, Боже, впредь доходить до подобного состояния душевного и научи меня всегда жалеть нищих и сострадать им, ибо рука моя доселе не оскудела от подаяния.

Сегодня 25 мая. ...Тяжкий нравственный вред я причинил себе 2-го мая (в воскресенье), без нужды поев яичницы с черным хлебом и ухи из свежего налима весьма мало; тягота на сердце и пустота была всю ночь, и не мог я покойно спать. Благодать Божия оставила меня, грешного, за чревоугодие и алчность. Впредь не ужинать никогда. Как легко бывает на душе, когда желудок пуст.

В 12 часов ночи (на 23-е мая). ...Благодарю Господа, избавившего меня во время Литургии верных от смущения и тесноты, возникших в душе при виде дыма от задуваемых ветром свечей на Престоле, коптивших, как казалось, митру на мне (пожалел, значит, чтобы не закоптилась – тщеславие и суетность в такие минуты!). Но Господь послал в мое сердце истину Свою и благодать Свою, и я одолел мечту врага, смущавшего меня пристрастием к тлену и праху...

В другой раз Господь избавил меня от большого смущения, скорби и тесноты, постигших меня, когда мне доложили о большой сумме, данной одному человеку за сопутствие мне, которое я ценил гораздо менее, и я, было, к нему охладел... Но успокоился благодатию Божиею и неприязнь преложил на приязнь к нему...

28 мая. Суббота по Вознесении. ...Утром встал здоровым. Но на душе и в теле было сильное уныние, помолился довольно лениво. Пришедши в церковь, ощущал сонное уныние и неприязнь невольную ко встречающимся по дороге и в храме. Тайно помолился Богу о моей перемене сердца, о даровании

кротости, смирения, любви и сердечном расположении ко всем, и Господь дивно изменил состояние духа, дав спокойствие и незлобие, совершенно к лучшему изменил мой внутренний мир...

18-е июня. Один день я остался без службы Божией и почувствовал в себе оскудение духовной жизни, оскудение благодати, присутствие греховной силы, и нужна была немалая борьба с греховными усиливающимися влечениями. Служба и Причастие Святых Таин обновили мое существо, и я воспрянул, как от сна. Слава Богу! *Аще не снете Плоти Сына Человеческого, ни пиете Крове Его, живота не имате в себе (Ин.6:53).* Истинно слово Владыки и Бога моего.

Святой праведный Иоанн Кронштадтский был великим пророком. Все его пророчества сбылись. «...Царь у нас праведной и благочестивой жизни, Богом послан Ему тяжелый крест страданий, как Своему Избраннику и любимому чаду... Бедное Отечество! Чем мы станем, россияне, – без Царя? Враги наши скоро постараются уничтожить и самое имя России. Так как носителем и хранителем России после Бога есть Государь... Царь самодержавный. Без Него Россия – не Россия... Царство Русское колеблется, шатается, близко к падению... Если не будет покаяния у русского народа, конец мира близок. Бог... пошлет бич в лице нечестивых, жестоких, самозванных правителей, которые зальют всю землю кровью и слезами... Нам необходимо нравственное всеобщее очищение, глубокое всенародное покаяние, перемена нравов языческих на христианские; очистимся, омоемся слезами покаяния, примиримся с Богом, и Он примирится с нами!.. Бедное Отечество, когда-то ты будешь благоденствовать?! Только тогда, когда будешь держаться всем сердцем Бога, Церкви, любви к Царю и Отечеству и чистоты нравов».

«Мы не обязаны друг другу ничем – кроме любви»⁶⁵

Воспоминания о иеромонахе Владимире (Шикине)

Склоняюсь перед памятью незабвенного батюшки и не верю, что его уже нет рядом с нами на земле († 23.03.2000 г). Но не может уйти в небытие тот, кто так любил Христа, и преданно, как можно любить только **ради Него**, – всякого

человека. И служил каждому, как верный слуга, помня редко исполняемую заповедь: *...кто из вас больше, будь как меньший, и начальствующий, как служащий, ведь Я посреди вас, как служащий*, – говорит Господь. (Лк.22:26–27). Не может быть лишен духовного слышания тот, кто отзывался на чужую боль, вблизи и на расстоянии – без рассказов о ней...

Отец Владимир относился к числу священников, отдающих главное время и силы основе нашего спасения – покаянию людей. Всенародное покаяние, по сей день неосуществленное, – единая и последняя надежда для продления жизни России. Он касался глубинных струн сердечных, оживлял бесчувственную совесть, реанимировал души. Начиная плакать о попоранном образе Божиим, прежде чем стоящий перед Крестом и Евангелием становился способен действительно предстать перед ними – увидеть грехи свои. И через минуту или сразу же – начинал плакать сам исповедующийся. Потому что истинная скорбь о грехах чужих, дарованная **зрением своих**, – чудотворная сила, передающаяся во мгновение, как пламя одной свечи – другой.

Этот человек, возвращавший ежедневно к жизни, никем, кроме Бога, не сосчитанные, сотни и сотни людей, нередко способных плыть уже только по течению⁶⁶, – не только жив, но жив особенным, цельбоносным для нашего времени образом. Ибо о нас сказано: *И, по причине умножения беззакония, во многих охладеет любовь* (Мф.24:12). *Где мала любовь, там мала и вера в Бога и в бессмертие души. Где нет любви, там полный мрак неверия, а это значит – ад* (Святитель Иустин Сербский). Прежде чем завершить сатанинский проект по уничтожению Православия на земле, нужно затянуть душу народа ледяной корой бессердечия, чтобы лишить нас главных черт, присущих России и русским: способности сострадать – болеть чужой болью, радоваться не только своей радостью, любить, забывая себя, разлюбив себя. Батюшка не только сам приобрел эти Небесные черты, он дарил стремление к их обретению другим людям, возвращая теплохладным христианам видение их порочного, внешнего благочестия... Погружаясь в смрадные, тинные воды нераскаянных грехов, мы

теряем все дары Божии, начиная с радости. Забываем свое предназначение: воздавать, пусть немощною любовью, – за всеобъемлющую, бесконечно снисходящую, без числа прощающую Любовь Божию, – единую заповедь, на которой созиждется весь Закон и пророки...

За полтора года до конца жизни отца Владимира в его доме единовременно замироточило множество – их никто не считал – икон и фотографий... С благоговейным страхом смотрела на след от скатившейся капли-слезы на лице архимандрита Сергия (Сребрянского), духовника Марфо-Мариинской Обители Милосердия: на черно-белом снимке глубоко чтимого отцом Владимиром святого, как у живого человека, глаз наполнялся новой слезой. (Отношения отца Владимира с Небесной Марфо-Мариинской Обителью – были особенно близкими. Батюшка, кроме частицы святых мощей Преподобного Серафима, носил на своей груди ладанку с мощами Великой Княгини Елисаветы, на которой был изображен Ее пречистый лик.) В эти минуты батюшка тихо, с большой духовной силой произнес, не отрывая взора от другого мироточащего портрета: «Мой любимый пастырь – отец Алексей Мечев. Когда я еще не предполагал стать иереем, думал: «Если быть священником – нужно быть **таким** священником». Незабываемо ощущение Неба, склонившегося над этой кельей, кротко и пристально внимающего всему, что здесь происходит...

Низкий поклон Тебе, Господи, за то, что батюшка был, есть, будет всегда – с нами. Безмерно благодарим, ибо успением Ты сделал его – приобретением, достоянием всех..

Если бы мне было предложено в двух словах сказать об отце Владимире, вспомнила бы его напутствие приехавшему к нему семинаристу, будущему священнику: «Во-первых, неотступно проси у Господа – любви к Нему и ко всем людям»... Думаю, что отец Владимир сам неустанно припадал к Господу с просьбой об этой милости. Был услышан. И получил небесный дар: любовь к своему Творцу и глубоко невнешнюю, сострадающую, болезнующую любовь – к человеку. В том числе ничтожному, незаметному, на которого, так сказать, никто взгляда не кинет, – **любому**. Живя сегодня в донельзя

искаженном, противоестественном мире, мы замечаем, как нам не хватает сил на любовь к самым близким, дорогим, не говоря уже «о всех». Тем дороже увидеть своими глазами человека, который обладал этой нечастой во все времена способностью...

Рассказ Валентины: «Удивительный человек отец Владимир. Для **каждого** – секунду находил. Нас же тысячи! И на всех его хватало. Это случилось на моих глазах. Одна бабулька поставила на дороге сумку. То ли к нему торопилась: батюшка не благословлял людей завешенных сумками, сам освобождал им руки, наверное, чтобы рассвободить сердце. А ведь торопится, со всеми говорит, смотрит в глаза. Он эту сумку не заметил, запутался в ней, еле удержался на ногах. Все-таки выскочил. Пробежал по инерции несколько шагов, застопорился и – назад. Наклонился и из своей сумки в ее котомку банку консервов, хлеб, третье, пятое... Я не выдержала, на старую напустилась: «Ты что себе думаешь? Он же мог убиться из-за твоей дурацкой сумки!» А он эту старушку обхватил руками за головку, поцеловал в темечко, и уж след его простыл».

Одна раба Божия приняла монашество незадолго до смерти. Глубоко переживая свое недостойнство перед лицом великой милости Божией, ощущала приближение конца и думала, что Господу своему уже не послужит, ей нечем Его отблагодарить, и была очень угнетена. Отец Владимир пришел к ней в первый раз после пострига. И слышит от родственников: «Батюшка, Вы спросите, как ее зовут, она и разговаривать с нами перестала. Мы расстраиваемся: она Вам-то ответит, как полагается». И батюшка торжественным славянским слогом спросил о ее новом имени. Она испуганно на него посмотрела и робко, почти по складам, произнесла; «Не-до-стой-ная мо-на-хи-ня Ели-са-вета». А батюшка: «Я люблю тебя за это!» Матушка после этих слов пришла в себя, осознала, что дорога Богу и в своей крайней немощи. Через батюшкино сердце восприняла сострадание к себе – Самого Господа. Для Него пребывающее в болезни и скорби дитя становится еще ближе. Как важно, чтобы именно в последние дни жизни – сугубо боримая дьяволом душа устояла, не утратила правильного духовного устройства. Матушка раскрепостилась, стряхнула

оковы ложных переживаний, хорошо исповедалась, с умилением причастилась...

Упомянутые эпизоды – лишь несколько обычных батюшкиных минут. Но нельзя не заметить, сколько отец Владимир успевал за самое короткое время: помочь, поднять дух, подарить желание стать лучше несосчитанному количеству людей. И все мгновенно: улыбкой, словом, беззвучной мольбой – посев, неустанный труд на ниве Господней, «во еже добродетели семена сеяти». Словно он ощущал краткость своей и общей жизни и сокровенную скорбь Спасителя: *Посмотрите на нивы, как они побелели и готовы к жатве. Жатвы много, а делателей мало...*

Раба Божия Алевтина: «Хотя батюшка это скрывал, но было ясно, что он ежедневно совершал множество земных поклонов. Отец Владимир очень ревниво хранил свои келейные тайны. Только какие-то случайные слова его выдавали. Как-то он сказал одному духовному чаду: «Современные христиане недооценивают поклоны. Как-то в голодные 30-е годы мать учила в деревне дочь прясть пряжу. У пятилетней девочки ничего не получалось. Каждую минуту веретено на пол и катится в дальний угол. Уже и накричали на нее... Вдруг она после десятой попытки оставила все и – ко святому углу. И начала поклоны класть. Шепчет, шепчет и лобиком до земли. Наверное, полчаса молилась с поклонами. Вернулась к веретену, работа пошла как у опытной пряжи. И наработала она в эту зиму больше взрослых... Не пренебрегай поклонами».

Раб Божий Алексей (Москва): «Впервые привез своего институтского друга в Дивеево в тяжелом духовном состоянии. Кроме обыкновенной греховной распущенности, было в нем какое-то особенное противление Богу. Постоянно приходилось останавливать поток его едких высказываний на предмет Церкви. Он страдал периодами глубокой депрессии, переходившей в запой. Кое-кто советовал ему психиатрическую больницу. Несколько лет уговаривал его поехать к батюшке. Но решился он на это, только когда, по моей просьбе, отец Владимир две-три недели стал молиться о нем, о чем он, конечно, не знал. И вот мы у батюшки дома. Он встретил нас,

по обыкновению, очень приветливо, с отеческой лаской. Мой В. в ответ становится все более хмурым, почти откровенно грубым. Отец Владимир с улыбкой просит меня оставить их в келье вдвоем. В. тут же рванулся вслед за мной. Батюшка сумел его удержать, конечно, не физической силой. Ждал я под дверями кельи около полутора часов. Его было трудно узнать, когда он вышел. Лицо измученное, какое-то воспаленное, нелегко ему все это далось, и одновременно – это был уже другой человек. Не смел его расспрашивать, молчали всю обратную дорогу. Единственная фраза, которая прозвучала в тот вечер, меня поразила: “Я попросил батюшку отчитать меня”. И только месяц-полтора спустя, он рассказал мне о части разговора с отцом Владимиром.

Много я от него услышал, чего не забывают. Он спросил, знаю ли я, как умирал Вольтер, прославившийся изощренной хулой на Бога? Он кричал, корчился от боли. Впервые призывал Того, Кого отвергал всю жизнь. Перед смертью он заклинал врача, предлагая стоимость половины имущества, продлить ему жизнь, хотя бы на несколько дней: если этого не будет, я пойду в ад и прихвачу вас с собой! Получив отрицательный ответ, он умолял немедленно позвать ему священника. Но его друзья, такие же словоблудники, как он сам, сделали все, чтобы этого не произошло. Он кричал с искаженным ужасом лицом: я покинут Богом и людьми. Ад – отверзается! – и призывал имя Христа, понимая, что Он – Единый Спасающий... «Когда человек приближается к смерти, – сказал мне батюшка, – он выходит на новый уровень восприятия. Получает способность воспринимать мир невидимый. Множество уходявших на моих руках людей страдали от видения бесов. Они получают власть над каждой душой, не принесшей покаяния Господу в своих грехах. Один Бог силен изменить уготованное нам по нашим делам».

Не менее люта участь другого «гения». Почти ничего невозможно прочесть о последних днях Льва Толстого, дерзнувшего свой кощунственный апокриф именовать «Евангелием». Сколько, в том числе незаурядных людей, было им прельщено. Существуют письма писателя к своей сестре, монахине, где он с неприкрытым отчаянием пишет, что во сне и

наяву его окружают гигантские чудовища. Их омерзительность не поддается описанию, они издеваются над ним. Имеют над ним полную власть... В ответном письме сестра умоляла брата принести немедленное покаяние Богу. Побег Толстого из Ясной поляны накануне смерти был попыткой найти защиту в Оптиной Пустыни. Но поздно... Бог не принимает крика о помощи, если он не основан на глубоком раскаянии о содеянном, а только на ужасе перед преисподней. Известное видение в день смерти Толстого: его душа с развивающейся бородой была с воплями влекома над озером толпой ликующих бесов... Батюшка рассказывал все это так, что я впервые в жизни осознал, что ад – существует. Он буквально начал разверзаться под моими ногами... Отвернувшись к окну, не упоминая, что говорит обо мне, батюшка рассказал два эпизода из моей собственной жизни, которые не могли быть никому известны, кроме меня... Выразить все, что я там пережил – невозможно... Ничем я этого, Господи, не заслужил...” Теперь мой друг постоянно посещает церковь, исповедуется и причащается».

...Встречаясь с плохим к Себе отношением, (Христос) был в высшей степени терпелив и мягок. Он не возмущался злом. Он не боролся за Свои права! Он без жалоб переносил несправедливость и даже оскорбления. Люди думают, что мягкость и терпение по отношению к несправедливости – это знак слабости. Нет, это означает силу. Это то, к чему должны стремиться христиане в жизни личной.

...Враги у него (у Государя), разумеется, были, как у всякого сильного человека, живущего полной жизнью. Нельзя вести насыщенную жизнь, много работать и не возбуждать при этом в большей или меньшей степени зависть, неприятие, клевету, презрение, вражду... (Из дневников Государыни Александры Феодоровны).

Оставляло неизгладимое впечатление то, с каким терпением и благожелательностью воспринимал отец Владимир прямые нападения на себя сил зла. Глядя на него, приходили на память слова Паисия Афонского: «Те, кто терпит без вины, могут стать самыми любимыми чадами Божиими».

Вспомнила при одном таком эпизоде рассказ матушки Надежды о своей духовной сестре Евфросинии, монахине Любви, – угоднице Божией, которая постоянно подвергалась насмешкам и клевете: «Матушка, очень тяжело пребывать в таких напастях. Как матушка Любовь относилась к своим недоброжелателям?» – спрашивала я. «Как?! Да – никак. Вернее, очень хорошо относилась. Как к самым лучшим друзьям. Без числа делала для них доброе. По заповеди. Ведь нам положено воздавать добром за зло».

Отец Владимир вспоминал, как святой Онуфрий, великий подвижник IV века, в день своей памяти сопровождал в веке XX юную Евфросинию по аду и Раю. Стоя перед Небесным приютом Марфы и Марии, она благоговейно наблюдала, как Великая Княгиня Елисавета с духовником Обители протоиереем Митрофаном (Сребрянским) с глубоким состраданием служили физическим и духовным немощам людей. Здесь, в Царствии Небесном, деревенская девочка, понятия не имеющая о столичной жизни, впервые увидела своих будущих духовных родителей, Которые благословили ее поступить в земную Обитель Милосердия. Стоя перед святой Обителью, Преподобный предлагает и ей исполнять одну из главных заповедей Неба: *«Люби всех – равно»*.

Каждый знает по опыту, как непомерен, кажется, невозможен для осуществления в нашей жизни этот завет. Но и сегодня есть люди, приближающиеся к его исполнению. Для меня один из них – отец Владимир.

«Храни в сердце – печаль»⁶⁷

Духовная дочь отца Владимира Ксения: «Батюшка серьезно относился к хорошей духовной поэзии. Первыми поэтами ушедшего века считал Сергея Бехтеева и Александра Солодовникова. Чтил и малоизвестных мастеров слова. С большим теплом отзывался о Леониде Васильевиче Сидорове. Никогда не забуду батюшкино неординарное чтение:

Никогда-никогда себялюбцем не будь:
За себя помолясь, ты других не забудь.
Помолись и о тех, что больные лежат,
Что томятся в жару, ночью темной не спят.
И о том, кто молчит, и никем здесь не стал,
И о том, кто скорбит, и о том, кто устал,
И о том, кто не ждет ни добра, ни тепла,
Кого горе гнетет, кто погиб весь от зла.
И о том, кто убит, и о том, кто убил,
Чтоб Господь воскресил, чтоб Господь все – простил.
И о том, кто далек ото всех уже глаз,
И о том, кто горит, и о том, кто угас.
И о том, кто всю жизнь здесь напрасно любил,
И о том, кто в тоске себя жизни лишил,
И о том, кто тебя здесь когда-то ласкал,
И молясь, и любя только блага желал,
Помолись и о тех, от земли что ушли,
Вспомни с нежностью их, им привет свой пошли.
И тоска убежит от души твоей прочь,
И светла для тебя станет темная ночь,
Будет светом полна, будет утром она.
В старость юность придет, придет в осень весна.

Эти стихи отец Владимир читал толпе исповедников в Троицком соборе. И становилось ясно, какой должна быть наша молитва: живой, искренней – всем существом. И, увы, такой она почти никогда не является. И это большой грех. «Ведь мы не разговариваем холодно, мертвенно, безучастно с теми, кто нас любит? – говорил батюшка. – Самые наши тяжелые грехи перед

теми, кому мы особенно важны и дороги: матерью, отцом, мужем, женой, детьми... Оцениваем ли мы величину своей вины – перед Лицом Любви Отца нашего Небесного? Вот мы удостоились попасть на прием к земному владыке – от которого зависит решение наших земных проблем. Будем ли мы стоять перед ним зевая, вертя головой, разглядывая предметы обстановки? Да мы все забудем – одна мысль, как умиловать владыку. Но Господь, Который так нетрудно удостоивает нас общения с Собой – Творец Вселенной – Владыка душ и жизней. От Него зависят наши жизнь и смерть, наша участь – в Вечности. Как смеем мы разговаривать с Ним – небрежно?! Прости, Милостивый Господи!!!» – с горем восклицал батюшка. И эхом – отзывалась толпа людей, впервые переживающих эти чувства, эту батюшину и свою боль за охладевшие под воздействием хладного диавола – наши души, созданные глубокими, трепетными, светлыми, любящими! «Наша молитва должна являть собой человеколюбие, потому что Имя Христа – Человеколюбец. Покаяемся, вспомним, что Господь не слышит молитву непрощающего, зложелающего. Таковой навлекает на себя только гнев Божий. Нужно стремглав бежать на исповедь человеку – ненавидящему, презирающему, осуждающему, чтобы слезами покаяния затушить пламя объявшего нас зла. Иначе нас ждет страшное»...

Леонид Васильевич уже в старости рассказал близким сон пятилетнего детства: «Вижу себя сидящим на холме из глины, что-то из нее леплю. Вдруг передо мной появляется Спаситель в белом хитоне (как на образе у Илии Обыденного) и говорит: “Пойдем со Мной”. Отвечаю: “Не могу – прилип к глине”. Он протягивает мне руку, отрывает от земли, и мы идем. А потом вместе рисуем. Моя рука в Его руке. И все изумительно получается: рощица, болотце, дубочки, – неописуемая красота. И тут я говорю: “Господи, а теперь – я хочу сам рисовать”. – “Ну, что ж – попробуй”. И я начинаю рисовать сам. Но, о, ужас! – под кистью одна грязь, какие-то каракули. И я в горе: “Господи, но у меня же ничего не получается!” – “Да нет, что-то, получается”, – говорит Христос и снова берет мою руку в Свою. И вдруг –

стряхивает кисточку. И на моей слякоти и грязи внезапно расцветают – голубые незабудки». Этот сон был прообразом всей жизни Леонида Васильевича. Жизни одинокой, грустной, лишенной понимания. Даже самый близкий ему человек, родная сестра, не воспринимала и не ценила его стихи. Это был путь поисков и утрат, но неизменно вера во Христа и Богом дарованное творчество – были его поддержкой и утешением. Отец Владимир говорил: «Мы нередко удивляемся, что же это у нас так нескладно, так худо все получается. Но это потому, что мы не заметили, как выпустили из своей руки, а нередко тяжелым грехом – вырвали свою руку из любящей, бережно ведущей руки промысла Божия. Скорее хватайтесь за Божию руку – припадите к ней – слезным покаянием. И все еще наладится!» Много раз я слышала батюшкино к разным и многим людям напутствие, в повторение слов, которые произносил своим чадам архимандрит Сергей (Сребрянский): «Крепко держись за руку Божию!»

Незабудка

Ты все еще та же,
былая,
Ты цветешь еще,
ты не завяла,
Незабудка моя голубая,
Голубой цветок идеала.
Без товарищей тесного круга
Шел один я средь жизни ненастья,
Без отрады и ласки, без друга,
Без надежды на жизнь и на счастье.
И порой становилось жутко,
И любовь меня здесь не встречала,
И цвела только ты, Незабудка,
Голубой цветок идеала.
Шли годы, тяжелые годы,
Подозренья, лишенья, мученья,
Но ты в сердце, цветок свободы,
Голубой цветок вдохновенья!
Жизнь была не игрушкой, не шуткой,

И душа в ней счастливой не стала.
И осталась лишь ты, Незабудка,
Голубой цветок идеала.

Однажды Леонид Васильевич шел по дорожке парка. Он всегда сочинял стихи на ходу. Вдруг перед ним появилась мышка. «Подожди немножко, дай на тебя посмотреть», – сказал он. Та послушно остановилась. Он полюбовался на нее: «Ну, теперь беги!» И мышка убежала. В другой раз Леонид Васильевич занозил руку до крови. Он стоял в растерянности на тропинке парка, неожиданно к нему по веткам приблизилась белочка, спрыгнула на дорожку, взобралась по одежде к его рукам. Он протянул ей раненую ладонь. И белочка аккуратно, зубками, вытащила занозу. Молодой человек, присутствовавший при этом рассказе, воскликнул: «Ну, это же просто состояние первозданного Адама!»

Помню, как отец Владимир предложил своей девятилетней дочери прочесть нам стихотворение Леонида Васильевича «Кукла». Это был рассказ о том, как девочка разбила любимую игрушку и в горе жаловалась маме, сжимая руками осколки. Вскоре ей купили новый подарок. Кукла была роскошной: «Голубые глаза, и как лен волоса, платье – чистый атлас!..» Но недолгой была радость. Даже мама не сразу понимает свою девочку: неужели красавица-кукла не дала позабыть ей «дурнушку», которую она разбила?

Не могу позабыть, в сердце буду носить
О ней долго печаль. Как мне бедную жаль!
Не заменит ее дорогая.
Что ж, что в ней красота! Но она ведь – *не та*,
Ведь не та, ведь не та – а другая...
Вот великий урок, кто понять только смог
Среди нашего дружного круга:
Ценность вовсе не в том – кто в богатстве большом?
Ценность в личности каждого друга.
Не сменить, не купить, не другой заменить
Эту личность, друзья, невозможно.
И с ребенком святым, и со старцем седым
Обращайтесь всегда осторожно...

Думаю о том, насколько эти слова соответствовали пониманию отца Владимира. Батюшка ценил и чтит, как одну единственную во вселенной, – **каждую душу**. Иногда думала: возможно, вот этот человек никогда бы не сумел разглядеть сокровенную свою красоту, если бы не уникальная способность отца Владимира – любить всех, без различия... Он глубоко чувствовал и тонко отзывался на неброское и благородное самой скромной души. Многие увозили из Дивеева строки Леонида Васильевича, подаренные им батюшкой.

Шедшим поступью несмелою,
Жизнью жившим неумелою,
Но под силой не склонившимся,
Всем непризнанным, непонятым,
Всем цветам нераспустившимся.
Всем ненужным, всем отверженным,
Незамеченным соловушкам,
Неудачникам в деячестве,
Нерасчетливым головушкам.
Всем пропевшим без внимания,
Свою думу-песнь безмолвную,
Всем сиявшим без признания,
Словно звезды в ночку темную.
Всем страдавшим без участия,
Не дождавшимся здесь счастья,
Но хранившим в одиночестве
Глубоко мечту заветную,
Не узнавшим, не увидевшим
Здесь любовь к себе ответную –
Но с толпою все ж не слившимся,
Но к прекрасному стремившимся.
Всем талантам не отмеченным,
Всем прошедшим не отвеченным
Жизнь земную, быстротечную –
Эти звуки мои бледные,
Эти песни мои бедные
Посвящаю в память вечную.

«Фиалку» кто-то из близких батюшки назвал одой
внутреннего делания Иисусовой молитвы.

Когда тишина наступает
После ветров суровых с окраин,
Тогда в сердце цветок расцветает,
Фиалка лиловая таин.
Чтоб с фиалкою быть непрестанно,
Пребывать должен ты в глубине
И всегда отгонять неустанно,
Всё, что слушает сердце совне.
Сторонись же от шума забавы:
Пребывает она лишь в тиши,
Она любит тенистые травы
И тропинки лесистой глуши.
Береги сокровенные силы
И не слушайся криков с окраин,
И спокойно иди до могилы
Со своею Фиалкою таин.

Однажды отцу Владимиру заметили, что Леонид Васильевич и сам называл свои стихи «неумелыми» и что его явно нельзя отнести к поэтам такой высоты, как Пушкин, даже как Солодовников... «Я вас понимаю, я сам очень люблю Солодовникова... Хотя само по себе мастерство во все века – не редкость. Но кроме высоких рангов мастерства, есть еще высокий уровень сердца. Рангом сердца Леонид Васильевич – многим поэтам не уступит».

Батюшкина исповедь

Нам всем на земле осталось лишь покаяние.

Игумен Никон Воробьев

На общих исповедях батюшки производило огромное впечатление то, что мы немедленно включались в покаянный настрой самого отца Владимира. Эта долгожданная волна горя о своей нераскаянности, никем не разбитом окамененном нечувствии – наконец накрывала душу. Господи, дай еще хотя бы раз в жизни так видеть свои грехи! Так о них плакать...

Помню одну вызывающе одетую девушку, в «мини» и с прочей атрибутикой пренебрежения к храму и его устоям. Человек, на первый взгляд, случайно попавший сюда из толчеи кипящей противоположными интересами улицы. Батюшка неожиданно взял ее за руку и притянул к исповедальному аналою. Далее происходило ошеломляющее. Отец Владимир что-то произносит ей в лицо, очень серьезно, с большой силой, потом становится понятно, что он шутит, но в ответ на первое и второе – неприятие и отталкивание – скалы. Через минуту батюшка берет ее за руку и стремительно ведет сквозь толщу народа к святым мощам Преподобного Серафима. Здесь он начинает класть земные поклоны, которые невольно приходится повторять его спутнице. За краткое время с девушкой произошла разительная перемена: батюшка возвращался с человеком, обливающимся ручьями слез. Далее последовала не короткая, первая в жизни исповедь. Не забуду уходящую девочку – это была новорожденная. Только что откровенно неприятное лицо превратилось в подлинно человеческое, страдающее: оно полностью лишилось скрывавшей его отталкивающей маски. Это новое выражение не могли испортить разводы от потекших ресниц и распухший нос. Оно запомнилось, оно стало притягательным. И сколько подобных ярких картин!..

Раба Божия Нина: «Остались в памяти батюшкины общие исповеди. Однажды он начал словами: святой Иероним молился в Рождественскую ночь в Вифлеемской пещере, там,

где родился Христос. Слезы струились из глаз старца. И мысли его переносились в те времена, когда волхвы принесли Богомладенцу свои дары – злато, ладан и смирну. И вопрошал старец: “Господи, какой дар могу принести Тебе я, нищий человек?” И услышал в ответ: “Принеси Мне грехи твои, Иерониме”. Нередко и мы ищем, чем послужить Богу, – с волнением говорил отец Владимир. – Но первое, чего Он ждет от нас, чем мы можем Его утешить – наше собственное покаяние».

Раба Божия Александра: «Никогда не забуду об одной общей исповеди отца Владимира: однажды Паисий Великий молился о павшем брате своей обители. Он отказался исповедовать Христа, женился на иноверной, принял иудаизм, впал и в другие тяжкие грехи. Преподобный месяц за месяцем просил о нем Бога. Он молился так, что ему явился Христос и сказал: “О чем ты Меня просишь?! Этот человек отрекся от Меня, предал Меня!” Авва Паисий упал перед Спасителем на колени: “Господи, помилуй его!” Христос посмотрел на Своего ученика и произнес: “О Паисие, ты Мне уподобился в Любви”. Понимаем ли мы, – сказал батюшка с чувством, которое пронзало насквозь, – что Господь хочет спасти **каждого** человека?! Самого последнего прокаженного грешника Он жаждет – простить, пощадить, помиловать... Чем мы отвечаем Богу на Его Любовь? Почему так слабо каемся? Так робко просим о помиловании наших близких?»

Раба Божия Валентина: «Мы приехали на нескольких машинах. Утром пришли к батюшке. Он выходит из дома и говорит мне: причащать-то сегодня некого. Я: как так некого? Он: этот уже воды напился, тот покурил, эта тоже – после чая. Подхожу к ребятам, они отнекиваются. Говорю: обманывать – грех. Они: откуда же он знает? – я давным-давно уже покурил и зубы почистил. А другой: а разве воды попить нельзя? Третья: чай – ведь не еда...»

Раба Божия Зоя: «Однажды солидный мужчина, по батюшкиному благословению, вокруг храма босиком бегал. И потом исповедовался у батюшки. Оказалось, это был начальник тюрьмы... К отцу Владимиру приехала семья: муж, жена, сын,

теща. Последняя чуть не попала в секту к баптистам. Они разучивали песни и пели у подъезда. Батюшка на исповеди спрашивает: “Ну что, певунья, какие ты там у подъезда песни пела?” Та была поражена».

Раба Божия Клавдия: «Меня на исповедь к отцу Владимиру подруга притащила, можно сказать насильно. Стоя в толпе я собиралась как-нибудь незаметно схлынуть. А батюшка вдруг поймал мой взгляд и начал говорить, как будто специально для меня: “Один больной постоянно откладывал свою исповедь «на потом». Христианин-врач советовал ему о ней не забывать. Оставил после очередного визита лекарство на столе и приготовился уходить. «Доктор, когда мне начинать принимать лекарство?» – «Можно и через месяц», – прозвучал ответ. «Как! Ведь без лечения можно запустить болезнь». – «Ну, тогда начните со следующей недели». «Доктор, – запротестовал больной, – я ведь могу и не выжить». – «Если очень плохо себя почувствуете, примите завтра». – «А можно, – взмолился пациент, – я приму лекарство **сегодня**?» – «Вот теперь-то ты понял, что нужно торопиться с исповедью», – с улыбкой произнес врач”. В этот день отец Владимир совершил для меня чудо. Если бы мне заранее рассказали, я бы никогда не поверила, что способна со слезами называть свои грехи».

Батюшка любил цитировать нам слова из жития Преподобного Нектария Оптинского: «Смотрите, какая красота: солнце, небо, звезды, деревья, цветы... А ведь прежде ничего не было! Ни-че-го! – медленно говорил старец, протягивая рукою слева направо. – И Бог из «ничего» сотворил такую красоту. Так и человек: когда он искренно придет в сознание, что он – ничто, тогда Бог начнет творить из него великое».

Раба Божия Марина: «Одной приехавшей женщине отец Владимир вдруг говорит: “А это соловей-разбойник с большой дороги”. Оказывается, она работала начальником и потихоньку из своей организации... тащила домой...

Батюшка утешал тех, кто не верил, что можно сдвинуть с мертвой точки их неверующих близких: «Проявление Любви к человеку способно спасти и великого грешника. Не забывайте Евангельского слова. Друзья принесли расслабленного к ногам

Христа, – чтобы это сделать – они разобрали кровлю дома, в который невозможно было пройти за многолюдством. И Господь, *видя веру их*, сказал наказанному за грехи – неподвижностью: *Прощаются тебе грехи твои*. Так неужели мы не желаем того своим неверующим, расслабленным на все благое, – родным и близким?! Любовь покрывает все. Воспользовавшись нашей немощною любовью, Господь творит Свою великую Любовь, для которой нет невозможного».

Духовная дочь отца Владимира Анна: «Однажды, совершая нехороший поступок, я совершенно забыла, что и за это придется исповедоваться. Когда приехала в Дивеево, еще издали увидела батюшку и расплакалась. Подошла к нему на исповедь и поняла, что не могу даже рта открыть. А батюшка посмотрел: “Как ты могла это сделать?” Я разрыдалась и говорю: “Я не буду исповедоваться”. На что он сказал: “Дело сделано, а раз так, то каяться-то надо”. Потом я раскаялась и с тех пор подобных поступков стараюсь больше не совершать».

..Людмила очень хотела поступить в монастырь. Мама только удивлялась и не принимала это всерьез. Они поехали на экскурсию в Дивеево. Когда вошли в многолюдный собор, девочка напугалась и думала, что ее сюда не возьмут. Вдруг худенький батюшка отошел от аналоя и позвал мать, которую видел впервые: «Татьяна, пойди сюда...» А дочери: «Ты, Люда, не расстраивайся, будешь в монастыре». И на самом деле, сейчас эта девочка уже инокиня, а мама с бабушкой переехали в Дивеево.

Батюшка знал дела даже очень глубокой давности. Например, маме вскрыл то, что она беременная ходила плясать в клуб, который был сделан из кладбищенской церкви. В то время храмы осквернялись, а мы только благодаря батюшке узнали, что клуб был сделан из храма.

Послушник Федор: «Наш отец Владимир точно также, как батюшка Алексей Мечев, – это переживание того, что тебя когда-то искренно пожалели, приголубили, полюбили, но этого одного недостаточно. С батюшкой, чувствовалось, был Бог, и здесь человеческое уже отступает, через батюшку тогда тебя жалел, ласкал и любил Сам Бог. Можно ли выразить

человеческой речью радость Богообщения? Батюшка же эту радость давал.

Когда умирает человек, который весь заключается в наших умственных воспоминаниях, такого человека, как ни трудно, но все же легче заменить другим, но батюшку – как переживание и трепет нашего сердца – заменить другим невозможно.

В противоположность уму, сердце отличается верностью, оно не в силах забыть те исключительные святые переживания, которыми Бог благословил нас через батюшку. Ум, по природе своей, холоден, и его привязанности потому непрочны. Сердце же, живущее уверенностью, горит, и жаром своим сжигает все сомнения.

Батюшка весь был в духе Преподобного Серафима: та же Любовь, та же ласка во взоре и радостная улыбка, та же сердечная приветливость. В присутствии батюшки также все размягчались и выходили в слезах».

Духовная дочь отца Владимира Александра: «Одна моя знакомая пришла к батюшке на исповедь и созналась, что сделала тридцать аборт. Кому еще, кроме отца Владимира, такую жуть несли?! И плачет, у аналая отчаянно плачет: “Грехи **какие**... Батюшка, что мне делать-то?” А он говорит: “Я все грехи твои возьму на себя”. Вот священник. Найдется ли еще какой батюшка – столько грехов взять на себя?»

Отвечая иноку К. Н-монастыря, который исповедовал батюшке дьявольское наваждение богохульных и блудных помыслов, отец Владимир писал, что во-первых, надо разлюбить грех на самом деле. Понять всерьез: это мне не нужно. Обрести твердую позицию: это – не мое (я ведь этого полностью не хочу!). И, значит, греху объявляется – настоящая война. Это фундамент. Если оставить хотя бы частичную привязанность ко греху, победить его – невозможно. Кроме собственных советов, он привел слова Паисия Афонского: «Попадая в трудную ситуацию, человек сдает экзамены... Даже если мы получаем раны, не нужно терять хладнокровия, но просить помощи Божией и с мужеством продолжать борьбу. Пастырь Добрый услышит и тут же поспешит на помощь, как бежит на помощь пастух, заслышав, как жалобно блеет ягненок

от полученной раны, укусов волка или пса. К тем, кто (прежде) жил жизнью, которая была достойна плача и (ныне) подвизается, я питаю больше любви, постоянно имею их в своем уме и чувствую за них больше боли, чем за тех, кто не мучим страстями. Так и чабану за ягненка раненого или заморыша больно больше, чем за других. И о нем он заботится особо, пока и тот не станет здоров».

Как правило, молитвы отца Владимира снимали все виды грязных помыслов, блудные наваждения, но в особенно тяжелых случаях батюшка предлагал молиться Преподобным: Иоанну Многострадальному, Марии Египетской, Моисею Угрину, Моисею Мурину, Мартиниану Кесарийскому, Виталию, Таисии, Сарре Египетской, мч. Фомаиде. Отец Владимир советовал знать жития этих подвижников. Он говорил: «Зря не молитесь святым, они в силах оказать немедленную помощь горячо просящим».

Раб Божий Виктор: «Однажды я исповедовался у отца Владимира в келье. Дело было Великим Постом, и я задал ему вопрос, как бороться с плотскими страстями в постовое время. Батюшка назвал наиболее приемлемое для меня: физический труд, поклоны. “А если этого будет недостаточно, попробуй так, – он резко упал на руки ничком, начал отжиматься и сказал, – надо до изнеможения, пока весь мокрый не будешь, отжиматься – и победишь блудные помыслы”.

Он вспомнил подвижника, который каждый день до вечера строил стену, потом разрушал. И с утра все начинал сначала. Помолчал: “Каждый находит свои способы борьбы с дьяволом”. И добавил: молитва, в которой не утруждалось тело и не скорбело сердце, считается святыми отцами неполноценной».

Раб Божий Л.: «В этот вечер пришел исповедоваться к отцу Владимиру домой. Все подготовил заранее на нескольких страницах. Но самый тяжелый грех, промаявшись, так и не решился написать. Вхожу к батюшке в келью, принимаю благословение. И вдруг внутри мелькнуло, как обожгло: **он знает!** Отогнал от себя эту мысль. А батюшка отводит мою руку с зажатой в ней перечислительной запиской и начинает исповедь совсем другую. Стремительно открывает коричневый

ветхий том и после земных поклонов с покаянными молитвами, которые все во мне разбередили, начинает перечень грехов по каким-то прежним спискам. Несовременный, более старый славянский язык. Монашеское скитское покаяние. Головы от пола нельзя отнять. И вдруг слышу – звучит вслух мой стыдный тяжкий грех...» .

Еще одна исповедь. Многие часы батюшка у образа Иверской Божией Матери, справа святые мощи Преподобного Серафима. Дванадесятый праздник. Начинают причащать, а желающих исповедаться – по-прежнему не счесть. Люди нервничают, толпятся, рвутся к аналою. Посещающие Дивеево легко вспомнят подобную ситуацию. Вдруг отец Владимир поворачивается к народу. Его лицо поражает своим внезапно обнажившимся страданием о наших несметных грехах: «Вы видите, я физически не могу выслушать вас, а всем так хочется причаститься... **Восплачем же о своих грехах!**» Слезы катятся градом по худому лицу, повернувшись лицом к алтарю, батюшка падает на колени. Минуты невыразимого напряжения и прихлынувшей к каждому сердцу – благодати. Батюшка стремительно встает и начинает накрывать епитрахилью залитых слезами людей. Плачет сам и повторяет: «Кайтесь, кайтесь...» Он читает разрешительную молитву отнюдь не над каждым, а выборочно: ему всегда известно, кается ли человек – сердцем...

Не раз мне приходилось говорить об отце Владимире с серьезными людьми. Мы соединились во мнении о нем. Батюшка имел Божественный дар – жизни из глубины. Для нас отец Владимир остался – чудом подлинности. Этот уровень доступен только людям обласканным – которым открылось зрение грехов своих. Одним этим видением обретается – **предстояние Богу** в смирении. Главное, что Богу нужно от нас. Батюшка звал всех, способных откликнуться – к жизни **неподдельной**. Рядом с ним мы осознавали себя фальшивыми христианами, привычно соблюдающими видимость... Благодарим, на коленях благодарим, батюшка. Не к покаянию ли евангельской блудницы, пусть не миро – одни слезы принесшей к ногам своего Спасителя, ты призывал нас,

твердокаменных?! Хотя бы минуты – но настоящего горя, истинной боли о своей падшести. Как нередко у нас: душа, что могла – назвала, но все чувствует свою нарастающую вину.

Святые отцы говорят, что настоящая молитва перерастает слова. Совершенной молитвой считается поклонение волхвов: благоговейно, без слов, припавших ко Христу, лежащему в яслях. Подлинная молитва – это переживание присутствия Живого Бога. Перед Его лицом столь отчетлива наша полная несостоятельность, столь очевидна ничтожность и никчемность наших добродетелей, столь отчетлива – наша грязь. То есть, настоящее общение с Богом – это неизбежно переживание своей греховности – как страшного бедствия, отделяющего нас от самого близкого – на Которого мы призваны быть похожими – от нашего Творца и Отца. *О Нем бо живем и движемся и есмы* (Деян.17:28)...

Рядом с отцом Владимиром многие вспоминали слова, сказанные о старце Алексие Мечеве. «Все, что вас угнетало и обездоливало, все, что вас омрачало и подавляло, все это уходило вдаль и помещалось в глубинах его Любви, жалости и желания прийти к вам на помощь.

Мир представляет свои большие материальные преимущества, но ничего не дает для Любви. И сколько бы он ни дарил удовольствий, утех и славы, он не в силах заглушить роковым образом развивающихся в человеческом сердце – сперва скуки, разочарованности, а потом невыносимой тоски, которая хуже смерти.

Жизнь грешника-христианина вечно колеблется между демоном и Богом, между святостью и греховностью, для исцеления ее иногда достаточно одного слова, одного ласкового взгляда. И здесь в особенном свете выступают целители душ, которые могут своим верным взглядом понять безумствующую душу и найти момент, обстоятельство и место, чтоб положить на ее сердце свою ласковую, успокаивающую и исцеляющую руку»⁶⁸. Среди таких целителей душ – и отец Владимир.

Раб Божий Николай, Москва: «Меня отец Владимир привел к вере после десятка лет увлечений восточной философией, теософией, всеми Шнейдерами, Вивеканандами, Рерихами,

Блаватскими и пр. Сколько нянчился со мной. Не забыть эти разговоры и как он парировал мой бред. Вначале я был столь развязен, что мог позволить себе иронизировать: “Не боитесь, батюшка, умереть и не обрести того рая, в который верите?” А он: “Не страшитесь ли в итоге наследовать тот ад, который отрицаете?!” И уже когда решился идти к нему на исповедь, он сказал с великой любовью: “Каждый принадлежит к одному из трех разрядов людей, как заметил Паскаль: одни узнали Бога и всей жизнью служат Ему – эти люди разумны и счастливы; другие – не нашли и не ищут Его – эти безумны и несчастны; третьи не обрели, но ищут Бога – эти люди разумны, но **еще несчастливы**”. Не забуду все, что он мне говорил. По его советам прочел серьезные книги, почти всего Роуза. Но пробил он мою скалу именно любовью. Просто я увидел воочию человека, который готов на все – для своего Христа. Такие люди не умирают. И верю, как он взял меня за руку и повел здесь, так и там встретит – проведет сквозь мытарства. Вечная тебе, отче, память».

Из писем отца Владимира

В письме своей духовной дочери, монахине, в ответ на ее письменную исповедь, отец Владимир советовал расстаться с пристальным вниманием к себе, своей деятельности. На свои добрые дела надежд не возлагать. «Великая Княгиня Елисавета оставила в дневнике главное предупреждение старцев: не придавать никакого значения своим трудам и подвигам, не присваивать их себе, а только – одной Милости Божией. За этим должно быть тщательное слежение, – писал батюшка, – чтобы не вкрались в нас помыслы тщеславия, тонкого самолюбования, невольного превозношения. Елисавета Феодоровна, если слышала о Себе похвалы, искренно огорчалась; я не лучше, а хуже других. Себе и нам она оставила завет: мы должны устремиться к нашей настоящей Родине, насколько это возможно нашим слабым душам. Из-за того, что смиренно почитала Себя слабой – Бог даровал Ей великую силу Духа». И еще один совет отца Владимира. Один подвижник встретил после смерти то, чего вовсе не ожидал. И, страдая от бесов, чтобы ободрить себя, стал приводить на память собственные труды и добродетели. За это он был **дополнительно** задержан на мытарствах. «Нам чуждо католическое восприятие спасения, – напоминал батюшка. – Это они уповают на свою благотворительность».

Многолюбезная о Христе Евгения!

Ваше письмо получил в канун отдания Пасхи и Вознесения Господа нашего Иисуса Христа – мое окаянство благодарно за молитвенную память о Дивееве...

Однако, дорогая матушка, как это умудряетесь под крылышком, нет не под крылышком – под омофором мудрости и духовного весельства такого батюшки (разумею богомудрие отца С.) – как умудрились печаловаться и пребывать вне радости?! и – неизъяснимой, ко всему прочему...

Открываю Отчник: «Войдите внутрь себя ... Человек, тот кто познал себя» (авва Пимен Великий). А каким образом войти

внутри? Цитировать св.Отцов дело хорошее, однако, что же предлагать то, чего прежде сам не постиг на деле!

Пишу Вам ответ к ночи: служу 2 дня в скитском храме. Только что вернулись с отроком: бродили возле пересыхающей речки, где незнакомые и невидимые птицы пролетали близко и в тишине такой, что, наверное, Вы услышали бы шелест крыльев. В пруду плавали не золотые, а простые рыбки и м.б. лягушки. И теперь, когда пишу Вам, начали петь соловьи.

Для того, чтобы слышать их здесь – ничего не нужно. В Москве, чтобы услышать что-нибудь хорошее – надо прежде: ничего не провозглашать, не говорить громко, суетливо, с гневом, перебивая, не делать поспешных выводов, не лукавить. Нужно сделать, следовательно, довольно большое усилие преодолеть шум пошлости и блеск беспамятства и столичную побегу любопытства, чтобы очутиться вне, т. е. там, где остались «грустные памятники Рая».

Простите... Еще раз открываю Отечник «Сын мой, не умножай слов: многословие удалит от тебя Духа Божия». Не грустите. Вашему батюшке поклон дивеевский. Батюшку тоже здесь любят. Вас помним и любим.

Недостойный и ленивый богомолец иерей Владимир

А свое состояние определите как возникшее для испытания. Часто Господь и Матерь Божия не спасают от испытаний, т.к. они нужны, чтобы пробудить духовную сторону в людях. Так говорила Пресвятая Богородица крестьянке Евдокии Андриановой в явлении Своей Державной иконы.

26 мая 1998 Дивеево,

Скит Святителя Николая Чудотворца

«Свои поля бурьяном заросли, – с болью говорил отец Владимир, – едим импортную отраву. Забыли о благодарности Творцу за хлеб насущный. Нам всем предстоит вспомнить, как святые обливали слезами каждый кусок хлеба, который вкушали».

Батюшка всегда утешал: «Вы не представляете, какие чудеса будет в последние времена творить Господь. Как будет поддерживать всех вас». И вспоминал эпизод из жизни в ссылке, во Владычне, сестер Марфо-Мариинской Обители

Милосердия. «В доме пусто, хоть шаром покати. Сижу пригорюнившись, – рассказывает матушка Надежда. – Фросенька (матушка Любовь) подойдет, за плечи обнимет, тихо скажет: «Хочешь хлебушка, хочешь?!» Уйдет в сени. Минут пять нет ее. И вынесет – дышащий, белоснежный, благоуханный хлеб – хлеб с Небес». Святого покровителя матушки Любви – Преподобного Онуфрия⁶⁹ (IV век) шестьдесят лет питали белым хлебом и причащали в пустыне святые Ангелы. И матушка Любовь, его молитвами, получала Ангельскую Милостыню в XX веке.

Батюшка повторял слова святого мученика Иустина Философа: *Они могут нас убить, но не могут нам навредить.*

Раба Божия Виктория: «В разговоре о последних временах батюшка вспомнил путь А. Монро. Однажды, во время своих оккультных экспериментов он почувствовал присутствие очень мощной разумной силы, которая сделала его бессильным и безвольным: “У меня создалось твердое убеждение, – рассказывал Монро, – что я связан нерасторжимыми узами с этой силой, всегда был связан, и что я должен здесь на земле выполнить порученную ею работу”. Это существо, оно (или они) вышли и “обыскали” его ум, а потом, казалось, “они воспарили в небо, и я посылал им вслед свои просьбы. Тогда я уверился, что их мысленные способности и разум далеко превосходят мое понимание. Это **безличный и холодный** разум, без всяких эмоций любви или сочувствия, которые мы так ценим... Я сел и заплакал, горько зарыдал, как никогда раньше, потому что я знал, безоговорочно и без всякой надежды на изменение в будущем, что Бог моего детства, Церкви и религии не был таким, какому я стал теперь поклоняться, и что до конца своих дней я буду переживать эту потерю”».

Редко можно встретить лучшее описание встреч с диаволом, с которым сейчас сталкиваются многие наши, ничего не подозревающие, современники, не способные противостоять ему из-за своего отчуждения от истинного христианства (Отец Серафим Платинский).

Батюшка сказал: «Бог хочет, чтобы расцвела неповторимой индивидуальностью каждая человеческая личность, дьявол

жаждет сделать нас – бессильными, безвольными на добро – **холодными и безликими**. Дьявол мечтает пересоздать человека: сделать из раба Божия – собственного раба – послушную марионетку. Превратить человека в античеловека – бесчеловека».

«15 января, в день Преподобного Серафима, – рассказывает духовная дочь отца Владимира Татьяна, – батюшка, несмотря на страшное истощение (он весил 38 кг), излучал на всех нас свои неповторимые любовь и ласку – дары Преподобного. В праздник Крещения Господня он был безулыбчив, строг, сосредоточен; никто не знал, что отцу Владимиру предстоит принять на следующий день монашеский постриг. Окончилась трапеза, батюшка присутствовал на ней чисто символически: уже несколько месяцев он не мог есть как обыкновенные люди. Рак в последней стадии был диагностирован в сентябре. Проходимость желудка – считанные миллиметры.

Все разошлись. За столом осталось несколько близких. Отец Владимир прервал общую беседу и спросил, повернувшись ко мне: «Как относятся к проблеме идентификации ваши знакомые священники?» В то время с этой темой я была мало знакома; в Москве еще стояла тишина, теперь хочется добавить, предгрозовая. И я ответила: «По-разному. Кажется, все это не обязательно относится к печати антихриста. Надеемся, до нее еще далеко». – «**При первом взгляде** на вещи, можно увидеть и так... – отозвался батюшка. – Знаю мнения известных пастырей, и вчера казалось, что все это очень здраво, трезво... Но сегодня много новых сведений. Самые замечательные люди могут быть недостаточно информированы или – дезинформированы. Получил письмо от духовного сына из Горно-Алтайска. Там пытаются насильственно присвоить идентификационные номера. В противном случае грозят увольнением с работы».

Батюшка опять помолчал, вдруг повернулся к святому углу и заговорил повышенным голосом, с невыразимой болью. Мы стихли, понимая, что он обращается уже не к нам. «Как же я могу? сказать ему: **не брать?!** – это был вопль смиренной

души. Как последний неключимый раб вопрошал батюшка: – Вот у меня здесь – **полный стол...**», – и он обвел рукой длинный стол обширной трапезной. Это производило тем большее впечатление, что он уже месяцы питался считанными глотками сока в день. Хотя, как и прежде, здесь продолжали кормить многих. «У меня полное изобилие, а я должен написать, что в конце концов ему придется отказаться – **ото всего!**» Опираясь локтями на стол, батюшка погрузил лицо в ладони в позе неизбывного горя. Со страхом и благоговением мы присутствовали при молитве, обычно скрытой за дверями кельи. Беззвучная, огромной силы, обращенность к Богу – была исполнена **великим страданием** – о неведомом для нас и предстоящем всем нам. Этот поток боли и живого, обжигающего душу, сострадания относился не только к человеку, который просил в письме решения отца. Это был крик о помощи – для **всех**, кому придется встать на путь лишений, голода и гонений. Происходило то, что трудно вместить в слова, мы ощущали себя, вслед за батюшкой, пылью и прахом перед Богом. Быть может, в эти минуты он просил Господа возложить будущую ношу своих духовных детей – на себя. Одновременно это был беззвучный вопрос: вдруг возможно – *да мимо идет чаша сия?!* Три-четыре минуты батюшкиного молчания казались бездонными. Потом он воспрянул, выпрямился и твердо, без доли сомнения, произнес: **«Но нет! Брать нельзя! Если есть 666 – брать нельзя!»** Мы поняли, что он получил ответ.

Не каждый, приходящий к подобному решению, имел столько оснований понимать всю его серьезность. Батюшка **буквально** умирал от голода. Так «постились» редкие люди на земле. В декабре он перенес одиннадцатидневное **«сухое»** голодание – без еды и питья, без единого слова. На седьмой день он передал матушке записку: **«Я не могу жить без Причастия!!!»** «Схимнический пост и покаяние», – говорили близкие.

«Батюшка был первопроходцем для всех нас, христиан последних времен, – считают родные отца Владимира. – Подвигом своего умирания он явил образец того, как можно любить Бога, помогать другим и **благодарить** – до последнего

издыхания, находясь в муках голодной смерти». Благодать Божия не оставила батюшку до конца.

Рассказ рабы Божией Ксении: «Одиннадцать лет назад я начала работать в храме. Мы поднимали его после тридцати с лишним лет запустения. В это время мне приснился сон, смысл которого стал мне ясен много лет спустя. Увидела наш разоренный храм, в котором ведутся восстановительные работы почему-то на склоне горы. Вдаль уходил светлый весенний пейзаж: тоненькие березы, набухшие почки, едва проглядывают будущие листья. Прозрачный хрустальный день. Стою, люблюсь. Вдруг рядом вижу батюшку, который много лет является моим духовным отцом. И мы начинаем подниматься по каменистой тропе вверх, все выше. Идем рядом. То оступлюсь, то отстану, и углубленный в молитву священник молча протягивает мне руку, на которую опираюсь, выравниваюсь. И мы продолжаем путь. Вдруг дорога пропадает в страшной невылазной грязи. Неожиданно поскользнулась, потеряла равновесие и готова упасть. Там, во сне, испытываю подлинный ужас – сейчас я должна упасть со всего размаха. Моего отца почему-то нет рядом. Мне не на кого опереться! В это мгновение справа появляется неизвестный священник в монашеском одеянии. Запомнила темные развевающиеся волосы, взгляд глубокого сострадания. Он устремляется на помощь, как торопятся разыскать погибающего, – всем сердцем. Двумя руками подхватывает стремительно падающую за обе руки. Прочно ставит на ноги. На этом все обрывается. Просыпаюсь потрясенная. Ощущаю неподдельный ужас близкой гибели: должна была упасть и катиться вниз по острым камням, как падают в бездну. Прошло время, повседневные заботы ослабили яркое воспоминание.

Минуло пять лет успешной работы в храме, после чего меня постигло большое несчастье. Духовный отец не понимал отчаянности моего положения. По попущению Божию, он не нашел времени и сил, чтобы вникнуть в происходящее со мной. В этот период я попала в Дивеево и на исповедь к отцу Владимиру, который с огромной затратой духовных сил вынул меня из преисподней ситуации. Имею право сказать, что

обязана батюшке – жизнью. Он предупредил готовое свершиться духовное крушение, поставил меня на ноги. С этого времени я благодарно считала отца Владимира своим вторым духовным наставником... Поразительно то, что батюшку я увидела во сне, когда он еще не был священником и даже диаконом».

8 февраля – на этот день перенесли службу и празднование дня Ангела батюшки – произошло наше прощание с отцом Владимиром. После трапезы, на которой он ничего не мог есть, батюшка уезжал на последнее обследование в Нижний Новгород. Мы провожали его к машине. Неожиданно батюшка остановился и, обратившись ко мне, произнес с любовью, которая почти нереальна в нашей жизни: «Духовный отец у тебя есть, ты будешь мне – сестрой». В первый раз за многие годы он не обратился ко мне на «вы». Благословил. Развел руки в стороны – в эти мгновения он, фантастически худой, напомнил распятого на кресте, – произнес с огромной духовной силой: «Христос Воскресе!» – обнял недостойную невещественными руками, христосуясь по-монашески бесплотным склонением к одному и другому плечу. Казалось, рядом не плотяное существо, а невесомое, проникнутое Духом Святым. Потом он повернулся к другому человеку, худенькому и высокому. Склонил его голову себе на плечо, обнял одной рукой, несколько раз поцеловал голову со словами: «А ты будешь мне сыночком!» Любовь, исходившая от батюшки, была неземной силы, слезы кипели в душе каждого, стоящего рядом. Люди сдерживались изо всех сил, чтобы не заплакать. Сердце горело готовностью пойти для батюшки в огонь и воду. Считанное время до смерти – но силы, которые излучала сейчас на присутствующих душа отца Владимира – были непомерными. Это был гигант Духа. Сегодня утром этот умирающий служил Литургию с отдачей здорового человека. Произнес фундаментальную проповедь. Целый день отдавал себя множеству людей. Мы не знали, что батюшке оставалось жить здесь полтора месяца... Он сел в машину, близкие готовились к отъезду. Мы стояли поодаль, не отрывая глаз от нашего отца, который расточил беспощадно, без остатка для

всех нас свои плоть и кровь, отдал всю душу за друзей и ненавидящих его и потому приобрел ее в новом качестве, на неизвестной для обычного восприятия глубине. Вдруг он громко позвал меня по имени. Подбежала к открытой дверце машины. Хрупкая фигура отца Владимира в монашеских ризах была еще более невещественной на фоне темно-серых подушек сидения. Карие светлые глаза казались очень большими. Они сияли, источали свет неведомого нам – смирения. Батюшка давно жил силами иного мира. «Передай от меня поклон отцу В.», – батюшка назвал имя знакомого мне священника, который болел о нем душой. Последнее благословение, и машина тронулась. Наши души готовы были вырваться и лететь ей вслед, крестили дорогу, машину, пока за ней можно было следить глазами...»

Во время пострига отца Владимира стали еще очевиднее его непомерная истощенность, физическое бессилие. Он опоздал к намеченному часу в храм Рождества Божией Матери, и матушка Ирина боялась, что он не сможет дойти, батюшка еле переставлял ноги. Когда его постригали, казалось, перед нами была одна батюшкина душа – уже только душа. Отец Владимир был столь изнурен, невесом, непонятно, какими силами он держался... Иногда становилось не по себе от мысли, что он может умереть прямо здесь. Но после пострига он уже шутил, вызывая улыбки монашествующих, утешал всех пришедших.

Выйдя из храма, где все совершилось, поздно вечером отец Владимир очень медленно, без сопровождающих, дошел до Троицкого собора. Записываю дальнейшее со слов дочери батюшки. Она поведала мне эту тайну благодаря рассказу дежурной инокини. Здесь отец Владимир припал к святым мощам Преподобного Серафима и долго плакал, повторяя одну фразу: **«Батюшка, помоги моему успению»**. Ребенок делился с потрясенным сердцем. Иначе это было невозможно воспринять. Ведь всем казалось, что отец Владимир **верит** в свое выздоровление. Этой верой держались бесчисленные люди в разных городах и весях, не позволяя себе усомниться: «Бог исцелит его. Он нужен стольким людям! Господи, сотвори это чудо. Нет невозможного для Тебя!» Но, оказывается, отец Владимир и в этом себя не обманывал. Своим облегченным

взглядом на диагноз, внешней непринужденностью – он помогал всем нам вынести месяцы его болезни. Знал, что ему предстоит умереть и очень скоро. И готовился к смерти.

...День Ангела отца Владимира был отмечен чудесным посещением Государя, которому батюшка служил верой и правдой всю свою жизнь. Милостью Божией, в дом иеромонаха привезли известную всему миру – благоуханную икону Царя. Отец Владимир отслужил перед святыней бесчисленное число молебнов. Каждый получал из его рук акафист и Царскую икону. Происходило настоящее прославление Государя. В это время была назначена конференция, посвященная канонизации, которую отменили. В Дивеево произошла духовная канонизация, народное прославление Царя.

Когда святыню увезли, инокия Е. увидела во сне: «Отец Владимир вынимает из коробки и раздает народу огромные жемчужины, каждому по одной. Подбегаю: батюшка, и мне». Воистину духовный жемчуг».

По благословению матушки игумении, мироточивый образ Государя вместе с большой иконой Преподобного Серафима монашествующие и миряне обнесли по Канавке. Когда тронулась машина, увозившая икону Царя, отец Владимир возгласил: «Положим вслед Батюшке Царю три поклончика!» И сам первый упал на колени. За ним рухнули на колени все люди... В следующую минуту батюшка повернулся к народу и с огромной духовной силой и волнением стал говорить о Любви Божией. Это был вдохновенный поток благодати. Запомнились слова: *Любовь Господня, как океан, заполняет весь мир, все пространство, воздух... Мы все существуем в преизбыточествующей этой Любви. Господь близ. Безмерна Его милость, Его сострадание к людям. Только – позови! Шепотам произнеси Его имя, сердцем... Он слышит любой шепот... Ждет каждую душу. Ждет нашей **ответной Любви**. Я Люблю – вас всех!* В ответ многоголосно, с рыданиями, раздалось: «И мы Вас любим, батюшка! И мы тебя, батюшка, – любим!» – *Я никогда не перестану молиться о вас! Я буду просить о вас Господа, где бы я ни был! Там или – там! –* мгновенным жестом руки батюшка показал вниз и потом – в

небо. Рыдания перехватили ему горло. И он скрылся за воротами своего дома под неудержимый плач любящих его людей.

После богослужения в день Ангела отца Владимира (7 февраля – священномученик Владимир, митрополит Киевский и Галицкий) батюшка произнес проповедь, которая у многих останется в памяти: «...дьявол открывает свою личину, власть принадлежит безбожникам. Идет война против Православия, дьявол не остановится на полпути, он будет идти до конца... Идет последняя битва. Но Свет победит тьму... И Христос будет судить, во-первых, нас с вами...

Царствие Божие – оно рядом, только позови. Покайся, не скрывая слезы... Он простил мне, Он простит вас, только не будем откладывать покаяния. Вот и сейчас еще можно пойти вот к тому аналою. Там священник примет вашу исповедь...

Желаю вам молитвенного стояния за души православные, за други своя, за землю Русскую... Нам заповедано – прощать личным врагам. Но за веру Православную, за Россию нашу будем биться, стоять твердо и небоязненно. Бороться со злом будем, прежде всего, молитвой, образом жизни. На вопрос, как ближнему помочь – простой ответ: стань сам таким, каким ты хочешь, чтобы стал твой ближний».

Уходила после этой службы, и в душе слезами отзывались слова батюшки, призывающие нас к самому глубокому и подлинному общению, на которое нас вечно не хватает, – общению со своим Создателем: *...шепни про себя, чтобы никто не слышал, кроме Господа – и Он ответит.*

Перед концом жизни отец Владимир перечитывал книгу об отце Понтии Рупышеве и сугубо подчеркнул эти строки: «Забуду ли я Тебя, Всеблагий, Премудрый, Сильный, Святый Господи?! Ты наша милость и крайнее снисхождение. Все человеческое, как бы ни казалось оно великим, прекрасным, чистым, добрым – забудется... Но Твоя Любовь Божественная – никогда. Когда все оставляют, Ты – никогда. Когда все рушится и силы, истощаясь, вот-вот оставят, Ты Один наша крепость и сила и непостижимая Премудрость, вновь воссозидающая разрушенное и укрепляющая расслабленное Тебе Одному ведомыми путями.

Когда кругом и в нас бушует буря безумных, скверных страстей, готовая все опрокинуть, извратить, искалечить, Ты Один – наша Святыня, Которой ничто не осквернит. Боже милостивый, Боже Отче, Единый Отче, Боже Святой, буди во мне, благодатию Святого Духа Своего меня освящая, просвещая, питая, утешая, укрепляя, воссозидая; с Тобою я – все для всех, без Тебя я – **НИЧТО**»⁷⁰.

Из проповеди протоиерея Андрея, настоятеля Серафимо-Дивеевского монастыря на второй день по успении батюшки: ...Не было ни одного случая, чтобы отец Владимир отказал в чем-нибудь хоть кому-то. За все время его служения не было даже и того, чтобы он выразил как-то неудовольствие: всегда довольный, со светлой улыбкой, несмотря на усталость... Что показано нам на его кончине – христианской, мирной? То, **как он – возлюбил!** Как спелый колос, он отпал в житницу Небесного Царя.

Сегодня у меня было такое сильное смутение и жалость, как бы ощущение горя какого-то. И когда мы переоблачали батюшку, и я открыл его лицо, коснулся его рук – понял, что печалиться не надо, а лишь благодарить Бога. Господь дал ему очиститься от всех грехов своих, он это с честью исполнил. Как верный раб – вошел он в радость Господа Своего. И я знаю, что отец Владимир Его верный раб.

В нашей жестокой, эгоистичной жизни, когда мы день и ночь – позволяем себе примерными быть эгоистами, батюшка представлял собой идеальный пример жертвенной Любви... На его сердце как бы написано это слово – **«жертва»**. Он жертвовал всем: здоровьем, временем, силами – ради любви к ближнему – до самого конца... Это великая потеря, потому что редкого молитвенника мы лишаемся здесь, на земле...

Но последнее, что мне хочется сказать – все это должны знать. Я прошу у него прощение за себя и **всех**, кому враг смог внушить мысли против него. Есть такая пословица: «Конец – делу венец». И мы видим, какой этот конец: монашеский постриг, блаженная кончина христианская. А на него лились такие потоки... Душа его находится сейчас здесь и радуется. Я почувствовал сегодня особенно сильно, как Бог милосерд и

любвеобилен, как Господь глубоко сердечно **любит** нас и прощает. И все боли, все несчастья и скорби, которые обуревали отца Владимира здесь, на земле – сейчас представляются ему не столь великими. Благослови нас, батюшка. Желаем тебе Царства Небесного!»

Послушница Серафимо-Дивеевского монастыря Т. сразу же после смерти отца Владимира видела сон: «Стою в храме, смотрю на гроб. Как полагается монаху и священнику лицо отца Владимира закрыто. И больно, что не могу глянуть в этот лик в последний раз. Так хочется увидеть батюшку, проститься. Иду просить на это благословение. С трепетом подхожу ко гробу. Перекрестилась, поклонилась, осторожно поднимаю покров: отец Владимир с закрытыми глазами... открывает их, яркие, живые и произносит: *Передай всем: пусть обо мне никто не плачет: мне очень хорошо*».

Вспоминает сторож московского храма В.: «На третий день батюшкиной смерти было мое первое дежурство. И напал на меня необыкновенный страх. А кто-то сказал, что отпевать отца Владимира будут у нас. Начала разговаривать с ним, хотя первый раз в жизни видела батюшку на молебне перед Царской иконой несколько дней назад: “Отец Владимир, если бы сюда на ночь Вас привезли, было бы не так страшно...” И не заметила, как уже отчаянно молюсь: “Батюшка, защити меня от этого ужаса!” Вдруг все отступило. Тишина, покой, будто и не было ничего.

На девятый день отца Владимира опять выпало мое дежурство. Провожая последних прихожан. Уже трое осталось, двое... И снова приближается ко мне этот безотчетный, неуправляемый страх. Последняя прихожанка вдруг поворачивается ко мне, улыбается и протягивает просфору: “Это вам из Дивеева, от отца Владимира”. Я была поражена. Взяла просфору. Заперла за незнакомой женщиной дверь. А от страха – никакого следа. Исцелил меня батюшка от наваждения, надеюсь, на всю жизнь».

Сон послушницы Дивеевского монастыря М.: «Вижу наш храм Троицкий, но такой прекрасный, уходящий ввысь, наверное, Небесный Троицкий собор. Раскрыты Царские врата.

Отец Владимир стоит на солее перед ними – я сбоку, издали на него гляжу – и вдохновенным гласом читает акафист Серафиму Саровскому».

В одном из посмертных благодарных писем о батюшке его духовная дочь с любовью вспоминает, молитву отца Владимира. «Молюсь о нем, ему, и передо мной – сам молящийся батюшка:

Видит он пред собой лица чад дорогих,
Вознося золотые молитвы Творцу.
Бьет с любовью поклоны земные за них,
И обильные слезы текут по лицу!
«Огради их, Владыка, от огненных лет,
От печати антихриста их огради!»
И ложится молитвы Божественный Свет
На фелонь и на крест у него на груди.
Он о павших солдатах возносит мольбу,
Об усопших страдальцах Российской земли,
И в святом алтаре тянут руки к нему,
Все, кто в землю под тяжестью смерти легли.
Слышит он удивительный шепот вокруг:
«Ты меня! Ты меня помяни, наш отец!»
Голоса их смыкаются в замкнутый круг
Над его головой, как терновый венец!

Батюшкина молитва еще при жизни была такой, что молниеносно возносилась к престолу Божию. Но я знаю, что он также молится о всех нас сегодня – всей глубиной своей редкой души. Моли о нас, ничтожных и грешных, и вымоли нас у Милосердного Бога. Не дай погибнуть никому из любящих тебя».

Бесчисленны случаи помощи отца Владимира – после смерти.

Когда-то спрашивала матушку Надежду: «Но ведь таких пастырей, как батюшка Сергей, отец Иоанн Кронштадтский или архимандрит Агапит Нило-Столобенский – теперь нет?» «Если бы подобных им – не было – мир бы уже не существовал», – твердо отвечала матушка. Ежедневно благодарно вспоминаю настоящих священников, встретившихся на моем жизненном

пути: архимандрита Серафима (Тяпочкина), архимандрита Тихона и иеромонаха Владимира.

У духовной дочери отца Владимира Ксении в настоящее время обливаются слезами мироточения фотографии архимандрита Тихона Агрикова и иеромонаха Владимира.

Послушница Алевтина, вспоминая об отце Владимире, произнесла: «Это был – народный батюшка». Вслед за всеми печальниками этой земли батюшка пил «горькую чашу русского народа», прижимая ее к сердцу, считая ее даром Христовым – со светлой готовностью и даже радостью. Поэтому не ложно это слово о нем. Он был причастен самому главному знанию: все страдания во Христе – обращаются в Пасху. И Бог являл через него – Пасху, дарил Пасхальную радость страждущим. Господь снисходил ко всевозможным бедствующим, будучи умолен, упрощен болезнующим батюшкиным сердцем. И совершалось чудо: люди, только что изнемогающие, изнуренные скорбями и болью, трагически ощутившие свой крест невыносимым бременем – приходили в себя, воспаряли духом, исцелялись или чувствовали явное облегчение физических и духовных недугов, обретали силу терпеть и нести ношу дальше, переосмысливая скорбь, воспринимая ее уже как дар – иго благое. Нередко это больше, чем прямые исцеления. Преображение больных, изнуренных страданием душ – непосильно осуществить словами. Батюшка дарил ощутительное духовное знание: «Ты – не одинок! Господь – рядом!» Благодаря батюшкиным молитвам, ты начинал с потрясением понимать известное лишь теоретически: твою слабую, никчемную молитву слышат – Преподобный Серафим, Царица Небесная, Сам Христос. Батюшка умолял Господа приклонить ухо к нашему убогому лепету.

Известная притча. Человек шел долгим путем вдоль берега безбрежного моря. Он пережил множество опасностей, голод, зной, холод и болезни. И, когда изнемог непомерно, упал на колени и стал в отчаянии взывать к Спасителю: «Я не в силах более нести своего креста!» Он плакал. Ему явился Христос и тихо сказал: «Тебе только казалось, что ты один несешь крест – Я всегда помогал тебе – нести его. Посмотри назад», – и Он

показал страннику пройденный путь. С удивлением тот увидел, что рядом с его собственными следами шли – другие... «Но, Господи, – с глубоким укором заметил путник, – Ты видишь, местами остается одна цепочка следов. Твои – пропадают. А мои ноги так глубоко вязнут в песке! В самые тяжелые периоды жизни – Ты оставлял меня одного!» Христос поднял на него глаза, с тем выражением, которое никому на земле не удалось передать словами, и произнес: «Это не твои следы, а – Мои. Потому что, когда тебе было особенно тяжело, Я брал тебя на руки – и нес, как Свое дитя».

Батюшка учил нас самому дорогому и редко исполнимому: замечать, чутко слышать Любовь Христову, изливаемую лично на нас, отзываться на эту Любовь – благодарностью. Благодарить словами, делами – всей жизнью. Ведь чаще всего мы мертвы на это делание, и наше благодарение далеко не соответствует сделанному для нас Творцом и людьми, ведь сделать что-то доброе для нас человек благословлен Богом. Учил примером своей жизни более, чем словами проповеди. Собственная благодарность отца Владимира Господу в каждый период его крестоношения – была особенной...

Духовная дочь отца Владимира Ксения: «Недавно прочла в детской книге Бориса Ганаго «Детям о слове» рассказ о том, как у одной девочки умер папа. Она тосковала о нем. Отец был очень добрым человеком и всегда был ласков с ней. Этой теплоты ей не хватало. Однажды папа приснился ей и сказал: теперь ты – будь ласкова с людьми. *Каждое доброе слово служит Вечности.* Когда я прочла эти слова, слезы перехватили дыхание: как будто сам отец Владимир прислал мне весточку с Неба. Как будто он сам благословил меня на оставшуюся жизнь – этими словами».

Видением собственных грехов, отец Владимир помогал людям **разглядеть себя воочию, ужаснуться – покаяться.** Многие были свидетелями того, как батюшка посредине исповеди возвышал голос: «А теперь покаемся перед нашим Государем». Падал на колени и начинал перечислять смертельные наши вины перед Царем – по длинному списку. Обливался слезами сам. Навзрыд плакали люди... «Нам очень

нужны такие священники», – общее мнение. Но как нам их недостает...

«Во дни той великой скорби, – пророчествовал преподобный Серафим Саровский, – о коей сказано, что не спаслась бы никакая плоть, если бы, избранных ради, не сократились оные дни, в те дни остатку верных предстоит испытать на себе нечто подобное тому, что было испытано, некогда Самим Господом, когда Он, на кресте вися, будучи совершенным Богом и совершенным человеком, почувствовал Себя Своим Божеством настолько оставленным, что возопил к Нему: *Боже мой! Боже мой! Для чего Ты Меня оставил?* Подобное же оставление человечества благодатью Божией должны испытать на себе и последние христиане, но только лишь на самое краткое время, по миновании которого не умедлит вслед явиться Господь во всей Славе Своей и все Святые Ангелы с Ним. И тогда свершится во всей полноте все от века предопределенное в Предвечном Совете».⁷¹

В России были известны многие пророки, предвидевшие приход революции как результат неверия, обмирщения и чисто внешнего исполнения обрядов, лишённого горячей и самопожертвованной веры, которую требует Православие. Наблюдая отсутствие истинной веры у многих людей, епископ Феофан Затворник воскликнул: «Через сто лет что останется от нашего Православия?!»

О будущем России пророчествовали старцы Иоанн Кронштадтский, Анатолий Оптинский, Алексий Зосимовский, Варнава Гефсиманский, Аристоклий Московский и другие.

В 1930 году архиепископ Феофан Полтавский суммировал пророчества: «Вы меня спрашиваете о ближайшем будущем и о последних временах. Я не говорю об этом от себя, но то, что мне было открыто Старцами. Приход антихриста приближается и уже очень близок. Время, разделяющее нас от его пришествия, можно измерить, самое большее, десятилетиями. Но перед его приходом Россия должна возродиться, хотя и на короткий срок. И Царь там будет, избранный самим Господом. И будет он человеком горячей веры, глубокого ума и железной воли... Судя по многим знамениям, (исполнение пророчества)

приближается; разве что из-за грехов наших Господь отменит его и изменит Свое обещанное. Согласно свидетельству слова Божия, и это может случиться тоже»⁷².

«Все будущее зависит от нас: если мы возродимся к истинной православной жизни – Святая Русь будет восстановлена. Если нет – Господь может изъять Свои обещания».

Жизнь отца Владимира – призыв народа русского к истинному покаянию перед Царем и Богом. Оно **так и не осуществилось** в мере, которой от нас ждет Господь. Как нет и должного прославления Царя. Именно поэтому страшное бедствие неотвратно надвигается на нас. Жизнь отца Владимира – луч Божьего Света, который очищал, просвещал, дарил душе Пасху. Но сквозь этот сияющий поток, ежедневные: «Христос Воскресе!» (которые были не словесной формулой, а самой Пасхальной жизнью) – прикровенно присутствовало служение батюшки Страстям Господа. И сегодня – Распятие Бога – длится: *кровь льется потоком, потоком, потоком...* – так ощущал очень близкий по духу отцу Владимиру и высоко им чтимый архимандрит Тихон Агриков, великий старец нашего времени († 15.11.2000)⁷³. Пасха всех священнических лет отца Владимира была реальностью, потому что неложным было его предстояние Кресту Страдающего Христа, завершившееся собственным мученичеством. И если мы хотим приобщиться Пасхе Вечной, мы должны знать: иной цены за ее обретение – нет (и для нас – не будет).

Так любить каждого человека, как это было даровано батюшке, в том числе больного, прокаженного от грехов, одержимого... – можно только из великого плача сердца перед страшными, смертными страданиями за нас – Господа. Стремление облегчить, принять на себя боль другого – это жажда соучастия (в меру слабых человеческих сил) в Его крестных муках. Это – жажда мученичества за Христа, которая, по определению святых отцов, есть большее, чего может достигнуть человеческая душа на земле». Недаром отец Владимир говорил: «Христиане последних времен должны прийти в духовное устройство первых христианских мучеников».

Для меня отец Владимир – святой последних времен, который не бросит, не оставит в голод и холод, в болезни и пытке; в худшую, самую непосильную минуту – поддержит и защитит просящего его святой помощи. Будем подражать, в меру своих ничтожных сил, примеру жизни батюшки, исполняя его завет: «Проси у Господа Любви к Нему и ко всем людям». Ибо просящему будет дано и стучащему – отворят.

Любимый батюшка, моли Бога о нас! Да, не погибнем. Как ты сказал нам: «Одного Бога бойтесь. Ничего не страшитесь. Бог верных Своих подкрепит: и в воде не утонем, и в огне не сгорим».

О благодарности Богу и исполнении Его Святой воли

– Слава Тебе, Боже! Всего три слова, а какая великая в них – сила, – говорила матушка. – В любом несчастье – от сердца возблагодари и увидишь, как покатаются бесы. Ведь, что такое благодарность при несчастье? Это исповедание: достойное, Господи, по делам моим приемлю! Это лучшая форма смирения. Моя знакомая поскользнулась зимой и, падая, успела мысленно только: «Слава Тебе, Боже!» произнести – и, представь, – встала, как ни в чем не бывало. В народе говорят: до трех лет ребенок падает – словно на перинку. Ангел-Хранитель, оберегая дитя, подстилает ему свое крыло. Вспомни, как упал с колокольни, будучи ребенком, преподобный Серафим. И в наши дни подобные чудеса, Милостью Божией, происходят. Зови Бога – всем существом, благодари – от всей души – и сразу увидишь: как **радостно** станет жить. Радостно, потому что бесы будут разбегаться, Ангелы – приближаться! Где глубокая Любовь и Славословие Богу – там и Небо. Попробуй – узнаешь».

Поразительно, что уже через несколько дней Господь удостоверял меня в истинности матушкиных слов. Я подъехала к метро на машине, типа сегодняшней маршрутки. И, закрывая неподатливую дверь, – захлопнула ее – вместе со своими пальцами. Доли секунды – но, понимая, что сейчас произойдет что-то страшное, успела мысленно крикнуть: «Слава Тебе, Боже!» – «Достойное по делам своим принимаю!» – я говорила уже осмысленно и – от всего потрясенного сердца, потому что **боли – не было!** (Хотя каждый знает, какая в таком случае должна быть боль!) Пальцы лишь онемели на короткое время. Я потрясла бесчувственной рукой, которая тут же стала отходить, и поняла, что боль – буквально, отпрыгнула от меня (точнее выразиться не умею) в момент страшного удара – отброшенная мысленным криком: «Слава Тебе, Боже!» Представила перед собой матушкино лицо: «Вспомнишь еще меня, как станешь учиться благодарить – во всех случаях жизни. Только – **всем**

сердцем – с живой верой и Любовью». Через пару минут я уже забыла о своей руке. Никаких последствий так и не было: ни боли, ни синяков. Называя вещи своими именами: таким ударом можно было, по меньшей мере, разбить руку – до крови.

Молитва благодарственная

Благодарим Тя, Господи Боже наш, о всех благодеяниях Твоих яже от первого возраста до настоящего, в нас, недостойных рабах Твоих (имена), бывших, ихже вемы и не вемы, о явленных и неявленных, яже делом бывших и словом: возлюбивый нас якоже и Единородного Твоего Сына о нас дати изволивый, сподоби и нас достойны быти Твоя Любве. Даждь словом Твоим мудрость и страхом Твоим вдохни крепость от Твоея силы, и аще что хотяще или нехотяще согрешихом, прости и не вмени, и сохрани душу нашу святу, и представи ю Твоему Престолу, совесть имущу чисту, и конец достоин человеколюбия Твоего; и помяни, Господи, всех призывающих имя Твое во истине, помяни всех, блага или сопротивная нам хотящих: вси бо человецы есмы, и всуе всяк человек; темже молимся Тебе, Господи, подаждь нам Твоего благоутробия велию Милость.

Песнь хвалебная по подобию псалмов Давидовых

(из творений святого Иоанна Кронштадтского)

Господь – бытие мое; Господь – избавление от вечной смерти; Господь – вечный живот мой; Господь – очищение и избавление от множества прегрешений и освящение мое; Господь – сила в немощи моей, пространство в тесноте моей, упование в малодушии и унынии моем; Господь – свет во тьме моей, мир в смятении моем; Господь – заступник в искушениях моих. Он – мышление мое, желание мое, деятельность моя; Он – свет души и тела, пища, питье, одеяние мое, щит мой, оружие мое. Все для меня Господь!

Молитва ко Пресвятой Троице

О Троице! Ты, как мать, носишь всех нас на руках Своих и всех нас питаешь из рук Своих, как нежнейшая мать! Ты никогда не забудешь нас, ибо Ты Сам сказал: аще и забудет жена отрока свое, Аз не забуду тебе – питать, сохранять, защищать, избавлять и спасать.

О благодарности за потери

– Вот горе-то, – поделилась с матушкой знакомая, – украли у меня сумку: и деньги, и ключи, и документы...

– Не последнее забрали? – Да нет, Слава Богу!

– Вот и хорошо. У одного украли сбережения всей его жизни. Он так убивался, что заболел. Ему явился Ангел Господень и говорит: «Если бы ты вместо печали поблагодарил Бога за утрату, Христос бы вменил это тебе, как Милостыню, поданную лично Ему». Тот опамятовался. Стал благодарить и поднялся со смертного одра. Знаю одну душу, у которой, когда что пропадет, она себя укоряет: это я скудно милостыню бедным подаю, своих родителей мало поминаю... Прими, Господи, эти деньги – о упокоении моих усопших... за мою дочь заблудшую... мои забытые, нераскаянные грехи. И душа ее чувствует облегчение и исцеление. Давно сказано: кто об украденных деньгах не жалеет, это вменится ему **более** произвольной милостыни. Так что все у тебя хорошо.

Самое слово «Милостыня» показывает, что она должна быть делом и жертвою сердца, и подаваема с умилением или сожалением о бедственном состоянии нищего, и с умилением и сожалением о своих грехах, в очищение которых подается Милостыня. Ибо Милостыня, по Писанию (Тов.12:9), очищает всяк грех. Кто подает Милостыню неохотно и с досадою, скупю, тот не познал своих грехов, не познал самого себя. Милостыня есть благодеяние прежде всего тому, кто ее подает.

Радуйся, когда тебе предстоит случай оказать любовь. Оказывай любовь просто, без всякого уклонения в помышления лукавства, без мелочных, житейских корыстных расчетов, памятуя, что Любовь есть – Сам Бог, Существо простое. Помни, что Он все пути твои назирает, видит все помышления и движения сердца твоего (Святой праведный Иоанн Кронштадтский).

Оружие благодарения

Матушка предлагала пользоваться оружием благодарения во всех самых сложных ситуациях. «Даже при богохульных помыслах не отчаивайся, не унывай и благодари от всей души: “Слава Тебе, Господи, что Ты мне напоминаешь о существовании ада! а значит, и о будущем возмездии за мои грехи. Если бесы так нападают на меня сегодня, то если не покаюсь всерьез, какую смелость они обретут – после моей смерти?! Слава Тебе, Боже! что Ты напоминаешь мне о недалеком аде, о близости конца и ответа перед Неподкупным Судией – а то я и совсем – о них не думаю. Как Тебя благодарить, Господи?! Твою неизреченную Милость. Годы я понуждаю себя каяться, но Ты, попуская приближение ко мне преисподней – мощно призываешь меня к подлинному покаянию. Слава Тебе, Боже мой! Слава Тебе!” Исповедуйся, наивозможно серьезно, – во всех своих грехах с детства, и тогда уже можешь богохульные помыслы, по совету старцев, вменять – **ни во что!**».

Молитва на студные помыслы

Владыко Господи Боже мой, егоже в руках жребий мой, заступи мя по Милости Твоей и не остави мя погибнути со беззаконии моими, ниже воли последовати похотствующия плоти на дух. Создание Твое есмь, не презри дело руку Твоею, не отвратися, ущедри, но не уничижи; не презри мя, Господи, яко немощен есмь, яко к Тебе прибегах, покровителю моему Богу, исцели душу мою, яко согреших Тебе. Спаси мя ради милости Твоея, яко к Тебе привержен есмь от юности моея, да посрамятся ищущие отринуть от Тебе деяньми нечистыми, помышленьми нелепыми, воспоминаньми бесполезными. Отгони от мене всякую скверну, злобы излишество; яко Ты еси един Свят, един Крепкий, един Безсмертный, во всех имеяй могущество безприкладное, и Тобою дается всем яже на диавола и его воинство крепость. Яко подобает Тебе всякая слава, честь и поклонение, Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Молитва от врагов

Господи! Спасение мое от врагов моих принадлежит Тебе, самому мне без помощи Твоей невозможно избежать рук их. Господи! Весь я пред Тобою. Удостой меня быть в воле Твоей, потому что я не знаю, что полезно мне, Ты сотвори брань с врагами моими, потому что я не способен вязать всей злобы их и всех ухищрений.

«Благодари Бога – на каждом шагу, – учила меня матушка. – А когда тебе плохо благодари – втрое!» Если теперь при мне люди недоумевают: «Как можно – **благодарить**, да еще и **радоваться** в испытаниях – это же полностью невозможно?» – нередко отвечаю любимыми стихами Александра Солодовникова, замечательного неканонизированного святого нашего времени. В тридцатые годы он работал в Москве юристом. Один из сослуживцев пожаловался ему, что не может послать в концлагерь посылку с сухарями родному брату, так как, используя обратный адрес, его немедленно посадят. Истинно христианское сердце подсказало Солодовникову ответ. «Но напишите в качестве обратного – мой адрес. Я ведь не знаком с вашим братом – мне это ничем не грозит». Через считанные дни он был арестован и отправлен в тюрьму, а потом в концлагерь на Колыму. Уникальны его тюремные стихи, способные поддержать падающего и унывающего – в самой отчаянной ситуации.

Решетка ржавая, спасибо,
Спасибо, старая тюрьма!
Такую волю дать могли бы
Мне только посох да сума.
Мной не владеют больше вещи,
Все затемняя и глуша.
Но солнце, солнце, солнце блещет
И громко говорит душа.
Запоры крепкие, спасибо!
Спасибо, лезвие штыка!
Такую мудрость дать могли бы
Мне только долгие века.
Не напрягая больше слуха,

Чтоб уцелеть в тревоге дня,
Я слышу все томленье духа
С Еклезиаста до меня.
Спасибо, свет коптилки слабой,
Спасибо, жесткая постель.
Такую радость дать могла бы
Мне только детства колыбель.
Уж я не бьюсь в сетях словесных
Ища причин добру и злу,
Но чую близость тайн чудесных,
И только верю и люблю.

* * *

Дорожу я воспоминаньем,
Как отец меня плавать учил:
Покидал средь реки на купанье,
Но рядом со мною плыл.
И когда я в испуге и муке
Задыхался и шел ко дну,
Отцовские сильные руки
Поднимали меня в вышину.
И теперь, когда я утопаю
И воочию вижу конец,
Я, как мальчик тот, – уповаю,
Что рядом со мной – Отец!
Он вернет – из любой разлуки
Вознесет из любой глубины...
Предаюсь в Его – сильные руки –
И спокойные вижу сны.

О благодарности Богу и – людской похвале

Еще один завет матушки: «Если будет у тебя что-то доброе получаться, и люди начнут тебя хвалить, скажи себе: за чьи-то святые молитвы обо мне, никчемной, – Бог ни за что, ни про что – дает эту Милость; я к этому – никакого отношения не имею.

Люди добрые говорят, что на Том Свете милостыня, которой человек возгордился, – превращается в золу и пепел. Блюдай себя – ничего себе не присваивай. Делай доброе и забывай, что делала. И мыслью не задерживайся на своих добрых делах».

О Судьбах Божиих

– Матушка, в соседнем подъезде квартиру на днях ограбили. Что за жизнь пошла – на улицу страшно вечером выйти. Только и слышишь: то обокрали, то убили... И хоть бы негодяев грабили – было бы понятно, а то добрые люди вечно страдают.

– Ты прямо, как Антоний Великий, который вопрошал Бога: «Почему нечестивые богаты, а благочестивые бедны? Почему праведники страдают, а порочные – благоденствуют? Почему одни умирают безвременно – в раннем возрасте, а другие – в глубокой старости?..» И услышал в ответ от Господа: «Антоний! Внимай – себе. А то – Суды Божии».

Есть рассказ об одном подвижнике, который тоже без конца размышлял: почему это – так, и другое, по справедливости – должно быть иначе... Вскоре он услышал о прозорливом старце и решил идти к нему со своими сомнениями. В начале пути он повстречал человека, который пошел вместе с ним. Первую ночь они провели в странноприимном доме. Утром верующий хозяин угощал странников. Каково же было удивление подвижника, когда его спутник, покинув дом, стремительно подвел его к берегу реки и бросил в поток – серебряное блюдо, которое только что украшало стол хозяина. Приученный к внутренней молитве – он удержался от вопроса.

Второй вечер застал их в лесу. Уже поздней ночью они набрели на хижину, которая стала их кровом. Едва рассвело, подвижник проснулся от шума. Его товарищ уже снял крышу и быстро ломал стены, являя недюжинную силу. Он разобрал дом до основания, и также быстро построил его заново. Уйма вопросов одолевала пустытника. С большим трудом он промолчал и на этот раз.

Следующую ночь они коротали в придорожном трактире. Днем за столом им прислуживал отрок – сын хозяина. После обеда знакомый старца поднялся и без видимого усилия – задушил мальчика. Оба бегом покинули дом. Когда они были на значительном расстоянии, подвижник воскликнул: кто ты –

человек или преступник?! Объясни свои действия! Сопровождавший его остановился и глянул ему в лицо спокойными глазами: «Слушай внимательно. Хозяин первого дома – благочестивый человек, но на его совести лежало украденное им серебряное блюдо. Теперь, когда он его утратил – из его хартии изглажено темное пятно греха». – «Что же было на второе утро?» – «В лесной сторожке, в которой мы ночевали, был спрятан клад. Вслед за нами в ней должен был остановиться на ночлег добрый человек. Найденное сокровище послужило бы – к гибели его души. Поэтому я вовремя – изъясил его». – «Но как ты мог лишить жизни отрока?!» – уже испытывая страх Божий, спросил старец. «Этот мальчик, сейчас еще столь юный и чистый, в ближайшем будущем должен был стать – главарем шайки разбойников, душа его была обречена на неминуемую гибель. И у него нет благочестивых близких, которые смогли бы вымолить его из ада – поэтому мне было поведено забрать его душу – сейчас... Ты понял, что Судьбы Божии **неисповедимы?!**» – произнес Ангел и скрылся из глаз подвижника. Тот постоял на месте, помолился, поблагодарил Бога и повернул восвояси.

Так вот и мы не будем испытывать совершаемое Господом. Нам достаточно знать, что все, что делает Бог – «добро зело». А явное зло – есть попущение Божие – ради благих целей, сокрытых для наших слабых умов. Я знаю человека, который дошел до страшного падения. Не было людей, способных его удержать. Но за него молились его усопшие в Царствии Небесном – и Бог остановил его и привел к покаянию – на самом краю... Почему Господь не сделал этого раньше? По-видимому, более легким путем этот человек не смог бы обрести чего-то очень важного для своего спасения. Так что мы с тобой – ничего не знаем...

О воле Божией

– *Научитесь от Меня, яко кроток и смирен сердцем. А если у человека ни то, ни другое не получается?*

– Это дары. Проси у Него. Всем дан дар – просить. А ты до тех пор учись, пока получится. А может, кому и не полагается кротким быть – Господь Сам знает, что дает. Наше дело исполнять волю Его. Кто-то скажет: а я не знаю, в чем воля. Как? Знаем: воля Его в Любви, все соединяются в Любви. Он Сам знает, что нам нужно. Сказано: надо быть довольным. У тебя печаль и неприятности, горит – а ты будь доволен. Он всем дает, но каждому – что полагается. Одному полагается кротость, тихость, другому – слово дерзновенное и твердое. Дан дар – возгревай.

Как жить? Господь дал нам все средства, чтобы с Ним быть, Ему угодить, а мы все брыкаемся: то люди мешают, то место не подходит – все что-нибудь нам посреди дороги. А нужно посмотреть, не стоит ли нам самим измениться. Быть может, что-то в тебе не так, раз люди рядом становятся плохими.

– Все это люди мешают мне спастись! – продолжала матушка, как бы от лица двоих. – Да ты сама себе мешаешь, матушка ты моя. Господь требует все, что есть хорошее, Ему отдать, а мы все припрятываем... Господи, только меня не бросай! Я, правда, негодный человек, не творю, чего Ты хочешь, но подожди, помоги! Просто! Надо на все смотреть – просто. Вот тебе путь, иди по этой дорожке, не свертывай. *Скажи мне, Господи, путь воньже пойду!* Он не скажет, если мы не спрашиваем. Одни чуть не живые лезут на небо, а другие потихонечку-потихонечку, а там и встретились – здравствуйте!

Сердце-то наше хочет одного – угождать Богу, а мы им ворочаем. *Да возвеселится сердце мое бояться имени Твоего!* Ты угождаешь, кто тебе угождает, а ты угоди, кто тебе досаждает, гляди, он и обернется и другим станет.

– Как это, я буду любить того, кто досаждает?

– Это-то и полагается. Если бы мы попробовали, мы бы увидели, как надо жить. Мало того, что ты не делаешь зла – ты

делай добро, тебя Господь на добро создал. Господь всем хочет спасения, так что, человек, не обижайся, ты сам бываешь виноват, если что не так в твоей жизни творится.

Без Бога – нам никуда не деться

Жизнь насколько проста, настолько и мудра. Старайся найти, понять волю Божию, постигнуть правду, запечатленную в Новом завете, понять, что без нее тебе никуда не деться! Исполнять всеми силами души. А мы не больно-то стараемся, горячимся: «Господи, что я могу сделать для Тебя? Господи, что мне надо, чтобы успокоилась душа моя? Я все время чувствую, что волю Твою не творю, а должна знать, что Тебе надо». Господь говорит: «Тебе все дано, не вылезай, делай из того, что тебе дано». Господь говорит: «Я подожду, подожду, старайся». Господи, Ты все знаешь, знаешь, что **без Тебя мы – никто и ничто**, от Тебя зависит помощь нам. Без Тебя мы вроде – без рук, без ног, без головы, а с Тобой – все у нас есть. Так что только с Тобой нам надо быть.

Дай мне то, что Тебе угодно

Как долго не молишься, чувствуешь, что уже черствеешь, что-то не то:

– Матушка, ничего у меня не получается.

– Ты думай, что ничего не можешь, тогда все само сделается. А ты думаешь: «Как это я – и ничего не могу». Надо только не выдумывать, а просить у Господа: «Дай мне то, что Тебе угодно», а не так: «Дай мне то-то и то-то». Как Ты хочешь, чтобы я спаслась, так и пусть, только чтобы мне Тебе послужить. А кто я? – Никто и ничто, пуст и наг пред Тобой предстою и лютых помышлений не отступаю. Лютых!.. С ними как на тот свет прийти? Господи, спаси, как хочешь, только не дай погибнуть, а то я выберу что-нибудь такое неподходящее.

Много надо выдрать из себя чтобы по-настоящему любить друг друга. Как мало от нас требует Господь, как много мы от Него получаем! Прости нас, Господи, но все-таки мы Тебя любим. Веруем, любим. Хотим Тебе угодить хоть чем-нибудь. Хоть то, что есть, приими. Господи, Господи, спаси всех! Нет ничего страшнее – не знать Бога. Это такая страшная пустыня, такие дебри, в которых человек путается, путается...

Всегда радуйся

– Как хорошо горит огонек у лампадки! Как хорошо, если бы душа так Господу горела – тихо, спокойно! Не всем пламенем дано гореть, но хотя бы неизменным огоньком. Всегда радуйся – нельзя грехами своими затмить весь свет. Ты со мной, Господи, все Ты мне даешь. А если даже болезни и скорби?! Не скорби. Ведь не так много Богу потрудились. Будешь за горькое благодарить, Господь тебе вменит за труд, для Него подъятый. От своих добрых дел, от подвигов – порой и потщеславишься. А в болезни, слава Богу, любоваться на себя не приходится. Великий дар Божий – болезнь. Перенесешь терпеливо – в будущей жизни получишь награду великую, радость несказанную.

Радоваться, быть всегда – довольным, – нет, мы так не умеем! Господи, как хорошо жить на свете! Господи, благодарю Тебя за жизнь, которую Ты дал мне, и все потребное для жизни! Господь мой – я Его люблю и в немощи и в печали моей. Он меня помнит, любит – *у меня есть все для радости!*

Как это мы не знаем, чего хотят от нас наши папа и мама? Нет, мы должны знать, должны! Так и остаемся должны... А Он все ждет, ждет до конца – может быть, все-таки, совесть найдется. Господи, только помоги, чтобы не очень Тебя оскорблять! Мало-мальски жить, чтобы Тебя не огорчать – а нам все хочется, чтобы не было никаких бедствий и препятствий, никаких огорчений. Это-то и плохо. Забудемся, заплутаемся, так что потом испугаемся самих себя. Только дай нам волю – эх ты, так и покатили, не остановишь, народ такой. За нами гляди в оба, а то, пожалуй, натворим. Но все-таки, Ты, Господи, знаешь, что мы Тебя любим. Без тебя – ни до порога. Священное Писание – зеркало наше, жития святых. Как один священник девушке сказал: поменьше гляди в зеркало, побольше – в Евангелие.

Истинный счастливец⁷⁴

Один монах, знаменитый своими знаниями, долго и усердно молил Бога показать ему такого человека, от которого бы он мог узнать прямейший путь, удобно ведущий к Небу. Однажды, когда он, проникнутый сим желанием, усерднее обыкновенного воссылал молитвы, ему показалось, что слышит глас свыше, повелевающий ему выйти из кельи к притвору церковному. «Там, – говорил голос, – найдешь ты человека, которого ищешь».

Вышел подвижник и нашел у дверей церковных нищего старца, всего покрытого язвами и ранами, в самом жалком рубище. Проходя мимо, монах сказал ему обычное приветствие: «Добрый день тебе, старец!»

А тот отвечал: «Не помню, чтобы для меня был какой-нибудь день – недобрым!»

Монах остановился, и как бы исправляя свое первое приветствие, промолвил: «Я желаю, чтобы Бог дал тебе счастье».

А старец отвечал: «Я несчастливый – никогда не бывал».

Удивился монах и, подумав, что не вслушался или не понял его ответа, присовокупил: «Что ты говоришь? Я желаю, чтобы ты был благополучен».

«А я отвечаю тебе, – что злополучным не бывал», – сказал старец. Тогда подвижник, желая испытать его ум, сказал: «Желаю тебе того, чего ты сам себе желаешь».

«Я ни в чем не нуждаюсь и имею все, что желаю, хотя и не ищу временного благополучия... что имею, мне Бог дал, за то благодарю, а счастье мое в том и состоит, что **я – не желаю счастья**. Боязнь счастья и несчастья опасна только тому, кто их боится; но я не забочусь о счастии и никогда не молюсь о нем к Небесному Отцу, всем управляющему, и, таким образом, я никогда не был несчастливый, подобно тому, желания которого всегда исполняются. Голоден ли я? Благодарю за то Бога, как Отца, ведущаго вся, ихже требуем (Мф.6:8). Холодно ли мне? Страдаю ли от непогоды? Также – хвалю Бога. Смеются ли все

надо мною? Равно хвалю Его, потому что знаю, что все это делает Бог и невозможно, чтобы то, что делает Он, было худо. Таким образом, все, приятное и противное, сладкое и горькое, принимаю радостно, как от руки доброго Отца, желаю только того, что желает Бог, и потому все случается по моему желанию. Злополучен тот, кто ищет счастья в мире, потому что нет здесь другого счастья, как только полагаться во всем на волю Божию. Воля Господня и совершенно добра, и совершенно правосудна; она ни лучшею сделаться, ни худою быть не может. Она судит всех, – ее никто. Я стараюсь совершенно ее держаться и забочусь только о том, чтобы хотеть того, чего хочет Бог... у меня одно хотение или нехотение: чего хочет или не хочет Бог».

Удивился монах и понял, что кратчайший путь к Богу – быть во всем согласным с Его волей. «Откуда ты пришел сюда?» – спросил он.

– От Бога, – отвечал старец.

– Где ты нашел Бога?

– Там, где **оставил все мирское**.

– А где оставил ты мирское?

– В чистоте мыслей и доброй совести.

– Кто ты сам? – спросил монах. «Кто бы я ни был, – отвечал старец, – но я **так доволен** моим положением, которое ты видишь, что поистине не поменялся бы им на богатства всех царей земных. Каждый человек, умеющий владеть собою и повелевающий своими мыслями, есть царь».

«Кто тебя научил этому? И кто дал тебе эту премудрость?» – спросил наконец монах.

«Скажу тебе, – отвечал старец, – что я целые дни провожу в молчании и, молюсь ли, упражняюсь ли в благочестивых мыслях, всегда забочусь об одном: чтобы крепко быть соединенным с Богом; а соединение с Богом и согласие с Его волею – всему научает.

Так монах, научившись беседою с нищим, и преподавши ему мир, возвратился к себе, хваля и славя Бога, утаившаго *сия от премудрых и разумных*, и открывшего убогому старцу, младенчеству злобою (Мф.11:25).

**Молитва просительная святого Иоанна
Кронштадтского**

Господи! Ты пришел спасти нас верою яже в Тя, и верую, яко Ты еси Спаситель мой, – спаси мя! Ты пришел обновить растленное грехом естество мое, – обнови мя, растлившего себя страстями и похотями, обнови душевно и телесно, да буду чист сердцем и крепок телом для славы Твоего Имени. Ты пришел избавить нас от работы вражия, – избавь меня от работы врагу всезлобному, нечистому, скверному и омерзенному, воюющему в членах моих, насилием влекущему меня ко греху. Ты пришел просветить нас, – просвети омраченное страстями сердце мое. Ты пришел собрать расточенное, – собери мысли мои, расточенные врагом. Ты пришел укрепить нас в немощи нашей и сказал: сила Моя в немощи совершается, и апостол Твой говорит: сладце убо похваляю паче в немощех моих, да вселится в мя сила Христова; се, я крайне немощен и не могу без Тебя творить ничего доброго; не могу без Тебя ни мыслить, ни чувствовать хорошего, ни желать хорошего, ни говорить, ни делать; я решительно немощен для всякого добра без Тебя; дай же мне благодать, дай свет и силу мыслить и чувствовать добро и удобно совершать его, говорить и делать, что Тебе благоугодно. Се весь живот мой предаю Тебе, Христу Богу, Спасителю моему, Обновителю моему; очисти, освяти и спаси мя. Помоги мне: близка и скоро без Тебя погибель моя на всякий час.

Как найти счастье? (Из Цветника Духовного)

Голубица, выпущенная из Ноева ковчега, не могла в волнах потопных найти себе места, где бы успокоилась нога ее; так и душа наша во всех земных вещах не может найти ничего такого, что доставило бы ей полное счастье. Бессмертной души нельзя напоить водою земных удовольствий; такая вода только усилит жажду в бедной душе. Всякое земное счастье непостоянно... Оно проходит, как тень, пробегает, как волна, увядает, как цветок... А всякое счастье, которое можно потерять, есть счастье ложное. Для истинного счастья нужно то, что везде и всегда может быть с нами и чего никто из смертных не может ни дать, ни отнять. В страхе Божиим, в исполнении воли Божией, в чистой совести, в любви к Богу и ближнему – вот в чем истинное счастье человека. Где нет страха Божия и благочестия, там нет и не может быть истинного счастья. Посему, чтобы быть счастливым, надо быть – благочестивым. Совершенное счастье в том и состоит, чтобы других делать счастливыми. Из всех удовольствий самое приятное есть то, какое испытывает человек после – доброго дела. Любовь есть неисчерпаемое сокровище: кто этим сокровищем обладает, тот богат и счастлив; кто его не имеет, тот беден и несчастен. Посему стяжи любовь, чтобы стяжать себе возможное на земле счастье. – На сем свете истинно счастлив только тот, кто счастья не желает, а несчастья не боится. – За счастье ездят за моря, рыщут кругом света, а оно – **в нас, в нашем сердце**, куда мы совсем почти не заглядываем. – Счастье помогает тому, кто сам себе помогает умом и трудом. – Ищи счастья в собственном своем сердце: если там его нет, то и нигде не найдешь.

Не перестану славословить Тебя...⁷⁵

...Прошли уже годы, как я лежу (прикован к постели)... Меня окружили со всех сторон, меня давят зловещие мысли, отвратительные: Бог совсем меня оставил... Язва на ноге, экзема в сгибах ее... И в этом море скорбей, в тупике, вижу самого себя, одинокого, отчаявшегося бороться с горестными и захлестывающими волнами. Ко мне приблизилось и меня захватило отчаяние... Еще и сейчас, если вспоминаю это, – меня всего бросает в дрожь, охватывает ужас...

Затем я пошел, скорее мертвый, чем живой, к лампадке у иконы нашей Пресвятой Богородицы, взял немного маслица и помазал больные места два-три раза – и исцелился... Однако годы проходят, и я не переставая болею. Очень часто сжимаю зубы и мычу, чтобы выдержать боль. Остаюсь без сна. Но думаю, что эти испытания – от Бога...

Прошло уже семь-восемь месяцев, как ко мне приблизился одесную Бог. Он открыл мне очи души, и я увидел, сколько пользы приобретаю от этих болезней, как много я зарабатываю и какая награда меня ожидает. «Миллион раз благодарю Тебя, Боже мой. И не перестану славословить Тебя, покуда живу в этом мире. Тебе пою, Тебе поклоняюсь за эту самую болезнь мою, которую Ты мне дал.

Безмерна и непостижима по глубине и высоте Любовь Твоя. Так Ты мне ее явил, так Ты мне ее указал. Слава Славе Твоей, слава Любви Твоей, слава Милосердию Твоему. Слава бесконечной Милости Твоей. Слава Тебе, Слава Тебе, Слава Тебе»...

Такое понимание – есть основа, фундамент в различных скорбях, в многочисленных мучениях этой ложной, земной жизни. Поверь мне, что теперь, когда болит, в глубине души скорее радуюсь. И когда боли мои уменьшаются, – возможно, печалюсь. Однако же не пренебрегаю и лечением.

Итак, сейчас понимаю из опыта, почему святые радовались в скорбях своих. И первоверховный Апостол хвалился в скорбях своих, в болезнях своих – крестом своим.

Вот почему святой Иоанн Златоуст восхваляет многострадального Иова, в большей степени за то терпение, которое он явил в болезнях своих, чем за то, что в предшествующее время был он и праведен, и милостив, и гостеприимен.

Сейчас понимаю из опыта, почему святые скорбями были испытываемы, любят ли Бога, и почему Сам Бог говорит: *Узок и скорбен путь, ведущий в Царство Небесное (Мф.7:14).*

Я думаю (такое имею извещение), что Бог оказал мне великую честь, ниспосылая мне эту рану, эти боли. Потому что радость – награды не имеет, тогда как скорбь – имеет. *Ты получил уже доброе в жизни своей (Лк.16:25).*

С надеждой на эту награду и терплю, с Божией помощью. Это правда, что внешне, телесно болезную, переношу страдания, мучаюсь, но в глубине души – радуюсь.

Если ты говоришь, что любишь Бога, – прими и знак Любви Его, который есть крест Его. Ты получишь его в этой жизни, этот дар, который и есть Любовь Его.

Если мы хотим быть Его учениками по существу, не только на словах, но и в делах, то подобно нашему Первоначальнику, взошедшему на Крест, должны взойти и мы.

Если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой и следуй за Мною (Мф.16:24). Имеется в виду крест скорбей, мук и слез.

В день Судный кто что имеет из того, что претерпел в этой жизни за Христа, – то и представит. И блажен будет тот, кто претерпел тяжелый крест многих страданий... Скорби рожают смирение. От смирения сокрушается внутренний человек, сокрушается гордыня человека.

Слава Богу⁷⁶

Слава Богу! Слава Богу! Слава Богу! За все, что вижу в себе, во всех, во всем, – слава Богу!

Что же вижу я в себе? Вижу грех, грех непрестанный: вижу непрестанное нарушение святейших заповедей Бога, Создателя и Искупителя моего. И Бог мой видит грехи мои, видит их все, видит бесчисленность их. Когда я, человек, существо ограниченное, немощию подобное траве и цвету полевому, чище взгляну на грехи мои, то они наводят на меня ужас и количеством и качеством своим. Каковы же они пред очами Бога, всесвятого, всесовершенного?

И доселе долготерпеливо взирает Бог на мои преткновения! Доселе не предаст меня пагубе, давно заслуженной и призываемой! Не расступается подо мною земля, не поглощает преступника, ее тяготящего! Небо не низвергает своего пламени, не посылает им нарушителя велений небесных! Не выступают воды из своих хранилищ, не устремляются на грешника, грешащего явно пред всею тварию, не похищают, не погребают его в глубинах темных пропастей! Ад удерживается: не отдается ему жертва, которой он требует справедливо, на которую имеет неоспоримое право!

Благоговейно и со страхом смотрю на Бога, смотрящего на грехи мои, видящего их яснее, нежели как видит их совесть моя. Его чудное долготерпение приводит меня в удивление, в недоумение: благодарю, славословлю эту *непостижимую Благость*. Теряются во мне мысли; весь объемлюсь благодарением и славословием: благодарение и славословие вполне обладают мною, налагают благоговейное молчание на ум и сердце. Чувствовать, мыслить, произносить языком могу только одно: *слава Богу!*..

Слава Тебе, Создатель несуществовавших! Слава Тебе, Искупитель и Спаситель падших и погибших! Слава Тебе, Бог и Господь наш! Даруй нам и на земле и на Небе славословить, благословлять, восхвалять благость Твою! Даруй нам откровенным лицом зреть страшную, неприступную,

великолепную Славу Твою, вечно зреть Ее, поклоняться Ей и блаженствовать в Ней. Аминь.

Господи! Бесконечно, безмерно я одолжаю Тебе за каждое дыхание воздухом, Тобою разлитым для нашего существования, каждым глотком питья и каждой коркой хлеба, каждым древесным и кустарным плодом... каждую мыслью доброю, чистою, святою, возвышающею от земли к Небу, каждым чувством добрым, каждым добрым делом, и за все, за все благодарю Тебя, непотребный раб Твой! (Из дневников Святого праведного Иоанна Кронштадтского).

О покаянии

Покаяние – есть первая
новозаветная заповедь; покаяние – есть
начальная новозаветная добродетель,
вводящая во все прочие христианские добродетели.

Святитель Игнатий Брянчанинов

Какое чудо Божие – покаяние! Вот жизнь уже прожита. Ни слова не выбросишь. Один поступок – другим не заменишь. И если бы не было покаяния, это, как в граните резцом – на веки. Все помыслы мерзкие, бесчеловечие, слова разящие, гордость неисцельная... Но пришел Христос – и высшим чудом Милосердия – дал человеку возможность – **покаяться**. И все эти гранитные бесовские скалы греха – оказываются, как паутина бессильная. Ужаснулась, содрогнулась от содеянного душа, заплакал человек, как дитя беспомощное перед матерью – и Господь – одним дуновением – сметает незыблемую броню его грехов. Из лютой темницы – выпускает на свободу. Боже, как нам Тебя благодарить?! Как в прах пасть пред стопами Твоими. Благодарю, благодарю! Чем труднее тебе, тем больше благодарю. Что такое «трудно», «плохо», «искушения»... – это враг усиливается поколебать твою веру, твою верность Господу. Это Бог попускает (по силам, всегда – по силам), ибо Он хочет видеть, как ты будешь сражаться. Как будешь побеждать, чтобы тебя наградить за верность Себе. А если ты будешь побежден – благодарю еще больше. Потому что Бог надеется, что теперь ты сделаешь новое усилие. Обрешь с Его помощью – новые силы. Так как, потерпев поражение, ты, наконец, приблизишься к тому, чтобы начать **смиряться**. А смирение – всех добродетелей появление. А без него ни одной добродетели нет. Без смирения вообще Богу угодить невозможно. Все подвиги – ничего не стоят, если нет в них искренней **покорности** воле Божией – а она приходит из осознания собственного ничтожества. Осознания – всерьез, безо всякого лицемерства. Подлинное благоговение, преклонение перед Творцом, когда ты по-настоящему довел до своего сознания, сердца, души – Кто –

Он и кто – ты сам: бездна – между Божией Святостью и человеческой греховностью. Букашка любая чище и достойнее меня – она волю Божию не нарушает. И вот я – такое ничтожество – могу обратиться к Творцу всех звезд, всех святых, я могу попросить Создателя Вселенной простить мне мои гадкие грехи, сделать черное – белым, безобразное заменить красивым. Ты всего лишь от всего сердца говоришь: «Господи Премилостивый, пощади – **пожалей!** Я ненавижу свои грехи, которые причиняют Тебе боль, и меня – с Тобой разлучают. И хотят разлучить – навечно! Смилуйся – прости мои мерзости...»

И таким легким способом избавления от вечных мук – человек не пользуется!!! Это же жуть – какое легкомыслие. Какая скорбь!

«...Оставь себе на память: чем хуже тебе – тем глубже благодари Бога. Потому что за каждым испытанием обязательно следует духовное приобретение. Величайшее приобретение – познать, какое ты барахло и что вся эта жизнь с ее калейдоскопом утех – одна мишура, и все ее удовольствия – не сладость, а горький яд. Это все подделки и миражи дьявола, когда человеку кажется что-то пустое, грязное – прекрасным, притягательным, достойным любви. Все прекрасное и достойное Любви – у Господа. Поэтому даруй Бог оторвать себя от всех мирских привязанностей и всеми силами начать сближение с Богом. Господи сил – с нами буди, иного бо разве Тебе помощника в скорбех не имамы. Господи сил, помилуй нас.

Кайтесь! Считайте себя, как мытарь, грешниками. Считайте себя негодными для Царствия Божия. Умоляйте о Милости Божией. **И жалейте друг друга**» (Игумен Никон Воробьев).

Святой праведный Иоанн Кронштадтский: «Каяться – значит в сердце чувствовать ложь, безумие, виновность грехов своих, значит сознавать, что оскорбили ими Творца, Господа, Отца и Благодетеля, бесконечно святого и бесконечно гнушающегося грехом, – значит всю душою желать исправления и заглаждения их».

Молитва покаянная

Господи! Дажь мне зрети мои прегрешения, чтобы я не презирал грешников, мне подобных, и не питал к ним зла в сердце за грехи их, и сам бы себя презирал по достоинству, как грешника первого, сам к себе – к своему плотскому человеку – всегда питал непримиримую злобу.

О Святом Причащении

«Самое на свете дорогое и важное, – говорила матушка, – достойно принятое Святое Причащение...»

И с тех пор, как жила у нас матушка Надежда, в главные минуты Литургии, когда слышу: *Приимите, ядите, сие есть Тело Мое, еже за вы ломимое во оставление грехов... и Пийте от нея вси, сия есть Кровь Моя новаго завета, яже за вы и за многия изливаемая во оставление грехов...* – с великим страхом Божиим и благоговением душа произносит: «Господи, дай мне понять, что Ты сделал для меня, – для всех нас. Дай мне принять Твою Любовь – прости, очисти, освяти – чтобы и мне любить всех – Твоей Любовью...» Когда, сложив руки на груди, иду к Святой Чаше – повторяю: «Господи, отними от меня все мое: гордость, тщеславие, осуждение, нелюбовь, уныние, нечистоту, ложь, привязанность к земному... Даруй все Твое: Правду, преданность, терпение, целомудрие, безгневие, братолюбие, смирение...»

Спрос у Бога – с лучших

Одна знакомая принесла нам газету: Матушка, почитайте, тут в подробностях описано такое жуткое преступление, «Зачем мне нужно знать, как ведут себя отринувшие Бога люди? Вникать в то, как распоясалось в мире зло? Каждый из нас глубиной души без газет все это чувствует и знает. Внешних – судит Бог. Давай с тобой подумаем **о своих** душах.

Помнишь, как Фросе в Обители перед революцией явилась Божия Матерь? Вокруг уже был накал демонических страстей, все предчувствовали страшное. Миллионы тех, кто представляется нам конкретными носителями зла. Но разве к ним обратилась со словом о покаянии Царица Небесная: «Покайтесь. Строго накажу!» Фрося говорила: «Алые буквы полыхали на Ее омофоре». К кому же были обращены эти слова, к тем, кто поспешно готовили революцию? Нет, к душам, которые оставили мир и Бога предпочли – всем и всему. О чем это говорит? О том, что во все времена у Бога спрос отнюдь не с худших (они имеют оправдание, как рабы, не познавшие волю Господина). Спрос у Бога – с лучших. С тех, кто пользуется **высшей Милостью Владыки** – знать Его, любить, быть Ему верными! Вспомни, с первых страниц Библии мы узнаем, благодаря Аврааму, что Бог не попускает гневу Своему справедливо пролиться на род человеческий из-за того, что в мире существует определенное число праведников. Церковь Православная должна быть тем остатком праведников, который удерживает темные силы. Поэтому вместо того, чтобы проклинать и осуждать творящих зло, и по слабости духовной **нередко самим – заражаться злобой**, – обернемся к себе и рассмотрим, что лично в нас – достойно осуждения Господня. Может быть, Божия Матерь опять готова произнести те же слова: «Покайтесь. Строго накажу!» А мы, занятые разборкой чужих грехов, не разглядим как следует – грехов собственных. Боже, милостив буди нам, грешным. Я совсем не о том, чтобы в упор не видеть, как погибают люди, избравшие блуд, гордость, ненависть ко всему святому. За них надо молиться, не

углубляясь в трясины их падений, чтобы самим не заразиться. Не будем считать себя праведниками столь высокого уровня, которым углубление в помойку – не способно повредить. Нас заботит спасение человечества. Но помочь другим можно только собственной возросшей верой. **Когда** вера твоя станет – выше, молитва – чище, служение Богу – жертвеннее, **когда** – неложным станет твое смирение –**тогда** сможешь людям серьезно помочь».

О спасении

Наша соседка однажды сказала: «Да у меня грехи, как у всех, простые, человеческие». Матушка в ответ: «А что, нужно, чтобы были – бесовские?..» Другой она говорила: «Один человек шел мимо кладбища и увидел женщину, которая пролиwała слезы на дорогой могиле. Он сказал своему спутнику: “Видишь, как горюет эта несчастная подле своего мертвеца... Так и нам надо страдать о душе своей и проливать о ней слезы, так как мы убили ее грехами своими: служили миру и своим похотям – вместо Господа”».

Основные матушкины мысли были о покаянии. Навсегда во мне будет звучать, как глубоко она произносила: «Хочу спастися! Главное, что должно во мне быть: хочу – спастися!!!»

Молитва перед исповедью преподобного Симеона Нового Богослова

Боже и Господи всех, всякаго дыхания и души имый власть, Един исцелити мя могий, услыши моление мя, окаяннаго, и гнездящагося во мне змия наитием Всесвятаго и Животворящаго Духа умертвив, потреби; и мене нища и нага всякия добродетели суща, к ногам моего отца (духовнаго) со слезами припасти сподоби, и святую его душу к Милосердию, еже Милovati мя, привлечы. И даждь, Господи, в сердце моем смирение и помыслы благи, подобающия грешнику, согласившемуся Тебе каятися, и да не вконец оставиши душу едину, сочетавшуюся Тебе и исповедавшую Тя, и вместо всего мира избравшую и предпочетшую Тя; веси бо, Господи, яко хочу спастися, аще и лукавый мой обычай препятствием бывает: но возможна Тебе, Владыко, суть вся, елика невозможно суть от человека. Аминь.

Когда Святого Исаака Сирина спросили о покаянии, он отвечал: «Если мы все грешны и ни один из нас не встал выше искушений, то нет ни одной добродетели, – высшей покаяния. Делание его никогда не может достигнуть совершенства... и потому покаяние не может быть ограничиваемо ни временем, ни делами – до смерти» (Слово 71).

...От постоянного и тщательного очищения покаянием... ясными становятся для человека – неизреченное Величие Божие, ничтожность человека и тяжесть его падения... Аще речем, яко греха не имамы, себя прельщаем, – и истины нет в нас (1Ин.1:8–10).

«...Царство Небесное и Царь Небесный несказанно близки к нам – несравненно ближе, нежели мы полагаем. Се стою при дверех сердца человеческого, – возвещает (наш) Царь, – и стучусь в них Моим всесвятым и всеильным Словом: Аще кто услышит глас Мой, и отверзет двери, вниду к нему, и вечеряю с ним и той со Мною (Апок.3:20). Совершается отверзение дверей сердца для Небесного Царя – **покаянием**. Покайтесь, приблизися бо Царствие Небесное. Аминь». (Святитель Игнатий Брянчанинов).

О необходимости и силе покаяния

Спаситель, исцеляя расслабленного, сказал: *Чадо, отпущаются ти греси твои*. Отпущение грехов есть источник здоровья и спасения, награда покаянию; а покаяние есть врачевство, уничтожающее грех. Оно дар небесный, чудесная сила, по благодати Божией **побеждающая – могущество и строгость** законов справедливости. Оно не отвергает блудника, не гонит от себя любодея, не отвращается пьяницы, не гнушается идолопоклонников, не пренебрегает злоречивыми, не преследует ни хульника, ни гордеца: оно всех **пересозидает**, ибо оно есть – горнило для очищения грехов.

Рана и лекарство – грех и покаяние. В ране гнилость, в лекарстве очищение от гнилости; во грехе смрад, во грехе бесчестие, во грехе посмеяние; в покаянии надежда, в покаянии свобода, в покаянии очищение греха.

Не говори мне: «Много согрешил я и как могу спастись?» Ты не можешь, но Господь твой может, и так может, что истребит все согрешения твои. Слушай со вниманием слово мое: Господь твой так истребляет грехи, что не оставляет ни пятна от них, ни следа, но с возвращением здоровья дарует тебе благообразие, с освобождением от казни – сообщает праведность и согрешившего делает равным – несогрешившему. Ибо Он уничтожает грех и производит так, что греха и нет и не было, – так всецело уничтожает Он его. Не остается ни пятна, ни следа, ни вида, ни признака грехов (если ты искренно каешься)...

Жили мы по плоти, станем же, наконец, жить – и по духу; жили в удовольствиях, решимся пожить – и в добродетелях; жили в нерадении, поживем теперь – и в покаянии. **Что гордишься, – земля и пепел?** Что надмеваешься ты, о человек? Что высоко поднимаешь чело свое? Что надеешься на славу света, на богатство твое? Пойдем мы с тобой на могилы, прошу тебя, и посмотрим, что там за таинства. Посмотрим, природа наша рассыпалась, кости обнажены, тела сгнили. Если ты мудрец, вникни; если разумный человек, скажи мне, ради Бога, – кто там царь и кто простолудин, кто благородный и кто

раб, кто мудрец и кто невежа. Где там красота юности, где приятный взор, где миловидные очи, где изящный нос, где огнистые губы, где красивые ланиты, где светлое чело? Не все ли пепел? Не все ли прах? Не дым ли один остался? Не все ли червь и зловоние? **Не все ли смрад?**

Помыслим о сем, братья, представим себе последний день и, пока есть время, обратимся от пути, на коем доселе блуждали...

Предупреди исход души твоей – покаянием и обращением, дабы все врачевство покаяния не осталось бесполезным для тебя, когда наступит смерть. Ибо покаяние имеет силу **только** на земле – в аду оно бессильно (Из творений святителя Иоанна Златоустого).

Душа принадлежит Богу

Душа твоя принадлежит Богу, и мы все время должны следить, кому мы душу посвящаем. Если мы неприятность какую причинили, грех какой, мы не стараемся исправиться покаянием, а все мимо, так это тихо крадемся мимо своих преступлений или идем спокойно: «Что я сделала такого?» Но копим только одних мыслей черный воз. Кому они принадлежат, эти мысли? От мыслей идут дела. Христианская настоящая жизнь – мы и понятия о ней не имеем. «Ах, какой человек хороший, настоящий христианин!» А на самом деле, какой он должен быть и какой есть? Надо иметь такие очки, чтобы видеть, что ты думаешь, что ты делаешь. Господь Воскрес и Воскресил наши души. Мы всегда должны хранить это таинство Воскресения Христова.

Общая исповедь

Великая Княгиня Елисавета Феодоровна говорила: «Безнравственно утешать умирающих ложной надеждой на выздоровление, лучше помочь им по-христиански перейти в вечность». Елисавета Феодоровна желала воспитать сестер Милосердия, которые были бы способны оказать духовную помощь уходящим в иной мир. Привести их к раскаянию и желанию приобщиться святых Христовых Таин.

Одна знакомая матушки Надежды рассказала ей, что часто лежит в больнице и постоянно встречает людей на пороге смерти. «Как невероятно хочется помочь им покаяться. А записывать за каждым отдельную исповедь – непосильно. И захотелось мне написать общую исповедь, чтобы ее использовать в качестве шпаргалки в случае острой необходимости: если на более глубокую исповедь человек уже не способен. Матушка, благословите попробовать несколько листиков написать...» «Попробуй».

Грехи

Прости, Милостивый Господи, бесчисленные мои преступления. Грехи против всех святых Твоих заповедей.

Прости маловерие, суеверие, принятие помыслов, от врага всеваемых, против веры и Святой Церкви. Прости отвержение Бога, нехождение в Церковь, непочитание праздников. Прости богохульство (или молчаливое присутствие при кощунственных разговорах). Надеюсь на себя и на людей больше, чем на Бога. Не молюсь, (мало молюсь), молитвослова и Святого Евангелия не имею. Посты и постные дни не соблюдаю (и в супружеской жизни). Не ношу креста. Неблагоговейно стою в церкви. Не исповедуюсь и не причащаюсь. Имя Божие призываю без нужды – всуе. Небрежно изображаю на себе крестное знамение. Прости пребывание в пионерах, комсомоле, партии, веру в идеи марксизма-ленинизма и работу на их благо. Прости, что поддалась страшным идеям вероотступничества. Все прости, Милостивый Господи.

Место Бога (первое место) занимают в моей жизни – родные, работа, бытовая суеда, угождение чреву и плоти. Прости, Милостивый Господи, нерадение о спасении своей души. Привязанность к вещам, людям, твари.

Прости зависть, тщеславие, превозношение, самолюбие, самооправдание, самохваление и прочие дела гордости. Не считаю себя хуже других. Прости, Милостивый Господи.

Прости, Господи, мои страшные преступления: сделала... аборт. Прости, Господи, советы к сему. Даруй мне плакать о моих лютых грехах – до смерти.

Прости, Господи, драки, ударения, нанесение вреда, тем более увечья, другому человеку. Прости и помилуй, Господи.

Прости неблагодарность Богу за все Его неизреченные Милости и также за скорби и болезни (так как в благополучии мы часто окончательно забываем Бога). Прости нетерпение, ропот, недовольство, уныние, отчаяние, мысли прервать свою жизнь, попытки к самоубийству (смертный грех). Прости, Милостивый Господи.

Прости все ссоры, скандалы, ненависть, злом за зло воздаяние, гнев, ярость, крик, оскорбление, непросщение обид. (Не будем забывать, что можно убить человека – словом). Прости осуждение, оклеветание, раздражение, грубость, сплетни, пересуды, презрение, унижение других. Обижал (а) животных. Прости непочитание родителей, начальников, старших. Невоспитание детей и внуков в вере. Умири нашу жизнь, Господи.

Прости ложь, лжесвидетельство, лукавство, лень, недобросовестное исполнение дел по долгу службы, лесть, лицемерие, человекоугодие.

Прости все слова, которыми я Тебя в жизни оскорбил (а). Слова непристойные, ругань, мат, упоминание нечистой силы, слова блудные, шутки, остроты, анекдоты, неприличные песни, смех, пляски, разгульные застолья. Невоздержание слов, чувств. Греховные и праздные беседы. Все без числа прости, Милостивый Господи.

Прости все возможные кражи. В детстве, в чужом саду, огороде, у родителей что-нибудь вкусное. Прости любое тайноядение. Брал (а) что-нибудь с работы. Делал (а) ремонт, – доставал (а) стройматериалы, краски и прочее «слева», то есть участвовал (а) в воровстве. Не оплачивал (а) долги. Применял (а) неверный вес (обмеривал (а), обсчитывал (а)). Прости любое несправедное приобретение, Милостивый Господи.

Прости любой обман, нечестность, жадность, корысть. Не делюсь, как должно христианину, с нуждающимися.

Прости нечистые помыслы всех видов.

Прости любое нецеломудренное поведение: кокетство, флирт, нечистое воззрение, осязание, объятия, поцелуи, однократный (многократный) блуд, прелюбодеяние (измена супругу), сладострастие, воспоминание прежних грехов, чтение развратных книг, рассматривание соблазнительных картин, непристойные передачи по телевизору. Участие (и молчаливое) в развратных разговорах. Любовь к развлечениям. Любое соблазнительное поведение. Невенчанные браки. Прости и помилуй, Господи, даруй чистоту душевную и телесную.

Прости многоядение, сластолюбие, чрезмерные заботы о еде, питье вина до опьянения. Любое недостойное христианина поведение в состоянии опьянения. Не молюсь перед едой. Любое плотоугодие. Все прости, Милостивый Господи.

Прости, Господи, обращение за помощью к бабкам, колдунам, гадалкам, астрологам, экстрасенсам и прочим лжецелителям. Смотрел (а) передачи с выступлениями Кашпировского, Джуны, Чумака... Прости игру в карты, гадание, занятие спиритизмом, йогой, экстрасенсорикой, оккультизмом, хождение в секты, чтение еретических книг и другие увлечения демонической духовностью. Господи, прости, пощади от праведного возмездия, освободи от повышенного влияния на Меня темных сил в результате моих смертных грехов.

Прости, Господи, не поил (а), не кормил (а), не одевал (а) нуждающихся, не посещал (а) больных и в темнице заключенных. Прости любое немилосердие, жестокосердие, черствость, невнимание, равнодушие. Всякое проявление бездушия и зла. Не воспользовался (ась) и малой частью возможностей к совершению добра.

Прости сребролюбие, вещелюбие, расточительность, скупость, имею больше одежды и вещей, чем мне нужно. Прости раболепство духу времени, пристрастие к материальным гнущимся благам. Сребролюбие названо корнем всех зол. Страсть к материальному – противостоит духовным стремлениям человека. Мы ничего не принесли в этот мир – ничего не унесем с собой. Единственное наше достояние – добрые дела, если они сделаны не для славы и корысти – ради Бога, с Божией помощью. Все остальное станет нашим осуждением, отлучит от Добра, Света, – Бога навеки (ничего не исчезает: мал грех, но он силен увести нас – на дно ада, если мы не изгладим его глубоким церковным покаянием). Евангелие предупреждает: *Ничто нечистое не войдет в Царствие Небесное.*

Согрешил (а) делом, словом, помышлением и всеми моими чувствами: зрением, слухом, вкусом, обонянием, осязанием. Прости не упомянутое по забвению.

Прости бездну грехов моих, помоги мне жить по-христиански.

«Боже, Милостив буди мне, грешной (му)». ⁷⁷

Никто не идет к врачу, чтобы похвалиться своим здоровьем, но чтобы показать свои язвы. Никто не идет к духовнику, чтобы похвалиться своей праведностью, но чтобы показать опасную трещину на своей праведности (Святитель Николай Велемирович).

От жизни до смерти – один миг

– Матушка, покаянием можно покрыть все грехи, даже страшные?

– Да, абсолютно все. К одному старцу пришел тяжело согрешивший. И исповедав свой грех, просил назначить ему какую-нибудь серьезную епитимию на несколько лет. «Это слишком много», – сказал духовник. «Ну, тогда хотя бы на год», – просил страждущий муками совести. «И это много», – прозвучал ответ. «Но месяц...» «Тебе достаточно – того страдания, которое ты сейчас испытываешь всем сердцем».

От великого до смешного – один шаг.

От высокого до низкого – одна ступень.

От счастья до бедствия – один час.

От жизни до смерти – один миг.

От человека до скота – один грех.

От земли до неба – один вздох.

От греха до спасения – одна слеза.

От зла до добра – одно желание.

От времени до вечности – одна жизнь.

Милосердие Божие – без края и предела

Одна посетительница жаловалась на свои тяжелые обстоятельства: ее борол уныние, чувство безнадежности. Матушка с большой любовью ей говорила: «Если искра попадет в море – неужели уцелеет? Так и наши грехи в сравнении – с Милосердием Божиим. И даже все они – еще ничтожнее и меньше. Самое великое море – имеет пределы, а Милосердие Божие, Его Любовь к человеку – без края и предела.

Не расстраивайся, что у тебя столь тяжелое душевное состояние. Таким способом Господь хочет привести тебя – к более серьезной исповеди. Один подвижник беседовал с братьями о душеспасительных вещах. К ним с поклоном подошел крестьянин. «Что тебе нужно?» – спросил старец. «Хочу исповедаться» – «Тогда называй свои грехи – перед всеми нами». И человек этот, упав на колени, со слезами стал выговаривать грехи, среди них – и очень тяжкие, которые срамно и глаголати. После этой исповеди старец – постриг его в ангельский образ. Монахи были поражены: «За такие грехи – и никакой епитимии?!» Подвижник ответил: «Я видел Ангела, лицо которого блистало, как молния, и ризы были белы, как снег; кающийся называл грех – и Ангел немедленно изглаживал запись о нем в пергаменте, который держал в руках. Если так помиловал его Бог, я ли буду накладывать на него епитимию?» Так-то, милая моя, Господь дает тяжкое, чтобы потом – глубже утешить. Тебе просто нужно бегом бежать на исповедь».

После этих слов матушка осталась вдвоем с женщиной, которая о чем-то говорила ей и плакала навзрыд. В следующий раз она приехала, к нашей общей радости, после исповеди и причастия, совершенно неузнаваемая.

Сие верно знай, что не один человеческий грех не победит Божьего Человеколюбия, если только кто покаянием загладит зло, каким согрешил раньше (Древний Патерик).

(Тебя гнетет уныние), тебе тоскливо – поищи в душе своей, нет ли в ней какого греха, покайся искренно во всем, что найдешь за собою худого, омерзи всякий грех, страсть,

*всякое пристрастие, – тогда душа твоя умирится и
возвеселится (Святой праведный Иоанн Кронштадтский).*

О любви к врагам

– А если напрасно человека обижают?..

– Ну, напрасно – это редкость. Как отец наш учил: высшее наше исповедание перед самыми тяжкими испытаниями: достойное по грехам моим получаю! А напрасно – это святые терпели – вослед Господу... Так что – **напрасно** что-нибудь несладкое получить – это великая честь, венцы Небесные. С этим только поздравить можно.

А вообще, зная нашу немощь, Господь жалеет всех, кому больно. Скорее будем каяться и – исцеляться. А еще – просить любви к обидчикам. Скажу тебе по секрету – Господь и дает обиды и все это горькое, чтобы подвигнуть нас на усилие – **полюбить** тех, кто нас не любит. Он может это непосильное для нашего естества – нам подарить. Хочет дать нам эту великую силу – любовь к врагам – а это самое на свете – сладкое.

Многие годы спустя прочла, в подтверждение недостижимых тогда слов матушки:

...Все зло, которое люди творят под Небом – это исповедь немощи и бессилия (Святитель Николай Сербский).

Кто тебя или словом, или делом обидит, ты на него не гневайся, но прости ему от сердца и, отошедши, памолися о нем, глаголя: Господи, остави ему (или ей) (Святитель Тихон Задонский).

Преподобный Силуан Афонский о молитве за оскорбляющих нас

Душа не может иметь мира, если не будет молиться за врагов. Душа, наученная молиться от благодати Божией, любит и жалеет всякую тварь, и особенно человека, за которого страдал Господь на кресте и болел душою за всех нас.

Господь научил меня любить врагов. Без благодати Божией не можем мы любить врагов, но Дух Святой научает Любви, и тогда будет жалко даже и бесов: потеряли смирение и любовь к Богу.

Молю вас, испытайте. Кто вас оскорбляет, или бесчестит, или отнимает что ваше, или гонит Церковь, то молитесь Господу, говоря: «Господи. Мы все – создание Твое; пожалей рабов Твоих и обрати их на покаяние», – и тогда ощутимо будешь носить в душе своей благодать. Сначала принудь сердце свое любить врагов, и Господь, видя доброе желание твое, поможет тебе во всем, и сам опыт покажет тебе. А кто помышляет злое о врагах, в том нет любви Божией, и не познал он Бога.

Если будешь молиться за врагов, то придет к тебе мир; а когда будешь любить врагов, то знай, что благодать Божия живет в тебе большая, но не говорю еще – совершенная, но достаточная ко спасению. А если ты поносишь врагов своих, то это значит, что злой дух живет в тебе и приносит в сердце твое злые помыслы, ибо, как сказал Господь, от сердца исходят помышления злые или добрые.

Добрый человек думает: всякий, заблудившийся от истины, погибает, и потому его жалко... Если ты не имеешь любви, то хотя бы не поноси и не кляни их; и это уже лучше будет; а если кто клянёт и ругает, в том ясно живет злой дух, и если не покается, то по смерти пойдет туда, где прибывают злые духи. Да избавит Господь всякую душу от такой беды.

Поймите. Это так просто. Жалко тех людей, которые не знают Бога или идут против Бога; сердце болит за них, и слезы льются из очей. Нам ясно видно и рай, и муку: мы познали это

Духом Святым. Вот и Господь сказал: Царствие Божие внутри вас есть (Лк.17:21). Так отсюда еще начинается вечная жизнь; и мука вечная отсюда начинается.

О перенесении лишений

На самые незначительные мысли собеседников матушка отвечала серьезно.

– Матушка, у нас дома такой холодильник, совсем не топят, – сетовала одна.

– Нам так тяжело жить, потому что – не с чем свои трудности сравнить. Ведь не 5° у тебя в квартире? – Нет, конечно! – Ну вот, а Государыня пишет письма из ссылки при 5° в своей комнате и без единой жалобы. Если бы мы всерьез читали жития святых, понимали бы, в сравнении с их, часто – **добровольными** лишениями, – что мы живем в **неописуемой роскоши**. Говори себе, претерпевая трудности: Слава Тебе, Боже! вот я, никчемная, хоть краешком приобщусь подвижнической жизни. И утетишься. Знаешь, как святые говорили: «Если имеешь келью, где можешь стоять на молитве, упираясь согбенной головой в потолок – считай это великим даром Милости Божией». Потому что другие не имеют и этого.

О гонениях

Терпение – это главное действие, терпение. Мы живем: «не тронь меня, завяну я». Мы живем, пока у нас все благополучно. Но чуть это только против головки погладить – сразу себя покажем. Посмотреть на нашу равнодушную жизнь – нас, христиан! Да, гонения еще будут, еще впереди могут спросить нас: «Как веришь?»

В другой раз матушка говорила: «Гонения еще будут, – говорила матушка. – Но *...не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить, а бойтесь более того, кто может и душу и тело погубить в геенне. (Мф.10:28)* У нас вера сейчас какая? Человек стесняется перекреститься на храм. А вот если его спросят, как он верит? Нас спрашивали – были такие времена, и подписываться заставляли... Время это еще вернется. И тогда воля твоя: отказывайся или твердо отвечай... Не знаем, когда это время придет. Так что всегда должен быть готов ответ... Душе, конечно, ничего не могут сделать. Душу нашу в рабство никто взять не может. Какой-никакой, а хлеб ты имеешь право получать, хоть арестуют тебя, хоть что... Прав тебя каких лишат?! Так тебе наплевать на их права. Так что крепко держись за руку Божию.

Господь даст тебе такую сытость... тебе дадут (показывает кончик пальца) кусочек хлеба, и ты будешь сытой, а другому столько дадут, что он лопается, а толку нет.

При всяких переменах можно жить. Разве что голову оторвут. Нет, это дело нестрашное. Это все «юринда», как Фрося говорила. Держись крепко за руку Божию – больше тебе ничего не надо... Главное, хлебушек был бы. И живи себе спокойно: ешь, пей водичку.

Жизнь какую-нибудь особую? Какие-нибудь удобства? Я – не нуждаюсь!»

«Диавол обладает не силой, а злобой и ненавистью. Всесильна любовь Божия. Сатана корчит из себя всесильного, но не справляется с этой ролью. Многие из его разрушительных планов разваливаются, еще не начав осуществляться...

Враг обладает силой только тогда, когда мы сами складываем наше духовное оружие. После Распятия Христа дьявол – словно змея, лишенная яда, словно пес с вырванными зубами. У дьявола отнята его ядовитая сила, а у псов – то есть бесов – вырваны зубы. Они сейчас безоружны, а мы вооружены Крестом. Бесы не могут сделать созданию Божию ровным счетом ничего, если мы сами не дадим им на это права. Они только и могут что дебоширить – власти-то у них нет» (Паисий Афонский).

«Святитель Василий Великий, когда у него собирались отнять имущество, грозили сослать в ссылку и в конце концов – обещали мучения и смерть, отвечал: *Отнять у меня нечего, – кроме бедной одежды и нескольких книг; заточение мне не грозит – ибо, куда ни заточат – везде земля Господня; смерть же для меня – **благодеение**: она соединит меня с моим Господом.* Так и Елисавета Феодоровна думала... – медленно и незабываемо глубоко произнесла матушка. – Теми же мыслями и нам надо к любым испытаниям готовиться. Христос Единый – достоин Любви. Служи всем, дорожи всеми, люби всех – **ради Господа**. И Господь тебя не бросит. Никогда не бросит...»

Молитва преподобного Нектария Оптинского

Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, грядый судити живых и мертвых, помилуй нас, грешных, прости грехопадения всей нашей жизни и имиже веши судьбами сокрый нас от лица антихриста в сокровенной пустыне спасения Твоего.

Однажды я спросила матушку: «Как прежние люди терпели гонения, изгнания?.. Святые такие пытки выносили – страшно читать... Но ведь человек так слаб. Быть может, и нам предстоит перенести что-то тяжкое? Но не чувствую в себе никакого мужества... и душа ужасается вспоминая, как били и истязали святых. Как понести подобное слабым современным людям?» Матушка отвечала: «Главное, не скорби и не унывай. Наше пребывание в благополучии очень сильно отличается от состояния человеческой души в испытаниях. Мы знаем, как мученики претерпевали воистину – невыносимое. Это уже помощь **Самого Господа** – неизреченная Божественная

Благодать...» Годы спустя я прочла житие святых мучениц: Евдокии, Дарии, Дарии и Марии – из села Суворов под Дивеевом. Привожу маленький отрывок:

...Подъехал к келье (Евдокии) мужик на лошади, и стали страдалицы выходить. И до того у них были прекрасные лица, что невозможно было смотреть. Они вышли все с четками, церковь напротив, они на нее помолились. Тут их всех опять бить стали. Когда Евдокию бить начали, хожалки бросились защищать, кто – на ноги, кто – на тело. Затем сели они на подводу, перекрестились... Как лошадь тронулась, стали опять креститься. А на углу дома стоял мужик неверующий, Иван Анисимов. И вот увидел он, что на плечах у них голубь белый сидит, и куда бы ни ударяли, туда он и садился. Так и били по голубю. Тут же он уверовал и говорит:

– Теперь бы я последнюю корову отдал, только бы не убивали их.

Голубя этого, а кто и белые крылья, видели и другие жители села.

Трое мужиков из тех, кто постоянно ходили к Дуне, попытались за нее вступиться.

– Она наша селичка, никаких дезертир не пускала!

Так солдаты избили их плетью. Евдокия увидела это и говорит:

– Смотри, как с них грехи сыплются. Смотри, сейчас с Макара грехи летят, как от веника листья в бане, когда его за меня бьют.

Петр Карасев впоследствии рассказывал, что он никакой боли от ударов не чувствовал:

– Я бы счастлив был, если бы меня еще раз избили за Дунюшку.

Их привезли на могилу. Посадили под крестами. Евдокию и Дашу – у одного. Дашу другую у креста рядом. И Марию тоже у креста. Так и сидели они все вместе.

А потом их стали расстреливать. Сначала хотел стрелять татарин, но бросил и сказал:

– Нет, не буду, у меня рука не поднимается.

Его стали принуждать, но он отказался. Поставили другого, и тот стал расстреливать. Два выстрела дал специально для страха. На третий расстрелял первой Евдокию. Как ее убили, кверху пошла как бы чаша или как просфора, кто как видел. Это много народу видело. А одна женщина увидела, как в это время Евдокия над своей кельей по воздуху пошла. Место это благословила крестом и сказала:

– Жалко, что здесь остается один золотой, ну пускай остается.

И тут женщина не выдержала и закричала:

– Миленькая, Дунюшка, как же мы теперь без тебя жить-то будем...⁷⁸

Молитва за гонителей и презрителей веры

Господи, обрати к Тебе сердца врагов наших, если же невозможно ожесточенным обратиться, то положи преграду злых и защити от них избранных Твоих. Аминь.

Еще раз я делилась с матушкой своими страхами перед возможными испытаниями. И она отвечала, что немощь современных мирских и монахов не случайна – это предопределение Божие. Из-за особенной гордости христиан последних времен им посланы сугубые скорби и болезни. Унывать из-за этого не нужно – а усиленно благодарить Бога. И Он поможет спастись в самых безысходных обстоятельствах.

... Когда суетишься, теряешь свой крест,

И вновь тебе его не обрести

Ни в этом мире, ни в другом, а только здесь

Он дан тебе, чтоб пострадать за Бога.

Мы в лучшем мире ревностнее будем

Служить Ему, любить Его, трудиться

И приближаться с нежностью к Нему,

Но больше уж Он нас не призовет

Страдать, ведь это только здесь дается

Давайте ж на земле страдать за Бога

В смирении приучим наши души

Сносить все терпеливо, ведь страданья

Знак Божьей Милости особой,

Оставим же мы их, покинув землю!

Потери в жизни значат больше, чем удачи.

Хоть жаждет человек, а сам не пьет.

Любви могущество в самоотдаче,

Кто страждет больше, больше отдает...

Из дневников Императрицы Александры Феодоровны

Матушка говорила: «Если какой-то серьезный духовный вопрос, и ты не знаешь, как поступить, – обязательно подумай: а как в этом случае сделали бы наши святые?! И поступай – соответственно... В трудном случае обязательно исследуй исток того, что тебе предлагают: откуда исходит это предложение – от Бога ли? Даже если оно очень заманчиво и обещает видимые удобства – исследуй его трезвым умом. И если это начало не совсем понятное (как бывает: нежный росток вышел на поверхность, и сразу не разберешь – чертополох или роза), – исследуй цель этого предприятия и что оно обещает в будущем – представь его готовящийся конечный результат. И нередко увидишь, что вроде бы абсолютно безобидное начало – имеет целью откровенно бесовский итог. И тут уже – явно все откроется. Мудрец отличается от глупца – тем, что видит все до конца. Беда многих христиан, что они вступают на якобы нестрашную тропинку, не потрудившись разглядеть, куда она ведет. А ведет – в сатанинское логово».

Преподобному Пахомию Великому была открыта судьба будущего монашества, и братия спрашивала у него об этом. «О нас, отцы святые и братия, Господь сказал, что мы все монашеское исполняем так, как следует, и Он благословляет пути наши, но за нами имеющие жить монахи хуже нашего будут жить, ибо вполнину противу нас будут угождать Господу.

Далее все хуже и хуже будет, так что последние монахи уже ничего нашего, монашеского, делать не будут, а будут жить, как нынешние мирские христиане живут!» На вопрос о мирских христианах Пахомий ответил: «А мирские будут жить хуже скотов». «Как же спасутся они?» – спросили старцы. «Придут скорби на них, и обрящутся выше отец своих». «Почему же?» – опять спросили старцы.

«Вот почему, – отвечал Пахомий. – В настоящее время по произбыточествующей в нас благодати Божией и по усердию

нашему к делу спасения между нами находятся многие Богодохновенные, прозорливые рабы Божии. Если падет кто-нибудь из нас – брат или сестра, то, как бы ни было тяжело его падение, никто из нас, по преизобилующей в нас Божественной любви к ближнему не поленится и на четырехверстное путешествие, и на все великие трудности пойти, чтобы воздвигнуть павшего или павшую. Нам, следовательно, и много лучше, и много легче теперь, ибо брат от брата помогаем, удобь побеждает грех. А в те лютые и многобедственные времена монахи и монахини не только не станут помогать друг другу, но еще и сами друг друга станут повергать в гибель, и тогда придется всякому из любящих Бога, спасти свою душу и пещись о ней, как пустыннику или пустыннице»⁷⁹.

«Если предстоит перенести трудное испытание, – советовала матушка, – вспомни, что и оно имеет конец, скажи себе: и это – пройдет. За все тяжелое, пережитое ради Бога, – обязательно ищет награда, и чем труднее, тем светлее венец. Представь себе это – и возрадуешься. Поэтому – благодари. Благодарю – всегда. И чем труднее, тем больше – благодари».

Молитва во время бедствия и при нападении врагов

Господи, Всемогущий Боже, Царь всех царствующих и Господь всех господствующих, сказавший, что и волос с головы не упадет у нас без воли Твоей, прекращающий брани до края земли, сокрушающий лук, преломляющий копье, сожигающий огнем колесницы! Будь помощью нашею, защитою и крепостию, каменною горою и оградою от врагов. Не оставь наследия Твоего, называющегося святым именем Христовым. Да возвеличится слава Твоя в вышних и во всем мире, да будет на земле мир и благоволение. Не попусти разорять и опустошать церкви и училища, земли и народы, где обитает слава Твоя. Даруй всем христианским властям и подданным постоянный мир и согласие. Вооружи нас могуществом Твоим, потому что Тобою можем мы сокрушить полчища. Облеки нас силою Твоею и содейлай, чтоб укрепились мы Тобою и могуществом силы Твоей. Аминь.

Покаяние спасает даже в последний час

«Главное, не предаваться отчаянию ни в каком случае, – говорила матушка. – Был один человек, который всю жизнь предавался разгулу страстей. Мысль о покаянии ни разу его не посетила. Но в преддверии смерти нередко отверзаются духовные очи. И в тяжелой болезни Бог открыл разбойнику видение бездны его грехов. В оставшиеся дни – он только плакал, называл свои срамные грехи и несвязными словами просил Господа о помиловании. После его смерти некому и не за что было помянуть его добрым словом. На кровати остался лишь платок, мокрый от слез. Когда Ангелы ужаснулись количеству злых дел умершего и в недоумении не знали, что им противопоставить, один из них положил на пустую чашу весов – платок – полный слез. И он перетянул гору бесчисленных грехов...

Перед лицом Божией святости нет ни единого, кого нельзя было бы назвать разбойником. Только мы не любим называть вещи своими именами. Сжался, Боже наш, над нашими равнодушием и бесчувствием. И сегодня Милость Божия способна перевесить грехи всего человечества, если бы люди пришли к покаянию. Боже, сжался над нами и – помилуй! Ими же веши судьбами спаси всех, кого только можно спасти...»

С покаянием перед Царем

Будет Царь, Который меня прославит.
После чего будет великая смута на Руси.
Много крови потечет за то, что восстанут
против этого Царя и Его самодержавия...
Все восставшие погибнут, но Бог Царя возвеличит.
Преподобный Серафим Саровский
Нет греха больше, чем противление Помазаннику Божию.
Судьба Царя – судьба России. Радоваться будет Царь –
радоваться будет и Россия. Заплачет Царь –
заплачет и Россия. А не будет Царя – не будет и России.
Преподобный Анатолий Оптинский

На третий день по приезде к нам матушки Надежды, вернувшись с работы, я услышала от мамы, что к матушке ночью приходила вся Царская Семья. «Какие Они – прекрасные, – с благоговением говорила она, и слезы светились в ее глазах. – Государь меня, недостойную, – благословил...»

Незабвенны глубокие минуты воспоминаний матушки Надежды о Святой Царской Семье. Помню, как поздним вечером, нашу келью освещали одни горящие лампы, глаза матушки казались бездонными, слезы текли по ее лицу: «В том подвале кровь выступает... на стенах проявляется – кровь...» Мы обе не знали, что, ради того, чтобы скрыть последние следы преступления, дом Ипатьева давно разрушен до основания.

17 июля 1918 года в подвале Ипатьевского дома в г. Екатеринбурге – втайне от России и всего мира – была замучена Царская Семья.

Весна 1924 г. – Ипатьевский дом посетил профессор В.Н.Сперанский, издавший впоследствии на французском языке книгу «Дом особого назначения». Профессор Сперанский не мог войти в жилые комнаты, но благодаря одному из служащих совета он видел место страшного преступления – комнату подвального этажа, оставшуюся запертой. «Она напоминает погреб, объемом не более 50 куб. метров. В сыром полумраке комната казалась очень узкой... На полу и через шесть лет

сохранились пятна крови. На стенах остались следы пуль... На обоях можно было видеть и следы окровавленных рук.

Эти выступающие на стенах следы крови Царственных мучеников известны впоследствии по многочисленным свидетельствам.

«У нас училась девочка из Свердловска-Екатеринбурга. Ее мама рассказывала, что стена дома, в котором была совершена казнь Царской Семьи, в течение многих лет окрашивалась кровью. Власти полагали, что это выходы хулиганов, ставили круглосуточно часовых охранять стену, закрашивали красками, освещали прожекторами. Но ежедневно на глазах изумленных людей проступали на стене капли свежей крови».

«С детства, – вспоминает З.С.Гребенщикова, – мама нам показывала этот дом... Стали мы ходить все трое к дому Ипатьева – Федор Иванович, Саша и я – молиться. Приходили и ночью перед праздниками – Николой зимним, Николой вешним, Пасхой, перед 17 июля и другими. Брали с собой верующих старушек. Возьмем свечки, поставим на боковое крылечко и «Со святыми упокой» и «Вечную память» поем, всех Царственных мучеников поименно поминаем. Саша рассказывал, что стена, у которой Царскую Семью расстреливали, была побелена – они побелили ее, властители наши, а кровь проходит все равно через побелку. Решили покрасить в голубой цвет, нежно голубой, как небо, и опять она выходит – кровь сквозь дырочки, что пули выбили. У Сашиной бабушки Ольги была подруга, она работала в доме Ипатьева вахтером. Та же вахтерша, и сама верующая была, говорила, что накануне праздников – перед Рождеством, Пасхой, Троицей, когда выпадало ее дежурство в ночь, из подвала доносились звуки Ангельского, очень нежного пения».⁸⁰

«Наша Обитель была под покровом Царского дома Романовых, – вспоминала матушка. – Создана с благословения Государя Императора Николая II. (Сейчас все и вся, что осталось от России – находится под покровом святых Царственных мучеников. Верные Христу – обязательно верны своему Государю. Иначе не может быть!) Как близки были Обители – Государь, вся Царская Семья. Сохранилась чудная фотография – Батюшка-Царь после Литургии выходит из нашего

Покровского храма. Весь Его светлый облик излучает Благодать... Никогда не забыть эту внутреннюю улыбку, небесный взор... У нас Он чувствовал Себя легко и просто – как дома... В каждом подданном Государь видел образ Божий... Мы все испытывали благоговение перед Ним, как перед Патриархом. Трудно найти для этого чувства слова: душа понимала, что перед ней Священное лицо самого высокого ранга. Он берег родную веру – как самое Свое дорогое. Всеми силами Царь желал сохранить в России дух Святой Руси... Смотришь на Государя, и слезы подступают – и сердце горит жаждой сделать для Него – все, всю жизнь отдать Ему на служение. Он был носителем такой благодати, что Его присутствие вызывало самые возвышенные христианские чувства... Это был заботливый отец, пекущийся о Своем народе... Вспоминаешь все это, как чудный сон... Наш Царь был таким Милостивым, будто не только нашу Обитель, но всю страну хотел превратить в Дом Божьего Милосердия».

Мы нередко вспоминали с ней судьбу умученной Царской Семьи. Говорили о страшной вине и нераскаянности русского народа перед всеми Царственными мучениками, в числе которых и Великие Князья, и Великая Княгиня Елисавета. Рядом с матушкой я осознала, что все беды, начиная с дней революции и по сегодня, и все прошедшие и грядущие несчастья – мы получили и будем иметь – за наше отступление от Бога и за предательство нашего Царя. *«Кругом измена, и трусость, и обман...»* – написал Государь в первые дни революции в Своем дневнике. И это лично **моя** – измена, и **моя** – трусость, и **мой** – обман. Мое – предательство, которое длится и проявляет себя со дней моей юности, со времен моих предков, которые в них конкретно виноваты, так как *«страха ради иудейского»* потворствовали преступлению. Святой Патриарх Тихон в слове на убиение Святой Царской Семьи сказал: «Мы обязательно должны возвысить свой голос и осудить содеянное. Иначе кровь мучеников падет – и на нас...» Нераскаянные грехи моих усопших родных – тяготеют на мне.

Бог привел к нам матушку вслед за канонизацией в 1981 году Русской зарубежной церковью Святых Новомучеников

Российских, во главе с Царственными мучениками. И мы начали открывать для себя чудо личности Государя, Его Семьи и Великой Княгини Елисаветы Феодоровны по воспоминаниям матушки, и позже по книгам Соколова, Кобылинского, Жильяра... К нам пришли документы, полностью удостоверяющие непричастность Государя к событиям 1905 года, спровоцированным, как и Ходынка, известными силами, авторами «великой революции». Царь не подписал Своей рукой – **ни одного смертного приговора** на протяжении всего Своего царствования – это фактический материал. Правда о невинности Государя в ходынской катастрофе, кровавом воскресении, ленских расстрелах... сознательно скрывалась от народа богоборцами. Святого Царя назвал «кровавым» тот, кто пролил моря русской крови и таким образом пытался переключить общее внимание с себя – на невинного. По затертому приему, когда преступник кричит: «Держи вора!», чтобы безгрешного – вместо себя – отдать в руки разъяренной толпы. Сколько десятилетий можно играть в одни и те же игры?! И поразительно, что столь пошлый прием действует до сих пор.

Мы читали с матушкой службу, посвященную дню убиения святых Царственных мучеников. Она была написана вслед за прославлением Новомучеников Российских за границей. По моему мнению, этот текст остается лучшим из всего, созданного на эту тему. Мы, естественно, не могли совершать настоящую службу, но мы читали ее со слезами и, казалось, стены нашего убогой кельи раздвигались и нам внимали Те, к Кому были обращены ее слова.

В главе используются материалы из книг: «Новые мученики Российские»⁸¹, «Царственные мученики в воспоминаниях верноподданных»⁸², «Дивный Свет»⁸³, «Крестный Путь Царственных мучеников»⁸⁴.

Десница Божия посылает народам Царей и управляет Царствами человеческими. По слову преподобного Серафима Саровского, в очах Божиих нет лучшей власти, чем власть православного Царя.

Восшествие на престол именовалось в Царской России – Венчание на Царство. Совершаемое таинство обручало

Государя со Своим народом. Слова молитвы, которые произносил Николай II при коронации: *...Владыко Мой и Господи, настави Мя и вразуми в великом служении сем, да будет со Мною Твоя Божественная премудрость, послы ю с небес святых Твоих, да разумею, что есть угодно пред очима Твоима, и что есть право по заповедем Твоим, буди сердце Мое Тобою управлено, еже вся устроить ко Славе Твоей, и к пользе душевней врученных Мне людей...*

При Николае II Россия стала житницей Западной Европы. Страна давала треть мирового зерна. В годы первой мировой войны Царская Россия, единственная из воюющих стран не вводила карточную систему. Русские налоги были самыми низкими во всем мире. За двадцать лет Царствования Николая II – Россия возросла на 60 миллионов подданных.

Государь Император Николай II. *Я питаю твердую, абсолютную уверенность, что судьба России, Моя собственная судьба и судьба Моей Семьи находятся в руке Бога, поставившего Меня на то место, где Я нахожусь. Что бы ни случилось, Я склонюсь перед Его волей с сознанием того, что у Меня никогда не было иной мысли, чем служить стране, которую Он Мне вверил.*

С.Я.Офросимова «Царская Семья»: Глубокое впечатление производила на меня молитва Господня, которую пели солдаты. При первых звуках «Отче наш» Царь опускался на колени, а за Ним и все молящиеся. Молитва была проникнута такой мощью, что каждый раз с одинаковой силой потрясала меня.

Основной, плохо скрываемой чертой характера Государя Николая Александровича была любовь к простым людям, основанная, главным образом, на жалости, а жалость – ведь это испытываемая боль от страданий других. Его простую, незлобивую, беспритязательную, глубоко верующую натуру тянуло более к бесхитростным людям, с душою простого русского человека.

Это особенно теплое чувство к простому русскому народу мне приходилось неоднократно наблюдать во время многочисленных разговоров Государя с крестьянами. Оно всегда проявлялось в особой, легко уловимой задушевной

интонации Его голоса, в чутком выборе задаваемых вопросов, в высказывавшихся, по окончании разговора, впечатлениях – неизменно доверчивых, всегда добродушно ласкательных и заботливых...

Следующею основною чертою Его характера... являлось постоянное сознание лежащего на Нем Царского долга и чувства единоличной ответственности перед Богом и историей, и всеми подвластными Ему людьми...

В делах самого большого государственного значения Государя не покидало руководившее Им чувство Милосердия. Когда в конце 1908 г. Ему представлен был грандиозный план индустриализации страны, требовавший огромных денег, которых не было, Он сказал: «Петр имел мало денег и употреблял принудительный труд, и это стоило ему миллион жизней его подданных... осуществление наших проектов будет стоить от 10 до 15 миллионов преждевременных смертей Моих подданных... Я не могу сознательно идти на (такую) жертву...» Начальник жандармов обещал Государю, что сотню лет не будет никакой революции в России, если Государь позволит произвести пятьдесят тысяч казней. Император с ужасом и негодованием отверг это предложение... В высказываниях Государя о Своих врагах никогда нельзя было уловить ни малейшего оттенка раздражения. На выраженное, однажды, по этому поводу удивление Государь сказал: «Эту струну личного раздражения Мне удалось уже давно заставить в Себе умолкнуть. Раздражительностью ничего не поможешь, да к тому же от Меня резкое слово звучало бы обиднее, чем от кого-нибудь другого».

Служащий, попавший под взыскания и наказания, страдающий от своей оплошности, мог испытать всю чуткость Государя, Который всячески старался показать, что Он простил виновного. Проявления этой обыкновенной чуткости Государя, переходящей границы обычной человеческой доброты, внимания и ласки, испытали на себе близкие к Нему люди, которых служба соприкасалась с Ним. Они видели, что эти чувства мог проявить только человек родной, только отец, который при промахе своего сына сам страдает от стыда и

вины, которые испытывает сын и нежно и ласково устраняет это страдание сугубым вниманием...

Сергей Нилус вспоминал после встречи с Государем: О, этот взгляд! Век не забыть его. Это был взгляд Ангела-Небожителя, а не смертного человека. И радостно, до слезного умиления радостно было смотреть на Него и любоваться Им. И страшно – от сознания своей греховности в близком соприкосновении с Небесной чистотой.

Граф Д.С.Шереметьев. Из воспоминаний. ...Появление Государя (на вокзале под Тернополем) произвело потрясающее впечатление. Никто не ожидал Его видеть. Государь обошел всех раненых, разговаривая и расспрашивая, и во время этого обхода подошел к одному раненому, умирающему офицеру, который лежал на полу. Государь опустился возле него на колени и подложил руку под его голову. Офицер узнал Государя. Государь сказал ему: «Благодарю Вас за службу. У Вас есть семья?» Он ответил тихим голосом: «Жена и двое детей». Государь сказал ему: «Будьте спокойны; Я их не оставляю». Офицер перекрестился и сказал: «Благодарю, Ваше Вели...» и скончался.

В вестибюле покидаемого (Государем) лазарета Он одевал шинель и крупные слезы капали из Его глаз, ибо только что один лишенный рук и ног просил: «Ты все можешь, Государь, прикажи, чтобы меня умертвили...»

Из воспоминаний генерала А.А.Мосолова: (Незабываемый разговор Государя с рядовым Степаном Кузнецовым в военном госпитале Двинска). «Он тяжело ранен в голову. Лежит мертвенно бледный с воспаленными глазами. При приближении Его Величества стремится немного подняться и как-то напряженно, радостно смотрит на Царя. Затем, когда Государь подошел совсем близко к Кузнецову и остановился, слышался слабый, протяжный голос раненого: «Теперь легче стало. Прежде никак не скажешь. Ни отца, ни мать позвать не мог. Имя Твое, Государь, забыл. А теперь легче, сподобился увидеть Государя. – Затем помолчал, перекрестился и добавил: – Главное, Ты не робей; мы его побьем. Народ весь с Тобою. Там, в России, братья и отцы наши остались»...

Государь передал Георгиевский крест Кузнецову. Тот перекрестился и сказал Его Величеству: «Спасибо, благодарю. Поправлюсь, опять пойдем сражаться с германцами»... Его Величество присел на кровать Кузнецова и ласково сказал ему: «Поправляйся скорее; такие люди нужны мне».

Кузнецов перекрестился, взял руку Государя и поцеловал ее и даже погладил и вновь сказал: «Побьем его!»

Не раз затем Его Величество вспоминал свою беседу с Кузнецовым и говорил, что особенно запомнил эти простые, полные Любви слова к Нему и к России. «Он так утешил меня», – говорил Государь.

А.А. Мосолов «При дворе последнего Российского Императора»: На кладбищах у братских могил он молился истово, так как может молиться только искренне верующий человек.

С.К.Буксгевден «Император Николай II, каким я Его знала»: В обыденной жизни Николай II был очень простым. Он не носил ювелирных вещей. Его ежедневной одеждой была тужурка. Он любил скромную еду, никогда не требовал каких-нибудь особенных блюд. Во всех резиденциях комнаты Императорской четы были отделаны ко времени Их свадьбы и никогда не были снова переделаны. «Напрасная трата денег», – говорила Императрица. Так Их комнаты и оставались к 1917 году.

Рассказ генерала Орлова (из книги Н.Тальберга «Отечественная быль»): Будучи как флигель-адъютант на дежурстве во дворце... около двенадцати часов ночи, он вынужден был принять молодую женщину, упорно настаивавшую на свидании с ним. Волнуясь, сквозь слезы, она сообщила ему, что через несколько часов предстоит казнь ее жениха, которого судил военный суд вместе с несколькими революционерами. По ее словам, молодой человек только случайно оказался связанным с группой террористов и ни в чем не виноват. Она умоляла испросить у Государя повеление о приостановке его казни. Орлов знал, что Государь удалился уже в спальню и, возможно, спит. Все же искренность ее горячей мольбы побудила Орлова постараться исполнить ее просьбу...

(Осведомленный камердинером) Государь вышел и спросил: «Что случилось, Орлов?» Выслушав доклад, Он поблагодарил генерала, не побоявшегося побеспокоить Его по такому важному делу, и приказал передать немедленно по телефону коменданту Петропавловской крепости Высочайшее повеление о приостановке казни молодого человека.

На следующий день Государь отдал распоряжение выяснить обстоятельно степень виновности последнего. Обнаружена была в отношении его судебная ошибка. Он был освобожден (и отправлен на лечение в Крым на средства Царской Семьи). Через год Орлов случайно встретил в Крыму счастливую супружескую пару.

А.А. Вырубова. Неопубликованные воспоминания: Я всегда буду помнить Его удивительно глубокий искренний взгляд, в котором светилась истинная доброта. За несколько лет до революции на крейсере «Рюрик» оказался новобранец-революционер, давший обет убить Государя. Но когда его взгляд встретился со взглядом Императора, он этого сделать не смог..

В.И. Гурко «Царь и Царица»: Я не умею рассказать про характеры Царской Семьи, но скажу как могу. Я скажу про них просто: это была самая святая чистая Семья...

С.К. Буксгевден: Он был бессребреник, и деньги не играли никакой роли в Его жизни. Он никогда не беспокоился насчет своих доходов и даже никогда не справлялся о стоимости Своего имущества. После революции Он принял совершенно спокойно известие, что все Его частное имущество стало не больше, чем у богатого помещика.

Из воспоминаний Великого Князя Александра Михайловича: 200 миллионов рублей, бывших в Англии, израсходовано Государем во время войны на нужды раненых и увечных и их семей, и больше никаких личных средств у Государя не было.

Из дневника П.Жильяра: (При одном из разговоров) князь Долгорукий сказал, что в газетах говорится о статье в договоре, по которой немцы требуют передать им Царскую Семью в полной сохранности, Император воскликнул:

– Если это не попытка опозорить Меня, то это оскорбление, которое Мне наносят!

Государыня добавила тихим голосом:

– После всего зла, которое они сделали Государю, Я предпочитаю погибнуть в России, нежели быть спасенной немцами.

Государь и вся Его Семья наотрез отказались покинуть Родину. Государыня, пребывая в заточении, говорила, что готова быть поломойкой, лишь бы остаться в России до Своего смертного часа.

Из всего моря лжи, клеветы и бранной ругани Государь выходит прекрасным и чистым. Ни единого неверного, неблагородного, нецарственного жеста: такое достоинство и такое смирение.

«Святой страдалец» – самое верное, истинно выражающее душу и жизнь Государя определение, произнесенное Его Царственной супругой.

...Мы ценим (в Государе) не только чистоту и святую побуждений, намерений и целей, но и самых средств их осуществления, определявшихся Его характером, безупречным по честности и правдивости. Он весь был проникнут сознанием святости Своего служения.

Все, что произошло с Государем и Его Семьей, произошло по Евангельской канве.

Страдание Царской Семьи, – величественное, исключительное, Христоподобное. Оно совершилось во всей полноте нравственных и физических переживаний. ...Клевета не щадит не только верной и ни в чем неповинной Государыни, Которой бросается обвинение в измене, но даже прекрасных, ангелоподобно чистых дочерей. В несмолкаемом газетном хохоте и в уличном общенародном глумлении издевались, позорили, клеветали, оскорбляли и унижали Ее, после того как одни ближайшие сотрудники Государя Ему изменили, а другие – трусливо бежали. «Кругом измена, трусость и обман». Вчера имевший торжественные входы в столицы и города с кликами несметных толп – «осанна!» – сегодня слышит – «распни!» Иуды предали, Пилаты умыли руки, палачи распяли.

Пьер Жильяр «Трагическая судьба Русской Императорской Фамилии»: Император и Императрица думали, что Они умирают за Отчизну. *Они умерли за все человечество.* Их истинное величие не в императорском достоинстве, но в достижении высших человеческих добродетелей, до которых Они постепенно возвысились. Они стали духовно совершенны; это дало Им не земную, преходящую силу, но чудесную твердость и ясность души древнехристианских светочей, против которых бессильна людская злоба и которые торжествуют в самой смерти.

Цесаревич Алексей

С особенным чувством вспоминала матушка убиенного Наследника. Очень больно, что многие верующие не воспринимают, как должно, подвиг жизни и смерти Цесаревича. Этот дивный Отрок был благословением Неба для России. Сам преподобный Серафим вымаливал нам Его рождение – у Господа. Это святое Дитя было возведено на Крест со дня Своего появления на свет, обречено на суровые страдания – с первых дней Своей жизни. Мне кажется, эти муки были – *во образ будущих страданий всего русского народа*. В жертву за преступления слишком часто отдается – самое чистое, святое, невинное... Зрелые души в Царстве Небесном облачаются Богом в возраст зрелости. Существуют многие видения, в которых Цесаревич Алексей предстает перед нами в возрасте – 33 лет... Возраст Христа...

Игумен одного монастыря после перенесенной нелегкой болезни, выйдя из больницы, размышлял – принять ли ему схиму? Ранним утром он сидел у порога своей кельи, углубившись в молитву. Вдруг старец увидел приближающегося к нему по монастырской дорожке человека в белых одеждах. «И здесь доктор сумел меня найти...» – подумал игумен. С изумлением он узнал в подошедшем молодом человеке, лет тридцати с небольшим, – Цесаревича Алексея. «Не сомневайся! Обязательно принимай схиму – сказал Он. – Бог благословляет тебя принять ее – с Моим именем...» Наследник с приветливой улыбкой глянул на старца и исчез. Схиигумен Алексей говорит, что бесконечно благодарен Богу за оказанную ему честь: «Цесаревич Алексей является моим великим покровителем. Моим врачом, земным и Небесным – во все дни».

«Какой добрый и умный должен был быть у нас – Царь», – говорила матушка и целовала, целовала портрет Алексея. И слезы катились по ее лицу... Знаю многих людей, благоговейно хранящих в своей благодарной памяти случаи поразительной помощи Цесаревича в их жизни. Я тоже отношусь к числу этих людей.

Стихотворение Сергея Бехтеева, посвященное Цесаревичу Алексею, которое мы читали с матушкой, стало для меня на всю жизнь одним из самых любимых.

В дни нашей скорби безнадёжной,
В дни общей слабости людской,
Твой Образ, девственный и нежный,
Влечет нас прелестью былой;
Влечет лучистыми глазами
С их неподдельной добротой,
Влечет небесными чертами,
Влечет – нездешней красотой.
И забываются ошибки
И скорбь, терзающая нас,
При виде царственной улыбки
Твоих невинных, детских глаз.
И сердцу кажутся ничтожны
Все наши праздные мечты,
И страх корыстный и тревожный,
И голос мелкой нищеты.
И в эти сладкие мгновенья,
Пред обновленную душой
Встает, как светлое виденье,
Твой Образ чистый и святой.
1922 год

Из воспоминаний о Цесаревиче Алексее⁸⁵

В.И. Воейков «С Царем и без Царя»: (Наследник), будучи горячим патриотом (считал хорошим только все русское), был умен, благороден, добр, отзывчив, постоянен в Своих симпатиях и чувствах. При полном отсутствии гордости, Его существо наполняла мысль о том, что Он – будущий Царь: вследствие этого Он держал Себя с громадным достоинством. Благодаря болезни знакомый со страданиями, Он проявлял большую чуткость к несчастным и обездоленным и не упускал случая, когда мог, сделать что-нибудь приятное окружавшим Его.

Отец Георгий Шавельский «Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота»: Благодаря необыкновенной простоте и сердечности в обращении, Алексей Николаевич привлекал к Себе все сердца как своей внешней, так и духовной красотой...

Господь наделил Мальчика прекрасными природными качествами: сильным и быстрым умом, находчивостью, добрым и сострадательным сердцем, очаровательной у Царей простотой; красоте духовной соответствовала и телесная.

Алексей Николаевич быстро схватывал нить даже серьезного разговора, а в нужных случаях так же быстро находил подходящую шутку для ответа.

С.Я.Офросимова. Из воспоминаний: Все Его учителя говорили мне о выдающихся способностях Цесаревича, об Его большом пытливом уме и о трудных вопросах, Им задаваемых. Один из самых близких к Нему учителей говорил мне: «В душе этого ребенка не заложено ни одной скверной или порочной черты; душа Его самая добрая почва для всех добрых семян; если сумеют их насадить и взрастить, то Русская Земля получит не только прекрасного и умного Государя, но и прекрасного человека».

(Однажды к Государю обратился с просьбой о помощи один железнодорожный служащий) ...Он был обременен слишком большой семьей, и жалованья его не хватало на ее

прокормление. Государь ласково выслушал его и сказал: «С этого дня ты будешь получать от Меня еще тридцать рублей в месяц». Маленький Цесаревич, стоявший подле Государя и внимательно слушавший чиновника, положил Свою пухленькую ручку на его рукав и сказал: «А от меня будешь получать сорок».

Цесаревич был горячо привязан не только к близким Ему лицам, но и к окружающим Его простым служащим; никто из них не видел от Него заносчивости и резкого обращения. Одним из самых больших Его удовольствий было играть с детьми дядьки и быть среди простых солдат. Часто у него вырывалось восклицание:

– Когда я буду Царем, не будет бедных и несчастных. Я хочу, чтобы все были счастливы!

С.Я. Офросимова. Из воспоминаний: ...(После очередного приступа гемофилии) похудевшее личико Цесаревича было прозрачно-бледно, а изумительно прекрасные глаза Его были полны грусти. Эти глаза на бледном личике смотрели в ту пору с недетской глубиной, они озаряли Его черты, придавая Ему выражение ребенка, перешедшего уже за грань земного бытия. Казалось, недетская сила духа светила в их глубине и помогала Ему выносить дни страдания и болезнь. В эти дни, даже тогда, когда Цесаревич шалил и смеялся, глаза эти хранили скорбность затаенного страдания.

Баронесса Буксгевден: Описания приступов (болезни Алексия) душераздирающе (один из случаев, происшедший в Спала, Польша):

Сначала бедное дитя громко плакало, но, по мере того, как силы покидали Его, начался непрерывный вопль, переходящий в хриплый стон. Он не принимал пищи, не мог найти удобного положения в постели.

Иногда Его дядька Деревенько часами носил обессиленного бедняжку на руках, когда мальчику казалось, что движение облегчит Его боль. Иногда Он лежал на подушках, худел день ото дня, Его слабость усиливалась, а Его большие глаза горели как угольки на изможденном, истощенном личике. Императрица была в отчаянии, видя все это и не будучи в силах облегчить

Его невыносимые страдания. Мальчик плакал и звал смерть как избавление; до этого никто не представлял себе, что Ребенок всего восьми лет от роду, защищенный от всех бед и печалей, мог так хорошо знать истинное значение слова «смерть». Он просил похоронить Его днем, когда светло, и чтобы синее небо было над Ним.

«Когда Я умру, будет уже не больно, да ведь?» – спрашивал он мать. «Мамочка, помоги!» – был Его непрерывный плач, потому что Императрица всегда умела успокоить Его и как-то облегчить боль. Но теперь Она была бессильна. Она только могла взять Его на руки, как малое дитя, утешая Его, стараясь найти наиболее удобное для Него положение, чтоб хоть чуть Ему было полегче, а Его душераздирающий вопль все продолжался.

...Царица была у постели Сына с самого начала. Она Сама ухаживала за Ним, окружала его нежной любовью и заботой, придумывала тысячи способов облегчить Его страдания. Царь заходил, как только находилась свободная минута. Он старался утешить и развеселить мальчика, но боль была сильнее ласки матери и рассказов отца – стоны и плач возобновлялись. Дверь постоянно открывалась; то одна, то другая Царевны входили на цыпочках, целовали маленького брата, принося с собою в комнаты волны свежести и здоровья. Иногда мальчик открывал Свои огромные глаза, обведенные темными кругами, которые нарисовала болезнь, и закрывал их снова».

В то же время пошатнулось здоровье и Александры Феодоровны. Она с детства мучительно страдала болезнью ног и вынуждена была иногда передвигаться на коляске. Это, в сочетании с трудными частыми беременностями, когда Она неделями порою была прикована к постели, усугублялось необходимостью участвовать в официальной жизни Двора и общественных делах, несмотря на болезнь. В 1908 году, когда Алексею был поставлен диагноз гемофилии, это вызвало у Нее хроническую болезнь сердца. Сестра Ее мужа Ольга Александровна писала, что порою Александре Феодоровне было очень плохо. «Ее дыхание учащалось, часто я видела, что

губы Ее синели. Постоянная тревога за Алексея окончательно подорвала Ее здоровье».

Жильяр, еще до того, как узнал о болезни Царевича Алексея, вспоминает один из таких обязательных государственных приемов: «Я мог видеть Царицу в первом ряду – Она улыбалась и весело говорила с кем-то из рядом сидящих. Когда официальная часть бала была окончена, я вышел через служебную дверь в коридор напротив комнаты Алексея Николаевича, оттуда доносились громкие стоны. Вдруг я увидел Царицу – Она бежала, неловко подхватив руками мешающее Ей бежать платье. Я отпрянул к стене, а Она промчалась, не заметив меня. Взгляд у Нее был отчаянный, полный ужаса. Несколько минут спустя Царица появилась снова. На лице – светская маска. Она мило улыбалась гостям, обступившим Ее. Но я увидел и Царя: будучи занятым разговором, Он встал таким образом, чтобы видеть дверь, и я заметил, какой отчаянный взгляд бросила на Него только что вошедшая Царица. Я вдруг со всей глубиной понял трагедию двойной жизни».

Болезням Цесаревича

Твои бесценны, Ангел, нам страданья,
Рубашечка в младенческих слезах,
И тонкий нервный лик (уже иконный),
И чаша горя в неземных глазах.
Что Мать Твоя святая испытала,
Каких молитв не пролила, любя,
Как поцелуями головку осыпала,
Желая за Тебя отдать Себя.
И плач, мольба горе вносились тонко...
Лишь избранным доверено познать,
Как слышать крики Своего ребенка
И с Божьей Матерью Голгофе предстоять.
Не зря Тебе, родимый, нездоровье –
«Учебник скорби» – даровал Господь,
Склонимся ниц пред Подвигом и болью:
Вновь Бога молишь – и сочится кровь.
Святей Любви на Свете не бывает:

Жизнь за друзей и недругов отдать.
Позор на нас! Невинному ребенку
Дан Крест – страну из ада извлекать.
Урок истории так страшно не усвоить.
Лютее боли всех скорбей земных,
Взирать, не чувствуя раскаянья и горя,
В прощающий убийство детский Лик.

С.Я.Офросимова «Царская Семья»: Во время Великой войны Наследник Цесаревич все чаще и чаще уезжал на фронт к Государю и все дольше там оставался. Несмотря на то, что эти поездки вредили Его здоровью и отрывали Его от учения, Государь не считал Себя вправе оставлять Цесаревича в Царском Селе и не исполнить Его горячего стремления быть среди войск.

Я вижу храм Феодоровского собора. Идет праздничная служба... Храм залит сиянием бесчисленных свечей. Цесаревич стоит на Царском возвышении. Он почти дорос до Государя, стоящего рядом с Ним. На Его бледное прекрасное лицо льется сияние тихо горящих лампад и придают Ему неземное, почти призрачное выражение. Большие, длинные глаза Его смотрят не по-детски серьезным скорбным взглядом... Он неподвижно обращен к алтарю, где совершается торжественная служба... Я смотрю на Него, и мне чудится, что я еще где-то видела этот бледный лик, эти длинные, скорбные глаза... Я напрягаю свою память и вдруг вспоминаю... Убиенные Борис и Глеб...

Я вздрагиваю от этой мысли, гоню ее прочь, но она настойчиво возвращается в мое сознание... Я отчетливо припоминаю два лика в золотом окладе и вижу третий, озаренный церковным сиянием... Мне становится жутко... хочется отвести свой взгляд от Цесаревича... но чем сильнее я этого хочу, тем крепче он к Нему прикован... Молящиеся, ряды солдат, певчие и сияние алтаря, все точно сдвинулось с места, расплылось и поплыло в одно золотое море, все потонуло в нем, кроме лица Цесаревича. Сердце сжимает нестерпимая тоска и страх... и я падаю без чувств на руки моей матери...

После этого утра я сильно заболела. Сходство Цесаревича с где-то виденными ликами Бориса и Глеба я объяснила себе

сильным жаром, плодом больной фантазии... Больше мне никогда не пришлось увидеть Цесаревича и Царскую Семью...

Только несколько лет спустя, когда Царская Семья погибла мученической смертью, я взглянула иначе на мой бред...

Теперь в моей памяти рядом с ликами святых страстотерпцев Бориса и Глеба снова рисуется третий лик – лик убиенного Цесаревича Алексея.

Перед портретом Цесаревича

Как близок мне Твой грустный лик святой,
Твои глаза, с нездешним выраженьем:
Страданье – затаенной глубиной
И сонма Ангелов всеведение и пенье.
Те изумительные скорбные глаза
Страдания страны всей предвещали,
Недетской силой духа обещали
Нас заступать с Россией – до конца.

Покаяние за Царя

О том, что власть Царя благословлена Богом, было известно с ветхозаветных времен: *Я вознес избранного из народа Моего... святым елеем Моим помазал его* (Пс.88:20–21); *Мною цари царствуют и повелители утверждают правду* (Притч.8:15); *Бога бойтесь, Царя чтите* (1Пет.2:17); *Не прикасайтесь к помазанным Моим* (Пс.104:15).

21 февраля 1613 года на Руси состоялся Великий Земский и Церковный Собор, на котором был избран и благословлен русский Царь. На Соборе было «заповедано, чтобы избранник Божий, Царь Михаил Феодорович Романов, был родоначальником правителей на Руси из рода в род, с ответственностью в Своих делах перед Единым Небесным Царем. Кто же пойдет против сего Соборного постановления – царь ли, патриарх ли и всяк человек, да проклянется такой в сем веке и в будущем, отлучен бо будет он от Святыя Троицы...»

Император Николай Александрович Романов был последним монархом в России, помазанным святым миром на царство. Государь – Помазанник Божий, священное лицо, носитель особой силы благодати Духа Святаго, удерживающий распространение зла «тайны беззакония», был убит в ночь с 3 на 4 июля (ст.ст.) 1918 года.

Итак, была нарушена клятва 1613 года, которою связаны с Царями из дома Романовых не только сами предки, составители грамоты, но и все мы, потомки их.

Святой Феодосий Афонский пишет: «Многие угодники Божи... хранили обеты, данные за них прежде рождения родителями их, это обязывает и нас к тому же». Нарушив клятву, народ, не заступившийся за Царя, подпал под проклятие, под отлучение от Святой Троицы! Хуже этого ничего быть не может! Великий грех влечет за собой великое наказание.

В тот горький час святитель Тихон, патриарх Московский, сказал: «Мы должны, повинуюсь учению слова Божия, это дело,

иначе кровь расстрелянных падет и на нас, а не только на тех, кто совершил его».

Святитель Иоанн (Максимович) писал: «Русский народ весь в целом совершил великие грехи, явившиеся причиной настоящих бедствий, а именно – клятвопреступление и цареубийство. Общественные и военные люди отказали в послушании и верности Царю еще до Его отречения, вынудив последнее от Царя, не желавшего внутреннего кровопролития, а народ явно и шумно приветствовал совершившееся, нигде громко не выразив своего несогласия с ним. В грехе цареубийства повинны не одни лишь физические исполнители его, а весь народ, ликовавший по случаю свержения Царя и допустивший Его унижение, арест и ссылку, оставив беззащитных в руках преступников, что уже само собой предопределило конец. Таким образом, нашедшее на Россию бедствие является прямым последствием тяжелых грехов, и возрождение ее возможно лишь после очищения от них. Однако, до сих пор нет настоящего покаяния, явно не осуждены содеянные преступления, а многие активные участники революций продолжают и теперь утверждать, что тогда нельзя было поступить иначе. Не высказывая прямого осуждения февральской революции, восстания против Помазанника, русские люди продолжают участвовать в грехе цареубийства». (Акт Всезарубежного Собора, 1938 г. Югославия).

«Великий грех – поднять руку на Помазанника Божия, не останется и **малейшая причастность к такому греху – неотмщенной**. В скорби говорим мы: **«Кровь Его на нас и на детях наших»**. Будем помнить, что злодеяние совершено в день памяти творца великого канона святого Андрея Критского, зовущего нас к покаянию. Глубокое сознание греховности содеянного и покаяние перед памятью Царя-мученика **требуется и от нас**. Но покаяние наше должно быть без всякого самооправдания, без оговорок, с осуждением себя и всего злого дела от самого начала».

Наряду со святым князем Андреем Боголюбским, святым князем Михаилом Тверским, святым царевичем Дмитрием, Царь-мученик Николай II со своим многострадальным

Семейством вступает ныне в лик Российских страстотерпцев. Перед Ним, униженным, оклеветанным измученным, должна склониться вся Русь, чтобы прославлением Его подвига загладить преступление, совершенное в отношении Его.

Подобно тому, как Христос был распят на Голгофе за грехи всего мира, всеми оставленный, так и Царь **принесен в жертву за грехи всей России**, также оставленный беззащитным в руках врагов народа и Бога. Это был день, когда Церковь отмечает память благоверного русского князя Андрея Боголюбского, зверски убитого заговорщиками в 1174 году. Как тогда, так и теперь, многие примеры убеждают нас в том, что существует могучая и страшная, необыкновенно хорошо организованная тайная сила, обладающая огромными средствами. Эта сила ставит перед собой цель уничтожения Православия, она хочет гибели всего русского народа, как наследника и хранителя Православия, духовного и физического разложения детей и юных.

Апостол Павел писал: *Тайна беззакония уже в действии, только не совершится до тех пор, пока не будет взят от среды удерживающий теперь (2Фес.2:7).*

На стене подвала дома Ипатьева следствие обнаружило каббалистическую надпись. Расшифрованная позднее, она гласила: *«Здесь, по приказу тайных сил, Царь был принесен в жертву для разрушения государства. О сем извещаются все народы».*⁸⁶

Тайными изуверами иудейского племени при активном соучастии и молчаливом попустительстве большей части русского народа и ряда отступников из христиан – было совершено ритуальное человеческое жертвоприношение, отвечающее всем основным требованиям иудейского религиозного культа.

С момента убиения Царя как «удерживающего» «тайна беззакония» получила свободу. И все мы являемся свидетелями безудержного распространения не просто зла, но откровенного сатанизма – во всем мире!

Конечно, цареубийство не является единственным грехом, лежащим на совести русских людей. Оно является как

бы символом России, отпавшей от Христа и истинного Православия, – процесса, происходившего в течение XIX и XX веков (Серафим Роуз).

Комиссар просвещения Луначарский в 1923 году заявил: «Всякий человек, верующий в Бога, является для большевиков контрреволюционером, ибо мешает нам устроить царство на земле». Для устройства царства спешно расчищали место. Ломали церкви, жгли иконы, повсюду устанавливали звезды. В Свяжске местный Совет депутатов долго обсуждал, кому поставить монумент в центре города: Каин – слишком легендарная личность, люцифер не полностью разделял идеи коммунизма. Остановились на Иуде Искарите, да, на том самом... Памятник представлял собой фигуру с поднятым к небу кулаком. Такой была «новая религия». Повергая наземь церкви, кресты и купола, обставляли всю землю Русскую тысячами бронзовых голов и бюстов, изготовленных для прославления новых идолов. Человек очутился в вывернутом наизнанку мире. Совершили страшный грех: приняли в качестве руководства к жизни – идеи сатаны, отвергнув заповеди Христа. Так прожили свою жизнь наши деды и родители. Так продолжают жить и многие из нас, считая естественным явлением поворот рек, совершившийся Чернобыль, бойню в Афганистане и Чечне, наркобизнес, замену одних политических кумиров другими. Страшен мир, где материальные блага ценят выше идеалов Божественных. Есть в чем каяться нам с вами по сей день.

Мы оправдываем свое безбожие тем, что нас 70 лет ничему церковному, религиозному не учили. Но ныне все знаем: открыты церкви, стало доступным Евангелие. А живем так, как будто этого нет: телевизор – идол нашего дома, от романов и детективов отстать не можем, не помолившись и даже не перекрестившись, пьем и едим.

Не будем оправдывать себя. Нам оставлено последнее время, чтобы просить прощения у Бога за свое безбожное житие. Поблагодарим Господа за то, что мы еще живы, и можем успеть покаяться в своих преступлениях и хотя немного измениться.

Над народом тяготеет смертный грех цареубийства, а, следовательно, в той или иной степени над каждым из нас. Святой праведный отец Иоанн Кронштадтский сказал в 1905 году: «Россия, если отпадешь от своей веры, как уже отпали от нее многие интеллигенты, то не будешь уже Россией или Русью Святой. И если не будет покаяния у русского народа, конец мира близок. Бог отнимет благочестивого Царя и пошлет бич в лице нечестивых, самозванных, жестоких правителей, которые зальют всю землю кровью и слезами». Убоимся хотя бы этого грозного прещения, исполнение которого видимо приближается на наших глазах.

Чтобы иметь надежду на снятие греха с совести России, необходимо, помимо своего личного покаяния и молитв к Господу о прощении, каждодневно призывать в помощь Царя-мученика:

Святой Царю, мучениче и страстотерпче Николае, со всей Своей умученной Семьей, Великая Княгиня Елисавета Феодоровна и все Царственные мученики со всеми новомучениками земли Русския, молитесь Бога о нас, грешных!

С момента гибели Царской Семьи прошло немало времени, но многие люди еще не покались в грехе цареубийства. Как покаемся мы – дело совести каждого, но чем больше людей принесет раскаяние в тяжком грехе, тем больше надежд на светлое будущее России. Нашей стране может помочь только всенародное покаяние. **Покайся, Русь Православная!** Сами принесем покаяние в этом грехе и поможем нашим ближним понять необходимость этого – для возрождения нашей многострадальной Родины.

Покайся, Русь! И, возможно, по молитвам святых наших, Господь еще помилует Россию и нас грешных. У Господа все возможно! В силе Он печаль на радость преложить и воскресить Святую Православную Русь.

Господи, молитвами святых Царственных мучеников, спаси страждущую страну нашу Российскую! Аминь».

Из публикации «Все должны это знать»⁸⁷. Воспоминания рабы Божией Нины: «В детстве я часто болела. И один раз была даже на грани смерти. Это было в 1963 году. Мне – шесть лет.

Родители плакали и молились Богу. Я спустилась на пол и почувствовала сильное головокружение от слабости. В это время к нам пришел незнакомый мне человек и стал говорить родителям, чтобы они молились убиенной Царской Семье о моем выздоровлении. Он сказал: «Вашей отроковице помогут только Царственные мученики!» Понимала, что речь идет обо мне. Он еще настойчивее повторил: «Молитесь, она же умирает!» А я в это время стала терять сознание и начала падать. Он подхватил меня на руки и сказал: «Не умирай!» Затем положил меня на кровать и стал уходить. Мама спросила его – жива ли я. Он ответил: «Молитесь Им, Богу все возможно!» Родители опять заплакали и стали просить его остаться и помолиться вместе. Но он твердо сказал: «Не будьте маловерны!» – и ушел.

Как только мама с отцом обратились с молитвой к Царской Семье, я увидела, что к нам входят какие-то люди. Первым зашел мужчина, за ним – женщина и мальчик с девушками. Все они были одеты в блистающие белые длинные одежды, на головах золотые царские венцы, камнями украшенные. У мужчины в правой руке было квадратное полотно. Он положил его мне на лицо и стал молиться Богу. Затем Он снял покрывало, взял меня за руку и помог встать с кровати. Я почувствовала себя легко. Мужчина спросил меня: «Ты знаешь, кто Я?» Ответила: «Врач...» Он: «Я не земной, а Небесный врач. Бог меня к тебе послал. А так – ты больше не встала бы. Ты не умрешь, а доживешь до Моего прославления. Я Император Николай, а это Моя святая Семья. Она мученическим путем пришла к Богу. И назвал всех по именам. Я подошла к Царевичу Алексею и стала рассматривать Его венец. Вдруг моя мама закричала: «Девочка горит!» И родители стали искать воду. Спросила: «Мама, кто горит?» Она кричит: «Отойди от огня, сгоришь!» Сказала им: «Здесь только люди, а огня нет». А папа: «На самом деле, очень большое пламя! Огонь ходит по комнате, но ничего не загорается! Что за чудо?!» – «Не волнуйтесь, это врачи, которые пришли меня вылечить».

А когда Они – Царское Семейство – уходили, я спросила у Государя Николая, как это Они пришли к Богу мученическим

путем? И еще: «А что, нельзя просто так взять и пойти к Богу?» Царица Александра сказала: «Не надо, не пугай девочку». А Государь грустным голосом произнес: «Все должны это знать! С Нами такое сделали, что ужасно и говорить!.. Они всыпали Наш прах в бокалы... и пили с удовольствием и злорадством, что так Нас уничтожили!... Не хочу тебя пугать, пройдет время, и все откроется. Когда вырастешь, то говори людям: пусть наших останков не ищут, их нет!» Я была еще совсем маленькой, дошкольницей. И Сам Государь явился и исцелил меня».

В книге всемирно известного ученого Владимира Ивановича Даля «Разыскание о убиении евреями христианских младенцев и употреблении крови их» (Санкт-Петербург, 1844) читаем об этом следующее: «В 1454 году в Вене казнено несколько евреев за то, что убили ребенка, вынули его сердце, сожгли в порошок и пили его в вине» (стр.42).

Об этом же пишет и бывший раввин, обратившийся в христианство, монах Неофит в своей работе: «О тайне крови у иудеев в связи с учением Каббалы» (Санкт-Петербург, 1914): «Иудеи убивают христиан по трем причинам: во-первых, из адской ненависти ко Христу; во-вторых, для разных магических и каббалистических упражнений, ибо они знают, что диаволу приятна человеческая кровь, а в особенности христианская; в-третьих, из религиозных побуждений (гл.10). Кровавым порошком или пеплом иудеи пользуются еще 9 июля (ст.ст). В этот день они оплакивают разрушение Иерусалима Титом Веспасианом. По этому случаю натирают кровавым пеплом себе виски(...) В этот день все иудеи обязаны есть крутые яйца, посыпанные этим пеплом. Этот обычай носит у них название «Сцидо амафрекес»(...) На первый взгляд удивительно, что соль заменяется каким-то пеплом или порошком. Но этот пепел заменяет собой не соль, а свежую христианскую кровь» (гл.7).

Недалеко от места сожжения убиенных Ипатьевских узников следователь Н.Л.Соколов обнаружил скорлупу от полусотни куриных яиц. Остается напомнить, что наш Государь Николай Александрович вместе с Семей и приближенными во исполнение талмудических предписаний был убит 4 июля (ст.ст.), то есть за несколько дней до обряда «Сцидо

амафрекес», а потом был сожжен в прах для окончательного завершения каббалистического ритуала – празднования мести гоям.

Несколько близких отцу Владимиру (Шикину) людей видели необыкновенные сны, в которых Государь говорил с ними о необходимости глубокого покаяния России⁸⁸.

Раба Божия Ксения: «Недавно услышала от отца Владимира: Государь Николай II и Его Августейшая Семья – главные святые, при покаянной всенародной молитве к Которым может быть изменена сегодняшняя ситуация».

17 июля 1999 года получила из рук батюшки брошюру, поразившую меня своим содержанием. Кроме поразительных свидетельств рабы Божией Нины, посвященных Государю, в этом сборнике были тексты о близящемся приходе антихриста: «Шенгенская зона», «Еще раз о числе 666»...

«И он сделает то, что всем малым и великим, богатым и нищим, свободным и рабам, положено будет начертание на правую руку их или на чело их; и что никому нельзя будет ни покупать, ни продавать, кроме того, кто имеет это начертание, или имя зверя, или число имени его. Здесь мудрость. Кто имеет ум, тот сочти число зверя; ибо это число человеческое. Число его шестьсот шестьдесят шесть (Апок.13:16–18).

Кол Сандерсон, инженер-конструктор в области компьютерных микросхем (из выступления в г. Спохан, штат Вашингтон, летом 1993 года): «...Мы проводили эксперименты над одной женщиной, в спинном мозге которой было подшито несколько микросхем с радиосигналами. До этого она была неподвижна, так как все функции ее организма были нарушены. После нашего вмешательства у нее начали двигаться руки и ноги, мышцы стали управляемы. Мы продолжали работать над усовершенствованием микросхем и сумели добиться контроля над поведением женщины...

Постепенно микросхема становилась плоской, готовой для имплантации, то есть для введения в организм. Нам нужно было создать очень маленькую микросхематическую пластинку, которая помещалась бы в эпидемиологическую иглу...

Миллионы долларов были израсходованы для того, чтобы определить точку тела, куда нужно имплантировать микросхему, состоящую из 250 000 элементов... Нужно было найти такое место на теле человека, где бы температура быстро менялась. Были установлены два таких места: лоб и правая рука человека.

Над проектом работало множество людей, и они не были посвящены в его конечную цель, часто не знали, чем занимаются другие. Я работал над ресурсом батареи, то есть зарядкой и подзарядкой питания микросхемы. В то время я получил от Бога предупреждение и начал исследовать Святое Писание. Я прочел эти строки: *И он сделал то, что всем малым и великим, богатым и нищим, свободным и рабам, положено будет начертание на правую руку или на чело их (Апок.13:16).*

В процессе работы над проектом просматривалась его цель – пометить всех людей, живущих на планете. Однажды ко мне подошел государственный чиновник и сказал, чтобы информацию о том, что пластинка готова, я держал при себе. В детских учреждениях Америки уже сейчас есть тысячи детей, которым введены эти пластинки.

Я спросил одного доктора из медицинского центра в Бостоне: что произойдет, если пластинка выйдет из строя? Он ответил, что организм моментально отреагирует: появятся гнойные раны. Откр.16:2: «Пошел первый Ангел и вылил чашу свою на землю: и сделались жестокие и отвратительные гнойные раны на людях, имеющих начертание зверя и поклоняющихся образу его».

Еще немного о технологиях. Существует 23 спутника, которые могут считывать информацию даже с таких небольших предметов, как почтовая марка, например. Такой спутник способен прочесть всю информацию, заложенную в ваш лайсенс, и это он будет делать каждые 19 минут. Существуют спутники новой серии ЛИО, контролирующие все с низкой высоты. Они настолько чувствительны, что определяют изменение температуры тела человека с точностью до 0,4 градуса по Цельсию. От них никуда невозможно скрыться.

Сейчас стремятся объединить вашу кредитную карточку и дебет карту воедино. Вице-президент США считает, что каждый человек страны должен быть охвачен этой системой, иметь при себе смарт-карту. Это идет подготовка к введению пластинок под кожу. Если вам будут представлять новую систему идентификации, не принимайте ее! Уже отпущено 500 миллионов долларов для внедрения подкожной идентификации. Мы не сможем контролировать всех людей, если не идентифицируем их, то есть не пометим их. Уже сегодня есть десятки тысяч людей, которым несколько лет назад ввели подкожную пластину. Скоро это охватит весь мир. Святое Писание говорит о едином правительстве, и что начертанием будут отмечены все люди, кроме тех, кто не захотят изменить Христу.

Не случайно ЦРУ имеет программу о христианах, которая создана, чтобы скомпрометировать их через движение Нью-Эйдж. **Истинные христиане будут гонимы.**

Сегодня осуществляется переход к безналичной торговле (наличные деньги будут изъяты из оборота). Европейское Сообщество уже разработало план для этого.

Свое официальное существование это Сообщество начало 1 января 1993 года. В него входят 12 стран Европы. Это будущий центр мирового управления. Мы находимся на пороге того периода, когда людям будет ставиться начертание зверя. **И трагедия** некоторых христиан будут заключаться в том, что **они не увидят, когда начнется власть антихриста.** Нам необходимо здраво оценивать обстановку, чтобы не оказаться вовлеченными в систему сатаны. Пробудитесь!».

Не скажу, что набор свидетельств о близ грядущем антихристе был для меня новым. Но фактический материал этих документов поистине ошеломлял. Кончила читать к половине третьего ночи. Из души вырвались невольные слова молитвы: «Милостивый Господи, что же это за ужас! Какие сверхчеловеческие силы брошены на то, чтобы уничтожить Россию – Православие, самое имя русских, а мы, христиане, в таком слабом, бездейственном состоянии. На нас идет лавина, а мы как будто дремлем... Нужно же что-то делать... Боже мой,

смилуйся над Россией!» В те минуты я с редкой болью ощущала, как мы бездейтельны, как мало и слабо молимся, как неглубоко страдаем за Родину, погибающих близких, самое себя.

Сколько я еще не спала – не знаю. Заснула и вижу сон. Не сомневаюсь, что получила эту милость только по святым молитвам отца Владимира. В России война. Меня ведут по быстро темнеющим улицам. Нигде ни единого огня. Глубина улиц дышит опасностью и угрозой. Но мне не страшно – я под охраной Небесных Сил Бесплотных. Меня ведут в штаб-квартиру военных действий. Входим. Слышу о предстоящей высокой аудиенции – сейчас я предстану перед Государем и Государыней. Не верю сама себе. Неужели сейчас увижу тех, кто безгранично для меня велик и дорог? С сильнейшим волнением: «ведь **я недостойна!**» – переступаю порог. Склоняюсь в поклоне, касаясь правой рукой пола. Со страхом и трепетом поднимаю голову. На меня приветливо смотрят два светлых знакомых лица – Государь Император Николай II и Государыня Императрица Александра Феодоровна. Поражают необыкновенные доброжелательность и простота. Забытая нами учтивость. И удивительное, раскрепощающее чувство: Они меня давным-давно знают, будто с детства, и так, как могут знать только самые близкие – как, мать, которой у меня давно нет.

С благоговением смотрю на Государя, Который что-то живо и светло говорит мне. Улыбается. Глаза синие, большие, затенены сокровенной заботой-печалью, так глубоко не внешней... Глаза человека, который знает то, что нам неизвестно и несет бремя непомерно серьезной ситуации, за которую Он отвечает. Пытаясь передать выражение этих глаз, чувствую явную свою недостаточность, столь большое, невысказываемое впечатление производит то, что их наполняет. Серый военный китель, перетянутый ремнями – весь облик легкий, стройный. Государь без царских регалий, но, безусловно, что Он – Главнокомандующий.

Государыня в бледно-сером закрытом платье, с прекрасным и, я бы смела сказать, изможденным лицом. Выражение, которое освящает лики святых после ночи слезной молитвы.

Скорбное знание (о грядущих событиях?). Позже это выражение напомнило мне слова из Ее письма: *Помолимся о забывающих молиться и о всех людях*. Думая об этом, хочется плакать: «Государыня-Матушка, как тяжело молиться о нас, забывающих молиться по-настоящему. Но именно этому Ты учила Своих детей, а теперь всех нас, так как являешься Матерью всей России, как Государь продолжает быть ее Отцом».

Быть может, от переживаемого волнения (и тайного детского восторга) – ничего не запоминаю из сказанного мне вначале. Первая фраза, которую отчетливо помню: «Не могли бы вы поискать среди ваших близких художника, который захотел бы отдать силы на служение Царскому делу?» Всеусиленно пытаюсь вспомнить нужное лицо (для этих людей – нужно сделать все! отдать все!) – никого не припоминаю. Склоняю голову перед Их Величествами и горячо обещаю, что этим немедленно займусь.

Сразу же после первых приветливых фраз и Небесного дара доверия, которым меня совершенно незаслуженно окружают, – Государь приглашает за стол. Размещаемся на стульях. Государыня сидит на небольшом диване, придвинутом к этому же столу. Остаюсь под впечатлением Ее непрерывной сосредоточенной молитвы. Обстановка кабинета собранная, строгая, вещи старинные, но простые – никакой роскоши.

Несмотря на то, что все мое восприятие необыкновенно обострено и слушаю со всецелым вниманием – проснувшись, конкретных слов восстановить не могу. Только понимаю: все, о чем говорил Царь, уже без единой улыбки, было бесконечно важно для Него. И в высшей степени важно для меня: вызывало глубочайший внутренний отклик (Речь шла о серьезности сегодняшнего положения в стране и о взволновавшей меня теме близгрядущего антихриста). Последняя фраза запечатлелась во мне с большой ясностью: «Мы с Государыней просим вас передать вашим друзьям и знакомым: необходимо позвать людей, которые могли бы **посвятить** себя служению **Богу, Царю и Отечеству** в это апостасийное время».

В тот миг, когда внимала стоящему напротив меня Государю, – сознала всю значимость этих слов. Во всем облике и выражении лиц Государя и Государыни в этот момент было что-то особенное, глубоко содержащее, очень большое.

Была взволнована до глубины души, как будто приобщилась внутренним невысказанным страданиям этих необыкновенных людей. И живу с новым знанием о необходимости для России преданных верноподданных, способных отозваться на призыв Царя.

И сейчас, как тогда, испытываю чувство глубокой вины перед нашими Небесными покровителями. Мы здесь в суете забот о своих, нередко преувеличенных, потребностях, сытости, покое. А Они продолжают приносить Себя в жертву за Россию – в великом напряжении, в безмерном духовном подвиге трудов и молитв о нас, недостойных. И Государь во главе Священной войны – за спасение страны.

Так знакомо это светлое сочетание слов: Бог – Царь – Отечество. Но, на самом деле, сколько сейчас тех, кто служит Богу лишь по букве, не желая признать очевидную святость великомученика Государя Николая II и Его Семьи. Сколько, именующих себя патриотами, радетелей за благоденствие Родины – без Бога. Для них портрет Царя вместе с отечественным гербом – не более умелого антуража. Страницы лжепатриотических изданий пестрят рекламой рок-звезд, разврата, магии. Может ли любящий Родину – содействовать ее **демонизации?! – гибели!?**

Государь сказал всем нам, еще не потерявшим стыд, совесть и честь, что только в служении триединству – Богу, Царю и Отечеству – путь нашего спасения. Он призвал нас к действию. В одном из последних явлений Он сказал: Передай священству... имею власть помогать многим... Получу власть помогать и всему народу, когда буду прославлен и на земле. И тогда Россия процветет на малое время.⁸⁹

Во мне и сейчас с особенной силой звучат слова, произнесенные Государем. Речь в них идет не о внешнем исполнении каких-то обязательств – о священном долге каждой живой русской души (вне зависимости от национальности). О

спасительном, высоко духовном содержании любой деятельности, ради жизни России. В подобие слов, произнесенных Государем в известном явлении, Царь безмолвно произносит и сегодня: «Почему Мне так мало молятся?»⁹⁰

Отец Владимир говорил, что кроме молитвы необходима реальная деятельность для того, чтобы канонизация Царской Семьи и после осуществления не осталась формальной. Каждому голос души подскажет направление труда, на который способен именно он.

Сейчас, как никогда, – все силы преисподней истошно борются за низведение во ад, заживо, нашей Родины – последнего оплота Православия на земле. От судьбы России, как известно, зависит будущее всего человечества. Помню, в начале церковного пути меня поразила святоотеческая мысль: весь мир созиждется в руке Божией только ради верующих, желающих спасения, и тех, кто способен еще покаяться и войти в лоно Православной Церкви. Никакого иного смысла существования – вселенная не имеет. Значит, первое наше дело: укрепление собственной веры, углубление покаяния, личного и наших ближних, всех, кто поставлен Богом с нами рядом.

Виктор С. свидетельствовал, что перед лицом Государя он ощутил себя в потоке Его глубокой отцовской Любви. *Мне было открыто, – пишет он, – что этот дар Христовой Любви дан Государю по отношению к каждому из Его подданных.* В свете этой всеподлинной, ничем нами не заслуженной, проливаемой с небес на нас, грешных, Любви – мы должны принести Царю сугубое покаяние. Не так, как рассуждают некоторые: нас тогда на было, в чем же каяться? А каяться всем существом.

Отец Владимир неустанно повторял: начнем с того, что наше покаяние поверхностно, неистинно, теплохладно. Мы, как правило, не требуем от себя глубокого изменения своей жизни в соответствии с христианскими заповедями, как будто хорошо нам известными. Есть среди нас даже и такие, кто приходит из храма и включает телевизор (чтобы получить дозу наркотика из преисподней?!). Немалое количество христиан считает

допустимым участвовать в телешабах и только обещает себе расстаться с личным гипнотизером. Они отпускают своих детей на дискотеки и шоу, покупают им «Интернет» и так далее и тому подобное... Позволяют все то, что для христиан было всегда: недопустимо, стыдно, грешно. И не считают, что нужно жизнь свою положить на то, чтобы не отпустить своих дорогих катиться по дороге, неуклонно влекущей вниз.

До сих пор мы не все покаялись в бывшей у нас приверженности к душепагубным идеям – вере в марксистско-ленинскую и прочие лжеидеологии. Мы вступали в пионеры, комсомол, партию... а ведь бесы, сохраняющие каждое наше слово, напомнят нам на мытарствах весь наш вольный-невольный атеизм, засвидетельствованный нашими ответами на уроках истории в школе, на лекциях боготорческой философии в институте. То, что мы отмечали победу духа тьмы над собою – празднуя дни 7 ноября, 8 марта, 1 мая. Вина наша перед Государем – безмерна. Мы читали и верили лжи омерзительных книг о Царской Семье, клевете беспримерных литературных фальсификаций, типа лжедневников А. Вырубовой, писем Г. Е. Распутина и тому подобного. На нас грех наших непокаявшихся отцов и дедов – они безмолвствовали или соучаствовали, когда предавали Царя, – и вслед за Ним всю Святую Русь вели на Голгофу. Мы утратили страх Божий и руководились страхом иудейским всю свою жизнь. Сколько раз мы не защитили Царя, даже любя Его в глубине души, когда при нас Его хулили, злословили, унижали. Мы не хранили верность той России, которую созидал всеми трудами и муками Своей святой жизни – Царь. Своими руками мы строили Россию – никогда не существовавшую. Матушка Надежда говорила: «До революции Бог везде был во главе жизни: дома, на улице, на работе...» И в последующей паузе звучало: «а теперь жизнью руководит – дьявол». Мы все сознательно или полусознанно приложили руку к тому, чтобы вместо нашей Родины возникла эта страшная реальность, в которой мы все погибаем.

Покаяться перед Царем – значит по-настоящему принести покаяние Богу. Истинный Государь есть «образ одушевлен Царя Небесного», по слову Максима Грека. Заносили удар над

Царем, но на самом деле еще раз мечтали освободить себя от присутствия на земле Бога. И освободили себя от понятий: совести, целомудрия, долга, чести, ответственности за свои грехи и пороки; выпустили на волю неистовство всех поддонных страстей, кровавый культ насилия, жестокости, немыслимых форм зла, предательства, разврата, ведьмовства, наркомании, всепродажности – осуществили невиданное поругание и уничтожение Божественного замысла о вселенной и человеке.

Подписывая смертный приговор главному Богоносцу – Помазаннику Божию, руководившему страну ко спасению, они надеялись уничтожить и весь богоспасаемый народ, каждую душу, еще не погибшую для Бога, сотни миллионов людей, через которых осуществлялся святой замысел о Царствии Небесном для великого народа – великой Российской державы.

Покаяться в своем отступлении – значит признать, наконец на деле, наше желание опять руководиться Богом. Возрыдать, исповедуя то, что, отринув имя Святой Руси, – мы пошли поклоняться и служить врагу Божию, ненавидящему Творца и нас всех – Его детей – лютой ненавистью. Так неустанно учил нас отец Владимир.

Помню белого, как лушь согбенного старца – схиархимандрита Серафима (Тяпочкина). Физического голоса, кажется, уже не было – остался шелест, но было внятным каждое слово. Невозможная тишина. Переполненный храм безмолвно плакал. Малословная проповедь. Батюшка говорил о предательстве Господа. Весь последующий смысл проповеди можно вложить в два слова: **«Ведь мы же – иуды! Мы все – иуды...»** И слезы по впалым щекам – не каплями – потоками, двумя ручьями струились с бороды на амвон. Пережитое в те минуты не поддается описанию... Это и есть – слово о нас – о России. И мы считаем, что не совершили в жизни смертных грехов?!

Как не прекращается распятие Спасителя, так длится убийство, начатое в 1918 году в Ипатьевском доме. Как длится гражданская война – девятый десяток лет... – на нашей земле. Война за то, принадлежать ли стране – Свету Божию, или – тьме кромешной.

Отрицают безусловную святость Царской Семьи те, кто стоит за «общечеловеческие» ценности, интернационализм, всеобщий экуменизм, всемирное правительство... те, кто всеусиленно приближают день пришествия в этот мир антихриста.

Боже, подай нам силы воспользоваться простертой к нам с Небес помощью и защитой – святым заступлением Царственных страстотерпцев избежать десятого вала преисподних сил, готового поглотить последнее, что от нас осталось.

Одно предстательство великих, давно прославленных Богом, святых, – способно утолить гнев Божий, иначе он заслуженно прольется на нас – повторив, в худшем варианте, дни всемирного Потопа.

Бог всегда – даже и сейчас – хочет помочь нам. Но – **не может**, так как мы не очищены подлинным покаянием для принятия этой благодати.

Святые Царственные мученицы, молитесь Бога и вымолите нас, всепрегравших перед Вами!

Господи, подай нам Твои силы, молитвенным предстательством святой Царской Семьи, – принести Тебе подлинное, нелицемерное покаяние, способное перевернуть жизнь кающихся. Единственное, что поможет нам канонизировать⁹¹ любимых святых и воскресить Россию.

Мы недостаточно углублены в пророческое слово Серафима Роуза: «Сейчас уже позже, чем вы думаете». Услышим же его хотя бы в неоднократно повторенных (в разных явлениях) словах Императора Николая II: «У Меня ведь совсем мало времени осталось»⁹². «Времени осталось очень мало»⁹³.

«Я была совершенно невоцерковленной, в храм могла зайти только по пути с работы поставить свечи и редко подавала записки.

И вот снится мне сон, как будто с семьей мы приехали в отпуск к родителям на Кубань. Я одна находилась во дворе. Стояла тихая летняя ночь, небо было ясным, звезды излучали мягкий свет. И вдруг начинается жуткое смятение на небе: звезды падают, мелькают страшные молнии, мечутся Ангелы по небу, полное смятение и хаос! Ужас сковал все мои члены, я

хочу бежать в дом, чтобы предупредить моих близких о страшных, непонятных явлениях, и не могу от страха сдвинуться с места, и только одна мысль в голове – конец!

Вдруг на фоне этого ужаса на небе появляется наш Император Николай II в военном мундире, сидящий на троне. Сначала Он появился далеко, потом начал приближаться, все увеличиваясь и увеличиваясь, постепенно закрывая собой весь ужас, царящий на небе.

В голове у меня появляется мысль: «А причем здесь наш Царь?»

Я проснулась. Сон был настолько ярким, что я долго ходила под впечатлением всего пережитого. Мне казалось, что я пережила все это наяву. Только очень долго мучил еще вопрос: причем здесь Царь и Небо? Как их совместить?

Теперь, когда я много читала о Царственных мучениках, я глубоко верю, что наш Император закрывает Собой нас от окончательной гибели, и Его молитвами Россия еще как-то держится в этом мире зла и ужаса.

Слезно умоляю нашего великого Царя-мученика простить меня за то, что столько лет я верила той лжи о Нем, которую привили мне с детства. И сейчас, глядя на Его благороднейший, осененный благодатию Божией, лик, я глубоко верю в Его святость.

11 ноября 1997 г. *Шубина Татьяна*»⁹⁴

Видение матроса Силаева⁹⁵

Видение, которое было матросу Силаеву с крейсера «Алмаз». Из книги архимандрита Пантелеимона «Жизнь, подвиги, чудеса и пророчества святого праведного отца нашего Иоанна, Кронштадтского чудотворца».

«В первую же ночь после причастия, – рассказывает матрос Силаев, – видел я страшный сон. Вышел я на огромную поляну, которой конца-краю нет; сверху, ярче солнечного, льется свет, на который нет мочи взглянуть, но этот свет не доходит до земли, и она как будто вся окутана не то туманом, не то дымом. Вдруг в небесах раздалось пение, да такое стройное, умирительное: *Святой Боже, Святой Крепкий, Святой Бессмертный, помилуй нас!*

Несколько раз повторилось оно, и вот, вся поляна заполнилась людьми в каких-то особых одеяниях. Впереди всех был наш Государь-мученик в царской порфире и короне, держа в руках чашу, до краев наполненную кровью. Справа рядом с Ним – прекрасный отрок, Наследник Цесаревич, в мундире, тоже с чашей крови в руках, а сзади Них, на коленях – вся умученная Царская Семья в белых одеждах, и у Всех в руках – по чаше крови.

Впереди Государя и Наследника на коленях, воздев руки к небесному сиянию, стоит и горячо молится отец Иоанн Кронштадтский, обращаясь к Господу Богу, словно к существу живому, словно он видит Его, за Россию, погрязшую в нечисти. От этой молитвы меня в пот бросило: *Владыко Всесвятый, виждь кровь сию невинную, услыши стенания верных чад Твоих, иже не погубиша таланта Твоего, и сотвори по великому Милосердию Твоему – ныне павшему избранному народу Твоему! Не лиши его Твоего святого избранничества, но восстави ему разум спасения, похищенный у него по простоте его мудрыми века сего, да, поднявшись из глубины падения, и на крылах духовных воспаряя в горняя, прославят во вселенной Имя Твое Пресвятое. Верные мученики молят Тя, принося Тебе в жертву кровь свою. Прими ее во очищение*

беззаконий, вольных и невольных, народа Твоего, прости и помилуй. После этого Государь поднимает чашу с кровью и говорит: Владыко, Царю царствующих и Господь господствующих! Прими кровь Мою и Моей Семьи – во очищение всех вольных и невольных прегрешений народа Моего, Тобою Мне вверенного, и возведи его из глубины падения нынешнего. Вем правосудие Твое, но и безграничную Милость благоутробия Твоего. Вся прости и Милостивно помилуй, и спаси Россию.

За ним, простирая вверх Свою чашу, заговорил чистый отрок Царевич: Боже, воззри на погибающий народ Твой, и прости ему руку избавления. Боже Всемилостивый, прими и Мою чистую кровь во спасение невинных детей, на земле нашей – развращаемых и гибнущих, и слезы Мои за них и за весь русский народ погибающий – прими. И зарыдал святой, расплескивая Свою кровь из чаши на землю.

И вдруг все множество народа, опускаясь на колени и воздевая свои чаши к небу, в один голос начало молить: Боже, Судия Праведный, но добрый Милующий Отец, прими кровь нашу – во омовение всех скверн, содеваемых на земле нашей, и в разуме, и в неразумии, ибо како может творить человек неразумное, в разуме сущи! И по молитвам святых Твоих, в земле нашей Милостию Твоею просиявших, верни народу Твоему избранному, в сети сатанинские впадшему, разум спасения, да расторгнет он эти сети губительные. Не отвратися от него до конца, и не лиши его Твоего великого избранничества, да восстав из глубины падения своего, во всей вселенной прославит великолепое Имя Твое, и верно послужит Тебе до конца веков.

И вновь на Небе, трогательнее прежнего, раздалось пение «Святой Боже...». Я чувствую, у меня по спине – словно мурашки бегут, а проснуться не могу. И слышу напоследок – по всему Небу пронеслось торжественное пение «Славно бо прославися...», неумолкаемо перекатывающееся от одного края Неба до другого.

Поляна вмиг опустела и стала как будто совсем другая. Множество церквей вижу, и такой прекрасный колокольный

перезвон разливается, душа возрадовалась. Подходит ко мне отец Иоанн Кронштадтский и говорит: «Божье солнышко взошло над Россией снова. Смотри, как оно играет и радуется! Теперь великая Пасха на Руси, там Христос Воскрес. Ныне все силы небесные радуются, и ты после раскаяния своего от девятого часа потрудился, примешь мзду свою от Бога».

Тропарь Государю Николаю II (глас 5)

Царства земного лишение,/ узы и страдания
многоразличныя/ кротко претерпел еси,/ свидетельствовав о
Христе даже до смерти от богоборцев,/ страстотерпче великий,
Боговенчаный Царю Николае,/ сего ради мученическим венцем
на Небесех/ венча Тя с Царицею и чады и слуги Твоими Христос
Бог,/ Его же моли помиловати страну Российскую/ и спасти души
наша.

Тропарь Цесаревичу Алексею (глас 1)

Благословенное чадо лозы добродетельныя,/ с
младенчества страданиями на крест возшедый,/ душу яко
чистое Небо имевый / и сердце – пламень к Богу горящий,/
святой благоверный Царевиче Алексие,/ с родителями мужески
пострадавый / во искупление греха народа российского,/ ныне
же Небесною трапезой наслаждешися / выну Богу вопия,/
Господи, помилуй землю русскую.

Государыня Императрица Александра Феодоровна

Читая вечные, священные страницы,
Переношусь я мыслью в край иной,
Передо мной встают Божественные лица
И слышится мне голос их святой!
И, дум исполненный высоких и чудесных,
Я горячей молюсь и слезы лью,
И мудрости земной – пред Мудростью Небесной
Печальную ничтожность признаю.

С глубоким чувством любви истинной верноподданной вспоминала матушка о Императрице Александре Феодоровне: «Каких детей воспитала Государыня: дети – это лицо матери. Так Они любили бывать у нас в Обители... Однажды старшие, Ольга и Татиана, – уезжали, а сестры бросали им на дорогу – розы. И обе девочки – прячут, прячут Свои лица в тень окна машины, чтобы мы не заметили, что обе Они – в слезах. Мы жили – совершенно в другом мире. Совсем другое восприятие – мысли, чувства... Это были – возвышенные души». Глаза матушки при этих воспоминаниях увлажнились, в лице появилось что-то неземное.

«Государыня, всей Своей жизнью, являла подданным – образец бескорыстного, жертвенного служения Отечеству и ближним, – говорила матушка. – В годы Первой мировой войны Она Своими руками делала самые сложные перевязки, ухаживала за умирающими, не гнушалась самой черной работы, исполняя Божию заповедь о Любви к ближнему... Найдется ли на свете еще одна, подобная Ей, раба Божия, столь высокого рода, Которая была бы способна так забывать Себя – для других?!»

Из писем Императрицы старшей дочери⁹⁶ (1905 год, Великой Княжне Ольге десять лет)... *Ты у нас старшая и должна показывать другим, как себя вести. Учись делать других счастливыми, думай о себе в последнюю очередь. Будь мягкой, доброй, никогда не веди себя грубо или резко... Будь*

*терпелива и вежлива, всячески помогай сестрам. Когда увидишь кого-нибудь в печали, старайся подбодрить солнечной улыбкой. Ты бываешь такой милой и вежливой со мной, будь такой же и с сестрами. Покажи свое любящее сердце. Прежде всего научись любить Бога – **всеми силами души**, и Он всегда будет с тобой. Молись Ему от всего сердца. Помни, что Он все видит и слышит. Он нежно любит своих детей, но они должны научиться исполнять Его волю... Нежно целую, моя любимая большая Ольга... Пусть Бог пребудет с тобой и хранит тебя Пресвятая Богородица.*

Из письма Государыни Императору Николаю II. Я... попросила, чтобы меня провели к старице Марии Михайловне... Ей 107 лет, она носит вериги... Она благословила и поцеловала нас... Мне она сказала: «А ты, красавица, – тяжелый крест! – **не страшись...**»

В. Н. Коковцев «Из моего прошлого». Это была в лучшем смысле слова, безупречная жена и мать, показавшая редкий в наше время пример высочайшей семейной добродетели...

Она приняла Православную веру со всей Своей непосредственностью и со всей глубиной, свойственной Ее природе, и стала «православной» в самом законченном и абсолютном смысле слова...

Она всегда и при каждом случае говорила: *Для Бога нет невозможного. Я верю в то, что кто чист своей душой, тот будет всегда услышан и тому не страшны никакие трудности и опасности жизни, так как они непреодолимы только для тех, кто мало и неглубоко верует.*

О своей семье Государыня говорила: Мы – одно. А это, увы, так редко в теперешнее время. Мы тесно связаны вместе: маленькая, тесно связанная семья...

Одна из приближенных Царской Семьи: За двенадцать лет я никогда не слышала ни одного громкого слова между Ними. Ни разу не видела Их даже сколько-нибудь раздраженными друг против друга.

«Русская Голгофа». Царские дети были простые, открытые, глубоко правдивые, образованные, истинно религиозные... Воспитанием и образованием Своих детей Императрица

заведовала Сама лично. Государыня воспитала в Них веру, силу духа и смирение, которые помогли Им безропотно вынести дни заточения и принять мученическую смерть... Дети преклонялись перед Своими родителями.

Камердинер Волков: Это была самая святая и чистая Семья...

Флигель-адъютант А.Мордвинов «Последний Император». Я помню, что под вечер мы пошли никем не замеченные в монастырь и смешались с молящимися. Императрица купила свечи и Сама, как и Великие Княжны, поставила их перед чудотворною иконою. Все ее движения, земные поклоны, манеры, с которыми Она ставила свечу, крестилась, прикладывалась к образам, меня поразили своим изумительным сходством с движениями простых, религиозно настроенных русских женщин. Они были только более изящны. Лишь женщина, родившаяся в старинной православной среде, проникнутая православными обычаями... даже думающая простодушно по-русски, могла таким образом выражать свое молитвенное настроение. Нас все же вскоре узнали, молящиеся стали к нам тесниться... Императрица ничего не замечала. Она вся ушла в Саму Себя. С глазами, полными слез, устремленными на икону, Она стояла, выражая всей фигурой беспредельную тоску и мольбу...

Я стоял сбоку и не мог оторваться от лица Государыни, пораженный его внутренней красотой. О чем молилась Она? За кого страдала? Вроде тогда у Нее все было благополучно. Все, даже маленький Алексей Николаевич, были здоровы и нежно любили Свою Мать. Но Россия, изнывая в войне, была уже безнадежно больна. Не о чуде ли ее исцеления и вразумления так настойчиво и горячо просила Царицу Небесную Царица земная?..

...Императрица Александра Феодоровна обладала сильным характером, отличительной чертой которого являлась любовь к мужу и детям... Она получила блестящее образование и обладала острым умом... Она проявляла верность и большое расположение к тем, кого любила, и, если приходилось выбирать между чисто рациональной логикой и любовью,

выигрывало сердце... Такую любовь к людям и веру в их врожденную доброту Она пронесла через всю жизнь, и это было основой Ее Милосердия...

Баронесса Буксгевден вспоминает: Она проявляла интерес ко всем при Дворе: от первой фрейлины до последней служанки, и часто помогала скромным людям и их семьям так, чтобы никто не знал об этом... Одна из молодых фрейлин Александры Феодоровны, 23-летняя Соня Орбелиани, серьезно заболела. Она была сиротой, и Александра Феодоровна ухаживала за ней, как за собственной дочерью... Она поместила Соню во Дворце рядом с комнатами дочерей. У (девушки) была медленно прогрессирующая болезнь позвоночника... (Государыня) сидела ночами у постели Сони при сильных приступах боли. В течение девяти лет Императрица ежедневно навещала (больную). Огромное влияние имела на нее Императрица; несчастной девушке, которая знала, что ее ждет, именно Она привила чувство христианского смирения.

София Буксгевден: ...Сколько раз, чувствуя себя слабой и нездоровой, Императрица выезжала из Царского Села в Санкт-Петербург навестить больных. Она Сама была заботливой матерью, и ей особенно близко было горе других матерей. И те, кого Она хорошо знала, и случайные малознакомые люди – все находили утешение у Александры Феодоровны, обращаясь к Ней со своими бедами. При малейшей возможности Она посещала больных Сама, а если не могла – писала теплые, утешительные письма, посылала любимые книги и цветы. Я неоднократно видела в Ялте, как Она скромно шла навестить больного в его бедном жилище, как разговаривала с больной матерью, делясь с ней Своим опытом. Во время войны множество больных вдов и матерей приходили во Дворец, где их встречала Императрица со словами сердечного сочувствия и утешения. Александра Феодоровна старалась принимать этих женщин, избегая официальных церемоний... чтобы Ее гости чувствовали в Ней только сострадающую их горю женщину. В Ливадии она помогала санаториям туберкулезных больных из Собственных средств. (Лечение больных, которые не могли

обеспечить свое пребывание в санатории, – оплачивала Государыня.)

Из воспоминаний С. Я. Офросимовой: (Великие Княжны) ...были юны не только своими годами, но были юными в самом глубоком смысле этого слова; Их радовало все: солнце, цветы, каждая минута, проведенная с отцом, каждая короткая прогулка... Они радовались каждой улыбке не знакомых Им прохожих; Они сияли всем лаской и яркими красками цветущих русских лиц. Везде, где Они появлялись, звучал Их веселый звонкий смех. Никто и никогда не чувствовал себя с Ними стесненно, Их простота делала всех такими же простыми и непринужденными, какими Они были Сами.

Я никогда не забуду, как один молодой солдат и старенький мужичок (наверное, его отец) смотрели на проезжавших Княжон. Мужичок говорил старческим, растроганным голосом: «Теперь, когда Их, родимых, увидал, и помереть можно. Ей-Богу. А как хороши-то, сердечные... Какие ласковые... Точно солнышко ясное прокатило... А кланялись-то как, точно знают меня... умереть бы теперь, не сходя с этого места...» Это было на широкой снежной поляне, недалеко от Феодоровского собора, под звон колоколов.

... Передо мной мелькают снимки Княжон у берега моря, у скал и среди кипарисов и олеандр солнечного Крыма и в зарослях роскошных южных цветов. Среди них они сами чудятся цветами.

Анна Вырубова пишет: Часто я читала в книгах западных авторов, что Царь и Его Семья жили в постоянном страхе... Никогда ни Николай II, ни Александра Феодоровна не боялись Своих людей. Их невероятно раздражал постоянный надзор полиции, обеспечивающий Их безопасность, и самым большим счастьем для Них было очутиться без сопровождения в толпе русских людей, которых Они любили.

Баронесса Буксгевден: (Государыня) неожиданно посещала многих туберкулезных больных, причем делала это очень деликатно. Когда не могла идти Сама, посылала дочерей. Ей часто говорили, что не стоит подвергать девочек опасности...

«Они должны видеть в жизни не только красоту, но и печаль», – (отвечала Государыня).

Когда у Великой княжны Ольги появились собственные деньги, Ее первой просьбой было позволить Ей оплатить лечение ребенка-инвалида.

Из поздравительных открыток Елисаветы Феодоровны – Императрице

Новый год, 1900. Пусть твоя жизнь будет такой же чистой и счастливой, как эти белые лилии, а новый год будет усыпан цветами любви от всех, кто тебя окружает и чьи сердца устремляются к тебе с такой любовью, которая возникает, когда отдаешь кусочек своего собственного сердца...

23 мая 1915 года. Да благословит тебя Бог в твой день рождения, моя дорогая Аликс. Да придаст Бог тебе больше сил для всех добрых дел, которые ты делаешь, и да поможет Он тебе пройти через эти времена душераздирающих страданий к славным победам, которые принесут мир и возрождение всего благородного и процветание нашей бедной настрадавшейся земле. Я посылаю тебе маленькие образа и листовки, 100 – для твоих больных; вчера был праздник святого Иоанна, – малоизвестного святого, но именно он благословляет нас на борьбу... Перед той, которую я дарю тебе, мы молились позавчера и, надеюсь, она всегда будет рядом с тобой и Ники.

Да благословит вас всех Бог.

Т. Е. Мельник-Боткина. Воспоминания о Царской Семье и Ее жизни до и после революции. ...Однажды у ограды братского кладбища в Царском селе остановился автомобиль, из которого вышла дама, вся в черном, и, войдя в ограду, остановилась у первой же могилы, осеняя Себя крестным знамением. Офицер, ставший нечаянным свидетелем, отошел из скромности возможно дальше и ожидал, что дама сейчас уедет или пройдет в церковь. Но велико было его удивление, когда Она, отойдя от одной могилы, пошла дальше и, остановившись с молитвой перед следующей, обошла все кладбище, молясь перед – каждым крестом. Когда Она дошла до офицера, он узнал в Ней Государыню Императрицу, Которая одна ночью молилась за души погибших Своих подданных...

И. В. Степанов «Милосердия двери». ...проводя полк на войну (в Петергофе) Она плакала во время молебна – навзрыд, точно проводила родных детей.

А. А. Вырубова «Страницы моей жизни». Когда, во время войны, прибывали санитарные поезда, Императрица и Великие Княжны делали перевязки, ни на минуты не присаживаясь с девяти часов утра до трех часов дня. Во время тяжелых операций, раненые умоляли Государыню побыть около них. Вижу Ее, как Она утешает и ободряет их, кладет руку на голову и молится с ними.

Императрицу боготворили, ожидали Ее прихода, стараясь дотронуться до Ее серого, санитарного платья; умирающие просили Ее посидеть около кровати, поддержать им руку или голову, и Она, не взирая на усталость, успокаивала их целыми часами.

Из воспоминаний Анны Вырубовой: ...мы были сестрами Милосердия, нас обучили медицинскому делу. Приходили в госпиталь сразу после Литургии к 9 утра и шли прямо в приемный покой, где лежали раненые, поступившие после оказания им первой помощи в окопах и полевых госпиталях. Их привозили издалека, всегда ужасно грязных и окровавленных, страдающих. Мы обрабатывали руки антисептиками и принимались мыть, чистить, перевязывать эти искалеченные тела, обезображенные лица, ослепшие глаза – все неопишущие увечья, которые на цивилизованном языке называются войной. Я видела Императрицу России в операционной госпиталя: то Она держала вату с эфиром, то подавала стерильные инструменты хирургу, помогая при самых сложных операциях, принимая из рук работающего хирурга ампутированные руки и ноги, убирая окровавленную и порою зашивевшую одежду, перенося все зрелища, запахи и агонии этого самого страшного места, – военного госпиталя в разгаре войны. Она была неутомима и делала Свою работу со смирением, как все те, кто посвятил свою жизнь служению Богу. Семнадцатилетняя Татьяна была почти также искусна и неутомима, как и Мать, и жаловалась только, если по молодости Ее освобождали от

наиболее тяжелых операций. Императрицу не оберегали от трудностей, да Она и Сама этого не позволяла...

С того самого времени, как мы получили дипломы военной медицинской сестры, буквально вся наша жизнь была посвящена тяжелому труду. Мы вставали в 7 утра, часто поспав час или два после ночного дежурства. Императрица не чуралась абсолютно никакой работы. Случалось, хирург сообщал несчастному солдату о предстоящей ампутации или об операции, которая может кончиться фатально; солдат поворачивался и кричал с мукой в голосе: «Царица! Пстой рядышком. Подержи меня за руку, чтобы я смелее был». Кто бы это ни был – офицер или молодой солдат-крестьянин, Она всегда спешила на зов. Положив раненому руку на голову, Она говорила ему слова утешения и ободрения, молилась с ним, пока готовились к операции, Ее милосердные руки помогали при анестезии. Люди обожали Ее, ждали Ее прихода, протягивали свои перевязанные руки, чтобы дотронуться до Нее, когда Она подходила, улыбались Ей, когда она опускалась на колени у постели умирающего с прощальными словами молитвы и утешения.

Из письма Государыни Николаю Александровичу: Слава Богу за то, что мы имеем возможность принести некоторое облегчение страждущим. Так хочется согреть и поддержать этих храбрецов и заменить им их близких...

В своих письмах из ссылки Александра Феодоровна пишет, что Она видела Себя матерью России, матерью всех ее людей. В начале войны Она взяла на Себя труд прикреплять маленькие образки к цепочкам, чтобы каждый солдат мог получить что-либо, сделанное Ее руками. Она занималась этим всю войну во время деловых встреч и кратких минут отдыха...

С. Я. Офросимова: «С горячим восхищением и уважением смотрели все в первые дни войны на женщин в белых косынках, с крестами на груди... И вот в таких же косынках сестер Милосердия увидела я старших Великих Княжон в мой первый приезд в Царское Село после объявления войны...

Весь день Великих Княжон был посвящен раненым; им Они отдавали всю Свою Любовь, всю ласку и заботу Своих богатых

Любовью и отзывчивостью душ; жизнь раненых стала Их жизнью, над ними Они склонялись с глубокой Любовью и нежностью, у их изголовий проливали слезы сострадания, из-за них часто не спали ночей, смертью кого-либо из них глубоко огорчались, выздоровлению радовались со всей силой своих впечатлительных душ. Не было ни одного солдата и офицера в Их лазаретах, который не был бы Ими обласкан и ободрен. Выписываясь из лазарета, каждый раненый уносил с собой какой-нибудь подарок, данный ему на память от всего сердца. Каждый увозил с собой самое светлое, самое радостное воспоминание о Княжнах...

Если бы... я захотела нарисовать портрет сестры Милосердия, какой она представляется в моем идеале, мне бы нужно было только... указать на фотографию Великой Княжны Татианы... и сказать: «Вот сестра Милосердия...»

На этом портрете Великая Княжна снята в халате сестры Милосердия; Она стоит посреди палаты, залитой лучами солнца; они обливают ярким светом всю Ее тонкую, высокую фигуру, золотыми бликами ложатся на Ее белоснежную одежду. Ее головка, в белой, низко одетой на лоб косынке, снята в профиль; черты Ее прекрасны, нежны и полны грусти, глаза слегка опущены, длинная тонкая рука лежит вдоль халата... это не портрет, нет... это живая сестра Милосердия вошла в палату в яркий, весенний день... Она подошла к постели тяжелораненого... Она видит, что он заснул первым живительным сном... Она боится шевельнуться, чтобы его не потревожить... Она замерла над ним счастливая, и успокоенная за него, и утомленная от бессонных ночей и страданий, Ее окружающих.

Все врачи, видевшие Великую Княжну Татьяну Николаевну за Ее работой, говорили мне, что Она прирожденная сестра Милосердия, что Она нежно и бесстрашно касается самых тяжелых ран, что все Ее перевязки сделаны умелой и уверенной рукой...

Великую Княжну Ольгу Николаевну все обожали, боготворили; про Нее больше всего любили мне рассказывать раненые.

Однажды привезли новую партию раненых. Их, как всегда, на вокзале встретили Великие Княжны. Они исполняли все, что Им приказывали доктора, и даже мыли ноги раненым, чтобы тут же, на вокзале, очистить раны от грязи и предохранить от заражения крови. После долгой тяжелой работы Княжны с другими сестрами размещали раненых по палатам.

Усталая Великая Княжна Ольга Николаевна присела на постель одного из вновь привезенных. Солдат тотчас же пустился в разговоры. Ольга Николаевна, как и всегда, и словом не обмолвилась, что Она Великая Княжна.

– Умаялась, сердечная? – спросил солдат.

– Да, немного устала. Это хорошо, когда устанешь.

– Чего же тут хорошего?

– Значит поработала.

– Этак тебе не тут сидеть надо. На хронт бы поехала.

– Да моя мечта – на фронт попасть.

– Чего же. Поезжай.

– Я бы поехала, да Отец не пускает, говорит, что я здоровьем для этого слишком слаба.

– А ты плюнь на отца да поезжай.

Княжна рассмеялась.

– Нет, уж плюнуть-то не могу. Уж очень мы друг друга любим.

Чем больше глядишь на Княжну Ольгу, тем милевиднее становится Ее лицо. Оно озарено внутренним светом, оно становится прекрасным от каждой светлой улыбки... Умело и ловко спорится работа в Ее необыкновенно красивых и нежных руках. Вся Она, хрупкая и нежная, как-то особенно заботливо и любовно склоняется над простой солдатской рубашкой, которую шьет... Она вся ясная и радостная. Невольно вспоминаются слова, сказанные мне одним из Ее учителей: «У Ольги Николаевны хрустальная душа».

Направо от меня сидит Великая Княжна Татьяна Николаевна... Профиль Ее безупречно красив, он словно выточен из мрамора резцом большого художника... Она реже смеется, чем сестры. Лицо Ее иногда имеет сосредоточенное и строгое выражение. В эти минуты Она похожа на Мать. На

бледных чертах Ее лица следы напряженной мысли и подчас даже грусти. Я без слов чувствую, что Она какая-то особенная, иная, чем сестры, несмотря на общую с ними доброту и приветливость. Я чувствую, что в Ней свой целый замкнутый и своеобразный мир...

...Рядом с Ней сидит Великая Княжна Мария Николаевна. Ее смело можно назвать русской красавицей... Ее глаза освещают все лицо особенно лучистым блеском; они так сини, что по временам кажутся черными, длинные ресницы бросают тень на яркий румянец Ее нежных щек. Она весела и жива...

...Напротив меня сидит Великая Княжна Анастасия Николаевна. Ее хорошенькое личико полно живости и лукавства... Всюду, где Она появляется, загорается неудержимая жизнь и звучит веселый смех. При Ней «даже раненные пляшут», по собственному Ее выражению. Как Ей не сидится за шитьем; но бледные, тонкие руки Татьяны Николаевны быстро вяжут рукавицу, Ольга Николаевна еще ниже склонила головку над шитьем, а Мария Николаевна выбирает себе новую работу. Надо сидеть и работать... И Ее быстрая ручка берет первую попавшуюся детскую рубашонку...

Великим Княжнам не удалось пожить теми радостями юности, которые Им могла бы дать жизнь... На долю Их выпало совсем иное... *Они выпили до дна всю чашу страдания, выпили кротко и смиренно, укрепляясь духом в Своем заточении.*

Так же, как и в дни Своего величия, Они разливали вокруг Себя лишь свет и Любовь, всем находили Они ласковое слово и не забыли тех, к кому были привязаны и кто Им остался верен. Даже в заточении находили Они свои радости и облегчали муки безграничной Любовью друг к другу. *Вера в Бога и в торжество добра, Любовь к Родине, всепрощение и Любовь ко всему миру Божиему не меркли, но росли в Их сердцах в ужасные дни испытаний.*

Они умерли в радости, как могут умереть только истинные христиане-мученики...»

Перечитывая воспоминания матушки Надежды – открываю удивительные страницы дневника Государыни Александры

Феодоровны, Которую матушка так глубоко чтит вместе со всей Царской Семьей.

Великая Княгиня Елисавета Феодоровна и Государыня Императрица Александра Феодоровна – были родными сестрами. Но, что еще важнее, – Они были родными – по духу. Легко представить, что следующие строки принадлежат Александре Феодоровне, но на самом деле их написала в подарок сестре Елисавета Феодоровна:

Подкладка каждой тучи – это
Сиянье золотое,
Я тучи разверну поэтому
Ко мне наполненной светом
Той стороной – другою.

Матушка Елисавета не оставила нам Своих дневников, погруженная в целосуточное служение Любви Христовой. Но, замирая над строками, написанными рукой нашей Царицы, – мы можем заметить глубочайшее духовное единство этих двух святых душ.

Из дневников Государыни: *Я видел лилию, плавающую в черной болотной воде. Все вокруг прогнило, а лилия оставалась чистой, как Ангельские одежды. В темном пруду появилась рябь, она покачивала лилию, но ни пятнышка не появилось на ней.* Когда я умолкаю над словами этого дневника, думаю о том, что, нет подобных кратких слов, более точно выражающих великий подвиг жизни нашей Государыни. В тысячелетней истории Руси нет человека, возведенного на такую высоту земного служения, – Который был бы столь **непомерно** оболган и оклеветан – как наша Царица. Но Она сберегла в непорочности: в святом незлобии и преданном служении тому народу, который глумился над Ней, – хрустальную чистоту Своей души.

Из воспоминаний Лили Ден: Она знала и читала все, что о Ней писали, но, хотя анонимные письма и стремились очернить Ее, а журналисты поливали Ее грязью, ничто не могло запятнать светлую Ее душу. Я видела, как покрывалось бледностью Ее лицо, я видела, как Ее глаза наполнялись слезами, когда до Нее доходили особенно мерзкие слухи. Но

Александра Феодоровна умела видеть сияющие звезды – высоко в небе над грязью улиц».

В мае 1917 года в Саровской пустыни передавал мне, – говорит игумен Серафим, – один почтенный старец архимандрит замечательное видение:

– В дни глубокой его скорби о Царственных страдальцах, когда он молился о Них со слезами, – во время молитвы заснул. Видит он, что находится в Царском Селе, где над Александровским дворцом стоит светлый лучезарный столб, простирающийся до неба. Затем старец подходит к дворцу, где видит чудное видение: за письменным столом сидит Государь, занимаясь письменной работой; у другого небольшого стола сидит Цесаревич Алексей Николаевич за чтением книги; тут же вблизи Императрица с дочерьми сидит за рукоделием, а среди них находится светообразный старец преподобный Серафим, саровский чудотворец, говоря свои духовные наставления и утешения.

Когда старец Серафим увидал архимандрита, подошел к нему и сказал: «Сильно не скорби, отец, и не унывай, Бог Своих избранных и любимых чад не оставит. Он силен все сделать, чтобы вырвать Их от злодеев, но желает им счастья [блаженства] не земного, а Небесного. Для Господа легче, чем нам слово сказать, послать легионы Ангелов и уничтожить всех врагов Их, но он только отнимет от врагов их разум, дабы они погубили сами себя. Господь послал меня пока до времени утешать, ободрять и охранять Царственных страдальцев, ибо дух бодр, а плоть немощна, нуждается в нашей Небесной помощи в трудные минуты скорбей.

Видишь лучезарный свет, исходящий от лиц Царственных страдальцев, это знак того, что Они находятся под особым попечением Божиим, как праведники. Как от начала мира всех праведников поносили, обижали, оклеветывали беззаконные люди, последователи первого лжеца и обманщика дьявола, так и этих праведных Царственных страдальцев поносят, унижают, оклеветывают, обижают злые люди, наущенные тем же мировым злодеем, который наущал против всех праведников и против Самого Творца и Бога нашего Христа жизнедавца.

Посмотри на лицо Царицы и увидишь исходящий свет от него ярче других, это знак того, что Она больше всех несет клевет и напраслин от последователей мирового клеветника». Это видение произвело весьма сильное впечатление на старца архимандрита, так что при рассказе его он не мог удержаться от слез.⁹⁷

Т. Е. Мельник-Боткина. Воспоминания о Царской Семье. В годы революции в следственной комиссии было предложено опубликовать переписку Царской Семьи. В ответ прозвучало: «Если мы опубликуем (Их письма), то народ будет поклоняться Им как святым...»

В те минуты, когда перед нашим мысленным взором предстает Святая Царская Семья – когда русские люди оплакивают в молитвах своих – тяжкие грехи перед Помазанником Божиим и Его близкими – одна лишь Голгофа Христа встает перед нами. Бездонна, – со времен революции, – наша вина перед Царем Небесным и продолжение ее – наше преступление перед Царем Земным.

Боже! Милостив буди нам, грешным. В лучшие минуты нашей жизни мы встаем на колени и молим: Прости нам, Господи, нашу бесконечную вину перед всеми Святыми Царственными мучениками. Простите нас, Милостивые наши, простите всех нас, – бездонно прегрешивших перед Вами! Простите и не дайте погибнуть по грехам нашим, великие страдальцы за русский народ: Государь Батюшка Николай II, Матушка Государыня, любимые Царственные Дети: Цесаревич Алексей, Ольга, Татиана, Мария, Анастасия; чудо Божия Милосердия к нам, никчемным, – Великая Княгиня Елисавета Феодоровна... все Великие Князья.

А. А. Вырубова. Неопубликованные воспоминания. Мое последнее воспоминание об Императрице: Своей белой рукой Она показывает на небо и говорит: «Мы будем вместе на небесах».

Из дневников Государыни Императрицы Александры Феодоровны

Любовь сильнее смерти и страха смерти. Только ею, только Любовью держится и движется жизнь... Иисус требует Любви не только как прекрасного чувства, а любви, пронизывающей всю повседневную жизнь, влияющей на отношение со всеми людьми.

Каждое сердце должно быть маленьким садом. Он должен всегда быть очищен от сорняков и быть полон чудных прекрасных растений и цветов. Кусочек сада повсюду красив не только сам по себе, но приносит радость всем, кто его видит... Богу угодно, чтобы мы сделали наши жизни такими, чтобы они искупили из мрака окружающее нас и преобразили – в прекрасное.

Предположим, что в этом саду и деревья, и цветы, и все растения еще в объятиях зимы. Как это бывает перед приходом весны, деревья голые, но тысячи почек ждут только прикосновения теплых солнечных лучей, чтобы распуститься живыми цветами. Кусты роз голые и колючие, и пока лишены красоты, но нужен только теплый весенний воздух и тихий дождь, чтобы они оделись в чудесный наряд...

Разве это не напоминает также картину жизни многих людей? Разве не лежат наши дарования и наши молитвы в нераскрывшихся почках? Разве мы делаем в жизни лучшее, на что способны? Разве наши жизни так прекрасны, как они могли бы быть? Разве мы также помогаем другим людям, думаем о них и так добры к ним – как нам следовало бы? Мы не можем взрастить любовь в своих сердцах к другим без – Божественного вдохновения. Прекрасные качества христианского характера – это не обычные добродетели. В скрижалях о них говорится как о плодах Духа. Ничто, кроме любви Господа, не может пробудить в нас духовные силы и возможности... Радость спасения рождается из скорби раскаяния. Пепел великих бедствий удобряет почву жизней человеческих, и добродетели произрастают на ней в изобилии.

После великой скорби жизнь для вас становится в тысячу раз важнее. И плодами вашей любви кормятся многие другие.

Записи 1908 года

Любящее сердце – самое необходимое для нас... Быть неправильно понятым даже теми, кого любишь, – это крест и горечь жизни... Это самое жестокое испытание для преданности. Это то, что должно было чаще всего ранить сердце Сына Человеческого... Увы! Никогда не отступать, никогда не проявлять холодности, быть терпеливым, сочувствовать, высказывать нежность. Искать распускающийся цветок и раскрывающееся сердце... Всегда надеяться, как и Бог. Всегда любить – это долг.

Жизнь – ничто, если мы не знаем Его, благодаря Кому живем.

Истинная вера проявляется во всем нашем поведении. Это как соки живого дерева, которые доходят до самых дальних веточек.

Быть добрым – значит быть счастливым, – вот (главная) тайна (жизни)... Потщиться сделать счастливыми своих ближних – это путь и к собственному счастью... Сколько возможностей сделать хорошее мы упускаем, даже не сознавая ценности того, что упустили!

Смирение не в том, чтобы рассказать о своих недостатках, а в том, чтобы вынести, как о них говорят другие; в том, чтобы слушать их терпеливо и даже с благодарностью; в исправлении недостатков, о которых нам говорят; в том, чтобы не испытывать неприязни к тем, кто нам о них говорит.

Тот, кто хочет зажечь сердца других людей Любовью ко Христу, должен сам пылать этой Любовью... Слова, сказанные от сердца, найдут другое сердце, сопровождаемые святым сочувствием... Добрые слова всегда соединяют.

Невзгоды – это время, когда нужно поддержать ближнего... Кто перестанет помогать другим, становится обузой и для себя.

Выписки из творений святых Отцов

Совесть чистая есть великое утешение. Лучше от единой совести утешиться, хотя бы и весь свет порочил, нежели от совести обличаться, хотя и весь свет хвалит (Святитель Тихон Задонский).

Величайшая борьба – это клевета, особенно когда с нею соединено обвинение в важном деле. Если же велика борьба, то за нее приготовлен и венец блистательнейший (Святитель Иоанн Златоуст).

Не верь себе, что ты силен, пока не будешь искушен и не найдешь себя неизменным. Так и во всем испытывай себя (Святой Исаак Сирин).

Если кто хочет истинно всем сердцем исполнить волю Божию, то Бог его никогда не оставит, но всячески наставит по воле Своей. Поистине, если кто направит сердце свое по воле Божией, то Бог просветит и малое дитя сказать ему волю Свою (Авва Дорофей).

Буде же Господу Богу угодно будет, чтобы человек испытал на себе болезни, то Он же подаст ему и силу терпения... В молчании переноси, когда оскорбляет тебя враг, и Единому Богу открывай свое сердце (Преподобный Серафим Саровский).

Из записей Императрицы о Семье

Долгом в семье является бескорыстная любовь. Каждый должен забыть свое «я», посвятив себя другому. Каждый должен винить себя, а не другого, когда что-нибудь идет не так. Необходимы выдержка и терпение, нетерпение же может все испортить. Резкое слово может на месяцы замедлить слияние душ. С обеих сторон должно быть желание сделать брак счастливым и преодолеть все, что этому мешает. Самая сильная любовь больше всего нуждается в ежедневном ее укреплении. Более всего непростительна грубость именно в своем доме, по отношению к тем, кого мы любим.

Бойтесь малейшего начала непонимания или отчуждения. Вместо того чтобы сдержаться, произносится неумное, неосторожное слово – и вот между двумя сердцами, которые до этого были одним целым, появилась маленькая трещинка, она ширится и ширится до тех пор, пока они не оказываются навеки оторванными друг от друга. Вы сказали что-то в спешке? Немедленно попросите прощения. У вас возникло какое-то непонимание? Неважно, чья это вина, не позволяйте ему ни на час оставаться между вами.

Без благословения Бога, без освящения Им брака, все поздравления и добрые пожелания друзей будут пустым звуком. Без Его ежедневного благословения семейной жизни даже самая нежная и истинная любовь не сумеет дать все, что нужно жаждущему сердцу. Без благословения Неба вся красота, радость, ценность семейной жизни может быть в любой момент разрушена.

...те, кто выходят победителями, часто обязаны этой победе любви верных сердец, которая вселила в них в часы борьбы надежду и мужество. В этом мире невозможно познать истинную цену настоящей дружбы.

Каждая преданная сестра может оказать такое сильное влияние на своего брата, которое будет вести его, как перст Господа, по верной жизненной дороге. В своем собственном доме, на собственном примере покажите им всю возвышенную

красоту истинной благородной женственности... будьте воплощением добродетели и сделайте добродетель для всех настолько привлекательной, чтобы порок у них всегда вызывал только отвращение. Пусть они видят в вас такую чистоту души, такое благородство духа, такую божественную святость, чтобы ваше сияние всегда охраняло их, куда бы они ни пошли, как защитная оболочка или как ангел, парящий над их головами в вечном благословении. Пусть каждая женщина с помощью Божией стремится к совершенству. Когда у вашего брата появятся искушения, тогда перед его глазами возникнут видения такой любви и чистоты (его сестры), что он с отвращением отвернется от искушительницы... Сестра не сможет причинить большего вреда, если внушит ему мысль, что все женщины бессердечны и легкомысленны, жаждут только удовольствий и желают, чтобы ими восхищались. А братьям, в свою очередь, следует охранять сестер.

В каждом доме бывают свои испытания, но в истинном доме царит мир, который не нарушить земным бурям. Дом – это место тепла и нежности... Говорить в доме надо с любовью.

Пусть одно только слово,

Но с любовью скажи.

И молитву Господу прошепчи,

И ангелов хор ликовать будет,

И душа твоя с Небом во веки пребудет.

И так течет жизнь истинного дома, иногда при ярком солнечном свете, иногда во мраке. Но при свете или во мраке – она всегда учит нас обращаться к Небу, как к Великому Дому, в котором претворяются все наши мечты и надежды, где соединяются вновь порванные на земле узы. Во всем, что мы имеем и что делаем, нам необходимо благословение Бога. Никто, кроме Бога, не поддержит нас во время великого горя. Жизнь так хрупка, что любое расставание может оказаться вечным. Мы никогда не можем быть уверены, что у нас еще будет возможность попросить прощение за злое слово и быть прощенными.

Наша любовь друг к другу может быть искренней и глубокой в солнечные дни, но никогда она не бывает настолько сильной,

как в дни страданий и горя, когда раскрываются все ее сокрытые до этого богатства.

Записи 1915 года

Только та жизнь достойна, в которой есть жертвенная любовь... Никогда не следует удовлетворяться достигнутым, словно нет других высот.

Мессию в Ветхом Завете много раз называют Слугой Божиим. Служение – это не что-то низменное, это Божественное. Если бы только мы внесли этот закон служения в нашу домашнюю жизнь, это сделало бы нас внимательными ко всем, а дома наши превратило бы в места Божественной любви.

Добром за добро воздаст любой, но христианин должен быть добрым даже к тем, кто обманывает, предаёт, вредит... Людям рядом с нами больше всего нужна просто доброта... Никогда не падайте духом и не давайте падать духом других.

То укрепит нашу веру и поможет нам верить во времена страданий и испытаний, если мы поймем, что нет ничего бесцельного, ничего случайного, ничего, созданного нам во вред, а все задумано, чтобы помочь нам стать благороднее и жить более полной, более счастливой жизнью...

Мы должны утвердить в нашем сознании мысль, что цель Бога по отношению к нашей жизни – это уподобить нас Христу. Если у нас тяжкая ноша, то потому, что благодаря ей мы лучше растем. Если другие нас подводят – для нас это еще один урок терпения и кротости. Если у нас трудное положение, неподходящие условия – это для того, чтобы мы могли совершенствоваться в трезвении и учились быть довольными, находясь в любом обстоянии. Всегда Господь наш дает нам новые уроки, заставляя нас приблизиться к прекрасному образцу, который есть Его Жизнь.

Через зазубренную, грубую и серую,
Заброшенную стену все ползла,
Неутомимую работу делая,
Прекрасная и нежная лоза.
И, наконец, покров зеленый, мягкий,
Зазубрины и трещины застлал.

Стена полуразрушенная стала
Под этим необычным покрывалом
Прекрасной, как художника мечта.
О, если бы и в жизни как лоза,
Чрез трещины и горя, и печали
Повсюду проникала доброта,
Своею мягкостью боль облегчая.
Пусть руки готовы будут помочь,
Пусть ноги на помощь спешат.
Лаской, заботой нежной
В океане жизни безбрежной
Трудности всем облегчат.

Когда мы тщательно изучаем жизнь Христа, мы обнаруживаем, что всегда, встречаясь с плохим к Себе отношением, Он был в высшей степени терпелив и мягок. Он не возмущался злом. Он не боролся за Свои права! Он без жалоб переносил несправедливость, и даже оскорбления. Мы едва ли найдем такие случаи в нашей жизни, когда бы личные оскорбления и несправедливое отношение к нам не трогали нас... Люди думают, что мягкость и терпение по отношению к несправедливости – это знак слабости. Нет, это означает силу. Это то, к чему должны стремиться христиане в жизни личной.

У каждого есть свое место, и каждый важен на своем месте. Самые малые и незначительные тоже имеют свои места, и необходимо, чтобы эти маленькие места также были заполнены, как места, которые занимают самые важные и значительные личности.

Одна из главных трудностей в жизни христиан – это прожить ее, не поддавшись дурному влиянию. Иисус сказал, что Его ученики – это *свет мира* (Мф.5:14). Он хочет, чтобы мы светили там, где темно, чтобы мы могли быть утешением и ободрением унылых. Господь наш хочет, чтобы Его друзья среди мирового зла могли очистить его, чтобы среди скорби и лишений они могли – утешить...

Задача в жизни христиан – не избегать искушений, не бежать от несправедливости и вражды, а во всех испытаниях, даже когда зло захлестывает нас, как поток, сохранять в

сердцах чистоту, тепло, искренность и любовь. Есть люди, которые как будто призваны постоянно переносить недоброе к себе отношение, которое может ожесточить... только пока они хранят в сердцах любовь, до той поры они неуязвимы. Любовь была убежищем Христа среди всей ненависти и злобы, которые, как морские волны, плескались вокруг Него...

Он позволяет искушению приблизиться к нам, так как нет другого способа для нас сделаться сильнее; но никогда в Его намерение не входит, чтобы мы искушению поддались. Он желает, чтобы мы сопротивлялись и одолевали искушения, и они не приносили бы нам огорчения.

Мы сами не знаем, как мы можем ободрить и вселить силу в других людей мирным, спокойным выражением лица, когда проходим среди людей. Лицо, озаренное радостью, сияющее светом веры, для всех, кто его видит, – свидетельство любви и мира, и силы Христа... Радость – это отличие христианина. Христианину никогда не следует впадать в уныние, никогда не следует сомневаться в том, что добро победит зло. Плачущий, жалующийся, напуганный христианин предает своего Бога...

Каждый новый друг, входящий в нашу жизнь, доверяется нам. Самое правильное понятие о дружбе – это то, что она дает нам возможность служить, помогать, защищать другого. Момент, когда у нас появляется новый друг – это священный момент. Это еще одна жизнь, порученная нам, чтобы мы могли быть для нее благом, внести в нее красоту, быть ей убежищем и защитой...

Наш Господь хочет от нас, чтобы мы не предавали доверия. Верность – великое слово. *Буди верен даже до смерти, и дам ти венец живота (Апок.2:10)*. Наполните любовью свои дни. Забудьте себя и помните о других. Если кому-то нужна ваша доброта, то доброту эту окажите немедленно, сейчас. Завтра может быть слишком поздно...

...Некоторые из лучших христиан, которых когда-либо знал мир, были величайшими страдальцами, но в то же время, ничто не могло нарушить их душевный покой.

Беспокойство делает нас слабыми. Когда мы нервничаем, руки нас не слушаются, и мы не можем хорошо выполнить свою

работу. Раздраженный ум не может ясно мыслить. Даже нашей вере это вредит – мы теряем опору на Христа и на вечные ценности. Духовной жизни не хватает глубины... Покой – это Божественный дар, но, в то же время, надо этому учиться. Учиться, взяв на себя иго Христово. Иго Христово – это символ покорности Ему... Неожиданная опасность не должна нас пугать, а должна научить не бояться никаких ужасов, потому что Бог нас хранит...

Якоже аще кого мати утешает, тако и Аз утешу вы, и (...) утешитесь (Ис.66:13). Бог утешает. Он всегда полон нежности и сочувствия к человеческой боли и страданиям. Когда мы читаем Библию, мы находим в ней, от начала до конца, слова утешения. На каждой ее странице Бог дает понять людям, что Он их любит, что Он их Друг и что Он хочет им добра. В Скрижалях нет ни одной главы, которая не открывала бы нам тем или иным способом Божию Милость.

Цветение терний. Благословенно все, что делает человека кротким, какой бы ценой это ни достигалось... Мы не знаем, скольким страданиям и горестям достойных мужей и жен мы обязаны. Лучшие мысли, богатые уроки, самые чудесные песни, которые пришли к нам из прошлого, – это плоды боли, немощи и страдания.

Мы не должны забывать, что искупление человечества пришло к нам с Крестом Сына Божия. Плоды земных страданий могут казаться горькими на вкус, но только ими питается душа человека. Древнее предание рассказывает, как всю Страстную седмицу на алтаре лежал терновый венец, но в утро Пасхи он был найден превратившимся в венок из благоухающих роз; каждая колючка превратилась в розу. Так и венцы земных страданий в тепле Божественной любви превращаются в сады роз. Нет ни одного человека, которого не терзали бы его шипы. У кого-то это может быть телесная слабость и немощность. У другого – уродство, которое невозможно устранить. Это могут быть какие-то обстоятельства, которые мешают наладить жизнь...

Иметь в себе Дух Божий, Сокровище благих, очищающий нас от всякия скверны и вся исполняющий, – вот величайшая

честь, которую Небо может оказать кому-либо в этом мире. Но опасно, когда мы сами начинаем сознавать, что живем праведно... Самый опасный грех, в который могут впасть деятельные, думающие, приносящие пользу христиане – это духовная гордость...

Давайте поэтому не удивляться, что после того, как мы испытали величайшую милость, посылается и испытание, чтобы мы не теряли смирения...

Бог посылает нам некоторые Свои милости в виде шипов, и мы много потеряем, если откажемся от них. Есть много таких людей, которые настолько заняты собой, что на Христа у них не остается времени. Если бы только они могли освободиться от своего эгоизма, Бог наполнил бы их Самим Собой, и они приобрели бы необыкновенную силу творить добро в мире. Мы можем безопасно доверить Ему обогащение нашей жизни. Он знает, когда нужна боль, когда потеря – это единственный способ приобретения, когда страдания необходимы, чтобы удержать нас на пути Его. Он посылает нам заботы как Свою милость и мы потеряем, если будем отчаиваться и отказываться от своих шипов.

Христианская религия – религия радости... нет более глубокой и радостной жизни, чем жизнь, наполненная самопожертвованием в служении Христу.

Когда перечитываешь страницы дневниковых записей нашей Государыни, склоняешься перед жизнью Святой Царской Семьи и Елисаветы Феодоровны – душа начинает обретать свободу, она приходит в себя – начинает оживать, дышать – жить. Она вдруг ощущает себя – птицей, которая способна взлететь. Ведь та высокая жажда совершенства, которая наполняла жизни наших святых – должна быть присуща каждой христианской душе. Дай, Бог, нам понять, что наша тяжелая и грустная жизнь – столь тягостна потому, что так мало возвышенного и святого мы впускаем в нее. Так мало приобщаемся Свету Жизни – святых.

Тропарь святой мученице Царице Александре (глас 1)

Призва Тя Господь от чуждыя земли,/ святая благоверная мученице Царице Александро,/ Православную веру всем

сердцем возлюбила еси,/ с ангельскою кротостию горькую чашу страданий с Россией испила еси./ Темже у Престола Вседержителя / предстоиши с преподобномученицею сестрою, Государем и чадами./ С ними же моли о нас,/ чтущих святую память Твою.

Тропарь святым мученицам Великим Княжнам Ольге, Татиане, Марии и Анастасии (глас 4)

Небесные голубицы,/ святые отроковицы: Ольго, Татиано, Марие, Анастасие,/ сестрами милосердия в час испытаний России послужившии,/ поношения, заточение и смерть от народа своего с кротостию приемшии,/ темже души ваша Христу уневестившии./ Ныне страждущей стране нашей Сестры Милосердия явились есте,/ исцеляяй всякий недуг и всяку язю в людех своих,/ с Государем, Государыней и Царевичем, святым спасительным Крестом землю нашу осеняете./ Мы же со слезами и любовью молим вас:/ спасайте нас молитвами вашими, невесты Христовы непорочнии.

Святая Голгофа Царственных Мучеников⁹⁸

Завещание

«... за 10 лет до 1917 года (Государь записал в своем дневнике): «Быть может, для спасения России нужна искупительная жертва. Я буду этой жертвой. Да будет воля Божия».

Полковник Е.Месснер «Царь и офицер». То, что произошло во Пскове, не было актом слабодушия, усталости от властвования или разочарования в Своем народе – это было великим жертвоприношением Себя и Своих, и Своего офицерства и верной части Своего народа, – жертвоприношением по Божьему предначертанию, предуказанному и святым Серафимом Саровским и Святым Праведным Иоанном Кронштадтским в их предвидении обреченности России.

Из показаний полковника Кобылинского, данных следователю Н.А.Соколову. 22 марта Государь прибыл в Царское Село (после вынужденного отречения). «Государь вышел из вагона и очень быстро, не глядя ни на кого, прошел по перрону и сел в автомобиль... В поезде с Государем ехало много лиц. Когда Государь вышел из вагона, эти лица посыпались на перрон и стали быстро-быстро разбегаться в разные стороны, озираясь по сторонам, видимо, проникнутые чувством страха, что их узнают. Прекрасно помню, что так удирал тогда генерал-майор Нарышкин и, кажется, командир железнодорожного батальона генерал-майор Цабель. Сцена эта была весьма некрасивая».

Н.А.Соколов «Убийство Царской Семьи». Ворота дворца были заперты, когда подошел автомобиль Государя. Солдат, стоявший здесь, не открывал их и ждал дежурного офицера. Тот крикнул издали: «Открыть ворота бывшему Царю». Многие наблюдали эту сцену прибытия Государя. Свидетельница Занотти показывает: «Я прекрасно помню позу дежурного офицера. Он хотел обидеть Государя: он стоял, когда Государь шел мимо него, имея во рту папиросу и держа руку в кармане».

На крыльцо вышли другие офицеры. Они все были в красных бантах. Ни один из них, когда проходил Государь, не отдал Ему чести. Государь отдал им честь.

Т. Е. Мельникова-Боткина. Воспоминания о Царской Семье. Охрану несли стрелки 1-го, 2-го и 4-го запасных батальонов... Один из офицеров во время прогулки Государя по парку нарочно наступил Ему на пятку. Государь, не оборачиваясь, в тот же момент с такой силой дал размах назад Своей тросточке, что ни этот, ни другие конвоиры не пробовали больше таких выходов...

Весной Его Величество с дочерьми очищали парк от снега, а летом Они вместе работали над огородом, причем неустойчивость Его Величества так поразила солдат, что один из них сказал: «Ведь если Ему дать кусок земли и чтобы Он Сам на нем работал, так скоро опять Себе всю Россию заработает...»

Издевательства охраны (по пути в Тобольск) продолжалось... Вся провизия, присланная Их Высочествам местными жителями... была отобрана красногвардейцами в свое пользование...

Из писем Государыни Императрицы Александры Феодоровны Великой Княгине Ксении Александровне

19 февраля 1918 г. Тобольск. Забыли люди Бога.

Ноябрь 1917 г. Тобольск. В молитве утешение; жалею я тех, которые находят ненужным молиться. Не понимаю даже, чем они живут. Духовный мир далек от них, все суета и суета... Оттого все так плохо пошло. Он не может благословить и дать удачу таким.

19 февраля 1918 г. Тобольск. Живем тихо, хорошо устроились, хотя далеко, далеко от всех отрезаны, но Бог Милостив, силы даст и утешит, – сердце полно, выразить нельзя. Сколько горя кругом. Куда ни смотришь, слезы – слезы. Но крепко верю, что время страданий и испытаний проходит, что солнце опять будет светить над многострадальной Родиной. Ведь Господь Милостив – спасет Родину, вразумит туманный ум, – не прогневается до конца, год – что царство зла всем правит. Немного еще терпеть и верить. Когда кажется, что конец всего, тогда Он наверно услышит все молитвы. Страдания и испытания Им посланы – и разве Он не всегда достаточно сил дает для перенесения всего. Ведь Он Сам показывал нам, как надо терпеть без ропота и невинно страдать...

6 (19) марта 1918 г. Тобольск. И будем непрестанно за Родину молиться. *Господи Иисусе Христе, помилуй меня, грешную, и спаси Россию.*

Декабрь 1917 г. Тобольск. Кто теперь не страдает? Сколько слез и молитв, стоны и рыдания поднимаются к Творцу Небесному. Неужели Он не услышит вопль? Да, услышит и пошлет утешение, бодрость духа, умиласердится.

Боже, спаси и услышь наши слезные мольбы.

Анне Вырубовой ...Как я люблю мою страну, со всеми ее недостатками. Она мне все дороже и дороже, и я каждый день благодарю Господа за то, что Он позволил нам остаться здесь, а не послал нас далеко отсюда... Я чувствую себя старой, о, такой старой, но я все еще мать этой страны, и ее боль для

меня тоже, что и боль моего ребенка, я люблю ее, несмотря на ее грехи и ужасы. Никто не сможет оторвать дитя от сердца матери, равно как и страну нельзя отделить, хотя черная неблагодарность России своему Императору, разбивает мне сердце. И все же – это еще не вся страна. Господи, помилуй и спаси Россию.

Такие храбрые и хорошие, никогда не жалуются, – писала о дочерях Государыня из Тобольска. – Я так довольна их душами. Бог Милостив и долготерпелив и Своих – не забудет. Чем больше здесь страдания, тем ярче будет там, на том светлом берегу, где так много дорогих нас ждут.

13(26) марта 1918 г. Верь народу, он силен и молод, как воск в руках. Плохие руки схватили, – и тьма, анархия царствует; но грядет Царь Славы и спасет, подкрепит, умудрит сокрушенный, обманутый народ.

Ноябрь 1917 г. Тобольск. Все забыли и Родину и правду. Живут ложью, только о собственной выгоде и думают. Неимоверно тяжело видеть гибель народа дорогой страны, но Христос не оставит Своих, не даст погибнуть всем невинным. Соблазн и разруха всего, тьма покрывает все, стыд и срам, до чего в это короткое время дошли, разве совесть у них спит.

А когда последняя их минута придет, когда перед Вечным Судом будут стоять... хочется им кричать: «Проснитесь, душа погибает». Земное существование проходит, а что там их ждет?.. Милосердный Господь, сжался над несчастной Родиной, не дай ей погибнуть под игом свободы.

Май. 1917 г. Испытания всем нужны, но надо показать и твердость во всем и все перенести с крепкой верующей душой.

Нет таких невзгод, которые бы не проходили. Господь это обещал в Своем бесконечном Милосердии, и мы знаем, что такое непостижимое блаженство Он готовит любящим Его... Помогите Он нам всем перенести с такой покорностью Его святую волю... «Не все на небе будет ночь, авось и солнышко проглянет».

Его дорога оставлена, чтобы нам идти, путь тернистый, но Он его перед нами прошел, – пусть и крест

наш так же, как Он, понесем.

2 (15) марта 1918 г. г. Тобольск. Хотя мир грешит, и мы грешим, тьма и зло царствуют, но солнце правды воссияет; только глаза открывать, двери души держать открытыми, чтобы лучи того солнца в себя принимать. Ведь мы Его любим, дитя мое, и мы знаем, что «так и надо». Только потерпи еще, и эти страдания пройдут, и мы забудем о муках, будем потом только за все благодарить. Школа великая.

Май 1917 г. Все можно перенести, если Его (Бога) близость и любовь чувствуешь и во всем Ему крепко веришь. Полезны тяжелые испытания, они готовят нас для другой жизни, в далекий путь. Собственные страдания легче нести, чем видеть горе других, не имея возможности им помочь.

2 (15) марта 1918 г. Тобольск. *Крестный путь, а потом Христос Воскресе!..* Жизнь – суета, все готовимся в Царство Небесное. Тогда ничего страшного нет.

Все можно у человека отнять, но душу никто не может отнять, хотя диавол у человека на каждом шагу (отнять ее пытается), хитрый он, но мы должны крепко бороться против него: он лучше нас знает наши слабости и пользуется этим.

Но наше дело быть настороже, не спать – а воевать.

Вся жизнь – борьба, а то не было бы подвига и награды. Ведь все испытания, Им посланные, попущения – все к лучшему; везде видишь Его руку.

Март. 1917 г. Идите прямо вашей дорогой, не глядите направо и налево, и если камня не увидите и упадете, не страшитесь и не падайте духом. Поднимайтесь и снова идите вперед. Больно бывает, тяжело на душе, но горе нас очищает. *Помните жизнь и страдания Спасителя, и ваша жизнь покажется вам не столь черна, как думали.*

6 (19) апреля 1918 г. Тобольск. ...те, кто по стопам Спасителя идут, те больше страдают. Избранные крестоносцы... Господь скорее слышит молитвы тех, кто перестрадал, но веру не потерял.

Не вспоминай все больное, но лучи солнца, которые Он посылает.

20 марта (2 апреля) 1918 г. Тобольск. «Укоряемы – благословляйте, гонимы – терпите, хулимы – утешайтесь, злословимы – радуйтесь» – слова отца Серафима. Вот наш путь с тобой. Претерпевый до конца спасется.

Май 1917 г. Земная школа суровая, и впереди экзамен нас ждет, надо к этому каждому готовиться, трудные сложные уроки изучить. *Везде и во всем борьба, но внутри должна быть тишина и мир, тогда все переносить можно и почувствуешь Его близость.*

2 (15) марта 1918 г. Тобольск. Кто по Его пути, следом Любви и страдания идет, понимает все величие Царства Небесного... Наши страдания ничто. Смотрите на страдания Спасителя, как Он страдал за нас... Если это только нужно для России, мы готовы жертвовать и жизнью, и всем...

6 (19) апреля 1918 г. Тобольск. Через крест к славе, все слезы, тобою пролитые, блещут как алмазы на ризе Божией Матери; ничего не теряется, хорошее и плохое, все написано в книге жизни каждого; за все твои мучения и испытания Бог тебя особенно благословит и наградит. «Кто душу свою положит за друзей своих...»

Да, моя маленькая мученица, это все в пользу тебе. Бог пустил эту страшную ругань, клевету, мучения физические и моральные, которые ты перенесла.

13 (26) марта 1918 г. Тобольск. Очищаемся, умолим себе и всем прощение грехов, и да подаст Он нам пропеть на всю святую Русь «Христос Воскресе!»

Да готовим наши сердца Его принимать, откроем двери наших душ; да поселится в нас дух бодрости, смиренномудрия, терпения и Любви и целомудрия; отгонит мысли, посланные нам для искушения и смущения.

Станем на стражу. Поднимем сердца, дадим духу – свободу и легкость дойти до неба, примем луч света и любви для ношения в наших грешных душах.

Отбросим старого Адама, облечемся в ризу света, отряхнем мирскую пыль и приготовимся к встрече Небесного Жениха. Он вечно страдает за нас и с нами и через нас; как Он и нам подает

руку помощи, то и мы поделим с Ним, перенося без ропота все страдания, Богом нам ниспосланные.

Зачем нам не страдать, раз Он, невинный, безгрешный, вольно страдал?

Великая Княжна Ольга: Только бы устоять, только бы не дрогнуть духом, только бы сохранить сердце чистое и крепкое...

Молитва

(Из тетради Великой Княжны Ольги Николаевны)

Пошли нам, Господи, терпенье,
В годину буйных, мрачных дней,
Сносить народное гоненье
И пытки наших палачей.
Дай крепость нам, о Боже правый,
Злодейства ближнего прощать
И крест тяжелый и кровавый
С Твоею кротостью встречать.
И в дни мятежного волнения,
Когда ограбят нас враги,
Терпеть позор и униженья,
Христос, Спаситель, помоги!
Владыка мира, Бог вселенной!
Благослови молитвой нас
И дай покой душу смиренной
В невыносимый смертный час...
И, у преддверия могилы,
Вдохни в уста Твоих рабов
Нечеловеческие силы
Молиться кротко за врагов!

Сергей Бехтеев

13 (26) марта 1918 г. Тобольск. Много все пережили, но Господь Своей Милостью не оставит Своих овец погибнуть.

Он пришел в мир, чтобы Своих в одно стадо собрать, и Сам Всевышний охраняет их. Душевную связь между ними никто не отнимет, и свои своих всегда узнают. Господь их направит, куда им нужно идти.

Промысел Божий недостижим человеческому уму. Да осенит нас Премудрость, да войдет и воцарится в душах наших, и да

научимся через нее понимать, хотя говорим на разных языках, но одним Духом.

Дух свободен. Господь ему хозяин; душа так полна, так живо трепещет от близости Бога, Который невидимо окружает Своим присутствием. Как будто все святые угодники Божии особенно близки и незримо готовят душу к встрече Спасителя мира.

Жених грядет, подготовимся Его встречать; отбросим грязные одежды и мирскую пыль, очистим тело и душу.

Подальше от суеты, – все суета в мире. Откроем двери души для принятия Жениха.

Попросим помощи у святых угодников, не в силах мы одни вымыть наши одежды. Поторопимся Ему навстречу!

Он за нас, грешных, страдает, принесем Ему наши Любовь, веру, надежду, души наши. Упадём ниц перед Его пречистым образом, поклонимся Ему и попросим за нас *и за весь мир прощенья, за тех, кто забывает молиться, и за всех*. Да услышит и помилует. И да согреем мы Его нашей любовью и доверием. Облекшись в белые ризы, побежим Ему навстречу, радостно откроем наши души. Грядет Он, Царь Славы, поклонимся Его Кресту и понесем с Ним тяжесть Креста. **Не чувствуешь ли Его помощь, поддержки в несении твоего Креста?** Невидимо Его рука поддерживает твой крест, на все у Него силы хватит; наши кресты только тень Его Креста.

Он воскреснет скоро, скоро и соберет Своих вокруг Себя, и спасет Родину, ярким солнцем озарит ее. Он щедр и Милостив.

9 января 1917 г. Тобольск. Мне не легко, но я так благодарна за все, что имела... Теперь я все иначе понимаю и чувствую, душе так мирно, все переношу, *всех своих дорогих Богу отдала и Святой Божией Матери*. Она всех покрывает Своим омофором. Живем, как живется.

13 (26) марта 1918 г. Тобольск. О, дитя мое родное, не умею я писать, мысли и слова скорее пера бегут. Прости все ошибки и вникни в мою душу.

Хочу дать тебе эту внутреннюю радость и тишину, которой Бог наполняет мне душу, – разве это не чудо? Не

ясна ли в этом близость Бога? ведь горе бесконечно, все, что люблю – страдает, счета нет всей этой грязи и страданиям, а Господь не допускает уныния: Он охраняет от отчаяния, дает силу, уверенность в светлом будущем... Как тебе дать почувствовать, чем озарена моя душа? Непонятной, необъяснимой радостью, – объяснить нельзя, только хвалю, благодарю и молюсь.

Душа моя и дух – Богу принадлежат.

Я чувствую ту радость, которую ты иногда испытывала после Причастия или у святых икон.

Как Тебя, Боже, благодарить? Я недостойна такой Милости. О Боже, помоги мне не потерять, что Ты даешь! Душа ликует, чувствует приближение Господа: грядет Он. Скоро будем Его славить и петь *Христос Воскресе!*

Я не «exalteе», дитя мое; солнце озарило мою душу, и хочу с тобой поделиться, не могу молчать!

Торжествует Господь, умудряет сердца: увидят все концы «яко с нами Бог».

Слышишь ли мой голос? Расстояния ничего не значат – дух свободен и летит к тебе, и вместе полетим к Богу, преклонимся перед Его Престолом...

«...Мы все простили и только любим...»

Два с половиною месяца Царская Семья прожила (в Екатеринбурге) среди шайки наглых, разнузданных людей новой Их стражи, подвергаясь издевательствам и непрерывным страданиям. При первом обыске большевик грубо вырвал из рук Императрицы (принадлежащие Ей вещи) и отвечал Государю дерзостями. В первое время Великие Княжны спали на полу и все ели отвратительную пищу из солдатской столовой. Караульные были поставлены во всех углах дома и следили за каждым движением заключенных. Они покрывали стены неприличными рисунками, глумясь над Императрицею и Великими Княжнами. За столом садились все вместе. Караульные, присутствуя тут же, не снимали фуражек, курили, плевались, ругались скверными словами. Однажды за столом пьяный комиссар (Юровский) взял еду с тарелки Государя, отправил себе в рот, говоря, что им и так хватает и при этом

толкнул Его локтем прямо в лицо. (Ни на одно из подобных оскорблений Государь ни разу не ответил раздражением.) Большею частью караульные несли свою службу в пьяном виде. Они систематически грабили и расхищали вещи, белье и одежду Царской Семьи.

С каждым днем страдания Царственных мучеников все увеличивались... В нижнем этаже дома было устроено караульное помещение. Грязь там стояла ужасная. Пьяные голоса все время горланили революционные или неприличные песни, под аккомпанемент кулаков, стучащих по клавишам рояля. А сверху, точно с неба, доносились отдаленные звуки божественных напевов. То пленники пели дивные, трогательные молитвы литургии. Их безропотная покорность воле Божией, незлобивость и смирение давали им силы твердо переносить все страдания. Они уже чувствовали Себя по той стороне бытия, с молитвой в душе и на устах, готовились к Своему переходу в Жизнь Вечную.

Покоренные Царственной простотой, смирением и человеколюбием венценосных страстотерпцев, тюремщики вскоре переменили свое зверское отношение к Ним. Сбитые с толку революционной пропагандой, солдаты почувствовали величие душ их пленников, Их истинное лицо. Эта перемена настроения, происшедшая в охране, не ускользнула от внимательного взора ЧК.

Во главе Уральского ЧК стояли люди, забывшие все человеческое, их повседневным занятием было, планомерно проводимое, уничтожение лучших русских людей, верных сынов распинаемой России. Никто из них не был представителем русского народа, это были лютые враги христианства и Помазанника Божия – Государя Императора. Когда они увидели, что старая охрана Царской Семьи начинает проникаться добрыми чувствами к узникам, то тут же сменили ее новой из самих чекистов. Во главе этой охраны встал Янкель Юровский. Назначение Юровского ознаменовалось для Царской Семьи установлением поистине каторжного режима. Государь любил всегда физический труд, отсутствие движения плохо сказывалось на Его здоровье. Юровский запретил Ему работать

в саду; запрещено было также подходить к окнам; однажды, когда Великая Княжна Анастасия Николаевна задумчиво глядела на краешек неба... на кусочек свободного мира, часовой выстрелил в Нее, и пуля пролетела над Ее головой.

Все Царственные мученики несомненно сознавали приближение конца и готовились к нему. Даже младшие: Великая Княжна святая Анастасия и Наследник святой Цесаревич Алексей не закрывали глаза на действительность, как это видно из случайно вырвавшихся как-то у Наследника слов: «Если будут убивать, то только бы не мучили»... Но уж судьба о Нем свой суд сказала: *Уже в ее святилище стоит Ему испить назначенная чаши.*

Цесаревичу Алексею

Священный символ русского ребенка,
который нетерпим, невыносим
для всех бесовских преисподних крил,
который жжет хрустальной Чистотой,
улыбкою – не блудной, а святой...
Как нечестивым святость выносить?!
Им надо растерзать ее – убить!
Священный символ русскости былой.
Отзывчивостью, сердца простотой
Христу принадлежавшая душой,
Русь неподкупная, спасеньем ты была
для мира падшего продажности и зла.
И аду невозможно рядом жить...
И надо ко Кресту нас пригвоздить –
и – умертвить!
Какой бы Милостивый умный Государь
у нас был с вами – Православный Царь,
с святою целью – к Раю Русь вести.
Мы на коленях пред Тобой – прости!
Раскаянье народу испроси,
молитвами всей Царственной Семьи.
Без покаянья –
Русь не воскресить.

Из показаний протоиерея Иоанна Сторожева. (14 июля для Царской Семьи была отслужена последняя обедница)...Почему-то дьякон вместо прочтения («Со святыми упокой») запел эту молитву, стал петь и я, несколько смущенный таким отступлением от устава, но, едва мы запели, как я услышал, что стоявшие позади меня Члены Царской Семьи Романовых опустили на колени, и здесь вдруг ясно ощутил я то высокое духовное утешение, которое дает разделенная молитва.

... Узники спали глубоким сном, когда Их разбудили и приказали одеваться, чтобы покинуть город, которому будто бы угрожала опасность. Царская Семья спустилась в нижний полуподвальный этаж, где Государь с больным Сыном сел на стул посреди комнаты. Вокруг расположились Государыня, Великие Княжны, доктор и трое преданных слуг. Все ожидали сигнала к отъезду. Они не знали, что экипаж давно уже ждет Их у ворот. Это был грузовик, на котором должны были отвезти тела обреченных.

После ошеломившего всех заключенных заявления палача о предстоящем расстреле, (Государь рванулся, чтобы заслонить Александру Феодоровну и Алексея), Государыня успела перекреститься... Она была убита сразу, одновременно с Государем. Бог послал Им счастье не слышать стонов Цесаревича и криков раненой Великой Княжны Анастасии. Первые пули не принесли смерти самым младшим и Их прикончили, добивая ударами штыков и прикладов, выстрелами в упор. Самое невинное и святое претерпело наибольшие муки.

Г.Беседовский «На пути к Термидору». Когда все стихло, Юровский, Войков и двое латышей осмотрели расстрелянных, выпустив в некоторых из них еще по несколько пуль или протыкали штыками.

Войков рассказывал, что это была ужасная картина. Трупы лежали на полу в кошмарных позах с обезображенными, залитыми кровью лицами. Пол сделался совершенно скользкий...

Спокоен был один Юровский. Он хладнокровно осматривал трупы, снимая с Них все драгоценности...

Из показаний М.Томашевского. Установив смерть всех, приступили к уборке... Помещение, в котором происходило избиение, спешно привели в порядок, стараясь, главным образом, скрыть следы крови, которую, по буквальному выражению рассказчика, «мели метлами». К трем (шести) часам утра все в этом отношении было закончено.

Г.Беседовский «На пути к Термидору». Юровский распорядился, и латыши стали выносить трупы через двор к грузовому автомобилю, стоявшему у подъезда...тронулись за город в заранее приготовленное место у одной из шахт.

Юровский уехал с автомобилем. Войков же остался в городе, так как должен был приготовить все необходимое для уничтожения трупов. Для этой работы было выделено пятнадцать ответственных членов Екатеринбургской и Верхне-Исетской партийной организации. Все были снабжены новыми остро отточенными топорами, какими пользуются в мясных лавках – для разрубания туш. Войков, кроме того, приготовил серную кислоту и бензин...

Самая тяжелая работа состояла в разрубании трупов. Войков вспоминает эту картину с невольной дрожью. Он говорил, что когда эта работа была закончена, возле шахты лежала громадная кровавая масса человеческих обрубков, рук, ног, туловищ, голов. Эту кровавую массу полили бензином и серной кислотой и тут же жгли.

Жгли двое суток. Не хватало взятых запасов бензина и серной кислоты. Пришлось несколько раз подвозить из Екатеринбурга новые запасы...

«Это была ужасная картина, – закончил Войков. – Даже Юровский, и тот под конец не вытерпел и сказал, что еще таких несколько дней и он сошел бы с ума».

Под конец мы стали торопиться. Сгребли в кучу все, что осталось от сожженных останков расстрелянных, бросили в шахту... (Потом шахта была взорвана ручными гранатами.)

Наверху, на площадке возле шахты, перекопали землю и забросали ее листьями и мхом, чтобы скрыть следы костра...

24 января 1918 г. Тобольск. Я не допускаю мысли, что те ужасы, бедствия и позор, которые окружают нас всех,

продолжались долго. Я твердо верю, как и ты, что Господь умиласердится над Россией и умирот страсти в конце концов. Да будет Его святая воля.

Государь Николай II: *Нет такой жертвы, которую Я бы ни принес на алтарь своей Родины...*

Письмо Великой Княжны Ольги Николаевны, отправленное из Тобольского заключения. *Отец просит передать всем тем, кто Ему остался предан, и тем, на кого они могут иметь влияние, чтобы они не мстили за Него, так как Он всех простил и за всех молится, и чтобы не мстили за себя, и чтобы помнили, что то зло, которое сейчас в мире, будет еще сильнее, но не зло победит зло, а только Любовь...*

Страстной путь Великой Княгини Елисаветы Феодоровны

Великая Княгиня Елисавета Феодоровна Графине Александре Олсуфьевой

Дорогая Аликс, ...сегодня я имела безграничное утешение молиться... и присутствовать на Божественной службе, когда наш Патриарх давал благословение. Святой Кремль, с заметными следами этих печальных дней, был мне дороже, чем когда бы то ни было, и я почувствовала, до какой степени Православная Церковь является настоящей Церковью Господней. Я испытывала такую глубокую жалость к России и к ее детям, которые в настоящее время не знают, что творят. Разве это не больной ребенок, которого мы любим во сто раз больше во время его болезни, чем когда он весел и здоров? Хотелось бы понести его страдания, научить его терпению, помочь ему. Вот, что я чувствую каждый день. *Святая Россия не может погибнуть.* Но Великой России, увы, больше нет. Но Бог в Библии показывает, как Он прощал Свой раскаявшийся народ и снова даровал ему благословенную силу...

Ваша постоянная молитвенница Елисавета. 1917 год

Дорогая Аликс, Христос Воскресе!

Как часто мои мысли летят к Вам, и я вспоминаю мою милую графиню, сидящую в своей гостиной и окруженную воспоминаниями. Мы разговариваем за чашкой чая, и в наших воспоминаниях проносятся года, – года светлые, года грустные, и года, когда временами чувствовали руку Господню, могущественную, напоминающую нам о раскаянии, как и в настоящее время...

Если мы глубоко вникнем в жизнь каждого человека, то увидим, что она полна чудес. Вы скажете, что жизнь полна ужаса и смерти! Да, это так. Но мы ясно не видим, почему кровь этих жертв должна литься...

Полностью разрушена «Великая Россия, бесстрашная и безукоризненная». Но «Святая Россия» и Православная Церковь, которую «врата ада не одолеют», – существуют и существуют более, чем когда бы то ни было. И те, кто веруют и

не сомневаются ни на мгновение, увидят «внутреннее солнце», которое освещает тьму во время грохочущей бури.

Я не экзальтированная, мой друг. Я только уверена, что Господь, Который наказывает, есть тот же Господь, Который и Любит. Я много читала Евангелие за последнее время, и если осознать ту великую жертву Бога Отца, Который послал Своего Сына умереть и воскреснуть за нас, то тогда мы ощутим присутствие Святого Духа, Который озаряет наш путь. И тогда радость становится вечной даже и тогда, когда наши бедные человеческие сердца и наши маленькие земные умы будут переживать моменты, которые кажутся очень страшными.

Подумайте о грозе! Какие величественные и страшные впечатления. Некоторые боятся; другие прячутся; некоторые гибнут, а иные же видят в этом величие Бога. Не похоже ли это на картину настоящего времени?

Мы работаем, молимся, надеемся, и каждый день чувствуем милость Божию. Каждый день мы испытываем постоянное чудо. И другие начинают это чувствовать и приходят в нашу церковь, чтобы отдохнуть душой.

Молитесь за нас, моя дорогая. Сердечно Ваш «постоянный преданный друг».

П.С. Благодарю за бесценное прошлое...⁹⁹ Апрель 1918 года

«По дороге в Алапаевск Великая Княгиня Елисавета написала глубокое, полное утешения, письмо сестрам Обители и Своему духовнику, протоиерею Митрофану Сребрянскому. В нем Она рассказывала, «что латвийские солдаты в начале очень грубо с ней обращались, но затем стали гораздо снисходительнее, вследствие чего они были заменены русской гвардией, солдаты которой были бесцеремоннее и жестче. Второе письмо (отцу Митрофану) заключало в себе просьбу, чтобы Московский Патриарх, который тогда еще был на свободе, ходатайствовал о получении для Нее разрешения перейти на вегетарианскую пищу, к которой Она привыкла, (так как Ее пытались кормить исключительно кониной). Святейший Патриарх Тихон пытался при помощи церковных организаций, с которыми на первых порах считалась большевистская власть,

принять меры к освобождению Великой Княгини, но безуспешно»¹⁰⁰.

По прибытии в ссылку, Елисавету Феодоровну поселили в напольную школу, где уже были размещены Ее родственники: Великий Князь Сергей Михайлович с Его слугой по фамилии Ф. Ремез, Князья Иоанн, Константин и Георгий Константиновичи, и Князь Владимир Палей, 20-ти лет. Великая Княгиня с сестрами Екатериной и Варварой занимали угловую комнату. Узники содержались под охраной караула. Сначала Им позволяли посещать церковь, что было для Них великим утешением. Елисавета Феодоровна много трудилась в огороде, Своими руками полола грядки, устраивала цветочные клумбы. Иногда Она рисовала и постоянно много молилась. Пропитание заключенных становилось все более скудным. В последние дни Они жили впроголодь. Иногда, если допускал конвой, Им приносили скромную еду местные жители. Из воспоминаний Марии Артемовны Чехомовой, которая десятилетней девочкой приходила к напольной школе: «Бывало, мама соберет в корзиночку яичек, картошечки, шанечек напечет, накроет сверху чистой тряпочкой и посылает меня. Ты, говорит, по дороге Им еще цветочков нарви... Пускали не всегда, но если пускали, то часов в одиннадцать утра. Принесешь, а охранники у ворот не пускают, спрашивают: «К кому ты?» «Вот, матушкам покушать принесла...» – «Ну, ладно, иди». Матушка выйдет на крыльцо, возьмет корзиночку, а у Самой слезы текут, отвернется, смахнет слезу. «Спасибо, девочка милая, спасибо!» В одну из этих встреч Елисавета Феодоровна подарила Машеньке отрез розового цвета на платье.

Вся эта пытка нравственных страданий.

Тяжелых ежечасных ожиданий

Убийств, грозящих каждый миг в тиши,

Мысль узника в мольбе уносит высоко...

То, что гнетет кругом, так мрачно и так низко...

Родные, близкие так жутко далеко,

А недруги так жутко близко.

Из стихотворения Владимира Палея

Тюремный режим с каждым днем ужесточался. С 21 июня узникам запретили выходить на улицу. Женщина, готовившая Им пищу, вспоминала: «У Князей было конфисковано все Их имущество – обувь, белье, платье, подушки, золотые вещи и деньги, оставлено было только носильное платье, обувь и две смены белья... Когда вынули из шахты Ее святое тело, Она была одета в простое крестьянское платье. «Оставив все, имею одно – крест, светлый столп моей жизни», – могла бы сказать Елисавета Феодоровна вслед за святителем Григорием Богословом¹⁰¹.

Охрану обновили красноармейцами из Австрии. Они были очень жестокими, и по ночам, почти каждый час, врываются в комнаты и производили обыск. Иногда ночью Елисавета Феодоровна была не в состоянии встать с постели из-за сердечного приступа, но к Ее кровати был придвинут стол – и, невзирая на самочувствие Матушки, следователь продолжал вести допросы.

Великий Князь Сергей Михайлович пытался возражать против незаконного насилия, но Его протесты остались без ответа.

Екатерину и Варвару вскоре отправили в областной Совет Екатеринбурга. Елисавета Феодоровна и сестры горько плакали перед разлукой, понимая, что скорее всего – видят друг друга в последний раз. В одиночестве Великая Княгиня много молилась, плакала и просила Царицу Небесную укрепить Ее душу перед лицом приближающихся страданий. Просила Господа, чтобы после кончины всех узников – их тела не остались на поругание неверующим людям.

В областном Совете сестрам сказали, что готовы их освободить, так как Они не относятся к Царскому роду. Мы знаем, по воспоминаниям матушки Надежды, что Екатерина и Варвара, стоя на коленях, под непотребное сквернословие, умоляли не разлучать их с Духовной Матерью. Тогда им стали живописать ужасы смерти Великой Княгини. Варвара сказала: «Я готова немедленно – кровью своей – подписать все, что угодно...» И чекистам пришлось вернуть ее в Алапаевск. Варвара, Крестовая сестра Елисаветы Феодоровны, пришла в

Обитель с самого начала ее существования. Став келейницей Великой Княгини, она продолжала оставаться все такой же скромной, мягкой и ласковой, какою была. Ее любили все сестры и родственники Великой Матушки. Она приняла мученическую кончину вместе с Великой Княгиней Елисаветой, оставшись до конца верной обожаемой ею Духовной Матери. Ей было тридцать пять лет.

Поздней ночью на 18 июля, в праздник преподобного Сергия Радонежского, в день святого Ангела Великого Князя Сергея Александровича, узников разбудили, объявили, что их перевозят в более безопасное место. Посадили в крестьянские телеги и повезли к Верхне-Синячихинскому заводу. После Их отъезда палачи инсценировали побег заключенных. К напольной школе этой ночью чекисты привезли убитого человека, якобы застреленного при попытке «похищения Князей». На самом деле это был местный крестьянин, которого заранее арестовали, продержали несколько дней в ЧК, а потом убили и подбросили к зданию школы. Утром местный совдеп сообщил о похищении Великих Князей. Обман был явным для всех.

Дорога к заброшенному железному руднику, под названием «Нижняя Селимская», двенадцать верст шла в основном густым лесом. Шахта, выбранная чекистами для своего жуткого плана, имела глубину шестьдесят метров. Ее стены были некогда выложены бревнами, теперь они полусгнили и торчали из стен. Здесь узников жестоко избили прикладами, связали и повели к шахте. Понимая, что Они идут в Свой последний путь, все запели дивную песнь из Божественной Литургии. В ней предстоящие перед Богом – таинственно уподобляются святым Небесным Силам Бесплотным: *Иже Херувимы, тайно образуяще, и Животворящей Троице Трисвятую песнь припевающе...* С этой святою песнью узников стали сбрасывать вниз. С площадной руганью палачи избивали прикладами свои невинные жертвы. Первой столкнули в черную бездну Великую Княгиню Елисавету. Крестьясь, Она громко молилась: *Господи, прости им, не ведают бо, что творят!..* Вслед за Ней стали сбрасывать остальных. Один Великий Князь Сергей Михайлович

был сброшен мертвым. Услышав стоны живых людей, чекисты швырнули в глубь шахты ручные гранаты. В ответ раздалось святое пение: *Спаси, Господи, люди Твоя...* Охваченные ужасом, чекисты в панике завалили шахту хворостом и подожгли. Сквозь дым и огонь продолжали долетать звуки молитв.

На следующий день, не имея сил вынести Божественное пение, преступники стали швырять в шахту бревна и крупные камни. *Изведи из темницы душу мою...* (Пс.141:8), – взывали из бездны страдальцы. Тогда в шахту сбросили кусок зажженной серы, замуровали ее бревнами и засыпали землей... Мученики оставались живы. Никто, кроме Бога, не знает, когда пришло Их избавление. Все Они умерли в тяжких страданиях: от увечий, полученных при падении, от ран, голода и жажды. Во рту и желудке Князя Константина была найдена земля – чтобы заглушить чувство голода, великомученики были вынуждены есть землю.

Почти все узники упали на самое дно шахты. Великая Княгиня Елисавета Феодоровна попала на выступ на глубине пятнадцати метров. Когда через два месяца тела святых были извлечены, рядом с Великой Княгиней нашли Князя Иоанна. Сама, тяжело ушибленная, Великая Княгиня Елисавета, рискуя оборваться в преисподнюю глубину, перевязала голову Князю, разрывая Свой апостольник. И в последние часы Собственной жизни Она облегчала страдания – умиравшему рядом с Ней человеку. Великая Княгиня и Князь Иоанн были одного духа – они оба жили для Вечности.

Крестьянин, случайно оказавшийся неподалеку, слышал, как из глубины рва доносились звуки святых песнопений, Херувимской песни. Возглавляемые Елисаветой Феодоровной, мученики отпели себя заживо. Великая Княгиня молилась, укрепляя других, до Своей последней минуты... Ее душу принял в Свои руки Сам Милосердный Господь, Крестному пути Которого – Великая Княгиня Елисавета следовала – всю Свою жизнь. Когда святое тело Матушки Великой извлекали на поверхность, рядом с Ней обнаружили – две неразорвавшиеся гранаты. Так Господь сберег Ее для нас, чтобы все мы имели счастье припадать к святыне Ее мощей.

Через шестьдесят девять дней белые отбили город, и останки Алапаевских мучеников были подняты на поверхность. Тело Великой Княгини поразило всех своим нетлением. Пальцы Ее правой руки, так же, как и у инокини Варвары, сохранили троеперстное сложение для крестного знамения. На груди Елисаветы Феодоровны была найдена любимая Ею – икона Нерукотворного Спаса, драгоценный образ, подаренный Государем Александром III в священный для Нее день – присоединения к Православию.

Многих лет знавшая Великую Княгиню, графиня Александра Олсуфьева, оставила нам святое свидетельство близкой души: «Зная Ее очень хорошо, я могу с уверенностью сказать, что славилась Она Всевышнего за Свои страдания, которые Она приносила в жертву за спасение душ Ея убийц. Я верю так же твердо, как я верю в загробную жизнь, что Елисавета Феодоровна никогда не произнесла ни одной жалобы и славилась Господа за предоставленную Ей возможность – мученическим путем занять приготовленное для Нее место среди Его избранных. Она была подобна первым мученикам христианства, погибшим на римских аренах...»

Тропарь святым Новомученикам и исповедникам Российским (глас 4):

Цвети Российскаго луга духовнаго, / в годину лютых гонений дивно процветшии, / Новомученицы и Исповедницы бесчисленнии: / святителие, Царственнии страстотерпцы и пастырие, / монаси и мирстии, мужие, жены же и дети, / добрый плод в терпении Христу принешии, / молитесь Ему яко Насадителю вашему, / да избавит люди Своя от безбожных и злых, / да утверждается же Церковь Русская / кровью и страдании вашими / во спасение душ наших.

Кондак святым Новомученикам и исповедникам Российским (глас 2):

Новии страстотерпцы Российстии, / исповеднически поприще земное претекшии, / страданьи дерзновение приимшии, / молитесь Христу, вас укрепившему, / да и мы, егда найдет на ны испытания час, / мужества дар Божий восприимем. / Образ бо есте нам, лобызающим стопы ваша, / яко ни скорбь,

ни теснота, ни смерть / от любви Божия разлучити вас не возмогуша.

Светилен:

Вельми светел нам подвиг ваш, святии Новомученицы и Исповедницы, во дни сия, малодушием омраченныя, оскуде бо вера за умножение беззаконий наших, охладе любви, поколебася надежда, доблесть же ваша озари славою новою Церковь Русскую.

Последние дни матушки Надежды

Незабываемые вечера, когда мы, порой усталые, сидели все вместе перед нашим дорогим святым углом, и нам хотелось молиться, не переставая. На нескольких узких полках располагались наши скромные иконы, в основном бумажные. Но уголок, озаренный пятью разноцветными лампадами (при матушке они были всегда зажжены), – казался райским. Дело было, конечно, не в нас, а в монахине. Ради нее Бог осенял наш дом Своей святой благодатью. Невидимые Ангелы участвовали в ее молитве. Она нередко с воодушевлением повторяла одни и те же слова, будто для того, чтобы мы сохранили их и не забывали, что любой христианский дом призван быть маленьким храмом: «И сейчас, – говорила она, – и потом, когда придет еще худшее время, – Россия будет спасаться такими вот святыми уголками...» С тех пор я знаю, что Богу дорог самый скромный набор икон, самый убогий дом, лишь бы здесь к Нему обращались – всем сердцем.

Матушка была невероятно отзывчивым человеком не только, когда речь шла о болезнях и скорбях близких. Она была чрезвычайно чуткой – в самом малом и незначительном. Помню, мы с мамой решили переставить кровать в более удобное место. У матушки в это время было высокое давление, она лежала на другой кровати с закрытыми глазами. Но каким-то образом почувствовала наше намерение, открыла глаза и с ярким чувством озабоченности и беспокойства – быстро произнесла: вам помочь?! – и даже рванулась, чтобы немедленно встать. «Нет, нет, ради Бога, не надо!» – хором ответили мы. За матушкиной заботой стояла такая искренняя Любовь к нам, окаянным, что мы просто растерялись. Этот порыв был самым подлинным движением ее сердца, хотя физически в этот момент она была не способна даже приподняться.

Раз в месяц матушку навещали две двоюродные сестры, привозили на ее содержание пятьдесят рублей. Первый их приезд меня особенно удивил – матушка не обмолвилась с

ними ни единым словом о Боге. В следующие их посещения я уже не ждала, чтобы она заговорила о чем-то серьезном. Около часа сестры смеялись до упаду – так блестяще веселила их матушка своим необыкновенным юмором. Но ни одной улыбки не появилось на ее собственном лице. Сестры уходили, будучи очень довольны посещением. Я же была в полном недоумении – такой разительный контраст являло поведение монахини в сравнении – с обычным. Я, окаянная грешница, даже подумала: почему же матушка не поговорила с ними ни о чем – духовном? Ведь они явно неверующие. Но потом я поняла, что матушка просто не занималась бесполезным делом, по слову святых: *Тому, кто не внимает словам твоим, не говори их*. И давно все упование возложила на Единого Бога.

Через несколько дней мне подарили дивную бумажную иконочку Псковской Пресвятой Богородицы, Младенец Христос с такой святой нежностью простирает объятия к Своей Матери... мы не могли налюбоваться на Божественные Лики. Я тут же показала икону матушке. С огромным чувством она прижала ее к губам и неожиданно – залилась слезами. Это были не просто слезы – это был поток слез. Она в первый раз забыла о нашем присутствии. Мы как будто перестали существовать для нее и мешать ей. Кажется, открылись все сдерживаемые шлюзы ее души. Матушка плакала навзрыд. Каждые несколько минут она вновь прижимала губами к маленькому образу, потом прижимала его к правому плечу – и безудержно, безутешно рыдала. С глубоким потрясением я вслушивалась в обрывки ее слов: «Спаси их, смилуйся... только спаси... как хочешь, как можешь... Умилосердись над ними!.. всеми моими родными... крестниками... всеми, которых Ты дал...» И снова – целует-целует: «Ты все можешь... Сжался... Спаси! – только спаси!..» Не знаю, сколько длилась эта молитва. За ней стояло столь бездонное содержание, совсем неизвестное мне смирение... подобного я не видела больше никогда. Матушка припадала – к Живому Богу. И молитва обретала необозримое пространство, мы с мамой утратили чувство времени: десять или двадцать минут... Иногда мне кажется, эта молитва длится до сих пор: за всех наших близких, за всех, кто делал нам добро и творил

зло... – за всех, которых на нашем жизненном пути – нам дал Бог.

Несколько раз я случайно заставляла матушку, молящуюся в одиночестве. Приоткрыв дверь в ее комнату, я не сразу находила в себе силы ее закрыть. Соприкосновение с ее внутренним миром всегда было духовным потрясением. Матушка молилась Елисавете Феодоровне и батюшке Сергию о Милости и спасении своих близких, о себе, «всегрешной» – с неизвестной мне глубиной страдания. Так мог бы плакать всеми брошенный, забытый во рву ребенок, – обращаясь к недостижимой Небесной святыне. Когда я в первый раз услышала это исповедание себя – полным ничтожеством, то была поражена. Вот такая, без преувеличения, – кровавая молитва – стояла за матушкиной ясностью и светлостью. Именно эта молитва полностью унизившей и растоптавшей себя перед Богом души давала ей силы раскрепощать всех нас, делать из каменных – плотяными человеческие сердца, облегчать духовные ноши многих людей.

Наступил Великий пост. Две прихожанки нашего храма переписали от руки Великий канон Андрея Критского, чтобы мы могли читать его вечерами. Получились четыре школьные тетради, матушка очень благодарила девочек за подъятый труд. Позже я узнала, что перед последним в своей жизни Великим постом Государыня Александра Феодоровна Собственной рукой переписала текст Великого канона – десять раз. Подарила его близким, всем разделявшим с Царской Семьей ссылку, чтобы каждый мог полноценно участвовать в Великопостных службах первых дней.

Началась Страстная седмица. То, что мы переживали, трудно выразить словами. Недавно я перечитала проповедь иеромонаха Владимира, удивительного Дивеевского пастыря, содержание, мысли и чувства которой созвучны пережитому нами в те дни.

Проповедь на Пассии¹⁰²

Христос умер – Человеком на Кресте. Умер – от нашей ненависти, от ненависти мира. Отец послал Его, чтобы Сын взял на Свои плечи всю ответственность перед Ним за отпадение человека от Творца.

Это значит, дорогие братья и сестры, что когда мы пытаемся заступиться за человека, оказать ему реальную помощь – молитвенную, мы должны быть готовы к тому, чтобы следовать за Христом – до конца, чтобы понести все, что понес Он: вплоть до Крестной муки. А чтобы сие, в меру наших слабых сил, исполнить, мы помолимся, чтобы Господь помог нам стать способными позабыть себя ради другого.

...Приближается Страстная седмица. И вот, хотя бы в оставшееся время, – не отвлечь бы себя «неотложными» делами. Чтобы как бы не заметить центра нашей сегодняшней жизни – Крест. И на Нем – Он. А ведь нельзя отвести глаз, ибо, если я человек, я не могу не смотреть – не видеть...

И вот тогда, когда мы, пересилив трусость учеников, убежавших от Него, покаемся в подобном грехе – сокрытия себя: своих глаз, сердца, нервов... Покаемся в том, что и мы, будучи в толпе, окружавшей Крест, делали вид, будто не замечаем Его муки, Его крови! Его Смерти... Сей грех есть грех – отделения себя от Бога. Отделения – от человека... Св. Антоний сказал, что мы грех очень редко воспринимаем как смерть (т.е. тем, чем он является на самом деле). Наши грехи, в итоге нашу смерть, – Бог взял на Себя, и как часто мы живем, будто этого не произошло. Мы плачем обо всем, только не о том, что умираем в кольце отчужденности – от Бога. От Крещения. От Правoverия!

И только Любовь жалость разрывает это кольцо. Заплакать... Плач – этот призыв к плачу доносится к нам от святых. Недаром преподобный Иоанн Лествичник в основу нашего спасения положил плач, а преподобный Серафим – Любовь к ближнему и Жалость в плаче об отпавшем от Бога человеке.

И уж если мы не в силах отвергнуться, забыть себя, чтобы взять свой крест и идти за Ним, то как бы остановимся у обочины дороги, по которой идут любящие Его, как Петр.

Пост Великий как раз и служит для того, чтобы мы, ограничив себя, воздерживаясь от того, что есть – преходящее, необязательное, заставили себя взглянуть на Крест! Не отвести глаз. И убедиться, что есть настоящая Любовь.

И всей жизнью своей поблагодарить Господа за Его язвы гвоздинные – за нас, за наши грехи...»

Отец Владимир никогда не заботился о внешней красоте слов. Его проповеди потрясали, потому, что он произносил их – обнаженным сердцем. Он говорил не ради того, чтобы вызвать у нас в воображении какие-то образы. Говорил о том, чем жили его ум, сердце, душа (чтобы они – ожили и в нас), о том, чему следовал он сам, отдавая все силы. Этого он требовал от себя – следования за Христом – до конца... И умолял Господа дать ему *позабыть себя ради другого, ибо не мог отвести глаз от Распятого Христа*. Бог исполнил все желания батюшки и просьбу «понести все» вслед за Христом – вплоть до страшной муки. Бог дал ему это и ради нас, чтобы мы все-таки устыдились постоянного «сокрытия себя: своих глаз, сердца, нервов». Ибо до сих пор мы делаем вид, будто не замечаем Крови, обагряющей Крест. Не замечаем истекающий кровью Лик Спасителя на Его, известной уже всему русскому народу, иконе в селе Державино.

Неужто на Руси у нас распяли Христа опять?! – взывают стихи протоиерея Андрея Логвинова. Как страшно!.. ведь это новая Голгофа посреди России.

Крест и сегодня – *в центре* жизни человечества. Господи, молитвами всех Твоих святых, не дай нам отвести глаз! Дай постигнуть, что Ты нам пытаешься сказать этими кровавыми ручьями...

Близкая нам душа подарила свое стихотворение, написанное с использованием текста служб Страстной Седмицы.

Солнце Незаходимое, Бог мой Превечный, Творец всех тварей –

как терпиши страсть на Кресте?!..

Как может быть Неосязаемый – удержан?
и связан – освободивший Адама из геенны?..
Предзнающий сокровенное всех сердец,
стоит на допросе перед – ничтожеством,
в темнице затворяется, – содержащий ключи бездны,
связуем грешником – **Всесвятой**,
Которому предстоят в трепете бессчетные сонмы Ангелов...
Ударяется рукой создания – Создатель,
на Крест осуждается – Судия живых и мертвых,
во гроб заключается – разоритель ада...
Свет мой сладкий, чаяние мое
и Жизнь моя – Бог мой угас на Кресте

* * *

Дай нам узнать, как Любить и смиряться –
до смерти, Смерти же Крестной...

Спасший нас всех от законной клятвы,
Избавивший нас нескончаемой муки,
незлобивый Господи – Слава Тебе!

«Поклоняемся Страstem Твоим, Христе!

Поклоняемся Страstem Твоим, Христе!

Поклоняемся Страstem Твоим, Христе!

И Святому Воскресению!».

Проходили дни главной Седмицы года, и наше беспокойство нарастало. Нам было известно, что Батюшка Сергей предсказал кончину матушки Надежды в Страстную Пятницу. Эта мысль была для нас непосильной. Мы не могли представить, что можем расстаться с матушкой. И поэтому умаляли всех известных нам священников, всех близких и дальних знакомых молиться, чтобы, по Милости Божией, этого не произошло. Меня благословили не идти на службу и быть неотлучно при матушке. Накануне она чувствовала себя обыкновенно. Ничего не предвещало ухудшения самочувствия. Но со середины дня Страстной Пятницы матушка почувствовала себя резко плохо. В первый раз за все время пребывания у нас – она не смогла подняться с постели, не имела сил даже просто приподнять голову от подушки. Шел час за часом, никого из нас

не посещала мысль о еде. Никогда я не слышала от матушки ни вздоха, ни жалобы – но здесь она едва удерживалась, чтобы не стонать. Я с ужасом чувствовала, как она страдает. Понимала, что сейчас мучается, испытывая боль, – все ее тело, как будто она сама прикована ко кресту. Она только беспомощно поворачивала голову. Все ее тело изнемогало, и минутами, казалось, что сейчас она потеряет сознание. Стоя у ее кровати, полуобернувшись к святому углу, так, чтобы продолжать ее видеть, я читала переписанную от руки службу с Акафистом – Страстям Христовым, глотая слезы.

Молитва ко Господу Иисусу Распятому

Господи Иисусе Христе, Сыне Бога Живаго, Творче неба и земли, Спасителю мира, се аз, недостойный и паче всех грешнейший, смиренно колена сердца моего пред Славою Величества Твоего преклонив, воспеваю Крест и Страдания Твоя, и благодарение Тебе, Царю всех и Богу, приношу, яко благоизволил еси вся труды и всякия беды, напасти и мучения, яко человек понести, да всем нам во всяких печалех, нуждах и озлоблениях состраждущий Помощник и Спаситель будеши. Вем, Всесильне Владыко, яко вся сия Тебе убо не быша потребна, но человеческого ради спасения, – да всех нас искупиши от лютыя работы вражия, Крест и Страдания претерпел еси. Что убо воздам Тебе, Человеколюбче, о всех, яже пострадал еси мене ради грешнаго? Не вем, душа бо и тело, и вся благая от Тебе суть, и вся моя Твоя суть, и аз – Твой есмь. Точию на безчисленное Твое, Благоутробне Господи, Милосердие надеяся, пою Твое неизреченное Долготерпение, величаю неисповедимое Истощение, славлю Твою безмерную Милость, поклоняюсь Пречистым Страстем Твоим, и с трепетом лобызая Язвы Твоя вопию: помилуй мя грешнаго, и сотвори, да не бесплоден будет во мне Крест Твой Святый, да причащаяся zde с верою Страданиям Твоим, сподоблюся видети и славу Царствия Твоего на Небесе! Аминь.

Молитва Божией Матери

Нескверная, Неблазная, Нетленная, Пречистая, Невестная Богоневесто, Богородице Марие, Госпоже мира и Надеждо моя! Призри на мя, грешнаго, в час сей и егоже из

чистых кровей Твоих неискусомужно родила еси, Господа Иисуса Христа, Милостива мне содей Матерними Твоими молитвами; Того зревшая осуждения и оружием печали в сердце уязвившася, уязви душу мою Божественною Любовию! Того в узах и поруганиях горце оплакавшая, слезы сокрушения мне даруй; при вольном Того ведении на смерть душею тяжце поболевшая, болезней мя свободи, да Тя славлю, достойно славимую во веки. Аминь.

Останавливаясь, чтобы сделать паузу, я безмолвно взывала: «Господи, только не теперь, только не заberi ее от нас!..» С трепетом, глядя на матушку, думала: «Вот что такое Страстная Пятница для монахини... Боже мой – это же **соучастие Страданиям Христа...**» Я понимала, что происходит вышеестественное. С благоговением и страхом Божиим я не отрывала глаз от матушки: **«Боже, не дай нам ее лишиться...»**

Видимо, сильны были молитвы всех молящихся о монахине Надежде, так как после четырех часов дня она утихла и даже как-будто забылась сном. На цыпочках я вышла в соседнюю комнату, чтобы дать ей покой. Села на мамин диван и открыла Евангелие от Иоанна Богослова: *Отче Святыи! соблюди их во имя Твое, тех, которых Ты Мне дал, чтобы они были едино, как и Мы... Не о них же только молю, но и о верующих в Меня по слову их, да будут все едино, как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино...Отче! которых Ты дал Мне, хочу, чтобы там, где Я, и они были со Мною, да видят славу Мою, которую Ты дал Мне, потому что возлюбил Меня прежде основания мира. (Ин.17:7–26).*

Читая последние строки любимой главы, я вдруг впервые подумала: «Здесь, рядом с нами живет матушка... ведь ее может посетить и Сама – Елисавета Феодоровна». С этой неожиданной мыслью я встала и тихонько приоткрыла дверь в матушкину комнату. В эти самые мгновения она очнулась и как будто медленно возвращалась к этой жизни из глубокого забытья. Я пошла к ней, забыв себя. Ее лицо было невыразимо прекрасным, оно излучало свет. Оно было белоснежным, подобного не бывает у обычных людей на земле. Это лицо сияло кротким белым сиянием. С отрадой, глядя на меня ярко-

карими глазами, она произнесла каким-то новым, светлым голосом: «Матушка Великая – приходила... с двумя сестрами... Такие молодые, красивые... Матушка говорила: Зиночка, пойдем с нами. А я думаю: здесь-то еще – ничего. А что – там-то будет?! Матушка Великая мне ответила: Зиночка, не беспокойся, у нас – очень хорошо... Вечер Страстной Пятницы стал для нас Воскресением Христовым. Мы были счастливы посещением Матушки Елисаветы и тем, что Обитель оставила нам нашу матушку.

Однажды мы разговаривали о том, как просто и естественно нам, христианам, поддерживать друг друга. И как больно непонимание, разногласия и любое недобро меж людьми, самыми по существу близкими. Заканчивая один разговор о Любви Христовой, матушка Надежда сокрушалась: «Ну, за что, спрашивается, мне тебя не любить?! У нас – один Бог, одни грехи, одна жажда спасения, то есть и цели, и намерения и желания совершенно общие. Ну за что мне тебя не любить?!»

И незабвенные слова матушки из последнего записанного за ней разговора – через три дня она почти безболезненно ушла от нас – к себе домой – в Обитель.

«Надо дух свой поддерживать для другого, а то: что я буду вылезать? Я и сама падаю... Равнодушие – это ужасно: «Что я могу? – мне самой до себя», – это ужасно. Господи, помилуй. «Любовь ушла на Небо», – кто-то сказал. Страшная фраза, потому что, если ушла Любовь – мир должен погибнуть. Нет. Надо стремиться любить. Любовь – великое слово. Бог – есть Любовь. Значит, мы должны стремиться к ней, и сами – любить, любить.

Была бы Любовь на земле – на земле было бы небо.

Но мало, мало, мало – Любви у нас. Раньше было больше. И Любовь все холодеет, холодеет... Потому что раньше был в людях Бог... Господи, спаси нас, не бросай нас. Он говорит: «Я-то вас не бросаю, вы Меня не бросайте. Свою жизнь какую-то выдумываете». А мы все разные, и каждый по-своему хочет устроить жизнь – и получается такая разноголосица ужасная.

А вроде так легко – любить. Так приятно сделать человеку что-то приятное. К этому надо стремиться, и было бы счастье на земле. Но мир холодеет, холодеет...

Господи, научи Любить! И... хорошо бы жилось: стараться угождать каждому, никого не обидеть, не оскорбить... и жить как в Царствии Небесном.

Любовь – это, конечно, дар Божий. Любить человека настоящей жертвенной Любовью – это дар Божий. Недалеко сказать, мы жили две, я и сестра моя... Мы, как к нам с любовью – мы и повернули к нему. Только на нас покосились – уже: на что она мне нужна? И – не нужна. И повернули назад. А она добивалась, чтобы человека вернуть...

Настоящая любовь – это себя человек должен забыть. Что ему (любому другому) я могу дать?.. Любовь – это все, что надо для человека. Любовь не делает зла. Может быть, мы и не очень злые. Но что-то такое все время мешает: влезает, внедряется что-то такое внутрь.

Это надо гнать! Прямо в шею лупить...

Я знаю, что такое Любовь, а остальное – гоню!

Матушка Надежда ушла от нас тогда, когда мы этого вовсе не ждали. Не в скорбный день Страстной Пятницы, сопровождаемый скорбью всей вселенной, а в пресветлые дни Успения Царицы Небесной.

Перед Святой Плащаницей Божией Матери

Нежность всевозможных

белоснежных цветов...

Целую самые маленькие.

Глаза затуманивает.

И снова смотрю:

Ты тонешь в цветах,

(или на облаках)...

Мати

Всех

Скорбящих...

Так тонко сдвинуты брови.

Предельному злу и отчаянию

явленная Любовь.

Твоя Плащаница:
явь, побеждающая – псевдопрекрасное
и страшное – по-настоящему.
Всезнание
о самом Высоком Страдании
и о падении,
бездне причастного,
Одна назовешь:
«Мое несчастье!»
Как бы я жила без Тебя?!
меня бы не было...
Мы все – за ради
Твоего Милосердия,
Мати всех
обремененных грехми...
О, помоги
моей России – из этой ямы
на Руки Твои

* * *

О Свете Дня Небес!
В сей вечер –
Свеченье храма голубое
и всех одежд.
Благодарю Тебя и знаю,
что Он – Воскрес.
Святая Жизнь –
Твое дыхание,
Не гроб, но Крест

* * *

Тебя коснусь
Небес всех Нежность,
что повивала нам Младенца...
Наставь на Путь

* * *

Кто руки гневные
В Свои – как Ты –
возьмет?

Умолит, беды отвратит,
спасет?!

* * *

Мы – отмечтали...
Но сегодня
В Твоем сиянье
все возможно.
Ад – на земле.
Но – как на Небе –
взываем
Ангелы и люди –
к Тебе:

Спаси – всех

Двадцать шестого августа мы, за неимением даты установленной Церковью, – отмечали тезоименитство Святейшего Патриарха Тихона. В этот день нашу дорогую в последний раз причастили. И мы с матушкой, по обыкновению, прочли Акафист после Святого Причащения, написанный Владыкой Серафимом Звездинским.

Кондак 13

О Иисусе мой! Хлебе Живый, Хлебе Небесный, Хлебе Сладчайший, Хлебе Превожденне, Тобою питаются Ангели на Небесах преизобильно, благодарю Тя, яко и аз, странник и пришлец на земле сей, насытхся ныне Тобою. О, пища моя крепкая, питье неисчерпаемое, источниче безсмертия и жизни Подателю! О, Пасха таинственная, всечестная, Пасха непорочная, Пасха великая! Подавай мне истее Тебе причащаться в невечернем дни царствия Твоего! Подавай мне пети Тебе во вся веки – веки вся несчетныя, песнь великую, в вышних трегубо песнословимую: Аллилуиа! (трижды)

Матушка чувствовала себя не хуже, чем обычно. В светлый день Успения нашей Владычицы мы читали посвященную Ей подборку из святых отцов. Перепечатанная на старенькой пишущей машинке, она сохранилась на пожелтевших листочках до сего дня.

«Божия Матерь, Приснодева Мария – Высшее Существо из всех сотворенных разумных существ, несравненно высшее

самых высших Ангелов, Херувимов и Серафимов, несравненно высшее всех святых человеков. Она – Владычица и Царица всей твари, земной и небесной. Она – Приснодева. Имя Мария дано Ей по велению Божию и значит Госпожа». Епископ Игнатий Брянчанинов «Изложение учения Православной Церкви о Божией Матери».

Святой Амвросий: «Она была Девой не только по плоти, но и по духу: в сердце смиренна, в словах Богомудренна; говорила нескоро, всегда занималась чтением; в трудах была неустойчива; в беседах целомудренна, как бы всегда беседовала с Богом, а не с людьми. Никого не обижала, напротив, желала всем добра; никем не гнушалась, и даже самого убогого человека не презирала, ни над кем не смеялась, во всем видела только добро. Все слова, исходившие из уст Ее, изливали благодать; все дела дышали девственной чистотою. Ее наружный вид был образом внутреннего совершенства, и выражал незлобие и совершенство».

Святой Игнатий Богоносец пишет святому Евангелисту Иоанну: «У нас проходит о Ней слава, что сия Дева и Матерь Божия исполнена всех даров благодатных и всех добродетелей. Говорят, что Она в гонениях и бедах всегда весела, в нуждах и нищете – не скорбит, на огорчающих Ее не только не гневается, но и благодетельствует им; в благополучии кротка; к бедным – Милосердна и помогает им, как и чем может; крепко защищает веру против ее врагов и нашему еще юному благочестию Наставница и Учительница всем верным на всякое доброе дело. Более всего любит смиренных, потому что Сама исполнена смирения пред всеми и все Ее видевшие превозносят Ее похвалами. Неистощимо Ее терпение, когда насмехаются над Нею учителя иудейские и фарисеи».

В исторических описаниях святого Епифания и Никифора Каллиста: «Она... говорила очень мало, только о нужном и о добром, и слова Ее были сладостны. Охотно выслушивала других и отдавала всякому должное почтение. В своих беседах предлагала всякому только нужное и приличное. Никогда не смеялась и не приходила в возмущение. Обхождение Ее было кроткое и без гнева. Рост Ее был средний; цвет лица, как цвет

зерна пшеничного; волосы русые и несколько златоцветные; очи ясные, взор острый, зеницы подобны плоду масличному; брови немного наклоненные и темные; нос не короткий; лицо не совсем круглое и не острое, а несколько продолговатое; так же руки и пальцы продолговатые. В Ней не было никакой гордости, а простота без малейшего притворства; не было никакой изнеженности, а во всем совершенное смирение. Ее одежды были простые и не выкрашенные, чему доказательством служит Ее покрывало. Одним словом, во всех делах Ее божественно сияла преизобильная благодать».

«Все современники, удостоившиеся счастья видеть Пресвятую Богородицу во время земной Ее жизни, удостоверяют, что Ее внешность была запечатлена дивною красотою. Одежда Ее была всегда чужда роскоши и скромная... речь кроткая, льющаяся прямо из незлобивого сердца; обращение безыскусственное и простое. Вся красота Ее божественной души отпечаталась на Ее лице, но эта красота наружности была только прозрачным покрывалом, сквозь которое светились все добродетели непорочной красоты ума и души. Она Пресвятая Дева не только плотию, но и духом... в Ее лице сосредоточены все сокровища благодати... Все предстоят со страхом и трепетом пред Престолом Господа, как слабые творения пред Всесильным Творцом, а Пресвятая Богородица предстоит пред Ним с Материнским дерзновением, и многое может молитва Матери к Сыну и Богу нашему».

На третий день Успения на матушку было нападение бесов. Поздно вечером я вошла в ее комнату в тот момент, когда она вдруг стремительно встала с постели и сильными большими крестами начала осенять пространство комнаты вокруг себя – читая молитву Животворящему Кресту: *Да воскреснет Бог и расточатся врази его, и да бежит от лица Его ненавидящие Его. Яко исчезает дым, да исчезнут...* Никогда не забуду ее собранность, полыхающее сильным чувством лицо, сверкающие глаза... Сначала, от ошеломления, я ничего не поняла. Но в следующие секунды мне стало ясно, что матушка сражается с бесами – гонит их. Ограждая себя и вещи вокруг – крестным знаменем, она гневно трясла ковер над своей кроватью. В

первый раз в жизни я стала свидетельницей той войны, которую ведут святые с невидимыми врагами. Передо мной была воительница, которая не устрашилась нападения лукавых и мужественно их побеждала. Она не обращала на меня никакого внимания – иная, более серьезная реальность, сконцентрировала все ее внимание. Матушка вышла победительницей в этой схватке. Позже я читала в жизнеописании схиархимандрита Гавриила Седмиезерского, как он сражался с бесами, будучи прикован к смертному одру, – словами этой всесильной молитвы.

Два десятилетия спустя я пишу эти строки, вновь с волнением переживаю ушедшие минуты и вспоминаю эпизод из жизни Андрея Христа ради юродивого, описанный в письме замечательного Афонского старца, иеросхимонаха Ефрема:

Один святой просил Христа, чтобы ему простились его грехи и он удостоился бы последовать Ему, неся крест, чтобы стать учеником Его. И Христос его послушал.¹⁰³

Когда он молился, то пришел в молитвенный экстаз и увидел Самого Христа, Который спросил его: «Хочешь Мне последовать?» – «Да, Господи». – «Я вот что даю тем, кто Мне следует», – и дал съесть ему одно яблоко. Оно было очень сладким. Святой испытал блаженство и попросил еще.

«Хочешь и другое?» – спросил Христос и дал другое яблоко. Оно было страшно горькое, как яд, – сморщился святой. А вот и третье яблоко, – оно было так горько, что чуть было его не стошнило. Еле-еле овладев собой, потому что начал терять сознание, он сказал Христу; «Господи, с тем, что Ты дал, я не смогу следовать за Тобой».

Улыбнулся Христос и говорит ему: «Съешь, Андрей, и вот это яблоко, чтобы забыть горькие». А было оно настолько сладким, что едва он отведал его, – сразу же вошел духом в Рай. Увидел там красоты неизреченные, увидел души праведные и место их пребывания, увидел Ангелов и Архангелов, слышал песнь их: «Аллилуия»... увидел будущее упокоение праведных.

Через некоторое время он пришел в себя. Упал в ноги Христу и просит Его, дабы Он снизошел Своей Милостью и

учинил бы его среди Своих, дабы благодать Христова причислила и его к праведным Своим, дабы и он, по бесконечной Милости Господней, удостоился вкушать то, что видел.

Вот, брат, что мне дает Христос. Когда сладко, когда горько...

Из другого письма: Никто не взошел на Небо с удобствами. Но скорбями все проверяются и познаются: когда терпят, тогда и Любят Бога.

Когда Господь хочет помочь измученной душе, Он не освобождает ее от скорбей, а что? Терпение ей дарует... Когда задыхается душа и не может больше терпеть и готова впасть в отчаяние, тогда Бог посылает помощь...

То скорби и страдания, то радость и тому подобное – попеременно. Все смешано, такова жизнь человеческая. Единственное, о чем будем просить Бога, чтобы всегда исполнялась Его святая воля.¹⁰⁴

После вражеского нападения матушка пролежала несколько часов – в полном изнеможении... Бесам было за что ненавидеть монахиню Надежду. С потрясением я понимала, что это – месть лукавых за многое, что сделано ею для всех нас за этот год. Не имея сил победить матушку духовно: ввести ее в уныние, мрак, душевное расслабление... – они продолжили физическим нападением. На следующий день у матушки случился инсульт. «Нарушение мозгового кровообращения» – такой диагноз был поставлен третьей двоюродной сестрой матушки, которая была преуспевающим профессором медицины. Матушка частично потеряла способность движения всей левой части тела и говорила с большим затруднением, хотя мы понимали все ее слова.

Когда приехавшая к нам профессор поделилась с нами рассказом об удачной командировке в Алжир и уже готовилась встать со стула, матушка стала удерживать ее. Левая рука отказывалась ей служить и все время срывалась, но с непередаваемым духовным усилием она вновь хваталась за родные руки сестры.

Дальнейшее всегда вспоминаю, ощущая ком слез в горле. Обнимая руки, только что сделавшие ей три укола, с

незабываемым страдальческим лицом, которое выражало такую огромность чувства, что, казалось, оно способно сейчас растопить – камень, она раз за разом повторяла слова, которые вмещали в себя **все**: «Я люблю – тебя... Я – люблю тебя...» Но профессор явно торопилась, ей было ясно, что часы больной сочтены. Но нам она ничего не сказала и спешно уехала на своей личной машине. А мы с мамой, бесконечно расстроенные, не допускали и мысли о возможности близкой смерти драгоценного для нас человека.

У меня в глазах стоят эти минуты, слова матушки, вся ее боль и тоска о душах своих сестер, которым она была не нужна. Для которых глубоко чуждым и непонятным было все то, что для матушки было – свято, нерушимо. Ведь сестры матушки видели своими глазами и Фросеньку (монахиню Любовь) – общались с большой святой нашего времени – и так ничего и не поняли... Промыслы Божии неисповедимы.

Но у Бога нет ничего напрасного. Горе матушки, глубинное страдание души о своих близких, я уверена, не пропали даром. Сила ее духа была так пламенна, даже в последние часы – перед смертью, что, не сомневаюсь, Господь сжалился над ее сестрами. Нескольким людям в моем присутствии матушка повторяла в разных ситуациях: «Молитва не пропадает, не погибает. Нет напрасной молитвы. Раньше или позже она настигнет человека». Помню рассказ матушки – матери, отчаявшейся в спасении заблудшего сына. «Одна мать всю жизнь со слезами молилась за свое дитя – но так и не привела его к покаянию. Через несколько лет после ее смерти, настал и смертный час сына. Вдруг на рассвете кто-то постучал в его дверь. «Открыто», – ответил он слабым голосом, так как уже не имел сил встать. На пороге стоял священник. «Кто вы?!» – воскликнул больной. «Меня привела ваша мать, – ответил батюшка. – Она постучала в мое окно в ливень сегодня ночью. И умоляла немедленно идти к вам. Всю ночь под дождем мы были в пути. Не пойму, куда она исчезла, только что стояла рядом со мной...» «Но ведь она давно умерла!» – ответил больной и залился слезами. Молитвами матери, Господь даровал ему умереть после исповеди и причастия». «Никогда не

верь, что молишься напрасно! – говорила матушка. Верь в Милосердие Божие. Оно – всесильно! Оно неотступно – рядом. Если только мы сами не отвергнем – его».

Переживая вновь предсмертные минуты матушки, вспоминаю эпизод из жития святого Евангелиста Иоанна Богослова. Однажды, по прошествии нескольких лет, он вновь проезжал по тем местам, где уже звучало его слово. После первых его проповедей здесь возникла Церковь Христова. Разговаривая с местным епископом, он поинтересовался судьбой юноши, которого некогда крестил. Лицо Владыки омрачилось печалью: «Трудно выговорить: этот человек отпал от церкви, и сейчас возглавляет шайку разбойников... они скрываются в местных горах...» «Я немедленно еду разыскать его», – порывисто сказал Иоанн Богослов, будучи в то время уже седым старцем. На все уговоры не подвергать свою жизнь опасности он остался непреклонным. Ему оседлали коня. Достигнув гор, он начал подниматься по крутой тропе. Водимый Духом Святым, Апостол разыскал разбойника, который был так ошеломлен этой встречей, что, как мальчишка, стал убегать от святого, карабкаясь по крутому склону, хватаясь за колючий кустарник. «Остановись, дитя мое, – кричал ему вслед старец. – Я Люблю тебя. Пожалей мою старость – я не в силах тебя догнать. Вернись ко мне, твоему отцу. Вернись – к своей матери Церкви... Бог простит тебя! Нет ничего, что Он был бы не в силах простить. Я Люблю тебя! Я умолю за тебя – Христа... *Я возьму все твои грехи – на себя!...*»

На свете есть одна всевластная сила – сила Христовой Любви, которая ищет стремящееся найти ее – сердце. Обретает его и поселяется в нем, как в родном доме. И живет в нем, и действует через него, – начиная творить чудеса. Любовь, полыхавшая в сердце святого, – совершила чудо: обливаясь слезами, юноша вернулся к старцу – возвратился навсегда и к своему Господу.

Я верю, что за молитвы матушки Надежды, за святые молитвы Марфо-Мариинской Обители, – Бог помог обрести сестрам монахини Надежды путь, ведущий на Небо – дорогу домой...

Наша любимая матушка прожила здесь еще один день. Я поставила на ночь раскладушку для себя, вплотную к ее кровати, чтобы немедленно отозваться, если я ей понадобится. Но Ангел Господень взял ее душу так тихо, что я ничего не почувствовала. Проснувшись я рано утром от яркого солнечного света, который по-летнему заливал всю нашу комнату, празднично освещая – спокойное ясное лицо отошедшей из этого мира монахини. Мне было невыразимо горько, что я не присутствовала при ее последних минутах, но батюшка сказал: «Так было угодно Богу, совершающему все великое – тихо, чтобы мы воочию запомнили: смерть – это успение – тихий, мирный сон...

Все длится...
мамина улыбка,
молитва бабушки,
что всех нас берегла,
монахини уроки и отца,
благословенье старцев,
помощь близких,
молящиеся светлые глаза...
и птица, чье сердце
в ладонях детских стихло...
Несметное количество
разлук...
Но невозможно
разлучиться:
ни с детством,
ни с умершим,
ни с забывшим
тебя навеки –
любимых руки
выпустить из рук...

За несколько месяцев до матушкиной кончины, однажды, укладывая ее спать, я с нежностью подтыкивала вокруг нее края одеяла. И матушка вдруг – высвободила из-под него правую руку и приблизила мое лицо к своему: «Если я у тебя помру, клянись, что ты меня положишь – рядом с Фросей!» Всю

меня внутренне перетрясло от силы этих слов, этой любви. И я ответила: «Иначе не может быть, я обещаю всем сердцем...» Мы похоронили монахиню Надежду во Владычне – рядом с матушкой Любовью и архимандритом Сергием – в лучезарный, святящийся первыми желтыми листьями – сентябрьский день. И теперь, вспоминая ее, я шепчу слова нашего с матушкой любимого стихотворения Александра Солодовникова:

Лен, голубой цветочек,
Сколько муки тебе суждено.
Мнут тебя, треплют и мочат,
Из травинки творя полотно.
Все в тебе обрекли умиранью,
Только часть уцелеть должна,
Чтобы стать драгоценною тканью,
Что бела и тонка, и прочна.
Трепли, трепли, меня, Боже!
Разминай, как зеленый лен.
Чтобы стал я судьбой своей тоже
В полотно из травы превращен.

Незримый миру, ведомый одному Богу, – подвиг тихой жизни матушки Надежды – согрел наши души, осветил и еще озарит – пути многих.

Незримый миру, ведомый одному Богу, – подвиг тихой жизни матушки Надежды – согрел наши души, осветил и еще озарит – пути многих.

Один священник, посетивший матушку Надежду, когда она, уже похоронив Фросю, жила в той же бедной хибарке – совершенно одна во Владычне, вспоминал ее рассказы, ее святую простоту. Он рассказывал, как она вышла провожать его за околицу к кладбищу, где лежали ее самые любимые – батюшка Сергей и матушка Любовь. Отец М. уходил, и все оглядывался на сухощавую фигуру старой монахини, которая опиралась на палку. Большая духовная сила ощущалась в ее скромном облике. Матушку отличала печать врожденного достоинства. Ее безмолвная молитва, исполненная Христовой Любви, призывала на этот мир Покров Великой Обители. С наворачнувшимися на глаза слезами священник все оглядывался

на монахиню, осенял ее крестом и все не мог расстаться с ней сердцем.

И я иду каменистым путем этой жизни и, кажется, год за годом удаляюсь от того бесценного времени, когда могла слышать матушкин голос, смотреть в ее глубокие глаза. Казалось, над ней было не властно время. Но на самом деле я не могу с ней расстаться, и все оглядываюсь вновь и вновь, и снова приникаю сердцем к ее простым, живительным словам. Как недостойна я тебя... На коленях благодарю Бога за счастье вспоминать все бывшее и учиться у тебя каждый год, как сначала. И как тогда, ты животворишь всех, прибегающих к тебе. Ты выполнила послушание, данное тебе Божиим Милосердием. Ты напомнила, что Бог – так щемяще близок всем нам. Когда нам плохо, мы становимся родными Ему, и Он бесконечно жалеет каждого. Никто никогда не может так Любить нас – ибо Он Любит нас – до смерти...

Благодаря тебе, родная матушка, мы узнали, что твоя Обитель рядом – и ждет наших светлых дел, чтобы принять нас к себе. Вечная тебе память, радость наша!

Заключение

Милосердие никого не осуждает,
любит врагов, полагает душу за друзей,
соделывает человека Богоподобным.

Святитель Игнатий Брянчанинов

И человеческое добро, и человеческое зло на земле суть введение и приготовление для человека к вечной жизни либо в Царстве вечного Божиего добра – в Раю, либо в царстве вечного дьявольского зла в аду.

Рай не что иное, как осуществленное Евангелие, пережитое-прочувствованное Евангелие. Более того, Рай – это прочувствованный человеком Господь Христос в полноте Его Богочеловеческой личности. А Христос живет в человеке посредством Своих Богочеловеческих добродетелей. Они постепенно проникают в душу и неотступно выталкивают из нее грех, зло, смерть и дьявола, а власть передают добру, Любви, истине, бессмертию и Богу»¹⁰⁵.

Люди, о которых идет речь на страницах этой книги, сознательно выбрали Добро, выбрали Бога, – как единственный источник всякого Блага. Они были готовы пожертвовать всем на свете, и даже своей жизнью, для того, чтобы Доброе, Святое и Вечное – побеждало. Побеждало – в них самих, и – во всех, кого они встретили на своем пути.

Помню простые наставления матушки Надежды: «Вот читаешь житие святого и на каждом шагу – остановись: что этими словами мне Господь хочет сказать? Здесь – Он явно грех нераскаянный мне напоминает. А вот тут – в самую глубину нашу заглянул. Ждет, что сердце отзовется. Как Петр после крика петуха – ощутил на себе взгляд Христа и – заплакал... Не забывай, Господь гораздо в большей мере, чем человек, ждет ответа на Свою Любовь к нам, недостойным...»

Знаменитая блаженная – Паша Саровская, которую посетили Государь и Государыня в период прославления преподобного Серафима, предсказала Царю грядущие на Россию и Династию бедствия. Все последующие годы она

ставила портреты Царя, Царицы и всей Семьи – в святой угол, земно кланялась перед Ними и предсказывала, что *Государь – выше всех Царей будет*. Когда уже не доставало сил, ее под руки поддерживали келейницы, и она делала земные поклоны с их помощью. Великая блаженная со слезами говорила, что на этих портретах ее родные, любимые, с которыми она скоро будет – жить вместе.

Но на самом деле и мы – в ожидании близкой встречи со всеми нашими ушедшими родными и любимыми святыми – с которыми мы готовимся всей нашей жизнью – жить вместе.

Матушка Надежда говорила: «Если нам особенно дороги эти святые, мы должны что-то делать в Их память – подражать Им в меру своих слабых сил. Ведь любовь к человеку, тем более святому, подсказывает нам, что у нас с Ним есть что-то общее – роднящее нас». Если нас глубоко восхищает жизнь Великой Княгини Елисаветы, значит, мы сами стремимся делать что-то, подобное тому, что делала Она. Если мы преклоняемся перед святыми Царственными мучениками – значит, мы хотим, чтобы Их мысли и чувства наполняли нашу жизнь – были и нашими путеводными звездами – в Царство Небесное.

Человек часто глубоко страдает в этом мире от одиночества, от неразделенности его лучших мыслей и чувств. Но с нами рядом, в непосредственной к нам близости, наши родные усопшие, удостоившиеся, по Милости Божией, – Рая. Совсем близко от нас – наши святые, которым **всегда есть до нас – дело**. Которые касаются наших душ Божественным благоуханием Своих святых помыслов и намерений... желая еще на земле приобщить нас к Небесной жизни.

Несмотря на наше недостойство – будем стремиться к единению с Ними всем существом. Я спросила матушку Надежду: «Как же я могу обращаться к Елисавете Феодоровне, Государю, Императрице... ведь я такая грешная?!» «Так оттого – Им нас – еще жалче! – с чувством произнесла матушка. – Ведь Они прошли тот же путь борьбы со своим несовершенством, который заповедан всем христианам. Не надо забывать, что кроме нашей настоящей вины, дополнительные греховные состояния нагнетает в каждом человеке – дьявол. Нет на земле

беспорочного человека – Свят один Христос. Но мы-то грешить не хотим, не хотим огорчать наших Небесных родных, нашего любимого Господа, для Которого – мы, никчемные, – не только дороги, – драгоценны. Если бы мы понимали все это на самом деле – мы были бы счастливы каждый час делать что-то угодное Богу. Искали бы малейшего повода – сотворить хоть малое – добро...» Не будем верить бесу, который гипнотизирует каждого не защищенного молитвой человека: «ты – лишь комок грязи, и веди себя соответственно...» Будем верить Богу, Который создал нас, Своих детей, чтобы мы жили с Ним в Его Царстве Святости. И если мы грешим, не желая этого, Господь всегда, как мать родная, готов омыть Свое дитя в таинстве покаяния от скверны греха. Готов дать ему Свои силы на борьбу со злом, обновить и оживотворить его Своими Святыми Тайнами во Святом Причащении. Если мы любим преподобных, мучеников, праведных, значит, – нам дорого все подлинно красивое, возвышенное, благородное. Ведь святые – это наиболее близкие Богу и даже, в меру слабых человеческих возможностей, – похожие на Него, люди. И Христос хочет – видеть в каждом из нас – Своего близкого.

«Не теряйся, если тебе плохо, если непрерывные напасти и искушения, если в тебе и вокруг бушуют страсти... – это только свидетельство ненависти к нам демонов, – говорила матушка Надежда. – Гадкие помыслы, тяжкие душевные состояния – это все – не наше! Все это – ничто: одна «мечта бесовская». Не впечатляйся нападениями врага, внешними и внутренними. Это только **«демонов немощные дерзости»**. Нападки лукавого полезны нам, чтобы разглядеть свое ничтожество, чтобы искреннее, отчаянное взывать к Небесам, к родимым нашим заступникам и благодетелям. Ничего мы без наших святых не сможем. И первая среди них – Царица Небесная. Все святые повторяли: без молитв Матери Божией, без Ее Милостивого предстательства к Богу за нас, окаянных, – *не было бы ни одного спасенного*».

И славу, которую Ты дал Мне, Я дал им.

(Ин.17:22)

«О! Любовь, Божественная Любовь, которой нет предела.

О! Любовь, Божественная Любовь, которая ради человека сотворила мир невидимый и этот – видимый, в котором все явствует, все указывает, все поет, все славословит, все воспевает день и ночь повсюду и всегда – незримое, но сладчайшее и радостотворное присутствие Твое: бесконечность Мудрости Твоей, бесконечность Любви Твоей, бесконечность Милосердия Твоего – своей тишиной, своим молчанием, своей красотой, своим благоуханием, своим таинственным славословием.

О! Благоуханное, таинственное, молчаливое славословие Бога творениями Его!

О! Боже мой! Отверзи очи души моей, да узрю и я величие природы Твоей. Отверзи слух души моей, да услышу и я это пение, этот напев Твой.

О! Любовь, Божественная Любовь, которая ради человека все свои Таинства преподнесла нам в дар: даром благодать Крещения, даром Миропомазание, даром Святое Тело Твое и Кровь, даром и сам – Твой Рай.

О! Любовь, Божественная Любовь: из Любви к человеку Господь оставил Небо и пришел, надел терновый венец... (Из немыслимой, невыразимой к нам Любви – Господь) распялся на Кресте.

О! Любовь, Божественная Любовь, – Иисусе Христе, Ты ожидаешь, что мы придем к Тебе, но вместо того, чтобы нам прийти, Ты Сам пришел. Пришел к нам и многообразно являешься в каждом из нас: жертвуешься, зришься, осязаешься, вкушаешься и пиешься...

Ядущие меня еще будут алкать, и пьющие Меня еще будут жаждать (Сир.24:23).

О! Любовь, Божественная Любовь. Из Любви к нам, Господи, Ты воззвал и постоянно зовешь. *Я – свет миру. Я, свет, пришел в мир (Ин.8:12,12:46).* О! Свет, Свет предвечный... сладчайший мой Свет, просвети мрак мой, развей, Свет мой, темноту мою, помрачение мое...

О! Душе моя, душе моя, доколе будешь иметь очи твои закрыты?

Я сам их себе закрыл – **тем моим** непослушанием.

О! Душе моя, душе моя, как же я оскорбил тебя. Когда вспоминаю это, а об этом я помню всегда, то, как другой Петр, горько плачу горестными слезами.

Но приди и ты, душа моя, к Свету, хоть ты и слепа. Он, Свет, откроет тебе очи, и ты снова увидишь Его, и яко другой Фома возопиешь: *Господь мой и Бог мой! (Ин.20:28)...*¹⁰⁶

Два последние письма Великой Княгини Елисаветы, перепечатанные на пишущей машинке, я получила из рук матушки Надежды. Перечитывая эти драгоценные строки, я испытываю удивительное чувство: будто слова Великой Княгини, адресованные Своим духовным детям, обращены – ко всем нам. Это Она, ушедшая от нас на Небо, – глубоко страдает **за всех нас**, слабых и немощных, но глубоко любящих Ее. Будто Она Сама, болезнуя сердцем, говорит нам: *Как я вас оставляю, мои деточки, как вас утешить, как укрепить?* Ведь сколько христиан не имеет сейчас духовных отцов, не знает великого молитвенного подкрепления, которое дарило крылья, вдохновляло на настоящую жертвенную жизнь прежних христиан. И следующие Ее слова мы – можем прочувствовать, как сказанные лично нам: *Помните, мои родные все, что я вам говорила. Всегда будьте не только мои дети, но послушные ученицы. Сплотитесь и будьте, как одна душа – все для Бога, и скажите, как Иоанн Златоуст: «Слава Богу за все!»* Да-да, все что Она думала, говорила, писала – предназначалось не только тем, кого Господь поставил непосредственно подле Нее. Все наставления Матушки Великой и Сама Ее жизнь – есть Благословение Божие, идеал для подражания – великому множеству людей, способных их воспринять – отозваться собственной сердечной глубиной на глубину души – Великой Княгини Елисаветы.

Я буду жить надеждой скоро опять быть с вами, и хочется всех найти вас вместе. В этих строках ощущаю упование Великой Княгини обрести нас всех, любящих Ее, – в Царствии Небесном, рядом с Собой. Ей хочется до конца нашей жизни видеть нас – сплоченными вокруг Ее Пресветлого имени.

Первое письмо

«Господи, благослови.

Да утешит и укрепит всех вас Воскресение Христово. В 6 часов проехали Ростов, вечером Троице-Сергиеву... Да сохранит нас всех с вами, мои дорогие, преподобный Сергей, святитель Димитрий и святая Евфросиния Полоцкая. Мы очень хорошо едем. Везде снег.

Не могу забыть вчерашний день, все дорогие милые лица. Господи, какое страдание в них, о, как сердце болело. Вы мне стали каждую минуту дороже. Как я вас оставлю, мои деточки, как вас утешить, как укрепить? Помните, мои родные все, что я вам говорила. Всегда будьте не только мои дети, но послушные ученицы. Сплотитесь и будьте, как одна душа – все для Бога, и скажите, как Иоанн Златоуст: «Слава Богу за все!»

Я буду жить надеждой скоро опять быть с вами, и хочется всех найти вас вместе. Читайте вместе послания Апостолов, кроме Евангелия. Старшие сестры, объединяйте сестер ваших. Просите архимандрита Тихона «цыпляточек» взять под свое крылышко. Устройте его в моей средней комнате. Мою келью – для исповеди, и большая – для приема.

Если нигде не будет опоздания, тогда на пятый день только пребудем. Екатерина вернется скорее к вам, все расскажет, как мы устроились. Нам даны очень милые Ангелы-Хранители. Мало спали, потому что думы, думы ползут. Спасибо за провизию. По дороге достанем еще. Стараюсь читать преподобного Сергия. У меня с собой Библия, будем читать, молиться и надеяться.

Ради Бога, не падайте духом. Божия Матерь знает, отчего Ее Небесный Сын послал нам это испытание в день Ее праздника.

«Господи, верую, помоги моему неверию». Промыслы Божии неисповедимы».

Второе письмо

«Господи, благослови.

Дорогие мои детки, слава Богу, что вы причащались: как одна душа вы все стояли перед Спасителем. Верю, что Спаситель на этой земле был с вами всеми, и на Страшном Суде эта молитва опять станет перед Богом, как Милосердие друг ко другу и ко мне.

Не могу выразить, как я до глубины души тронута, обрадована вашими письмами. Все без исключения вы мне написали, что будете стараться жить так, как я часто с вами об этом говорила.

О, как вы теперь будете совершенствоваться в спасении. Я уже вижу начало благое. Только не падайте духом и не ослабевайте в ваших светлых намерениях, и Господь, Который нас временно разлучил, духовно укрепит. Молитесь за меня, грешную, чтобы я была достойна вернуться к моим деткам и усовершенствовалась для вас, чтобы мы все думали, как приготовиться к вечной жизни.

Вы помните, что я боялась, что вы слишком в моей поддержке находите крепость для жизни, и я вам говорила: «Надо побольше прилепиться к Богу. Господь говорит: «Сын Мой, отдай сердце твое Мне, и глаза твои да наблюдают пути Мои». Тогда будь уверен, что все ты отдашь Богу, если отдашь Ему свое сердце, т.е. самого себя.

Теперь мы все переживаем одно и то же, и невольно только у Него находим утешение нести наш общий крест разлуки. Господь нашел, что нам пора нести Его крест. Постараемся быть достойными этой радости. Я думала, что мы будем так слабы, не доросли нести большой крест. «Господь дал, Господь и взял. Как угодно было Богу, так и сделалось. Да будет имя Господне благословенно навеки».

Какой пример дает нам святой Иов своей покорностью и терпением в скорбях. За это Господь потом дал ему радость. Сколько примеров такой скорби у святых отцов во святых обителях, но потом была радость. Приготовимся к радости быть

опять вместе. Будем терпеливы и смиренны. Не ропщем и благодарим за все.

Я читаю сейчас чудную книгу святителя Иоанна Тобольского. Вот как он пишет: «Милосердный Бог сохраняет, умудряет и умиротворяет сердечно предавшихся Его святой воле – всякого человека, и теми же словами поддерживает и укрепляет его сердце, – не преступать воли Божией, внушая ему таинственно: ты находишься всегда со Мной, пребываешь в Моем разуме и памяти, безропотно повинешься Моей воле. Я всегда с тобой, с любовью смотрю на тебя и сохраняю тебя, чтобы ты не лишился Моей благодати, Милости и даров благодатных. Все Мое твое: Мое небо, ангелы, а еще больше Единородный Сын Мой «твой есмь и Сам Я есмь твой и буду твой, как обещался Я верному Аврааму. Я твой щит, награда Моя велика, вечно на веки веков» (Бытие). «Господи мой, ведь Ты мой, истинно мой... Я Тебя слышу и слова Твои сердечно исполнять буду». Скажите эти слова каждый день, и вам будет легко-легко на душе.

«Надеющиеся на Господа обновятся в силе, подымут крылья, как орлы, потекут и не устанут, пойдут и не утомятся» (Исаия). «Господи, верую, помоги моему неверию». «Дети мои, станем любить не словами или языком, а делом и истиной» (Послание).

Благодать Господа нашего Иисуса Христа с вами, и любовь моя со всеми вами во Христе Иисусе. Аминь. Ваша старая богомолица и любящая мать во Христе. Матушка»

И в Своем последнем письме Матушка Великая сквозь строки, посвященные Ее духовным сестрам, выражает надежду, что и мы будем стараться жить так, как Она нам всем об этом Своей жизнью говорила. Велика Ее жажда видеть каждого из нас – совершенствующимся в спасении. *Только не падайте духом и не ослабевайте в ваших светлых намерениях, и Господь, Который нас временно разлучил, духовно укрепит*, – эти слова предназначены нам с вами. И далее следует целая страница Ее наставлений, которым нет цены: Господь говорит; «Сын Мой, отдай сердце твое Мне, и глаза твои да

наблюдают пути Мои». Тогда будь уверен, что все ты отдашь Богу, если отдашь Ему свое сердце, т.е. самого себя.

И когда нам придется понести самый тяжелый в своей жизни крест – эти строки станут нашим подкреплением на всю оставшуюся жизнь, ведь ими поддерживала Себя и Своих близких Великая Княгиня Елисавета: *Я думала, что мы будем так слабы, не доросли нести большой крест. «Господь дал, Господь и взял». Как угодно было Богу, так и сделалось. Да будет имя Господне благословенно навеки. Вслед за Ней будем уповать, что после Великой скорби нам будет уготована Радость. И все наше отчаянно горькое – лишь подготовка к Радости быть вместе с Елисаветой Феодоровной, преподобным Серафимом, Царственными мучениками и всеми любимыми нашими святыми на Небесах: Будем терпеливы и смиренны. Не ропщем и благодарим за все.*

Далее Она, словами святителя Иоанна Тобольского, делится с нами Своим сокровенным: *«Милосердный Бог сохраняет, умудряет и умиротворяет сердечно предавшихся Его святой воле – всякого человека... напоминая, что главное – всеми силами стремиться не преступать Воли Божией».*

Дай, Боже, нам почувствовать великую силу ободрения, заключенную в Матушкиных цитатах. Всесвятой Господь таинственно внушает тебе и мне: ты находишься всегда со Мной, пребываешь в Моем разуме и памяти, безропотно повинешься Моей воле. Я всегда с тобой, с любовью смотрю на тебя и сохраняю тебя, чтобы ты не лишился Моей благодати, Милости и даров благодатных. Все Мое твое: Мое небо, ангелы, а еще больше Единородный Сын Мой «твой есмь и Сам Я есмь твой и буду твой, как обещал Я верному Аврааму. Я твой щит, награда Моя велика вечно на веки веков» (Книга Бытия).

После этих строк, дарующих святое прозрение нашим грустным душам о неизреченной близости к нам Бога – Его великой ко всем нам Любви, мы с трепетом повторяем вслед за Елисаветой Феодоровной слова, излившиеся из глубины Ее души: *Господи мой, ведь Ты мой, истинно мой... Я Тебя слышу и слова Твои сердечно исполнять буду. Скажите эти слова каждый день, и вам будет легко-легко на душе. Дай, Господи,*

навсегда сохранить эти наставления в сокровенной глубине наших сердец.

Матушка Великая кончает последнее в Своей жизни письмо фразой Апостола Павла: *Благодать Господа нашего Иисуса Христа с вами, и любовь моя со всеми вами во Христе Иисусе. Аминь.* Слова эти, произнесенные почти две тысячи лет назад, воспринимаются Ее собственными. Ибо каждый истинный последователь Христа непременно становится, маленьким или большим, Его Апостолом. Такой равноапостольной святой стала и наша любимая Матушка. Как знаменитые святые первых веков христианства, обратившие ко Христу миллионы язычников, Великая Княгиня Елисавета является просветительницей христиан последних времен. И если мы называем преподобного Сергия Радонежского – Игуменом всея Руси, то ощущаю Великую Княгиню Елисавету – Игуменией всея Руси. Недаром в видении сестры Евфросинии, в Царствии Небесном, подле Престола Божия, мы видим Ее – рядом с преподобным Сергием Радонежским. Пусть кто-то скажет, что Елисавета Феодоровна не была игуменией в собственном смысле слова. Ее Обитель не считалась монастырем, а только общиной людей, посвятивших себя служению Христу. Кто-то решается утверждать, что Великая Княгиня не была в монашеском постриге. Но каждый, ощутивший благоговение перед святыней Ее облика, – знает, что Она избранница Неба от утробы матери. Есть избранные Божии, Которым с рождения суждено монашество. Несколько духовных лиц из Зосимовой пустыни рассказывали мне, что Матушка Великая была пострижена старцем Алексием в Великую схиму – в Зосимовой пустыни – с именем Алексии, в честь святителя Алексия, митрополита Московского. Кто-то называет эти сведения – Церковным преданием, ибо все документы тех лет уничтожены. Но монашество Великой Княгини светится в Ее облике. Она – Ангел Божий во плоти. Слава Богу, есть вещи, которые не нуждаются в документальных подтверждениях. Среди них – монашеское целомудрие.

Более важно то, что Обитель Елисаветы Феодоровны каждый день была готова принять в число своих тружениц –

любую душу, преданную Господу, – мечтающую о монашестве или не смеющую о нем мечтать. Рядом с Елисаветой Федоровной – были княжны и простые деревенские девочки. Для Матушки Великой – не имеет никакого значения, к какому сословию мы с вами принадлежим. Думаю, на Небе многие простые крестьянки станут – княжнами по Духу. Как, например, Фросенька – матушка Любовь. Для Елисаветы Феодоровны важно в нас только одно: Любим ли мы Христа, готовы ли подтвердить свою Любовь – молитвами, внутренним устройством душ, нашими делами... Для Обители, как и для Господа, – неважно: молодые мы или пожилые, способны ли на активную внешнюю деятельность, ради служения Ему, или в своей физической немощи – мы можем подарить Христу – только наше постоянно доброе расположение ко всем людям, сердечное участие в чужих скорбях, посильную помощь близким, что совсем – немало. Матушка Надежда утешала всех больных: «Люди теперь не в силах нести прежних высоких послушаний Богу, но вместо них избранным Своим Бог дарует болезни и скорби. Болезнью не потщеславишься... Поэтому пусть страдальцы не ощущают себя никчемными, никому не нужными: не печалются, что не могут совершить внешние добрые дела. Главные добрые дела для Господа – чистота помыслов, преданность и Любовь к Нему». Богу важно – чтобы в нас жил и проявлял себя – дух Его **Божественного Милосердия**. И если мы причастны ему – мы можем с дерзновением умолять Великую Княгиню Елисавету – принять нас в число Своих сестер. Многие тысячи людей не могут сегодня найти монастырь, в который им хотелось бы поступить. Причем, для Бога, как и для Обители, не имеет значения, в мужском или женском роде мы именуемся на земле, ибо в Царствии Божием, – нет ни мужчин, ни женщин, и все пребывают словно Ангелы на Небесах... Матушка Великая и сегодня говорит каждой любящей Ее душе (как когда-то утешала будущую матушку Надежду): «...Все равно ты наша сестра, только не в стенах наших. Мы сестер в другие города на послушания отпускаем – вот, представь, что мы тебе послушание дали – послужить маме...» (или любое другое

доброе служение совершить). Долгие годы Зиночка жила этой надеждой – дожждаться дня поступления в Обитель. Даже имя, полученное ею в монашеском постриге, запечатлело ее многолетнее ожидание... Красной нитью сквозь все ее воспоминания – звучит голос Великой Княгини Елисаветы: «... Ты веришь мне? Будешь, будешь, душенька, час придет и – будешь в Обители. И сама не заметишь – вот ты тут. Веришь мне?» Так и сегодня с великой Своей лаской и Любовью повторяет Матушка Елисавета эти слова – стремящимся в горнюю Обитель. Как часто мы чувствуем себя в этой жизни – заброшенными, ненужными, одинокими. Но это – неправда. Мы – не одиноки – ведь у нас есть Любовь и сострадание к нам, грешным, – Небесного Ангела – Великой Княгини Елисаветы

Помню, как меня поразила фраза преподобного Онуфрия, сказанная в Царствии Небесном будущей матушке Любви. Когда она, изумленная нездешней красотой Обители, – произнесла: *«Какая великая Обитель...»*, – преподобный ответил ей: **«Она может вместить – весь мир»**.

Мы помним, что Фросенька наблюдала в Раю – как Великая Княгиня Елисавета и батюшка Сергей – одного за другим вносят в Обитель расслабленных. Значит, и сегодня попасть в Обитель может и больной, и нищий, и всячески немощный, лишь бы его душа была причастна – добрым, страдающим – Милующим. Мы знаем, что перед главными мгновениями Литургии, прежде чем дерзать просить Господа о совершении самого великого на земле чуда, – пресуществления простых земных веществ – хлеба и вина – в Пречистые Тело и Кровь Христовы, священник произносит: *и просим, и молим и мили ся деем...* То есть батюшка смиренно желает видеть свое сердце умиленным и Милостивым. Способным бесконечно снисходить, болезновать, сострадать... жалеть всех одинаково – праведных и – грешных. (Ибо Ты, Господи, создал нас по образу и подобию **Твоему** – значит, Ты создал нас Любящими и Милующими. *Ибо Имя Твое – Любовь*. Ты хочешь, чтобы над всеми нами сбылось Твое благословение: *да будете сынами Отца вашего Небесного; ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных. Ибо,*

если вы будете любить любящих вас, какая вам награда... (Мф.5:45–46).

Милосердие Божие столь невероятно, что по сей день в мире, где зло разрослось неимоверно, Бог продолжает равно Любить Своих чад, как мать любит всех своих детей: здоровых, больных и убогих. Бог одинаково хочет спасти лучших и худших, церковных и заблудших. Именно эту заповедь дал в напутствие преподобный Онуфрий будущей матушке Любви в Царствии Небесном: «Люби всех – равно».

В наше время мало тех, кто спасается подвигами прежних святых: редки великие постники, те, кто проводят ночи в бдении, носят вериги, спят на земле, творят непрестанную молитву... Но жалеть, сострадать, Миловать страждущих – что проще, естественнее, привлекательнее для христианской души. Милосердие – это, безусловно, – самый легкий и прямой путь ко спасению.

Всегда буду повторять слова матушки Надежды, которые она оставила нам в наследство: *Ископай... в сердце своем кладезь Милосердия ко всякой твари Господней. Сердце жестокое и немилосердное – никогда не очистится пред Господом.* Когда матушка ушла от нас, и годы спустя я открыла сочинения великого Исаака Сирина, прочла: *начало пути жизни – поучаться всегда умом в словесах Божиих и проводить жизнь в нищете*¹⁰⁷ и с изумлением осознала: ведь именно так и жила наша матушка – в нищете и постоянном напоминании себе всех заветов Божиих. Она говорила: «Мы легко забываем самое главное – поэтому нужно не отмахиваться: я это знаю! – а терпеливо поучаться Слову Господню – каждый день».

Искренняя любовь моей подруги к книге о старце Силуане – сделала ее столь близкой преподобному, что он взял ее душу, – под свой молитвенный покров и подарил ей свое имя – при постриге. Светлана бесконечно почитала Великую Княгиню Елисавету и всю Обитель Милосердия – и стала последовательницей Их трудов. Подлинная христианская Любовь способна сделать близкими людей еще на земле. Тем более, если один из любящих – на Небе. Все дорогие друг другу – хотят быть вместе. Значит все, кто подтвердит жизнью свою

Любовь к Елисавете Феодоровне – обязательно войдут в Ее святую Обитель. Ибо *Обитель – может вместить весь мир –* кающихся грешников.

Прошли годы после возвращения матушки Надежды к себе домой – в любимую Обитель. Но дело Великой Княгини Елисаветы продолжается. В Ее святую память создаются многочисленные сестричества, такие как в Алапаевске. Не без воли Матушки Великой, территория новой обители граничит с напольной школой. Здесь всегда приютят, накормят, примут с любовью каждого, кто постучал в дверь. Все здесь очень скромно, но Дух Великой Княгини посещает место святое сие... Обитель практически не имеет средств к существованию и очень нуждается в помощи добрых людей... Как хочется, чтобы дух Святой Обители Милосердия – изливался на всю нашу родную землю, чтобы жизнь простых людей – была ее продолжением. Ведь для этого Господь пересадил Свой лелейный цветок – юную жизнь немецкой принцессы Гессенской – на русскую почву, где Ее Небесные дарования смогли процвести незабываемым цветом...

Недавно стала свидетельницей телефонного разговора моей знакомой с родственниками новопреставленной рабы Божией Т. (последние ночи двадцатитрехлетняя девочка ухаживала за умирающей старушкой, которую до этого не знала.

Как могла, облегчала страдания. У больной были уже и пролежни, которые гнили). «Какое счастье, – говорила она, – отстрадалась, – умерла! Батюшка сказал, великая радость умереть на Пасху. Воскресение – завтра, но Христос уже Воскрес! Не плачьте! Особое утешение Божие обещано людям уходящим в эти дни. Она ведь верующая была, хотя в храм почти не ходила – жизнь страшная, советская. Но покаялась. Пособоровали, причастили. Когда приходила в себя, мы тут же молились вместе. А после второго причастия оставшиеся дни, в забытии, всего два слова говорила: «Царство Небесное, **Царство Небесное...**» «Благодарите Бога! – утешала она плачущую родственницу покойной. – Какая Милость Божия к падшему человеку. Мне в первый раз в жизни не страшно было

с умирающей. Уже и глаза подернулись пленкой, пена изо рта всю ночь – агония. А я ухаживаю – и такая **радость**. Совершается Великий переход человека. Думаю: тут ведь Господь рядом, Ангелы – только невидимо, тайно... Вот она, Пасха, сбывается для нас...» Она говорила, почти плача, вся светилась...

Двери Марфо-Мариинской Обители Милосердия – открыты для всех нас.

«Какая глубокая Любовь, – писал о деятельности Обители Великой Княгини Елисаветы диакон С. Иванов. – Нет того горя, нищеты, того зловония душевного и телесного, невероятных страданий, которые остановили бы неземную Любовь этих сестер».

Но к этой глубине жизни – призвана каждая человеческая душа. Ибо любая душа – христианка и, значит, – каждая – призвана быть маленькой обителью Бога – Обителью Милосердия.

Перед ликом Святым Твоим

В последнее время я, как никогда раньше, ощущаю святой взгляд Великой Княгини Елисаветы Феодоровны на всех нас. Как будто Она о чем-то спрашивает, чего-то ждет – от каждого. Преосвященный Анастасий – Первосвятитель Русской Зарубежной Церкви времен революции говорил, что для Великой Княгини Елисаветы не было законченного курса. Каждый день Она начинала, как первый, являясь прилежной ученицей – обстоятельств, дел, встреч. Нерасторжимо пребывая в молитве с Господом, Она внимала Ему сквозь всех и вся. Наверное, поэтому в Ее присутствии казались освященными самые ничтожные вещи и преображались люди.

Как я хочу, чтоб каждый день
в Ее глаза – все мы глядели.

Пусть канет в нас
тот кроткий взгляд,
что силу взял от колыбели –
вселенской нежной колыбели
Христа.

Чтоб самой тонкой
встрепенуться
струною сердца.

И отозваться –
до конца!

И жить – начать.

Чтобы понять,
что выше птицы

Она тебя зовет
стремиться –
к Богу.

Высь набрать,
пока мы живы.

И не осыпан край могилы –
моей.

Святейший лик,

еще мы можем
к Тебе припасть.
(Все ближе миг
и – не поможет – ничья молитва...)
О, не остави до конца, Ее мольбой,
Благая Мать.
Успею ль я Христу воздать?!
Ведь всех нас здесь соединила
Ее Любви святая сила,
чтоб Чистотою овеять –
сияньем лилий.¹⁰⁸
Спаситель мой,
не дай солгать.
Остаток дней
дай устоять,
здесь –
на краю Ее могилы,
чтоб миги Смерти постигать –
Святыню Смерти...
Принцесса Ангельского мира,
Ты Чистоте весь свет учила.
О умоли –
не изменять душе своей.
Ты жить могла – как умирать.
Превозмогла
Христовой силой:
душе, Кресту – не изменила
* * *

В тысячекратно меньшей мере,
не на одних словах – на деле,
как ты – Христу,
дай жизнь отдать.

Великая Княгиня Елисавета оставила нам немного словесных наставлений. Ее дела и молчание по сей день наполняют землю и небо. Она незабвенна для каждого, кто узнал Ее при жизни или после смерти. Как нетленно то, что принадлежит в нас – самой сокровенной глубине... Была ли

скорбь, явная или тайная, на которую бы Она не отозвалась? Она так глубоко воспринимала горе каждого, как будто Ее день вмещал больше минут и часов, и сердце не знало, что такое «уставать».

Состраданию Твоему

И невозможное сумевшая успеть...

Крылами мир объять –
и ни луча, ни тени
не нарушить.

И на сердце принять
дожди безвестных слез.

Натянутость всех струн
незримо облегчить –

для вечности
оттаивая души.

Как дети,
беззащитные пред болью,

(то сострадание
всесильнее молитвы) –

словами не умея,
в ладони дышат –

греют
обмерзшую иль умершую птицу...

И так желают
возвращения жизни,
что чудо – происходит.

На одном из своих дообительских портретов, Она утопает руками в белых цветах, как будто Она – или они – Ее продолжение.

Великой Княгине Елисавете

Что ж ты плачешь, глупая душа,
иль и ты коснулась Чистоты?

Иеромонах Роман

Ты на одном
из светских портретов
предстала
на фоне голубом

в одеждах белотканых,
как будто свыше облекали
Тебя атласной тканью
из лепестков.
Тобой являя
не земное тело –
отсутствие оков, пределов,
которых Ты не в силах перейти:
с цветком –
небесным даром Чистоты
сливалась жизнь,
Творцу уподобляясь...
(запомни – удержи!)
Так руки погружала
в живые розы,
будто бы сейчас их к сердцу привлекала,
иль вынула
из самой души.
Жасмин Фавора
белоснежный,¹⁰⁹
живой, нетленный –
зов совершенства.
Тобою дай мне надышаться,
наглядеться,
чтоб глубиной принять
все, что без звука хочешь
сказать

* * *

И как тогда,
так ныне
смиренная в цветах
Обитель.
Склоненья лилий,
воздеяние ветвей.
И, кажется, от белых камней
цветет мольба,
возносится горе.

И столько лет
без всяких перемен:
отсутствие крестов,
колоколов,
опустошенье стен...
И несмотря на это,
озарены
земля, и сад, и храм —
Обителью Небесной:
поток хрустальных сил
Творец пролил,
надеждой нас святою оживляя —
восстанет мир!
О снизойди...
О воздохни над всеми,
надо мной —
мольбой коснись:
пролей ту каплю
Чистоты,
чтоб хлынул ливень
из глубин души —
омыл мои
грехи.

Лицу Твоему

Неотразимый Свет —
бездонный лик —
слова не постигают
их значенья.
Как в первый раз,
душа в ошеломленье
и перед Вышним,
замерев, стоит:
душа и ум, и сердце —
на коленях.
Твое лицо —
Небес всех снисхожденье...
Печалью для Себя

нас сбереги,
не подвергай намеренья
Сомненью

* * *

И там, молю –
очей не отведи.

Матушке Великой

В тайне Неба слова о Тебе...
О Твоей светозарной судьбе
Не сложить ни поэм, ни стихов:
Словно Ангел, вне плоти оков,
Все томилась в пределах земных,
И подвластен лишь музыке стих
И стихии наитий Твоих.
Не внимали, и редкий познал...
Жизнь, взывает, как горний хорал.
Твой рассвет – цвет на зимних ветвях,
В покаянных пронзает дождях...
И в глазах всех сестер, матерей
Отражается лилий нежней,
Утишая пучину скорбей.

Примечания

¹ - Марфо-Мариинская Обитель Милосердия. М., Синодальная типография. 1914.

² - Митрополит Анастасий. Светлой памяти Великой Княгини Елизаветы. Цит. по книге; Материалы к житию преподобномученицы Великой Княгини Елисаветы. М., 1996.

³ - Воспоминания матушки Надежды частично были использованы в книге «Подвижники Марфо-Мариинской Обители милосердия» (М., 2001). Здесь они публикуются полностью.

⁴ - В случае ожога 70 % кожи – смертельный исход считается неизбежным.

⁵ - Пестов Н.Е. Из воспоминаний об основоположниках Марфо-Мариинской Общины в Москве.

⁶ - Любовь Миллер. Святая мученица Российская Великая Княгиня Елисавета Феодоровна. М., 1994

⁷ - «...кто знает Великую Княгиню, тот поймет, что иначе Она поступить не могла... по Своему характеру всепрощающая, (Елисавета Феодоровна) чувствовала потребность сказать слово утешения и Каляеву, столь бесчеловечно отнявшему у Нее мужа и друга...». Из воспоминаний В.Ф. Джунковского.

⁸ - Материалы к житию Преподобномученицы Великой Княгини Елисаветы. М., 1996.

⁹ - Материалы к житию Преподобномученицы Великой Княгини Елисаветы. М., 1996.

¹⁰ - Архиепископ Анастасий. Светлой памяти Великой Княгини Елизаветы Феодоровны.

¹¹ - Протопресвитер Михаил Польский. Новые мученики Российские. Джорданвилль, 1949.

¹² - Дневник священника 51-го Драгунского Черниговского Ея Императорского Высочества Великой Княгини Елизаветы Феодоровны полка Митрофана Васильевича Сребрянского. М., 1996.

¹³ - Н. Е. Соколова. Под покровом Всевышнего. М., 2001.

¹⁴ - Внучка протоиерея Квинтилиана – последнего духовника архимандрита Сергия (Сребрянского).

¹⁵ - Домашнее чтение Святого Писания, святых отцов, житий... Старинный обычай русской семьи, который украден у современного человека с помощью СМИ. На днях мне подарили фотографию: двое за столом, а на экране выключенного телевизора – проявившееся изображение – бес. Всем понятно, кто сегодня вещает с экранов. Хуже того, и через безобидную информацию, используя 25 и 36, – не воспринимаемый зрительно – кадр, – сегодня можно внедрить самую убийственную информацию – в подсознание доверчивого зрителя. Телевизор – давно средство массового зомбирования в интересах тех, кто хочет сделать всех людей в подобие себе – врагами Христа. Присутствие телевизора в православном доме допустимо лишь для просмотра православных фильмов.

¹⁶ - Угодник Божий Серафим. Т. 2. Издание Спасо-Преображенского Валаамского монастыря. 1999.

¹⁷ - Православное детство. Сборник душеполезных рассказов. М., Паломник. 2000.

¹⁸ - Угодник Божий Серафим. Т. 2. 1999.

¹⁹ - Записки и письма игумении Таисии, настоятельницы Леушинского монастыря. М., 2000.

²⁰ - Старец Ефрем Катунакский. Русский хронограф. М., 2002.

²¹ - Святитель Григорий Палама. Беседы (Омилии), ч.3, беседа 44.

²² - Священник Александр Ельчанинов. Записи. Рига. 1991.

²³ - Инок Всеволод (Филипьев).

²⁴ - Желаю всем христианам прочесть книгу о замечательном старце: О жизни схииеромонаха Виталия. Новоспасский монастырь. М., 2004.

²⁵ - Пасхальная память. СПб., 2002.

²⁶ - Владимир Мономах – сын Вел. Кн. Всеволода Ярославича и внук Ярослава Мудрого; с 1113 г. – правитель Руси – венчан на царство (в Оружейной Палате в Москве –

шапка, держава, скипетр и бармы). Скончался на 74 г. жизни – 19 мая 1125 г.

²⁷ - Годы спустя я встретила у нескольких святых страшные рассказы о загробной участи убиенных матерями некрещеных детей. Об этом можно прочесть у Паисия Афонского, Феодосия Кавказского.

²⁸ - Маргарит. Издание Святой Афонской Горы Русского Пантелеймонова монастыря. М., Типография И. Ефимова. 1882.

²⁹ - Сегодня эти замечательные страницы, многие десятилетия недоступные читателю, наконец, переизданы: Великие русские старцы. Жития, чудеса, духовные наставления. Трифонов Печенегский монастырь. «Новая книга». «Ковчег». 2002.

³⁰ - Н.Балуева-Арсеньева. Великая Княгиня Елисавета Феодоровна. Материалы к житию. Письма, дневники, воспоминания, документы. Сестричество во имя Преподобномученицы Великой Княгини Елисаветы. Православный Свято-Тихоновский Богословский институт. М., 1996.

³¹ - Как грустно напоминает дальнейшее описание то, что происходит сегодня с нашими собственными детьми, которые часами смотрят по телевизору фильмы ужасов, читают «Гарри Поттера», выпущенного на масонские деньги столь крупными тиражами, что в Москве ими заставлены многочисленные стенды в мелких и крупных книжных магазинах. В кинотеатрах демонстрируются фильмы с аналогичным названием. Без изображения этого персонажа, влекущего наших детей в преисподнюю, сегодня трудно купить детскую тетрадку, ластик...

³² - Паисий Афонский: «Телевидение нанесло людям огромный вред. Особенно разрушительно оно действует на маленьких детей. Как-то ко мне в каливу пришел семилетний мальчик со своим отцом. Я видел, как устами ребенка вещал телевизионный бес, подобно тому, как бес говорит устами одержимых». Таким вот образом, с помощью телевидения, некоторые хотят оболванить мир... Телевизор, вернее те силы, которые действуют через него, с легкостью заселяют

внимающих ему – бесами. Увы, это не метафора. От нескольких высоко духовных людей слышала: «Все, кто смотрел по телевизору сеансы Кашпировского, Джуны, Чумака и им подобных, – нуждаются в отчитке». Но гипнотические фильмы ужасов мало чем отличаются от этих сеансов по силе страшного воздействия на психику детей и взрослых.

³³ - Пастырь добрый. Жизнь и труды московского старца протоиерея Алексея Мечева. М., 2000.

³⁴ - Божией Милостью архиерей Русской Церкви. Московский Сретенский монастырь. 2002.

³⁵ - Архимандрит Софроний (Сахаров). Старец Силуан. Подворье Русского на Афоне Свято-Пантелеимонова монастыря. М., 1996.

³⁶ - Аудиокассета. Детям России. «Два Ангела парили».

³⁷ - Архимандрит Тихон (Агриков). У Троицы окрыленные. Воспоминания. Часть 1, 1950–1955 гг. Пермь, 1998.

³⁸ - Курсивом отмечены слова духовных чад отца Тихона.

³⁹ - Сборник «Собеседник». М., 1996.

⁴⁰ - Серафим Роуз. Душа после смерти. Киев. 2003.

⁴¹ - Протоиерей Андрей Логвинов. Небесный госпиталь. М., 2002.

⁴² - Полностью рассказ монахини Сергии помещен в газете «Духовная нива», 1997 г., №2 (9).

⁴³ - Из повести С.А. Нилуса «Служка Божией Матери и Серафимов».

⁴⁴ - Юрий Воробьевский. Стук в золотые врата. Видеолента.

⁴⁵ - Из жития преподобного Василия Нового. Жития святых, 26 марта.

⁴⁶ - В виде эфиопов часто являются и изображаются бесы.

⁴⁷ - Великие русские старцы. Жития, чудеса, духовные наставления. Трифонов Печенегский монастырь, Новая книга, Ковчег. 2002.

⁴⁸ - Подробнее в книге: «Житие старца Аристоклия». М., Подворье русского на Афоне Свято-Пантелеимонова монастыря в Москве. 2003

- ⁴⁹ - Подробнее: Альманах «К свету». СПб., Родник. №2.
- ⁵⁰ - Подробнее см. в книге архимандрита Симеона (Холмогорова) «Схиархимандрит Гавриил, старец Спасо-Елеазаровой пустыни». СПб., 1996.
- ⁵¹ - Архимандрит Серафим Тяпочкин (1894 – 19 апреля 1982).
- ⁵² - Старец Паисий Святогорец. Слова. Т. II. Духовное пробуждение. Издательский дом «Святая гора». М., 2001.
- ⁵³ - Святитель Василий, епископ Кинешемский. Беседы на Евангелие от Марка. М., Отчий дом. 2003.
- ⁵⁴ - Святитель Игнатий Брянчанинов. Т. 1. СПб., 1905.
- ⁵⁵ - Марфо-Мариинская Обитель Милосердия. М., Синодальная типография. 1914.
- ⁵⁶ - Протопресвитер М. Польский. Новые мученики Российские. Джорданвилль, 1949.
- ⁵⁷ - Игуменья Таисия. Письма к новоначальной инокине. СПб., 2003.
- ⁵⁸ - Старец Ефрем Катунакский. Русский хронограф. М., 2002.
- ⁵⁹ - Пастырь добрый. Жизнь и труды московского старца протоиерея Алексея Мечева. М., 2000.
- ⁶⁰ - Игуменья Таисия. Письма к новоначальной инокине. СПб., 2003.
- ⁶¹ - Святитель Николай (Велимирович). Из книги: Святая Троица. М., 2004.
- ⁶² - Старец Ефрем Катунакский. Русский хронограф. М., 2002.
- ⁶³ - Москва. Книготорговец А. Д Ступин. 1894.
- ⁶⁴ - Воспоминания епископа Арсения об отце Иоанне Кронштадтском. Православное Благотворительное Братство во имя Всемиловитого Спаса. М., 1992.
- ⁶⁵ - Пасхальная память. Издание храма Казанской Божией Матери. 2003.
- ⁶⁶ - Признак живой рыбы то, что она плывет против течения... Отечник.

- ⁶⁷ - Сидоров Л.В. Храни в сердце печаль... М., 1998.
- ⁶⁸ - Пастырь добрый. Жизнь и труды московского старца протоиерея Алексея Мечева. М., 2000.
- ⁶⁹ - Отец Владимир родился в день Преподобного Онуфрия и может просить его о помощи нам – сугубо.
- ⁷⁰ - Не оставляю вас сиротами. М., Паломник. 1999.
- ⁷¹ - Беседы преподобного Серафима о цели христианской жизни. Братство блаженного Германа Аляскинского. Сан-Франциско, 1968.
- ⁷² - Православный мир. 1969, №5.
- ⁷³ - Подобное восприятие есть достояние святости – и сугубо было присуще русским святым всех времен. И сегодня подтверждено кровавым мироточением нескольких икон Спасителя (наиболее известное – в с. Державине, с 1999г. – начало активного присвоения ИНН в России). Кроме этого кровоточат: образ Божией Матери «Умягчение злых сердец», икона святых Царственных мучеников; Казанской Божией Матери, Блаженной Ксении, святой праведной Матроны в Клину и другие. На днях стало известно, что Распятие в одном монастыре стоило источать кровавое миро.
- ⁷⁴ - Из сочинений святителя Димитрия Ростовского. Издание Сретенского монастыря. 1996.
- ⁷⁵ - Старец Ефрем Катунакский. Русский хронограф. М., 2002.
- ⁷⁶ - Святитель Игнатий (Брянчанинов). Аскетические Опыты. Т. 1.
- ⁷⁷ - Матушка нередко советовала в помощь к исповеди использовать «Мытарства Феодоры» – замечательный текст X века.
- ⁷⁸ - Новомученики и исповедники Российские. Святые мученицы Пузовские Евдокия, Дария, Дария, Мария. Мурманск. 2002.
- ⁷⁹ - Серафимово послушание. Жизнь и труды Н.А.Мотовилова. Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря. М., 1996.

⁸⁰ - С. В. Марков «Покинутая Царская Семья. 1917 – 1918. Царское Село – Тобольск – Екатеринбург». М., «Паломник», 2002.

⁸¹ - Первое собрание материалов. Составил протопресвитер М. Польский. 1949.

⁸² - Сретенский монастырь; Новая книга; Ковчег, 1999.

⁸³ - Государыня Императрица Александра Феодоровна Романова. Дневниковые записи, переписка, жизнеописание. Братство Преподобного Германа Аляскинского, Платина, Калифорния; Российское Отделение Валаамского Общества Америки, М., 1999.

⁸⁴ - Свидетельства современников о Царской Семье. Материалы для жития и акафиста. М., Московский Сретенский монастырь; Новая книга, 1997.

⁸⁵ - Крестный путь Царственных мучеников. Свидетельства современников о Царской Семье. Материалы для жития и акафиста. М., Московский Сретенский монастырь; Новая книга, 1997.

⁸⁶ - Энель. Жертва. Новый Сад. 1925. С.15.

⁸⁷ - Крымский Афон, № 6/1998–1/1999.

⁸⁸ - Пасхальная память. Издание храма Казанской иконы Божией Матери. 2003.

⁸⁹ - Все должны это знать. Свято-Успенский монастырь, №1, 1999. С. 37.

⁹⁰ - Многие люди, если заговорить с ними о Царе – светлеют, лица их обретают необычайно теплое выражение, конечно, не отдавая себе отчета, они слышат молитвы о себе Государя. Но на вопрос: «А молитесь ли вы Царю?» отвечают: «Нет» или: «Читаю акафист в памятные дни». Но это совершенно недостаточно.

⁹¹ - Сегодня она, осуществлена. Но та ли это канонизация, которой ждали от нас на Небе?! Русский народ по-прежнему в большинстве своем – нераскаян в грехе цареубийства. Службы в Царские дни – в редких храмах. Даже молебны святым страстотерпцам почти нигде нельзя заказать: не принимают. Что призываем мы сами на свою голову?!

⁹² - Чудеса Царственных мучеников. Т. 1 (выпуск третий). Собрал и составил прот. А. Шаргунов. М., 2001.

⁹³ - Все должны это знать.

⁹⁴ - Чудеса Царственных мучеников. Т. 1 (выпуск четвертый).

⁹⁵ - Там же.

⁹⁶ - Используемые в главе материалы цитируются по книгам: «Дивный Свет. Государыня Императрица Александра Феодоровна Романова»; «Царственные мученики в воспоминаниях современников»; «Крестный путь Царственных мучеников»; «Письма святых Царственных мучеников из заточения».

⁹⁷ - Игумен Серафим. Православный Царь мученик. Из книги «Святой Царь Николай II-ой и новые мученики российские: пророчества, чудеса, открытия и молитвы. Ставрос. Москва. 2004.

⁹⁸ - Все цитаты взяты из книг: «Крестный Путь Царственных мучеников»; «Царственные мученики в воспоминаниях верноподданных»; «Новые мученики Российские»; «Письма святых Царственных мучеников из заточения».

⁹⁹ - Желая ознакомиться с письмами Матушки Великой могут прочесть их в книге «Великая Княгиня Елисавета. Материалы к житию». Сестричество во имя Преподобномученицы Великой Княгини Елисаветы. Свято-Тихоновский богословский институт. М., 1995.

¹⁰⁰ - Новые мученики Российские. Собрание материалов. Составил протопресвитер М. Польский. 1949.

¹⁰¹ - Вяткин В. В. Христовой Церкви цвет благоуханный: жизнеописание преподобномученицы Великой Княгини Елисаветы Феодоровны. М., 2001.

¹⁰² - Пасхальная память. Издание храма Казанской иконы Божией Матери. 2003.

¹⁰³ - Житие Андрея Христа ради Юродивого. СПб., 2001.

¹⁰⁴ - Старец Ефрем Катунакский. Русский хронограф. Москва. 2002.

¹⁰⁵ - Преподобный Иустин (Попович). О рае русской души. Минск, 2001.

¹⁰⁶ - Старец Ефрем Катунакский.

¹⁰⁷ - Иже во святых отца нашего Аввы Исаака Сириянина слова подвижнические. Правило веры. М., 1993.

¹⁰⁸ - «Где бы ни появлялась, Она вносила с Собой чистое благоухание лилии. Быть может, поэтому Она так любила белый цвет. Это был отблеск Ее души» (Протопресвитер Михаил Польский).

¹⁰⁹ - При открытии святых мощей Великой Княгини Елисаветы Феодоровны – весь храм наполнился (по воспоминаниям Граббе) благоуханием «как бы меда и жасмина одновременно». Нетленная правая кисть Великой Княгини, сохраняющая движение для крестного знамения, была помещена в ковчег с непробиваемым стеклом. Святыню отправили в Америку, в главный Синодальный собор «Знамения» Божией Матери в Нью-Йорке – для совершения службы канонизации новомучеников и исповедников Российских в Зарубежной Церкви. На следующий день на обратной стороне стекла ковчега появились капли благоуханного мира.